

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024
Том 23. №2

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Адрес редакции: ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. А205, Москва 105066

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Международный редакционный совет

Николя Айо (Университета Фрибура, Швейцария)
Джеффри Александер (Йельский университет, США)
Ян Вальсинер (Университет Альборга, Дания)
Гэри Дейвид (Университет Бенгли, США)
Владимир Камнев (СПбГУ, Россия)
Александр Марей (НИУ ВШЭ, Россия)
Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)
Альбер Ожьен (Высшая школа социальных наук, Франция)
Энн Роулз (Университет Бенгли, США)
Ирина Савельева (Россия)
Ирина Троцук (РУДН, Россия)
Никита Харламов (Университет Альборга, Дания)

Учредители

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Александр Фридрихович Филиппов

Редакционная коллегия

Главный редактор
Александр Фридрихович Филиппов
Зам. главного редактора
Марина Геннадиевна Пугачева
Члены редколлегии
Светлана Петровна Баньковская
Дмитрий Юрьевич Куракин
Александр Владимирович Павлов
Наиль Галимханович Фархатдинов
Руслан Заурбекович Хестанов

Литературные редакторы

Максим Сергеевич Фетисов
Александра Вадимовна Карпезова

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Верстальщик

Анастасия Валериановна Меерсон

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присылать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социологии
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнометодология и разговорный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получить сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: farkhatdinov@gmail.com.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2024
Volume 23. Issue 2

ISSN 1728-1938

Email: puma7@yandex.ru

Web-site: sociologica.hse.ru/en

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A205, Moscow, Russian Federation 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

International Advisory Board

Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)
Gary David (Bentley University, USA)
Nicolas Hayoz (University of Fribourg, Switzerland)
Vladimir Kamnev (Saint-Petersburg State University, Russia)
Nikita Kharlamov (Aalborg University, Denmark)
Alexander Marey (HSE University, Russia)
Peter Manning (Northeastern University, USA)
Albert Ogien (EHESS, France)
Anne W. Rawls (Bentley University, USA)
Irina Savelieva (Russia)
Irina Trotsuk (People's Friendship University of Russia, Russia)
Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

Establishers

HSE University
Alexander F. Filippov

Editorial Board

Editor-in-Chief
Alexander F. Filippov

Deputy Editor
Marina Pugacheva

Editorial Board Members
Svetlana Bankovskaya
Nail Farkhatdinov
Ruslan Khestanov
Dmitry Kurakin
Alexander Pavlov

Copy Editors
Maxim Fetisov
Alexandra Karpezova

Russian Proofreader
Inna Krol

Layout Designer
Anastasia Meyerson

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА И ГОРОДСКОЕ (СО-)УПРАВЛЕНИЕ

От авторов	9
Градостроительная реформа: (не) правовое регулирование в российских городах <i>Наталья Волкова</i>	11
“Убирай или убирайся”. (Само)управление, сообщество и гражданство в новых жилых комплексах в российских городах <i>Любовь Чернышева</i>	39
Свои люди — сочтёмся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере <i>Всеволод Бедерсон, Элеонора Минаева</i>	67
Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах <i>Елена Тыканова, Ирина Шевцова, Анна Желнина</i>	90
Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России <i>Андрей Семенов</i>	120

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Multipolarization or Cosmopolitanization? Moving Towards an Indeterminate World <i>Abbas Jong</i>	147
Social Randomization: Can Lotteries be a General-Purpose Device to Deal with Societal Issues? <i>Alexander Shkurko</i>	176
«Социетальное сообщество» Т. Парсонса в теоретико-эмпирической трактовке Дж. Скиортино <i>Ирина Троцук</i>	204

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Был ли Макиавелли поклонником демократии <i>Тимофей Дмитриев</i>	231
---	-----

Вернер Зомбарт как критик техники 260
Александр Михайловский

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ И ЭКОЛОГИИ

Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных
Европейского исследования ценностей 283
Алиса Смигельски, Борис Соколов, Анна Немировская

На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латтура как средство
преодоления климатического кризиса 311
Иван Наумов

ОБЗОРЫ

Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая
концепция 340
Никита Панфилов, Руслан Дохов

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

От искусствоведения к социологии искусства и культурологии:
в поисках новых методологических подходов 364
Ольга Жукова

Социальные медиа, фейковые новости и совещательная демократия 379
Сергей Ушкин

РЕЦЕНЗИИ

Проникнуть за дискурс 392
Леонид Бляхер, Константин Григоричев

Разумная достаточность, или Как избежать ошибки коллекционера 397
Степан Львов

Contents

URBAN POLICY AND URBAN (CO-)GOVERNANCE

Authors' foreword	9
Urban Planning Reform: (Non-)Legal Regulation in Russian Cities <i>Natalia Volkova</i>	11
«Clean Off or Get Out». (Self)Governance, Community and Citizenship in New Large Housing Estates in Russian Cities <i>Liubov Chernysheva</i>	39
Centralization of Municipal Powers in Urban Development <i>Vsevolod Bederson, Eleonora Minaeva</i>	67
Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts <i>Elena Tykanova, Irina Shevtsova, Anna Zhelnina</i>	90
Processuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia <i>Andrei Semenov</i>	120

SOCIOLOGICAL THEORY AND RESEARCH METHODOLOGY

Multipolarization or Cosmopolitanization? Moving Towards an Indeterminate World <i>Abbas Jong</i>	147
Social Randomization: Can Lotteries be a General-Purpose Device to Deal with Societal Issues? <i>Alexander Shkurko</i>	176
T. Parsons' "Societal Community" in G. Sciortino's Theoretical-empirical Interpretation <i>Irina Trotsuk</i>	204

POLITICAL PHILOSOPHY

Was Machiavelli a Proponent of Democracy? <i>Timofey Dmitriev</i>	231
Werner Sombart as a Critic of Technology <i>Alexander Mikhailovsky</i>	260

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL CONSERVATION AND ECOLOGY

Environmental Attitudes and Emancipative Values: Evidence from
the European Values Study 283

Alisa Smigelski, Boris Sokolov, Anna Nemirovskaya

On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means
of Addressing the Climate Crisis 311

Ivan Naumov

REVIEWS

Not Only Natural Resources: Extractivism as an Organizing Concept 340

Nikita Panfilov, Ruslan Dokhov

REFLECTION OF A BOOK

From Art History to Sociology of Art and Cultural Studies: in Search of New
Methodological Approaches 364

Olga Zhukova

Social Media, Fake News and Deliberative Democracy 379

Sergei Ushkin

BOOK REVIEWS

Penetrate Beyond the Discourse 392

Leonid Bliakher, Konstantin Grigoriev

Reasonable Sufficiency, or How to Avoid Collector's Fallacy 397

Stepan Lvov

Городская политика и городское (со)управление

Современный город в социологической перспективе символизирует разнообразие и динамизм: плотные и интенсивные потоки людей, информации, материальных и нематериальных объектов формируют крайне нестабильный и малопредсказуемый пространственный (landscape) и временной (timescape) ландшафты. Как из этого хаоса рождается и переопределяется порядок? Как возможна координация различных игроков городского управления: от жителей с их повседневными нуждами комфортной среды, доступного транспорта и чистоты улиц, до застройщиков с их интересами максимизации пространственной и финансовой прибыли, и архитекторов, отстаивающих эстетическую и функциональную составляющую облика городского пространства? В данном тематическом разделе мы представляем результаты ряда исследований, которые смотрят на проблему координации в городском управлении с разных сторон и позволяют сделать вывод о том, что городской порядок поддерживается целым набором инструментов и практик, разворачивающихся на формальных и неформальных аренах взаимодействия, а также с привлечением множества игроков. Иными словами, порядок в городе возникает не в результате действия каких-то централизованных сил или политики, а по итогам направленных усилий жителей, чиновников, экспертов в области городского планирования и множества других сторон при осмыслении и предъявлении своих интересов друг другу.

Исследования в данной подборке статей объединяет фокус на трех ключевых элементах городского управления: игроках, аренах и практиках/инструментах координации. В русле исследований, посвященных «городскому соуправлению» («urban governance») ¹, наш тематический блок охватывает широкий круг участников взаимодействия: от местных жителей, практикующих «силовое соседство» для поддержания порядка в новом жилищном комплексе, до экспертов в области городского планирования, осуществляющих перенос практики «правового зонирования» в новый контекст. Авторы анализируют действия игроков как на формальных (в городских и региональных парламентах и бюрократических учреждениях), так и на неформальных аренах — уличных акциях протеста и соседских чатах. Такой охват позволяет сделать некоторые (предварительные) выводы о паттернах и механизмах координации действий в пространстве современного города.

Во-первых, все исследования объединяет тема динамизма: положение игроков относительно друг друга встроено в контекст широких изменений и достигает лишь относительного равновесия, требующего переопределения в результате более широких трансформаций. Статья *Наталии Волковой* на примере «Правил землепользования

1. Reddel T., Woolcock G. (2004). From Consultation to Participatory Governance? A Critical Review of Citizen Engagement Strategies in Queensland // Australian Journal of Public Administration. № 63. P. 75–87; Pierre J. (2011). The Politics of Urban Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

и застройки» демонстрирует, как перенос этого инструмента в российский контекст усилиями специалистов по городскому планированию и законодателей, начавшись как попытка адаптации к рыночным условиям, завершился существенным изменением в его содержании и имплементации. В частности, градостроительная реформа, сопровождавшаяся изменениями в репрезентации и процедурах ПЗЗ, привела к (рас)координации акторов городского управления: застройщиков, горожан как участников публичных слушаний и т. д. Исследование *Всеволода Бедерсона* и *Элеоноры Минаевой* демонстрирует, как застройщики при переносе градостроительных полномочий с муниципального на уровень региона координируют свои интересы, а также реагируют на «сигналы сверху» от представителей публичной власти. *Андрей Семенов* предлагает новый аналитический инструмент для отслеживания последовательности взаимодействий ключевых игроков, вовлеченных в городские конфликты: горожан (активистов), чиновников, застройщиков и других сторон, и показывает, насколько разнообразной может быть динамика таких взаимодействий.

Во-вторых, в статьях данной подборки описывается, как игроки, арены и практики/инструменты координации зачастую выступают в роли «медиаторов» интересов различных групп. Важные вопросы, обсуждаемые авторами, это условия, при которых чиновники становятся проводниками интересов горожан на формальных аренах (см. статью *Елены Тыкановой*, *Ирины Шевцовой* и *Анны Желниной*); каким образом и насколько эффективно инструменты городского планирования служат «фокальными точками» для обсуждения проблем городского развития (этому сюжету посвящена статья *Наталии Волковой*); насколько часто «четвертая сторона» — посредники становятся участниками городских конфликтов (как показывает анализ *Андрея Семенова*). Внимание к роли «четвертой стороны» имеет важное эпистемологическое значение для развития научной дискуссии в социологии города, в которой зачастую делается акцент исключительно на конфронтации жителей и застройщиков/власти, игнорируя роль посредников.

Наконец, объединяя выводы этих материалов, мы резюмируем, что игроки, арены и практики/инструменты координации в городе тесно переплетены и могут быть разделены лишь аналитически: по большому счету горожане — жители одного высотного ЖК на окраине города — в исследовании *Любови Чернышевой* в своих спорах о заботе и управлении общим имуществом реагируют на политику «респонсибилизации», инициированную федеральной и региональной властью. Одним из проявлений «неолиберального коммунитаризма», в свою очередь, является перенос и адаптация практики правового зонирования, позволяющие инкорпорировать интересы застройщиков в процесс городского развития. Последние, в свою очередь, используют множество арен (от партии власти до городских ассамблей и региональных legislatur) для продвижения своих интересов, которые, однако, не всегда реализуются на практике, поскольку жители обладают собственной агентностью и набором инструментов для сопротивления. Такая сетевая комплексность, с одной стороны, подтверждает модель «городского соуправления», с другой — ставит множество новых вопросов для современной социологии города.

Градостроительная реформа: (не)правовое регулирование в российских городах*

Наталья Волкова

MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), преподаватель, Московская архитектурная школа (МАРШ), научный сотрудник ТОО НИИ «Алматыгенплан»
Адрес: ул. Нижняя Сыроматинская, 10, стр. 2, Москва, 105120, Российская Федерация
E-mail: nataliya.a.volkova@gmail.com

В статье представлен анализ инструмента градостроительного планирования — Правил землепользования и застройки (ПЗЗ), который является ключевым элементом российской градостроительной реформы 2000-х годов. Основная проблема в работе городского права и планирования — высокая изменчивость норм, которая ставит под сомнение их легитимность, поскольку они перестают регулировать отношения, а лишь описывают их. В результате встает ряд вопросов. Как возникает динамика норм и почему инструмент регулирования, который предсказуемо работал в зарубежной практике, при внедрении в российскую практику начинает вести себя иначе? Как инструмент ПЗЗ изменяется в ходе градостроительной реформы и как его действие структурирует ход реформы? Зависит ли это от его структуры или от тех концептуальных оснований, на которые он опирается? Как способ работы ПЗЗ связан с их переносом из неоллиберальной экономической системы в постсоциалистическую, что это говорит об особенностях постсоциализма? Существующие исследования в области институционального анализа не дают ответов на эти вопросы, но позволяют рассматривать способы упорядочивания социальных отношений в конкретных ситуациях. На материале опубликованных документов, полевых исследований, в том числе глубоких и экспертных интервью, включенных наблюдений, в статье представлена попытка предложить альтернативный способ описания работы ПЗЗ. В отличие от неoinституционализма, акторно-сетевая теория и социальная топология предлагают концепт координации, позволяющий рассматривать работу инструмента ПЗЗ как координацию процессов на четырех уровнях: (1) согласования локальных интересов с помощью технических элементов ПЗЗ; (2) адаптации новых инструментов управления на уровне государства; (3) синхронизации различных реформ и процессов изменений; и (4) совмещения различных эпистемологических перспектив. Предложенный подход показывает, что высокая изменчивость норм ПЗЗ связана с различными способами их использования: от локальных взаимодействий до проектирования и реализации реформ с акцентом на временной синхронизации различных процессов.

Ключевые слова: Правила землепользования и застройки, градостроительная реформа, социальная топология, координация, неoinституционализм, правовое зонирование

Между институтами и акторами

Социологи при рассмотрении российского городского планирования, как правило, используют два основных способа его описания: с точки зрения институционального анализа или логики акторно-сетевой теории (ANT), а также ее наследни-

* За введение и погружение в тему исследований социализма и постсоциализма я благодарна Сергею Мохову, без обсуждений с которым идея этой статьи вряд ли бы появилась. Поддержкой академической работы и возможностью продолжать писать я обязана Алиме Бисеновой. Длительная работа над статьей также не была бы возможна без терпения и критики приглашенных редакторов раздела.

цы — социальной топологии. Институциональный подход позволяет определить, какие нормативно-ценностные порядки связаны со способом действия постсоциалистического права. (Нео)институционализм фокусируется на том, как в ненормативных практиках использования правовых норм отражается дисбаланс власти и ресурсов, свойственный постсоциалистическим городам.

Однако у неонституционального подхода есть ряд существенных недостатков. В частности, исследовательница постсоциалистических порядков Татьяна Телен упрекает антропологов, использующих концепцию постсоциализма (Humphrey, 1983; Verdery, 1999), в том, что они описывают постсоциализм исходя из экономического определения собственности в неонституциональной теории и теории рационального действия (Thelen, 2011). Согласно Телен, неонституциональная концепция собственности предполагает наличие определенного набора прав с четкими ограничениями, а их отсутствие отличает (пост)социализм от капитализма. Перенесенный в антропологию из работ венгерского экономиста Яноша Корнаи, согласно Телен, неонституционалистский подход позволяет сделать две вещи: описать (пост)социализм как режим с «дефектной» (или периферийной) экономикой и способом управления и на этой основе включить постсоциалистические страны, невзирая на различия между ними, в одну общую категорию (Buchowski, 2005; Buchowski, Cervinkova, 2015; Болтански, Кьяпелло, 2011). В результате постсоциализм оказывается для стран бывшего социалистического лагеря описательной категорией, за которой не стоит значимых теоретических различий.

Откликаясь на эту критику неонституционального подхода в отношении исследований постсоциалистических практик и порядков, в данной работе рассмотрен альтернативный взгляд на городскую теорию и городское право из перспективы ANT и социальной топологии. В отличие от неонституционализма, который делает акцент на социальных отношениях и нормах, отраженных в праве, акторно-сетевой подход (особенно в области исследований права) делает акцент на материальности правовых инструментов и техническом характере норм. Карты, параметры развития и застройки, регламенты, формализованные протоколы публичных обсуждений — это материальные объекты-акторы, которые рассматриваются акторно-сетевыми теоретиками не только как способы репрезентации власти и утверждения порядка, но и действующие элементы сети взаимодействий, связанные с проблемами городского развития, земельными отношениями или вопросами частной собственности (Вальверде, 2022).

В отличие от неонституционализма, внимание к мобильностям и перемещениям рассматриваемых объектов — важная особенность акторно-сетевой теории и социальной топологии (Callon, 1998). С точки зрения институционального анализа право не зависит от культурного и социального пространства, поскольку его нормы универсальны (Семёнов, Гилёва, 2022). Для акторно-сетевых теоретиков и социальных топологов правовой объект может «путешествовать» между различными правовыми пространствами и, хотя при этом его действие в каждом из них отличается, он сохраняет общий принцип работы (Лаэт, Мол, 2017). Эта особен-

ность рассмотрения правовых инструментов из перспективы АНТ позволяет показать, с одной стороны, множественность проявлений постсоциализма, а с другой — нетождественность одинаковых по структуре инструментов городского регулирования в странах с неолиберальной и постсоциалистической экономикой.

Далее на примере мобильности одного инструмента городского права — Правил землепользования и застройки (ПЗЗ), который был привнесён в Россию из европейской и американской практики городского регулирования, — будет проанализирована российская градостроительная реформа 2004 года, её предпосылки и последствия. Поскольку ПЗЗ были ключевым элементом реформы, анализ их введения в планировочную и регуляторную практику, а также дальнейшие трансформации инструмента демонстрируют общее направление и характер развития реформы, её пик и провалы.

Градостроительная реформа: краткая история

С поворотом к неолиберальной рыночной экономике в российских городах появился новый инструмент регулирования — правовое зонирование (zoning), то есть определение регламента использования и затем застройки одного или нескольких земельных участков. Этот инструмент отсутствовал в социалистической системе планирования, где учитывались только генеральный план и нормы строительства. С начала 1990-х годов правовое зонирование прошло в российском праве полный жизненный цикл: начиная с поворота городского планирования к публичности и регулирования частной собственности, к его фактическому упразднению в 2023 году. Появившись впервые в Градостроительном кодексе 1998 года, к 2004 году правовое зонирование оформилось в виде Правил землепользования и застройки (ПЗЗ), однако в конце 2022 года они были сведены на нет, будучи включены в Генеральный план муниципалитета. Таким образом, правовое зонирование можно рассматривать как характерный элемент российской градостроительной реформы 1990–2000-х годов и провал неолиберальных реформ в России этого периода.

Градостроительная реформа, чья активная фаза пришлась на 1998–2004 годы между принятием двух Градостроительных кодексов РФ, была финальным этапом длинного периода экономических реформ, начавшегося в 1980-е годы и закончившегося в конце 2000-х. Градостроительной реформе предшествовали приватизация (Barnes, 1998) и земельная реформа (Медушевский, 2002, 2007, 2015), которые создали основание для начала обсуждения вопросов частной собственности на землю, в том числе, частных инвестиций и публичной градостроительной политики в городах (Валетта, Высоковский, 1999). Можно выделить несколько этапов этой реформы: в 1992 году был принят закон 3295-1 «Об основах градостроительства в Российской Федерации»¹, в 1998 и 2004 годах — две версии Градостроительного кодекса РФ (ГрК

1. Закон «Об основах градостроительства в Российской Федерации» от 14 июля 1992 г. № 3295-1. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_732/ (дата доступа: 07.03.2024)

РФ), а изменения, внесенные в ГрК РФ в 2022 году, упраздняют ключевые положения правового регулирования, которые были заложены в ГрК РФ 2004 года.

На протяжении всего периода либеральных реформ 1980–2000-х годов правовые изменения в градостроительной сфере оставались предметом преимущественно профессионального интереса градостроителей и контролирующих органов. Основной объем публикаций, касательно городского планирования как профессиональной практики, рассматривает технические вопросы регулирования, обоснования или реализации тех или иных градостроительных норм, но не изменения как часть более длительного и масштабного процесса. В то же время основным предметом социальных исследований становится интерес к ситуациям, когда градостроительство как профессиональная деятельность и городское право оказываются невидимыми, когда происходят сбои в правовых процедурах (Гельман, 2019; Желнина, Тыканова, 2021). В этих ситуациях актуализируется значение социальных институтов, и основным сюжетом становятся городские конфликты, обнажающие противоречия между отдельными правовыми нормами и законодательными актами различного уровня.

В то же время оказавшуюся заключительным элементом серии либеральных экономических реформ градостроительную реформу и в особенности Градостроительный кодекс 2004 года можно считать частью серии государственных реформ 2000-х годов, наряду с реформой судебной системы (Волков, Дмитриева и др., 2015), муниципального управления (Гельман, Рыженков, 2008) и административной реформой (Барабашев, Клименко, 2010). Хотя формально Градостроительный кодекс и городское право регулируют отношения преимущественно только в муниципальных образованиях — городских округах и сельских населенных пунктах — разработка документов и практика градостроительного планирования оказались под влиянием результатов серии государственных реформ 2000-х годов, поскольку действуют на территориях различного масштаба — от региона до страны.

Таким образом, в исследованиях городского планирования в России находит отражение точка зрения авторов градостроительной реформы, что она больше относилась к области профессионального знания и меньшей степени была связана с бюрократическими процессами в муниципальных органах власти. Так, сотрудники Института экономики города, активно участвовавшие в подготовке градостроительной реформы 1990–2000-х годов, описывая муниципальную политику и роль градостроительных процессов, делали акцент на экономических, а не на правовых и регуляторных элементах градостроительной деятельности². При этом градостроительство действует и как элемент муниципального управления, и как вид профессиональной деятельности только в случае обсуждения уни-

2. Фонд «Институт экономики города», Фонд «Градостроительные реформы» (2006). Рекомендации по подготовке правил землепользования и застройки / Одобрены Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Росстроем). URL: https://web.archive.org/web/20060615132456/http://www.urbanecomomics.ru/texts.php?folder_id=195&mat_id=314&from=fp&page_id=7185 (дата доступа: 08.03.2023).

кальных проектов и публичного взаимодействия главных архитекторов городов как чиновников, наделенных максимальными полномочиями в области градостроительства, с коллегами — градостроителями и архитекторами из частных фирм (Семенов, Швецова, Бедерсон, 2018). В иных случаях действия градостроителей как муниципальных чиновников отделены четкими процедурами от их действий как профессионалов: в первом случае они руководствуются инструкциями, во втором — профессиональной экспертизой.

Российское городское право, оформившееся в результате градостроительной реформы 1990–2000-х годов, предстает своеобразным «черным ящиком» в социально-гуманитарных исследованиях. Причина невнимания социальных исследований к градостроительству может быть объяснена по-разному: и сложным, экспертным характером градостроительного знания, и узостью круга специалистов, которые могут описать профессиональные проблемы и встроить их в более широкий контекст, и тем, что свойственные градостроительству проблемы могут показаться частными кейсами, выводы из которых не дают ничего для понимания более общих и регулярных процессов.

Подобное рассмотрение градостроительства и городского права связано также с их пограничным характером: они существуют между двумя сериями экономических и государственных реформ, а также между двумя контрастными формами знания — техническими нормами и профессиональной экспертизой. Однако, опираясь на опыт исследований сложных сетей управления, разветвленного технического знания и профессиональной экспертизы, можно предположить, что градостроительная реформа работала как инструмент *координации* различных процессов, акторов, объектов и систем на всех уровнях государственного и муниципального управления (Jasanoff, 1998; Bijker, Bal, Hendriks, 2009).

Анализ того, как именно работает или не работает городское право и протекает градостроительная реформа, делает видимыми сбои в координации процессов изменения. Поскольку российская градостроительная реформа была связана с импортом существующих европейских и американских технологий городского планирования, то именно новые мобильные инструменты — например, ПЗЗ — координируют взаимодействия различных акторов, их интересы и цели. Однако остается вопрос, как организована работа по координации акторов и их взаимодействий в различных масштабах и от чего зависит способ действия ПЗЗ — от типа практик, которые они структурируют, или характера изменений, которыми они управляют? Можно предположить, что развитие российской градостроительной реформы зависит от того, как происходит координация социальных взаимодействий на различных уровнях управления и какие акторы оказываются тем или иным способом включены во взаимодействие или исключены из него.

Материалы и методы: топология городского права

Кейс правового зонирования и Правил землепользования и застройки (ПЗЗ) будет рассмотрен в статье и как социальный, и как исторический. Описание социаль-

ного кейса основано на анализе правового зонирования и ПЗЗ, возникающих противоречий в нормах и их использовании, а также на данных полевых исследований в двух российских региональных городах в 2021 году, которые включали более 40 фокусированных интервью с чиновниками регионального и муниципального уровня, городскими планировщиками, активистами и жителями. Анализ исторического кейса правового зонирования опирается на опубликованные тексты авторов реформы из «Института экономики города»³, публикации на официальных сайтах, в частности, Государственной Думы периода принятия Градостроительного кодекса 2004 года⁴, исследования земельной реформы рубежа 1990–2000-х годов, а также 10 интервью с экспертами в сфере градостроительства, взятыми в период 2020–2022 годов.

Двойственный характер кейса правового зонирования связан с тем, что ПЗЗ выступают как ключевой элемент и градостроительной реформы на всем периоде ее развития, и публичных градостроительных взаимодействий на локальном, муниципальном уровне. ПЗЗ «путешествуют» в пространстве, между разными правовыми культурами — европейской, американской и российской, и во времени, поскольку координируют планы с различными сроками реализации — от нескольких лет для отдельных проектов до десятилетий для стратегических документов планирования и социально-экономического развития — городских Генеральных планов и стратегий различного уровня. Гибкость механизмам координации ПЗЗ придает структура документа, где сочетаются три техники описания территории (карта зонирования, регламенты процедур и набор параметров развития), и координация двух аспектов городского управления (координация прав собственности на землю для отдельных участков и развития инфраструктуры всего города в Генеральном плане).

Изменчивость городских, социальных и правовых отношений, которые регулирует ПЗЗ, может быть наиболее полно описана на языке социальной топологии, разработанной Дж. Ло, А. Мол и их коллегами (Ло, Вахштайн⁵, 2006; Лаэт, Мол, 2017). Согласно Ло, каждому типу изменчивости соответствует особый тип пространства: характер изменений принципиально отличается в пространстве регионов, в пространстве сетей и пространстве потоков. Три типа пространства Ло могут быть также выделены и в ситуации ПЗЗ: пространству регионов соответствует карта зонирования, пространству сетей — процедуры публичных обсуждений и регламенты, а пространству потоков — регулирующие их параметры.

Поскольку ПЗЗ как документ городского регулирования является мобильным и привнесен в российскую практику извне, то каждый тип пространства и способ его организации — карты зонирования, процедуры обсуждения и параметры

3. Институт экономики города. Архив. Аналитические разработки. URL: https://web.archive.org/web/20070101075018/http://www.urbanecomomics.ru/texts.php?folder_id=80

4. Основные материалы — это обсуждение Законопроекта 51711-4 (в архиве) «Градостроительный кодекс Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/51711-4#bh_histras (дата доступа: 07.02.2024). Также см.: «ХРОНИКА дополнительного заседания Государственной Думы 10 июня 2004 года». URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2004-06-10> (дата доступа: 07.02.2024).

5. Признан иноагентом Минюстом РФ.

развития — будет также изменяться в процессе развития реформы от наиболее технической к наиболее социально-обусловленной форме. Три пространства регулирования в ПЗЗ взаимодействуют между собой, образуя два ключевых элемента градостроительной реформы — частную собственность как юридическое понятие и правовое зонирование как юридическую технику. Таким образом, складывается сложная сеть координации различных процессов в рамках градостроительной реформы — экономических, связанных с понятием собственности, и управленческих, опирающихся на техническое регулирование. В результате вопрос о том, как возникают сбои в координации различных интересов и процессов изменений можно переформулировать так: как изменчивость процессов взаимодействия и их координация зависят от изменений в организации пространств, их согласованности и возникновении устойчивых объектов-посредников взаимодействия.

Для анализа трех типов пространств, их изменчивости и объектов, которые возникают на их пересечении и отражают динамику градостроительной реформы, далее будет использован метод материальной семиотики (Law, 1999: 3-4; 2009; Латур, 2017). На уровне описания отдельных техник и их изменений — это будет перформативная версия материальной семиотики, которая предполагает, что существует множество способов описать одни и те же материальные объекты (карты, протоколы обсуждений, параметры), и задача исследователя состоит в том, чтобы определить границы этой изменчивости и их значение. В этой части будут описаны материальные элементы ПЗЗ — карты, процедуры и параметры — и показано, как они структурируют множественные социальные взаимодействия и служат фоном для них. Однако чтобы представить ПЗЗ, их вариации во времени и в пространстве как часть единой логики градостроительной реформы, необходимо обратиться к классической версии материальной семиотики, которая говорит о бесконечно расширяющейся сети объектов как условии определения границ их действия и способов координации. Поэтому во второй части статьи будет показано, в каких материальных практиках и как воплощаются социальные отношения, которые связаны с правом частной собственности и правовым зонированием. Совмещая два подхода материальной семиотики, я покажу, как координация различий постепенно сходит на нет и выстраивается новая, более текучая, схема индексальных переключений, в которой правовое зонирование оказывается ненужным и его роль становится исключительно технической.

Правила землепользования и застройки: карты, процедуры и регламенты

Карты

Теоретики и историки городского планирования (Talen, 2012; Fischel, 2015) отмечают, что на первых этапах развития правового зонирования именно карта была его ключевым элементом. Значение роли карты по сравнению текстовыми регла-

ментами менялось: карта зонирования Нью-Йорка в 1916 году занимала 12 страниц регламентов против десятков страниц регламентов сегодня. Однако разросшийся объем текстовых регламентов лишь подчеркивает роль карты в правовом регулировании города: карта зонирования выступает не просто отображением городского пространства в плоском и удобочитаемом виде, но и инструментом *координации* сложных, пересекающихся и конфликтующих интересов в пространстве города (схожее см.: Bijker, Bal, Hendriks, 2009). Четкое разграничение на зоны, а также сочетание регламентов и зон позволяют избежать прямых конфликтов интересов и сделать предметом конфликта различные типы *ограничений*. Тогда ограничения и зонирование как их форма работают для упорядочивания действий отдельных акторов, управляя правовыми отношениями между ними (Blomley, 2013).

Такое описание роли карты в правовом зонировании, характерное для американских и европейских исследователей, существенно отличается от позиции авторов российской градостроительной реформы. В рамках последней у карт ПЗЗ есть две основных функции: публичность данных правового зонирования и правовые гарантии условий развития территории для потенциальных инвесторов (Высоковский, Валетта, 1999). Российские авторы описывают публичную работу ПЗЗ как основной фактор перехода от социалистического планирования с засекреченными генеральными планами городов к «свободному рынку недвижимости», построенному на прямых и публичных взаимодействиях. Однако территориальные проекты в постсоциалистических городах оказываются сопряжены со значительными рисками, начиная от инженерной инфраструктуры (Batunova, Gunko, 2018) и заканчивая политическими избирательными циклами (Пустовойт, 2019; Антонов, 2022). Таким образом, при формальной публичности ПЗЗ, и в особенности карт зонирования, рыночные отношения, которые они координируют, оказываются связаны со значительной асимметрией обладания информацией различными акторами городского развития: ПЗЗ конструируют «привлекательный» или «безопасный» для инвесторов образ территории за счет явного или частичного умалчивания о рисках для развития конкретного участка.

Скрытые противоречия между публичным характером карт ПЗЗ и неравноммерным распределением информации о рисках развития земельных участков создают основание для неявного торга, неустойчивости и изменчивости норм, что ставит под вопрос легитимность ПЗЗ как правового инструмента. Например, в городах-региональных центрах с 1996 по 2020 год было принято более 4000 документов, утверждающих изменения в ПЗЗ, не считая многочисленных технических изменений в ходе приведения карт в соответствие с земельным кадастром. По мнению исследователей, «существующие инструменты планирования часто оказываются неэффективными (то есть подвержены изменениям для реализации частных интересов), поскольку не встроены в нормативно-ценностные системы участников градостроительной политики» (Семёнов, Гилёва, 2022: 86). В результате подрывается статус ПЗЗ как «юридического документа» (Высоковский, 2005: 23), где закреплены права и обязанности собственников. Однако согласно ГрК РФ

2004 года, ПЗЗ является не законом, а подзаконным актом, который утверждается представительным органом муниципалитета и соотносится с генеральным планом, имеющим статус местного закона.

Карты и границы зон в этом случае оказываются наиболее юридически необязательной частью документа, в отличие от регламентов и процедур, имеющих статус норм. Границы правового зонирования регулируются другими отраслями законодательства — экологическим, историко-культурным — и лишь отражаются в ПЗЗ, точно так же как и границы земельных участков и зон, которые опираются на земельный кадастр (Артамонов, 2014; Башарин, 2019). Таким образом, если в евро-американской концепции зонирования карта создает правовую основу для публичного социального взаимодействия, то в российском постсоциалистическом городе она скрывает условия и риски развития территорий. В результате карты ПЗЗ не обладают ни правовым, ни социальным статусом и оказываются «слабым» техническим документом, фиксирующим существующую сеть отношений, а не правовым документом, ее регулирующим.

Процедуры

Существенным элементом публичности ПЗЗ авторы ГрК РФ 2004 считали введение института публичных слушаний как способа участия местных жителей в городском планировании, согласовании и легитимизации принимаемых решений. Хотя, так же как и в случае с картами, элемент публичности в этой структуре сведен к минимуму, на протяжении почти 20 лет после принятия ГрК РФ именно он формирует основное пространство для координации различных интересов городских акторов и развития правовой дискуссии вокруг российского постсоциалистического городского регулирования (Желнина, Тыканова, 2021). Введение публичных слушаний и участие горожан в планировании в начале 2000-х годов означает коммуникативный поворот в городском планировании (Медведев, 2018; Сафарова, 2021) и делает акцент на процедурах местного самоуправления.

Возможность участия и обсуждения новых норм присутствует на двух этапах: при разработке документа и при внесении в него изменений. Первый этап позволяет откорректировать решения разработчиков документа и учесть скрытые, не выявленные на этапе предварительных исследований интересы, второй обеспечивает документу ПЗЗ гибкость по отношению к быстрым изменениям условий городского развития и позволяет учитывать непредвиденные обстоятельства (Высоковский, Валетта, 1999). Описание принципов организации и проведения публичных слушаний входит в более общий блок процедурных норм ПЗЗ. К ним относятся административные процедуры, в том числе связанные с публикацией ПЗЗ и выдачей разрешения на строительство, технические процедуры, регулирующие установление прав на земельные участки, и (полу)публичные процедуры, регулирующие отклонение от заданных параметров и внесение изменения в ПЗЗ. Набор этих процедур, а также их правовой статус определяют характер участия

различных городских акторов в регулировании изменений и развития городских территорий.

Как и в случае с картами, публичность обсуждений остается формальностью, которая обеспечивается сетью, где и происходит торг за полномочия по принятию решений и их перераспределение между городскими акторами. Региональные и муниципальные архитектурные чиновники 1990-х — начала 2000-х годов видели целью градостроительной реформы подчинение решений по развитию территорий техническому надзору и вывод их из профессионального и экспертного поля. В результате конкуренции за полномочия и право осуществлять административные и технические процедуры между различными уровнями власти экспертиза городского регулирования сместилась от архитекторов и планировщиков к экономистам и менеджерам (а также к надзорным органам; см.: Коряченцова, 2016, 2020). Следующее перераспределение произошло после 2014 года, когда непубличные административные и регулирующие процедуры стали объектом конкуренции между региональными и муниципальными властями за право их предоставления, чем спровоцировали появление в российском юридическом языке понятия «перераспределение полномочий» (Бабичев, 2014; Намба, 2016).

Перераспределение полномочий, связанное с публичными слушаниями, их фиксация и утверждение затрагивают более узкий круг акторов — горожан, Комиссию по землепользованию и застройке, которую утверждает глава муниципалитета, и застройщиков. Как и в случае с юридическим статусом норм ПЗЗ, результаты публичных слушаний не имеют правовой силы: они являются лишь рекомендациями, которые могут быть отклонены муниципалитетом или разработчиками ПЗЗ. Более того, можно говорить, что замечания и результаты публичных слушаний *не будут отклонены*, только если они указывают на существенные юридические ошибки и могут привести к суду или же связаны со значительным публичным и массовым недовольством (Волкова, 2021). При этом юридической и экспертной силой обладают не участники публичных слушаний, а Комиссия по землепользованию и застройке, состав и председатель которой утверждаются главой муниципальной администрации (ст. 31.6 ГрК РФ). Несмотря на то что процесс принятия решений Комиссией происходит непублично, ее деятельность можно назвать полупубличной: ее состав публикуется, ее члены могут давать публичные комментарии, а сами решения и их обоснования размещены в открытом доступе, хотя и могут быть обжалованы только в судебном порядке. Решения Комиссии являются основанием для решений по внесению изменений в ПЗЗ или для реализации административных или технических процедур и тем самым связывают публичные и непубличные процедуры в области правового зонирования.

В результате процедур согласования и изменения положений ПЗЗ возникает дифференциация и не прямое взаимодействие для согласования различных интересов и связанных с ними прав собственности городских акторов. Непубличные административные и технические процедуры позволяют реализовать полномочия для выдачи разрешений на строительство и имеют прямое влияние на строитель-

ный и девелоперский бизнес. Поэтому перераспределение полномочий между муниципальными и региональными акторами имеет источником изменения в федеральной градостроительной политике и принципах легитимации прав собственности крупного бизнеса на землю и застройку. Публичные и полупубличные процедуры слушаний и общественных обсуждений направлены на соблюдение прав собственников, прежде всего жилой недвижимости, при изменении планов развития муниципалитета. Однако в основе этой дискуссии оказываются не представления о собственности или рыночных отношениях, а концепции, унаследованные от социализма, — «право на город», право на благоприятную окружающую среду (Харви, 2008; Антонова, Абрамова, Полякова, 2020; Расторгуев, Тянь, 2021) — то есть правомочия *использования* пространства, а не *владения* конкретным объектом недвижимости. Право участия в обсуждении ограничений и регулирования городской среды становится залогом прав собственности, даже максимально урезанных.

Таким образом, идея собственности на недвижимость, в том числе на землю, оказывается не четко ограниченным и закрепленным правом, а результатом сети взаимодействий и перераспределения различных правомочий, связанных с правом владения, распоряжения и использования различных объектов недвижимости. Одним из аргументов для введения правового зонирования и ПЗЗ была публичность прав собственности как гарантия их безопасности. Однако если рассматривать земельные и городские отношения в СССР и России с 1980-х годов как процесс тянущегося перераспределения собственности, то публичность в постсоциалистическом пространстве не гарантирует права собственности, а, наоборот, позволяет их оспорить или поставить под вопрос.

Простота оспаривания права собственности — независимо от методов этого оспаривания — делает видимой «слабость» прав собственности в российских городах и ставит вопрос об их основаниях — в публичном праве (как предполагают неoinституционалисты) или в сети социальных связей и гарантий. Публичность ПЗЗ делает возможным непубличные взаимодействия, но и не придает публичным нормам юридической силы — они остаются техническими и ситуативными.

Регламенты

Если ПЗЗ работают как «слабое» техническое право, которое регулирует «слабые» права собственности, то остается только один элемент, который обладает возможностью прямого действия, — параметры развития, которые описываются в регламентах правового зонирования. Можно утверждать, что в течение двух серий реформ карты были больше связаны с либеральными экономическими реформами, в то время как развитие процедур публичных слушаний — с муниципальной реформой и попытками сделать отношения на местном уровне более прозрачными и подотчетными. Однако оба инструмента не срабатывают в полную силу в рамках правового зонирования и инструмента ПЗЗ, которые в текущей версии ГрК принимают упрощенный вид или будут упразднены как инструмент регулирования.

Начиная с 2017 года публичные элементы процедуры в градостроительстве, описанные выше, начали постепенно вытесняться на правовую периферию (Медведев, 2018; Харинов, Синицина, 2022), а п. 2 ст. 7 № 58-ФЗ от 14.03.2022 дал субъектам Федерации право отменять публичные слушания и общественные обсуждения, которым уже воспользовались Москва и Санкт-Петербург. С конца 2022 года появилась возможность отказаться от ПЗЗ как самостоятельного документа: в российской градостроительной практике появляется «Единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, городского округа», основой которого является не ПЗЗ, а стратегический и инфраструктурный документ генерального плана. Описание «Единого документа» предполагает сохранение двух типов карт: функционального зонирования генерального плана и правового зонирования ПЗЗ, а также включение в состав документа градостроительных регламентов ПЗЗ. Однако существующая дискуссия по поводу возможности расхождения двух типов карт, а также позиция Верховного Суда РФ, который считает, что карты генерального плана обладают приоритетным статусом перед картами ПЗЗ, позволяет предположить, что различия будут минимальны⁶. Ни одно из перечисленных изменений не отменяет прямым образом ПЗЗ, но позволяет свести правовое зонирование к установке градостроительных регламентов в форме видов разрешенного использования и предельных параметров развития территории.

Хотя формат регламентов правового зонирования значительно изменился, в российской практике начиная с середины 1990-х годов, в отличие от двух других инструментов, роль регламентов и возможность их прямого регулирования сохраняется на всех этапах реформ. В концепции правового зонирования, как она описывалась ее авторами на первых, экспериментальных этапах в 1990-х — начале 2000-х годов, градостроительные регламенты были наиболее описательной и технической частью документа. Тем не менее именно градостроительные регламенты наиболее тесно связаны с вопросами существующего положения территории, ее повседневного (вернакулярного) использования и в конечном счете с городскими исследованиями, объединенными темой «управления пространственным развитием» (Высоковский, 2012; Гостев, 2022). Описывая опыт Кыргызстана, А. Высоковский определяет работу градостроительного регламента следующим образом: «...градостроительный регламент определяет правовой режим использования земельных участков, а не его физическую характеристику или реальные объекты, здесь расположенные. Правовой регламент часто не совпадает с реальной физической определенностью участка, а отходит от нее с целью эффективного управления территорией» (Высоковский, 2005: 63).

Согласно ГрК РФ, градостроительный регламент должен устанавливать минимально необходимое количество параметров для регулирования действий соб-

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) / Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_26/

ственника на участке, чтобы не ограничивать возможности эффективного экономического развития города. На первых этапах работы с инструментом правового зонирования перечень возможных видов разрешенного использования часто исчислялся десятками даже в документах, которые разрабатывал Высоковский и его коллеги, сохраняя при этом минимальное количество регламентов. Однако постепенно было достигнуто более оптимальное соотношение, в том числе за счет иерархической структуры описания зон в последних Классификаторах и разделении на общие зоны (всего 14 категорий) и два уровня их более детальных подвидов⁷.

В результате единственными не предустановленными элементами градостроительных регламентов остались технические параметры (ст. 38 ГрК РФ): минимальный/максимальный размеры земельных участков, минимальные отступы от границ участков, максимальное количество этажей или высота застройки, максимальный процент застройки. Эти параметры связаны уже не только с экономическими показателями, но прежде всего с ограничениями пожарной или санитарной безопасности и доступности инженерной инфраструктуры. Таким образом, правовое регулирование города оказывается не связанным с экономическими или социальными аспектами его развития, что может порождать конфликты и оспаривание прав собственности или отдельных правомочий. Оно имеет дело лишь с физическими или эстетическими параметрами среды.

Поворот от городского регулирования как способа координации действий или интересов различных социальных акторов к технической координации параметров материальной городской среды ставит под вопрос характер действия городского права. Если следовать логике социальной топологии Ло, то индексальные параметры — как численные, так и именные — образуют разрывы в текущих процессах и тем самым непрямым образом управляют ими, организуя их переход в другой, более устойчивый вид отношений. Тогда можно предположить, что регламенты зон и описывающие их параметры координируют изменчивые экономические и социальные интересы акторов. Но они фиксируют эти интересы в максимально формализованном и обобщенном виде, чтобы оставить пространство для непубличного торга и взаимодействия. Для сети индексальных значений, которая возникает в ПЗЗ, ключевыми становятся гибкость параметров, их координация между собой и с элементами городской среды, которую они регулируют. Таким образом, правовое зонирование как инструмент городского права регулирует два независимых объекта — право собственности и техническое описание застройки и земельного участка, — которые, в свою очередь, выступают как параметры экономических и управленческих изменений.

7. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков / Приказ от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 23.06.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/573114694> (дата доступа: 08.03.2023).

Два основания городского права

Частная собственность

Авторы ГрК РФ 2004 года связывали действие инструмента правового зонирования с развитием рыночных отношений и частной собственности. В ключевой книге по городскому правовому регулированию под редакцией Высоковского либерализация рынка принимается как основная цель городского регулирования, а городское управление становится важным элементом рыночной экономики и формирования рынка недвижимости (Высоковский, 2005: 10). Подобная ориентация авторов градостроительной реформы на частную собственность связана с представлением о рыночных реформах в России 1990-х годов как процессе приватизации, то есть переходе собственности из государственной формы в частную.

Однако более реалистичным представляется описание российских экономических процессов, начиная с середины 1980-х и до сегодняшнего дня, как постоянного *перераспределения собственности* между различными акторами (Barnes, 1998). Из перспективы перераспределения прав собственности введение в 1993 году частной собственности на землю было одним из маркеров расстановки сил, не меняющим ситуацию кардинальным образом. Так, например, несмотря на наличие конституционной нормы, реализовать сначала законодательно, а затем и на практике право частной собственности на землю оказалось проблематичным. Описывая российскую земельную реформу и процесс принятия Земельного кодекса (ЗК), А. Медушевский указывает на несколько источников проблемы: неопределенность понятия «собственность» в Конституции 1993 года, сочетание в одном правовом пространстве социалистической идеи земли как общего ресурса и жесткого различения частной и публичной собственности, сложную схему управления сельскими землями в регионах (Медушевский, 2002, 2007, 2015).

Отсутствие согласованности в оценке отношений частной и публичной собственности делало решение «вопроса о земле» практически невозможным. Также не было и публичного актора или акторов, которые могли бы взять на себя ответственность за решение возникших противоречий (Волков, 2002; Volkov, 2016). В итоге вопрос о возможности частной собственности на землю рассматривался в несколько этапов. До принятия ЗК для реализации положения Конституции РФ 1993 года о частной собственности использовался примат гражданского права над аграрным в вопросе о праве собственности на землю (Медушевский, 2002: 3): в вопросах о земле преимущество получали либеральные ценности неприкосновенности частной собственности. В результате земельной реформы способ регулирования собственности на землю сохранил зависимость от ее назначения — сельскохозяйственного и сельскохозяйственного: оборот первых регулируется ЗК (2001), а вторых — 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002). При этом в ст. 1 ЗК устанавливает примат понимания земли как «компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве» перед

его использованием в качестве недвижимого имущества, т. е. перед его ролью как частной собственности и объекта рыночных отношений.

На момент первых экспериментов в области городского регулирования в середине 1990-х годов институт частной собственности на землю только начинает формироваться и действует на основе гражданского, а не земельного права. К 2000-м годам, когда вступает в силу второй ГрК РФ, правовая основа для развития частной собственности на землю уже существовала, однако в реальности вес легальных частных собственников в развитии городов был мал. В то же время теневая собственность и капиталы легализовались чаще всего через государственные или квазигосударственные предприятия (Бляхер, 2017). Возникла парадоксальная ситуация: градостроительные реформы 1990–2000-х годов вводили регулирование прав частной собственности, которые еще не до конца оформились в легальном пространстве. Можно предположить, что ситуация *после социализма* обладала незавершенным характером, где нововведения — такие как институт частной собственности — реализовываются лишь частично, встраиваясь в существующую сеть отношений.

В результате право собственности на землю в городах оказывается скорее пучком правомочий, чем жестко определенной нормой, как это описывали авторы градостроительной реформы. Понятие собственности как процесса владения, то есть выделения своей территории, оказывается гибким и постоянно меняющимся процессом, он зависит от степени изменчивости социальных отношений, его поддерживающих. В рамках ПЗЗ понятие собственности закрепляется лишь в минимальных формах через установление предельных параметров развития участка, то есть пределов расширения частного порядка. Переход от жесткой системы разграничения участков к определению их оптимальной экономической прибыльности, как, например, в проектах комплексного развития, свидетельствует о чрезвычайной изменчивости и подвижности прав собственности как набора социальных норм. Можно утверждать, что происходит переход от постепенных, социально обусловленных экономических изменений к усилению технических аспектов в городском планировании, то есть ориентации на короткие сроки и быстрые экономические эффекты.

Правовое зонирование

Правовое, или градостроительное зонирование появилось в России в первой половине 1990-х годов. Как отмечают авторы его внедрения, российская модель правового зонирования опиралась на опыт американского городского планирования (Трутнев, 2017: 5). Однако, как показывает даже краткий обзор исследований правового зонирования в США за последние 50 лет, можно выделить как минимум 5–6 различных форм регулирования, объединенных этим термином: зонирование, основанное на оценке негативных экстерналий, фискальное зонирование, инклюзивное зонирование, многофункциональное зонирование, «презонирование», зо-

нирование через исключения или «неудобства» (Бабейкин, 2022; Вальверде, 2022). В европейской практике механизм регулирования через правовое зонирование также варьируется и от страны к стране, и в разные периоды развития национальных систем городского регулирования. Все это делает крайне неоднозначной характеристику российской системы правового зонирования как заимствованной из той или иной национальной планировочной практики или комбинирующей несколько подходов: по какому принципу был сделан отбор, что было отброшено, а что принято за основу, как происходило совмещение?

В «Меморандуме», или Концепции землепользования Великого Новгорода (1998) описана структура документа правового зонирования, близкая к структуре, описанной в ГрК РФ 2004 года: «Большинство правил землепользования содержат как минимум три части. Основу регламента составляет установление зон и сопутствующих правил землепользования и застройки. Не менее важным является описание процедур получения разрешения на зонирование и описание агентств, вовлеченных в процесс. Наконец, карта зонирования, на которой показано расположение каждой зоны, является неотъемлемой частью регламента. Дополнительные процедуры предусматривают условия для отклонений от правил, объясняют, как обрабатываются существующие несоответствующие виды использования, и разъясняют, как правила могут быть изменены и поправки» (Hart, 1998; Высоковский, Валетта, 1999: 77-153).

В рамках использования американского опыта авторы российской градостроительной реформы обсуждают не принципы правового зонирования, а документ, в котором оно должно быть отражено и который позже был назван «Правилами землепользования и застройки» (ПЗЗ). Таким образом, можно предположить, что заимствование различных подходов происходило техническим путем — по аналогам и на основании экспертного мнения консультантов: «...например, в большинстве городов разработчики придерживались “американской” системы установления градостроительных регламентов на весь город (в границах юрисдикции местного самоуправления) и в то же время использовали элементы “западно-европейских” систем с точки зрения координации документов различных уровней и Правил, а также организации взаимодействия органов различных уровней» (Высоковский, Валетта, 1999: 41).

Подобное обобщенное описание документов правового зонирования подразумевает, что в структуру российского городского права была перенесена лишь техническая форма организации документа и регулирования городских отношений в области недвижимости, что сделало документ очень гибким и подвижным по структуре. В то же время методы регулирования и экономические цели зонирования, которые порождают все разнообразие типов регулирования, остались за рамками обсуждения. И хотя внутри простой структуры ПЗЗ закреплены также более детальные различия — например, основные, дополнительные и условные виды разрешенного использования земельного участка — общая логика сохранилась: документ ПЗЗ остался крайне общим по структуре и потому гибким

к локальным условиям развития территории. Гибкость структуры ПЗЗ позволила использовать его не только для регулирования отношений, но и как способ сравнения и приведения к единой форме практик, существующих на значительной физической и социальной дистанции от Белгорода до Владивостока, от России до США и Канады (Высоковский, Валетта, 1999).

Ужесточение системы регулирования в ПЗЗ одновременно с появлением территорий, выведенных из-под этого регулирования, происходило после принятия ГрК РФ 2004 года постепенно. Поэтапно появлялись требования к предельным размерам земельных участков и предельные параметры строительства (ст. 38 ГрК РФ 2004), утвержденный перечень видов разрешенного использования⁸ и, наконец, регламенты исторических и застроенных территорий в виде объемно-пространственных регламентов (ОПР)⁹. В то же время появлялись зоны с особым экономическим или правовым статусом, зоны комплексного развития. Однако ужесточение или ослабление норм шло по тому же формальному принципу: не было дискуссии вокруг принципов правового регулирования, а лишь обсуждение перечня объектов регулирования.

Формальный и технический характер норм правового зонирования делает существенной профессиональную и социальную экспертизу акторов — участников процессов городского развития. В результате взаимодействие муниципальных чиновников, девелоперов, градостроителей, горожан лицом-к-лицу в публичном городском пространстве оказывается невозможным, оно оказывается опосредованным техническими средствами коммуникации и протоколами, а интересы различных акторов выражаются в технических параметрах проектов и зон. В то же время начиная с 2010-х годов меняются принципы координации технических инструментов, встроенных в ПЗЗ, и их применение в городском пространстве. От унифицированного применения, когда регламенты правового зонирования применяются на всю территорию города, происходит переход к дифференциации по зонам: в одних регламенты минимально координируются с другими, а в других, наоборот, регламенты предполагают более строгую и жесткую систему координации. Этот переход от равномерного регулирования к более точечному и дифференцированному показывает характер трансформаций в государственном управлении в процессе реформ — от быстрых одновременных изменений к медленным, постепенным, происходящим параллельно и образующим сложную структуру взаимодействий.

8. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков / Приказ от 1 сентября 2014 г. № 540 (с изменениями и дополнениями, утратил силу). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420219456?marker=64UoIK>

9. Методический документ «Стандарт комплексного развития территорий. Книга 2. Стандарт развития застроенных территорий» / Одобрено решением Проектного комитета по нацпроекту РФ «Жилье и городская среда» от 26.04.2019. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/> (дата доступа: 08.03.2023).

Постсоциализм как топологический стиль регулирования

Градостроительная реформа координирует как минимум два других процесса — экономические и государственные реформы, а принятие ГрК РФ 2004 года можно считать точкой перехода первой реформы в менее активную стадию и, наоборот, активизацию второй. Однако ключевым остается вопрос: как именно происходит координация процессов различного масштаба и как социальная топология позволяет описать эти механизмы?

Выше были описаны два основных принципа координации — пространственный и временной. Пространственный принцип предполагает наложение нескольких процессов координации и образование новых объектов на их пересечении, например, прав собственности и правового зонирования. Пространственная координация в предельной форме приводит к переходу от отдельных зон к процедурам и затем к параметрам, которые возникают на пересечении различных процессов и отражают предельные формы простой линейной изменчивости. Ло, описывая подобные формы изменчивости, определяет их как пространственно-непрерывные, или гомеоморфные (пользуясь математическим термином) (Ло, Вахштайн, 2006). Объекты, которые возникают в результате координации различных процессов регулирования в рамках правового зонирования ПЗЗ, делают видимым двойственный характер ПЗЗ и градостроительной реформы в целом. Таким образом, их изменчивость отражает процесс протекания экономических и управленческих реформ, индексами которых они выступают в пространстве города.

Второй уровень координации — временной — касается уже того, как градостроительная реформа координирует социальные изменения. Временная координация становится видимой за счет изменчивости двух топологических объектов: прав собственности и правового зонирования, то есть организации инструмента ПЗЗ. Изменения этих объектов регулируют скорость протекания экономических и управленческих процессов и, соответственно, характер их реформ. Например, увеличение публичности при обсуждении прав собственности делает видимой их недостаточную легитимность, слабость и оспариваемость, из-за чего они становятся текучими и неопределенными. При этом планы экономического развития сжимаются до набора отдельных параметров, которые должны быть достигнуты. Таким образом, происходит переориентация экономических реформ с формирования новых социально-экономических отношений на реализацию быстрых проектов (ср.: Шанин, 2002), то есть на *ускорение*.

В то же время в случае управленческой реформы происходит обратный процесс: вместо резких и быстрых изменений, связанных с принятием единого документа для города, происходит переход к множественным изменениям внутри города, которые могут развиваться асинхронно и иметь разную степень строгости регулирования. Реформа управления направлена не на рост, а на сдерживание скорости и формирование постепенных, медленных изменений. Градостроительная реформа координирует изменения двух других процессов — либеральных реформ

и реформ управления — уже не за счет влияния на их пространственную и структурную организацию, а за счет регулирования скоростей изменения и их взаимного баланса. В результате градостроительная реформа, чьей основной функцией было координировать различные процессы за счет их синхронизации, поддерживает связность социальных изменений за счет постепенных, медленных процессов, образуя нелинейную структуру преобразований.

Наконец, последний уровень координации — это координация между двумя типами экономик — неолиберальной, из которой был импортирован инструмент ПЗЗ, и постсоциалистической, где он получил новые способы использования и интерпретации (Фуко, 2010: 116; Sawyer, Steinmetz-Jenkins, 2019). В этом случае сам инструмент ПЗЗ выступает координирующим объектом и индексальным знаком для двух культурных и правовых пространств, организованных принципиально различным образом. Различия культурных и правовых пространств неолиберализма и постсоциализма становятся явными из-за контраста между идеализированными представлениями о действии ПЗЗ авторов градостроительной реформы и тем, как ПЗЗ реально начали действовать в России. Вместо строгого представления о собственности и гибкого регулирования ПЗЗ применяются в условиях размытого понятия частной собственности (*fuzzy property*, ср.: Verdery, 1999; Thelen, 2011) и формализованной системы управления. Однако, в отличие от координации, которую осуществляет градостроительная реформа применительно к другим — экономическим и государственным, координация отношений между двумя культурами работает на разрыве между ними: формально один и тот же инструмент используется различными способами в двух культурах. Таким образом, проявляются пределы координации, когда она подчеркивает различия в характере взаимодействий, а не способствует их сближению.

Разные масштабы координации, которые демонстрирует анализ российской градостроительной реформы, показывают принципиальные отличия социальной топологии от неоинституционального подхода, а также положений, на которых они основаны. Невозможность описать российскую градостроительную реформу сквозь призму неоинституционального подхода вызвана двумя причинами: опорой институционального подхода на четкое разграничение прав собственности и определением социальных институтов как устойчивых образований. В то же время акторно-сетевая теория и социальная топология предлагают более реалистичную концептуальную модель, которая позволяет операционализировать понятие постсоциализма. Характерной чертой регулирования в постсоциализме является временная, а не пространственная координация процессов (Gallinat, 2022; Ringel, 2022). Тем не менее в ситуации локальных исследований институциональный подход позволяет выявить устойчивые элементы взаимодействий, которые затем будут гибким образом собираться в цепочки взаимодействий и координироваться во временной перспективе. Таким образом, инструмент ПЗЗ оказывается также способом координации различных исследовательских программ для анализа длительных процессов реформ и социальных изменений.

Литература

- Антонов А. (2022). Планирование кончилось, да здравствует планирование! // Городские исследования и практики. Т. 7. № 3. С. 81-90.
- Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 3. № 157. С. 443-462.
- Артамонов С. Г. (2014). Зоны охраны объектов культурного наследия в современном законодательстве (часть 1) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. С. 33-38.
- Бабейкин Р. (2022). Правовое зонирование. Обзор американского опыта в контексте трансформации российской системы градорегулирования // Городские исследования и практики. Т. 7. № 3. С. 91-115.
- Бабичев И. В. (2014). Новый этап муниципального строительства: возможности и риски // Местное право. № 3. С. 3.
- Башарин А. В. (2019). Проблемы отображения санитарно-защитных зон в градостроительной документации. Комментарий к Апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2018 № 64-АПГ18-7 // Имущественные отношения в Российской Федерации. Т. 12. № 219. С. 97-110.
- Бляхер Л. Е. (2017). Российские регионы в поисках силового предпринимателя // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. Т. 2. № 85. С. 60-79.
- Болтански Л., Кьяпелло Я. (2011). Новый дух капитализма / Пер. с фр., под общей редакцией С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение.
- Вальверде М. (2022). Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении // Городские исследования и практики. Т. 7. № 3. С. 116-139.
- Волков В. В. (2002). Силовое предпринимательство. СПб.; М.: Летний сад.
- Волкова Н. А. (2021). Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника // Экономическая социология. Т. 22. № 5. С. 54-82.
- Барабашев А. Г., Клименко А. В. (2010). Административная реформа и реформа государственной службы в России — вопросы реализации и координации. М.: ГУ ВШЭ.
- Волков В. В., Дмитриева А. А., Поздняков М. Л., Титаев К. (2015). Российские судьи: социологическое исследование профессии. СПб.: Норма.
- Высоковский А. А. (2005). Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Бишкек: Ега-Басма.
- Высоковский А. А. (2012). Управление пространственным развитием // Отечественные записки. Т. 48. № 3. С. 36-47.
- Высоковский А. А., Валетта У. (ред.) (1999). Правовое зонирование: опыт разработки правил землепользования и застройки в городах. М.: Русская панорама.

- Гельман В. Я. (2019). «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. (2008). Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма.
- Гостев М. В. (2022). Неравномерно районированная модель города: истоки — развитие — применение — влияние // Городские исследования и практики. Т. 7. № 1. С. 106–125.
- Желнина А. А., Тьканова Е. В. (2021). Конфликты и согласование интересов городском развитии // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 187–188.
- Коряченко С. И. (2016). Отдельные вопросы прокурорского надзора за исполнением градостроительного законодательства // Криминалист. № 2. С. 75–80.
- Коряченко С. И. (2020). Деятельность прокуратуры по выявлению административных барьеров в сфере градостроительной деятельности // Противодействие коррупции и теневым процессам / Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов и др. (ред.). СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). С. 150–156.
- Латур Б. (2017). Визуализация и познание: изображая вещи вместе. / Пер. с англ. М. Маслюковой, М. Расторгуевой, С. Гавриленко // Логос. Т. 27. № 117. С. 95–156.
- Лаэт М., Мол А. (2017). Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии / Пер. с англ. А. Салина, Е. Быкова // Логос. Т. 27. № 117. С. 171–232.
- Ло Д., Вахштайн В. (пер.) (2006). Объекты и пространства // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 30–42.
- Медведев И. Р. (2018). Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете Закона № 455-ФЗ // Закон. № 3. 126–137.
- Медушевский А. Н. (2002). Власть и собственность в современной России: принятие Земельного кодекса Российской Федерации // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. № 1. С. 1–13.
- Медушевский А. Н. (2005). Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М.: Наука.
- Медушевский А. Н. (2007). Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. Социология. Этнология. Т. 16. № 1. С. 59–98.
- Мезенина О. Б., Лукин Д. А. (2020). Рассуждения о праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком // Московский экономический журнал. № 1. С. 26–34.
- Нанба С. Б. (2016). Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования // Журнал российского права. Т. 6. № 234. С. 32–40.
- Пустовойт Ю. А. (2019). Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. № 4. С. 104–118.

- Расторгуев С. В., Тянь Ю. С.* (2021). Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 53-75.
- Сафарова М. Д.* (2021). Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // Городские исследования и практики. Т. 6. № 2. С. 65-83.
- Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д.* (2018). Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 3. С. 140-169.
- Семёнов А. В., Гилёва А. И.* (2022). Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 73-95.
- Трутнев Э. К.* (2017). Анализ Закона № 373-ФЗ о комплексном развитии территорий // Имущественные отношения в Российской Федерации. Т. 6. № 189. С. 25-35.
- Фуко М.* (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука.
- Харви Д.* (2008). Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. Т. 3. № 66. С. 80-94.
- Харинов И. Н., Синицына В. А.* (2022). Право граждан на участие в принятии градостроительных решений в Российской Федерации: юридическая природа и защита // Антиномии. Т. 22. № 1. С. 131-152.
- Шанин Т.* (2002). Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. // Социологические исследования. Т. 6. № 1. С. 30-40.
- Barnes A. S.* (1998). Property and politics: Privatization, land reform, and institutional development in Russia, 1900-1996. PhD Thesis. Princeton: Princeton University.
- Batunova E., Gunko M.* (2018). Urban shrinkage: An unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities // European Planning Studies. Vol. 26. № 8. P. 1580-1597.
- Bijker W. E., Bal R., Hendriks R.* (2009). The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies. Cambridge: MIT press.
- Blomley N.* (2013). Performing property: Making the world // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. Vol. 26. № 1. P. 23-48.
- Buchowski M.* (2005). Correspondence: Reply to Chris Hann // Anthropology of East Europe Review. Vol. 23. № 1. P. 198-200.
- Buchowski M., Cervinkova H.* (2015). Introduction: On Rethinking Ethnography in Central Europe: Toward Cosmopolitan Anthropologies in the "Peripheries" // Rethinking Ethnography in Central Europe / H. Cervinkova, M. Buchowski, Z. Uherek (eds.). New York: Palgrave Macmillan. P. 1-20.
- Callon M.* (1998). Introduction: the embeddedness of economic markets in economics // The sociological review. Vol. 46. № 1_suppl. P. 1-57.

- Fischel W. A.* (2015). *Zoning Rules! The Economics of Land Use Regulation*. Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy.
- Gallinat A.* (2022). The anthropology of post-socialism: Theoretical legacies and conceptual futures—An introduction // *Critique of Anthropology*. Vol. 42. № 2. P. 103-113.
- Hart P.* (1998). *Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion* // *Novgorod Regional Investment Initiative* / M. Miller (ed.). Available at: <http://users.sussex.ac.uk/~ssfaz/death%20of%20socialism%2013-14.pdf> (Accessed at 08.03.2023).
- Humphrey C.* (1983). *Karl Marx Collective: Economy, society and religion in a Siberian collective farm*. London: CUP.
- Jasanoff S.* (1998). *The fifth branch: science advisers as policymakers*. Cambridge, MA, London: Harvard University Press.
- Law J.* (1999). After ANT: complexity, naming and topology // *The Sociological Review*. Vol. 47. № 1_suppl. P. 1-14.
- Law J.* (2009). Actor network theory and material semiotics // *Turner B. S. The new Blackwell companion to social theory*. West Sussex: Wiley-Blackwell. P. 141-158.
- Ringel F.* (2022). The time of post-socialism: On the future of an anthropological concept // *Critique of Anthropology*. Vol. 42. № 2. P. 191-208.
- Talen E.* (2012). *City rules: How regulations affect urban form*. Washington: Island Press.
- Thelen T.* (2011) Shortage, fuzzy property and other dead ends in the anthropological analysis of (post) socialism // *Critique of Anthropology*. Vol. 31. № 1. P. 43-61.
- Sawyer S. W., Steinmetz-Jenkins D.* (eds.) (2019). *Foucault, Neoliberalism, and Beyond*. London: Rowman & Littlefield.
- Verdery K.* (1999). Fuzzy property: Rights, power, and identity in Transylvania's decollectivization // *Uncertain transition: Ethnographies of change in the postsocialist world* / C. Hann, K. Verdery (eds.). London: Rowman & Littlefield. P. 53-81.
- Volkov V.* (2016). State Failure and State-building in Russia, 1992–2004 // *Persistent State Weakness in the Global Age* / V. Bojicic-Dzelilovic, D. Kostovicova (eds.). London and New York: Routledge. P. 97-111.

Urban Planning Reform: (Non-)Legal Regulation in Russian Cities

Natalia A. Volkova

MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Planning (HSE University), Lecturer, Moscow Architectural School (MARCh), Research Associate of Scientific Research Institute "Almatygenplan" LLP.
Address: 10 N. Syromyatnicheskaya St., building 2
Moscow, 105120 Russian Federation
E-mail: nataliya.a.volkova@gmail.com

The paper is devoted to the analysis of a tool of urban planning — the rules of the Land Use and Development (LUD), which are a key element of the Russian urban planning reform of the 2000s.

The main challenge in urban law and planning is the high variability of norms, which undermines their legitimacy; instead of regulating relationships, they merely describe them. This raises questions about how the dynamics of norms emerge and why a regulatory tool that functioned predictably in international contexts behaves differently when transplanted. How does the LUD tool itself change during urban reform, and how does its operation structure the course of reform? Does it depend on its structure or the conceptual underpinnings on which it is based? How does this distinct operation of LUDs relate to their transfer from a neoliberal economic system to a post-socialist one, and what does this imply about the characteristics of post-socialism? Current research in institutional analysis does not address these questions but allows us to explore how social relations are organized in specific contexts. Drawing on published documents, field research, including in-depth and expert interviews, and participant observations, the paper attempts to offer alternative ways of describing the operation of LUDs. Unlike neo-institutionalism, actor-network theory, and social topology introduce the concept of coordination, which views the operation of the LUD tool as a coordination of processes across four levels: (1) aligning local interests through the technical elements of LUDs, (2) adapting new governance instruments at the state level, (3) synchronizing various reform and change processes, and (4) integrating different epistemological perspectives. Thus, the high variability of LUD norms is linked to their diverse applications, from local interactions to the design and implementation of reforms, with an emphasis on the temporal synchronization of different processes.

Keywords: Land Use and Development Rules, urban planning reform, social topology, coordination, neo-institutionalism, legal zoning

References

- Antonov A. (2022) Planirovanie konchilos', da zdravstvuet planirovanie! [Planning is over, long live planning!] *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices]*, vol. 7, no 3, pp. 81-90.
- Antonova N. L., Abramova S. B., Poljakova V. V. (2020) Pravo na gorod: povsednevnye praktiki molodezhi i partisipacija v proizvodstve gorodskogo prostranstva [The Right to the City: Everyday Practices of Youth and Partisanship in the Production of Urban Space]. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, vol. 3, no 157, pp. 443-462.
- Artamonov S. G. (2014) Zony ohrany ob'ektov kul'turnogo nasledija v sovremennom zakonodatel'stve (chast' 1) [Zones of Protection of Cultural Heritage Objects in Modern Legislation (Part 1)]. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN [Academic Vestnik UralNIIproject RAASN]*, no 2, pp. 33-38.
- Babeikin R. (2022) Pravovoe zonirovaniye. Obzor amerikanskogo opyta v kontekste transformatsii rossiiskoi sistemy gradoregulirovaniya [Legal Zoning. Review of American Experience in the Context of the Transformation of the Russian Urban Regulation System]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices]*, vol. 7, no 3, pp. 91-115.
- Babichev I. V. (2014) Novyj jetap municipal'nogo stroitel'stva: vozmozhnosti i riski [The new stage of municipal construction: opportunities and risks]. *Mestnoe pravo [Local Law]*, no 3, pp. 3.
- Barnes A. S. (1998) *Property and politics: Privatization, land reform, and institutional development in Russia, 1900-1996* (PhD Thesis), Princeton: Princeton University.

- Barabashev A. G., Klimenko A. V. (2010). *Administrativnaya reforma i reforma gosudarstvennoi sluzhby v Rossii-voprosy realizatsii i koordinatsii [Administrative Reform and Civil Service Reform in Russia: Issues of Implementation and Coordination]*, Moscow: HSE.
- Basharin A. V. (2019) Problemy otobrazheniya sanitarno-zashhitnykh zon v gradostroitel'noy dokumentatsii. Kommentarij k Apelljacionnomu opredeleniju Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.10. 2018no 64-APG18-7 [Problems of displaying sanitary protection zones in urban planning documentation. Commentary to the Appeal Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.10. 2018no 64-APG18-7]. *Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii [Property Relations in the Russian Federation]*, vol. 12, no 219, pp. 97-110.
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban shrinkage: An unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities. *European Planning Studies*, vol. 26, no 8, pp. 1580-1597.
- Bijker W. E., Bal R., Hendriks R. (2009) *The paradox of scientific authority: The role of scientific advice in democracies*, Cambridge: MIT press.
- Bliakher L. E. (2017) Rossijskie regiony v poiskah silovogo predprinimatelja [Russian regions in search of enforcement entrepreneur]. *Politija. Analiz. Hronika. Prognoz [Politics. Analysis. Chronicle. Forecast]*, vol. 2, no 85, pp. 60-79.
- Blomley N. (2013) Performing property: Making the world. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, vol. 26, no 1, pp. 23-48.
- Boltanski L., Capello E. (2011) *Novyj duh kapitalizma [The New Spirit of Capitalism]*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Buchowski M. (2005) Correspondence: Reply to Chris Hann. *Anthropology of East Europe Review*, vol. 23, no 1, pp. 198-200.
- Buchowski M., Cervinkova H. (2015) Introduction: On Rethinking Ethnography in Central Europe: Toward Cosmopolitan Anthropologies in the "Peripheries". *Rethinking Ethnography in Central Europe* (eds. H. Cervinkova, M. Buchowski, Z. Uherek, New York: Palgrave Macmillan, pp. 1-20.
- Callon M. (1998) Introduction: the embeddedness of economic markets in economics. *The sociological review*, vol. 46, no 1_suppl, pp. 1-57.
- Fischel W. A. (2015) *Zoning Rules! The Economics of Land Use Regulation*, Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy.
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-1979 academic year]*, Saint Petersburg: Nauka.
- Gallinat A. (2022) The anthropology of post-socialism: Theoretical legacies and conceptual futures—An introduction. *Critique of Anthropology*, vol. 42, no 2, pp. 103-113.
- Gelman V. Ya. (2019) "Nedostoinoe pravlenie": politika v sovremennoj Rossii ["Undignified Governance": *Politics in Modern Russia*], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

- Gelman V. Ya., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. (2008) *Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii, 1991-2006* [Local Government Reform in Russian Cities, 1991-2006], Sankt-Peterburg: Norma.
- Gostev M. V. (2022) Neravnomerno-rajonirovannaja model' goroda: istoki—razvitie—primenenie—vlijanie [Irregular Areas Urban Model: Genesis — Evolution — Application — Influence]. *Gorodskie issledovanija i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 7, no 1, pp. 106-125.
- Harinov I. N., Sinicyna V. A. (2022) Pravo grazhdan na uchastie v prinjatii gradostroitel'nyh reshenij v Rossijskoj Federacii: juridicheskaja priroda i zashhita [Citizens' right to participate in making urban planning decisions in the Russian Federation: legal nature and protection]. *Antinomies*, vol. 22, no 1, pp. 131-152.
- Hart P. (1998) Land Use Regulation Memorandum: Structure of Land Use Regulations in Novgorodskii Raion. *Novgorod Regional Investment Initiative* (ed. M. Miller) Available at: <https://www.urban.org/sites/default/files/publication/70786/411083-Novgorod-Regional-Investment-Initiative.pdf>. PDF (Accessed at 08.03.2023).
- Harvey D. (2008) Pravo na gorod [The Right to the city] (Transl. by A. Smirnov). *Logos*, vol. 3, no 66, pp. 80-94.
- Humphrey C. (1983) *Karl Marx Collective: Economy, society and religion in a Siberian collective farm*, London: CUP.
- Jasanoff S. (1998) *The fifth branch: science advisers as policymakers*, Cambridge, MA, London: Harvard University Press.
- Koryachentsova S. I. (2016) Otdel'nye voprosy prokurorskogo nadzora za ispolneniem gradostroitel'nogo zakonodatel'stva [Selected Issues of Prosecutor's Supervision over the Execution of Urban Planning Legislation]. *Criminalist*, no 2, pp. 75-80.
- Koryachentsova S. I. (2020) Dejatel'nost' prokuratury po vyjaveniju administrativnyh bar'erov v sfere gradostroitel'noj dejatel'nosti. *Protivodejstvie korrupcii i tenevym processam* [Anti-corruption and shadow processes] (eds. D. V. Rybin, E. V. Trofimov et al.), Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Institute (branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice (RPA of Ministry of Justice of Russia), pp. 150-156.
- Koryachentsova S. I., Alborova, A. A. (2020) Prokurorskij nadzor i gradostroitel'nyj process [Prosecutorial oversight and the urban planning process]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Problems of Russian and International Law], vol. 10, no 1-1, pp. 370-378.
- Latour B. (2017) Visualization and cognition: picturing things together. (Transl. by M. Maslyukova, M. Rastorgueva, S. Gavriylenko). *Logos*, vol. 27, no 117, pp. 95-156.
- Talen E. (2012) *City rules: How regulations affect urban form*, Washington: Island Press.
- Law J. (1999) After ANT: complexity, naming and topology. *The Sociological Review*, vol. 47, no 1_suppl, pp. 1-14.
- Law J. (2009) Actor network theory and material semiotics. Turner B. S. *The new Blackwell companion to social theory*, West Sussex: Wiley-Blackwell, pp. 141-158.
- Law J., Vakhshtayn V. (transl.). (2006) Objects and spaces. *Russian Sociological Review*, vol. 5, no 1, pp. 30-42.

- Laet M., Mol A. (2017) Zimbabvijskij vtulochnyj nasos: mehanika tekucej tehnologii [The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology]. (Translation by A. Salin, E. Bykov). *Logos*, vol. 27, no 117, pp. 171-232.
- Medushevsky A. N. (2002) Vlast' i sobstvennost' v sovremennoj Rossii: prinjatie Zemel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Power and Property in Modern Russia: Adoption of the Land Code of the Russian Federation]. *Konstitucionnoe pravo: vostochno-evropejskoe obozrenie [Constitutional Law: Eastern European Review]*, no 1, pp. 1-13.
- Medushevsky A. N. (2005) *Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII–nachalo XXI veka [Projects of Agrarian Reform in Russia: XVIII-early XXI century]*, Moscow: Nauka.
- Medushevsky A. N. (2007) Agrarnye reformy v Rossii: proekty i realizacija [Agrarian reforms in Russia: projects and implementation]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, vol. 16, no 1, pp. 59-98.
- Medvedev I. R. (2018) Obshhestvennye obsuzhdenija gradostroitel'nyh proektov v svete Zakona № 455-FZ [Public discussions on urban planning projects in the light of Law no 455-FZ]. *Zakon [Law]*, no 3, pp. 126-137.
- Nanba S. B. (2016) Pereraspredelenie polnomochij: sootnoshenie federal'nogo i regional'nogo regulirovanija [Redistribution of powers: the ratio of federal and regional regulation]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, vol. 6, no 234, pp. 32-40.
- Pustovoit Y. A. (2019) Kak sozdaetsja rezhim: vlastnye koalicii v sibirskih gorodah [How a regime is created: power coalitions in Siberian cities]. *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]*, no 4, pp. 104-118.
- Rastorguev S. V., Tjan Ju. S. (2021) Protestnyj jekoaktivizm v cifrovoj srede (na primere «Krasnojarskogo kejsa») [Protest eco-activism in digital environment (on the example of Krasnojarsk case study)]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]*, no 6, pp. 53-75.
- Ringel F. (2022) The time of post-socialism: On the future of an anthropological concept. *Critique of Anthropology*, vol. 42, no 2, pp. 191-208.
- Safarova M. D. (2021) Uchastie grazhdan v gradoregulirovanii: teorija i praktika zakonodatel'nogo obespechenija [Citizen participation in urban regulation: theory and practice of legislative provision]. *Gorodskie issledovanija i praktiki [Urban Studies and Practices]*, vol. 6, no 2, pp. 65-83.
- Sawyer S. W., Steinmetz-Jenkins, D. (eds.) (2019) *Foucault, Neoliberalism, and Beyond*, London: Rowman & Littlefield.
- Semenov A. V., Shevtsova I. K., & Bederson V. D. (2018) Gorodskaya mobilizatsiya i gradostroitel'naya politika: strategicheskoe vzaimodeystvie mestnykh zhitely i zastroyshchikov v situatsii konflikta [Urban mobilization and urban policy: strategic interaction of local residents and developers in a conflict situation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, vol. 21, no 3, pp. 140-169.
- Shanin T. (2002). Social-economic mobility and history of rural Russia 1905-1930. *Sociologicheskie issledovaniya*, vol. 6, no 1, pp. 30-40.
- Thelen T. (2011) Shortage, fuzzy property and other dead ends in the anthropological analysis of (post) socialism. *Critique of Anthropology*, vol. 31, no 1, pp. 43-61.

- Thelen T. (2012) Economic concepts, common grounds and 'new' diversity in the Anthropology of post-socialism: Reply to Dunn and Verdery. *Critique of Anthropology*, vol. 32, no 1, pp. 87-90.
- Trutnev E. K. (2017) Analiz Zakona № 373-FZ o kompleksnom razvitii territorij [Analysis of Law 373-FZ on the complex development of territories]. *Imushhestvennye ot-nosheniya v Rossijskoj Federacii [Property Relations in the Russian Federation]*, vol. 6, no 189, pp. 25-35.
- Valverde M. (2022) Glazami goroda: dialektika modernnykh i domodernnykh sposobov vi-deniya v gorodskom upravlenii [Through the Eyes of the City: The Dialectics of Modern and Pre-Modern Ways of Seeing in Urban Management]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices]*, vol. 7, no 3, pp. 116-139.
- Verdery K. (1999) Fuzzy property: Rights, power, and identity in Transylvania's decollectivization. *Uncertain transition: Ethnographies of change in the postsocialist world* (eds. M. Burawoy, K. Verdery), London: Rowman & Littlefield, pp. 53-81.
- Volkov V. (2002) *Silovoe predprinimatel'stvo [Violent Entrepreneurs]*, Saint Petersburg, Moscow: Letnij sad.
- Volkov V. (2016) State Failure and State-building in Russia, 1992–2004. *Persistent State Weakness in the Global Age* (eds. V. Bojicic-Dzelilovic, D. Kostovicova), London and New York: Routledge, pp. 97-111.
- Volkov V., Dmitrieva A. A., Pozdnyakov M. L., Titaev K. (2015). *Rossiiskie sud'i: sotsiologicheskoe issledovanie professii [Russian Judges: A Sociological Study of the Profession]*, Sankt-Peterburg: Norma.
- Volkova N. A. (2021) Pravila gorodskogo zonirovaniya: pravovaja izmenchivaja tehnika [Urban zoning regulations: a changeable legal technique]. *Ekonomicheskaja sociologija [Economic Sociology]*, vol. 22, no 5, pp. 54-82.
- Vysokovsky A. A. (2005) *Pravila zemlepol'zovaniya i zastrojki: rukovodstvo po razrabotke. Opyt vvedeniya pravovogo zonirovaniya v Kyrgyzstane [The Rules on Land Use and Development. An Experience of Implementation of the Legal Zoning in Kyrgyzstan]*, Bishkek: Ega-Basma.
- Vysokovsky A. A., Valetta U. (eds.) (1999) *Pravovoe zonirovanie: opyt razrabotki pravil zemlepol'zovaniya i zastrojki v gorodah [The Legal Zoning: the experience of policy-making of Rules on Land Use and Development in Russian cities]*, Moscow: Russkaja panorama.
- Vysokovsky A. A. (2012) Upravlenie prostranstvennym razvitiem [Administration of spatial development]. *Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland]*, vol. 48, no 3, pp. 36-47.
- Zhel'nina A. A., Tykanova E. V. (2021) Konflikty i soglasovanie interesov gorodskom razvitii [Conflicts and Coordination of Interests in Urban Development]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki [Journal of Social Policy Research]*, vol. 19, no 2, pp. 187-188.

«Убирай или убирайся». (Само)управление, сообщество и гражданство в новых жилых комплексах в российских городах

Любовь Чернышева

Кандидат социологических наук, аспирантка, Амстердамский институт социальных исследований,

Университет Амстердама

Адрес: Postbus 15718, Amsterdam, Netherlands 1001

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

В статье представлен анализ (само)управления новым жилым комплексом «Северная долина» (Санкт-Петербург). Построенный в период неолиберализации российской жилищной политики, этот ЖК является городским пространством, в котором вмешательство и контроль со стороны государства ограничены, предоставление социальных благ частично переложено на частную компанию-девелопера, управляющую территорией, а социальный контроль во многом осуществляют жители. Эта ситуация анализируется как пример неолиберального коммунитаризма, или модели управления, основанной на мобилизации сообщества, респонсибилизации горожан и акценте на понятии «гражданство». В отличие от существующих подходов, неолиберальный коммунитаризм рассматривается не через программы, заданные «сверху» городской администрацией, а через практики самоуправления жителей нового района. На материалах проведенных фокус-групп, а также онлайн-коммуникации жителей «Северной долины» показано, во-первых, какие представления сформировались у них по поводу устройства управления территорией района, с акцентом на распределении ответственности за решение проблем и непосредственно той роли, которую жители отводят себе. Во-вторых, продемонстрировано, как проявляются элементы неолиберального коммунитаризма: возникающие за пределами государства практики контроля за порядком, респонсибилизация жителей района, а также формирование гражданства особого типа. Для описания того, как эти элементы вводятся не «сверху», в рамках городской/государственной кампании по вовлечению жителей, а возникают «снизу», в практике соседей по ЖК, предложено понятие «силовое соседство», отражающее радикальную форму респонсибилизации, которую осуществляют жители по отношению друг к другу, а также понятие «локальное городское гражданство», которое схватывает связь между жителями «Северной долины», сообществом и территорией.

Ключевые слова: самоуправление, новые жилые комплексы, жилищная политика, общество, городское гражданство, респонсибилизация, неолиберальный коммунитаризм

Словосочетание «соседские чаты» у многих вызывает негативные ассоциации: обсуждения там далеко не всегда приводят к решениям соседских проблем, проходят зачастую на повышенных тонах и сопровождаются агрессией. Соседи то и дело призывают замазать эпоксидной смолой замок тому, кто шумит по ночам, или высыпать мусор перед дверью того, кто оставил пакет около мусоропровода. В ответ на такие высказывания одна из жительниц «Северной долины» — крупного жилого комплекса в Петербурге, известного также как Парнас — однажды написала: «Прочитав сотни комментов к десяткам постов, я прихожу к выводу, что больше

всего Парнасу нужны не школы, сады и парковки, <...> Парнасу нужен... Шериф! Не хилый участковый с огуцом в кабуре и папочкой для бумаг подмышкой. Шериф! Вершитель мгновенной Справедливости»¹. Такой супер-герой призван решать накопившиеся проблемы через подавление и жесткое наказание виновных: «Припарковал кто то криво и не туда — и вот зубы и сопли автолоха стекают с капота на снег. <...> Шериф, почесывая трехдневную щетину, заставил хозяина мопса сожрать собачье говно, а шумные соседи в кандалах моют черную лестницу и тихо поют псалмы». Этот шуточный и на первый взгляд не требующий внимания комментарий открывает необычную перспективу для анализа городского (само)управления в новых жилых районах.

Шутка подчеркивает перевернутую иерархию значимости локальных проблем: вопросы уборки за собаками и чистоты на лестнице будто предстают более важными, чем проблемы недостроенной инфраструктуры, борьба за которую является значимой частью жизни новых районов (Запорожец, Багина, 2021). Подобные проблемы связаны с неолиберализацией городской жилищной политики, которая происходит в городах по всему миру, хотя и проявляется по-разному (Candan, Kolluoğlu, 2008; Hidalgo et al., 2018). Неолиберализм — это политическая доктрина и политэкономическая теория, опирающаяся на принципы сильного права собственности, свободного рынка, наделенного дисциплинирующей ролью, дерегуляции со стороны государства и передачу социальных функций от государства к частным посредникам (Харви, 2007, Реск, 2010). В рамках такой доктрины жилье предстает не общественным благом, но объектом инвестиций, удовлетворяющим потребности капитала в постоянном росте (Harvey, 2010). При этом логика крупных жилищных проектов способствует эффективному извлечению капитала, часто игнорируя сбалансированное городское развитие и благополучие жителей (Gualini, Majoor, 2007; Salet, 2008). Строительство крупных жилых районов на окраинах городов стало типовой формой для капитализации по всему миру, будь то города Израиля, Дании, Испании (Majerowitz, Allweil, 2019), Чили (Zunino, Hidalgo, 2009) или постсоциалистские города Казахстана (Bissenova, 2012).

Эта статья вносит вклад в исследования моделей управления постсоциалистическими городами (Büdenbender, Zupan, 2017; Golubchikov, 2004), в том числе — жилищной сферой.

Продолжая дискуссию о разнообразии «реально существующих неолиберализмов» (actually existing neoliberalisms) (Brenner, Theodore, 2002), я показываю, что жилищная политика России 2010-х годов представляет собой пример гибридной формы неолиберализма, которая, с одной стороны, переносит бремя предоставления социальных благ на горожан и частные компании, с другой — прибегает к риторике социальной защиты (Матвеев, 2015; Matveev, Novkunskaaya, 2020). В результате новые крупные жилые комплексы сталкиваются с проблемами дефицита

1. Здесь и далее при цитировании сообщений с онлайн-страниц «Северной долины» авторская пунктуация и орфография сохранены.

социальной инфраструктуры, неразвитой средой, транспортной недоступностью и трудностями в участии жителей в управлении домами.

«Провалы» подобных неолиберальных политик в различных сферах зачастую компенсируют отдельные люди или локальные сообщества. Они поддерживают важнейшие городские функции, замещая инфраструктуры в ситуации их поломки (Dominelli, 2013), декоммодифицируют социальные блага, в том числе жилье, делая их доступными широкой публике (Хан, Имамаса, 2020), или требуют от государства равного социального обеспечения вне зависимости от места жительства — в центре города или в фавелах (Holston, 2009). В подобных практиках формируется так называемое «городское гражданство» (Blokland et al., 2015; Purcell, 2003). В отличие от национального гражданства оно устанавливает связь жителей и локального сообщества, отдельных действий людей и достижения общего блага на локальной территории.

Проявление локального гражданства через деятельность на благо сообщества — от борьбы за доступное жилье (Fields, 2015) до всевозможных DIY-практик (Iveson, 2013) — многие авторы рассматривают как реализацию коллективного по своей природе «права на город» (Харви, 2008), а значит, борьбы с «колонизацией» повседневности, осуществляемой капиталистическими силами и действующими с ними в одной логике правительствами городов. Однако в этой статье я критически рассматриваю включение жителей в решение локальных городских проблем. Парадоксальным образом важная роль сообществ в поддержании жизни городов делает их привлекательным объектом для управления со стороны городских администраций (Miller, Rose, 2008). Следуя за рядом исследователей, я предлагаю рассматривать, как городские сообщества и низовые инициативы не атакуют, а *поддерживают* саму неолиберальную логику городского управления (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009). Такая модель получила название «неолиберальный коммунитаризм» (Houdt, Schinkel, 2014): она предполагает мобилизацию сообществ и респонсибилизацию — перенос на горожан ответственности за городские проблемы и их решение.

Обращаясь к материалам, собранным в ЖК «Северная долина» в рамках нескольких исследовательских проектов с 2016 по 2021 год², я рассмотрю, какие формы может принимать неолиберальный коммунитаризм в конкретных местах. В отличие от авторов, фокусирующихся на том, как такая модель реализуется государством «сверху» (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009), я предлагаю перевернуть этот подход и обратиться к перспективе «снизу», то есть к тому, как распределяется ответственность за управление жилым районом в представлениях и практиках его жителей. Я покажу, что, несмотря на отсутствие государственной кампа-

2. Основными материалами статьи стали проведенные в 2019 году фокус-группы с жителями «Северной долины». Одна группа объединила жителей, вовлеченных в работу советов домов, две группы были собраны по критерию возраста (20–59 лет и 60+ лет), еще одна группа состояла только из арендаторов, в то время как в три другие вошли только собственники квартир. Статья также опирается на 25 интервью (21 с жителями «Северной долины» и 4 с экспертами в области городского развития) и на анализ 110 отобранных постов и последующих дискуссий длиной от 10 до 250 комментариев, которые были опубликованы жителями на самой крупной онлайн-странице «Северной долины» в социальной сети «ВКонтакте» с 2016 по 2021 год.

нии/программы вовлечения сообществ в решение локальных проблем, жители «Северной долины» все же оказываются частью машины, в которой, занимаясь проблемами, возникшими в результате сложившихся в 2010-х форм жилищной политики, они действуют в логике неолиберального коммунитаризма и поддерживают удобную для государства политику, связанную с отказом от регулирования жилищной сферы.

В следующих частях я последовательно рассмотрю историю «Северной долины», иллюстрирующую процессы неолиберализации российской жилищной политики, затем опишу концепцию неолиберального коммунитаризма и прослежу, как ее элементы, связанные с разными формами респонсификации, активацией локального гражданства и действиями сообщества, проявляются в управлении районом. Я покажу, как связано создание «Северной долины» — проекта комплексного освоения территории и продукта неолиберальной жилищной политики — с тем, как ее жители представляют себе повседневное самоуправление своим районом, как они распределяют ответственность между различными субъектами за поддержание района в благоприятном состоянии, а также какую роль они отводят себе.

Неолиберализация жилья и жилищной политики в России

В силу уникальности исторических контекстов и локальных институтов, в условиях которых государства реализуют свою политику, неолиберализм приобретает разнообразные формы, которые называют «реально существующими неолиберализмами» (*actually existing neoliberalisms*) (Brenner, Theodore, 2002). Это понятие указывает на то, что неолиберальная идеология на практике реализуется по-разному, сталкиваясь с уже сложившимися в городах политическими режимами и институтами, устоявшимися регуляторными практиками и отношениями между политическими акторами. Так, например, российское государство, пережившее серьезные трансформации политической и экономической систем в начале 1990-х, изначально разворачивало неолиберальную политику в двух направлениях: с одной стороны, оно переносило ответственность за социальное обеспечение на домохозяйства, с другой — выстраивало новые формы государственного управления, основанные на конкуренции и логике рынка (Romanov, 2008). Со временем неолиберальный подход был дополнен политикой построения «сильного государства» — их несколько парадоксальное сочетание породило современный российский неолиберализм, который можно назвать «гибридным»: он предполагает проведение социальных реформ неолиберального толка, сопровождаемых риторикой увеличения социальных обязательств государства (Матвеев, 2015). Проводя дерегуляцию различных сфер экономики, оптимизируя системы управления, сокращая государственные бюджеты на социальную сферу и привлекая частные компании к реализации государственных функций, российские власти одновременно публично провозглашают усиление государственной заботы о гражданах и увели-

чение расходов на социальные нужды (Матвеев, 2015; Matveev, Novkunskaaya, 2020). Неoliberalная логика реформ сочетается в России с «воспроизводством отдельных элементов советского наследства» (Матвеев, 2015: 34), устанавливая «неoliberalизм в советском духе» (Hemment, 2009).

Проиллюстрировать этот тезис можно, обратившись к сфере жилищной политики в постсоветские годы. Центральными изменениями постсоветского времени стали приватизация (Attwood, 2012) и появление рынка жилья и аренды в России (Golubchikov, 2004; Макарова, 2010; Puzanov, 2018). Жилищное хозяйство из государственного, финансируемого из средств государственного бюджета, постепенно стало переходить в рыночную форму. Возникли различные варианты самоуправления и частные организации, обслуживающие жилой фонд (Бессонова, 2011). Все перечисленные изменения идеологически носили neoliberalный характер: создавались новые рынки и новые отношения между государством и гражданином, основанные на индивидуальной ответственности. На практике же жилье не формировало полноценный рынок (Zaviska, 2012; Stephens et al., 2015), жилищное хозяйство все еще субсидировалось из местных бюджетов и бюджетов муниципальных предприятий, а горожане по-прежнему воспринимали муниципалитеты как ответственных за управление жилым фондом (Бычкова, Попова, 2013; Бессонова, 2011). Устройство унаследованных «социалистических» инфраструктур также не позволяло в полной мере «вырастить» индивидуальных ответственных потребителей коммунальных услуг (Бычкова, Попова, 2013).

В 2000-х годах государство расширило свое участие в социальной сфере, в том числе в жилищной политике (Cook, 2011), но не совершило полный разворот от neoliberalных реформ, а лишь создало сложное сочетание государственнического и neoliberalного подходов (Kulmala et al., 2014). Однако к концу десятилетия стал заметным новый виток «реально существующей» neoliberalной жилищной политики. Во-первых, появилась новая форма жилого девелопмента — комплексное освоение территорий (КОТ)³, во-вторых, в 2005-м была принята программа «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». Будучи альтернативой уплотнительной застройке, проекты КОТ стали осуществимыми благодаря появлению на строительном рынке крупных компаний, которые обладали серьезным политическим весом. Их интересы совпали с интересами городских администраций, как отмечает один из информантов, эксперт в сфере недвижимости:

«Всем была поставлена задача — увеличить объем строительства. <...> Один из важных КРП по эффективности администрации городской, региональной, это <...> ввод жилья. И было понятно, что без активации этих КОТов эти показатели никак не обеспечить. <...> Поэтому началось увлечение этими мегaproектами».

3. Основная идея КОТ заключалась в реализации масштабного проекта развития территории (чаще всего на периферии города) одной или несколькими крупными девелоперскими компаниями, включающего помимо строительства жилья создание социальных объектов и инфраструктуры за счет застройщика.

Процедура организации КОТ была следующая⁴: девелоперская компания по результатам торгов получала крупный земельный участок в аренду на длительный срок (например, 49 лет) для реализации проекта крупного ЖК, при этом в зависимости от договора с городской администрацией на эту компанию могли быть также возложены обязательства по строительству инженерных сетей и социальных объектов. Так появился один из флагманов жилищного строительства этой эпохи — ЖК «Северная долина». В 2006 году городское правительство передало участок земли в 270 га в аренду компании «Главстрой-СПб», которая планировала построить 2 млн 700 тыс. кв. м доступного жилья, вмещающих порядка 80 000 жителей. Проект курировала лично губернатор В. Матвиенко, которая публично заявила, что «Северная долина» станет одним из самых красивых и комфортных новых микрорайонов города⁵ и «Город проследит, чтобы вся социальная инфраструктура вводилась застройщиками без отставания»⁶.

Фактически крупная девелоперская компания брала на себя обязательства, которые в советское время лежали на плечах государства. Механизм КОТ в какой-то степени имитировал создание советских микрорайонов, а сам ЖК «Северная долина» оказался продолжателем плана застройки Ленинграда, о чем говорит в интервью бывший чиновник петербургского Комитета по градостроительству и архитектуре: «Вот эти спальные районы, они практически были сформированы уже в хрущевском генплане. Уже «Северная долина» была в хрущевском генплане».

За фасадом государственной заботы, однако, оказались процессы неолиберализации: фактически городская администрация не просто переложила бремя выполнения социальных обязательств по обеспечению жителей социальной инфраструктурой на плечи частной компании, но также, согласно контракту, на 49 лет потеряла возможность вмешиваться в процессы строительства и ввода социальных объектов в эксплуатацию. В результате в «Северной долине» — как и в других аналогичных проектах (Челнокова, Гуревич, 2017) — строительство социальной инфраструктуры существенно отстает: на 2018 год, когда ЖК уже был построен на 70%, социальная инфраструктура была построена только на 35% (детские сады) и 11% (школы) (см. подробнее: Чернышева, 2019). Городская администрация предлагала решение проблем в той же неолиберальной логике: в 2017 году инициировано создание Фонда социальных обязательств застройщиков, в который застройщики должны были перечислять процент с каждого построенного квадратного метра⁷. Появление та-

4. Согласно принятому в 2004 году Федеральному закону № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации».

5. Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко провела рабочее совещание на стройплощадке «Северной долины». (2010). URL: <https://sevdol.ru/news/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-rabochee-soveshchaniye-na-stroyploshchadke-severnoy2/> (дата доступа: 04.04.2023).

6. Матвиенко: Город проследит за социальными объектами (2010). URL: <https://gazeta.bn.ru/articles/2010/06/25/65043.html> (дата доступа: 04.04.2023).

7. Застройщики могут направить предложения по структуре и работе Фонда социальных обязательств до 4 декабря (2017). URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/komstroy/news/125087/> (дата доступа: 04.04.2023).

ких отчислений в конечном счете создало бы двойное обременение для покупателей квартир, которые платили бы за возможность пользоваться детскими садами и школами дважды — сначала посредством налогов, затем скрытой долей стоимости квартиры. Что касается решения уже существующих проблем «Северной долины», отвечая официально на жалобы⁸ горожан на отсутствие школ и детских садов, городская администрация ссылалась на планы по возведению и ввод в эксплуатацию этих объектов, не выражая своего отношения к происходящим нарушениям и не упоминая какие-либо принятые меры для разрешения конфликта.

Аналогичная ситуация возникла по поводу участкового пункта полиции, который был открыт лишь в 2016 году⁹. Тогда на территории уже проживало порядка 40 тысяч человек. Сегодня, когда население района составляет порядка 80 тысяч человек, по-прежнему нет полноценного круглосуточного отделения полиции, а существующий пункт работает лишь несколько часов в неделю.

Важный аспект процессов неолиберализации проявляется и в том, как устроено жилищное самоуправление в «Северной долине». Как подробно показано в статье (Чернышева, 2020), несмотря на то что управляющая компания в соответствии с Жилищным кодексом является подотчетной собственникам жилья, фактически будучи аффилированной с застройщиком, УК выступает полноправной хозяйкой жилого комплекса и всевозможными — в том числе неправовыми — способами стремится ограничить самоуправление. Попытки жителей провести общее собрание в огромном доме на 3000 квартир, набрать кворум и принять решение по поводу общедомового имущества, параллельно сопротивляясь саботажу УК, препятствующей проведению собрания, малоуспешны.

Суммируя, можно сказать, что «Северная долина», один из первых — и типовых — современных крупных ЖК, демонстрирует все тенденции гибридной неолиберализации жилищной сферы в постсоветской России. За фасадом заботы государства о гражданах, за риторикой «доступного» жилья на крупной городской территории сформировался фактически «частный» город, где государство не может выполнять свои социальные обязательства и снимает с себя ответственность за управление домами и пространствами между ними.

Неолиберальный коммунитаризм, или Зачем городу сообщества

С середины 2010-х район «Северная долина» подвергается критике со стороны урбанистов и специалистов по городскому развитию. Порой эта критика выходит за рамки обсуждения транспортной доступности и отсутствия социальной инфраструктуры, создающих наблюдаемые проблемы здесь-и-сейчас. Критики ата-

8. С 2014 года жители района направили в адрес органов городской и федеральной власти не менее четырех петиций с требованием ускорения строительства социальной инфраструктуры. Каждая из них собрала до 5 тысяч подписей (онлайн и офлайн).

9. *Участковый пункт полиции открылся в Выборгском районе Санкт-Петербурга на территории «Северной долины»* (2016). URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_viborg/news/85627/ (дата доступа: 04.04.2023).

кую материальную форму ЖК: считается, что дома и планировка пространства способствуют анонимности жителей, отсутствию контактов с соседями и заботы о районе (подробнее см.: Чернышева, 2019).

Иными словами, критикуя ЖК, урбанисты поднимают проблему формирования сообществ в новых районах с их материальностью, доставшейся в наследство от советских планировочных практик и принявшей монструозные формы. Но это не уникальная проблема новостроек: многочисленные инициативы городских активистов, культурных и социальных институций направлены на формирование городских сообществ¹⁰. Риторика сообщества как необходимого элемента «качественной среды» становится настолько вездесущей, что возникает обратное требование «права на одиночество», которое подчеркивает, что город — это «*уникальная возможность для человека как раз не быть частью никакого сообщества. <...> которая позволяет человеку быть одному*» (Куренной, 2017: 19).

Сожаление о «смерти» сообществ в городах и стремление их возродить — это общее место в городских исследованиях и практиках по всему миру. С одной стороны, эта риторика сообществ связана с критическим урбанизмом и понятием «права на город», которое выражается в непосредственном *коллективном* участии в управлении городом (Харви, 2008). Сообщества — это тот элемент городской жизни, который способен к созданию и поддержанию общего блага, к декоммодификации городского пространства (Castells, 1983). В этом смысле развитие сообществ предстает альтернативой неолиберальной доктрине.

С другой же стороны, парадоксальным образом идея сообщества находит свое место в неолиберальной политике города. Сообщества становятся объектом управления: их программируют, развивают, картируют, сохраняют; «сообщество» становится значимой единицей градопланирования в неолиберальном городе (Miller, Rose, 2008). Более того, развитие сообществ оказывается *подчиненным* неолиберальной логике. Так, исследователи показывают, как в городах формируется *неолиберальный коммунитаризм* — стратегия управления, соединяющая в себе несочетаемые на первый взгляд элементы — неолиберальную логику и ценности коллективного участия (Houdt, Schinkel, 2014; Patton, 2009). Механика неолиберального коммунитаризма раскрывается на примере борьбы с преступностью в Роттердаме (Houdt, Schinkel, 2014). Столкнувшись в 1980-х годах с высоким уровнем преступности и не имея возможности увеличивать государственные расходы, власти Нидерландов инициировали кампанию, которая предполагала мобилизацию отдельных граждан, гражданского общества и частного сектора для борьбы с преступностью¹¹. Риторика властей предполагала респонсибилизацию сообществ и отдельных граждан, то есть перенос ответственности за решение проблем «на аутсорс», столь характер-

10. В последние годы также издаются научно-практические пособия по созданию сообществ (Кузнецов и др., 2021; Делленбо-Лоссе и др., 2021).

11. Речь шла о так называемых «мелких» преступлениях и нарушениях порядка, в то время как борьбу с «тяжкими» преступлениями (например, организованной преступностью) государство оставляло за собой.

ную для неолиберальной политики (Dean, 1999). Подобное не прямое управление дистанцирует государство от непосредственного решения проблемы. Политические цели достигаются не за счет подчинения: граждане действуют как бы сами по себе, предпринимчиво выполняя переданные им обязанности (Puysäinen et al., 2017).

В одном из программных документов министерства юстиции Нидерландов было обозначено, что слишком долго артикулированы были лишь *права* граждан, теперь же настало время обратить внимание на их *обязанности* перед другими гражданами и сообществом в широком смысле (Houdt, Schinkel, 2014). В подобных заявлениях проявляются два разных вида респонсибилизации: *репрессивная* обвиняет граждан в том, что они сами перестали уважать закон и оказались в зоне риска, и потому заслуживают интервенцию и применение к ним различных мер. *Фасилитирующая* — стимулирует «активное гражданство», которое предполагает, что граждане вовлечены в достижение общих целей, кооперируются с государством и считаются ответственными за результаты поддержания порядка.

Ситуацию вокруг «Северной долины» отличает риторика городских властей. Как уже было сказано, в России сформировался гибридный тип неолиберализма, который сочетает привлечение частного капитала для реализации государственных функций с риторикой заботы о гражданах и усилении социальной поддержки. Поэтому в упомянутых выше высказываниях губернатора именно городская администрация выступает основным актором, ответственным за то, чтобы «обеспечить» (или «проконтролировать») обеспечение социальными благами, включая безопасность. Возникает вопрос: можно ли вообще говорить о неолиберальном коммунитаризме в этом случае, если отсутствует ключевой его элемент — респонсибилизация горожан в риторике городских властей?

Риторика государства важна, но не менее важно и то, как она превращается в реальные практики управления территорией и способы распределения ответственности в тех ситуациях, когда возникает необходимость поддержания порядка. Респонсибилизация — это не только стратегия государства, но и непосредственная практика ее реализации, а значит, необходимо исследовать не только то, как государство наделяет ответственностью, но и то, как эту ответственность берут на себя «на местах», в конкретных ситуациях (Birk, 2017). Если авторы, исследующие неолиберальный коммунитаризм и респонсибилизацию, чаще фокусируют внимание на риторике и действиях представителей власти, я предлагаю подойти к исследованию с другой стороны и сделать акцент на перспективе жителей «Северной долины». Реализуют ли они в своих представлениях и практиках неолиберальный коммунитаризм, который предписывает брать на себя ответственность перед территориальным сообществом?

Формула управления «Северной долиной»

Собственники квартир в «Северной долине» занимают важное место в структуре управления жильем. В соответствии с Жилищным кодексом, они отвечают

не только за собственные квартиры, но также за все инфраструктуры многоквартирных домов и участки земли под ними и вокруг. Иные же территории являются в разных конфигурациях зонами ответственности застройщика, городских и муниципальных властей. Однако, как показали фокус-группы, представления жителей о своей роли в управлении отличаются от той, что предполагает формальная структура управления.

Жители района, которые вовлечены в деятельность формальных органов самоуправления (советов домов), разительно расходятся в своих суждениях от не вовлеченных в такую работу жителей. Они имеют четкую картину представлений о взаимосвязях различных органов власти с застройщиком, управляющей компанией (УК) и собственниками. Они рассуждают о проблемах района с точки зрения полномочий разных органов/инстанций/организаций и возможностей/стратегий навигации между ними. Отвечая на вопрос о том, кто должен решать проблемы, один из участников подчеркивает, что *«у каждой проблемы есть свой адрес»* (ФГ 1, собственник, член Совета дома). В результате прошлого опыта взаимодействия с застройщиками, УК, муниципальными депутатами, чиновниками разных уровней и профилей у таких жителей сложилось представление о дифференцированной системе распределения ответственности: они знают, как устроена ответственность в «Северной долине», какие органы вовлечены в процессы оснащения района социальной инфраструктурой, а какие — в текущий ремонт оборудования дома. Они владеют законодательной базой и разбираются в том, как отстаивать свои права законными методами. Перечисляя тех, кто должен решать проблемы, они практически не упоминают абстрактную «городскую власть». Основные агенты, на которых они возлагают ответственность за решение проблем, — это управляющие компании (УК) и собственники квартир, обязанности которых контролировать обслуживание: *«Профессионалы должны этим [обслуживанием дома] заниматься, но профессионалы, которые четко под контролем жителей»* (ФГ 1, собственница, член Совета дома). Однако признавая, что возможности этих агентов ограничены законодательно (нормативами, устройством институтов самоуправления и т.п.), наиболее вовлеченные жители указывают на роль законодательной власти (городской и федеральной) в решении проблем: *«При нынешнем законодательстве это ничего не сделать. Нужно менять законодательство, в первую очередь, электрифицировать голосование [собственников помещений в многоквартирных домах]»* (ФГ 1, собственник, член Совета дома).

В отличие от таких вовлеченных горожан, составляющих явное меньшинство в «Северной долине», те, кто не имел опыта взаимодействия с застройщиком, муниципалитетом и комитетами городского правительства, считают, что проблемы района должен решать некий обобщенный властный орган: чаще всего его называют «город» или «власть», реже упоминают конкретные должности — «глава района», «муниципальные депутаты»¹². Жители «Северной долины» не уникальны

12. При этом характер проблем зачастую не сходится с полномочиями называемых органов.

в своих представлениях о «власти»: аналогичную риторику можно найти в случаях оспаривания локальных городских территорий горожанами (Тыканова и др., 2024).

Примечательно, что, какая бы степень вовлеченности в управление районом ни была у жителей, ответственность за решение проблем жилого комплекса они описывают по единой формуле, которую можно представить так:

«Власти должны делать X, но и жители со своей стороны должны делать Y».

Наборы действий X и Y, однако, имеют свою специфику у разных групп жителей. В группе условных «активистов» эта формула может принимать следующее значение: застройщик должен решить проблему нехватки парковочных мест, но и собственники квартир, со своей стороны, должны заставить застройщика эту проблему решать. В этом примере есть четко обозначенные ответственные, между которыми возникает отношение контроля: жители предстают мобилизаторами процессов решения проблем, их зона ответственности ограничивается тем, чтобы защищать свои интересы, требовать и добиваться: *«Кто [проблемы] должен решить? Известно, кто — люди (т. е. жители района. — Прим. авт.). <...> Больше никто не будет решать, всем остальным по барабану»* (ФГ 1, собственница, член Совета дома).

Те, кто не имел опыта взаимодействия с органами власти, акценты расставляли противоположным образом. Их формула решения проблемы парковки могла бы звучать так: абстрактные «власти» должны решать проблему недостатка парковочных мест, но и люди, со своей стороны, должны сообщить о проблеме. Абстрактная «городская власть» обладает ресурсами и возможностями, по мнению жителей, но не заботится о «Северной долине» должным образом. В такой ситуации жители, которые нужными ресурсами не обладают, могут становиться лишь «советчиками», «помощниками» этой абстрактной власти, передавая информацию о своих потребностях и запросах: *«Наше дело — так может быть где-то подсказать [властям]»* (ФГ 3, собственница).

Другой вариант состоит в том, чтобы решать масштабные проблемы на самом низовом уровне доступными средствами: «власти» должны решать проблему недостатка парковочных мест, но и жители, со своей стороны, должны научиться парковаться так, чтобы всем хватало места. Следуя этой формуле в иных сферах соседской жизни, жители видят свою роль, например, в проведении субботников, в озеленении района, а также в (само)контроле того, как пользоваться пространством и инфраструктурами. Иными словами, все жители района должны осуществлять управление, «начав с себя» и не «проходя мимо» нарушений порядка, то есть контролируя, как они сами и их соседи выбрасывают мусор, выгуливают собак и паркут автомобили: *«Конечно, должна работать система, не мы должны сами лично [решать проблемы], хотя и это правильно, когда мы пойдем и уберем за своей собакой»* (ФГ 4, арендатор). Обсуждая проблему парковки, участники фокус-групп сначала называют виновного в ее возникновении (застройщика), затем не могут точно определить ответственного за решение и переводят дискуссию

в плоскость решения, в котором на низовом уровне поведения проблему должны решать автовладельцы, а контроль за этим поведением должен быть «системным», то есть исходить от обобщенного «государства»: *«[для решения проблемы нужны] какие-то совместные усилия застройщика и властей. Ну, и мне кажется, если мы говорим про те же автомобили, то люди тоже должны думать, куда и как они будут парковать свою машину перед тем, как купить эту машину»* (ФГ 4, арендатор).

Таким образом, в представлениях о структуре управления территорий, характерных для большинства участников, существенная роль в решении проблем отведена локальному сообществу. Главная обязанность жителя заключается в том, чтобы *«быть неравнодушным»*, то есть осознавать собственную ответственность за происходящее в районе и вкладывать силы в поддержание и улучшение его состояния.

«Силовое соседство»: респонсификация в практиках соседей по жилому комплексу

На практике «неравнодушные» жителей реализуется как офлайн — например, в замечаниях друг другу на улице, так и на онлайн-странице соседства «Северной долины» во «ВКонтакте»¹³, той самой, на которой появился шуточный образ «Шерифа-вершителя-справедливости». Сообщения, появляющиеся на онлайн-страницах соседства, с одной стороны, производят репрессивную респонсификацию (Houdt, Schinkel, 2014), обвиняя других в несоблюдении правил совместной соседской жизни: осуждают тех, кому «наплевать на район/дом», кто «свинячит». Спектр уличающих высказываний варьируется от легкого негодования и попыток заставить человека совеститься (*«Если не сложно, огласите название вашей автошколы, чтобы им стало стыдно за своего ученика»*)¹⁴ до откровенных угроз, призывов к силовым методам воздействия на соседей и даже отчетов об уже приведенной к исполнению каре: *«Узнаем из какой Вы квартиры (а это обязательно случится), будем Ваш мусор вываливать прямо перед Вашей дверью. Может так поймете?»*.

Подобные высказывания — шейминг — можно понимать по-разному. Это и медиированные онлайн-платформой инструменты социального контроля (Oravec, 2020), и дискурсивная работа по демаркации приемлемого и неприемлемого (Bourdieu, 1965), и практика, которая провоцирует телесный дискомфорт, производя одновременно идентичности тех, кто вовлечен в ситуацию (McBrien, 2021). Однако высказывания соседей не только проводят границу «нормального» и «нарушенного», не только демонстрируют коллективный социальный контроль

13. Подробнее об этой странице см. (Чернышева, Гизатулина, 2021).

14. В этом разделе здесь и далее представлены комментарии жителей «Северной долины», оставленные ими на онлайн-странице соседства во «ВКонтакте». Авторская орфография и пунктуация сохранены.

и создают идентичности «хороших» и «плохих» соседей, «пострадавших» и «виновных» — они одновременно производят всех жителей района как «ответственных», указывая на связь действий «нарушителей» с благополучием района, на персональную и коллективную ответственность за ту или иную версию будущего. Такую радикальную эмоционально насыщенную¹⁵ версию респонсибилизации и реакции на действия соседей, воспринимаемые как разрушительные, я предлагаю называть «силовым соседством». Оно выходит за рамки распределения ответственности, определения виновных и выдвижения дисциплинирующих требований, адресуемых соседям. «Силовое соседство» основано на идее возможного применения силы для наказания, осуществляемого представителями сообщества, а не государственными институтами, но при этом легитимного и направленного на достижение справедливости во имя создания общего блага. «Силовой» характер в этом случае можно трактовать широко — от непосредственного физического воздействия на имущество до публикации персональной информации о соседях в духе «доски позора». Так, в ходе дискуссий на онлайн-страницах соседства жители в порядке обычного обсуждения предлагают жестокие формы расправы с теми, кто ведет себя «неподобающе». Среди них не просто яркие эмоциональные высказывания в адрес «нарушителей», не являющиеся реальным призывом к насилию («по мне так лучше бы велосипедистов на кол сажали за то, что с велика не слезают когда пешеходный переход переходят»), но и практические советы: «Запните им дверь и замок». Опубликованные пострадавшими от «силового соседства» фотографии разбитых о входную дверь квартиры яиц с сопроводительной запиской «угомоните своих долбаных детей!» или поцарапанных дверей автомобиля сообщают реальным и потенциальным «нарушителям», что подобные сообщения — это не шутки, пустые угрозы или типичная для интернет-споров агрессия, а «предупредительный в воздух», как характеризует свое сообщение один из жильцов.

С другой стороны, онлайн-страницы становятся местом артикуляции того, как быть «хорошим соседом», то есть производят фасилитирующую респонсибилизацию (согласно типологии в: Houdt, Schinkel, 2014). Она выражается в требованиях, предъявляемых другим жильцам: «быть сознательным», «проявлять инициативу», «содержать в порядке», «не быть безразличным», «проявлять активность» и «относиться ответственно». Неоднократно встречаются упоминания того, что жители берут на себя ответственность за «нарушения» своих соседей («Здесь так в каждом подъезде, к сожалению. Сам временами выхожу на уборку, по другому не помогает») и даже требуют подобного от других, совмещая репрессивную и фасилитирующую мобилизации: «парадная это общественное место для жильцов; если бы

15. Эмоциональность высказываний в рамках «силового соседства» резонирует с тем, какую роль эмоции играют в политической борьбе и защите общих ресурсов, осуществляемой социальными движениями или группами активистов: разделяемые эмоции позволяют формировать общность (being-in-common) (González-Hidalgo, 2021; см. также: Goodwin et al., 2001).

было на моем этаже — я бы не поленилась убрать и поговорить с соседями; а Вы я как понимаю равнодушно бы смотрели на крыс и мусор».

Две формы респонсубликации — фасилитирующая и репрессивная — на практике идут рука об руку, и их различие условно. В призывах к чистоте или правильной парковке содержится одновременно оценка действий, нарушающих порядок. В этом смысле «силовое соседство» не ограничивается только призывами к наказанию или фактической реализацией наказания: оно, скорее, реализуется в сочетании обеих форм респонсубликации, происходящих с высоким эмоциональным накалом.

Лучше всего это сочетание видно в обсуждении будущего района и ответственности отдельных людей за то, каким это будущее предстанет. Так, навязанный урбанистами образ потенциального «гетто», в которое неминуемо превратится «Северная долина» (см. подробнее: Чернышева, 2019), становится частью аргумента, который используют в рамках респонсубликации. «Безответственное» отношение к пространству района, отсутствие «бдительности» приводит к наступлению «гетто»:

«Установка ларьков незаконна и, как следствие, предпринимательская деятельность в них так же незаконна. <...> Терпимость к правонарушениям ведет только к их увеличению. <...> Зачем нам портить район? Вот Вы лично хотите, чтобы Вас встретили у подъезда с ножом? <...> Проблема в том, что испортив район, превратив его в гетто, обратно его не исправит».

Аналогичным образом одна из жительниц комментирует фотографию автомобиля, запаркованного на тротуаре среди неубранного снега и льда:

«<...> безнаказанность порождает большие проблемы. Я в положении, с огромным пузом, должна обходить его [запаркованный на тротуаре автомобиль] по горам льда. А если подскользнусь и упаду там, он [водитель] будет отвечать или коммунальные службы? Только я буду отвечать перед собой. <...> Почему мой муж паркуется нормально и не мешает проходу людей и проезду транспорта? Почему я убираю говно за собаками, а сосед имеет право выкидывать мусор в окно? Ну давайте теперь все будем делать кто что хочет и район превратится в гетто».

В этом комментарии ответственность возлагается не на управляющую компанию, производящую уборку на территории, не на сотрудников ГИБДД, которые не следят за парковкой, и не на застройщика, не рассчитавшего реальную потребность в парковочных местах, а исключительно на автомобилиста¹⁶. Через перечисление примеров поведения в рамках соседской жизни автор показывает, насколько весомую роль действия отдельных жителей играют в том, какое будущее ждет

16. Попытки оправдать неправильную парковку могут содержать перевод ответственности на иных субъектов: «Но двор устроен как говно, тут нет парковки для всех, нет у нас таких гостей, пусть люди выкручиваются как хотят». Однако подобные комментарии оспариваются другими суждениями соседей о том, что даже в такой ситуации плохой планировки двора отдельные люди могут вести себя «подобающе»: парковаться дальше от дома, арендовать место в платном паркинге или даже отказаться от пользования автомобилем.

район — станет он деградирующим «гетто» или комфортным для всего локального сообщества домом.

Понятие «силовое соседство» предстает своеобразным противовесом «добрососедству» — формату соседских отношений, «который отсылает к образу классического сообщества и контрастирует со ставшими нормой отчужденностью и дистанцированием» (Богданова и др., 2021: 157). Добрососедство заложено в программы социальной политики, призванные уменьшить нагрузку на социальное обеспечение: заданное «сверху» в рамках социальной политики, оно всегда несет в себе позитивный образ совместной жизни людей¹⁷. В «Северной долине», где респонсибилизация задается не «сверху», в рамках целенаправленной политики, но практикуется «снизу», на место добрососедства приходит «силовое соседство», которое несет в себе эмоциональный шейминг, угрозы и даже их реализацию для достижения мгновенной справедливости.

«Локальное» гражданство в «Северной долине»

Как отмечают Ф. В. Хаудт и В. Шинкель (Houdt, Schinkel, 2014), наравне с респонсибилизацией ключевым элементом неолиберального коммунитаризма является «активное гражданство», то есть вовлеченность граждан в достижение общих для них и государства целей через кооперацию с государством, а также принятие гражданами ответственности за результаты их участия. В действиях и риторике жителей «Северной долины» также можно увидеть проявление гражданства, однако понятого несколько иначе, нежели взаимные обязательства человека и государства. Традиция исследования «городского гражданства» помогает лучше схватить происходящее в «Северной долине».

Городское гражданство — это не правовой статус, а возможности социального и политического участия (Purcell, 2003), причем «городское» измерение характеризует не столько локацию, сколько специфические социополитические и институциональные конфигурации, в которых гражданство проявляется (Blokland et al., 2015). Городское гражданство связывает действия отдельных людей или коллективов, направленных на координацию совместной жизни в городе (Holston, 2009): так, оно проявляется в том, что горожане борются за инфраструктуры (Holston, 2009) или создают городское благо в повседневных поездках на велосипеде и разделении мусора (Головнёва, Чернышева, 2017). Городское гражданство проявляют мигранты, предъявляющие требования к городским властям (Uitermark et al., 2005) или стремящиеся получить статус «инсайдера» в местном сообществе (Pine, 2010), но также и жители, защищающие свои районы от наплыва «чужаков» (Yiftachel, 2015) — мигрантов или новоселов.

Разделение на «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих» — не редкость для крупных жилищных проектов и городских соседств. Этнические, религиозные,

17. См. обзор в: Богданова и др., 2021.

классовые и другие различия между соседями создают основу для конструирования «других» (Blokland, 2003; Nieuwenhuis et al., 2013; Davidson, 2010), выделяющего категории людей, которым «не место» в конкретном жилом районе, поскольку они нарушают физический и моральный порядок (Stokoe, Wallwork, 2003). Опыт проживания также работает на производство идентичности «правильных» соседей, «настоящих» жителей района в противовес новоселам, мобилизуя ностальгию по «старым добрым» временам (Kasinitz, Hillyard, 1995).

Понятие городского гражданства в такой ситуации помогает схватить выделение фрагментированных групп, выражающих собственные интересы и отстраивающих себя от «других», которые предстают угрозой благополучию (Yiftachel, 2015). Подчеркну, что городское гражданство в этом случае принципиально отличается от гражданства, каким оно предстает у Хаудта и Шинкеля в их описании нелиберального коммунитаризма (Houdt, Schinkel, 2014). Форму городского гражданства, характерную для «Северной долины» и аналогичных соседств, можно охарактеризовать как *локальное гражданство*, связанное с обществом одного района, нацеленное на создание общего блага в конкретной городской локации.

Локальное гражданство проявляется в попытках артикулировать ответственность за «будущее района». Во-первых, ответственность и обязательства, о которых говорят жители, ориентированы на поддержание «района» — за этим словом скрывается как раз сообщество, выигрывающее от «правильного» использования общих ресурсов и проигрывающее от того, что отдельные люди ведут себя «разрушительно» и тем самым приближают наступление деградации территории. Это особенно четко проявляется в попытках риторически провести границу между «адекватными» соседями и «свиньями», поведение и суждения которых не соответствуют «уровню» района, его «культуре» и не способствует поддержанию общего блага: *«Клопов и тараканов привозят жильцы в вещах и мебели. Они сами из бетонных стен не появляются. Просто есть категория “людей-свиней”, для которых это норма. Это примерно как выкидывать хабарики в окна или выставлять мусор перед дверью на ночь»*. Тем, кто ведет себя «неподобающе», отказывают в принятии в сообщество, считают их чужаками; те, кто усвоил «правила» района, становятся «своими»: *«Мы как раз очень бдительны, и знаем всех своих соседей на этаже, даже целый аул узбеков дисциплинировали, научили за собой убирать, и ответственно относится к общему имуществу»*.

Исключение и стигматизация особенно четко проявляются по линии «собственник–арендатор»: считается, что проблемы района часто связаны с большим количеством арендаторов¹⁸, у которых *«ни родины, ни флага»*, которые *«относятся к своему временному жилью “не мое и наплевать на всё”*». В результате дома с большим числом арендаторов становятся менее привлекательными, в них не со-

18. Согласно данным застройщика, в 2019 году арендаторы составляли 20% жителей. Похожие данные приводят авторы статьи (Тыканова, Тенишева, 2020): согласно их исследованию, в «Северной долине» 25% арендаторов.

ветуют покупать квартиры, а любой арендатор вне зависимости от действительной степени вовлеченности в соседские коллективные инициативы по улучшению района попадает в категорию «*временщики*» — *им всё глубоко фиолетово, они вечно жить тут не собираются*. На практике же, как показывают интервью и фокус-группы с арендаторами, среди таких жителей, как и среди собственников, есть люди с разным отношением к «Северной долине», а достаточно частым сценарием участников исследования было приобретение квартиры в этом районе после нескольких лет аренды.

Переводя масштаб с городского на локальный, районный, можно обнаружить, что в жилом комплексе происходит формирование гражданства, основанного на участии в поддержании района в благополучном состоянии. Мобилизация локального сообщества в «Северной долине», таким образом, как и в модельном случае нелиберального коммунитаризма, опирается на понятие «активного гражданства», которое связывает индивидуальную ответственность и благополучие сообщества — в данном случае локального.

Заключение: нелиберальный коммунитаризм и «силовое соседство»

Является ли новое жилищное строительство в России примером нелиберального коммунитаризма — государственной стратегии, которая сочетает акцент на персональной ответственности горожан за свое благополучие, активацию гражданства, идею ценности сообщества, морализаторство и выборочное вмешательство государства, встающего на защиту этого сообщества?

Чтобы разобраться в этом вопросе, я изучала, как устроено управление новым жилым комплексом «Северная долина», строящимся с 2009 года в Петербурге по программе комплексного освоения территорий. В отличие от авторов, исследовавших нелиберальный коммунитаризм в других странах, я рассматривала не только риторику государства и существующие программы, связанные с жилищной политикой, но также сделала акцент на том, как жители нового района воспринимают структуру управления территорией ЖК и какую роль в распределении ответственности за возникающие проблемы и их решение отводят разным агентам, включая самих себя. Исследуя «Северную долину», я получила картину того, как практикуется «реально существующий» нелиберальный коммунитаризм в российской жилищной сфере — аналогично разнообразию «реально существующих нелиберализмов» в разных странах, в «Северной долине» он имеет свои особенности.

Я показала, как в жилищной политике России проявляются черты «нелиберализма в советском духе» (Nemment, 2009): с одной стороны, государство инициирует программу массового строительства с целью предоставить много доступного жилья горожанам и позаботиться о них, с другой стороны, несмотря на риторическую и материально-планировочную форму, повторяющую советский жилищный проект, способы реализации новой программы по своей сути являются нелибе-

ральными. Крупная частная компания получила в долгосрочную аренду большой участок земли под застройку и продажу жилья, обосновав специфическую форму управления застроенной территорией, в рамках которой собственники квартир не могут до конца реализовывать свои права на самоуправление, а городская администрация формально не может вмешаться в обеспечение новых жителей социальными благами (или не имеет на то политической воли). В результате десятки тысяч жителей района живут в условиях, когда их налоги не могут быть потрачены на обслуживание территории их проживания, обещанная социальная инфраструктура возводится с существенной задержкой, а доступ к полиции и другим службам также ограничен.

С другой стороны, в отличие от описанных особенностей неолиберального коммунитаризма в других странах, риторика государства в России не артикулирует необходимость мобилизации локальных сообществ для самостоятельного решения проблем новой жилой застройки. Однако можно наблюдать, как подобную риторику воспроизводят представители медиа и урбанисты, предрекающие «Северной долине» деградацию в силу неправильной материальной формы района и атомизации жителей. Необходимость участия локального сообщества в управлении районом читается сквозь эту критику. Жители «Северной долины», даже незнакомые с подобными высказываниями, воспроизводят похожие суждения о том, кто и как должен решать проблемы района — неолиберальная риторика респонсибилизации, таким образом, исходит не от государства, а «снизу», от жителей к жителям.

Для жителей, более вовлеченных в процедуры и процессы жилищного самоуправления (в первую очередь — членов советов домов), характерны практики, направленные на мобилизацию уже существующих институтов и агентов управления территорией (управляющей компании, застройщика, властей различных уровней). Для большинства же — то есть для тех, кому не ясно, как подступиться к решению проблемы, куда обращаться и как налаживать системное функционирование жизни района, привлекая институты, — распространение получают практики самоконтроля и контроля за соблюдением порядка вокруг. Так, жителю может быть непонятно, как обеспечить регулирование парковки «сверху», зато понятно, как можно использовать онлайн-группу соседства на платформе «ВКонтакте», стикеры-записки на лобовом стекле или царапины на капоте для того, чтобы призвать соседей не парковаться на тротуаре. Регулирование парковки во дворах и на улицах, находящееся формально в зоне ответственности ГИБДД и ГАТИ, перекладывается на пользователей этой парковки, которые подвергаются респонсибилизации двух типов. Репрессивная респонсибилизация со стороны соседей обвиняет самих жителей в возникшей ситуации, когда на территории ЖК все свободное пространство превращается в парковку и возникают препятствия для перемещения пешеходов или проезда пожарной машины. Фасилитирующая респонсибилизация стимулирует жителей бороться с нарушениями — например, с теми, кто паркуется неправильно. В своей радикальной форме респонсибилизация

ция переходит в практики «силового соседства», которые медиированы цифровыми платформами, однако порой переходят в плоскость физических действий и порчи имущества — фактически они являются силой принуждения к «правильным» способам жить в «Северной долине».

В обоих случаях респонсибилизацию проводит не государство, а сами жители. Оказавшись частью неолиберальной машины, жители района сами наделяют себя и окружающих ответственностью за судьбу жилого комплекса и устанавливают неолиберальный коммунитаризм «снизу». В этом процессе происходит мобилизация гражданства, однако не национального, а локального, районного гражданства, являющегося разновидностью городского гражданства и устанавливающего связь жителей и сообщества, на благо которого они направляют свои усилия. Это гражданство проводит границу между «своим» и «чужим», или «хорошим» и «плохим» соседом, порождая стигматизацию и конфликты. *«Если вам не нравится Парнас — уезжайте, не нравится страна — уезжайте! Не нравится мусор и «собачья радость» под ногами — не мусорите и убирайте!»* — в этом емком комментарии на онлайн-странице соседства хорошо видно, что мобилизация локального сообщества в «Северной долине» опирается на практики локального гражданства, устанавливающие связь между индивидуальными действиями жителей района и благополучием сообщества и границы этого сообщества. Перефразируя, можно сказать, что жителям предлагается всего две опции: «убирайте или убирайтесь».

Вернемся к воображаемому «Шерифу», с истории о котором началась эта статья. Его фигура хорошо отражает локальную форму неолиберального коммунитаризма в «Северной долине», в которой респонсибилизация исходит от сообщества, а не «сверху», от государства. «Шериф» — это не активист, который олицетворяет идею борьбы с застройщиком: он не требует от государства обеспечивать горожан социальными благами. Это и не представитель государства, не *«хилый участковый с огурцом в кабуре и папочкой для бумаг подмышкой»*. «Шериф» — это собирательный образ «силового соседства», который переводит риторику репрессивной респонсибилизации в непосредственные легитимные акты решения проблем — пресечение «неподобающего» поведения жителей района. В «Северной долине» трудно мобилизовать право (или как минимум мобилизация представляется неэффективной) и добиться справедливости. «Шериф» же легитимирует практики «силового соседства», символизируя эффективный, по мнению жителей, инструмент управления, способный внушить соседу, насколько его роль в поддержании общего блага и индивидуального комфорта важна там, где так мало формальных рычагов управления и контроля. Но пока «Шерифа» не существует в действительности, единственное, что доступно жителям — это ограниченное использование институтов самоуправления, отдельные несистематические анонимные акты «силового соседства», а также социальный контроль и респонсибилизация с задействованием цифровой площадки для соседских обсуждений, где происходит опубличивание и о(б)суждение событий соседской жизни.

Список использованных в тексте материалов

Материалы фокус-групп:

ФГ 1: фокус-группа с жителями «Северной долины», вовлеченными в работу Советов домов

ФГ 2: фокус-группа с жителями «Северной долины», собственники, 20-59 лет

ФГ 3: фокус-группа с жителями «Северной долины», собственники, старше 60 лет

ФГ 4: фокус-группа с жителями «Северной долины», арендаторы, 20-59 лет

Информанты, интервью с которыми упомянуты в тексте:

Эксперт, директор консалтингового бюро в сфере недвижимости в Санкт-Петербурге,

Эксперт, экс-заместитель председателя Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга

Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1431 (проект планировки территории ЖК «Северная долина»)

Литература

Бессонова О. (2011). Жилищный раздаток и модернизация России. АНО «Издательство «Политическая энциклопедия»».

Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. (2021). Как понимать и как исследовать соседство? // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* № 2. С. 139-171.

Бычкова О. В., Попова Е. (2013). Вещи и люди в жилищно-коммунальном секторе России, 1991-2006 годы // *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica* / О. Хархордин, Р. Алапура, О. Бычкова (ред.). СПб.: ЕУСПб. С. 147-246.

Головнёва А. В. и Чернышева Л. А. (2017). Пластик, велосипеды и городские гражданства: два случая реорганизации инфраструктуры в Санкт-Петербурге // *Журнал социологии и социальной антропологии.* Т. 20. № 3. С. 7-31.

Делленбо-Лоссе М., Циммерманн Н., де Врис Н. (2021). Городские совместности: книга рецептов: стратегии и идеи для создания и поддержания городских совместностей. СПб.: Проектная группа 8.

Кузнецов С. А., Лукичев А. Н., Шомина Е. С. (2021). Настольная книга менеджера местного сообщества: теория и практика / Под общ. ред. Е. С. Шоминой. М.: БукиВеди.

Макарова К. (2010). Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // *Неприкосновенный запас.* Т. 70. № 2. С. 279-296.

Матвеев И. А. (2015). Гибридная неолиберализация: Государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз».* Т. 79. № 4. С. 25-47.

Тыканова Е. В., Тенишева К. А. (2020). В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // *Журнал социологии и социальной антропологии.* Т. 23. № 2. С. 7-35.

- Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. (2024). Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 90-119.
- Хан Д. К., Имамаса Х. (2020). Преодолевая частную застройку Южной Кореи: взгляд сквозь оптику «совместностей» и «общего» // Urban commons. Городская совместность: за пределами государства и рынка / М. Делленбо, М. Кип, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швегман (ред.). М.: Новое литературное обозрение. С. 122-134.
- Харви Д. (2007). Краткая история неолиберализма. М.: Поколение.
- Челнокова В. М., Гуревич А. Б. (2017). Анализ проблем организации комплексного освоения территорий // Вестник гражданских инженеров. № 1. С. 161-166.
- Чернышева Л. А. (2019). Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37-58.
- Чернышева Л. А. (2020). Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 2. С. 36-66.
- Чернышева Л., Гизатуллина Э. (2021). «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга // Laboratorium: Russian Review of Social Research. Т. 13. № 2. С. 187-220.
- Attwood L. (2012). Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? // Europe-Asia Studies, Vol. 64. № 5. P. 903-928.
- Birk R. H. (2017). Making responsible residents: On “responsibilization” within local community work in marginalized residential areas in Denmark // The Sociological Review. Vol. 66. № 3. P. 608-622.
- Bissenova A. (2012). Post-socialist dreamworlds: housing boom and urban development in Kazakhstan. PhD Thesis. Cornell University.
- Blokland T. (2003). Ethnic complexity: routes to discriminatory repertoires in an inner-city neighbourhood // Ethnic and Racial Studies Vol. 26. № 1. P. 1-24.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015). Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 39. № 4. P. 655-665.
- Bourdieu P. (1965). The Sentiment of Honour in Kabyle Society // Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society / Jean G. Peristiany (ed.). London: Weidenfeld and Nicolson. P. 191-242.
- Brenner N., Theodore N. (2002). Cities and the geographies of “actually existing neoliberalism” // Antipode. Vol. 34. № 3. P. 349-379.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017). The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015 // Antipode. Vol. 49. № 2. P. 294-313.
- Candan A. B., Kolluoğlu B. (2008). Emerging spaces of neoliberalism: A gated town and a public housing project in Istanbul // New perspectives on Turkey. Vol. 39. P. 5-46.
- Castells M. (1983). The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements. London: Edward Arnold.

- Cook L. J.* (2011). Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism // *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries* / M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 14-35.
- Davidson M.* (2010). Love thy neighbour? Social mixing in London's gentrification frontiers // *Environment and Planning A*. Vol. 42. № 3. P. 524-544.
- Dean M.* (1999). *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*. Los Angeles: Sage.
- Dominelli L.* (2013). Mind the gap: Built infrastructures, sustainable caring relations, and resilient communities in extreme weather events // *Australian Social Work*. Vol. 66. № 2. P. 204-217.
- Fields D.* (2015). Contesting the financialization of urban space: Community organizations and the struggle to preserve affordable rental housing in New York City // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 37. № 2. P. 144-165.
- Golubchikov O.* (2004). Urban planning in Russia: towards the market // *European Planning Studies*. Vol. 12. № 2. P. 229-247.
- González-Hidalgo M.* (2021). The ambivalent political work of emotions in the defence of territory, life and the commons // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1291-1312.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F.* (Eds.). (2001). *Passionate politics: Emotions and social movements*. University of Chicago Press.
- Gualini E., Majoor S.* (2007). Innovative practices in large urban development projects: Conflicting frames in the quest for "new urbanity" // *Planning Theory & Practice*. Vol. 8. № 3. P. 297-318.
- Hemment J.* (2009). Soviet-style neoliberalism? Nashi, youth voluntarism, and the restructuring of social welfare in Russia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6. P. 36-50.
- Hidalgo Dattwyler R., Santana Rivas L. D., Link F.* (2018). New neoliberal public housing policies: between centrality discourse and peripheralization practices in Santiago, Chile // *Housing Studies*. Vol. 34. № 3. P. 489-518.
- Holston J.* (2009). Insurgent citizenship in an era of global urban peripheries // *City & Society*. Vol. 21. № 2. P. 245-267.
- Houdt F. V., Schinkel W.* (2014). Crime, citizenship and community: Neoliberal communitarian images of governmentality // *The Sociological Review*. Vol. 62. № 1. P. 47-67.
- Iveson K.* (2013). Cities within the city: Do-it-yourself urbanism and the right to the city // *International journal of urban and regional research*. Vol. 37. № 3. P. 941-956.
- Kasinitz P., Hillyard D.* (1995). The Old-Timers' Tale: The Politics of Nostalgia on the Waterfront // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 24. № 2. P. 139-164.
- Kulmala M., Kainu M., Nikula J., Kivinen M.* (2014). Paradoxes of agency: Democracy and welfare in Russia // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. № 4. P. 523-552.
- Majerowitz M., Allweil Y.* (2019). Housing in the neoliberal city: Large urban developments and the role of architecture // *Urban Planning*. Vol. 4. № 4. P. 43-61.
- Matveev I., Novkunskaya A.* (2020). Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions // *Europe-Asia Studies*, Vol. 74. № 1. P. 50-71.

- McBrien J.* (2021). On shame: The efficacy of exclaiming uiat! in Kyrgyzstan // *American Ethnologist*. Vol. 48. № 4. P. 462-473.
- Miller P., Rose N.* (2008). *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*. Cambridge: Polity Press.
- Oravec J.A.* (2020). Online social shaming and the moralistic imagination: The emergence of Internet-based performative shaming // *Policy & Internet*. Vol. 12. № 3. P. 290-310.
- Patton M.J.* (2009). The Synergy between Neoliberalism and Communitarianism: “Erdogan’s Third Way” // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. Vol. 29. № 3. P. 438-449.
- Peck J.* (2010). *Constructions of neoliberal reason*. Oxford: OUP.
- Pine A.M.* (2010). The performativity of urban citizenship // *Environment and Planning A*. Vol. 42. № 5. P. 1103-1120.
- Purcell M.* (2003). Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 27. № 3. P. 564-590.
- Puzanov A.* (2018). *Russia: A Long Road to Institutionalisation* // *Private Rental Housing in Transition Countries* / J. Hegedüs, M. Lux, V. Horváth (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 287-309.
- Pyysiäinen J., Halpin D., Guilfoyle A.* (2017). Neoliberal governance and ‘responsibilization’ of agents: reassessing the mechanisms of responsibility-shift in neoliberal discursive environments // *Distinktion: Journal of Social Theory*. Vol. 18. № 2. P. 215-235.
- Romanov P.* (2008). Quality evaluation in social services: Challenges for new public management in Russia // *Mixes, matches, and mistakes: New public management in Russia and the Former Soviet republics* / B. G. Peters (ed.). Local Government and Public Service Reform Initiative, Open Society Institute. P. 9-53.
- Salet W.* (2008). Rethinking urban projects: experiences in Europe // *Urban Studies*. Vol. 45. № 11. P. 2343-2363.
- Stephens M., Lux M., Sunega P.* (2015). Post-socialist housing systems in Europe: Housing welfare regimes by default? // *Housing studies*. Vol. 30. № 8. P. 1210-1234.
- Stokoe E.H., Wallwork J.* (2003). Space invaders: The moral-spatial order in neighbour dispute discourse // *British journal of social psychology*. Vol. 42. № 4. P. 551-569.
- Uitermark J., Rossi U., Van Houtum H.* (2005). Reinventing multiculturalism: urban citizenship and the negotiation of ethnic diversity in Amsterdam // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. № 3. P. 622-640.
- Yiftachel O.* (2015). Epilogue — from ‘Gray Space’ to Equal ‘Metrozenship’? Reflections On Urban Citizenship // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 39. № 4. P. 726-737.
- Zavisca J.* (2012). *Housing the New Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Zunino H.M., Hidalgo R.* (2009). Spatial and socioeconomic effects of social housing policies implemented in neoliberal Chile: the case of Valparaiso // *Urban Geography*. Vol. 30. № 5. P. 514-542.

«Clean Off or Get Out». (Self)Governance, Community and Citizenship in New Large Housing Estates in Russian Cities

Liubov Chernysheva

Candidate of Science (Sociology), PhD Candidate, Amsterdam Institute for Social Science Research (University of Amsterdam).

Address: Postbus 15718, Amsterdam, Netherlands 1001

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

The article presents an analysis of the (self)management of the newly constructed large housing estate “Severnaya Dolina” (St. Petersburg, Russia). Built within the neoliberalization of Russian housing policy, this housing estate is an urban space where intervention and control by the state is limited, the provision of social goods is partially shifted to a private development company that manages the territory, and social control is mostly exercised by residents. I analyze this situation as an example of neoliberal communitarianism, or a governance model based on community mobilization, responsabilization of citizens, and an emphasis on the notion of “active citizenship”. In contrast to existing approaches to the analysis of neoliberal communitarianism and responsabilization as programs initiated by governments, I consider its «real existence» in the practices of the inhabitants of the new LHE. Referring to the materials of the focus groups conducted, as well as the analysis of the online communication of the residents of “Severnaya Dolina”, I demonstrate, firstly, what ideas they have formed about the management of the territory of the district, focusing on the distribution of responsibility for solving problems and especially the role that the residents assign to themselves. Secondly, I demonstrate how elements of neoliberal communitarianism are manifested: these are practices of management arising beyond the state, as well as responsabilization of the residents and the formation of a version of urban citizenship. To describe these elements (not provided top-down within a state/city campaign but deriving down-up from the local practice), I propose the notion of “violent neighborliness,” which reflects the radical form of responsabilization that residents exercise towards each other, as well as the concept of local urban citizenship, which captures the connection between the inhabitants of the “Severnaya Dolina”, local community, and territory.

Keywords: self-governance, new LHE, housing policy, community, urban citizenship, responsabilization, neoliberal communitarianism

References

- Attwood L. (2012) Privatisation of Housing in Post-Soviet Russia: A New Understanding of Home? *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no 5, pp. 903-928.
- Bessonova O. (2011) *Zhilishhnyj razdatok i modernizacija Rossii* [Housing distribution and modernization of Russia], ANO “Izdatel’stvo “Politicheskaja jenciklopedija”.
- Birk R. H. (2017) Making responsible residents: On “responsibilization” within local community work in marginalized residential areas in Denmark. *The Sociological Review*, vol. 66, no 3, p. 608-622.
- Bissenova A. (2012) *Post-socialist dreamworlds: housing boom and urban development in Kazakhstan* (PhD Thesis), Cornell University.
- Blokland T. (2003) Ethnic complexity: routes to discriminatory repertoires in an inner-city neighbourhood. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 26, no 1, pp. 1-24.

- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015) Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 655-665.
- Bogdanova E., Brednikova O., Zaporozhets O. (2021) Kak ponimat' i kak issledovat' sosedstvo? [How to understand and how to explore the neighborhood?]. *Laboratorium*, no 2, pp. 139-171.
- Bourdieu P. (1965) *The Sentiment of Honour in Kabyle Society. Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society* (ed. J. G. Peristiany), London: Weidenfeld and Nicolson, pp. 191-242.
- Brenner N., Theodore N. (2002) Cities and the geographies of "actually existing neoliberalism". *Antipode*, vol. 34, no 3, pp. 349-379.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The evolution of neoliberal urbanism in Moscow, 1992-2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294-313.
- Bychkova O. V., Popova E. (2013) Veshhi i ljudi v zhilishhno-kommunal'nom sektore Rossii, 1991-2006 gody [Things and people in the housing and communal sector of Russia, 1991-2006] (O. Harhordin, R. Alapuro, O. Bychkova (red.). *Infrastruktura svobody: obshhie veshhi i res publica [Infrastructure of freedom: common things and res publica]*, Sankt-Petersburg: EUSP, pp. 147-246.
- Candan A. B., Kolluoğlu B. (2008) Emerging spaces of neoliberalism: A gated town and a public housing project in Istanbul. *New perspectives on Turkey*, vol. 39, pp. 5-46.
- Castells M. (1983) *The city and the grassroots: a cross-cultural theory of urban social movements*, London: Edward Arnold.
- Chelnokova V. M., Gurevich A. B. (2017) Analiz problem organizacii kompleksnogo osvoenija territorij [Analysis of the problems of organizing the integrated development of territories]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, no 1, pp. 161-166.
- Chernysheva L. (2019) Rossijskoe getto: voobrazhaemaja marginal'nost' novyh zhilyh rajonov [Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates]. *Gorodskie issledovanija i praktiki*, vol. 4, no 2, pp. 3758.
- Chernysheva L. A. (2020) Onlayn i oflayn konfl ikty vokrug gorodskoy sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa [Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 23, no 2, pp. 36-66.
- Chernysheva L. Gizatullina Je. (2021). «Vkontakte» s sosedjami: cherty i praktiki gibridnogo sosedstvovanija v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga [VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 13, no 2, pp. 39-71.
- Cook L. J. (2011) *Russia's Welfare Regime: The Shift Toward Statism. Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries* (eds. M. Jappinen, M. Kulmala, A. Saarinen), Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 14-35
- Davidson M. (2010) Love thy neighbour? Social mixing in London's gentrification frontiers. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 3, pp. 524-544.

- Dean M. (1999) *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*, Los Angeles: Sage.
- Dellenbaugh-Losse M., Zimmermann N., de Vries N. (2021) *Gorodskie sovместnosti: kniga receptov: strategii i idei dlja sozdanija i podderzhanija gorodskih sovместnostej* [Urban Connectivity: A Cookbook: Strategies and Ideas for Creating and Maintaining Urban Connectivity], Sankt-Petersburg: Proektnaja gruppa 8.
- Dominelli L. (2013) Mind the gap: Built infrastructures, sustainable caring relations, and resilient communities in extreme weather events. *Australian Social Work*, vol. 66, no 2, pp. 204-217.
- Fields D. (2015) Contesting the financialization of urban space: Community organizations and the struggle to preserve affordable rental housing in New York City. *Journal of Urban Affairs*, vol. 37, no 2, pp. 144-165.
- Golubchikov O. (2004) Urban planning in Russia: towards the market. *European Planning Studies*, vol. 12, no 2, pp. 229-247.
- González-Hidalgo M. (2021) The ambivalent political work of emotions in the defence of territory, life and the commons. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1291-1312.
- Goodwin J., Jasper J. M., Polletta F. (Eds.). (2001) *Passionate politics: Emotions and social movements*, University of Chicago Press.
- Gualini E., Majoor S. (2007) Innovative practices in large urban development projects: Conflicting frames in the quest for “new urbanity”. *Planning Theory & Practice*, vol. 8, no 3, pp. 297-318.
- Halauniova A. V., Chernysheva L. A. (2017) Plastik, velosipedy i gorodskije grazhdanstva: dva sluchaya reorganizatsii infrastruktur v Sankt-Peterburge [Plastic, bicycles and urban citizenships: two cases of urban infrastructures' reorganization in St. Petersburg]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 20, no 3, pp. 7-31.
- Han D. K., Imamasa H. (2020) Preodolevaja chastnuju zastrojku Juzhnoj Korei: vzgljad skvoz' optiku «sovместnostej» i «obshhego» [Overcoming the private development of South Korea: a look through the optics of “combinations” and “common”]. Urban commons. *Gorodskaja sovместnost': za predelami gosudarstva i rynka* (eds. M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A. K. Muller), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 122-134.
- Harvey D. (2007) *Kratkaja istorija neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism], Moscow: Pokolenie.
- Hemment J. (2009) Soviet-style neoliberalism? Nashi, youth voluntarism, and the restructuring of social welfare in Russia. *Problems of Post-Communism*, vol. 56, no 6, pp. 36-50.
- Hidalgo Dattwyler R., Santana Rivas L. D., Link F. (2018) New neoliberal public housing policies: between centrality discourse and peripheralization practices in Santiago, Chile. *Housing Studies*, vol. 34, no 3, p. 489-518.
- Holston J. (2009) Insurgent citizenship in an era of global urban peripheries. *City & Society*, vol. 21, no 2, pp. 245-267.
- Houdt F. V., Schinkel W. (2014) Crime, citizenship and community: Neoliberal communitarian images of governmentality. *The Sociological Review*, vol. 62, no 1, pp. 47-67.

- Iveson K. (2013) Cities within the city: Do-it-yourself urbanism and the right to the city. *International journal of urban and regional research*, vol. 37, no 3, pp. 941-956.
- Kasinitz P., Hillyard D. (1995) The Old-Timers' Tale: The Politics of Nostalgia on the Waterfront. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 24, no 2, pp. 139-164.
- Kulmala M., Kainu M., Nikula J., Kivinen M. (2014) Paradoxes of agency: Democracy and welfare in Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 22, no 4, pp. 523-552.
- Kuznetsov S. A., Lukichev A. N., Shomina E. S. (2021) *Nastol'naja kniga menedzhera mestnogo soobshhestva: teoriya i praktika* [Handbook of the local community manager: theory and practice], Moscow: BukiVedi.
- Majerowitz M., Allweil Y. (2019) Housing in the neoliberal city: Large urban developments and the role of architecture. *Urban Planning*, vol. 4, no 4, pp. 43-61.
- Makarova K. (2010) Postindustrializm, dzhentrifikacija i transformacija gorodskogo prostanstva v sovremennoj Moskve [Post-industrialism, gentrification and transformation of urban space in modern Moscow]. *Neprikosnennyj zapas*, vol. 70, no 2, pp. 279-296.
- Matveev I. A. (2015) Gibridnaja neoliberalizacija: Gosudarstvo, legitimnost' i neoliberalizm v putinskoj Rossii [Hybrid Neoliberalization: The State, Legitimacy, and Neoliberalism in Putin's Russia]. *Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki* «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz», vol. 79, no 4, pp. 25-47.
- Matveev I., Novkunskaia A. (2020) Welfare Restructuring in Russia since 2012: National Trends and Evidence from the Regions. *Europe-Asia Studies*, vol. 74, no 1, pp. 50-71.
- McBrien J. (2021) On shame: The efficacy of exclaiming uiat! in Kyrgyzstan. *American Ethnologist*, vol. 48, no 4, pp. 462-473.
- Miller P., Rose N. (2008) *Governing the Present: Administering Economic, Social and Personal Life*, Cambridge: Polity Press.
- Oravec J. A. (2020) Online social shaming and the moralistic imagination: The emergence of Internet-based performative shaming. *Policy & Internet*, vol. 12, no 3, pp. 290-310.
- Patton M. J. (2009) The Synergy between Neoliberalism and Communitarianism: "Erdogan's Third Way". *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, vol. 29, no 3, pp. 438-449.
- Peck J. (2010). *Constructions of neoliberal reason*, Oxford: OUP.
- Pine A. M. (2010) The performativity of urban citizenship. *Environment and Planning A*, vol. 42, no 5, pp. 1103-1120.
- Purcell M. (2003) Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 27, no 3, pp. 564-590.
- Puzanov A. (2018) Russia: A Long Road to Institutionalisation. *Private Rental Housing in Transition Countries* (eds. J. Hegedüs, M. Lux, V/ Horváth), London: Palgrave Macmillan, pp. 287-309.
- Pyysiäinen J., Halpin D., Guilfoyle A. (2017) Neoliberal governance and 'responsibilization' of agents: reassessing the mechanisms of responsibility-shift in neoliberal discursive environments. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 18, no 2, pp. 215-235.

- Romanov P. (2008) Quality evaluation in social services: Challenges for new public management in Russia. Mixes, matches, and mistakes: New public management in Russia and the Former Soviet republics (ed. B. G. Peters). *Local Government and Public Service Reform Initiative*, Open Society Institute, pp. 9-53.
- Salet W. (2008) Rethinking urban projects: experiences in Europe. *Urban Studies*, vol. 45, no 11, pp. 2343-2363.
- Stephens M., Lux M., Sunega P. (2015) Post-socialist housing systems in Europe: Housing welfare regimes by default? *Housing studies*, vol. 30, no 8, pp. 1210-1234.
- Stokoe E. H., Wallwork J. (2003) Space invaders: The moral-spatial order in neighbour dispute discourse. *British journal of social psychology*, vol. 42, no 4, pp. 551-569.
- Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2020) V plenu «jeffekta sosestva»: social'nyj kapital i aktivizm v novyh anklavnyh zhilishhnyh kompleksah [Captured by the Neighborhood Effect: Social Capital and Activism in New Enclave Housing Estates]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 23, no 2, pp. 7-35.
- Uitermark J., Rossi U., Van Houtum H. (2005) Reinventing multiculturalism: urban citizenship and the negotiation of ethnic diversity in Amsterdam. *International journal of urban and regional research*, vol. 29, no 3, pp. 622-640.
- Yiftachel O. (2015) Epilogue — from 'Gray Space'to Equal 'Metrozenship'? Reflections On Urban Citizenship. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 726-737.
- Zavisca J. (2012) *Housing the New Russia*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Zunino H. M., Hidalgo R. (2009) Spatial and socioeconomic effects of social housing policies implemented in neoliberal Chile: the case of Valparaiso. *Urban Geography*, vol. 30, no 5, pp. 514-542.

Свои люди — сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере*

Всеволод Бедерсон

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
(Санкт-Петербург); старший научный сотрудник, Центр сравнительных исторических
и политических исследований (Пермь).
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
E-mail: vsbederson@gmail.com

Элеонора Минаева

Младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
(Санкт-Петербург); старший научный сотрудник,
Центр сравнительных исторических и политических исследований (Пермь).
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
E-mail: elya.minaeva@gmail.com

В статье представлены результаты исследования условий трансфера полномочий в сфере градостроительства с местного уровня на региональный. В конце 2014 года был принят федеральный закон, который позволил регионам брать на себя полномочия, ранее считавшиеся уникальной муниципальной зоной ответственности (разработка и принятие генеральных планов, норм межевания, правил землепользования и застройки). Исследование рассматривает, способствовали ли передаче градостроительных полномочий представленность интересов застройщиков в местной и региональной ассамблеях, партии «Единая Россия» в городской ассамблее, а также бюджетная обеспеченность города. Опираясь на метод качественного сравнительного анализа (QCA), мы доказываем, что, вопреки ожиданию, преобладание депутатов-застройщиков в составе городского представительного органа не стало необходимым условием для защиты муниципальных полномочий в части градостроительства. Напротив, доминирование застройщиков среди депутатского корпуса города и региона способствовало трансферу полномочий. Результаты также показывают, что преобладание партии «Единая Россия» в составе городской ассамблеи послужило институциональным дисциплинирующим инструментом по консолидации депутатов для передачи полномочий на региональный уровень. Большие бюджетные возможности муниципалитета также оказались необходимым условием для централизации градостроительных полномочий.

Ключевые слова: местное самоуправление, административная централизация, градостроительная политика, машины роста, городские режимы

В рамках очередной волны реформирования института местного самоуправления в России в конце 2014 года федеральный центр расширил круг полномочий, кото-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10054-П «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий»).

Авторы благодарят Ивана Суманеева, Надежду Назарову, Ольгу Уракову, Розу Нуртдинову и Марию Куличкову за помощь со сбором данных.

рые могут быть переданы с муниципального на региональный уровень, включив в список полномочия в градостроительной сфере (Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 485-ФЗ). В ряде регионов власти субъекта воспользовались предоставленной возможностью и инициировали изъятие у муниципалитетов права утверждения генеральных планов, правил землепользования и застройки (ПЗЗ), выдачи разрешений на возведение и ввод объектов в эксплуатацию, проведение публичных слушаний и др. Одним из наиболее резонансных случаев стал город Екатеринбург, где в числе инициаторов передачи полномочий на областной уровень в 2015 году оказался депутат регионального Законодательного собрания, глава строительной корпорации «Маяк». По совпадению, к тому времени у девелоперской компании насчитывалось несколько судебных конфликтов с администрацией города (Позднякова, 2016а), в частности, вокруг строительства жилого комплекса «Дипломат», этажность которого не соответствовала нормам высотности, прописанным в генеральном плане. Однако при переходе градостроительных полномочий в ведение регионального министерства строительства «Маяк» получил положительное заключение экспертизы и разрешение на ввод 19-этажного здания в эксплуатацию (Позднякова, 2016б). Наравне с этим в другой региональной столице — Томске — в ответ на аналогичную инициативу региональной власти забрать градостроительные полномочия в свое ведение городские депутаты еще на этапе обсуждения идеи прямо высказались против нее, сохранив полномочия в ведении города (Стефанский, 2020).

В этой статье мы предпринимаем попытку выяснить, чем объясняется вариация в степени централизации градостроительных полномочий в столицах российских регионов. Мы полагаем, что централизация полномочий стала «окном возможностей» для региональных властей с точки зрения переопределения правил игры в свою пользу, а реализация административной централизации зависит от «баланса сил» между городскими и региональными заинтересованными акторами. Мы утверждаем, что напрямую заинтересованными и имеющими возможности осуществить или предотвратить централизацию градостроительных полномочий с городского на региональный уровень являются депутаты городских и региональных представительных органов (ассамблей), аффилированные со строительным бизнесом. Для проверки наших предположений в анализе мы фокусируемся на нескольких структурных характеристиках, определяющих баланс сил между муниципальным и региональным уровнями управления в современной России: соотношение числа застройщиков, имеющих мандаты депутатов городских и региональных представительных органов, представленность партии «Единая Россия» в городской легислатуре, а также бюджетная обеспеченность муниципалитета.

В начале статьи мы представим обзор того, как градостроительная политика работает в качестве инструмента извлечения ренты и поддержания лояльности. Далее нами будет проведен обзор места и роли строительного бизнеса в городской политике в целом, а также российского контекста взаимоотношений власти и бизнеса. В четвертом параграфе мы охарактеризуем особенности мест-

ного самоуправления и его автономии в России. В эмпирической части дается представление о данных, выборке, операционализации переменных и рабочих гипотезах.

Градостроительная политика как инструмент извлечения ренты и поддержания лояльности на местном уровне

Градостроительная политика — одна из важнейших сфер, в которой даже самые неконкурентные с электоральной точки зрения политические режимы стремятся демонстрировать респонсивность, управленческую эффективность и инновационность. Города нередко становятся очагом протестной мобилизации, а местные политические институты — «трамплином» для профессионального роста и увеличения электоральной активности оппозиции (Lucardi, 2016). Для того чтобы сохранять низовую лояльность широких городских слоев, политики вынуждены опираться на различные градостроительные программы, например, субсидирования жилья. Исследования показывают, что такие программы помогают снизить недовольство городских избирателей, в особенности из числа молодого, образованного среднего класса, попутно решая непосредственные социально-экономические задачи по уменьшению нехватки жилья и поддержке растущего рынка недвижимости (Croese, Pitcher, 2019).

Кроме того, в городах сосредоточены важнейшие источники ренты для элит: градостроительная сфера считается одной из наиболее подверженных коррупции в различных институциональных и режимных контекстах (Kyriacou et al., 2015). Основу городской ренты составляет доступ к земельным ресурсам, который имеет несколько измерений. Во-первых, это определение направлений развития города, закрепляемое мастер-планами и стратегиями развития городских территорий или агломераций. Во-вторых, это определение доступа к городской земле и инфраструктуре, которое регулируется различными документами градостроительного зонирования, такими как генеральные планы, правила землепользования и застройки (ПЗЗ), межевание, перечни разрешенных видов деятельности и обременения, формирующие базовые параметры прибыльности того или иного проекта застройки. В-третьих, это непосредственное распределение земли под частную застройку, а также предоставление подрядов на осуществление проектов для государственных и муниципальных нужд (объекты социальной инфраструктуры, благоустройство или озеленение территорий).

Следующие факторы определяют столь сильную привлекательность градостроительной сферы для извлечения ренты. Во-первых, изменение одного типа зонирования на другой, как правило, не требует продолжительных и широких согласований, однако вместе с тем генерирует большую экономическую отдачу (Chiodelli, 2019). Во-вторых, в принятии градопланировочных решений существует серьезная информационная асимметрия в пользу политиков и чиновников, которые могут использовать свои внутренние знания, например, о том, какие об-

ласти будут определены как пригодные для застройки в генеральном плане для осуществления незаконных сделок.

Все это позволяет действующим политикам не только извлекать ренту, но и использовать ресурсы градостроительной политики для переизбрания, например, через увеличение расходов на благоустройство или легализацию незаконных построек непосредственно перед выборами (Imami et al., 2022). Исследование городской политики в Новом Орлеане с 1980-х по 2000-е годы показывает, как губернаторы штата Луизиана последовательно укрепляли собственное влияние через активное участие в переговорах по крупным инвестиционным проектам, таким как строительство казино. Это послужило не только повышению стоимости земли и арендной платы в городе и, как следствие, росту региональных доходов, но и укрепило личное влияние региональных политиков и их возможности для переизбрания (Burns, Thomas, 2004). Другим показательным случаем является современная Турция. Управление массового жилищного строительства (Turkey's Mass Housing Administration (тур. — TOKİ)), непосредственно подчиняющееся премьер-министру страны, служит эффективной политической машиной для поддержания доминирующей «Партии справедливости и развития» больше двадцати лет. Исследования показывают, что электоральная поддержка кандидатов от правящей партии, баллотирующихся на должности мэров, возрастает по мере того, как TOKİ увеличивает инвестиции в строительство жилья (Marschall et al., 2016).

Застройщики как субъекты политики на городском уровне

В использовании возможностей городской политики заинтересованы не только политические, но и бизнес-акторы, прежде всего, застройщики. Предприниматели могут полагаться на лоббирование или финансирование избирательных кампаний, чтобы добиться от администраций политического курса в пользу своего бизнеса. При использовании таких косвенных каналов они действуют как принципалы, которые нанимают политиков в качестве агентов от их имени, и это эффективно работает при условии наличия сильных политических институтов, прозрачной судебной системы и подотчетности. Однако нередко бизнесмены предпочитают следовать прямым стратегиям обеспечения своих интересов, а именно самостоятельно избираться на властные посты. Это позволяет им действовать от собственного имени, продвигать решения, приносящие пользу их компаниям.

Будучи политиками, застройщики нацелены на экономический рост собственных фирм и выделяют больше средств на так называемую «экономическую инфраструктуру» (строительство автомобильных, железных дорог и пр.) в ущерб инвестициям в социальную сферу, связанную со здравоохранением и образованием (Szakonyi, 2020). Приоритет экономической инфраструктуры над социальной приносит немедленную выгоду фирмам и открывает возможности для поиска и извлечения ренты. Так, например, анализ карьерных траекторий мэров более 260 американских городов демонстрирует, что мэры с опытом руководства бизнесом

увеличивают перераспределение в пользу объектов инфраструктуры и проектов благоустройства за счет сокращения расходов на социальное обеспечение (Kirkland, 2021).

Наиболее известный подход в изучении союзов местной власти и девелоперов связан с концепцией «машин роста» — такого типа городского режима, в котором устойчивая коалиция между публичной властью и частным бизнесом нацелена на непрерывный рост и расширение города с целью сохранения власти и увеличения доходов (Logan, Molotch, 1987). Такие режимы называются также корпоративными или режимами развития: они способствуют росту за счет реализации интересов крупных корпораций города, но в ущерб интересам бедного городского класса. Многочисленные исследования городских «машин роста» и режимов роста и развития за пределами американского контекста также показали, что застройщики и городские политики стремятся к альянсу (John, Cole, 1998; DiGaetano, Lawless, 1999; Krebs, 2005; Hanssen, Falleth, 2014). Такое партнерство связано с низкой респонсивностью администраций и проводимых политических курсов, равно как и развитием тех строительных бизнесов, которые получили доступ к альянсу.

Российский опыт взаимоотношений власти и бизнеса

Бизнес в России широко инкорпорирован в органы исполнительной власти и представительные собрания: от локального до федерального уровней. Анализ источников рекрутирования ключевых министерств экономического развития, таких как Минэкономразвития, Минфин, Минпромторг и др., демонстрирует, что компании, принадлежащие к отраслям, которые курируются соответствующими министерствами, служат вторым по важности поставщиком кадров после административной сферы (Тев, 2022). Региональные легислатуры также являются одной из важнейших площадок представления интересов предпринимателей. Экономическая конкуренция и слабые политические партии создают стимулы для фирм выдвигать кандидатов в депутаты, что, несмотря на ресурсозатратность такого способа продвижения корпоративных интересов, тем не менее позволяет бизнесменам обладать информацией о регулировании, а также продвигать более низкие налоговые ставки на прибыль, землю и т.п. Исследование аффилированности депутатов региональных легислатур в России с частным сектором показывает, что к окончанию мандата бизнесмена-политика фирма получает рост доходов примерно на 60% и рост прибыли примерно на 15% (Szakonyi, 2020). В условиях слабой электоральной подотчетности политики-предприниматели чаще нацелены на личное обогащение, а не расходование бюджетных средств на социальные услуги и человеческий капитал.

Взаимоотношения между бизнесом и властью в российских городах менялись в зависимости как от местных структурных экономических характеристик, так и от федеральных политических трендов и экзогенных шоков в виде экономических кризисов. Если 1990-е годы по большей части характеризовались открытой

борьбой локальных распределительных коалиций за ограниченные бюджетные средства, активы приватизируемых предприятий и административные рычаги, регулирующие доступ на локальные рынки, то экономический рост в 2000-е годы повлек коммодификацию земли, повышение ценности недвижимости и, как следствие, усиление бизнеса, что в конечном итоге привело к формированию машин роста (Гельман, Рыженков, 2010). В результате типичными, особенно для городов-миллионников, стали политически неконкурентные городские режимы с различной степенью фрагментации бизнеса, в которых бизнес преимущественно связан с партией власти (Бедерсон, Шевцова, 2021).

Полномочия местного самоуправления в российском политическом контексте

Важно принимать во внимание, что российские города развиваются в политически, финансово и административно централизованной среде. Начиная с 2000-х годов федеральная власть последовательно централизует различные сферы субнационального управления, сократив сначала региональную, а затем и муниципальную автономию. В первую очередь централизация затронула политическую сферу: для преодоления дезинтеграции субнациональных элит, наблюдавшейся в 1990-е годы, в середине нулевых были отменены прямые выборы глав регионов. Затем повсеместно введена конкурсная процедура рекрутирования глав органов местного самоуправления, заменившая прямые выборы. Отмена выборов мэров первым делом коснулась региональных столиц: в результате, если в 2004 году в 90% региональных столиц мэры избирались всенародным голосованием, уже к 2006 году прямые выборы глав сохранились лишь в 74% городов (Рагозина, 2007). К 2018 году во всех городских округах и муниципальных районах количество напрямую избираемых глав местных администраций снизилось до 12% (Казанцев, Румянцева, 2020). Главным институциональным «проводником» замены прямых выборов мэров моделями назначения, как показывают исследования, стали местные депутаты от «Единой России» (Гельман, Ланкина, 2007; Минаева, 2022).

Одна из определяющих характеристик российского местного управления — недофинансированность и зависимость от бюджетных трансфертов. В среднем доля собственных доходов за вычетом субсидий, субвенций и дотаций для городов составляет около 40% (Казанцев, Румянцева, 2020). При этом доля городов в распределении основного источника их финансовой самостоятельности — подоходного налога — с середины 2000-х годов сократилась с 30 до 20% (Туровский, 2015). Такая система бюджетного распределения практически сводит на нет стимулы для поиска источников экономического развития и конкуренции между городами.

Централизация коснулась и сферы административных полномочий местного самоуправления: например, полномочия муниципалитетов в сфере здравоохранения были переданы на региональный уровень уже в 2011 году. В области градостроительной политики начиная с конца 2014 года федеральный центр пере-

дал регионам право принимать решение о сохранении за городами или передаче на уровень субъектов полномочий по принятию градостроительных документов, включая генеральные планы, нормы землепользования, ПЗЗ, а также организацию вывоза отходов. Причем административная централизация влечет за собой и перераспределение финансовых средств, например, субсидий или доходов, получаемых с оплаты по договорам о развитии застроенных территорий с частными инвесторами.

Мы полагаем, что централизация муниципальных полномочий в градостроительной сфере при прочих равных условиях выгодна региональной власти, поскольку сокращение числа уровней, на которых принимаются те или иные решения, ведет к повышению управляемости и подконтрольности этой сферы. Это позволяет концентрировать ресурсы, стягивать зависимость профильного бизнеса от административных решений на региональный уровень, равно как и делает возможной разработку проектов развития нескольких муниципалитетов в связке друг с другом. Известно, что крупные строительные проекты социальных или политических объектов — например, олимпийских объектов, служат не только источником сверхдоходов, помогая распределять ренту между определенными элитными игроками, но и в целом работают на поддержку чувства гордости и сплоченности населения, отвлекая внимание избирателей от социально-экономических проблем (Ortung, Zhemukhov, 2014). Кроме того, это помогает выигрывать конкуренцию за доступ к ограниченным финансовым ресурсам, а также демонстрировать лояльность федеральному центру. Регионы, в частности, конкурируют за создание наиболее успешных местных адаптаций столичных практик, таких как реновация, ставшая витриной градостроительной политики мэра Москвы Сергея Собянина (Zupan et al., 2021).

Соответственно, перераспределение градостроительных полномочий с локального на региональный уровень дает доступ региональной элите ко все большему числу источников ренты, а также позволяет использовать городскую политику в конкуренции за символические и материальные ресурсы из федерального центра. Кроме этого, важно отметить, что на протяжении 2010-х годов нарабатывалась устойчивая патронажная практика обмена ресурсов и лояльности между региональной политической элитой и крупным бизнесом, равно как и тенденция на сокращение местных полномочий. Напротив, политической инфраструктуры защиты местной автономии не сложилось. На этом фоне мы не ожидаем, что застройщики, имеющие коммерческие интересы в городе, обязательно должны стать защитниками местной автономии по политическим причинам, однако экономические стимулы вполне могут подталкивать их к попытке оставить за муниципалитетом градостроительные полномочия. Например, издержки от переноса договоренностей на региональный уровень, издержки от удорожания коррупционной ренты и др.

Гипотетически передаче полномочий в градостроительной сфере с городского на региональный уровень способствуют, *во-первых*, слабая представленность

интересов застройщиков в местной ассамблее и, напротив, высокий уровень представительства девелопмента в региональном собрании. *Во-вторых*, высокая представленность партии «Единая Россия» в городской легислатуре служит институциональным «проводником» принимаемых в пользу вышестоящих органов власти решений. *В-третьих*, более высокая бюджетная обеспеченность города также способствует привлекательности для региональных властей перераспределения административных полномочий в свою пользу.

Данные, методы и переменные

Единица наблюдения в нашем исследовании — это столичный город российского региона. Всего в базу данных вошло 60 наблюдений. База содержит в себе данные о факте передачи (или отсутствия таковой) полномочий с муниципального уровня на региональный, составах городских и региональных ассамблей, представленности депутатов-застройщиков в них, представленности партии «Единая Россия» в составе городских ассамблей, а также статистические данные о размере бюджета и населении города. Сбор и систематизация информации о депутатах производилась на основе открытых источников (сайты городских и региональных представительных органов, медиа) и с помощью биографического инструментария. Мы поименно собирали информацию обо всех депутатах, фиксируя их принадлежность к строительному/девелоперскому бизнесу. Аффилированность со строительным бизнесом определялась нами по следующим критериям: депутат является или являлся до занятия депутатского кресла собственником, руководителем или сотрудником строительной фирмы, или же входит/входил в управленческие структуры (вроде совета директоров) такого бизнеса. Строительный бизнес нами понимался как бизнес, чья ключевая деятельность связана с проектированием, строительством или девелопментом жилой и нежилой недвижимости, а также производством строительных материалов.

Структура данных и исследовательский вопрос позволяют в качестве метода использовать качественный сравнительный анализ (QCA). Метод QCA основывается на принципах булевой алгебры (алгебры логики) и применяется для анализа малых и средних выборок. Метод позволяет строить формальные сравнительные модели в тех случаях, когда число наблюдаемых единиц недостаточно для результированного количественного исследования (Rihoux, 2006; Rihoux, Ragin, 2008; Duşa, 2018). Главным достоинством QCA является анализ отдельных факторов и их комбинаций (независимых переменных), влияющих на интересующий исследователя исход (зависимую переменную). Качественный сравнительный анализ позволяет установить необходимые и достаточные условия, определившие событие. В этом исследовании мы применяем multi-values QCA или множественный QCA, который предполагает, что переменная может принимать не только дихотомическое значение, как в QCA с фиксированными множествами (crisp-set QCA), но множество категориальных значений.

В качестве зависимой переменной (исхода) мы принимаем *трансферт или передачу полномочий с местного на региональный уровень (ТРАНСФЕРТ)*. В соответствии с законодательными требованиями эти решения фиксируются законами субъектов Российской Федерации, в которых прописывается ответственность субъекта (региона) в части градостроительной деятельности. Наравне с этим местные представительные собрания принимают изменения в уставы муниципалитетов, где эти полномочия аннулируются.

Зависимая переменная в соответствии с правилами булевой алгебры и качественного сравнительного анализа принимает дихотомический вид $\{0; 1\}$. Мы присваиваем единицам наблюдения (региональным столицам) логическое значение $\{0\}$, если факта трансферта полномочий не было. При этом нередки случаи, когда необходимость передачи полномочий активно обсуждалась в региональных или городских медиа, высказывались отдельные активисты, официальные лица, депутаты или застройщики, однако решения и соответствующего закона не принималось. Напротив, мы присваиваем логическое значение $\{1\}$ тем наблюдениям, где региональные законы о передаче полномочий были приняты. Среди наших 60 наблюдений в 29 случаях — был осуществлен трансферт полномочий, в 31 случае — трансферта по состоянию на 2022 год не было.

Для каждого наблюдения были взяты в анализ созывы городской и региональной ассамблеи, которые по срокам охватывают период с 2014 года, когда был принят федеральный закон, позволивший перераспределять полномочия в градостроительстве в пользу региона, и до 2022 года. В большинстве случаев в этот период попадало по два созыва, в некоторых — по три. В составах представительных органов мы анализировали биографии депутатов, на основании чего определяли принадлежность депутата к строительному бизнесу. Затем мы взвешивали долю депутатов-застройщиков (аффилированных со строительным бизнесом) на общее количество депутатов в ассамблее. Таким образом, мы получаем две независимых переменных:

- *Доля депутатов-застройщиков в составах городской ассамблеи (ЗАСТРГОР), приобретает одно из категориальных логических значений $\{0; 1; 2\}$.*
- *Доля депутатов-застройщиков в составах региональной ассамблеи (ЗАСТРРЕГ), приобретает одно из категориальных логических значений $\{0; 1; 2\}$.*

Эти переменные мы используем в виде трех категориальных логических значений ввиду того, что данные имеют большой разброс. С помощью трех логических категорий мы делаем анализ более точным. Мы присваиваем значение $\{0\}$ тем случаям, где наименьшая доля депутатов-застройщиков, значение $\{1\}$ — случаям, где эта доля средняя, и значение $\{2\}$ — случаям с наиболее высокой долей застройщиков среди депутатов созыва ассамблеи. Калибровка логических значений производилась на основании кластерного анализа. В Приложении 2 представлены пороговые значения, по которым проводилась калибровка значения для multi-values QCA.

Мы полагаем, что доля депутатов-застройщиков должна быть связана с трансфертом градостроительных полномочий. При этом мы ожидаем, что должно быть различие между преобладанием застройщиков в городской и в региональной ассамблее. Присутствие застройщиков среди депутатов на городском уровне является отражением их заинтересованности в определении правил городской жизни для их профильной сферы. Исходя из этого, мы полагаем, что преобладание депутатов-застройщиков в городской ассамблее будет связано со стремлением сохранить градостроительные полномочия в муниципалитете. Здесь у этих депутатов от бизнеса уже налажены контакты, есть доступ к нужной информации, они имеют статусную возможность влиять на принимаемые решения. Трансферт полномочий в таком предположении, напротив, будет связан с дополнительными издержками. Обратная логика в отношении доли депутатов-застройщиков в региональной ассамблее. Мы ожидаем, что их преобладание будет связано с трансфертом полномочий: в их интересах получить дополнительные возможности к уже имеющемуся статусу.

Таким образом, первая гипотеза выглядит следующим образом.

Гипотеза 1: большая доля застройщиков в городской ассамблее связана с сохранением полномочий на городском уровне. И, наоборот, большая доля застройщиков в региональной ассамблее связана с передачей градостроительных полномочий на уровень региона.

В виде булевых уравнений наши ожидания выглядят следующим образом:

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{1\} \leq \text{ЗАСТРГОР } \{0\}$$

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{0\} \leq \text{ЗАСТРГОР } \{1; 2\}$$

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{1\} \leq \text{ЗАСТРРЕГ } \{1; 2\}$$

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{0\} \leq \text{ЗАСТРРЕГ } \{0\}$$

Еще одна независимая переменная — это *доля депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи (ЕР)*. Здесь мы ожидаем, что преобладание партии власти в составе городского представительного органа должно служить потенциальной дисциплинарной основой для того, чтобы ассамблея повела себя лояльно предложениям со стороны губернатора региона, поддержала трансферт градостроительных полномочий и внесла изменения в устав города.

Гипотеза 2: большая доля депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи связана с трансфертом градостроительных полномочий.

Эта переменная на уровне данных не имеет большого разброса, поэтому ее калибровка представляла собой дихотомизацию $\{0; 1\}$. Здесь логическое значение $\{0\}$ приобретали случаи, где в ассамблее меньшая доля депутатов от «Единой России», а значение $\{1\}$ присваивалось случаям с большой долей депутатов от «Единой России». Таким образом, большая доля депутатов от российской партии власти в составе городской ассамблеи, скорее, связана с передачей градостроительных полномочий на региональный уровень. Булево уравнение в отношении этой переменной следующее:

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{1\} \leq \text{ЕР } \{1\}$$

$$\text{ТРАНСФЕРТ } \{0\} \leq \text{ЕР } \{0\}$$

Наконец, независимая переменная, касающаяся *бюджетных возможностей муниципалитета* (БЮДЖЕТ). Переменная формировалась с помощью взвешивания бюджета на размер населения региона. Мы полагаем, что:

Гипотеза 3: большие бюджетные возможности муниципалитета связаны с трансфертом полномочий на региональный уровень.

Это связано с тем, что политико-управленческая логика в России в последние десятилетия стремится в целом к централизации ресурсов. Другими словами, региональные элиты нацелены на то, чтобы сконцентрировать ресурсы и полномочия; и, соответственно, чем больше ресурсов на городском уровне, тем больше стремление региона к концентрации. Булево уравнение в отношении этой переменной следующее:

ТРАНСФЕРТ {1} <= БЮДЖЕТ {1}

ТРАНСФЕРТ {0} <= БЮДЖЕТ {0}

Анализ и эмпирические наблюдения

В соответствии с нормами качественного сравнительного анализа мы для начала должны оценить степень необходимости каждого из условий (независимых переменных) в контексте исхода (зависимой переменной). Анализ проводился с помощью пакета QCA (Duşa, 2018) в программной среде R. В таблице 1 представлены показатели оценки степени необходимости каждого из условий. Ключевой показатель — это релевантность необходимости, он отражает, насколько конкретное условие является необходимым для того, чтобы состоялся трансферт градостроительных полномочий (ТРАНСФЕРТ {1}). Предварительный анализ показывает, что все переменные обладают высокой степенью необходимости. Наименьший среди всех показателей у доли депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи, однако, напротив, у этой переменной высокий порог инклюзии, то есть это самое распространенное условие среди других в большинстве анализируемых случаев. Мы также видим здесь, что доля депутатов-застройщиков в составе городской ассамблеи обладает высокой необходимостью, что идет в противоречие с нашим теоретическим ожиданием. В дальнейшем анализе мы уточним это.

Таблица 1. Оценки степени необходимости отдельных условий

Условие	Порог инклюзии (inclN)	Релевантность необходимости (RoN)	Покрытие (covN)
ЗАСТРГОР	0,158	0,937	0,566
ЗАСТРРЕГ	0,092	0,966	0,575
ЕР	0,715	0,445	0,488
БЮДЖЕТ	0,138	0,946	0,571

Источник: расчеты авторов

Следующим шагом является анализ таблицы истинности по условиям и исходу. Ниже представлена Таблица истинности для 60 случаев (порог отсечения = 0,9).

Таблица 2. Таблица истинности

Условия				Исход	Кол-во случаев	Уровень инклюзивности	PRI	Случаи
ЗА-СТРГОР	ЗА-СТРРЕГ	ЕР	БЮДЖЕТ					
0	0	0	0	0	7	0,429	0,429	Черкесск, Хабаровск, Киров, Красноярск, Нижний Новгород, Владикавказ, Владивосток
0	0	0	0	1	1	1,000	1,000	Якутск
0	0	1	0	0	14	0,357	0,357	Барнаул, Белгород, Биробиджан, Челябинск, Чита, Элиста, Горно-Алтайск, Грозный, Краснодар, Кызыл, Мурманск, Тверь, Ульяновск, Владимир
0	0	1	1	0	2	0,500	0,500	Анадырь, Магас
0	1	0	0	0	2	0,500	0,500	Архангельск, Кострома
0	1	0	1	0	1	0,000	0,000	Ханты-Мансийск
0	1	1	0	0	10	0,400	0,400	Абакан, Астрахань, Брянск, Чебоксары, Кемерово, Курган, Майкоп, Ростов-на-Дону, Рязань, Вологда
0	1	1	1	0	2	0,500	0,500	Магадан, Самара
1	0	0	0	0	2	0,500	0,500	Нальчик, Екатеринбург
1	0	1	0	0	3	0,000	0,000	Благовещенск, Калуга, Казань
1	0	1	1	1	1	1,000	1,000	Южно-Сахалинск
1	1	0	0	1	1	1,000	1,000	Ярославль
1	1	1	0	1	2	1,000	1,000	Курск, Тамбов
2	0	1	0	0	2	0,500	0,500	Иркутск, Иваново
2	1	0	0	0	2	0,000	0,000	Новгород, Новосибирск
2	1	1	0	1	3	1,000	1,000	Ижевск, Калининград, Липецк

2	2	0	0	0	2	0,500	0,500	Омск, Орел
2	2	1	0	1	3	1,000	1,000	Оренбург, Пенза, Пермь

Источник: Расчеты авторов

Таблица истинности показывает, что до процедуры минимизации в имеющихся данных обнаруживаются 6 вариантов комбинации условий, которые ведут к логически положительному исходу, то есть к трансферу градостроительных полномочий на региональный уровень. Эти 6 комбинаций условий включают в себя 11 случаев, то есть 18,3% от общего количества наблюдений.

Далее проведем анализ необходимости отдельных условий или их отдельных комбинаций в контексте других условий и комбинаций. Для этого обратимся к анализу по функции *superSubset*, которая анализирует все возможные отношения необходимости для индивидуальных условий или комбинации условий, а также все возможные дизъюнкции условий (логически отрицательные), которые необходимы для исхода. В таблице 3 представлены результаты этого анализа.

Таблица 3. Анализ необходимости условий или комбинации условий в контексте других условий и комбинаций условий

Условие или комбинация условий	Порог инклюзии (inclN)	Релевантность необходимости (RoN)	Покрытие (covN)
БЮДЖЕТ {0}	0,862	0,200	0,472
ЗАСТРГОР {0} + EP {1}	0,897	0,206	0,491
ЗАСТРРЕГ {0} + EP {1}	0,897	0,235	0,500
ЗАСТРГОР {0} + ЗАСТРРЕГ {1} + EP {0}	0,828	0,250	0,471
ЗАСТРГОР {1} + ЗАСТРРЕГ {1} + EP {1}	0,828	0,278	0,480
ЗАСТРГОР {1} + ЗАСТРРЕГ {2} + EP {1}	0,828	0,361	0,511
ЗАСТРГОР {2} + ЗАСТРРЕГ {1} + EP {1}	0,828	0,278	0,480
ЗАСТРГОР {1} + EP {1} + БЮДЖЕТ {1}	0,828	0,361	0,511
ЗАСТРРЕГ {1} + EP {1} + БЮДЖЕТ {1}	0,828	0,306	0,490
ЗАСТРГОР {2} + ЗАСТРРЕГ {1} + EP {0} + БЮДЖЕТ {1}	0,828	0,472	0,558

Источник: Расчеты авторов

Примечание: В соответствии с правилами QCA знак «+» следует читать как логическую операцию «ИЛИ».

Здесь мы видим, что наиболее высокими показателями релевантности необходимости обладают три комбинации условий (0,361, 0,361 и 0,472). Этот предва-

рительный анализ условий также показывает нам, что стабильно средняя и высокая доля депутатов-застройщиков в городской ассамблее положительно связана с трансфертом градостроительных полномочий. Это не соответствует нашему теоретическому ожиданию. Однако если мы посмотрим на комбинации условий, где встречается условие ЗАСТРГОР {1; 2}, то обнаружим, что это условие стоит в череде других, которые обладают той же степенью необходимости для наступления искомого исхода в модели.

Так, например, мы видим, что в комбинации ЗАСТРГОР {1} + ЗАСТРРЕГ {2} + ЕР {1} с той же степенью необходимости обладают переменные — высокая доля депутатов-застройщиков в составе региональной ассамблеи ИЛИ высокая доля депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи. Другими словами, потенциальное сопротивление депутатов-застройщиков, которые в городской ассамблее хотели бы заблокировать трансферт полномочий, чтобы не лишиться части своего влияния, компенсируется высокой долей депутатов-застройщиков на региональном уровне, которые от трансферта полномочий, напротив, приобретают дополнительное влияние. Высокая доля депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи также препятствует потенциальному стремлению депутатов-застройщиков сохранить полномочия на городском уровне. В двух других комбинациях с высокой релевантностью необходимости добавляется условие — большие бюджетные возможности муниципалитета. Это условие встречается в комбинации ИЛИ ЗАСТРГОР {1; 2}, что также дает основания рассматривать ресурсные возможности города как дополнительное необходимое условие к стремлению централизации регионом ресурсов и полномочий.

Наконец, завершающей операцией качественного сравнительного анализа является процедура минимизации таблицы истинности. Эта процедура позволяет редуцировать комбинации условий так, чтобы обнаружить наиболее релевантные комбинации, ведущие к положительному исходу — трансферту градостроительных полномочий. Результаты минимизации представлены в таблице 4.

Таблица 4. Комбинации условий для положительного исхода

№	Комбинации условий	Порог инклюзии (inclS)	PRI	Досто- точ- ность по- кры- тия (covS)	Случаи
1	ЗАСТРГОР {1} * ЗАСТРРЕГ {1} * БЮДЖЕТ {0}	1,000	1,000	0,103	Ярославль, Курск, Тамбов
2	ЗАСТРГОР {1} * ЗАСТРРЕГ {0} * ЕР {1} * БЮДЖЕТ {1}	1,000	1,000	0,034	Южно-Сахалинск

3	ЗАСТРГОР {2} * ЗАСТРРЕГ {1} * ЕР {1} * БЮДЖЕТ {0}	1,000	1,000	0,103	Ижевск, Калининград, Липецк
4	ЗАСТРГОР {2} * ЗАСТРРЕГ {2} * ЕР {1} * БЮДЖЕТ {0}	1,000	1,000	0,103	Оренбург, Пенза, Пермь
5	ЗАСТРГОР {0} * ЗАСТРРЕГ {0} * ЕР {0} * БЮДЖЕТ {1}	1,000	1,000	0,034	Якутск
<i>Модель</i>		<i>1,000</i>	<i>1,000</i>	<i>0,379</i>	

Источник: Расчеты авторов

Примечание: В соответствии с правилами QCA знак «*» следует читать как логическую операцию «И».

Итоговые комбинации условий показывают, что наши теоретические ожидания преимущественно оправдались, за исключением переменной — доля депутатов-застройщиков в составе городской ассамблеи. Однако, как было отмечено выше, эта переменная является необходимой в комбинации других условий и только в таких комбинациях возможен положительный исход — трансферт градостроительных полномочий на региональный уровень. Кроме того, стоит обратить внимание, что в комбинациях, которые объясняют большое количество случаев (комбинации 1, 3, 4), мы можем обнаружить общее. В каждой из этих комбинаций необходимым является условие — сравнительно более низкие бюджетные возможности муниципалитета (БЮДЖЕТ {0}). Наравне с этим в двух из обозначенных комбинаций мы видим наибольшую долю депутатов-застройщиков в составе городской ассамблеи (ЗАСТРГОР {2}), которая при этом сочетается не только с низким бюджетом, но и с необходимым присутствием средней или большей доли застройщиков среди депутатов региональной ассамблеи (ЗАСТРРЕГ {1; 2}), а также с преобладанием в составе городской ассамблеи депутатов от «Единой России». Мы видим, что высокая доля депутатов-застройщиков в городской ассамблее не связана с отсутствием трансферта градостроительных полномочий. Если в интересах этих депутатов и было сохранение градостроительных полномочий на городском уровне, то при наличии других названных условий высокая концентрация застройщиков в городской ассамблее, напротив, становилась условием, ведущим к передаче полномочий на региональный уровень.

В полученных комбинациях условий прослеживаются два характерных паттерна. Во-первых, в пяти из шести комбинаций мы видим концентрацию застройщиков в составе политической элиты региона: они устойчиво обеспечивают свое присутствие в представительных органах власти. Это очевидно становится одним из необходимых условий, чтобы вопрос о передаче полномочий в целом стал предметом обсуждения и торга внутри региональной элиты. Доминирование застройщиков среди депутатского корпуса — это еще и проявление логики «машин роста», когда местные политики и чиновники находят в застройщиках своих союзников по реализации политических целей через

удовлетворение социально-экономических показателей. Мы можем предположить, что при наличии устойчивых каналов согласования интересов и работы с представителями строительного бизнеса проведение в жизнь любого решения, необходимого власти, является скорее вопросом договоренностей с бизнесом (по новым земельным участкам, новым строительным проектам или согласованиям на строительство). К этому же стоит добавить условие, которое мы также устойчиво видим в комбинациях, касающееся высокой доли депутатов от «Единой России» в составе городской ассамблеи. Партийная дисциплина и институциональная основа для выражения политической лояльности сработали как механизмы, позволившие реализовать необходимое решение о трансферте полномочий на региональный уровень.

Во-вторых, мы видим комбинации условий 2 и 6, которые выбиваются из ряда прочих тем, что касаются случаев, где имеют место большие бюджетные возможности муниципалитета. Особенно здесь выделяется случай Якутска, который описывает комбинацию, в которой необходимыми условиями являются низкие доли застройщиков в обеих ассамблеях, низкая доля депутатов от «Единой России», но большие бюджетные возможности. Случай Южно-Сахалинска мы относим сюда же. Эти случаи, в которых случился трансферт полномочий, могут объясняться тем, что высокая концентрация бюджетных ресурсов предполагает высокую централизацию. Стягивание большего объема полномочий от муниципалитетов на региональный уровень является продолжением концентрации ресурсов в региональном бюджете, способном обеспечить эффективную реализацию полномочий, в том числе в вопросах градостроительства. Важно отметить, что здесь, очевидно, не стоит вопрос эффективности управления этой отраслью или учета интереса местных акторов, однако есть стремление региональной элиты обеспечить себя большим спектром подконтрольных сфер.

Заключение

В современной России еще остается немало городов, которые оставили за собой полномочия в сфере градостроительства, и даже такие, где вопрос перераспределения полномочий не поднимался в политической повестке региона, по крайней мере в публичном поле. Тем не менее централизация управления и сужение муниципальных полномочий — это общая логика, которой руководствуется российская политическая элита в последние годы. Передача полномочий в сфере градостроительства тем более показательна, поскольку, в отличие от бюджетно-налоговых полномочий и политической автономии муниципалитетов, сфера городской политики является частью интереса не только политической элиты, но и коммерческого сектора — строительного бизнеса.

Наш анализ показывает, что конструкция «машин роста» как устойчивых альянсов власти и бизнеса по-прежнему является влиятельным политическим феноменом в вопросах управления российскими городами. Мы обнаруживаем не толь-

ко доминирование, в частности, строительного бизнеса в политической жизни города или региона, но также его кооптацию в состав элиты через каналы выражения политической лояльности — членство в составах представительных органов и аффилиацию с партией «Единая Россия». Однако «машины роста» на городском уровне с присущей им влиятельностью строительного бизнеса *не становятся* гарантированной защитой для сохранения муниципальной автономии в вопросах градостроительства. Это тем более удивительно, что изменение баланса полномочий прямо касается ключевого коммерческого актива строителей — управления городскими землями в части их развития, обслуживания и использования. «Машины роста», напротив, как следует из результатов нашего исследования, послужили основой для централизации полномочий. Преобладание депутатов-застройщиков среди политической элиты города и региона стало одним из необходимых факторов для трансферта градостроительных полномочий там, где это потребовалось региональной власти. Мы можем предположить, что застройщики как опытные участники политико-экономического процесса понимают, что централизация полномочий в градостроительстве — это часть политического курса, запущенного федеральным центром. Их предыдущий опыт подсказывает, что в таких вопросах выгоднее присоединиться к процессу, нежели бороться за статус-кво. В таком плане расчет издержек и благ для строительного бизнеса, вовлеченного в политику, выражается в том, чтобы принять новые правила и поскорее к ним адаптироваться. Не исключено, что скорость присоединения может быть также связана с выражением лояльности новым правилам и их инициатору и, следовательно, будет компенсирована в будущем.

Развитие исследования представляется возможным при расширении выборки и уточнении предложенных гипотез с помощью количественной методологии. Также перспективным видится изучение отдельных случаев, в которых вопрос передачи полномочий поднимался в политическую повестку региона со стороны губернатора или правительства, однако фактической передачи к текущему моменту не состоялось. Кроме того, есть единичные примеры, когда полномочия перераспределялись в регион, но затем снова возвращались на муниципальный уровень (Нижний Новгород и Екатеринбург). Эти случаи также требуют более детального изучения. Еще одним направлением развития исследования является анализ примеров, где при наличии доминирования строительного бизнеса в политической жизни региона и особенно города (Пермь, Тамбов, Пенза и др.) трансферт полномочий состоялся. В этом плане интересно уточнить то, как меняются стратегии взаимодействий бизнеса с властью в новых институциональных условиях и каковы объективные показатели развития строительного бизнеса в регионе после изменений в полномочиях. Наконец, социологическая перспектива также может быть полезной: качественное исследование мотивации или причин, почему застройщики выбирают поддержку передачи полномочий, как они формулируют свои интересы в этом процессе, как оценивают баланс выгод и издержек.

Литература

- Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. (2021). Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 285-300.
- Гельман В. Я., Рыженков С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 6. № 4. С. 130-151.
- Гельман В. Я., Ланкина Т. В. (2007). Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима. Институциональное строительство и выборы мэров в городах России // Полис. Политические исследования. Т. 6. С. 86-109.
- Казанцев К. И., Румянцева А. Е. (2020). От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России / М. О. Комин (ред.). М.: Центр перспективных управленческих решений.
- Минаева Э. Ю. (2022). Стратегии сохранения и отмены прямых выборов глав муниципальных образований в России // Мир России. Социология. Этнология. Т. 31. № 2. С. 97-117.
- Позднякова Ю. (2016а). Мэрия идет на «Маяк». Администрация Екатеринбурга требует банкротства местного застройщика. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2951366> (дата доступа: 17.03.2023).
- Позднякова Ю. (2016б). Область уполномочена строить: Власть и бизнес. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2975401> (дата доступа: 17.03.2023).
- Рагозина Л. (2007). Мониторинг реформы местного самоуправления // Городское управление в современной России / А. Пузанов (ред.). М.: Фонд «Институт экономики города». С. 15-16.
- Стефанский П. (2020). Спикер: дума Томска не поддержит передачу градостроительных полномочий. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20201211/48713/> (дата доступа: 17.03.2023).
- Тев Д. (2022). Бизнес как источник рекрутирования высокопоставленных чиновников федеральных экономических министерств России // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 104-126.
- Туровский Р. Ф. (2015). Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис: Журнал политических исследований. Т. 2. С. 35-51.
- Burns P. F., Thomas M. O. (2004). Governors and the Development Regime in New Orleans // Urban Affairs Review. Vol. 39. № 6. P. 791-812.
- Chiodelli F. (2019). The illicit side of urban development: Corruption and organized crime in the field of urban planning // Urban Studies. Vol. 56. № 8. P. 1611-1627.
- Croese S., Pitcher M. A. (2019). Ordering power? The politics of state-led housing delivery under authoritarianism — the case of Luanda, Angola // Urban Studies. Vol. 56. № 2. P. 401-418.

- DiGaetano A., Lawless P.* (1999). Urban governance and industrial decline: Governing structures and policy agendas in Birmingham and Sheffield, England, and Detroit, Michigan, 1980-1997 // *Urban affairs review*. Vol. 34. № 4. P. 546-577.
- Duša A.* (2018). *QCA with R: A comprehensive resource*. New York City: Springer.
- Hanssen G. S. Falleth E. I.* (2014). Market-Oriented Urban Planning — Constraining Citizen Participation // *Local Government Studies*. Vol. 40. № 3. P. 403-428.
- Imami D., Lami E., Pojani D.* (2022). Informal construction as political currency: a theory of 'election-driven informality' // *Land Use Policy*. Vol. 112. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0264837721005081> (дата доступа: 17.03.2023).
- John P., Cole A.* (1998). Urban regimes and local governance in Britain and France: Policy adaptation and coordination in Leeds and Lille // *Urban Affairs Review*. Vol. 33. № 3. P. 382-404.
- Krebs T.* (2005). Urban Interests and Campaign Contributions: Evidence from Los Angeles // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 2. № 27. P. 165-175.
- Kollman K., Worthington A. B.* (2021). Party Systems and Political Centralization and Decentralization // *The Journal of Politics*. Vol. 83. № 3. P. 1178-1183.
- Kyriacou A. P., Muinelo-Gallo L., Roca-Sagalés O.* (2015). Construction corrupts empirical evidence from a panel of 42 countries // *Public Choice*. Vol. 165. P. 123-145.
- Kirkland Patricia A.* (2021). Business Owners and Executives as Politicians: The Effect on Public Policy // *The Journal of Politics*. Vol. 83. № 4. P. 1652-1668.
- Lucardi A.* (2016). Building Support From Below? Subnational Elections, Diffusion Effects, and the Growth of the Opposition in Mexico, 1984-2000 // *Comparative Political Studies*. Vol. 49. № 14. P. 1855-1895.
- Logan J. R., Molotch H. L.* (1987). *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press.
- Marschall M., Aydogan A., Bulut A.* (2016). Does housing create votes? Explaining the electoral success of the AKP in Turkey // *Electoral Studies*. Vol. 42. P. 201-212.
- Orttung R. W., Zhemukhov S.* (2014). The 2014 Sochi Olympic mega-project and Russia's political economy // *East European Politics*. Vol. 30. № 2. P. 175-191.
- Reuter O. J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G.* (2016). Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections // *Comparative political studies*. Vol. 49. № 5. P. 662-697.
- Rihoux B.* (2006). Qualitative comparative analysis (QCA) and related systematic comparative methods: Recent advances and remaining challenges for social science research // *International Sociology*. Vol. 21. № 5. P. 679-706.
- Rihoux B., Ragin C. C.* (2008). *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. New York City: Sage Publications.
- Stone C. N.* (1989). *Regime Politics: Governing Atlanta 1946-1988*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Szakonyi D.* (2020). *Politics for profit: Business, elections, and policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zupan D., Smirnova V., Zadorian A. (2021). Governing through stolichnaya praktika: Housing renovation from Moscow to the regions // Geoforum. Vol. 120. P. 155-164.

“We’ll Find a Way to Settle this Among Ourselves”: Conditions for the Centralization of Municipal Powers in Urban Development

Vsevolod Bederson

Candidate of Science (Polit.), Senior Research Fellow, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg (SI RAS — Branch of FCTAS RAS) (St. Petersburg); Senior Research Fellow, the Center for Comparative History and Politics (Perm).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

E-mail: vsbederson@gmail.com

Eleonora Minaeva

Junior Research Fellow, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg (SI RAS — Branch of FCTAS RAS) (St. Petersburg); Senior Research Fellow, the Center for Comparative History and Politics (Perm).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

E-mail: elya.minaeva@gmail.com

The article presents an analysis of conditions for the transfer of powers in the field of urban planning from the local level to the regional level. At the end of 2014, a federal law allowed the regions to centralize powers that were previously considered to be the exclusive competence of the municipalities (development and adoption of master plans, surveying standards, land use, and development rules). The study considers several conditions that contribute to the centralization of urban planning authorities: the representation of developers' interests in the local and regional assemblies, the representation of the “United Russia” party in the city assembly, as well as the budgetary autonomy of the city. Based on qualitative comparative analysis (multi-values QCA), the study finds that, contrary to expectations, the dominance of deputies-developers in the city assembly has not become a necessary condition for the protection of municipal powers in urban planning. On the contrary, the dominance of developers among the deputy councilors in the city and regional legislatures facilitated the transfer of powers. The results also show that the dominance of “United Russia” in the city assembly served as an institutional disciplinary tool to consolidate deputies to centralize powers in favor of the regional level. The relatively high level of budgetary autonomy of a city is also a necessary condition for the centralization of urban planning powers.

Keywords: local government, administrative centralization, urban policy, growth machine, urban regimes

References

Bederson V., Shevtsova I. (2021) Zastroyshchiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentsii v rossiyskikh millionnikakh: tipologiya gorodskikh rezhimov v 2010-ye gg. [Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia’s Million-Plus Cities:

- A Typology of Urban Regimes in the 2010s]. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 285-300.
- Burns P.F., Thomas M.O. (2004) Governors and the Development Regime in New Orleans. *Urban Affairs Review*, vol. 39, no 6, pp. 791-812.
- Chiodelli F. (2019) The illicit side of urban development: Corruption and organized crime in the field of urban planning. *Urban Studies*, vol. 56, no 8, pp. 1611-1627.
- Croese S., Pitcher M.A. (2019) Ordering power? The politics of state-led housing delivery under authoritarianism — the case of Luanda, Angola. *Urban Studies*, vol. 56, no 2, pp. 401-418.
- DiGaetano A., Lawless P. (1999) Urban governance and industrial decline: Governing structures and policy agendas in Birmingham and Sheffield, England, and Detroit, Michigan, 1980-1997. *Urban Affairs Review*, vol. 34, no 4, pp. 546-577.
- Duşa A. (2018) *QCA with R: A comprehensive resource*, New York City: Springer.
- Gelman V. Ya., Ryzhenkov S.I. (2010) Lokal'nyye rezhimy, gorodskoye upravleniye i «vertikal' vlasti» v sovremennoy Rossii [Local regimes, urban governance and the “vertical of power” in modern Russia]. *Political expertise: POLITEKS*, vol. 6, no 4, pp. 130-151.
- Gelman V. Ya., Lankina T.V. (2007) Politicheskiye diffuzii v usloviyakh prostranstvenno-gibridnogo rezhima. InstitutSIONal'noye stroitel'stvo i vybory merov v gorodakh Rossii [Political diffusion under conditions of a spatially hybrid regime. Institutional building and elections of mayors in Russian cities]. *Polis. Political studies*, vol. 6, pp. 86-109.
- Hanssen G.S., Falleth E.I. (2014) Market-Oriented Urban Planning — Constraining Citizen Participation. *Local Government Studies*, vol. 40, no 3, pp. 403-428.
- Imami D., Lami E., Pojani D. (2022) Informal construction as political currency: a theory of ‘election-driven informality’. *Land Use Policy*, vol. 112. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0264837721005081> (accessed: 17 March 2023).
- John P., Cole A. (1998) Urban regimes and local governance in Britain and France: Policy adaption and coordination in Leeds and Lille. *Urban Affairs Review*, vol. 33, no 3, pp. 382-404.
- Kazantsev K.I., Romyantseva A.E. (2020) *Ot izbraniya k naznacheniyu. Otsenka effekta smeny modeli upravleniya munitsipalitetami v Rossii* [From election to appointment. Evaluation of the effect of changing the model of management of municipalities in Russia] (M.O. Komin ed.), Moscow: Center for Perspective Management Decisions.
- Krebs T. (2005) Urban Interests and Campaign Contributions: Evidence from Los Angeles. *Journal of Urban Affairs*, vol. 2, no 27, pp. 165-175.
- Kollman K., Worthington A.B. (2021) Party Systems and Political Centralization and Decentralization. *The Journal of Politics*, vol. 83, no 3, pp. 1178-1183.
- Kyriacou A.P., Muinel-Gallo L., Roca-Sagalés O. (2015) Construction corrupts empirical evidence from a panel of 42 countries. *Public Choice*, vol. 165, pp. 123-145.
- Kirkland Patricia A. (2021) Business Owners and Executives as Politicians: The Effect on Public Policy. *The Journal of Politics*, vol. 83, no 4, pp. 1652-1668.

- Minaeva E. (2022) Strategii sokhraneniya i otmeny pryamykh vyborov glav munitsipal'nykh obrazovaniy v Rossii [Strategies for the Preservation and Cancellation of the Direct Election of Municipal Heads in Russia]. *Universe of Russia*, vol. 31, no 2, pp. 97-117.
- Lucardi A. (2016) Building Support From Below? Subnational Elections, Diffusion Effects, and the Growth of the Opposition in Mexico, 1984-2000. *Comparative Political Studies*, vol. 49, no 14, pp. 1855-1895.
- Logan J. R., Molotch H. L. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*, Berkeley: University of California Press.
- Marschall M., Aydogan A., Bulut A. (2016) Does housing create votes? Explaining the electoral success of the AKP in Turkey. *Electoral Studies*, vol. 42, pp. 201-212.
- Orttung R. W., Zhemukhov S. (2014) The 2014 Sochi Olympic mega-project and Russia's political economy. *East European Politics*, vol. 30, no 2, pp. 175-191.
- Pozdnyakova Y. (2016a) *Meriya idet na «Mayak»*. *Administratsiya Yekaterinburga trebuyet bankrotstva mestnogo zastroyshchika* [The mayor's office is going after Mayak. Yekaterinburg administration demands bankruptcy of local developer]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2951366> (accessed: 17 March 2023).
- Pozdnyakova Y. (2016b) *Oblast' upolnomochena stroit': Vlast' i biznes* [The region is empowered to build: Power and business]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2975401> (accessed: 17 March 2023).
- Ragozina L. (2007) Monitoring reformy mestnogo samoupravleniya [Monitoring the Local Government Reform] (A. Puzanov ed.). *Urban Governance in Modern Russia*, Moscow: Institute for Urban Economics Foundation, pp. 15-16.
- Reuter O. J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. (2016) Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections. *Comparative political studies*, vol. 49, no 5, pp. 662-697.
- Rihoux B. (2006) Qualitative comparative analysis (QCA) and related systematic comparative methods: Recent advances and remaining challenges for social science research. *International Sociology*, vol. 21, no 5, pp. 679-706.
- Rihoux B., Ragin C. C. (2008) *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*, Sage Publications.
- Stefanski P. (2020) *Spiker: дума Tomska ne podderzhit peredachu gradostroitel'nykh polnomochiy* [Speaker: Tomsk Duma will not support the transfer of urban planning powers]. Available at: <https://www.riatomsk.ru/article/20201211/48713/> (accessed: 17 March 2023).
- Stone C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta 1946-1988*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Szakonyi D. (2020) *Politics for profit: Business, elections, and policymaking in Russia*, Cambridge University Press.
- Tev D. (2022) *Biznes kak istochnik rekrutirovaniya vysokopostavlennykh chinovnikov federal'nykh ekonomicheskikh ministerstv Rossii* [Business as a Source of Recruitment of High-Ranking Officials in Russian Federal Economic Ministries]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 104-126.

Turovsky R. F. (2015) Rossiyskoye mestnoye samoupravleniye: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoj passivnosti [Russian Local Self-Governance: Agent of State Power Trapped in Underfunding and Civic Passivity]. *Polis: Journal of Political Studies*, vol. 2, pp. 35-51.

Zupan D., Smirnova V., Zadorian A. (2021) Governing through stolichnaya praktika: Housing renovation from Moscow to the regions. *Geoforum*, vol. 120, pp. 155-164.

Приложение 1

Таблица 5. Пороговые значения для калибровки переменных под значения multi-values QCA.

Переменные	Пороговые значения и логические значения
Доля депутатов-застройщиков в составах городской ассамблеи (ЗАСТРГОР)	< 0.135 — {0} 0.135 — 0.220 — {1} > 0.220 — {2}
Доля депутатов-застройщиков в составах региональной ассамблеи (ЗАСТРРЕГ)	< 0.065 — {0} 0.065 — 0.165 — {1} > 0.165 — {2}
Доля депутатов от "Единой России" в составе городской ассамблеи (ЕР)	< 0.64 — {0} > 0.64 — {1}
Бюджетные возможностей муниципалитета (БЮДЖЕТ) (log)	< 3.579586 — {0} > 3.579586 — {1}

Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах*

Елена Тыканова

Кандидат социологических наук, заведующая сектором социоурбанистики; старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
 Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
 E-mail: elenatykanova@gmail.com

Ирина Шевцова

Кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
 Адрес: ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121 Российская Федерация
 E-mail: ishevtsova@hse.ru

Анна Желнина

Кандидат социологических наук, PhD in Sociology, независимый исследователь
 Адрес: просп. Королева, 24, Санкт-Петербург, 197349 Российская Федерация
 E-mail: azhelnina@gmail.com

Взаимодействия власти и активистов — распространенный сюжет в исследованиях общественных движений. При этом власти зачастую рассматриваются как «монолит» и изучаются как адресат действий активистов, влияющий на исход городского конфликта. Вместе с тем представители власти часто демонстрируют различные интересы и разную степень вовлеченности в решении городских конфликтов. Анализ массива данных о динамике городских конфликтов в российских городах-миллионниках показал, что ключевые чиновники исполнительной власти регионов и городов (губернаторы, вице-губернаторы и мэры) предпринимают попытки разрешить городской конфликт реже, чем местные или региональные депутаты. Опираясь на социологическую традицию изучения коалиций общественных движений (Van Dyke; Diani; Sterns and Almeida; Jasper and Duyvendak), в данной статье мы анализируем причины, по которым ключевые чиновники исполнительной власти принимают решение поддержать активистов в городском конфликте в контексте централизованного государства. Исследование базируется на материалах 97 полуструктурированных интервью с участниками градозащитных и экологических локальных конфликтов, а также экспертами в пяти городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде и Казани. Мы рассматриваем случаи поддержки активистов чиновниками как примеры коалиций типа «публичная власть — социальное движение» (state actor-social movement): в рамках таких коалиций чиновники предоставляют свои организационные ресурсы и влияние для достижения целей общественного движения. В результате анализа авторы выделили шесть причин, по которым губернаторы, вице-губернаторы и мэры городов могут поддержать активистов: (1) общественный резонанс, созданный активистами вокруг символически значимого объекта; (2) изменения в экономической и политической конъюнктуре; (3) угроза санкций или вмешательство со стороны федеральных чиновников; (4) близость выборов и/или необходимость поддержать политическую репутацию; (5) использование городских конфликтов для аппаратной борьбы; (6) эмоции и симпатии представителей исполнительной власти.

Ключевые слова: городские локальные конфликты, активисты, чиновники, коалиции

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Листая российские новости, можно встретить множество заголовков о том, как собирательные «власти» поддерживают застройщиков, обжалуют требования, усиливают контроль и объединяют усилия, например: «Власти поддержат застройщиков в решении актуальных вопросов» (Самсонова, 2022), «Новороссийские общественники и городские власти объединят усилия на “Территории неравнодушных”»¹, «Ростовские власти обжалуют требование отремонтировать теплотрассы» (Мельникова, 2023). Собирательное понятие «власть» может обозначать региональных и городских чиновников, сотрудников районных администраций или любых других представителей государственных органов. «Власти» также часто фигурируют в описаниях городских конфликтов — как монолитный актер, выступающий арбитром в спорах, или как поддерживающий одну из сторон союзник. В данной статье мы покажем, что собирательные «власти» не монолитны, а состоят из множества отдельных игроков, которые могут конкурировать друг с другом и руководствоваться разными целями. Включение таких игроков в городские конфликты может быть связано с их политическими задачами, конкуренцией между разными ведомствами, а также с личными убеждениями отдельных чиновников.

В исследованиях городских общественных движений «власти» часто выступают контрагентом активистов и инициативных групп: активисты обращаются к ним как к арбитру в разрешении споров с застройщиками. «Власти» также задают правила игры, создают арены, на которых активисты могут разворачивать свои кампании, например, организуют референдумы, публичные слушания и прочие формальные площадки (Желнина, Тыканова, 2021). В литературе о российских городских конфликтах описана роль разных представителей власти: местных и региональных депутатов, губернаторов, глав городов и пр. (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010; Гладарев, 2011; Медведев, 2017; Тыканова, Хохлова, 2014; Шевцова, Бедерсон, 2017; Желнина, Тыканова, 2021).

Случаи, когда чиновники поддерживают активистов, в российских реалиях встречаются не очень часто: в 30% городских конфликтов органы публичной власти разного уровня на том или ином этапе развития конфликта встают на сторону активистов (Семенов, Минаева, 2021). Опираясь на большую уникальную базу качественных интервью участников городских конфликтов в пяти российских городах-миллионниках, а также на интервью с экспертами, мы в данной статье рассмотрим немногочисленные случаи сотрудничества и поддержки активистов чиновниками от исполнительной власти (регионального и городского уровней), проанализируем причины формирования таких альянсов.

Выше мы отмечали, что «власти» не являются монолитом, и мотивации и стратегии разных представителей государственных институтов, например, губернаторов, мэров и депутатов, различаются и могут влиять на их склонность сотрудни-

1. Официальный сайт администрации и городской думы муниципального образования «Город-герой Новороссийск». Новороссийские общественники и городские власти объединят усилия на «Территории неравнодушных». URL: <https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-04082022095507-111506/> (дата доступа: 28.03.2023).

чать с протестными и другими активистскими инициативами. В данной статье мы фокусируемся на причинах и стратегических соображениях, которые привлекают на сторону активистов ключевых представителей исполнительной власти (мэров, губернаторов, заместителей губернаторов).

Причина внимания именно к альянсам чиновников и активистов заключается в относительной редкости и стратегической сложности таких случаев. Эмпирически мы наблюдаем, что главы исполнительной власти в городах и регионах поддерживают активистов гораздо реже, чем депутаты местных или региональных legislatures. По сравнению с депутатами, руководители городского и регионального уровней имеют меньше очевидных стимулов для вмешательства в городские конфликты. Политические выгоды от решения городского конфликта в масштабах города и тем более региона не так значимы, как в масштабах небольшого депутатского округа, где решение одного спора в пользу граждан может оказать влияние на электоральный результат. Более того, в условиях, когда любая социальная активность в российских городах оценивается вышестоящими властями как признак нестабильности, публичная поддержка активистов может нести для чиновников репутационные риски.

В то же время вовлечение губернатора, вице-губернатора или мэра в разрешение городского конфликта на стороне активистов существенно повышает шансы общественных инициатив на достижение желаемого результата. Этот эффект заметнее, чем в случаях, когда активисты сотрудничают с депутатами. Тем интереснее задача проанализировать причины таких нечастых, но эффективных альянсов. Такие коалиции изучены социальными учеными на примерах конфликтов, возникающих преимущественно в демократическом политическом поле. Мы ставим перед собой задачу изучить причины формирования коалиций активистов и чиновников в постсоветской России. Тем самым мы делаем попытку заполнить лауну проведения подобных исследований в контексте режимов с ограниченной конкуренцией.

Коалиции в исследованиях общественных движений

Случаи поддержки активистов губернаторами, вице-губернаторами и мэрами можно рассмотреть как пример формирования альянсов и коалиций. В исследованиях общественных движений это одна из самых популярных тем, хотя специфические условия и сценарии альянсов активистов и чиновников изучены гораздо меньше. Тем не менее из широкого пула исследований альянсов и коалиций мы можем почерпнуть ряд полезных инструментов для анализа выбранных нами случаев: в частности, анализ рисков и выгод, связанных с формированием альянсов с сильными игроками («powerful allies dilemma»), а также классификации коалиций по их интенсивности и составу.

Кооперация общественных движений с другими игроками (другими движениями, организациями, индивидуальными политиками и т.п.) может выглядеть

по-разному. Иногда мы наблюдаем формирование сетей (networks) разной степени плотности и активности, а иногда игроки полностью сливаются между собой (mergers) (McCammon, Moon, 2014). Порой такие союзы могут быть достаточно консолидированы и действуют как единый игрок, принимая совместные решения и придерживаясь единой стратегии, но могут быть и более гибкими (Jasper, 2004: 5). Коалиции не всегда приводят к формированию единых консолидированных игроков. Иногда они носят инструментальный и временный характер и ориентированы на достижение ряда конкретных целей, не всегда крупных и отражающих центральную повестку каждого из включенных игроков (Diani, 2015). Коалиции и альянсы могут быть динамичны и ситуативны, формироваться вокруг конкретного события или мероприятия (Van Dyke, Amos, 2017; Portos, Carvalho, 2022) и распадаться после его окончания. Однако возможен и другой сценарий, когда коалиции закреплены сильными связями, постоянным взаимодействием и даже полным слиянием игроков в рамках одной организационной структуры (McCammon, Moon, 2014).

М. Брукер и Д. Мэйер предлагают классификацию возможных коалиций с участием общественных движений на основании их плотности, долгосрочности и состава. В частности, альянсы могут быть организованы вокруг одного протеста (event-based coalitions), быть долгосрочными или ограниченными по времени (longer-term cooperation, limited duration alliances), (не)иметь централизованную координирующую организацию и официально объявленных членов (formal and informal coalitions). Активисты могут формировать коалиции внутри одного движения (например, приверженцы более и менее агрессивных тактик) (within-movement coalitions); разные общественные движения со сходными целями (cross-movement coalitions); группы, объединенные на основе идентичностей — расовых, гендерных, этнических и т.п. (identity group coalitions, panethnic coalitions, intersectional coalitions) (Brooker, Meyer, 2018).

Как полноценные слияния, так и временные коалиции в сетевом формате помогают игрокам объединить ресурсы и максимизировать влияние для достижения общих целей. Координация усилий и создание альянсов позволяет игрокам, цели которых более или менее совпадают, повысить общие шансы на осуществление политического влияния.

При всех потенциальных выгодах, которые могут получить игроки, вступая в коалиции, такие ситуации связаны с набором рисков и потенциальных негативных последствий. Например, общественное движение, вступая в альянс с более сильным и ресурсным партнером, может нести ряд издержек: потерю автономии (если сильный союзник навязывает свои цели и задачи), изменение в стратегии и тактике, а также необходимость идти на вынужденные компромиссы (Van Dyke, Amos, 2017). Поэтому вступление в коалиции для общественных движений — это всегда стратегический выбор, дилемма. Принимая решение, игроки взвешивают потенциальные приобретения и риски, обдумывают вероятные компромиссы и жертвы (Jasper, 2008; Jasper et al., 2022).

Например, одна из дилемм, с которой сталкиваются игроки на политическом поле, в том числе активисты общественных движений, — это «дилемма расширения» (extension dilemma) (Jasper, 2004: 7-8). Привлекая новых участников и увеличивая состав движения, активисты увеличивают как свою легитимность в глазах других участников политического процесса, так и количество и разнообразие доступных ресурсов (участники привносят свою экспертизу, энтузиазм, деньги и время). Однако для более широкого состава участников иногда приходится переформулировать задачи движения, пересматривать тактики и уделять больше внимания и сил координации действий большого количества людей (Jasper, 2004: 7-8).

В конечном итоге формирование коалиций и альянсов — это всегда мера, призванная приблизить достижение цели, которую разделяют потенциальные союзники. Объединение усилий позволяет им расширить мобилизацию и оказать более ощутимое политическое давление, например, привести к изменениям в законодательстве (Van Dyke, Amos, 2017). Социологи общественных движений сходятся во мнении, что формирование коалиций — лишь один из возможных способов максимизации политического влияния. Более того, совместная деятельность общественных движений может приводить и к неожиданным, непредвиденным последствиям (McCammon, Moon, 2014).

Коалиции общественных движений и чиновников — сравнительно малоизученный феномен. Чиновники и другие государственные игроки (state actors) располагают большими организационными ресурсами и рычагами влияния, которые могут существенно повлиять на исход спорной ситуации. Такой тип коалиций заслуживает отдельного внимания и известен в литературе как коалиции формата «публичные власти — социальное движение» (state actor-social movement coalitions, или SASM-coalitions) (Stearns, Almeida, 2004).

Альянсы представителей публичной власти и общественных движений

Государственные органы часто выступают целевой аудиторией (target) деятельности общественных движений: активисты направляют свои усилия именно на них, пытаясь убедить облеченных публичной властью игроков выбрать желаемый политический курс, принять новые законы, перераспределить бюджетные средства в соответствии с приоритетами активистов, а также отменить/поддержать/видоизменить тот или иной проект трансформации городского пространства. Однако государство не является ни монолитом, ни нейтральным наблюдателем: разные структуры и организации, из которых состоит государство, а также индивидуальные политические деятели и чиновники могут иметь свои задачи, стратегии и приоритеты (Scott, 1998; Duyvendak, Jasper, 2015). Нередко задачи и приоритеты разных игроков внутри государственных институтов противоречат друг другу, а их отношения могут быть конкурентными.

Активисты могут использовать эти противоречия внутри государственных структур, а игроки со стороны государства — быть заинтересованы в сотрудниче-

стве с активистами для решения своих задач. С этой точки зрения логично рассматривать отдельных игроков «внутри» государственных институций не только как целевую аудиторию для деятельности общественных инициатив, но и как потенциальных союзников в рамках общественно-политических кампаний. Так, поддерживать активистские кампании могут мэры (Jasper et al., 2022), отдельные депутаты городских советов (Jabola-Carolus et al., 2020) или другие должностные лица, которые вместе с активистами будут добиваться изменений в городской политике, параллельно преследуя свои цели (улучшение шансов на следующих выборах для избираемых должностей, например, или повышение эффективности и легитимности принимаемых решений и политических мер). Кроме того, индивидуальные политические деятели также испытывают эмоции: например, симпатию и антипатию (к активистам, другим политическим игрокам), любовь к родному городу, локальную гордость, которые также могут мотивировать их поступать определенным образом.

Представители публичной власти (state actors) иногда вынуждены обратить внимание на общественные инициативы, численность и влияние которых на общественное мнение заметно возрастает, что делает их заметными игроками на политическом поле (Sterns, Almeida, 2004). Остальные участники политического процесса порой рассматривают взаимодействие и союзы с ними как способ максимизации собственного влияния и источник легитимности. В литературе такие конфигурации описаны как коалиции «публичные власти — социальное движение» (SASM: state actor-social movement coalitions, см., например: Clark, Dalmasso, 2015). Примечательно, что подобные коалиции имеют место и в демократических, и в режимах с ограниченной конкуренцией, однако политическая институциональная структура государства оказывает существенное влияние на то, какие именно государственные игроки и при каких условиях будут видеть пользу в таких союзах и готовы их заключать. Кроме того, как отмечает Х. Кризи, политический контекст может меняться и в краткосрочной перспективе, то есть условия, в которых игроки принимают решения, достаточно изменчивы и в демократических, и в более централизованных системах (Kriesi, 2015: 53).

Мы можем говорить о создании коалиции «публичные власти — социальное движение» в тех случаях, когда государственные деятели готовы предоставить свои организационные ресурсы и влияние таким образом, чтобы способствовать достижению целей, заданных общественным движением. Л. Стернс и П. Алмейда (2004) отмечают, что муниципальные органы власти чаще открыты к таким коалициям, чем национальные правительства. Причиной этому служит более непредсказуемый характер результатов местных выборов (Sterns, Almeida, 2004).

Отличительная особенность формирования подобных коалиций в том, что в нее могут входить так называемые институциональные активисты. К ним относятся участники общественного движения, которые одновременно занимают формальную позицию в правительстве и имеют доступ к достижению цели движения через бюрократические каналы. Помимо достижения целей движения и задач своих работодателей, такие игроки могут руководствоваться и персональными приори-

ритетами: желанием продвинуться по карьерной лестнице, повысить собственный статус в организации или в публичной сфере и так далее (Sterns, Almeida, 2004). Ниже мы рассмотрим на эмпирических примерах, какую роль такие активисты играют в российских городских конфликтах.

Привлечение на свою сторону представителей публичной власти или экономической элиты увеличивает шансы общественных движений на изменения, в том числе на уровне политического поля. Однако, несмотря на очевидные выгоды, которые общественные движения могут извлечь из альянсов с облеченными властью игроками, есть и оборотная сторона.

Такая ситуация ставит перед общественными движениями ряд новых вопросов и дилемм, которые в литературе описываются под общим названием «дилемма сильного союзника» (powerful allies dilemma) (Jasper, 2004: 8). Риски, связанные с решением общественных движений вступить в коалицию с сильными игроками, в данном случае с представителями государственных институтов, заключаются в том, что взамен на дополнительные ресурсы и рычаги влияния такие союзники ожидают большей умеренности в требованиях движения и в его выборе тактики, а иногда и полностью подчиняют цели активистов своим задачам (Jasper, 2004: 8). Например, институциональные активисты вынуждены идти на компромиссы, если хотят сохранить свою влиятельную должность, политические партии могут навязывать движениям свои лозунги, а мэры и губернаторы требуют отказаться от определенных методов ведения кампаний, которые покажутся им слишком радикальными.

Большая часть исследований, посвященных особенностям альянсов общественных движений и представителей государственных органов, была проведена в демократических обществах. В более централизованных политических контекстах взаимодействие активистов и власти рассматривается чаще всего через призму кооптации, когда сотрудничество происходит на условиях демонстрации лояльности последних (Lorch, Bunk, 2017; Sika, 2019; Bederson, Semenov, 2021).

Существует сравнительно небольшой пул исследований, посвященных формированию коалиций в централизованных государствах вне механизма кооптации. В частности, в своей работе Дж. Кларк и Э. Далмассо показывают формирование альянсов между политическими партиями и общественными движениями в авторитарном Марокко (Clark, Dalmasso, 2015); они также призывают к исследованиям государств с ограниченной конкуренцией, поскольку причины, по которым государственные игроки идут на союзы с общественными движениями, а также их динамика, могут отличаться от демократических контекстов. В данной статье мы ставим задачу частично заполнить этот пробел и проанализировать возникновение коалиций чиновников и общественных инициатив в российских городах.

Взаимодействие чиновников и активистов в России

Для второй половины 2000-х годов в России характерно усиление политической и экономической централизации, в результате которой местная власть постепенно

теряла свою автономию. Централизация началась с отмены выборов глав региональных столиц; к концу 2010-х годов прямые выборы мэров оставались только в семи региональных столицах, а также в стоящих особняком городах регионального значения — Санкт-Петербурге и Москве. Затем отмена прямых выборов градоначальников коснулась и муниципалитетов поменьше. На губернаторов и мэров была возложена ответственность за обеспечение результатов выборов на местах (Гельман, Рыженков, 2010), что обусловило более настороженное отношение чиновников к проявлениям любой политической и социальной активности в городах. Отмена прямых выборов в сочетании с механизмами контроля «сверху», такими как возможность отправления мэра в отставку, необходимость соответствия критериям оценивания, риски уголовных преследований (Buckley et al., 2022), заметно снизили уровень респонсивности мэров и уменьшили стимулы для выстраивания диалога с горожанами.

Исследования контактов активистов и власти в российских городах показывают, что чиновники неохотно идут на взаимодействие, а активисты, в свою очередь, имеют большие претензии к уровню респонсивности представителей администрации (Климов, Климова, 2015). Несмотря на то что активисты часто имеют «установку на сотрудничество» (Паченков, Воронкова, 2021), чиновники обращают внимание в основном на конфликты с особенно заметным уровнем мобилизации и общественным резонансом. Однако даже в таких случаях кооперация между чиновниками и активистами затруднена (Шевцова, Бедерсон, 2017).

Начиная со второй половины 2010-х годов городские и региональные администрации активно используют инструменты «электронной демократии». Распространение механизмов обращения к чиновникам онлайн еще больше сократило для горожан возможности прямого контакта и обсуждения городских вопросов с представителями власти (Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021). В 2021 году Минстрой РФ принял «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», который обязал власти всех уровней сотрудничать с горожанами в вопросах обустройства города. Однако, как показывает исследование Е. Цумаровой, это не улучшило качество взаимодействия чиновников и граждан. Такой опыт подкрепил недоверие горожан к муниципальным органам управления (Цумарова, 2022).

Другим фактором, осложняющим взаимодействие власти и активистов в конфликтах по поводу городских территорий, является приоритет застройщиков и девелоперов в городском развитии (Пустовойт, 2014; Тыканова, Хохлова, 2015; Ледяев, 2015). С одной стороны, поскольку успешность бизнеса строительных компаний напрямую зависит от местных и региональных властей, девелоперы крайне заинтересованы в сохранении рычагов влияния на градостроительные регуляции и обеспечение приоритетного доступа к городским землям. С другой стороны, региональные и местные власти рассматривают зависимость девелоперов как ресурс для политического подчинения строительного бизнеса, например, через включение его представителей в партию власти (Бедерсон, Шевцова, 2021). И это приводит к еще большему закреплению привилегий девелоперов в процессе городско-

го развития. Кроме того, существующие градостроительные нормы в сочетании с финансовыми и организационными ресурсами строительного бизнеса обеспечивают доминирование девелоперов в решении споров по поводу городских территорий (см., в частности, о взаимодействиях между ключевыми участниками градостроительной политики в крупных российских городах: Семенов, Гилева, 2022).

Наконец, появление централизованных масштабных проектов благоустройства территорий городов с использованием денег федерального государственного бюджета, несмотря на наличие обязательных консультаций с представителями общественности, также сокращает возможности полноценного взаимодействия чиновников с активистами. Осуществление федеральной программы по формированию комфортной городской среды, программ городских юбилеев или реконструкции общественных пространств на средства инфраструктурных бюджетных кредитов связано с многоуровневой структурой согласований, ответственностью мэров и губернаторов за реализацию программ перед вышестоящими властями и обязательствами по расходованию выделенных бюджетных средств. Это часто делает невозможным учет мнений местных сообществ в процессе реализации проектов, поскольку любое несогласие со стороны общественности в существующей системе управления может быть расценено чиновниками как препятствие в выполнении поставленных задач.

Однако анализ эмпирического материала показывает наличие ситуаций, когда губернаторы, вице-губернаторы и мэры, несмотря на описанные выше условия, вмешиваются в решение городского конфликта и даже поддерживают активистов. Далее в статье мы покажем причины возникновения альянсов между ключевыми представителями исполнительной власти и городскими активистами.

Данные и метод

В своем анализе мы будем опираться на эмпирические данные полуструктурированных интервью, полученных в ходе изучения градозащитных и экологических локальных конфликтов в крупных отечественных пяти городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде и Казани. В каждом городе нами были изучены по три случая городских конфликтов, которые возникали вокруг угроз историческому наследию, «зеленым зонам» и экологической сохранности территорий, а также по поводу возведения новой инфраструктуры (крупных дорожных магистралей и пр.). Согласно анализу А. Семенова (Семенов, 2019), данные направления являются одними из наиболее частых, которые выступают триггером протестной мобилизации горожан, а также лоббистов их интересов. Эмпирическое исследование было проведено с опорой на стратегическую интеракционную перспективу Дж. Джаспера и Я. Дайвендака, которая предполагает равноценное внимание ко всем вовлеченным участникам взаимодействия (не только представителям общественных движений) (Jasper, Duyvendak, 2015). Коллекция данных, таким образом, содержит интервью с активистами, политиками, чиновниками, представителями СМИ и другими участниками городских конфликтов.

В нашем распоряжении также находится пул экспертных интервью, посвященных городской политике и характеру гражданской активности в каждом из изучаемых пяти городов. В общей сложности были собраны 97 полуструктурированных и экспертных интервью. Внимание было направлено на завершённые градостроительные или экологические ситуации, поэтому в ходе интервью информанты ретроспективно восстанавливали и оценивали ход произошедших событий в период с 2012 по 2021 год. Информанты освещали развитие городских конфликтов, в которых они лично принимали участие, а также иные случаи, связанные с их кейсами или произошедшие в регионе их проживания.

Эмпирические материалы были подвергнуты открытому кодированию (проведен отбор случаев сотрудничества чиновников и представителей городских общественных движений), а также дальнейшей категоризации.

Причины возникновения коалиций между чиновниками и городскими общественными движениями

В эмпирической части мы продемонстрируем ключевые причины вовлечения чиновников в решение городских конфликтов на стороне активистов, опишем несколько причин, которые могут приводить к возникновению таких временных альянсов. В основном мы оставим за скобками более устойчивый во времени формат коалиции с участием институциональных активистов — кооптированных в структуры управления представителей гражданских инициатив, которые благодаря своему положению могут обеспечивать постоянный контакт чиновников с близкими им организациями общественных движений.

Выделенные нами причины включают ситуации, когда: 1) активисты принуждают чиновников обратить внимание на конфликт с помощью общественного резонанса; 2) активисты используют изменения в политической и экономической конъюнктуре; 3) чиновники вынуждены поддерживать требования активистов, опасаясь санкций со стороны федерального начальства; 4) чиновники используют разрешение городских конфликтов в рамках своих предвыборных кампаний; 5) представители разных ведомств используют городские конфликты для аппаратной борьбы; 6) активисты заручаются поддержкой высокопоставленных чиновников, апеллируя к их личным эмоциям и пристрастиям.

Каждую из причин мы проиллюстрируем случаями исследованных нами споров по поводу трансформации городской территории, где мы наблюдали комбинацию факторов, которые делают коалицию возможной и эффективной.

Общественный резонанс вокруг символически значимых объектов как инструмент давления

Когда под угрозой оказываются символически ценные объекты городской среды, активисты могут добиться широкого общественного резонанса, который вынудит

чиновников обратить внимание на их требования. Один из таких ярких случаев — защита здания подстанции, которая снабжала электричеством трамваи в годы Блокады Ленинграда («Блокадная подстанция»).

Конфликт развивался более трех лет и закончился весной 2016 года признанием подстанции объектом культурного наследия. Это остановило снос здания, на месте которого ЛСР (крупный петербургский застройщик) планировал построить апартаменты, сохранив лишь небольшую часть оригинальной стены подстанции. Решение о признании подстанции объектом культурного наследия принял соответствующий Совет при правительстве Санкт-Петербурга под руководством на тот момент вице-губернатора И. Албина.

Благодаря действиям градозащитников конфликт вокруг «Блокадной подстанции» оставался достаточно заметным в городской повестке начиная с конца 2012 года: активисты постоянно создавали новостные поводы в виде многочисленных публичных акций, в том числе приуроченных к символическим и праздничным датам. В поддержку подстанции выступили переживший Блокаду писатель Д. Гранин, режиссер А. Сокуров, а также многие ветераны Блокады. Активисты направляли обращения губернатору Петербурга (тогда Г. Полтавченко) и в городской комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП).

За это время активистам удалось не только привлечь внимание к защите подстанции, но и закрепить за ней историческую значимость для города. Например, одна из респонденток так оценила динамику действий защитников подстанции:

«...Конечно, у нас фон изменился, за эти два года или полтора, которые прошли между двумя экспертизами, уже это было не просто какое-то здание на Фонтанке, а это уже все знали, что блокадная подстанция» (И1, ж., активистка, СПб).

Но до осени 2015 года действия градозащитников не имели успеха: признать подстанцию памятником не удавалось.

Баланс сил изменился в пользу градозащитников осенью 2015 года, когда в ситуацию с внезапным подтоплением здания вмешался вице-губернатор Петербурга И. Албин и провел выездное совещание на затопленной подстанции. Резкий рост поддержки активистов со стороны администрации города некоторые местные СМИ связали с годом 70-летия Победы в Великой Отечественной войне (Зубов, 2015; Лиханова, 2016). Защита «Блокадной подстанции» действительно сильно резонировала с государственной символической политикой (Малинова, 2013). Таким образом, сочетание широкого общественного резонанса и актуальной политической линии привели к тому, что выступать против сохранения подстанции для чиновников стало рискованно:

«А поскольку блокада для нашего города — это такая тема почти священная и очень значимая, говорить о том, что в гробу я видал ваши блокадные подстанции, то так не скажешь» (И1, ж., активистка, СПб).

На одной из встреч с защитниками подстанции в феврале 2016 года Албин заявил, что все подстанции, которыми пользовались в годы Блокады, являются

объектами памяти, которые должны быть сохранены (Снопченко, 2016). А затем на заседании Совета по защите культурного наследия было принято решение включить в реестр памятников не только подстанцию на Фонтанке, вокруг которой разворачивались все события конфликта, но и еще три трамвайных подстанции, также использовавшихся в годы Блокады. Кроме того, администрация города взяла на себя обязательство вернуть девелоперу средства, вложенные в подготовительные работы на территории подстанции.

Таким образом, настойчивые действия градозащитников, усилившие общественный резонанс и символическую значимость «Блокадной подстанции», в сочетании с изменениями в политической повестке правительства (празднование 70-летия Победы) привели к тому, что для городских чиновников поддержка активистов стала более привлекательным шагом. Слова Албина на заседании Совета по защите культурного наследия подтверждают, что он рассматривал случай подстанции как важный медийный ресурс: *«Тема имеет социальное звучание, она дорога для ленинградцев, поэтому надо понимать, что каждые шаги в этом направлении необходимо максимально подсвечивать в публичной сфере»* (Зубов, 2015).

Изменение экономической и политической конъюнктуры

Чиновники могут вставать на сторону граждан, реагируя на изменения в расстановке политических и экономических сил внутри городских или региональных элит. Пример такого сценария — отмена в 2009 году проекта намыва Куйбышевского водохранилища президентом Республики Татарстан Р. Миннихановым. Проект был запущен в 2007 году, когда изменения в Водном кодексе позволили снять ограничения на намыв и застройку Куйбышевского водохранилища на р. Волге. Однако такая перспектива вызвала активный протест экологических активистов в Казани.

В 2009 году Минниханов отменил этот проект, и наши респонденты отмечают несколько причин такого исхода. Активисты использовали особенности исторического момента (попытки Татарстана выиграть право провести спортивное мегасобытие, международные летние студенческо-молодежные соревнования — Универсиаду). Кроме того, после кризиса 2008 года изменилась экономическая конъюнктура, и проект стал не выгоден застройщику.

Универсиада была важным имиджевым событием для Татарстана и лично для главы республики², и активисты пытались апеллировать к этому приоритету Минниханова:

«И мы лично в этом участвовали, что должен был быть запрет на эти намывы <...> Эти стройки под таким соусом преподнесли Минниханову: они портят

2. Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов: Универсиада-2013 — самый серьезный вызов. URL: <https://www.kp.ru/daily/26103.4/2999533/> (дата доступа: 21.02.2023).

панораму Универсиады, вот этих всех больших собраний» (И2, ж., активистка, Казань)³.

Активисты задействовали в качестве аргумента имидж и вид города, которые могли быть искажены в случае реализации проекта застройки водохранилища.

Эксперты отмечают, что важную роль в отмене проекта сыграл экономический кризис, частью которого был кризис в сфере недвижимости и проблема с продажей уже построенных объектов. Тем не менее то, как президент Минниханов артикулировал причины отмены проекта, по словам одного из экспертов, совмещает и репутационные соображения, и рыночные:

«Просто продажи упали. Соответственно, все думали, что перед этим слоем снова потом намотают и снова поставят, то есть эти виды, которые они пытались продать дороже, не продавались. Собственно, поэтому Минниханов на каком-то закрытом совещании сказал, что мы остановим застройку, потому что это невыгодно меняет панораму города нашего, а нам нужно предстать в лучшем виде» (И2, ж., активистка, Казань).

Таким образом, целенаправленные действия активистов по фреймированию проекта как наносящего вред образу города, сыграли свою роль в сочетании с изменениями на рынке недвижимости: дали главе республики дополнительные аргументы в пользу отмены проекта.

Сильный «третий»: федеральные власти и локальные конфликты

Если описанные выше причины возникновения коалиций активистов и чиновников (использование общественного резонанса вокруг значимых объектов и апелляция к политическим приоритетам сильных игроков) могут встречаться в конкурентных политических режимах, предмет данного раздела является особенностью централизованных государств. В российских городах активисты научились использовать эту специфику российской политической системы: обращение к центру и привлечение на свою сторону крупных федеральных чиновников как способ контроля над действиями местных чиновников.

Один из таких ярких случаев имел место в той же Казани. Протестуя против засыпки берегов реки Волги в Октябрьском поселении недалеко от Казани, экоактивистка обратилась с жалобой лично к президенту В. Путину. Это действие не только способствовало приостановке проекта, но и стимулировало запуск программ по сохранению «зеленых зон» и благоустройству публичных пространств в Республике Татарстан. Как отметила в интервью сотрудница администрации президента РТ, тот факт, что активистка *«достучалась до ВВП (Владимира Путина. — Прим. авт.) со своим вскриком про Волгу»*, привел к *«угрожающему»* высказыванию Президента РФ на эту тему. Реагируя на это, власти региона не только отменили спорный проект, но и полностью поменяли свои приоритеты:

3. Универсиада 2011 года в Казани не состоялась, поскольку победила заявка соперника — китайского города Шэньчжэнь. Город Казань выиграл право проведения Универсиады в 2013 году.

«Тут же, в этот же день учредили пятилетку развития общественных пространств и водоохраных зон, назвали год в Татарстане именем охраны водоохраных зон. Приоритет, значит. И миллиарды потекли в парки, скверы, далее — везде. У нас очень всё “нос по ветру”, и приоритеты зависят очень от ветра» (И3, ж., чиновница, Казань).

Однако поддержка такого сильного союзника — одномоментное событие, которое, хотя и привело к желаемому результату, редко влияет на долгосрочные изменения в приоритетах местной политики. Так, вмешательство Президента РФ в этом конкретном случае не оградило от угроз историческому наследию или экологической безопасности в иных аналогичных случаях, произошедших в регионе.

Более долгосрочную перспективу имеет ответственность региональных чиновников перед федеральными властями за контроль над социальным напряжением в подотчетном городе или области. Региональные администрации предоставляют в Администрацию Президента отчетность, содержащую количество акций и иных форм протестной активности граждан. Наши эксперты отмечают, что при повышении уровня общественного недовольства чиновники испытывают санкции со стороны вышестоящего руководства.

Активисты учитывают это обстоятельство при формировании своей стратегии оспаривания городского пространства. В такой ситуации публичные акции становятся более эффективным тактическим выбором, чем «формальный» путь (обращения в различные инстанции). Один из нижегородских активистов так описывает эти преимущества:

«И везде я участвовал, и мой опыт говорит, что суды — они проигрываются, обращения в прокуратуру и различные органы — они тоже не в пользу жителей. Они могут как-то затормозить, но можно их выиграть, только если идет протестная кампания, проводятся митинги, пикеты и так далее. Вот это единственное, что влияет на мнение властей. Власти боятся огласки, вот такого негативного пиара своей деятельности. Вся эта информация идет в Москву в Администрацию Президента. И оттуда им уже стучат по шапке: “Что это у вас протестная активность повысилась в регионе?” И они вынуждены уже с этим разбираться» (И4, м., активист, НН).

Таким образом, масштабная и длительная протестная мобилизация горожан с использованием публичной политики может склонить чиновников, опасющихся санкций от федералов, в сторону сотрудничества и (частичного) удовлетворения требований активистов, а также предупреждения социальной напряженности в будущем.

Активисты могут использовать потенциальную угрозу протеста, чтобы вынудить местные власти пойти на обсуждение городских проектов с горожанами «превентивно». Таким образом, крупные федеральные игроки могут не включаться в конфликт, но сама угроза их участия будет рычагом в руках активистов. Интересный пример такой тактики — протесты против проекта пешеходизации улицы Ленина в Новосибирске. Городской эксперт так суммирует конфликт:

«[Мэр] Локоть с [вице-мэром] Терешковой перекрыли улицу Ленина несколько лет назад. <...> Мы провели городскую конференцию, на которой им объяснили: “Ребята, если вы будете так делать, то получите громадный протест”. С тех пор ни одного раза. Все очень просто. Еще раз, власть на самом деле боится людей» (И5, м., активист, Новосибирск).

В результате исполнительная власть инициировала встречи с горожанами, на которых были заслушаны их претензии. Также была запущена серия заседаний по партисипаторному проектированию будущего улицы, в которых приняли участие различные городские публики. По мнению городского эксперта, после такого яркого протестного эпизода чиновники в городе стали опасаться реализовывать крупные проекты без предварительного обсуждения с горожанами.

Таким образом, в условиях политической централизации в России федеральные чиновники и даже потенциальная угроза их вмешательства в местные конфликты становятся важным рычагом влияния для активистов. Они могут обращаться за помощью напрямую, как в случае в Казани, где активистка добилась комментария от Президента РФ, так и угрожать местным властям протестами, которые привлекут внимание федеральных начальников.

Электоральный цикл и конструирование политической репутации

Активисты могут стратегически задействовать тактику публичного протеста не только, чтобы привлечь внимание федерального центра, но и воспользоваться возможностями электорального цикла. По нашим данным, чаще всего мэры или губернаторы встают на сторону протестующих, если конфликт обостряется в предвыборный период.

Так, например, произошло со случаем угрозы застройки «зеленой» территории рядом с лицеем № 22 «Надежда Сибири» в Новосибирске, где строительная компания собиралась возвести восьмиэтажный бизнес-центр с подземной парковкой. Защитники территории около лицея, включая родителей обучающихся, подали иск в суд, чтобы оспорить строительство, однако суд проиграла. После чего мэр Новосибирска Анатолий Локоть инициировал апелляцию судебного решения от имени мэрии. В результате нескольких этапов судебных разбирательств территорию около лицея исключили из реестра участков для застройки.

Инициирование мэрией судебного разбирательства против застройщика происходило в 2019 году, когда должны были состояться очередные выборы мэра города. Как отмечают наши респонденты, желание мэра «переизбраться» было его ключевой мотивацией; «он хотел, чтоб в городе было тихо, красиво, спокойно» (И6, ж., депутат, Новосибирск; И7, ж., активистка, Новосибирск). Кроме того, конфликт касался социально важной темы, учеников лицея, на необходимости защиты безопасности которых настаивал мэр (Волкова, 2019). Данные обстоятельства можно трактовать как попытки кандидата поддержать свою политическую репутацию в предвыборный период.

Еще одна важная деталь в этой ситуации — роль предыдущего мэра Новосибирска, который выдал разрешение на строительство, в итоге оспоренное новым градоначальником Локтем. Противостояние с незримо присутствующим в конфликте предыдущим мэром давало Локтю дополнительные имиджевые очки накануне выборов. Кроме того, сама тематика конфликта (сохранение зеленых насаждений) резонировала с предвыборной повесткой мэра Локтя. Поддержка горожан против уплотнительной застройки «зеленой зоны» у лица могла позволить чиновнику укрепить свою политическую репутацию накануне выборов, что делало альянс с активистами привлекательной опцией.

Похожим образом вел себя кандидат в градоначальники Петербурга А. Беглов в 2021 году. Во время своей предвыборной кампании он вмешался в давний и противоречивый конфликт вокруг строительства храма в парке Малиновка, который продвигали предыдущий глава города Полтавченко и РПЦ. Беглов стремительно отменил непопулярное решение о строительстве храма, что было максимально использовано в предвыборной кампании как свидетельство способностей кандидата:

«Беглов приезжает в парк, говорит, что тут все замечательно, парк спасен, все вернуто, это я нарочно так говорю неправильно, в зону зеленых насаждений: “Я проект подготовил”. Двадцатого августа он сдает проект, двадцать второго на него поступает как бы юридическое заключение от юр. отдела Законодательного собрания, и все. А этот проект так и лежит в ЗакСе. <...> «Российская газета» пишет, что уже принят этот Закон, парк защищен, здесь у нас зеленая зона, все замечательно» (И8, ж., муниц. депутат, СПб).

Такое стремительное вмешательство накануне выборов резко контрастирует с управленческим стилем Беглова в обычное время: к требованиям горожан он, как правило, нечувствителен, а вот к претензиям РПЦ на территории и объекты гораздо более благосклонен (в частности, в ведении РПЦ при активной поддержке Беглова оказались квартиры на Октябрьской набережной, здание школы олимпийского резерва в Выборгском районе, второй этаж Благовещенской церкви на территории Александро-Невской лавры и пр.).

«Предвыборные» альянсы чиновников и активистов — наиболее распространенный случай в нашей базе данных. Вступающие в новые должности чиновники, стремясь укрепить свою легитимность, также могут быть заинтересованы в поддержке активистов. Например, после вступления в должность новый министр обороны С. Шойгу отменил инициированный экс-министром А. Сердюковым нашумевший перенос Военно-медицинской академии из центра Санкт-Петербурга на его окраину.

Такие случаи поддержки активистов кандидатами на выборах или новыми чиновниками хотя и могут помочь активистам добиться своих целей (отмены проекта, например), имеют и ряд рисков. Чиновники и другие политические игроки могут присвоить успех себе, что невыгодно для репутации и эмоционального удовлетворения участников общественного движения. Например, информант из Ка-

зани, сотрудник администрации президента РТ, отмечает, что чиновники целенаправленно работают с тем, как исход конфликта будет представлен в публичном поле:

«Пишем о том, как мы много работаем, как мы создали, как власть поддержала, какое ЕдРО молодцо! <...> Социальная группа “власть” считает, что градозащитники, всякие там экологические активисты не вправе приписывать себе победы. Потому что все, что они делали, — это кричали. А работала вот эта вот разная группа ведомств. Она тоже провела большую общественную работу» (ИЗ, ж., чиновница, Казань).

Символическое похищение успехов — довольно заметный сюжет в нашем эмпирическом материале. Активисты в таких случаях сталкиваются с дилеммой: помощь чиновников может быть существенным фактором в достижении успеха кампании, но дальнейшая судьба активистской группы, ее репутация и самооощущение страдают от атрибуции успеха исключительно чиновникам и политикам.

В период выборов альянсы с активистами — логичный шаг для кандидатов, желающих укрепить свою репутацию и повысить шансы занять желаемую должность. В таких случаях кандидаты максимизируют эффект своего поступка, целенаправленно работая с представлением их позитивного вмешательства в прессе. Для активистов такое поведение связано с рядом рисков: символическое похищение плодов их многолетнего труда, прочная ассоциация движения с определенными политическими силами могут иметь для них долгосрочные, но порой непредсказуемые последствия. Нужно также отметить, что такое вмешательство не всегда заканчивается успехом для активистов. Однако государственные игроки также иногда идут на издержки, принимая решение поддержать активистов: вступить в спор с главой региона или же отказать сильному игроку в лице РПЦ.

Использование конфликта для внутриэлитного соперничества

Участие государственных игроков в городском конфликте в альянсе с горожанами может послужить инструментом для аппаратной борьбы и попыток смещения чиновников-соперников. Государственные акторы могут использовать спорную ситуацию для дискредитации оппонента. В данной ситуации интересы активистов пересекаются с намерениями чиновников от исполнительной власти по устранению конкурентов, что приводит как к сохранению оспариваемых территорий, так и созданию для градозащитников или экоактивистов более благоприятных условий в будущем.

Например, в Татарстане в начале 2010-х годов протест против сноса объектов культурного наследия в центре Казани (номеров Банарцева и дома Потехина) совпал с вступлением в должность нового президента республики Минниханова. Как отмечают эксперты, новая администрация использовала протесты для смещения с должностей членов команды предыдущего президента республики М. Шаймиева. Одиночные пикеты защитников наследия проходили в январе 2011 года

перед зданием министерства культуры, которое возглавляла Зилия Валеева — член команды Шаймиева. Пикеты широко освещались в прессе и, по словам одного из наших респондентов,

«сыграла роль еще какая-то аппаратная игра; потому что Зилия Валеева — это человек Шаймиева, а президентом был Минниханов уже больше года. И мы заметили, что, я так почувствовал, что это было в интересах Минниханова, потому что эта волна критики Зили Валеевой за снос, она позволила ему через несколько месяцев ее убрать с поста министра культуры. <...> То есть я так понял, что в этот момент это совпало с интересами части татарстанской элиты, а тут еще градозащитники его какие-то искренние и честные» (И9, м., эксперт, Казань).

Для улучшения имиджа нового регионального главы Минниханова сыграла свою роль и кооптация ключевой активистки, выступавшей против разрушения номеров Банарцева и дома Потехина: через несколько месяцев после этого протестного эпизода О. Балтусова была приглашена и заняла должность государственного чиновника — помощника президента Республики Татарстан. Это создало интересную с точки зрения формирования коалиций чиновников и активистов ситуацию: активистка вошла в органы управления, сделав взаимодействие более стабильным, чем временные коалиции вокруг конкретных конфликтов. Однако такая кооптация ставит перед активистами — и перед чиновниками — ряд новых дилемм и сложных решений (например, активисты уже не так свободны в выборе тактик, должны идти на компромиссы, позволяя чиновниками присваивать успехи, а чиновникам сложнее игнорировать требования людей, которые теперь их коллеги и получают свои рычаги влияния).

Внутриэлитное соперничество открывает возможности для активистов привлечь в свой лагерь одну из сторон и в дальнейшем получить от такого сотрудничества определенные выгоды. Однако чиновники, находящиеся в ситуации конкуренции, не всегда готовы вступать в альянсы с активистами и таким образом выводить наличие внутриэлитного раскола в публичную плоскость, это, например, отмечают наши эксперты из Татарстана, где они указывают на скрытую напряженность между мэрией Казани и аппаратом республиканской власти (И9, м., эксперт, Казань). Другие же игроки, в том числе экоактивисты, защищающие рощу на ул. Гаврилова, не могут воспользоваться этим внутриэлитным разломом ввиду его непубличности и неготовности властных игроков к открытому противостоянию. В такой ситуации вся инициатива по формированию альянсов оказывается в руках чиновников.

Выше мы уже отмечали, что новые чиновники могут использовать заочное противостояние со своими предшественниками, чтобы завоевать в глазах горожан и активистов дополнительные очки. Такой случай мы наблюдали в Нижнем Новгороде, где мэр города В. Панов и губернатор области Г. Никитин, вступив в должности, резко поменяли политику в отношении охраны культурного наследия и начали активно налаживать диалог с градозащитниками в 2017 году (устраивались встречи и консультации с градозащитниками и экологами, был создан

Общественный совет, в который оказались включены активисты и городские эксперты, мэр и глава области принимали участие в акциях по благоустройству территорий и ремонту объектов деревянного зодчества).

На контрасте с предыдущим мэром Н. Сорокиным, который был аффилирован со строительным бизнесом и вместе с бывшим губернатором области В. Шанцевым уничтожил историческое деревянное зодчество в центре города, чтобы освободить место для нового высотного строительства, такие действия существенно укрепили поддержку нового руководства известными городскими активистами и организациями:

«Потом мэр [Панов. — Прим. авт.] приходил с нами убирать этот овраг, т. е. на субботник он с нами ходил. И когда он сказал, что застройка Почаинского оврага — это преступление против исторического облика Нижнего Новгорода — я подумала: “Чего? Это мэр может говорить? Я ослышалась. Не может такого быть!” <...> В общем, мы ходили, не веря в свое счастье, что пришел человек, который будет слушать хотя бы, не закроет дверь, не придет, не скажет, что сейчас здесь проедет бульдозер» (И10, ж., эксперт, НН).

Несмотря на такое резкое изменение риторики, снос исторических объектов в городе не прекратился, хотя и происходит на фоне консультаций и совещаний с градозащитниками.

Случаев открытого противостояния внутри городских или региональных элит, в которых были бы задействованы городские активисты и их кампании, в нашей базе качественных интервью с участниками городских споров и экспертами не так много. Описанные выше случаи носят либо скрытый характер, либо связаны с попытками новых чиновников укрепиться на должности с помощью выгодного контраста со своими предшественниками. В таком скрытом виде активистам сложно стратегически использовать расколы и конфликты между ведомствами и отдельными чиновниками, оставляя инициативу в руках последних.

Личные симпатии и эмоции

Исследователи политики часто забывают о том, что государственные деятели и политические фигуры — тоже люди, которые могут испытывать эмоции и иметь личные пристрастия. Тем не менее нередко именно личные особенности политических игроков помогают им принять то или иное решение — часто в совокупности с другими факторами.

В наших данных мы обнаружили несколько примеров, когда респонденты объясняли поддержку, которую оказали чиновники активистам, именно личными чувствами и симпатиями. С этой точки зрения показателен пример защиты от демонтажа Шуховской башни в Москве. Тогдашний мэр Юрий Лужков, по мнению нашего информанта, участника движения за сохранение башни, имел личный интерес к наследию Шухова, что обусловило его вмешательство в конфликт на стороне градозащитников. Нужно отметить, что, как и в большинстве случаев,

описанных выше, инициатива привлечь мэра в качестве сторонника исходила от активистов, которые написали на имя Лужкова обращение в мэрию Москвы:

«После этого удалось все всколыхнуть. Лужков к шуховскому наследию относился хорошо очень. Был фанатом Шухова, как вообще инженера. Поэтому там все было достаточно легко. Но, к сожалению, власть сменилась, и, в общем, все опять затихло» (И11, м., активист, Москва).

В приведенной цитате мы также видим риски такого индивидуализированного контакта: как только руководство меняется, вместе с лично заинтересованным чиновником уходит и поддержка. С приходом нового градоначальника, Сергея Собянина, угроза демонтажа башни возникла снова: владелец Шуховской башни, Министерство связи, запланировало разбор башни и перенос ее в другое место. Между тем ввиду ветхости строения такая перспектива могла грозить башне частичным разрушением (чего, однако, в 2014 году удалось избежать по итогам оспаривания проекта демонтажа башни усилиями активистов и городских экспертов).

Другой случай, который иллюстрирует потенциал личных предпочтений чиновников, связан с угрозой застройки Горкинско-Ометьевского леса на периферии г. Казани, где в 2015 году были запланированы прокладка дороги и возведение нескольких зданий. Лес имел большое значение для местных жителей и спортсменов-лыжников, которые начали кампанию за его спасение. Один из активистов в интервью рассказал, что на встрече мэра Казани И. Метшина с его заместителями, проходившей в здании на территории леса, на которой также присутствовали активисты, чиновники единогласно высказывали одобрение проекта застройки леса. В ходе встречи мэр неожиданно переменил свое отношение и отменил решение о строительстве дороги:

«А мэр, вообще у него там семья периодически на лыжах катается, оказывается. В какой-то момент мэр, раз, такой, затих: “Чего-то здесь тихо так, это хорошо так, ощущения города то есть нету здесь”. Это выходные были, движение на дорогах не сильное. Действительно, там освещение такое, нет освещения. Создавалось впечатление — слева лес, справа лес. Такое ощущение пригорода. И так я не знаю: то ли его решение [было принято] заранее, или что, или это была его импровизация? “Ну всё, — говорит, — передаем, будет у нас здесь парк”» (И12, м., активист, Казань).

По описанию ситуации сложно сделать однозначный вывод: принял ли мэр решение на месте под воздействием атмосферы леса, или разыграл заранее подготовленный ход, но его личные чувства в данном случае стали аргументом в пользу удивившего участников встречи решения.

Для активистов определение таких личных предпочтений и пристрастий потенциальных сильных союзников может быть важной стратегической задачей: так они могут решить, на кого направить свои усилия. С другой стороны, персонализированная поддержка менее устойчива: со сменой руководства активисты могут лишиться этого ресурса.

Выводы и дискуссия

Социальные ученые изучают принципы и причины формирования альянсов между акторами, наделенными властью, и активистами, преимущественно в государстве с демократическим политическим режимом. Наше исследование, в свою очередь, делает вклад в научную дискуссию о причинах и стратегических соображениях чиновников, готовых вступить в подобные коалиции в централизованном политическом контексте. В данной статье мы предприняли попытку проанализировать причины, по которым представители исполнительной власти регионального и городского уровней поддерживают активистов в городских конфликтах в пяти российских городах-миллионниках. Мы осознанно сфокусировали свой взгляд на участии чиновников-исполнителей, нежели депутатов, поскольку первые имеют меньше очевидных стимулов вмешиваться в городские споры на стороне горожан, а также ввиду того, что такое вовлечение может нести им потенциальные репутационные и прочие риски. Мы также ограничили наш интерес изучением кратковременных альянсов государственных акторов и участников городских споров, оставив за скобками случаи долговременных коалиций по типу кооптации активистов во властные структуры.

Мы не всегда с большой долей определенности можем подтвердить причины поддержки чиновниками той или иной стороны городского конфликта — это важное ограничение проделанной нами работы. Принятие решений государственными деятелями происходит в недоступных для непосредственного наблюдения исследователями контекстах. Однако опираясь на материалы полуструктурированных интервью с экспертами, депутатами, чиновниками и активистами-участниками или свидетелями городских конфликтов, а также вторичные данные, мы предприняли попытку реконструкции логики формирования альянсов чиновников и горожан.

В результате мы сформулировали шесть причин, при которых чиновники демонстрируют готовность сотрудничества с активистами: (1) общественный резонанс, созданный активистами вокруг символически значимого объекта; (2) изменения в экономической и политической конъюнктуре, когда происходит уменьшение значимости предмета конфликта для представителей власти и экономических игроков; (3) угроза санкций или непосредственное вмешательство со стороны федеральных чиновников; (4) близость выборов и/или необходимость поддержать политическую репутацию; (5) внутриэлитное соперничество и использование городских конфликтов для аппаратной борьбы; (6) эмоции и симпатии представителей исполнительной власти, которые позволяют им солидаризироваться с требованиями активистов. Ряд случаев градостроительных конфликтов, в которых публичные власти поддержали горожан, мы не смогли связать ни с одной выделенной нами причиной (например, защита дома Прошиных в Москве). Можно предположить, что при отсутствии какого-либо собственного интереса чиновники способны выполнять роль независимого арбитра. Следует подчеркнуть, что при ротации кадров принципы действия предыдущих чиновников

не «наследуются» последующими, а активисты могут потерять наработанные каналы позитивного взаимодействия с государственными деятелями. Как правило, выступление чиновников на стороне активистов в одном типе конфликта не гарантирует такого сотрудничества в других таких же случаях. Также надо заметить, что властные игроки редко руководствуются аффективным характером принятия решений (личными эмоциями и пристрастиями), готовность чиновников от исполнительной власти занять сторону активистов имеет преимущественно инструментальный и прагматический характер.

Нельзя однозначно сказать, какой набор характеристик конфликтов или стратегий, используемых активистами, сопровождает создание временных коалиций представителей исполнительной власти и активистов. Однако в значительной части проанализированных конфликтов усилия активистов по формированию повестки, которая резонировала бы с повесткой городских властей, сыграли значимую роль (см., например: Amenta, 2006). Так фокусирование активистами внимания на символической значимости «Блокадной подстанции» подготовило почву для вмешательства вице-губернатора Петербурга. А акцент на том, что намывы в Куйбышевском водохранилище портят панораму Казани в преддверии возможной Универсиады, среди прочего привел к тому, что президент Татарстана принял решение об отмене намыва. Активные действия по защите исторического наследия активистами в Нижнем Новгороде сделали возможным использование этого сюжета для формирования имиджа вновь пришедшей команды губернатора Никитина.

Часть выделенных нами причин поддержки активистов представителями исполнительной власти в российских городах очень похожи на те, что мы можем встретить в демократических обществах. Например, близость выборов (Andrews, 2004), внутриэлитная борьба или эмоции по отношению к происходящему (Duuvendak, Jasper, 2015) и в демократиях имеют значение для создания союзов между властью и активистами. Однако в российском контексте в условиях политической централизации, очевидно, большее значение имеют те причины, которые связаны с вмешательством федеральных игроков, например, президента или министра, или необходимостью исполнения федеральных политических курсов, например, федеральных программ благоустройства. И в этом смысле обращения активистов к федеральным властям, появление рисков наказания городских и региональных руководителей «сверху», а также резонанс действий активистов с идеями федеральных проектов (например, идеей развития общественных пространств) повышают шансы на поддержку активистов со стороны городских и региональных властей в спорах по поводу трансформаций городских территорий.

Литература

Волкова Е. (2019). Строительство бизнес-центра около лица № 22 в Новосибирске остановлено. URL: https://nsk.aif.ru/society/stroitelstvo_biznes-centra_okolo_liceya_22_v_novosibirsk_ostanovleno (дата доступа: 21.02.2023).

- Гельман В. Я., Рыженков С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 6. № 4. С. 130–151.
- Гладарев Б. (2011). Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / О. Хархордин (ред.). СПб.: Издательство ЕУСПб. С. 71–304.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального акти-визма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 162–192.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2021). «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодей-ствий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Мо-сквы) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 205–222.
- Зубов И. (2015). Блокадная подстанция: память или градостроительная ошиб-ка? URL: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/47504-blokadnaya-podstantsiya-pamyat-ili-gradostroitel'naya-oshibka.html> (дата доступа: 21.02.2023).
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010). От обывателей к активистам: зарожда-ющиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата.
- Климова С. Г., Климов И. А. (2015). Взаимодействие горожан с властью: компетент-ное участие и проблема посредников // Социологические исследования. № 4. С. 51–57.
- Ледяев В. Г. (2015). Опыт изучения власти в городских сообществах: Российская проекция // Власть и Элиты. № 2. С. 301–325.
- Лиханова Т. (2016). Диверсанты на линии обороны. URL: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/10209/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Малинова О. Ю. (2013). Политическое использование символа Великой Отече-ственной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век. № 1. С. 158–186.
- Медведев И. Р. (2017). Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа.
- Мельникова Л. (2023). Ростовские власти обжалуют требование отремонтиро-вать теплотрассы. <https://www.nvgazeta.ru/news/12376/614829/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Паченков О. В., Воронкова Л. В. (2021). «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 253–268.
- Пустовойт Ю. А. (2014). Городские политические режимы: Координация внутри-элитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государствен-ное управление. Электронный вестник. № 46. С. 85–106.
- Самсонова Е. (2022). Городские власти поддержат застройщиков в решении акту-альных вопросов. URL: <https://xn--80acgfbshazdqr.xn--p1ai/news/87237-gorodskie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (дата досту-па: 21.02.2023).

- Семенов А. В. (2019). Корни травы: Паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. № 12. С. 29–37.
- Семенов А. В., Гилева А. И. (2022). Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 73–95.
- Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2021). Количественный анализ эпизодов городских конфликтов в России // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Е. В. Тыканова (ред.). М.; СПб.: ФНИСЦ РАН. С. 13–39.
- Снопченко И. (2016). На встрече с градозащитниками Албин заявил о ценности блокадных подстанций. URL: <https://topdialog.ru/2016/02/19/na-vstreche-s-gradozashhitnikami-vice-gubernator-zayavil-o-cennosti-blokadnyx-podstancij/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2014). Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. № 2. С. 104–122.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2015). Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 241–256.
- Цумарова Е. Ю. (2021). Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 4. С. 221–248.
- Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2017). «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. № 4. С. 111–136.
- Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. (2021). Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. Т. 12. № 1. С. 71–87.
- Andrews K. T. (2004). Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy. Chicago: University of Chicago Press.
- Amenta E. (2006). When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security. Princeton University Press.
- Bederson V., Semenov A. (2021). Political foundations of state support for civil society: analysis of the distribution of presidential grants in Russia // Post-Soviet Affairs. Vol. 37. № 6. P. 544–558.
- Brooker M. E., Meyer D. S. (2018). Coalitions and the Organization of Collective Action // The Wiley Blackwell Companion to Social Movements / D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi, H. J. McCammon (ed.). Oxford: John Wiley & Sons Ltd. Published. P. 252–268.
- Buckley N., Reuter O. J., Rochlitz M., Aisin A. (2022). Staying Out of Trouble: Criminal Cases Against Russian Mayors // Comparative Political Studies. Vol. 55. № 9. P. 1539–1568.
- Clark J. A., Dalmaso E. (2015). State Actor-Social Movement Coalitions and Policy-Making Under Authoritarianism: The Moroccan Party of Justice and Development in the Urban Municipality of Kenitra // Middle East Law and Governance. Vol. 7. № 2. P. 185–211.

- Diani M.* (2015). *The Cement of Civil Society. Studying Networks in Localities.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Duyvendak J. W., Jasper J. M.* (2015). *Breaking Down the State: Protestors Engaged.* Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Isaac J.-C., Elliott-Negri L., Jasper J. M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A.* (2020). Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting// *New York City Social Movement Studies.* Vol. 19. № 5–6. P. 640–656
- Jasper J.* (2004). A Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices// *Mobilization: An International Quarterly.* Vol. 9. № 1. P. 1–16.
- Jasper J. M.* (2008). *Getting Your Way.* Chicago: University of Chicago Press.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W.* (eds.) (2015). *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest.* Amsterdam: Amsterdam University Press
- Jasper J. M., Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Kagan M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A.* (2022). *Gains and Losses: How Protestors Win and Lose.* Oxford: Oxford University Press.
- Kriesi H.* (2015). Alliance Structures// *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis* / H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. G. Giugni (ed.). London: Routledge.
- McCammon H. J., Moon M.* (2014). Social Movement Coalitions// *The Oxford Handbook of Social Movements* / D. Della Porta, M. Diani (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 326–339.
- Portos M., Carvalho T.* (2022). Alliance Building and Eventful Protests: Comparing Spanish and Portuguese Trajectories Under the Great Recession// *Social Movement Studies.* Vol. 21. № 1–2. P. 42–61.
- Stearns L. B., Almeida P. D.* (2004). The Formation of State Actor-Social Movement Coalitions and Favorable Policy Outcomes// *Social Problems.* Vol. 51. № 4. P. 478–504.
- Sika N.* (2019). Repression, cooptation, and movement fragmentation in authoritarian regimes: Evidence from the youth movement in Egypt// *Political Studies.* Vol. 67. № 3. P. 676–692.
- Scott J. C.* (1998). *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed.* Yale: Yale University Press.
- Van Dyke N., Amos B.* (2017). Social Movement Coalitions: Formation, Longevity, and Success// *Sociology Compass.* Vol. 11. № 7. P. 1–17.

Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts

Elena Tykanova

Candidate of Science (Sociology), Head of Urban Studies Department, Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — Branch of FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

E-mail: elenatykanova@gmail.com

Irina Shevtsova

Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science and International Affairs, HSE University, St. Petersburg,

Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — Branch of FCTAS RAS).

Address: Soyuzna Pechatnikov str., 16, Saint-Petersburg, 190121 Russian Federation

E-mail: ishevtsova@hse.ru

Anna Zhelnina

Candidate of Science (Sociology), PhD in Sociology, Independent Researcher

Address: Prosp. Korolyova, 24, Saint Petersburg, 197349 Russian Federation

E-mail: azhelnina@gmail.com

Cooperation between public authorities and activists is a well-studied issue in social movement research. However, the authorities are often considered monolithic and analyzed as targets of activists' actions affecting urban conflict outcomes. Meanwhile, various representatives of public authorities demonstrate their own interests in urban disputes and different levels of engagement in resolving conflicts. An evaluation of the database concerning dynamics of urban conflicts in Russian million cities shows rare attempts to resolve conflicts by core executives, such as mayors, governors, and deputy governors, compared to city and regional council members. Based on the sociological tradition of studying social movement coalitions (Van Dyke; Diani; Sterns and Almeida; Jasper and Duyvendak) this article examines the reasons why core executives make the decision to support activists in urban conflicts in the context of a noncompetitive regime. The research is based on 97 semi-structured interviews with participants in urban and ecological conflicts as well as experts in five Russian million cities (Moscow, Saint-Petersburg, Novosibirsk, Nizhny Novgorod, Kazan). Cases of core executives' engagement are explored as examples of state actor-social movement coalitions where officials provide their organizational resources and leverage to contribute to social movement goals. We identify six reasons why core executives make the decision to support activists in urban conflicts: 1) public resonance created by urban activists around a symbolically significant object; 2) changes in economic and political structural conditions; 3) the potential risk of sanctions from or direct interference by federal officials; 4) the proximity of elections and the need to maintain public reputation; 5) the exploitation of urban conflicts in order to win in intra-elite competition; 6) the emotions of core executives allowing them to align themselves with urban activists.

Keywords: urban local conflict, activists, public authorities, coalitions

References

- Amenta E. (2006) *When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security*, Princeton: Princeton University Press.
- Andrews K. T. (2004) *Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Bederson V., Semenov A. (2021) Political foundations of state support for civil society: analysis of the distribution of presidential grants in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 37, no 6, pp. 544–558.
- Brooker M. E., Meyer D. S. (2018) Coalitions and the organization of collective action. *The Wiley Blackwell companion to social movements* (D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi, H. J. McCammon eds.), Oxford: John Wiley & Sons Ltd. Published, pp. 252–268.

- Buckley N., Reuter O. J., Rochlitz M., Aisin A. (2022) Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors. *Comparative Political Studies*, vol. 55, no 9, pp. 1539–1568.
- Clark J. A., Dalmasso E. (2015) State actor-social movement coalitions and policy-making under authoritarianism: The Moroccan Party of Justice and development in the urban municipality of Kenitra. *Middle East Law and Governance*, vol. 7, no 2, pp. 185–211.
- Diani M. (2015) *The cement of civil society. Studying networks in localities*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Duyvendak J. W., Jasper J. M. (2015) *Breaking down the state: Protestors engaged*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Geľman V. Ya., Ryzhenkov S. I. (2010) Lokal'nyye rezhimy, gorodskoye upravleniye i «vertikal' vlasti» v sovremennoy Rossii [Local Regimes, Urban Governance and the “Vertical of Power” in Modern Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 6, no 4, pp. 130–151. (In Russian)
- Gladarev B. (2011) Istoriko-kul'turnoye naslediyе Peterburga: rozhdeniye obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: the Birth of the Public From the Spirit of the City] (O. Kharkhordin ed.) *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From Public to Publicity], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb, pp. 71–304. (In Russian)
- Isaac J.-C., Elliott-Negri L., Jasper J. M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. (2020) Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting. *New York City Social Movement Studies*, vol. 19, no 5–6, pp. 640–656.
- Jasper J. (2004) A strategic approach to collective action: Looking for agency in social-movement choices. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 9, no 1, pp. 1–16.
- Jasper J. M. (2008) *Getting your way*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W. (2015) (ed.) *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Jasper J. M., Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Kagan M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. (2022) *Gains and Losses: How Protestors Win and Lose*, Oxford: Oxford University Press.
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiyesya sotsial'nyye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From Philistines to Activists: Emerging Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri kvadrata. (In Russian)
- Klimova S. G., Klimov I. A. (2015) Vzaimodeystviye gorozhan s vlast'yu: kompetentnoye uchastiye i problema posrednikov [Interaction of Citizens with Authorities: Competent Participation and the Problem of Intermediaries]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 4, pp. 51–57.
- Kriesi H. (2015) Alliance Structures. *New social movements in Western Europe: A comparative analysis* (eds. H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. G. Giugni), London: Routledge.
- Ledyayev V. G. (2015) Opyt izucheniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: Rossiyskaya proyeksiya [The Experience of Studying Power in Urban Communities: The Russian Projection]. *Vlast' i Elity*, no 2, pp. 301–325. (In Russian)

- Likhanova T. (2016) *Diversanty na linii oborony* [Saboteurs on the Defensive Line]. Available at: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/10209/> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Malinova O. Yu. (2013) Politicheskoye ispol'zovaniye simvola Velikoy Otechestvennoy voyny v postsovetsoy Rossii: Evolyutsiya diskursa vlastvuyushchey elity [Political Use of the Symbol of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia: Evolution of the Discourse of the Power Elites]. *Proshlyy vek*, no 1, pp. 158–186. (In Russian)
- McCammon H. J., Moon M. (2014) Social Movement Coalitions. *The Oxford Handbook of Social Movements* (eds. D. Della Porta, M. Diani), Oxford: Oxford University Press, pp. 326–339.
- Medvedev I. R. (2017) *Razresheniye gorodskikh konfliktov* [Resolution of Urban Conflicts], Moscow: Infotropik Media. (In Russian)
- Meĭnikova L. (2023) *Rostovskkiye vlasti obzhaluyut trebovaniye otremonirovat' teplotrassy* [Rostov Authorities Will Appeal Against the Requirement to Repair Heating Mains]. Available at: <https://xn--80acgfbshlzdqr.xn--p1ai/news/87237-gorodskie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Pachenkov O. V., Voronkova L. V. (2021) «Novyy gorodskoy aktivizm» i «publichnaya politika» v Rossii (sluchay Sankt-Peterburga) [‘New Urban Activism’ and ‘Public Policy’ in Russia (Case of Saint Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 253–268. (In Russian)
- Portos M., Carvalho T. (2022) Alliance building and eventful protests: Comparing Spanish and Portuguese trajectories under the Great Recession. *Social Movement Studies*, vol. 21, no 1–2, pp. 42–61.
- Pustovoyt Yu. A. (2014) Gorodskiy politicheskiy rezhim: Koordinatsiya vnutrielitnogo sotrudnichestva v krupnykh promyshlennykh tsentrakh [Urban Political Regimes: The Coordination of Intra-Elite Interactions in Industrial Cities]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy Vestnik*, no 46, pp. 85–106. (In Russian)
- Samsonova Ye. (2022) *Gorodskiy vlasti podderzhat zastroyshchikov v reshenii aktual'nykh voprosov* [City Authorities Will Support Developers In Solving Urgent Issues]. Available at: <https://xn--80acgfbshlzdqr.xn--p1ai/news/87237-gorodskie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Semenov A. V. (2019) Korniy travy: zakonomernosti nizovoy gorodskoy mobilizatsii v Rossii [The Roots of the Grass: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 12, pp. 29–37. (In Russian)
- Semenov A. V., Gileva A. I. (2022) Rossiyskiye instrumenty gorodskogo planirovaniya v perspektive sotsiologicheskogo institutsionalizma [Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 73–95. (In Russian)
- Semenov A. V., Minayeva E. Yu. (2021) Kolichestvennyy analiz epizodov gorodskikh konfliktov v Rossii [Quantitative analysis of episodes of urban conflicts in Russia]

- Goroda raskhodyashchikhsya ulits: trayektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii* (E. V. Tykanova ed.), Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS, pp. 13–39. (In Russian)
- Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2017) “U vlasti tochka zreniya-molchaniye”: vzaimod-eystviye initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya [«Authorities’ Point of View is to Keep a Silence»: Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy]. *Politicheskaya nauka*, no 4, pp. 111–136. (In Russian)
- Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2021) Tsifrovyye tekhnologii upravleniya v deystvii, ili aktivnost’ vokrug platformy «Aktivnyy grazhdanin» [Digital Governance Technologies in Action, or On the Activity of Citizens around the Platform “Active Citizen”]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, vol. 12, no 1, pp. 71–87. (In Russian)
- Sika N. (2019) Repression, cooptation, and movement fragmentation in authoritarian regimes: Evidence from the youth movement in Egypt. *Political Studies*, vol. 67, no 3, pp. 676–692.
- Scott J. C. (1998) *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed*, Yale: Yale University Press.
- Snopchenko I. (2016) *Na vstreche s gradozashchitnikami Albin zayavil o tsennosti blokadnykh podstantsiy* [At a Meeting With City Defenders, Albin Announced the Value of Vlockade Substations]. Available at: <https://topdialog.ru/2016/02/19/na-vstreche-s-gradozashhitnikami-vice-gubernator-zayavil-o-cennosti-blokadnykh-podstancij/> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Stearns L. B., Almeida P. D. (2004) The formation of state actor-social movement coalitions and favorable policy outcomes. *Social Problems*, vol. 51, no 4, pp. 478–504.
- Tsumarova Ye. Yu. (2021) Paradoks obshchestvennogo uchastiya v programmakh blagoustroystva: zavershennost’ razvitiya, doveriye snizhayetsya [The Paradox of Public Participation in “Comfortable City Environment” Programs: Engagement Increased, Trust Declined]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, vol. 24, no 4, pp. 221–248. (In Russian)
- Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. (2014) Trayektorii samoorganizatsii lokal’nykh soobshchestv v osparivanii gorodskikh prostranstv [Trajectories of Self-Organization of Local Communities in Situations of Contesting Urban Space]. *Sotsiologiya vlasti*, no 2, pp. 104–122. (In Russian)
- Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. (2015) Gorodskoy politicheskiy rezhim v Sankt-Peterburge: rol’ real’nykh i voobrazhayemykh «mashin rosta» v bor’be za gorodskoye prostranstvo [Urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki*, vol. 13, no 2, pp. 241–256. (In Russian)
- Van Dyke N., Amos B. (2017) Social movement coalitions: Formation, longevity, and success. *Sociology Compass*, vol. 11, no 7, pp. 1–17.
- Volkova Ye. (2019) *Stroitel’stvo biznes-tsentra okolo litsey №22 v Novosibirsk* [The Construction of a Business Center Near Lyceum No. 22 in Novosibirsk Has Been

- Stopped]. Available at: https://nsk.aif.ru/society/stroitelstvo_biznes-centra_okolo_liceya_22_v_novosibirske_ostanovleno (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Zhel'nina A. A., Tykanova Ye. V. (2019) Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 22, no 1, pp. 162–192. (In Russian)
- Zhel'nina A. A., Tykanova Ye. V. (2021) «Igroki» na «arenakh»: analiz vzaimodeystviy v gorodskikh lokal'nykh konfliktakh (sluchay Sankt-Peterburga i Moskvy) ['Players' in 'Arenas': A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 205–222. (In Russian)
- Zubov I. (2015) *Blokadnaya podstantsiya: pamyat' ili gradostroitel'naya oshibka?* [Blockade Substation: Memory or Town-Planning Mistake?]. Available at: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/47504-blokadnaya-podstantsiya-pamyat-ili-gradostroitel'naya-oshibka.html> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)

Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России*

Андрей Семенов

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
доцент департамента политологии и международных отношений, Назарбаев Университет
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
E-mail: andrey.semenov@nu.edu.kz

Городские конфликты принято анализировать в пространственном ключе — как оспаривание несколькими сторонами притязаний друг друга на право трансформировать физические или символические аспекты городского пространства. Однако конфликты по определению разворачиваются не только в пространстве, но и во времени: как последовательность связанных между собой событий определенной продолжительности. В настоящей статье, опираясь на «социологию процессуальности» Эндрю Эббота и методологию анализа конфликтных эпизодов, рассматривается одно из темпоральных измерений городских конфликтов — упорядоченность действий во времени (sequencing). Подбор аналитических инструментов для анализа событийных последовательностей осуществляется с учетом их ключевых особенностей: «эффекта колеи» (зависимости текущей ситуации от прошлых состояний процесса) и «плюри-сектальности» (неоднократного повтора одних и тех же стадий в эпизоде конфликта). Анализ городских конфликтных эпизодов выступает инструментом, позволяющим отследить взаимодействия между оспаривающей стороной (активными горожанами) и инициаторами проектов трансформации городской территории (застройщиками и публичной властью) с учетом вмешательства «четвертой стороны», выступающей в роли медиатора или союзника основных участников конфликта. Выстроенная в этой логике база данных о городских конфликтах в российских городах-миллионниках позволяет рассмотреть последовательности более пристально и провести разведочный анализ вариации в них. Собранные данные о 259 конфликтах демонстрируют, что между городами и типами конфликтов есть существенные различия в средних оценках продолжительности, длины действий и интенсивности конфликтов. Анализ последовательностей в конфликтах по поводу застройки рекреационных зон и уплотнительной застройки также свидетельствует о значительном разнообразии содержания конфликтных эпизодов, однако общим является активная роль горожан и публичной власти при значительно меньшей доле действий застройщиков и четвертой стороны. Половина последовательностей является короткой (до 5-6 действий), в то время как продолжительные эпизоды с большим числом действий несколько повышают вероятность благоприятного для жителей исхода. Исследование вносит вклад в дискуссию о паттернах городских конфликтов и их темпоральные аспекты.

Ключевые слова: городские конфликты, состязательная политика, коллективные действия, процессуальность, темпоральность

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-78-10054-П «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

В социологии города сформировались две большие методологические традиции анализа конфликтов по поводу трансформации городских территорий. С одной стороны, представители Чикагской школы, анализируя город через призму картографии, отмечали, что локализация лежит в основе противоречий между различными городскими группами (Owens, 2012; Park, Burgess, 2019 [1925]): она определяет специфику застройки и использования земли, ключевые характеристики городских районов и — как следствие — особенности конфликтов (Sampson, 2012). Политэкономическая традиция, с другой стороны, фокусируется на процессуальной стороне городских конфликтов: последние являются проявлением борьбы противостоящих друг другу групп интересов, вызревающих в ходе взаимодействия друг с другом на продолжительных временных отрезках (Logan, Molotch, 1979; Stone, 1989).

Обе традиции внесли значительный вклад в понимание городских конфликтов, которые по определению связаны как с пространственным (поскольку имеют объектом взаимодействия конкретную локацию), так и с временным (поскольку разворачиваются во времени) аспектами. Фокус на одном из аспектов тем не менее серьезно ограничивает познавательные возможности каждой из традиций: синхронный анализ пространственного распределения городских конфликтов неизбежно унифицирует присущее им разнообразие репертуаров, игроков, стратегий и арен взаимодействия (Семенов, 2019). Диахронический анализ позволяет лучше понять истоки и эволюцию «городских конфигураций» (Stone, 1989; Туканова, Khokhlova, 2020), но его результаты не дают возможности проводить систематические сравнения в связи с уникальностью исторических траекторий городского развития (Pierre, 2011).

Целью настоящей статьи является представление возможного синтеза двух методологических традиций в изучении городских конфликтов, который позволил бы учесть процессуальность взаимодействий и их встроенность в локальный (городской) контекст на достаточном для систематического сравнения конфликтов между собой уровне абстракции. В качестве такого синтеза я предлагаю использовать два социологических инструмента: анализ последовательностей (*sequence analysis*, Abbot, 2016) и анализ конфликтных эпизодов (*contentious episode analysis*, Kriesi et al., 2019). Применение этих инструментов, с одной стороны, позволяет учитывать разнообразие репертуаров, игроков, арен и стратегий (Желнина, Тыканова, 2021; Желнина и др., 2022), с другой стороны — процессуальные аспекты и связь с широким городским контекстом в аналитически сравнимом ключе. Анализ 259 конфликтных эпизода в российских городах-миллионниках между 2010 и 2020 годами демонстрирует полезность данного синтеза: во-первых, анализ последовательностей позволяет зафиксировать вариацию в темпоральных характеристиках между городами и типами конфликтов (их продолжительность и интенсивность). Во-вторых, анализ демонстрирует, что наиболее активными участниками городских конфликтов являются публичная власть и местные жители, но их вовлеченность варьируется в зависимости от типа конфликта и его ста-

дии. В-третьих, наблюдается, что затяжные конфликты чаще приводят к успешному для местных жителей исходу. Данное исследование вносит вклад в дискуссию о возможностях синтеза различных подходов к изучению городских конфликтов, в частности, совмещения различных уровней исследования и учета роли всех основных «игроков» (Желнина и др., 2022).

Анализ последовательностей в социальных науках и социологии города

«История имеет значение» для многих социальных процессов, и городские конфликты здесь не исключение: взаимодействия между ключевыми сторонами процесса городского со-управления (*urban governance*) не являются «одноразовыми», но разворачиваются в контексте локальных (Семенов, Минаева, 2021) и более широких исторических эпизодов (Degen, 2018). Акцент на процессуальности позволяет выйти за пределы изучения уникальных случаев наподобие межрасовой «городской коалиции» в Атланте в послевоенный период (Stone, 1989) на основе общего аналитического языка (Rast, 2011). Выработка такого языка тем не менее представляется нетривиальной задачей: он должен быть достаточно комплексным, чтобы отразить многообразие «игроков» и их действий на различных аренах городской борьбы (Желнина и др., 2022); он должен отражать «историю» взаимодействий и одновременно с этим — быть применимым к разнообразию городских контекстов (Тыканова и др., 2022).

В данной статье я предлагаю объединить два социологических инструмента: «анализ последовательностей» и «анализ конфликтных эпизодов». Первый метод утвердился в изучении целого ряда предметных областей социологии: от карьерных траекторий до адаптации политических курсов (Liao et al., 2022). Пионер метода — Эндрю Эббот — противопоставил анализ последовательности статистическому анализу в форме «общей линейной реальности» (*General Linear Reality*), основанному на целом ряде допущений, несовместимых с онтологией социального. В классических статистических методах единицы наблюдения (например, индивиды или страны) считаются независимыми друг от друга, а порядок действий не имеет значения (Abbot, 1998). В реальности социальные взаимодействия связаны между собой и не начинаются с «чистого листа» каждую новую итерацию: напротив, «игроки» учитывают информацию о прошлом в выработке курса дальнейших действий, а также ориентируются на ожидаемые стратегии своих контрагентов (King, Jasper, 2022).

Критика линейной модели реальности привела Эббота к созданию теории «процессуализма», отправная точка которой убеждение, что индивиды, их группы и прочие социальные сущности не являются искусственными наборами изолированных друг от друга переменных (таких как «класс», «гендер» или «доход»), но формируются и развиваются в процессе взаимодействия друг с другом как целостные образования. Более того, «индивиды и социальные сущности не являются [базовыми] элементами социальной жизни, но паттернами и регулярностями, определяемыми поколениями последовательных событий» (Abbot, 2016: ix). Ины-

ми словами, изучение корреляции между отдельными характеристиками феноменов (например, бедности и способности к коллективным действиям на индивидуальном или агрегированном уровнях) не дает надежного знания, поскольку эта связь может быть разной в зависимости от обстоятельств.

Социология Эббота — продолжение прагматической традиции Чикагской школы, которая, с его точки зрения, так и не выработала эксплицитную социальную теорию (Abbot, 2016: x). В попытке создать прагматическую модель Эббот обращает внимание на темпоральность как ключевой аспект социального действия, которая в том числе предполагает смену тех или иных состояний (например, занятость/безработица или автократия/демократия), последовательность которых образует «жизненный путь» (life course). Отдельные социальные действия имеют значение только в рамках некоторой последовательности, где ключевыми оказываются три типа регулярностей: порядок действий (sequencing), время (timing), когда социальный актор пребывает в каком-либо состоянии или меняет его, и продолжительность (duration) пребывания в том или ином состоянии (Studer, Ritschard, 2016). При этом агентность выступает на стороне акторов: они обладают «способностью формулировать и следовать жизненным планам» (Shanahan, Elder, 2002: 147) с учетом возникающих возможностей и ограничений.

Анализ последовательности на индивидуальном уровне оказался удобным методом для изучения феноменов, которые предполагают регулярную смену более или менее четко идентифицируемых состояний, например, карьерных траекторий или организационного развития. На страновом уровне исследователи демократических транзитов обращали внимание, что реформы должны осуществляться в определенном порядке, иначе результат перехода может быть субоптимальным или сопровождаться серьезными трудностями, например, этнонациональными конфликтами или гражданскими войнами (Carothers, 2007). На практике, однако, транзит осуществлялся очень разными путями (Mansfield, Snyder, 2007). Переход в обратную сторону — от демократии к авторитаризму — также имеет различные логики последовательности: например, М. Коппедж выделил две основные траектории автократизации — через эрозию горизонтальной подотчетности государственной власти (контроль ветвей власти друг над другом) и через постепенные и последовательные ограничения гражданских прав и свобод (Corpedge, 2017). Эмпирический анализ показывает, что универсальных траекторий «демократического отката» не существует, но особую роль играет подрыв «диагональных» защитных механизмов, таких как свобода прессы и право на мирные собрания (Wunsch, Blanchard, 2022).

Конфликты также неоднократно становились предметом изучения с помощью анализа последовательностей. В них часто проявляется «эффект колеи» (path dependency), который подразумевает, что текущее состояние (или результат цепочки взаимодействий) определяется набором прошлых состояний процесса (Pierson, 2000; Page, 2006). Проблема анализа конфликтов с точки зрения анализа последовательности, как отмечают Б. Джонс и С. Метцгер, заключается в «плюрисектальности» (plurisectality, буквально «множественные сечения») конфликтного

процесса, которая подразумевает неоднократный повтор одних и тех же стадий конфликта (Jones, Metzger, 2018: 820). Другой проблемой является чувствительность динамики конфликтов к особенностям контекста (пространственного и темпорального), в которых разворачивается действие: одна и та же последовательность, например (де)эскалация, может оперировать по-разному на разных стадиях конфликта (McAdam et al., 2008).

Ответом на эти вызовы стала методология «анализа конфликтных эпизодов» (contentious episode analysis, SEA). Данная методология позволяет упорядочить последовательности конфликтных взаимодействий в рамках хронологически и пространственно ограниченных эпизодов в аналитически полезном ключе, то есть редуцировать сложность и многообразие акторов и их действий без потери возможности содержательного анализа. Располагаясь между макроуровнем «тотального» описания того или иного конфликтного эпизода и микроуровнем отдельных событий, конституирующих этот эпизод, SEA позволяет зафиксировать последовательности взаимодействия между оспаривающей стороной и ее контрагентом(-ами), а также третьими сторонами, и подвергнуть их систематическому сравнению (Kriesi et al., 2019). Например, А. Божар и Х. Кризи использовали SEA для анализа мобилизации против «политики затягивания поясов» в Западной Европе после кризиса 2008 года и обнаружили сильный «эффект колеи» в действиях основных акторов, а также важную роль третьих сторон в медиации взаимодействия между правительственными акторами и оспаривателями (Bojar, Kriesi, 2021).

Классический событийный анализ рассматривает мобилизацию через призму агрегированного числа тех или иных действий, например, протестных митингов или правительственных репрессий. SEA фокусируется на взаимодействиях, моделируя мобилизацию как процесс взаимосвязанных и ориентированных друг на друга действий ключевых акторов (Kriesi et al., 2021). Ключевым элементом методологической конструкции SEA являются представления о «триггерах» (action triggers), которые причинно предшествуют любому другому действию в цепочке, с них начинается эпизод и формируются ответвления (branches) в последовательности (Kriesi et al., 2021: 111). Хронологически упорядоченные цепочки образуют эпизод, окончание которого знаменуется отсутствием дальнейшего взаимодействия между изначальными сторонами конфликта. Такая структура позволяет измерить, к примеру, «темп» (pace) эпизода — среднюю продолжительность между отдельными действиями в цепочке, а также «сложность» (complexity) — количество ответвлений от центральной линии взаимодействия и их продолжительность (Kriesi et al., 2021: 115-116).

Для того чтобы сделать цепочки взаимодействия аналитически сравнимыми и подлежащими количественным измерениям, Кризи и соавторы предлагают ограничиться тремя типами акторов: оспаривателями (challengers), правительственными агентами (government) и третьей стороной (third party). Каждый «стилизованный актер» («stylized actor», отсылка к тому, что актер может объединять множество индивидов или организаций) совершает содержательные или процедурные действия. Первые относятся к сути конфликтного взаимодействия,

например, содержанию предлагаемого политического курса; вторые — к отношениям между акторами. Репертуар уникален для каждого типа актора: так, правительство содержательно может либо делать уступки, либо придерживаться заявленного курса, оспариватели могут либо сотрудничать, либо оспаривать предложение правительства, а третьи стороны — выступать в поддержку одного из основных акторов (Kriesi et al., 2021: 17). Типологию действий можно адаптировать под цели конкретного предмета исследования.

Таким образом, анализ последовательности является уже устоявшимся инструментом исследования как индивидуальных жизненных траекторий, так и взаимодействий между множеством сторон. Исследователи указывают, что порядок действий (наряду с другими временными характеристиками) является важной характеристикой «процессуального» подхода в социологии и позволяет лучше понять логику взаимодействий и/или индивидуального и организационного выбора на том или ином этапе развития процесса, будь то карьера или международный конфликт.

Методология анализа последовательности в социологии городских конфликтов

Классическая социология города нередко полагалась на плотное описание процесса взаимодействия между ключевыми акторами: к примеру, Кларенс Стоун подробно рассмотрел возникновение «межрасовой коалиции» в послевоенной Атланте (Stone, 1989). Размышляя о традиционной для социологии проблеме агентности и структуры, Стоун подчеркивает значимость событий как возможности для переоценки перспектив у ключевых участников городской политики. Отмечая, что «структуры реальны», но не фиксированы раз и навсегда, он пишет, что «каждое событие несет в себе потенциал трансформации режима, не обязательно внезапную его перестройку, но открывающую путь цепочки событий, приводящих в итоге к фундаментальным изменениям» (Stone, 1989: 10). Иными словами, вслед за Энтони Гидденсом и Филиппом Абрамсом, Стоун предлагает сфокусироваться на «структурировании» (structuring) как процессе динамического взаимодействия акторов с физическими и другими ограничениями, ядром которого становятся события. Последние «выступают ареной борьбы между изменениями и преемственностью, но они не являются самодостаточными или свободными от всего явлениями. Они становятся событиями в нашем сознании, поскольку соотносятся со структурами, которые определяют будущие события» (Stone, 1989: 10). В этом свете подбор аналитических инструментов, позволяющих сконструировать «событийный путь» социального процесса (такого как городской конфликт), представляется чрезвычайно важной методологической задачей.

В русле методологии «анализа эпизодов» для реконструкции событийного пути первым принципиальным шагом становится выделение «основных игроков», действия которых с наибольшей степенью надежности можно считать определяющими в городском конфликте. Потенциально участниками городских конфликтов может

быть довольно широкий набор акторов: социологи города выделяли «элиты» (Hunter, 1957), «группы интересов» (Dahl, 1962), коалиции из держателей ренты на землю (Molotch, 1977) и более широкие конфигурации акторов (Logan, Molotch, 1987; Pierre, 2011), определяющих городскую политику и активно участвующих в городских конфликтах. Тем не менее можно выделить треугольник «жители — публичная власть — застройщики», который составляет ядро конфликтного взаимодействия (Семенов и др., 2018; Бедерсон, Шевцова, 2021; Тыканова и др., 2021). На основании теорий мобилизации ресурсов и политического процесса также можно выделить «четвертую сторону» (аналог «третьей стороны» в анализе Кризи и др.): акторов, которые не имеют непосредственных ставок в самом конфликте, но могут выступать с поддержкой той или иной стороны или источником дополнительных ресурсов (McAdam et al., 2003).

Выделение эпизодов и «событий», сопряженных с взаимодействием, — следующий шаг. Эпизоды определяются как законченные последовательности взаимодействий, начало которых — событие-триггер, вызывающее мобилизацию, а конец — событие-затвор, на котором взаимодействия сторон прекращаются на достаточно продолжительный срок. Содержанием эпизода выступают публичные действия сторон по отношению друг к другу, либо их одновременные действия на аренах, где определить чью-либо инициативу затруднительно. Последние можно обозначить как события медиации.

Хронологическое упорядочивание действий акторов за выделенный временной промежуток с обозначением контекстуальных особенностей разворачивания конфликта (город, локация, тип конфликта, его общая продолжительность и т. д.) позволяет компактно представить информацию об эпизодах и подвергнуть их систематическому сравнению. Временные рамки являются условными границами: эмпирический анализ показывает, что практически любой городской конфликт имеет длительную предысторию, которая может включать юридические (изменение законодательства), планировочные (изменение статуса земельных участков), экономические (приток/отток инвестиций и свободного капитала в сферу застройки) и политические (смена губернатора или мэра) аспекты. Триггеры и затворы тем не менее обозначают границы мобилизации сторон по поводу проекта трансформации городской территории. И хотя итог конфликта зачастую не бывает долговечным, он знаменует собой некоторое промежуточное равновесие, которое может стать исходной точкой для последующих эпизодов.

Городские конфликты в российских городах-миллионниках: общие темпоральные паттерны

Коллективные действия по поводу трансформации городского пространства — постоянный спутник развития современного города (Castells, 1983; Molotch, Logan, 1977). Исследования городских конфликтов, основанные на изучении небольшого числа случаев, нередко демонстрировали комплексность мобилизации в крупных конфликтах: например, Е. Тыканова и А. Хохлова (2020) на примере трех эпизодов

в Нижнем Новгороде доказывают, что жители, сопротивляющиеся нежелательным изменениям в городе, подбирают репертуар, исходя из обстановки и реакции других сторон. А. Желнина в исследовании московской реновации демонстрирует, каким образом события, связанные с масштабным проектом перестройки городского пространства, стали основой для переоценки жизненных и политических стратегий местных жителей (Zhelnina, 2022). Отдельные случаи, однако, не позволяют систематически охватить и сравнить конфликты: выводы, основанные на значимых случаях, с трудом могут быть генерализованы на все виды городской мобилизации.

Сравнение небольшого числа случаев, однако, не дает представления о том, какого рода конфликты являются «типичными» и каким образом с ними соотносятся анализируемые в литературе отдельные случаи. Систематический подход на основе описанной выше методологии предполагает, что «основные игроки» (жители, представители власти и застройщиков) взаимодействуют между собой в рамках отдельных эпизодов, которые возникают по поводу оспаривания конкретных проектов трансформации городского пространства (например, сноса исторического здания или уплотнительной застройки). Наше внимание к таким конфликтам мотивируется в первую очередь тем, что они чрезвычайно распространены (Smyth et al., 2023) и через их призму можно исследовать широкий спектр социологических вопросов: от анализа условий возникновения городской мобилизации до изучения детерминант успеха/неудачи коллективных действий.

Основываясь на сообщениях в массмедиа и социальных сетях, мы собрали и упорядочили информацию о 259 эпизодах городских конфликтов в 15 российских городах-миллионниках, которые развернулись в 2010–2020-х годах. Кодировочная схема (см. Приложение) учитывает ключевые темпоральные (время, продолжительность и связи между отдельными событиями/действиями), контекстуальные (локация и тематика) и агентские (репертуар, направление действий) характеристики конфликтных эпизодов. Данная информация позволяет посмотреть на «исторический ландшафт» (timescape) городской мобилизации в российских миллионниках с «высоты» генеральной совокупности.

Наши данные вряд ли охватывают все публичные городские конфликты за этот период, поскольку не все случаи обсуждаются в СМИ или в социальных сетях (основные источники для реконструкции эпизодов). В силу особенностей внимания медиа к коллективным действиям можно утверждать, что данные хорошо отражают продолжительные и интенсивные конфликты, однако в меньшей степени непродолжительные случаи с малым числом участников (например, единичные одиночные пикеты). Несмотря на возможные смещения, собранные данные позволяют выявить как характеристики «типичного» конфликта, так и вариацию в них. В таблице 1 представлены данные по общему числу конфликтных эпизодов, их средней продолжительности и среднему числу взаимодействий (медианные оценки), а также средней интенсивности (отношению числа взаимодействий к продолжительности в месяцах). «Типичный» городской конфликт длится девять месяцев и включает в себя шесть публичных взаимодействий между участниками

(то есть полтора взаимодействия в месяц). Половина эпизодов небольшие по продолжительности и частоте взаимодействия (рис. 1 Приложения).

Между городами исследований наблюдается значительная вариация по агрегированным характеристикам. Эти данные демонстрируют существенные различия по каждой из характеристик: по общему числу конфликтов лидируют Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск (самые крупные города), однако по средней продолжительности это Воронеж, Пермь и Самара. Екатеринбург, Уфа и Санкт-Петербург лидируют по числу взаимодействий за эпизод. Столица Урала также является абсолютным лидером по интенсивности: среднее число взаимодействий за месяц составляет 2,4. При этом наиболее интенсивным эпизодом в нашей выборке оказался конфликт вокруг строительства завода «Кроношпан» в Уфе, в котором насчитывается 81 взаимодействие за чуть более чем два года (3,2 взаимодействия в месяц в среднем). Самый длительный конфликт (около восьми лет) был зафиксирован в Екатеринбурге по поводу застройки Березовой рощи, в других городах есть схожие по продолжительности эпизоды (в Перми — конфликт вокруг Черняевского леса, в Санкт-Петербурге — вокруг парка Малиновка и т. д.). Таким образом, можно заключить, что городской контекст имеет значение для разворачивающихся конфликтов: в одних городах их немного, но они продолжительны (Воронеж), в других они малозаметны в принципе (Ростов-на-Дону), в третьих городская мобилизация составляет неотъемлемую часть повседневной жизни (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск).

Таблица 1. Агрегированные характеристики эпизодов по городам исследования

Город	Число конфликтов	Средняя продолжительность (в месяцах)	Среднее число взаимодействий (медиана)	Средняя интенсивность
Волгоград	16	7,5	6,5	1,61
Воронеж	10	21	7,5	1,15
Екатеринбург	23	10	11	2,39
Казань	18	6	5,5	1,77
Красноярск	10	6,5	3,5	1,07
Москва	40	8	6	1,36
Нижний Новгород	17	9	7	1,34
Новосибирск	35	11	5	1,11
Омск	4	10	6	1,72
Пермь	18	13,5	6	1,53
Ростов-на-Дону	9	2	3	1,32
Самара	10	13	6	1,01

Санкт-Петербург	33	9	9	1,55
Уфа	6	9	10,5	1,79
Челябинск	10	11,5	5,5	0,83
Среднее по выборке	17,3	9	6	1,46

Источник: данные автора.

Помимо городского контекста вариация в темпоральных характеристиках наблюдается и между различными типами городских конфликтов. В таблице 2 приведена описательная статистика по тем же характеристикам, что и выше. Подавляющее большинство эпизодов разворачивается вокруг застройки рекреационных зон (парков, скверов и городских лесов), уплотнительной застройки, крупных инфраструктурных проектов и защиты историко-культурного наследия. 43 эпизода (16,6%) носят смешанный характер, то есть могут включать несколько аспектов трансформации городской территории, приоритет в которых невозможно было различить. Как видно из таблицы, наиболее продолжительными в выборке являются конфликты в категории «Экология»: строительство объектов, которые несут угрозу окружающей среде, таких как завод «Кроношпан» в Уфе, завод ферросплавов в Красноярске и сети АЗС в Волгограде. Эти конфликты также отличаются высокой интенсивностью. Продолжительными являются эпизоды, связанные со сносом ветхих зданий (в среднем они занимают год).

Единственный конфликтный эпизод, который мы однозначно отнесли к «символическим», развернулся вокруг переименования улицы Эсперанто в Казани, он продолжался более чем полгода и закончился решением Верховного суда. Этот эпизод интересен тем, что столкнулись интересы двух различных групп горожан (одна сторона выступала за переименование улицы в честь президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, другая выступала против), что подтверждает полученные ранее выводы о разнообразии конфигураций городских конфликтов, несводимых только к противоречиям между застройщиками и горожанами (Желнина, Тыканова, 2021).

Таблица 2. Агрегированные характеристики эпизодов по типам конфликта

Тип конфликта	Число конфликтов	Средняя продолжительность (в месяцах)	Среднее число взаимодействий	Средняя интенсивность
Застройка рекреационных зон	64	10	7	1,28
Уплотнительная застройка	52	8,5	4	1,10
Смешанный тип	43	10	7	1,34
Инфраструктура	38	10	5,5	1,46

Защита историко-архитектурных объектов	31	8	9	1,91
Другое	12	4	7	3,01
Социальная инфраструктура	7	5	6	1,72
Снос	5	12	6	1,50
Экология	4	20,5	16,5	1,91
Расселение	2	9	5,5	0,73
Символические аспекты	1	7	17	2,43
Среднее по выборке	23,5	9	7	1,67

Источник: данные автора

Защита историко-культурного наследия также отличается интенсивностью по соотношению числа взаимодействий на единицу времени. При медианной продолжительности в восемь месяцев среднее число взаимодействий насчитывает девять различных «актов» (почти два зафиксированных действия в месяц в среднем). Треть таких эпизодов сконцентрирована в Санкт-Петербурге, что отражает особое положение города с точки зрения историко-архитектурного наследия, а также отношение власти и активистов к нему. Москва с семью эпизодами этого типа и Екатеринбург с пятью идут за Северной столицей. Следующими за защитным движением по интенсивности являются эпизоды, разворачивающиеся вокруг социальной инфраструктуры. Их продолжительность ниже среднего (всего пять месяцев), однако медиана числа действий равна шести, что делает их достаточно интенсивными.

Конфликты вокруг «зеленых зон» и уплотнительной застройки, а также смешанный тип эпизодов близки по своим темпоральным характеристикам между собой. Их объединяет содержательная сторона: вмешательство застройщиков в пространство «соседств» и реакция последних на него. В отличие от «общегородской» мобилизации по поводу крупных инфраструктурных проектов или защиты наследия, эти конфликты более локализованы. Наименее интенсивно развиваются эпизоды по расселению: в нашей выборке к таковым относятся расселение домов т.н. Архиерейской слободы в Уфе, на месте которой был построен Конгресс-холл, и жильцов дома на ул. Гривской в Казани.

Анализ последовательностей в городских конфликтах: борьба вокруг парков и уплотнительной застройки

Сформированная база данных позволяет сфокусироваться на основном предмете настоящей статьи — последовательностях взаимодействий. Для иллюстративных

целей выбрано две наиболее распространенных категории эпизодов: защиту рекреационных («зеленых») зон и уплотнительная застройка. Оба типа конфликтов представляют собой непосредственное вторжение в «жизненный мир» горожан: парки, скверы и другие публичные пространства являются не только «рекреационными объектами», но и местами, наделенными общественным или личным значением. Неопределенность правового статуса парковых территорий зачастую становится основанием для их застройки (см., например: Туканова, Khokhlova, 2020). Уплотнительная застройка (которая нередко может касаться «зеленых зон») также непосредственно угрожает сложившемуся укладу жизни на уровне районов и городских соседств.

Парковые зоны — одна из наиболее уязвимых городских территорий с точки зрения защиты общественных интересов. По количеству таких конфликтов лидирует Москва (10), за которой следуют Санкт-Петербург и Новосибирск (по 8). В Уфе и Ростове-на-Дону мы обнаружили лишь по одному конфликту, а в Красноярске за период с 2010 по 2015 год не было найдено публичной информации о такого рода эпизодах. Успех в этих конфликтах несколько чаще бывает на стороне жителей: отмена проекта встречается в 39%, а значительные уступки в 17% случаев, тогда как успешная имплементация случилась в 29,7%, а незначительные уступки — в 12,5%. При этом эпизоды значительно отличаются по продолжительности (от кратковременных стычек до многолетнего противостояния, например, вокруг городских лесов) и количеству действий: самый «длинный» эпизод насчитывает 54 взаимодействия (борьба за сохранение Черняевского леса от вырубки в Перми) с медианным значением в семь актов.

Жители являются наиболее активными действующими лицами в этих конфликтах: 40% зафиксированных действий приходится на них. Действия агентов публичной власти составляют 15,8%, а застройщиков — 9,3% от общего числа взаимодействий. Довольно часто — в 13,7% наблюдениях — случаются разного рода события медиации (общественные слушания, круглые столы, рабочие группы), инициатором которых в подавляющем большинстве являются правительственные акторы, но действия одновременно предпринимают все стороны. «Четвертые стороны» (партии, общественные организации, медиа) довольно редко вмешиваются в ход событий, на них приходится 6,4% действий. Суды и органы правоприменения, которые в анализе ниже также отнесены к «четвертой стороне», еще реже (5% и 3% соответственно).

Вероятность успеха на стороне жителей несколько возрастает с увеличением числа действий в эпизоде: если в конфликтах до медианного значения по числу эпизодов число их «побед» составляет 50%, то в конфликтах с большим числом взаимодействий оно возрастает до 64,3%. При этом динамика оспаривания может характеризоваться множественными поворотами, как это произошло с Черняевским лесом в Перми: в ответ на инициативу губернатора Пермского края Виктора Басаргина по переносу городского зоопарка на территорию леса в начале 2013 года мобилизовалась сеть активистов и организаций, которые в январе 2014 года объ-

единились в «Зеленую коалицию». Борьба велась одновременно на многих аренах: от уличных акций (самый большой митинг собрал до 500 человек) и общественных слушаний до городской думы, в которой решался вопрос об изменении границ особо охраняемой природной территории «Черняевский лес». «Зеленая коалиция» безуспешно пыталась оспорить поправки в генеральный план города, позволяющие застройку леса, однако сумела найти поддержку в лице Министерства природных ресурсов, а также ряда известных деятелей и политиков федерального уровня. В итоге в мае 2015 года власти отказались от своих планов, хотя борьба за сохранение Черняевского леса продолжилась уже в других эпизодах.

wai —

Рисунок 1. Последовательности действий основных акторов в эпизодах, связанных с защитой «зеленых зон» (без Черняевского леса)

Такого рода паттерн — когда промежуточный результат постоянно меняется в чью-либо сторону, а время от времени в конфликт вмешиваются суды, правоохранители и другие «четвертые стороны» — достаточно распространен. На рисунке 1 представлены последовательности для всех «парковых» конфликтов (кроме Черняевского леса, из-за большого числа действий в нем) в нашем анализе. Цветом фиксируются действия того или иного актора. Из нее следует, например, что они могут не только реагировать на действия друг друга, но и реализовывать последовательные стратегии (несколько действий подряд). Также график демонстрирует, что в некоторых конфликтах доминируют жители (например, в нижегородском конфликте вокруг строительства аквапарка в Автозаводском парке), в других можно отметить паритет между сторонами конфликта (строительство спортивно-тренировочного комплекса в парке Дружбы в Москве) или преобладание каких-либо «четвертых сторон» (мобилизация против вырубке деревьев на бульваре Славы под трамвайные пути в Уфе).

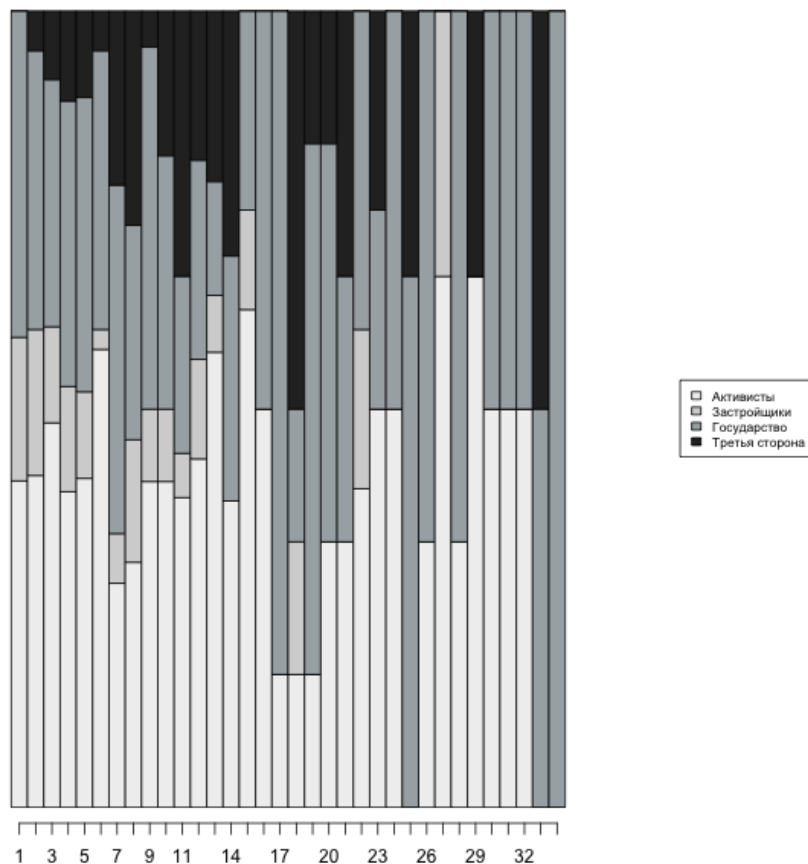

Рисунок 2. Пропорции действий основных акторов на каждом из шагов взаимодействия (без Черняевского леса)

Другим способом анализа данных является рассмотрение относительной частоты действий основных сторон в динамике на каждом из шагов конфликта. Рисунок 2 отражает долю действий основных акторов на каждом из них. В целом доля действий активистов остается достаточно высокой вплоть до разрешения конфликта, также заметен «волновой» паттерн в их активности, зеркальным отражением которого выступают действия власти. Застройщики активны на начальных стадиях, но в дальнейшем их действия обусловлены достижениями/провалами на предыдущих этапах. В продолжительных по числу действий конфликтах их активность сходит на нет. Ближе к середине становится активной «четвертая сторона» (депутаты, прокуратура, суды). Публичная власть проявляет постоянную активность, реагируя в первую очередь на действия жителей и за ней зачастую остается «последнее слово». Другим наблюдением, связанным с обозначенным выше увеличением числа «успешных» для горожан исходов в продолжительных конфликтах, является предположение о том, что затягивание «парковых» конфликтов заставляет публичную власть в какой-то момент активнее вмешиваться в этот процесс и идти на уступки, например, в связи с предстоящими выборами или в силу общественного резонанса. Наличие у жителей ресурсов и возможностей не выходить из игры и продолжать действовать является одним из ключевых факторов в получении уступок со стороны власти или застройщиков.

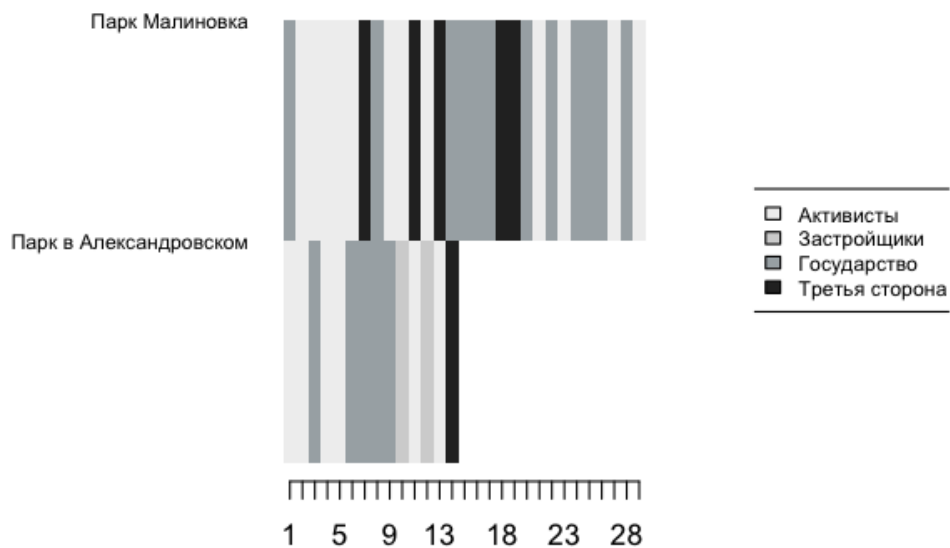

Рисунок 3. Последовательности взаимодействий в конфликтах вокруг парка Малиновка (Санкт-Петербург) и парка в мкр-не Александровка (Ростов-на-Дону)

Этот аргумент можно проиллюстрировать с помощью парного сравнения двух эпизодов, имеющих почти одинаковую продолжительность (около семи лет), но с разными исходами. В Ростове-на-Дону с 2013 по 2019 год жители микрорайона Александровка

пытались отстоять парк. Жители мобилизовались на митинги, сбор подписей, обращения в органы власти и суды, но в итоге деревья были вырублены, а иски к застройщику не удовлетворены. В Санкт-Петербурге также с 2013 по 2019 год длилось противостояние между жителями и РПЦ, которая решила построить храм на территории парка Малиновка. Формально этот эпизод завершился в пользу жителей после включения парка в перечень «зеленых насаждений общего пользования городского значения». В обоих случаях стороны конфликта привлекли значительные ресурсы и сторонников, но в Ростове-на-Дону «наступление» со стороны жителей сменилось ответом со стороны застройщика, власть выступила на стороне последнего, а суды не помогли. В ситуации с Малиновкой жители действовали активно на протяжении всего эпизода и реагировали на каждую попытку инициатора проекта добиться своего (рис. 3). Городская исполнительная власть как минимум пыталась деэскалировать ситуацию, а также прибегала к институтам медиации, тогда как Законодательное собрание Санкт-Петербурга поддерживало РПЦ. Одним из ключевых событий стала смена губернатора в городе: новый губернатор поддержал активистов, что стало возможным в том числе благодаря организованному и постоянному давлению со стороны последних.

Схожие с защитой парков паттерны наблюдаются и в эпизодах уплотнительной застройки. В нашу базу данных было включено 52 таких эпизода в каждом из городов-миллионников, при этом они достаточно равномерно распределены между городами, выделяется только Новосибирск с 11 конфликтами. В половине случаев это довольно непродолжительные конфликты с числом взаимодействий до четырех, из которых меньше половины (39,3%) завершились в пользу жителей. Эпизоды с более длительными последовательностями (19 в нашем анализе) привели к успеху активистов в 79,2% случаев, что подтверждает предыдущее предположение о связи между числом взаимодействий и исходом конфликта. Самый «длинный» конфликт в 25 действий имел место в Волгограде, где жители Спартановки мобилизовались против строительства АЗС, которую в итоге вынуждены были снести по решению суда.

Жители занимают достаточно активную позицию в данном типе конфликта: на них приходится 35% действий. Правительство и застройщики совершают 20% и 15% соответственно, последние проявляют себя активнее и настойчивей, чем в случае с парками. Действия «четвертой стороны» представлены в основном судами и органами правоприменения — 6% и 2% от общего числа соответственно. Примерно каждое десятое действие (11%) приходится на разного рода медиацию (общественные слушания, круглые столы, рабочие группы и др.), инициируемую исполнительной властью или близкими к ней организациями, такими как Общероссийский народный фронт. Иными словами, конфликты вокруг уплотнительной застройки мобилизуют достаточно широкий круг участников. На рисунке 4 представлены последовательности действий основных акторов. Как и в случае с защитой парков, последовательности крайне разнообразны: например, в Уфе при строительстве торгового центра на улице Рабкоров жители возмутились сносом детской площадки. Действия жителей, застройщиков и публичной власти последовательно сменяли друг друга на протяжении всего эпизода, в результате чего застройщик,

не отказавшись от плана по строительству торгового центра, компенсировал снос строительством двух новых площадок. Сам конфликт включал физическое противостояние местных жителей со строителями, петиционные и уличные кампании, судебные иски и обращения в администрацию города. Другая последовательность наблюдалась с застройкой на проспекте Кораблестроителей, которая также закончилась неудачей для местных жителей: активное давление активистов, которое включало митинги и перекрытие подъезда к месту строительства, сменилось взаимными судебными исками, где инициативу перехватил застройщик. Контрастным примером, где жители сохранили инициативу в проведении уличных и петиционных кампаний и добились результата, является эпизод на ул. Ковалихинская в том же Нижнем Новгороде, где также использовался широкий репертуар: от народного схода и обращений в органы власти, до блокировки места строительства и петиций.

Рисунок 4. Последовательности действий основных акторов в эпизодах, связанных с уплотнительной застройкой

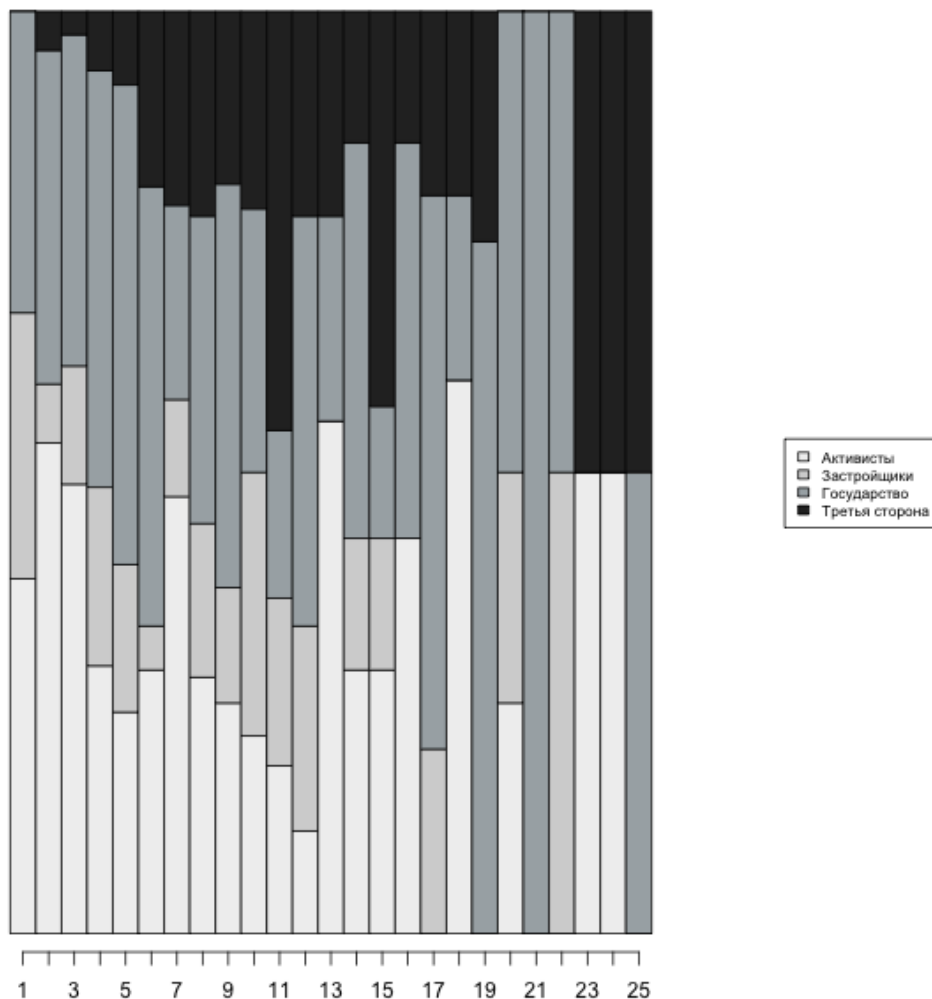

Рисунок 5. Пропорции действий основных акторов в эпизодах, связанных с уплотнительной застройкой

Основные акторы остаются активными на всех этапах последовательности, хотя для активистов характерен волновой паттерн (как показано на рис. 5). Примерно с середины последовательности повышается активность судов и органов правоприменения (в основном прокуратуры) в качестве «четвертой стороны», что вполне логично, поскольку если конфликт не удастся решить изначальной мобилизацией, стороны начинают прибегать к арбитражу. Поскольку длительных последовательностей не так много, с увеличением их числа снижается и разнообразие акторов, на поздних стадиях действия судов или правительственных акторов становятся завершающими.

Эмпирический анализ последовательностей двух наиболее распространенных типов городских конфликтов ставит перед социологией города новые вопросы: во-первых, мы наблюдаем существенные различия в характере городской мобилизации между городами и типами конфликтов, что указывает на значимость контекста и ставит под сомнение генерализации, основанные на отдельных случаях. Действие общих для всех городов структурных сил (например, дерегуляция городского развития и властный дисбаланс, как описывается в: Семенов и др., 2018; Семенов, Гилева, 2022) опосредуется локальными факторами, такими как городские коалиции (Бедерсон, Минаева, 2024; Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024). Во-вторых, внутри одинаковых категорий конфликтов в пределах одного и того же города конфликтные эпизоды разворачиваются по-разному, а их исход остается непредсказуемым.

Повторяемость действий и стадий («плюрисектальность») также подтверждается эмпирически: ни граждане, ни их противники не спешат сдаваться, даже если на промежуточных стадиях они сталкиваются с серьезным сопротивлением. Упорство сторон может стать предметом отдельного анализа как с точки зрения теории рационального выбора (почему игроки считают необходимым сопротивляться действиям друг друга, особенно если вопрос может восприниматься как решенный), так и с точки зрения альтернативных социологических моделей. Со стороны жителей настойчивость и способность сохранять активность даже после промежуточных провалов, кажется, повышает шансы на успех. Но в целом городские конфликты остаются сферой неопределенности, что подтверждает их процессуальный характер — многое зависит не только (и, может, не столько) от структурных факторов, сколько от способности акторов распознавать в текущей обстановке возможности для действий, которые, в свою очередь, «не обязательно резко» (как писал Стоун), меняют направление эпизода в ту или иную сторону.

Заключение

Пространство постсоветских городов было и остается объектом притязаний множества индивидуальных и коллективных акторов, отстаивающих свое видение городского развития и индивидуальные/коллективные интересы, которые, однако, не являются стабильными, но могут переопределяться в результате взаимодействия с другими действующими лицами городской драмы. Изучение отдельных случаев противостояния в треугольнике «жители — публичная власть — застройщики» позволило значительно продвинуться в понимании выбора стратегий и репертуара действий сторонами конфликта, роли контекста и ресурсов, необходимых для достижения целей, а также детерминант исхода конфликтов (Желнина, Тыканова, 2019; Кольба, 2020). Интеграция социологического знания в этой области и проверка за счет систематического сравнения представляются важными задачами на ближайшее будущее.

Признание важности темпорального аспекта и разработку социологических инструментов его анализа следует считать важным шагом в этом направлении. Городская жизнь, неотъемлемой частью которой является коллективное оспаривание проектов изменения городского пространства, через призму социологии процессуальности видится не набором действующих независимо друг от друга индивидов и групп, но потоком событий, вокруг которых выстраиваются связи, (пере)определяются интересы и предпочтения и создаются условия для дальнейших действий. Предложенный в настоящей статье метод анализа конфликтных эпизодов, безусловно, схематичен и касается лишь основного «событийного скелета», вне фокуса которого остаются закулисные переговоры, кухонные посиделки соседей, рутинная работа юристов и множество других действий, определяющих общий курс городских конфликтов. Однако фиксируя публичную событийность эпизодов, данный метод дает возможность выявить общие паттерны и производить фокусированные сравнения, что в диалоге с исследованиями на микроуровне позволит лучше понять динамику оспаривания в городской политике.

Проведенный анализ демонстрирует, что какого-либо однозначного набора сценариев в последовательностях конфликтов по поводу парковых зон и уплотнительной застройки не существует. Стороны могут менять темп и направление своих действий (например, новый губернатор или мэр могут отменить решения своих предшественников), реагировать или оставлять без ответа действия контрагентов, однако наиболее фундаментальным выбором является решение продолжать отстаивать свои интересы или сойти с дистанции. В этой перспективе некоторые конфликты выглядят как «спринт», где стороны быстро обмениваются публичными сигналами и одна из них уступает, понимая, что дальнейшие действия бесполезны, или не имея ресурсов на продолжение борьбы. Другие конфликты представляют собой «марафон», где важны не только ресурсы, но и способность стратегически удерживать инициативу и настаивать на своем.

Более систематическая проверка предположений о возможных «кластерах» конфликтов на основе собранных данных еще только предстоит, тем не менее проделанный анализ уже позволяет выявить как некоторые общие эмпирические закономерности (например, распределение активности между «стилизированными акторами» или наиболее частые типы конфликтов), так и существенные различия между городами и типами конфликтов. Дальнейшая работа с «процессуальностью» городских конфликтов может касаться типологизации отдельных типов событий (триггеров, поворотных событий или затворов), что дает возможность более целенаправленно сравнивать последовательности между собой. В любом случае возвращение «процессуальности» в анализ городской политики представляется необходимым шагом для развития социологии города и городских конфликтов.

Литература

- Бедерсон В. Д., Минаева Э. Ю. (2024). Свои люди — сочтемся: условия централизации муниципальных полномочий в градостроительной сфере // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 67-89.
- Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. (2021). Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 285-300.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1. С. 162-192.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2021). «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 205-222.
- Желнина А. А., Семенов А. В., Тыканова Е. В. (2022). Методология изучения городских конфликтов: уровни масштабирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 49-71.
- Кольба А. И. (2020). Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. № 3. С. 52-73.
- Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2021). Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 189-204.
- Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. (2024). Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 90-119.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2020). Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов в Нижнем Новгороде: стратегическая интеракционная перспектива // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН. С. 2774-2785.
- Abbott A. (1988). Transcending general linear reality // Sociological theory. Vol. 6. № 2. P. 169-186.
- Bojar A., Kriesi H. (2021). Action repertoires in contentious episodes: What determines governments' and challengers' action strategies? A cross-national analysis // European Journal of Political Research. Vol. 60. № 1. P. 46-68.
- Carothers T. (2007). The 'Sequencing' Fallacy // Journal of Democracy. Vol. 18. № 3. P. 13-27.
- Coppedge M. (2017). Eroding Regimes: What, Where, and When? // V-Dem Working Paper Series. №. 57.
- Degen M. (2018). Timescapes of urban change: The temporalities of regenerated streets // The Sociological Review. Vol. 66. № 5. P. 1074-1092.

- Casper G., Wilson M.* (2015). Using sequences to model crises // *Political Science Research and Methods*. Vol. 3. № 2. P. 381-397.
- Jones B. T., Metzger S. K.* (2018). Evaluating conflict dynamics: A novel empirical approach to stage conceptions // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. № 4. P. 819-847.
- King B. G., Jasper J. M.* (2022). Strategic interactions and arenas: A sociological perspective on strategy // *Strategic Organization*. Vol. 20. № 4. P. 810-820.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A.* (2019). Contentious episode analysis // *Mobilization: an international quarterly*. Vol. 24. № 3. P. 251-273.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A., Altiparmakis A., Gessler T., Hunger S., Pilati K., Schulte-Cloos J.* (2021). Introduction: A New Approach for Studying Political Contention — Contentious Episode Analysis // *Contentious Episodes in the Age of Austerity: Studying the Dynamics of Government–Challenger Interactions* / A. Bojar, S. Hutter, H. Kriesi (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 2-23.
- Mansfield E., Snyder J.* (2007). The Sequencing “Fallacy” // *Journal of Democracy*. Vol. 18. № 3. P. 5-10.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* (2002). *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* (2008). Methods for measuring mechanisms of contention // *Qualitative sociology*. Vol. 31. P. 307-331.
- Wunsch N., Blanchard P.* (2022). Patterns of democratic backsliding in third-wave democracies: a sequence analysis perspective // *Democratization*. Vol. 30. № 2. P. 278-301.
- Owens B. R.* (2012). Mapping the city: Innovation and continuity in the Chicago School of Sociology, 1920–1934 // *The American Sociologist*. № 43. P. 264-293.
- Page S. E.* (2006). Path dependence // *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 1. № 1. P. 87-115.
- Park R. E., Burgess E. W.* (2019). *The City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Pierre J.* (2011). *The politics of urban governance*. London: Bloomsbury Publishing.
- Pierson P.* (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. Vol. 94. № 2. P. 251-267.
- Rast J.* (2012). Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis // *Urban Affairs Review*. Vol. 48. № 1. P. 3-36.
- Studer M., Ritschard G.* (2016). What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures // *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 179. № 2. P. 481-511.
- Sampson R. J.* (2012). *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*. University of Chicago Press.
- Tilly C.* (2008). *Contentious performances*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tykanova E., Khokhlova A.* (2020). Grassroots urban protests in St. Petersburg: (Non-) participation in decision-making about the futures of city territories // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 33. P. 181-202.
- Zhel'nina A.* (2022). Bring your own politics: Life strategies and mobilization in response to urban redevelopment // *Sociology*. Vol. 56. № 4. P. 783-799.

Processuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia

Andrei Semenov

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Assistant Professor at the Department of Political Science and International Affairs, Nazarbayev University.

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

E-mail: andrey.semenov@nu.edu.kz

Urban conflicts are usually analyzed in a spatial way — as claims by several parties to transform the physical or symbolic aspects of urban space. However, conflicts, by definition, unfold not only in space but also in time: as a sequence of interconnected events of a certain duration. In this article, relying on the “sociology of processuality” by Andrew Abbott and the methodology for conflict episodes analysis, I consider one of the temporal dimensions of urban conflicts — the ordering of actions in time (sequencing). The selection of analytical tools for analyzing event sequences is carried out taking into account their key features: the “path dependency” (dependence of the current situation on past states of the process) and “plurisectality” (repetition of the same stages in an episode of conflict). The analysis of urban conflict episodes serves as an instrument that allows to track the interactions between the challengers (active citizens) and the initiators of urban transformation projects (developers or public authorities), with the addition of a “fourth party” acting as a mediator or ally of the main participants in the conflict. The database of urban conflicts in Russian cities with a population of over a million built in accordance with this logic, makes it possible to examine the sequences more closely and conduct an exploratory analysis of its variation. Collected data on 259 conflicts show that there are significant differences between cities and conflict types in average estimates of duration, length and intensity of conflicts. An analysis of the sequences in conflicts over the development of recreational areas and infill development also indicates significant diversity in the content of conflict episodes, but the common denominator is the active role of citizens and public authorities, with a much smaller share of the actions of developers and the fourth party. Half of the sequences are short (up to 5-6 actions), while long episodes with a large number of actions slightly increase the likelihood of a favorable outcome for residents. The study contributes to the discussion on urban conflict patterns and their temporal aspects.

Keywords: urban conflicts, contention politics, collective action, processuality, temporality

References

- Abbott A. (1988) Transcending general linear reality. *Sociological theory*, vol. 6, no 2, pp. 169-186.
- Bederson V., Shevtsova I. (2021) Zastroichiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentssii: tipologiya gorodskih rejimov v 2010-e gg. [Developers, party of power and a modicum of a competition: urban regime typology in 2010s]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 285-300.
- Bojar A., Kriesi H. (2021) Action repertoires in contentious episodes: What determines governments' and challengers' action strategies? A cross-national analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 60, no 1, pp. 46-68.
- Carothers T. (2007) The ‘Sequencing’ Fallacy. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 3, pp. 13-27.

- Coppedge M. (2017) Eroding Regimes: What, Where, and When?. *V-Dem Working Paper Series*, no 57.
- Degen M. (2018) Timescapes of urban change: The temporalities of regenerated streets. *The Sociological Review*, vol. 66, no 5, pp. 1074-1092.
- Casper G., Wilson M. (2015) Using sequences to model crises. *Political Science Research and Methods*, vol. 3, no 2, pp. 381-397.
- Jones B. T., Metzger S. K. (2018) Evaluating conflict dynamics: A novel empirical approach to stage conceptions. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no 4, pp. 819-847.
- Kol'ba A. I. (2020) Issledovanie regional'nyh i gorodskih politicheskikh konfliktov: osnovnye koncepty i perspektivy razvitiya subdisciplin [Study of regional and urban political conflicts: the key concepts and prospects for the discipline's development]. *Politicheskaja nauka*, vol. 3, pp. 52-73.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A. (2019) Contentious episode analysis. *Mobilization: an international quarterly*, vol. 24, no 3, pp. 251-273.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A., Altiparmakis A., Gessler T., Hunger S., Pilati K., Schulte-Cloos J. (2021) Introduction: A New Approach for Studying Political Contention — Contentious Episode Analysis. *Contentious Episodes in the Age of Austerity: Studying the Dynamics of Government–Challenger Interactions* (eds. A. Bojar, S. Hutter, H. Kriesi), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 2-23.
- King B. G., Jasper J. M. (2022) Strategic interactions and arenas: A sociological perspective on strategy. *Strategic Organization*, vol. 20, no 4, pp. 810-820.
- Mansfield E., Snyder J. (2007) The Sequencing “Fallacy”. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 3, pp. 5-10.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2002) *Dynamics of Contention*, Cambridge: Cambridge University Press.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2008) Methods for measuring mechanisms of contention. *Qualitative sociology*, vol. 31, pp. 307-331.
- Owens B. R. (2012) Mapping the city: Innovation and continuity in the Chicago School of Sociology, 1920–1934. *The American Sociologist*, vol. 43, pp. 264-293.
- Page S. E. (2006) Path dependence. *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 1, no 1, pp. 87-115.
- Park R. E., Burgess E. W. (2019) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pierre J. (2011) *The politics of urban governance*, London: Bloomsbury Publishing.
- Pierson P. (2000) Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *American Political Science Review*, vol. 94, no 2, pp. 251-67.
- Rast J. (2012) Why history (still) matters: Time and temporality in urban political analysis. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 1, pp. 3-36.
- Sampson R. J. (2012) *Great American city: Chicago and the enduring neighborhood effect*, Chicago: University of Chicago Press.
- Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) Goroda rashodjaših ulic: razvitie gorodskih konfliktov v Rossii 2010-h. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 189-204.

- Studer M., Ritschard G. (2016) What matters in differences between life trajectories: A comparative review of sequence dissimilarity measures. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*, vol. 179, no 2, pp. 481-511.
- Tilly C. (2008) *Contentious performances*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2020) Mnojestvennye scenarii razvitiya gorodskih lokal'nyh konfliktov v Niznem Novgorode: strategicheskaja interakcionnaja perspektiva [Multiple scenarios of urban local conflicts' development in Nizhnii Novgorod: the strategic interactionist perspective]. *Sociologija i obschestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologičeskogo kongressa* (Tjumen', 14–16 oktjabrja 2020 g.) (eds. V. A. Mansurov, E. Ju. Ivanova), Moscow: ROS; FNISC RAN, pp. 2774-2785.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2020) Grassroots urban protests in St. Petersburg: (Non-) participation in decision-making about the futures of city territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, pp. 181-202.
- Wunsch N., Blanchard P. (2022) Patterns of democratic backsliding in third-wave democracies: a sequence analysis perspective. *Democratization*, vol. 30, no 2, pp. 278-301.
- Zhel'nina A. (2022) Bring your own politics: Life strategies and mobilization in response to urban redevelopment. *Sociology*, vol. 56, no 4, pp. 783-799.
- Zhel'nina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal'nye i neformal'nye grazdanskije infrastruktury: sovremennye issledovanija gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and informal civic infrastructures: contemporary studies of urban local activism in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki*, vol. 22, no 1, pp. 162-192.
- Zelnina A. A., Tykanova E. V. (2021) «Igroki» na «arenah»: analiz vzaimodejstvij v gorodskih lokal'nyh konfliktah (sluchaj Sankt-Peterburga i Moskvy) [Players on arenas: analysis of interactions in urban local conflicts (cases of Moscow and Saint-Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki*, vol. 19, no 2, pp. 205-222.
- Zhel'nina A. A., Semenov A. V., Tykanova E. V. (2022) Metodologiya izucheniya gorodskih konfliktov: urovni mashtabirovaniya [The Methodology for Studying Urban Conflicts: Levels of Scaling]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 49-71.

Приложение

Кодировочная схема (инструкция)

База данных «Городские конфликты в России» разрабатывается в рамках проекта «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий». Задача создания базы данных — систематизация информации о взаимодействиях участников городских конфликтов и их исходов. Единица анализа в проекте — *городской конфликт*, понимаемый как *последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими*

властями, застройщикам и другими релевантными сторонами, цель которых — оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства. Внутри конфликта нас интересуют взаимодействия между участниками и сторонами конфликта. Взаимодействие подразумевает реакцию одного актора на действия другого по поводу какого-либо аспекта городского конфликта.

Участники конфликта включают *инициаторов* городских трансформаций (застройщика или представителей власти) и *городских активистов*, которые не согласны с предлагаемыми изменениями. Последняя группа может включать как индивидов, так и их группы, как профессиональных активистов, так и простых граждан, как организованный, так и нет; важно, что они публично проявляют свое несогласие с действиями инициаторов проекта. *Третья сторона* может активно поддерживать одного из участников, либо выступать медиатором в конфликте. Например, политическая партия или НКО может поддержать жителей в борьбе против уплотнительной застройки.

Взаимодействия происходят на определенной *арене* — физическом пространстве с установленными правилами — при помощи *репертуара* — набора возможных действий. Конфликт имеет *исход* — завершение последовательности взаимодействия по поводу данного конфликта, которые подразумевает прекращение взаимодействия между игроками и окончательное решение в отношении изначального проекта.

Таким образом, *единицей наблюдения* в базе данных является действие отдельного актора в отношении другого по поводу анализируемого конфликта. Каждое действие участников и третьих сторон кодируется ОТДЕЛЬНОЙ СТРОКОЙ, в которой фиксируется контекст (общие для всего конфликта переменные), инициатор действия, само действие, на кого оно направлено, арену. На которой действие происходит и ряд других характеристик. Общую информацию по конфликту нужно вводить после того, как составлено окончательное представление о его характеристиках (датах начала и конца, продолжительности, типе конфликта — см. переменные, начинающиеся на conflict).

Конфликт считается *начавшимся* с момента первых публичных действий по оспариванию проекта (акции протеста, заявления в СМИ, открытые письма, судебные тяжбы), *завершенным* — если с момента последних публичных взаимодействия участников конфликта прошел один год (таким образом, если по поводу того же объекта возникает противостояние спустя год, такой конфликт считается новым).

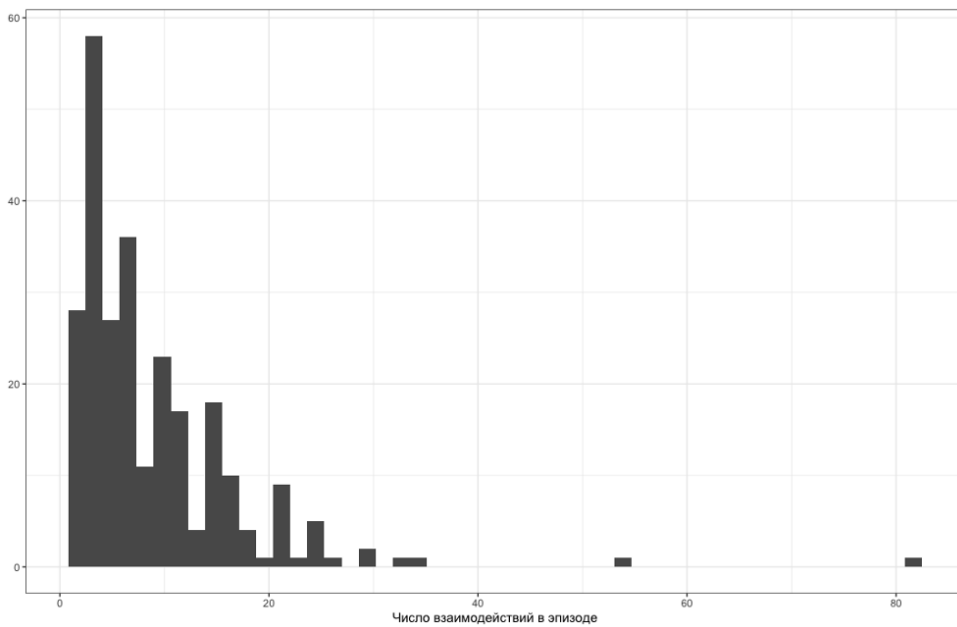

Рисунок. Распределение числа взаимодействий в эпизодах городских конфликтов.

Источник: данные автора

Multipolarization or Cosmopolitanization? Moving Towards an Indeterminate World*

Abbas Jong

Dr. Phil. in Sociology, Researcher, Department of Social Sciences, Humboldt University of Berlin
Address: Universitätsstrasse 3B, 10117 Berlin, Germany

E-mail: abbas.jong@hu-berlin.de

Research Fellow, Department of History of Philosophy, Patrice Lumumba People's Friendship
University of Russia (RUDN University)

Address: Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198 Russian Federation

E-mail: dzhong-a@rudn.ru

In academic and public policy discourses, there is an increasing discussion about the emergence of a multipolar world order. This discussion is supported by statistical data, historical evidence, and concrete facts that highlight the polarization of the world and the waning influence of American hegemony. These narratives often frame the current state of the world as a transition from one certain and determinate order to another. The purpose of this paper is to critically grapple with the concept of world order, which serves as the foundation for many theories in the fields of globalization and international relations. A critical review of the dominant theories of world order and globalization reveals that many of them presuppose the existence of a regulated entity for the imaginary unity of the world, whether positively or negatively. This presupposition is prominent due to the pervasive influence of the epistemological antinomy of foundationalism/anti(non)-foundationalism. By suspending this antinomy and deconstructing the idea of world order, drawing upon the theory of risk society and cosmopolitanization as a new global differentiation force this paper argues that the contemporary world is not moving towards a new, predetermined order but rather towards a state of indeterminacy, uncertainty, and fluidity. The rise of global risks in recent times has instigated a transformational process that has affected various aspects of different societies. This paper argues that understanding and interpreting the current state of the world requires a revision of our epistemology and a shift towards prioritizing the indeterminate that is risk.

Keywords: The World Order, Multipolarity, Cosmopolitanization, World Risk Society, Differentiation, Social Configurations, Indeterminacy, Post-foundationalism

Introduction

Since the early 20th century, amidst the intense competition between European colonial empires, the notion of world order based on the concept of superpowers has gained significant currency in the field of political analysis. Especially after World War II and the emergence of the bipolar international system during the Cold War era, the notion of polarities and polarization has come to occupy a central position in political science (Cox, 1996). Kenneth Waltz's seminal article in the neorealist school, which investigated the stability of the bipolar system, is a classic example of this trend (Waltz, 1964). Subsequently, a variety of works were published that explored the cartography of the world order focusing on the nature, number, and interrelationships of great powers, with polarization as a key area of inquiry (Bueno de Mesquita, 1975; Cox, 1996; de Mesquita, 1978, 1981; Deutsch & Singer, 1964;

* Funding: The research was supported by RUDN University. Project № 100341-0-000

Gilpin, 1981; Haas, 1970; Hoag, 1969; Hopf, 1991; Jackson, 1978; Moul, 1989; Rapkin, Thompson, & Christopherson, 1979; Wallace, 1973; Wayman, 1984). Consequently, the concepts of poles, great powers, and polarization were widely employed in both political circles and the public sphere. In the 1980s, the idea of multipolarity emerged as a crucial element in China's foreign policy discourse (Clegg, 2015; De Keersmaeker, 2017), and it has since gained traction in the academic and political circles of other countries, notably Russia, where it has been extensively discussed and cited in various think tanks (Degterev & Timashev, 2019; Ferguson, 2018). The rise of the global south, along with the emergence of new economies such as Brazil, South Africa, and Turkey, have also contributed to the growing recognition and acceptance of the idea of multipolarity, which has become more pronounced since the first years of the initial decade of the 2000s (Nederveen Pieterse, 2017; Peters, 2022; Rehbein, 2015). At present various global events such as the ongoing Russia-Ukraine conflict, NATO's shift to Eastern Europe and Scandinavia, the escalating tensions between China and the United States, the former's growing power, the rise of new centers of capital accumulation, the construction of new economic routes such as the Silk Road, India-Middle East-EU and North-South corridors with the participation of emerging economies in Eurasia and East and Southeast Asia, intense conflicts in the Middle East — coupled with the growing role of emerging powers, alongside the influential roles played by other global players in this region, the increase in conflicts between the great powers or world power blocs, the rise of extra-regional middle-range powers, the emergence of regional and extra-regional agreements and organizations, as well as the proliferation of regional conflicts, are seen as indicators of the emerging new world order (Ashford, 2022; Biscop, 2022; Brooks, Wohlforth, 2023; Cafruny, Fouskas, Mallinson, Voynitsky, 2023; Chausovsky, 2022; Layne, 2009).

Polarization theories and theories of globalization share a common presupposition. They view the world as a regulated and determinate system comprised of well-organized entities, including states, economic institutions, transnational and global organizations. The primary focus of these theories is to understand and make sense of the relationships between these elements or entities, thereby providing a basis for the cartography of the world order. The latter may be considered either on the basis of economic foundations in the form of the world system (Wallerstein, 2004), the dominance of neoliberalism (Barber, 1996; Clawson, 2003) or liberal democracy (Fukuyama, 1989, 1993), the rise of emerging economies (Nederveen Pieterse, 2017); or on the basis of power foundations (Buzan, Waeber, 2003; Schmidt, 2005; Tammen, Kugler, Lemke, Stamm, Abdollahian, Alsharabia, 2000; Volgy, Corbetta, Grant, Baird, 2011) — in their various meanings — to conceptualize order in terms of the emergence of a global field (Go, 2008), a world society (Meyer, 2018; Meyer, Boli, Thomas, Ramirez, 1997), or the restoration of empires (Steinmetz, 2014). World order may also be based on the foundation of the power of states identifying global multipolar or unipolar modes (De Keersmaeker, 2017; Deutsch, Singer, 1964; Jackson, 1978; Jervis, 2011; Mansfield, 1993; Monteiro, 2014; Rapkin et al., 1979; Raymond, Kegley, 1990); the revival of civilizational states (Coker, 2019); modernization (Marsh, 2014; Ruggie, 1993; Tiryakian, 1992), in the form of a world composed

of multiple or alternative modernities (Eisenstadt, 2000, 2002). Lastly, it could also be viewed on the basis of the global cultural foundation that is converging or diverging more and more (Appadurai, 1990; Featherstone, 1991; Robertson, 1992); as world civilization (Arjomand, Tiryakian, 2004; Wittrock, 2014), or as the clash of civilizations (Huntington, 1996). In general, many of these theories consider different foundations — solid and given—to make sense of their object of inquiry, i.e., the world—foundations that attempt to deal with contraction or expansion, homogeneity or heterogeneity, convergence or divergence, integration or segregation, identity or differentiation on a global scale (Giddens, 1999; Held, 1999, 2010; Held, McGrew, 2003; Jong, 2022a; Nash, 2010; Robinson, 1998, 2001). Criticism of these foundations has also become the main goal of postmodern, constructivist, and post-structuralist theories of globalization (Appiah, 1997; Bauman, 1998; Giddens, 1991; Harvey, 1998; Jameson, 1991; Portnoi, 2016; Ruggie, 1993; Sassen, 1998; Scholte, 2000). Although some of these approaches aim to construct a more broad and flexible perspective on global dynamics, the end result of many of these anti-(non-)foundationalist theoretical efforts is a step towards unfounded epistemological nihilism and the suspension of scientific knowledge and explanations of global relations (Baudrillard, 1994, 1995, 1998; Bauman, 1998, 2000; Lyotard, 1986). Primarily, these two general categories of theories see global transformations as a movement from one order to another, such as the transition from a unipolar order centered on the United States and neoliberal economy, to a multipolar order characterized by the emergence of new powers such as China and Russia, spatial and economic liberalization, and the rise of new regional and extra-regional powers (Barber, 1996; Buzan, 2004; Hiro, 2010; Huntington, 1996; Rapkin et al., 1979; Tammen et al., 2000).

It can be argued that the current state of the world is not entering a determinate order with specific relationships between certain elements, nor is it moving toward a more pluralistic or polarized order (in liberal or realist conceptions of polarization) or toward a groundless and pure anarchy. Instead, the world is experiencing a state of uncertainty and indeterminacy, driven primarily by the collective actions of contemporary humans and communities, and increasingly expanding on a global scale. This indeterminacy cannot be explained solely by positive foundations or pure groundlessness alone. Drawing on the idea of the world risk society (Beck, 1992, 1999, 2007b, 2009; Jong, 2022b) and also on the post-foundationalist approach, this paper attempts to consider the analytical implications of grounding risk and the process of cosmopolitanization of the world (Beck, 1997, 2006, 2007a, 2008, 2011; Jong, 2022a) in comprehending global relations and the world order. How can placing risk — as a representation of indeterminacy — as the basis or foundation for understanding make the transition of the contemporary world into the realm of indeterminacy comprehensible? How is the cosmopolitanization of the world or the globalization of risk and uncertainty reconfiguring the contemporary world, and how will this reconfiguration be understood? This paper aims to show how a certain understanding of the world requires above all the revision and suspension of many dominant analytical categories and approaches in global studies and social sciences.

This suspension will reveal that, although the contemporary world, especially in the first wave of modernization in Western Europe, was supposed to be conceived, reconstructed, and determined on the basis of modern immanent reason, rational institutions, and then science and technology—a modernization that subjected Europe and then the entire world to a fundamental reconfiguration—on another level, this restructuring was accompanied by the emergence of widespread risks and crises, that were themselves triggered by the unintended consequences and side effects of this modernization and its related policies (Beck, 1992, 1997, 1999). Now, under global trends and forces, these risks have become the basis of a kind of cosmopolitanization, a process that has deepened and spread these risks on a global scale (Beck, 2007b). This process has manifested itself in the return, expansion, and deepening of the uncertainty and indeterminacy that were supposed to be suspended, controlled, and structured under rational entities, institutions, and orders such as nation-states, citizenship, mass democracies, technology, secularism, modern economy and education, etc. Now, in the process of the cosmopolitanization of the world and the indeterminacy of these modern structures and their foundations, and especially as a result of their unintended consequences and side effects, these institutions and constructs themselves have become not only a source of risks and uncertainty preventing new solutions or alternative configurations (Beck, 1997, 2002, 2006, 2007a, 2016a; Beck, Levy, 2013). It is also argued that many global phenomena and configurations, which are also labeled and subsumed under categories such as pluralism or multi-polarization, should be considered in relation to the current world risk society. Numerous treaties, alliances, new initiatives, ideologies, regional or global conflicts, or new global and transnational actors, states, powers, and organizations have basically emerged out of the cosmopolitanization of the world. To this end, the paper will briefly review some dominant approaches in globalization studies, elaborate the idea of the world risk society, and finally consider the consequences of making risk the foundation of the cosmopolitanization of the world in both its analytical and concrete dimensions.

Globalization and Approaches of Polarization

The literature on globalization can be divided into two primary paradigms: one views globalization as the spread of neoliberalism with economic homogenization, while the other emphasizes multi-centrism and heterogenization, highlighting new political, cultural, and economic poles like China, Russia, India, Brazil, and others (Held, McGrew, 2007; Hiro, 2010; Hirst, Thompson, 1999; Nederveen Pieterse, 2017; Robertson, 1992; Sassen, 2014). These paradigms interpret globalization as either integration and homogenization or as divergence, fragmentation, and polarization. Moderate theories depict both integration and divergence elements (Appadurai, 1996; Hannerz, 1996; Robertson, 1992), often based on external factors like economy, power, culture, religion, capital, labor, civilization, city, modernization, diasporas, state, migration, etc. These approaches are foundationalist responses to global issues, interpreting the global in relation to external, fixed foundations (Jong, 2023b).

The widespread capitalist expansion and its impact on diverse societies worldwide, along with its various local and national manifestations, are considered indicative of universal neoliberalism (Brenner, Peck, Theodore, 2010; Peck, Theodore, 2015; Woodley, 2017). This paradigm centers on large capitals and their circulations, global capitalist production, and labor division. The world systems theory proposed by Immanuel Wallerstein (2004), for instance, provides a cartography of the current world order based on the center, periphery, and semi-periphery. These theories focus on economy and wealth, with conflict over capital determining dynamics. Radical neoliberalism critiques local, national, religious, or regional entities as false and opposes them to cosmopolitan and universal capital freedom (Keohane, 1984, 1988).

In contrast to the homogenous and materialistic image of the world order, there are also cultural and immaterial theories grounded on foundations such as civilizations, mobilities, soft power, conflicts, and cultural dynamisms. Here, civilization, formulated on the basis of enduring cultural or religious foundations, serves as a ground for understanding different societies throughout history (Arjomand, Tiryakian, 2004; Huntington, 1996; Wittrock, 2014). Modernity in its various manifestations along with the emergence of multiple modernities and diverse modernization patterns, has laid another foundation for comprehending world's transformations, especially in the social sciences after World War II (Eisenstadt, 2002; Giddens, 2013). Power/Resistance dichotomy is another foundation for addressing global order (Chakrabarty, 2000; Cox, 1993, 1996). By making the concept of power plural and multidimensional, some scholars aim to comprehend the reconfiguration of the world through the concept of empire (Cox, 1993; Negri, Hardt, 2000). The field of colonial/post-colonial studies analyzes the history of Western colonization, the struggles of colonized societies, and post-colonial trends in various contexts, drawing on the relations of domination and resistance (Hall, 1992; Nederveen Pieterse, 2017; Said, 1994). In this context, dependency theories emphasize the role of power dynamics such as dominance and subordination in determining the nature of global relationships. These theories prioritize the analysis of these variables to reveal existing power imbalances (Frank, 1966). The concept of development constitutes another foundation that numerous theories aim to employ for outlining a blueprint of globalization (Rist, 2007).

(Neo-)realist international relations theorists highlight the nation-state as an analysis unit, identifying poles, great powers, and their relations (Mearsheimer, 2001; Morgenthau, 1948; Waltz, 1979). This school, along with (neo)liberal approaches (Baldwin, 1993, 2016; Keohane, 1984, 1988), is dominant in globalization studies and international relations. By examining power distribution, these theories define world order based on state dominance and relative power positions (De Keersmaeker, 2017). The world is seen as naturally anarchic, with states as primary actors in ongoing domination conflicts. Global order results from this power struggle, identified through power accumulation, balance, and interstate ratios (Bull, 2002; Mansfield, 1993; Mearsheimer, 2001; Moul, 1989). Stability and durability are key variables for predicting global order (de Mesquita, 1978, 1981; Deutsch, Singer, 1964; Gilpin, 1981; Haas, 1970; Hopf, 1991; Ikenberry, Mastanduno, Wohlforth, 2009; Levy, 1984;

Moul, 1993; Waltz, 1964; Wohlforth, 1999, 2009). Terms like polarization, multipolarity, unipolarity, bipolarity, tripolarity, and polarity configuration describe various constellations, analyzed in cluster polarity and power polarity modes (Stephen G. Brooks, Wohlforth, 2023; Etzioni, 2012; Jackson, 1978; Jervis, 2011; Kopalyan, 2017; Krauthammer, 1990; Monteiro, 2014; Peters, 2022; Rapkin et al., 1979; Raymond, Kegley, 1990).

Cluster polarity mode considers world order branching through power blocs relationships (Buono de Mesquita, 1975; Moul, 1989, 1993; Raymond, Kegley, 1990; Wallace, 1973). 'Polarization' refers to alliance bonds within systems. A highly polarized system has tightly bound states, while a less polarized system lacks such ties or has cross-cutting ties (Wayman and Morgan, 1993). Cluster multipolarity features evenly dispersed states with cross-cutting loyalties (Wayman, 1984). Cluster polarity is based on bonds, transactions, and conflictual or cooperative interactions (Rapkin et al., 1979). Analyses often cover military alliances, diplomatic relations, international organizations, intergovernmental cooperation, and trade.

In power polarity mode, analysis identifies superpowers or poles and their relationships to other states (Huntington, 1999; Layne, 1993; Mansfield, 1993; Mearsheimer, 2001; Waltz, 1979, 1993; Wohlforth, 2009). Variables like GDP, military expenditures, regional power, and soft power identify superpowers, defining polarity configurations based on their relationships (Brooks, Wohlforth, 2008; Gilpin, 1981; Ikenberry et al., 2009; Ikenberry, Mastanduno, Wohlforth, 2011; Modelski, 1987; Tammen et al., 2000; Thompson, 1986; Wohlforth, 2009). De Keersmaeker (2017) distinguishes numerical and hierarchical power polarity. Numerical polarity is based on the number of great powers (Hopf, 1991; Monteiro, 2014). Hierarchical power polarity differentiates great powers and polar powers, defining unipolar, bipolar, and multipolar orders (Ikenberry et al., 2011; Pape, 2005; Paul, 2005).

In the field of international relations, scholars often use the concept of polarity configurations to analyze and categorize historical periods (Buzan, 2004; Hopf, 1991; Levy, 1984; Rosecrance, 1963; Wagner, 1993). After providing definitions and explanations of these terms, researchers often revisit various historical periods through this analytical lens. For example, the pre-World War II era is widely considered to be multipolar, consisting of several colonial empires. Meanwhile, the period after World War II until the collapse of the Soviet Union is defined as the era of bipolarity, with the United States and the Soviet Union serving as the two superpowers. The period from 1991 to 2009 is mainly referred to as the era of unipolarity, with the centrality of the United States of America and neoliberal capitalism. However, the emergence of China and Russia as major global players, as well as the formation of new international organizations, such as BRICS and the Shanghai Pact, mark the beginning of a new multipolar era in international relations (Haass, 2017; Keohane, 1984; Walt, 2018).

These approaches often prioritize a state-centered perspective with Eurocentric and colonial biases. They emphasize material aspects of power and are defined by methodological nationalism and different kinds of centralism (Jong, 2023a). These theories are limited as they focus on early modernity in Western Europe and North America, ignore cultural differences, and oversimplify global relationships as cooperative or conflictual.

In opposition to the aforementioned schools of thought, postmodern or post-structuralist approaches seek to deconstruct dominant power/knowledge structures to reveal a fluid and pluralistic reality that lies beneath them. Such analyses often argue that grasping transnational and global phenomena on a macro level is epistemologically unattainable. Instead, they prioritize understanding micro, singular, and local phenomena. Additionally, they may suggest to explore the dynamic interplay between local and global factors (Appadurai, 1996; Bauman, 1998; Hannerz, 1996).

The contemporary world, however, is characterized by the growing importance of indeterminacy and the role played by global and transnational phenomena and relations, which necessitate a more nuanced and realistic understanding of their fluidity and unevenness. Despite this, many theories of globalization that rely on fixed and theoretical categories fail to capture the complexity of these phenomena, leading to distorted and biased conceptions in academic and political spheres. Complicating the conceptual and theoretical models of global entities and relations, while maintaining dominant cognitive categories, presuppositions, theories and constructs in the field of international relations and social sciences, may indeed yield certain cognitive benefits. However, understanding the dynamics and profound transformations in the global context requires not merely the alteration or sophistication of models or the addition of new variables. Instead, it necessitates a cognitive transformation and an examination of the actual condition on a global scale — a situation entangled in perpetual and intense interplay, where a regional variable scale can bring about extensive transformations. These indeterminacy, interconnectiveness and fluidity often lead to the suspension of many established cognitive constructs and categories. After the construction of a specific category (such as a nation), this concept quickly loses its connection to the corresponding reality — which itself is uncertain and fluid— after the passage of time or with a change in space. Ulrich Beck refers to these as “zombie categories” (Beck, 2002). On the other hand, the basis of this global condition implies no definite postulates of a world order, but rather the transformation of the world and an intimately connected profound change. Consequently, many social entities and institutions amidst a highly dynamic and uncertain environment ground their actions and existence on fluid and partial foundations. As a result, many of these entities and institutions also transform into “zombie categories” (Beck, 2001, 2002). However, the fundamental question raised in this context is, firstly, how one can highlight the perpetual global indeterminacy at the ontological level. Secondly, how, through suspending established categories and prevailing assumptions, can social phenomena and relations be conceptualized according to their inherently indeterminate nature?

Therefore, a more nuanced approach is required to overcome these limitations and achieve a more accurate and comprehensive understanding of contemporary transnational dynamics. As noted earlier, in almost all of the aforementioned approaches, foundations such as economy, wealth, capital, modernity, power, etc., are considered grounds for identifying world order. The foundations are depicted as central elements which global actors and forces are in constant struggle to attain, a struggle over the goods that serve as the foundations of world order. In the existing literature, states and interna-

tional organizations are commonly portrayed as the primary entities or actors, whereas transnational, contingent, indeterminate, fluid or unknown elements or events are often overlooked or dismissed as secondary or disruptive forces. Given the indeterminate and uncertain nature of these phenomena and relations, comprehending global occurrences necessitates the use of a distinct conceptual framework that can contextualize them on a global scale and in relation to other phenomena. Therefore, these theories require some sort of ontological shift in the way we understand the current state of the world. Subsequently, this study will examine the world risk society and the cosmopolitanization of the world as the foundation and crucial force of the current global structure. Finally, the construction of global realities in the contemporary world risk society will be outlined, and the implications of this repositioning will be discussed.

World Risk Society and Cosmopolitanization as a New Global Differentiation Force

The current state of the world, which has undergone profound communication and cyber revolutions after comprehensive modernization, implies neither convergence nor divergence. What is increasingly evident is the deepening of cosmopolitanization. This phenomenon is not the result of either homogenization or the expansion of heterogeneity based on conflicts over the distribution of goods such as capital, power, or hegemony. Rather, cosmopolitanization is a response to various threats and risks that affect the entire world. According to Ulrich Beck, this situation marks the emergence of the “world risk society” (Beck, 1992, 1999, 2009), in which social relations and structures are shaped not only by interests and conflicts over goods, but also by reactions to adversity and risks. In this society, risks and uncertainties have arisen not from nature itself but as a result of the collective actions of modern humans in their efforts to rationalize and scientifically reconstruct the order of nature. Now, after experiencing different kinds of modernization, threats and risks have returned from the unintended consequences and side effects of human actions (Beck, 1992, 2007b; Jong, 2022b).

Contemporary society faces a plethora of global challenges, including severe environmental crises, the neo-colonial exploitation of indigenous communities, financial crises, the re-emergence of destructive modern ideologies such as Islamism and neo-Fascisms, food crises, terrorism, profound global inequalities, regional wars, the unintended consequences of the globalization of cyberspace, transnational criminal networks, massive migration flows, and more. These issues are the unintended consequences and side effects of modern societies' collective actions on a global scale (Beck, 1999).

Contemporary society faces a plethora of global challenges, including severe environmental crises and degradation, the new global regime of neo-liberalism (which, like the post-Cold War era, seeks to present itself as the sole force for progress and democracy, positioning itself against other parts of the world and establishing a new divide between the democratic and non-democratic worlds through a regime of foundationalist differentiation), financial crises spreading rapidly across borders, the re-emergence of destructive

modern ideologies such as Islamism, neo-Fascisms, etc., food crises, terrorism, profound global inequalities, regional wars and conflicts, the unintended consequences of the globalization of cyberspace, the rise of transnational criminal networks and cartels, massive migration flows, and much more. All of these issues are the unintended consequences and side effects of the collective actions of modern societies that now extend on a global scale (Beck, 1999).

The important point about these crises is that their effects and consequences do not remain confined to a local or national geography; they are immediately unbound and take on a transnational and global character (Beck, Sznaider, 2006). A virus outbreak in one city in China can quickly affect the rest of the world. Environmental crises in one country can restructure the political geography of the region. The spread of global mass cultures and communication technologies is changing the configuration of nation-states worldwide. Regional tensions have significant global implications. Financial turmoil in the United States could send ripples through the global financial system. Political strife in Germany can affect European Union and NATO policies. Regional conflicts shape global migration patterns. This is not an exhaustive list, and many more examples could be cited. The world is on the verge of a new reconfiguration due to the globalization of risks and uncertainties. This novelty implies a new order of things where indeterminacy and uncertainty are its main pillars (Beck, 2016a). Despite its diversity, modern civilization has been strongly influenced by global risks (Beck, 2007b). As a result, societies are currently undergoing reconfiguration based on their national and local settings (Jong, 2022b). This reconfiguration can be understood on the basis of a negative foundation (as opposed to positive foundations or groundlessness), which is risk or indeterminacy. Consequently, newly constructed social relations experience considerable fluidity, constant metamorphosis, and fundamental uncertainty. This indeterminacy is difficult to grasp in both social sciences and policy-making.

Understanding contemporary societal transformations requires grasping global developments over the past three centuries. Modernity and its subsequent globalization have been divided by social theorists into two stages: First modernity and Second Modernity in Western Europe and then globally (Beck, 1992, 2016b; Beck, Grande, 2010; Giddens, 2013). The First Modernity emerged from the European Enlightenment, bringing significant social and political transformations such as industrial revolutions, urbanization, nation-states, and colonialism. This modernity was based on the idea of self-determined and immanent reason, where modern man, in the era of secularism, perceived himself as a God-like figure. He believed that with modern science, technology, and reason, he could conquer and control nature, directing it towards progress. Thus, European man's relationship with nature underwent a significant transformation during the Enlightenment, forming the basis for the new age. Science and technology gradually became the primary tools of human will, leading to modern societies and institutions. The first wave of modernization was nation-state-oriented, aimed at reconstructing human societies based on national units. These units deeply restored local, ethnic, and religious entities, while many European nation-states exhibited colonial characteristics, occupying many regions of the world. Thus,

the two oppressive forces—one for resocialization and building national structures and institutions, and the other for exploiting other societies—were the driving forces behind modernity's path towards progress and welfare (Beck, 1992, 1999).

Despite considerable progress, the world in the 20th century, especially after the two great wars, has undergone significant changes leading to a new age of global transformation. Many scholars refer to this era as liquid modernity (Bauman, 2000), late modernity (Giddens, 1991), late capitalism (Jameson, 1991), and similar terms. In the Second Modernity (Beck, 1992, 2016b), modern men face the consequences and side effects of their actions, shaped by the dominance of immanent reason, modern science and technology, and the construction of rational institutions. The second wave of modernity is characterized by a transition from formal rationality to an indeterminate realm, where everything is subject to metamorphosis and fluidity. The current crisis can be seen as an intellectual crisis, specifically a crisis of modern rationality. In this new era, the secure foundations of modernity have been challenged and threatened.

Ulrich Beck argues that the emergence of the risk society is the most significant consequence of the Second Modernity. This society has three fundamental characteristics (Beck, 1992). First, it is formed around the distribution of negative elements and their avoidance, rather than competing over positive factors. Second, individualization, resulting in fluidity and permanent indeterminacy, is considered the most dominant force instead of socialization. Third, labor and economic relations have undergone a significant transformation, entering a state of indeterminacy. In the risk society, risks and threats gradually dominate capital, wealth, and power, particularly in their material sense. Consequently, as argued by Beck, power and capital are reconstructed and relocated in response to risks (Beck, 1992, 1999, 2007b).

In the past, modern societies aimed to control threats and risks posed by natural disasters such as floods, earthquakes, droughts, or forest fires through science and technology. Now science and technology have become primary sources of risks and uncertainties. With each human endeavor aimed at progress, unintended consequences and new risks arise. A sense of pessimism and fear has become ingrained in all actions (Jong, 2022b; Krahnemann, 2011). For example, the construction of a dam to control flooding and water accumulation in one area can cause environmental problems for other residents. The expansion of agricultural land using new technologies has led to various forms of biological and environmental pollution worldwide. Nuclear energy, once envisioned to provide a stable power source, has now emerged as the greatest hazard and threat to human civilization. Consequently, the element of risk significantly impacts the expected outcomes of any policy or action. Contemporary institutions such as the state, universities, global economic relations, and urbanization, instead of facilitating new opportunities and amenities, have posed numerous challenges to diverse societies, thereby deviating from their fundamental character. Social actors are constantly engaged in averting crises rather than competing for capital.

The risk society is also characterized by unbridled individualization, manifesting in various ways (Beck, 1992; Beck, Beck-Gernsheim, 2002). The proliferation of new risks,

crises, and conflicts has exposed many existing social institutions to existential threats, challenging their ability to fulfill their intended functions. In the First Modernity, social institutions were structured around nation-states, which served as the primary structural platforms for social actions and practices. In the Second Modernity, these institutions and entities have faced new challenges. Previously, social actors were integrated by learning their roles in various positions and institutions synonymous with national society. However, in the risk society, the spread of risks on a large scale has challenged these institutions, and social actors are forced to face issues and problems alone (Beck, 1999, 2007a; Beck, Beck-Gernsheim, 2002).

In the absence of institutional support, individuals are forced to formulate and carry out their life plans alone, resulting in the kinds of fluidity, temporality, uncertainty, indeterminacy, and ambivalence that dominate social practices. While these fluidity and indeterminacy give social actors a new agency and subjectivity in the world at risk, they have also institutionalized a kind of permanent reflection in their actions (Beck, 1992, 1999). In the risk society, individuality, the individual and individualization take precedence over society, the social, and socialization. In a state of deteriorating dominant institutions, individuals become increasingly isolated, and many identifications and social groupings are suspended. Modes of being and belonging are put into a fluid state, and instead of bounded and homogeneous social entities, we are faced with hybrid and heterogeneous configurations that emerge momentarily based on the goals and interests of particular actors and on specific foundations. These configurations are not only formed in national platforms but can occupy different spaces and times with various degrees of stability and durability (Jong, 2022a).

Fluidity and indeterminacy's impact extends beyond social institutions to labor and economic relations. The traditional labor-capital relationship dominant in early modern economic systems has been disrupted by capital fluidity and work precariousness, fostering instability. Factors like cyberspace expansion, high technology proliferation, transnational corporations' emergence, and labor-oriented industries' relocation to the global South have contributed to work and economic organizations' de-standardization. Expertise and education alone can no longer ensure a secure career in the risk society (Beck, 1992).

In the shadow of globalized modernity, this risk society has also acquired a global condition, and it is not a society that can be immune to the undesirable side effects and destructive consequences of modernization. As Ulrich Beck puts it, the two main outcomes of the global risk society are the emergence of reflexive modernity and the cosmopolitanization of the world (Beck, 1992, 1999, 2006, 2016a). Under conditions of declining authority in institutions such as the state, the family, the economy, religion and culture, individuals are forced to carry out their practices reflexively and in highly fluid situations. Ulrich Beck posits that reflexive modernity involves a dual process of inventive self-deconstruction and reconstruction of industrial, national social forms and formations such as class, occupation, gender, family, and economy (Beck, 1997). The first component of reflexive modernization is the encounter with risks that are incompatible

with the standards of industrial society (Beck, 1994). In the risk society, industrial hazards proliferate, but responsibility and control standards cannot be established due to the incomprehensible nature of risks and threats. The ongoing process of reflexive modernization leads to the emergence of a second dynamic, which involves the reconstruction or re-modernization of society with new forms of subjectivity, individuality, family, capitalism, state, labor, and globalization (Beck, 1994; Beck, Bonss, Lau, 2003; Rossi, 2014). In this context, individuals serve as the creators and agents of categories, boundaries, and risks, and bear their consequences. Society is constructed and reconstructed through self-selecting, self-defining, and self-organizing activities. Accordingly, the distinguishing features of reflexive modernity encompass ambivalence, contradiction, and the internalization of indeterminacy (Beck, 2016a).

Risks and threats are impartial towards ethnicities, nations, states, economies, races, genders, religions, etc. This means that global warming, for example, impacts all societies, irrespective of their local and national characteristics. While the responses of distinct societies to these threats may vary, there is no escape from these crises in the conditions of highly developed global communication and connectivity (Jong, 2022b). The presidential election in the United States or the power struggle in China can significantly affect global and national economies. Risks have the potential to either deconstruct or reconstruct many of these categories and their related social entities creating different meanings of belonging and being, as well as social and political boundaries. Therefore, economic actors have to acknowledge the role of global and transnational risks in their practices. Globalization and the dissemination of risks have provided the groundwork for the cosmopolitanization of the world (Beck, 2008; Jong, 2016b, 2016a, 2022a; Selchow, 2016). This cosmopolitanization implies the increasing influence of worldwide and cross-border factors on national and local entities. There is no social phenomenon that can be immune to these pervasive effects (Beck, 2011). On the other hand, reacting to these transnational trends is beyond the powers of a sole nation-state, a superpower, or an economic or political entity. According to Beck, if the First Modernity was focused on national level, the Second Modernity is essentially cosmopolitan (Beck, 2006, 2007a; Beck, Levy, 2013).

It can be argued that cosmopolitanization is a new differentiation force in the risk society, a process that places separate, scattered, and unrelated global constituents in lasting and mutual relations (Beck, 1992, 1999). However, this is not a simple and ordinary interrelationship, as globalization theories have attempted to address it. Instead, it implies the emergence of a new global trend that takes apart the separate and regulated territories, promotes their close interaction, and puts them in a state of uncertainty and fluidity. While acknowledging and maintaining differences, and by heightening the transnationality, indeterminacy and interconnectivity, the process of cosmopolitanization leads to increased dependencies and connections through various transnational and global configurations. This process often results in widespread confrontations between distinct entities and identities on a global scale. These distinctions now come into conflict with the dominant national or economic categories and boundaries. In general, the cosmopolitanization of reality involves three interdependent aspects: the prevalence of risks,

the diffusion of uncertainty, and the entanglement of lived realities, cultural practices, experiential realms, and anticipated futures (Jong, 2022a; Selchow, 2016). The impact of this new differentiation force, which operates on a global scale, extends beyond the old confines of nation-states, traditional institutions and dominant settings. As a result, there is a perpetual fluidity countering the old categories, actors, and units such as the state, nation, society, culture, etc., on a global scale.

Cosmopolitanization and Global Configurations

Taking the cosmopolitanization as the ontology of the contemporary world will entail many epistemological and normative implications for the field of global studies (Jong, 2022b). What manifests itself more than anything in the world risk society is the prevalence of uncertainty, indeterminacy, and fluidity on a global scale—the indeterminacy that was supposed to be suspended and controlled in the form of rational institutions and systems such as nation-states (Beck, 2016a). Now, with the globalization of risks and the re-dominance of uncertainty and indeterminacy, many modern structures are under serious threat, and the world order is on the verge of a new configuration around the new foundation, that is, avoiding new risks. In this new order, many relations, institutions, and actors that had a positive and constructive role in the past have now not only lost their function but have become the source of different kinds of threats and crises. Now, in social theory, with the suspension of foundationalist or anti/non-foundationalist approaches indeterminacy and risk should be placed as central categories in the understanding of the contemporary world.

To ground risks and uncertainty as the bases of the present is to lay a permanent and incomplete foundation in the construction of social phenomena. In addition to a clear understanding of contemporary order and developments, this shift will have many political and historical implications. Through this effort, which is well formulated in the post-foundationalist approach (Jong, 2023b), indeterminacy is incorporated into making sense of social and global phenomena. In post-foundationalism, global phenomena are seen as configurations at the level of particularity, something between singularity and universality, actualized in a constellation of relations under certain conditions of possibility. This approach dissolves the dichotomies of the local versus the global and the singular versus the universal, as social configurations emerge in an ongoing process at different moments, scales, and with different determinations and inclusions, as relatively autonomous entities (Jong, 2022a, 2023b). These configurations are fundamentally determined by the historical and social conditions, a contingency that implies the incompleteness of the foundations that constitute them. This contingency also means that the actualization of one configuration requires the non-realization of other possibilities and configurations. Social theory also only has access to the moment of determination of these temporal and spatial configurations, which display different levels of stability and duration, or, in other words, different determinations. Therefore, we do not have a given transhistorical phenomenon or category.

The most important epistemological outcome of the priority of indeterminacy is that many existing theories of the world order and globalization are seen as temporary analyses formulated about temporal and spatial configurations, analyses that are relationally valid only for some orders of things. When discussing the unipolar world and American supremacy after the collapse of the Soviet Union, the primary questions that arise are: in what areas, in what places, at what times, and in relation to what actors and fields has this supremacy been established? Are we referring to the power of the state, the nation-state, the economy, the hegemony, and the military power of the United States of America? Principally, is the category of power a definite and calculable category? With the predominance of indeterminacy and relationality it can be shown that at the height of U.S. military power and the space occupations that this country carried out around the world, it suffered from very serious environmental, cultural, and economic challenges. To what extent has the power of the United States varied in the regions of the Middle East, East Asia, and Europe? Yes, based on a state-centric, Eurocentric, and essentialist approach to world power, there are different states with different accumulations of power that enjoy diverse abilities to exercise dominance. But can the cultural power of America be basically measured and compared with the cultural power of China and Russia? Why does it seem that the cultural power of an Islamist group like the Taliban still dominates the cultural power of the US after nearly two decades of occupation in Pakistan and Afghanistan? Is China's emergence as a rising power centered on the economy, or should this power be seen as heterogeneous and uneven?

On the other hand, in many homogenous and foundationalist analyses, as mentioned earlier, the materialist conception of power is the basis for making sense of the world order. However, the numbers are deceiving. For example, when many studies refer to Saudi Arabia or Qatar as emerging middle and regional powers, they point to their high GDP, their military expenditure, and their security agreements with great powers (Wastnidge, Mabon, 2022). But these so-called military powers could not achieve the slightest success in any of the regional conflicts in West Asia. Saudi Arabia lost almost all conflicts in Lebanon, Syria, Iraq, and Yemen that were involved in proxy wars as Iran's allies. Meanwhile, Iran, as a country under the most severe international sanctions and the deepest governance and economic crises, has been the winner of all these wars. More than anything, the power of Iran or Saudi Arabia will be relationally comprehensible within a constellation of various relations and factors. Therefore, the IRI can pose a serious challenge in the Middle East and, in certain periods, to the strongest army in the world, that is, the United States, a challenge that can be understood not in terms of military and security conflicts but in a network of religious, economic, technological, environmental, and political relations.

It can be argued that the world has never been unipolar, bipolar, or multipolar (Brooks and Wohlforth, 2023; Calleo, 2009; Etzioni, 2012; Schroeder, 1994). In fact, understanding the world based on the category of polarity is itself a manifestation of modernity's essentialism and foundationalism. Maybe in the minds of emperors, rulers, dignitaries, governors, dictators, soldiers, or philosophers, analysts, politicians, and sociologists, the

world is regulated, but the examination of historical and social facts reveals something else. This systematic and totalitarian modern mentality (and all its material and cultural manifestations) was itself a basis for the destruction of the world that, over the centuries, had generated colorful and rich traditions in multiplicity and fluidity, traditions that arose from different ways of perceiving and relating to nature. Now that this totalitarian mentality has infiltrated the entire contemporary world in various forms, it has become the greatest threat to human civilization. These threats and risks have unmasked this most destructive human creation, and perhaps this serves as a basis for restoring human civilization and reconstructing its relationship with nature.

Many contemporary configurations have come to the fore more directly as a result of the world risk society and the globalization of risk. These configurations are predominantly global and transnational in nature, resulting from the cosmopolitanization of the world (Hannerz, 1996; Jong, 2022a). As noted above, this process is characterized by indeterminacy, fluidity, and uncertainty, rendering inaccurate the notion of a world consisting of precisely bounded, regulated (inter)national units, which is a common feature of dominant political and social science theories. Moreover, such theories have ignored and excluded many active social, political, and economic actors in the local, transnational, and global spheres.

In the process of modernization and the emergence of nation-states, certain forces have been excluded and marginalized, often labeled as non-national, abnormal, local, traditional, transnational, or religious (Calhoun, 1997). However, cosmopolitanization has led to the re-emergence or reconstruction of these groups and forces along with new elements and actors, resulting in the expansion of a world that challenges the stability and determinacy of established entities (Beck and Levy, 2013; Beck and Sznaider, 2006). Replacing the defined and given social categories or entities with the idea of social configurations can be an epistemological solution to overcome the problem of considering and incorporating indeterminacy in social or political theories in the age of cosmopolitanization. Unlike regulated, standardized, fixed, and determined social entities such as state, nation, institution, family, etc., or given and prior categories such as culture, religion, migration, economy, the world, etc., social configurations are indeterminate and posterior units that are formed as a result of the engagement of different actors at different social levels with different goals around certain categories (Jong, 2023b). These actors may enter into interactions and relationships to meet some needs, to pursue certain interests, or in response to structural conditions. The participation of actors in social interactions necessitates their positioning in pre-existing social structures and the acquisition of relevant social roles. This acquisition process involves exposure to, familiarity with, internalization of, and subsequent action in relation to other actors, elements, and institutions (Wimmer, 2002). The culmination of these interactions and practices is the establishment of a network of relations centered on constructive categories that emerge from mutual interactions between actors and persist in a continuous process of grounding. The typologies and orders of categories and their discursive articulations serve as the basis for different regimes of boundaries and the creation of diverse social entities

or configurations. The grammar of these configurations, characterized by their fluidity, relationality, and indeterminacy, ultimately determines their quiddity and characteristics (Jong, 2023b).

As noted above, these configurations are built on different foundations, but these are incomplete, non-given foundations that have been partially determined in a constant process of grounding under special historical conditions. Therefore, these configurations display different levels of determination. The only thing that the researcher or analyst has access to is the moment when these configurations are determined. Thus, these configurations are fundamentally contingent and were determined under specific conditions of possibility. It is crucial to consider these conditions in order to understand them. The contingency of these configurations and the incompleteness of their foundations indicate that this determination is accompanied by the indeterminacy of several other possibilities. This impossibility should also be included in the analysis of social configurations. This means that when a social configuration finds an economic articulation in terms of categories and their orders, other foundations and characteristics become impossible. This impossibility will have various consequences. These configurations can have different degrees of stability, durability, and scale depending on the categories and relations that dominate them. A configuration may be formed at the national level but have transnational implications (Mosleh and Jong, 2021). A configuration may be economic and transnational. But it immediately becomes globalized on another level and takes on a cultural character. It may be that a configuration that presents itself as a nation because of its size, stability, and longevity, may also present itself at another level as a short-term economic community in cyberspace, involving various actors from around the world. All these features are comprehensible *a posteriori* and by empirical as well as historical study of the configurations, their relations, and grammar, as well as their connection with the structural foundations and other configurations. Examining these relations involves both empirical and historical investigations. Rather than relying on the dominant comparative approaches in the social sciences, these configurations can be compared using non-foundationalist and non-essentialist methods, such as family resemblance. The degree of particularity within these configurations and their components can then be identified in relation to each other (Rehbein, 2015).

Consequently, in socio-political analyses, social configurations can be examined at three levels. The first level involves examining the conditions of possibility of their emergence, which encompasses considering their contingency, historical context, and demonstrating the specific and partial foundations upon which their existence is grounded. The second level involves analyzing the construction of these configurations, encompassing the identification of their cognitive compromises, category constructions, orders of category, and discursive expressions. The third level entails taking into account the concrete determinations and tangible consequences related to the construction of these configurations in the form of generating various collective identities, social groupings, collective actions, and social, political, cultural and economic realities and forces at various scales (Jong, 2024).

Using the idea of social configurations to comprehend the world system in the era of cosmopolitanization reveals that numerous actors and forces that were previously marginalized due to the ontological and epistemological supremacy of the regime of the nation-state, the imperialist episteme, and modern political science are once again brought to the fore (Connell, 2007; Jong, 2023a). An example of this is the element of religion, which has been marginalized as an epiphenomenon by the dominant understanding of secularism in modernity (Hurd, 2008). But in the era of post-secularism, religion has been able to serve as a foundation for the construction of different kinds of social configurations with the presence of various actors, from states and institutions to religious authorities and religious or non-religious actors (Jong, Entezari, 2023; Sheedy, 2021). With the spatial liberation of the Middle East from the occupation of the United States, as a concrete example, especially after 2009, the Shiite religion was able to enter into a new configuration and became the basis for the construction of various realities and sub-configurations that were beyond states, national entities, and even traditional religions. These configurations include various actors, from states, institutions, and organizations, to military forces, pilgrims, merchants, and religious authorities. Despite attempts by some states in the region and even Shiite authorities to appropriate this configuration according to their national, ideological, and local interests and within the framework of their desired power structure, their efforts did not yield concrete results. During the post-colonial period and the emergence of new nation-states in the region, numerous transnational Shiite networks were dismantled. After the fall of Saddam and the withdrawal of the United States from Iraq in 2009, these networks were reconstituted within new coordinates. In one of the new rituals in Shiite Islam, more than 20 million Shia pilgrims from around the world gather each year to participate in the Arbaeen rally at Shiite shrines in Iraq. A somewhat similar pattern can be seen in Buddhism in India (Gears, 2014) and in Sufi orders in Africa. Therefore, in the cosmopolitanization of the world, social configurations are formed around plural categories (not only power), with the presence of different actors (not only states), and with different relations and grammars. These configurations display varied degrees of stability, durability, and determination.

Indeterminacy is a central feature of global configurations, meaning that while they may be rooted in existing institutions and entities, they simultaneously transcend them, suspend many of their categories and reconstruct different entities with different characteristics (Jong, 2022a). The primary characteristic of these entities is their fluidity. On the other hand, highlighting the diversity of relationships among the various actors that make up these configurations emphasizes that, for example, the Chinese government is only one actor among thousands of other actors in China, Asia, or the whole world, and many forces. In principle, China's power also has different implications in different configurations and relationships. Different types of relations exist between the actors in these configurations, ranging from cooperation and competition to conflict and dialectic, in different times and spaces. The American regime of power/truth presents itself as a global pole, while at the same time characterizing its rival and others as dangerous rising

superpowers. This is clearly evident in the Sinophobic, Russophobic, and Islamophobic Anglo-American (NATO) policies (Said, 1997; Tsygankov, 2009; Xiang, 2022).

As a result, the idea of a world order with defined and determinate entities and rational actors, and diverging or converging forces, gives way to a domain composed of limitless configurations of active and inactive actors, simultaneously participating in multiple configurations, playing different roles and occupying different positions. Consequently, many of these actors, forces, relations, and categories are conditioned by the configurations. On the other hand, these configurations are themselves contingent and relational, taking shape and undergoing transformation in different coordinates. Perhaps terms such as unipolar, bipolar, great power, hegemonic, rationality, coloniality, etc., can be employed to understand certain (not all) configurations (in terms of their internal and external order) in specific times and places. It is precisely in the dominance of indeterminacy, both ontologically and epistemologically, that the true nature of the world pulsates.

But it is the case that in a global configuration with an economic foundation, the Chinese state may have a superior position to that of the American government. In different configurations and at different times, they may be in cooperative relationships, while in different instances they may be in competition. For example, in a cultural configuration covering a large geographical area, cultural actors may be even more powerful than the states. On the other hand, these cultural actors may be in a cooperative relationship in many respects, but the states related to them in the same configuration, or in another configuration with a different foundation, may be in conflict. The entity of the European Union is also a good example in this regard. The EU consists of thousands of configurations of different actors and forces that are in a variety of relationships with each other, relationships that leave aside the image of a homogeneous unity of European countries. The salient point is that all these relations and properties are indeterminate and meaningful in relation to a particular configuration and the conditions of possibility. In the context of transnational configurations, it is worth mentioning the configurations that emerge from the interaction of migrants from different backgrounds, along with cultural, political, and economic institutions, and actors in different parts of the world. Despite their presence in particular nation-states, these configurations transcend national borders and form a new entity at another level (Jong, 2022a). This feature is well traceable in cyber configurations where the category of location or place is suspended at a high level. The nature of relations, the type of categories, and their orders, implications, and consequences at different local/global levels all depend on their configurations and specific characteristics. Therefore, no universal concept, category or theory can comprehensively elucidate the order or type of these configurations at different scales.

In the age of cosmopolitanization, the concept of social configuration emphasizes and gives priority to local cultures, recognizing their civilizational potential. This concept has the epistemological capacity to dismantle the totalitarian and Eurocentric conception of modernity. Moreover, by suspending the dominance of the nation-state, it opens up the potential for the emergence of diverse global actors. It is important to note that the U.S. may only be a superpower in a certain worldview. But the idea of social configurations

suggests that the world is made up of numerous actors with different relationships and categories constructed in indeterminate ways across different times and places. Therefore, we can discuss the geography of technology, culture, religion, and knowledge, etc., each indicating a facet of contemporary human civilization. In an era of globalized risks, we also face new global configurations emerging as a result and in response to these risks. Many new societies, economies, technologies or power regimes have emerged due to risk as their foundations, at various levels. These are the new maps of risk in the age of cosmopolitanization. In principle, polarization, which implies the multiplicity of power and sources of power and the emergence of new actors on the global stage, is itself a consequence of world risk society and one of several reactions to or reconfigurations of it.

The establishment of the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS came about as a result of the risks posed by the new regime of neoliberalism, which aims to subjugate other societies and homogenize the world in accordance with its own imperialist interests. It employs various sanction regimes to achieve its goals. Cosmopolitan communities have also emerged in response to environmental risks at the transnational level (Beck et al., 2013). Transnational religious networks have been restored to mitigate the risks posed by modern economic systems and state alliances (Clart, Jones 2020). The logic behind the establishment of international institutions is also to address threats on a global scale. Coronavirus can easily cross national becoming the origin of numerous transnational configurations (Mosleh, Jong, 2021). This pandemic has revealed the different but true maps of the contemporary world. Environmental issues in Latin America (Vara, 2015) or in the Middle East region can create new configurations where states act destructively against non-state actors who seek to address these crises in different ways. Similarly, the water crisis and extensive droughts have become the basis for the deconstruction and reconstruction of different configurations. Slums in the Global South, global metropolises, or even refugee camps, and other manifestations of subaltern cosmopolitanism are examples of configurations that have emerged due to the globalization of risk and the suspension of many boundaries and categories of cultural or economic regimes (Zeng, 2014). None of these configurations is a mere juxtaposition or simple hybridization of categories; rather, within these configurations categories take on new meanings and implications that transcend many established norms, categories and boundaries.

Conclusion

Global crises and risks have shown human beings how their lives, destinies, and survival are intertwined—a survival that is facing a critical challenge. The contemporary world, born of globalization, needs a new reconfiguration. An important first step in reconfiguring the world is to understand its true characteristics. One of the initial efforts to uncover its true nature involves the suspension of many entrenched categories within the political and social sciences. This attempt reveals that certain ideas and institutions commonly regarded as progressive and constructive in the context of modernity actually pose a significant threat to humanity in the present age. This approach makes it clear that, contrary to

the assumptions of social scientists or those in positions of power and wealth, the social world is a complex and multifaceted realm characterized by indeterminacy and fluidity.

Far from being a threat to humanity, indeterminacy and heterogeneity can be used by various actors as a capacity to identify new ways of reconfiguring social life and promoting harmonious coexistence with nature. Although some states are still the most important and powerful actors in the contemporary world, and their presence guarantees many minimums necessary for the survival of societies, cosmopolitanization of the world, globalization of risks, and failure to adapt to a new global environment have turned them into zombie institutions and one of the main sources of risk at the global level. In the face of the severe challenges that states worldwide have encountered due to cosmopolitanization, two types of responses have emerged. Many states have attempted to reconstruct themselves as more centralized and powerful entities, even on a transnational level manifested in various forms of new authoritarianism. Conversely, another response has been a decline in efficiency, increased corruption, and even the collapse of states at local and national levels, which is also evident in contemporary neoliberal, liberal and social democratic states. Human civilization must prioritize long-term survival over imaginary constructs such as nationalism and transhistorical ideologies, as well as individual or collective material interests that favor short-term gains. However, with the increasing cosmopolitanization of the world and the emergence or liberation of new actors and configurations, new opportunities are emerging alongside new risks. Understanding and acknowledging the fundamental transformation and recognizing the current situation as fraught with risks is a progressive step to reduce their impact. The promise is that, this time, the winds of hope are blowing from the South and the East.

References

- Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. *Theory, Culture & Society*, vol. 7, no 2–3, pp. 295–310.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Appiah K. A. (1997) Cosmopolitan Patriots. *Critical Inquiry*, vol. 23, no 3, pp. 617–639.
- Arjomand S. A., Tiryakian E. (Eds.). (2004) *Rethinking Civilizational Analysis*, London: SAGE Publications.
- Ashford E. M. (2022) Ukraine and the Return of the Multipolar World. *The National Interest*. Retrieved from: <https://nationalinterest.org/feature/ukraine-and-return-multipolar-world-203276>.
- Baldwin D. A. (Ed.) (1993) *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*, New York: Columbia University Press
- Baldwin D. A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*, Princeton: Princeton University Press.
- Barber B. (1996) *Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism Are Reshaping the World*, New York: Ballantine Books.

- Bauman Z. (1998) *Globalization: The human consequences*, New York: Columbia University Press.
- Bauman Z. (2000) *Liquid modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Baudrillard J. (1994) *Simulacra and Simulation*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Baudrillard J. (1995) *The Gulf War Did Not Take Place*, Bloomington: Indiana University Press.
- Baudrillard J. (1998) *The Consumer Society: Myths and Structures*, London: SAGE Publications.
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London: Sage.
- Beck U. (1994) The Reinvention of Politics: towards a theory of reflexive modernization. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order* (U. Beck, A. Giddens, S. Lash Eds.), Stanford: Stanford University Press, pp. 1–55.
- Beck U. (1997) *The Reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (1999) *World Risk Society*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2001) Interview with Ulrich Beck. *Journal of Consumer Culture*, vol. 1, no 2, pp. 261–277.
- Beck U. (2002) Zombie Categories: Interview with Ulrich Beck. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences* (U. Beck, E. Beck-Gernsheim Eds.), Lanham: Sage, pp. 202–213.
- Beck U. (2006) *The Cosmopolitan Vision*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2007a) The Cosmopolitan Condition. *Theory, Culture & Society*, vol. 24, no 7–8, pp. 286–290.
- Beck U. (2007b) *World at Risk*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2008) Cosmopolitanization Without Cosmopolitans: On the Distinction Between Normative and Empirical-Analytical Cosmopolitanism in Philosophy and the Social Sciences. *Communicating in the Third Space* (K. Ikas, G. Wagner Eds.), London and New York: Routledge, pp. 25–39.
- Beck U. (2009) Critical Theory of World Risk Society: A Cosmopolitan Vision. *Constellations*, vol. 16, no 1, pp. 3–22.
- Beck U. (2011) We do not Live in an Age of Cosmopolitanism but in an Age of Cosmopolitisation: The ‘Global Other’ is in Our Midst. *Irish Journal of Sociology*, vol. 19, no 1, pp. 16–34.
- Beck U. (2016a) *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*, Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016b) Varieties of Second Modernity and the Cosmopolitan Vision. *Theory, Culture & Society*, vol. 33, no 7–8, pp. 257–270.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: SAGE Publications Ltd.
- Beck U., Blok A., Tyfield D., Zhang J. Y. (2013) Cosmopolitan communities of climate risk: conceptual and empirical suggestions for a new research agenda. *Global Networks*, vol. 13, no 1, pp. 1–21.
- Beck U., Bonss W., Lau C. (2003) The Theory of Reflexive Modernization. *Theory, Culture & Society*, vol. 20, no 2, pp. 1–33.

- Beck U., Grande E. (2010) Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, no 3, pp. 409–443.
- Beck U., Levy D. (2013) Cosmopolitanized Nations: Re-imagining Collectivity in World Risk Society. *Theory, Culture & Society*, vol. 30, no 2, pp. 3–31.
- Beck U., Sznaider N. (2006) Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda. *The British Journal of Sociology*, vol. 57, no 1, pp. 1–23.
- Biscop S. (2022) How the War in Ukraine Shapes the Multipolar World. *Egmont: Royal Institute for International Relations*. Retrieved from : <https://www.egmontinstitute.be/how-the-war-in-ukraine-shapes-the-multipolar-world/>.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated neoliberalization: geographies, modalities, pathways. *Global Networks*, vol. 10, no 2, pp. 182–222.
- Brooks S. G., Wohlforth W. C. (2008) *World out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*, Princeton: Princeton University Press.
- Brooks S. G., Wohlforth W. C. (2023) The Myth of Multipolarity. *Foreign Affairs*. Retrieved from: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-multipolarity-myth>.
- Bueno de Mesquita B. (1975) Measuring Systemic Polarity. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 19, no 2, pp. 187–216.
- Bull H. (2002) *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics* (3rd edition), Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Buzan B. (2004) *The United States and the Great Powers: World Politics in the Twenty-First Century*, Cambridge: Polity Press.
- Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Power: The Structure of International Security*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cafruny A., Fouskas V. K., Mallinson W. D. E., Voynitsky A. (2023) Ukraine, Multipolarity and the Crisis of Grand Strategies. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 25, no 1, pp. 1–21.
- Calhoun C. (1997) *Nationalism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Calleo D. P. (2009) *Follies of Power: America's Unipolar Fantasy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe : postcolonial thought and historical difference*, Princeton: Princeton University Press.
- Chausovsky E. (2022) The Russia-Ukraine Conflict: Accelerating a Multi-Polar World. Al Jazeera Centre for Studies, Retrieved from: <https://studies.aljazeera.net/en/analyses/russia-ukraine-conflict-accelerating-multi-polar-world>.
- Clart P., Jones A. (Eds.) (2020) *Transnational Religious Spaces*, Oldenbourg: De Gruyter.
- Clawson D. (2003) Neoliberal Globalization. *The Next Upsurge* (D. Clawson Ed.), Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 131–163.
- Clegg J. (2015) *China's Global Strategy*, Pluto Press.
- Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*, Cambridge: Polity Press.
- Connell R. (2007) *Southern Theory: The global dynamics of knowledge in social science*, London: Polity.

- Cox R. W. (1993) Gramsci, hegemony and international relations: an essay in method. *Gramsci, Historical Materialism and International Relations* (S. Gill Ed.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 49–66.
- Cox R. W. (1996) *Approaches to world order*, Cambridge: Cambridge University Press.
- De Keersmaecker G. (2017) *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory*, Cham: Springer International Publishing.
- de Mesquita B. B. (1978) Systemic Polarization and the Occurrence and Duration of War. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 22, no 2, pp. 241–267.
- de Mesquita B. B. (1981) Risk, Power Distributions, and the Likelihood of War. *International Studies Quarterly*, vol. 25, no 4, p. 541.
- Degtarev D. A., Timashev G. V. (2019) Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *International Relations*, vol. 4, no 4, pp. 48–60.
- Deutsch K. W., Singer J. D. (1964) Multipolar Power Systems and International Stability. *World Politics*, vol. 16, no 3, pp. 390–406.
- Eisenstadt S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Eisenstadt S. N. (Ed.) (2002) *Multiple Modernities*, New York: Routledge.
- Etzioni A. (2012) The myth of multipolarity: The National Interest. Retrieved from <http://nationalinterest.org/commentary/the-myth-multipolarity-7500>
- Featherstone M. (Ed.) (1991) *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity*, London: Sage.
- Ferguson R. J. (2018) China and Russia: divergent visions of multipolarity. *China's Eurasian Dilemmas*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 89–108.
- Frank G. (1966) *The Development of Underdevelopment*, New York: Monthly Review Press.
- Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest*, vol. 16, pp. 3–18.
- Fukuyama F. (1993) *The End of History and the Last Man*, New York: Penguin Books Limited.
- Geary D. (2014) Rebuilding the Navel of the Earth: Buddhist pilgrimage and transnational religious networks. *Modern Asian Studies*, vol. 48, no 3, pp. 645–692.
- Giddens A. (1991) *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*, Stanford: Stanford University Press.
- Giddens A. (2013) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1999) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*, London: Profile Books.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Go J. (2008) Global Fields and Imperial Forms: Field Theory and the British and American Empires. *Sociological Theory*, vol. 26, no 3, pp. 201–229.
- Haas M. (1970) International Subsystems: Stability and Polarity. *American Political Science Review*, vol. 64, no 1, pp. 98–123.
- Haass R. N. (2017) *A world in disarray: American foreign policy and the crisis of the old order*, New York: Penguin.

- Hall S. (1992) *The West and the Rest: Discourse and Power. Formations of Modernity* (S. Hall & B. Gieben Eds.), Cambridge: Polity Press, pp. 275–320.
- Hannerz U. (1996) *Transnational connections: Culture, people, places*, London: Routledge.
- Harvey D. (1998) *The condition of postmodernity: An enquiry into the origins of cultural change*, Cambridge, MA: Blackwell.
- Held D. (1999) *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*, Stanford: Stanford University Press.
- Held D. (2010) *Cosmopolitanism: Ideals and Realities*, Cambridge: Polity.
- Held D., McGrew A. (Eds.) (2003) *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*, Cambridge: Polity.
- Held D., McGrew A. (2007) *Globalization/anti-globalization: Beyond the great divide*, Cambridge: Polity.
- Hiro D. (2010) *After Empire: The Birth of a Multipolar World*, New York: NATION BOOKS.
- Hirst P., Thompson G. (1999) *Globalization in question: The international economy and the possibilities of governance*, Cambridge: Polity.
- Hoag M. W. (1969) *Superpower Strategic Postures for a Multipolar World*, Santa Monica: Rand Corporation.
- Hopf T. (1991) Polarity, the Offense-Defense Balance, and War. *American Political Science Review*, vol. 85, no 2, pp. 475–493.
- Huntington S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of the Modern World*, New York: Simon & Schuster.
- Huntington S. P. (1999) The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, p. 35.
- Hurd E. S. (2008) *The Politics of Secularism in International Relations*, Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Ikenberry G. J., Mastanduno M., Wohlforth W. C. (2009) Unipolarity, State Behavior, and Systemic Consequences. *World Politics*, vol. 61, no 1, pp. 1–27.
- Ikenberry G. J., Mastanduno M., Wohlforth W. C. (2011) *International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Jackson W. D. (1978) Polarity in international systems: A conceptual note. *International Interactions*, vol. 4, no 1, pp. 87–95.
- Jameson F. (1991) *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*, Durham: Duke University Press.
- Jervis R. (2011) Unipolarity: a structural perspective. *International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity* (J. Ikenberry, W. Wohlforth, M. Mastanduno Eds.), New York: Cambridge University Press, pp. 252–281.
- Jong A. (2016a) Construction of Identity Patterns in the Process of Globalization. *Journal of Strategic Management Studies*, vol. 7, no 26, pp. 277–320. Retrieved from http://www.smsjournal.ir/article_88615.html
- Jong A. (2016b) Explaining the Patterns of Globalization, Consumption and Everyday-Life. *Journal of Business Administration Researches*, vol. 8, no 15, pp. 265–301. Retrieved from http://bar.yazd.ac.ir/article_728.html

- Jong A. (2022a) Transnational Configurations and Cosmopolitanization. *The International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*, vol. 17, no 2, pp. 95–110.
- Jong A. (2022b) World Risk Society and Constructing Cosmopolitan Realities: A Bourdieusian critique of Risk Society. *Frontiers in Sociology*, no 7 (797321).
- Jong A. (2023a) Modern Episteme, Methodological Nationalism and the Politics of Transnationalism. *Frontiers in Political Science*, no 5 (1172393).
- Jong A. (2023b) Social configurations in the moment of post-foundationalism. *Frontiers in Sociology*, no 7(1078011).
- Jong A. (2024) Social Theory and Navigating Indeterminacy: A Configurational Analysis of Iranian Youth's Identity Construction in Contemporary Iran. *Societies*, vol. 14, no 3, p. 32.
- Jong A., Ali R. (2023) Political Islam as an Incomplete and Contested Category: A Post-Foundationalist Revision. *Religions*, vol. 14, no 8, p. 980.
- Jong A., Entezari A. (2023) World Risk Society, Reconfiguration of Religion, and Transnational Religious Organizations. *Journal of Strategic Management Studies*, vol. 14, no 54), pp. 1-34.
- Keohane R. O. (1984) *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*, Princeton: Princeton University Press.
- Keohane R. O. (1988) International Institutions: Two Approaches. *International Studies Quarterly*, vol. 32, no 4, pp. 379-396.
- Kopalyan N. (2017) *World Political Systems after Polarity*, London: Routledge.
- Krahmann E. (2011) Beck and beyond: selling security in the world risk society. *Review of International Studies*, vol. 37, no 1, pp. 349–372.
- Krauthammer C. (1990) The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, no 1, p. 23.
- Layne C. (1993) The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise. *International Security*, vol. 17, no 4, p. 5.
- Layne C. (2009) The Waning of U. S. Hegemony—Myth or Reality? A Review Essay. *International Security*, vol. 34, no 1, pp. 147–172.
- Levy J. S. (1984) Size and stability in the modern great power system. *International Interactions*, vol. 10, no 3–4, pp. 341–358.
- Lyotard J. F. (1986) *The Postmodern Condition: A Report On Knowledge*, Manchester: Manchester University Press.
- Mansfield E. D. (1993) Concentration, Polarity, and the Distribution of Power. *International Studies Quarterly*, vol. 37, no 1, p. 105.
- Marsh R. M. (2014) Modernization and Globalization. *Concise Encyclopedia of Comparative Sociology* (S. K. S. Masamichi Sasaki, Jack Goldstone, Ekkart Zimmermann Eds.), Leiden & Boston: BRILL, pp. 331–341.
- Mearsheimer J. J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton.
- Meyer J. W. (2018) The Changing Cultural Content of the Nation-State: A World Society Perspective. *State/Culture* (G. Steinmetz Ed.), Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 123–144.

- Meyer J. W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F. O. (1997) World Society and the Nation-State. *American Journal of Sociology*, vol. 103, no 1, pp. 144–181.
- Modelski G. (1987) *Long Cycles in World Politics*, London: Macmillan.
- Monteiro N. P. (2014) *Theory of Unipolar Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Morgenthau H. J. (1948) *Politics among nations: The struggle for power and peace*, New York: Knopf.
- Mosleh A. A., Jong A. (2021) Iran and Covid-19: Institutional Configurations. *Covid-19 and Governance* (J. N. Pieterse, H. Lim, H. Khondker Eds.), London & New York: Routledge, pp. 101–111.
- Moul W. B. (1989) Measuring the ‘balances of power’: a look at some numbers. *Review of International Studies*, vol. 15, no 2, pp. 101–121.
- Moul W. B. (1993) Polarization, Polynomials, and War. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no 4, pp. 735–748.
- Nash K. (2010) *Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics, and Power* (Second Edi), Chichester: Wiley-Blackwell.
- Nederveen Pieterse J. (2017) *Multipolar Globalization*, New York: Routledge.
- Negri A., Hardt M. (2000) *Empire*, Cambridge: Harvard University Press.
- Pape R. A. (2005) Soft Balancing against the United States. *International Security*, vol. 30, no 1, pp. 7–45.
- Paul T. V. (2005) Soft Balancing in the Age of U. S. Primacy. *International Security*, vol. 30, no 1, pp. 46–71.
- Peck J., Theodore N. (2015) *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Thresholds of Neoliberalism*, Minneapolis & London: University of Minnesota Press.
- Peters M. A. (2022) The emerging multipolar world order: A preliminary analysis. *Educational Philosophy and Theory*, pp. 1–11.
- Portnoi L. M. (2016) Theorizing Globalization. *Policy Borrowing and Reform in Education* (L. M. Portnoi Ed.), New York: Palgrave Macmillan US, pp. 57–86.
- Rapkin D. P., Thompson W. R., Christopherson J. A. (1979) Bipolarity and Bipolarization in the Cold War Era. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 23, no 2, pp. 261–295.
- Raymond G. A., Kegley C. W. (1990) Polarity, Polarization, and the Transformation of Alliance Norms. *Western Political Quarterly*, vol. 43, no 1, pp. 9–38.
- Rehbein B. (2015) *Critical Theory After the Rise of the Global South Kaleidoscopic Dialectic*, New York: Routledge.
- Rist G. (2007) *The history of development: From western origins to global faith*, London: Zed Books.
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social theory and global culture*, London: Sage.
- Robinson W. I. (1998) Beyond Nation-State Paradigms: Globalization, Sociology, and the Challenge of Transnational Studies. *Sociological Forum*, vol. 13, no 4, pp. 561–594.
- Robinson W. I. (2001) Social Theory and Globalization: The Rise of a Transnational State. *Theory and Society*, vol. 30, no 2, pp. 157–200.
- Rosecrance R. N. (1963) *Action and Reaction in World Politics: International Systems in Perspective*, Boston: Little, Brown & Company.

- Rossi I. (2014) Reflexive Modernization. *Ulrich Beck: Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society* (U. Beck Ed.), Cham: Springer International Publishing, pp. 59–64.
- Ruggie J. G. (1993) Territoriality and beyond: problematizing modernity in international relations. *International Organization*, vol. 47, no 1, pp. 139–174.
- Said E. (1994). *Culture and imperialism*, New York: . Vintage.
- Said E. (1997) *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World*, New York: Knopf Doubleday Publishing Group.
- Sassen S. (2014) *Expulsions: Brutality and complexity in the global economy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sassen S. (1998) *Globalization and its discontents*, London: The New Press.
- Schmidt B. C. (2005) Competing Realist Conceptions of Power. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 33, no 3, pp. 523–549.
- Scholte J. A. (2000) *Globalization: A critical introduction*, London: Palgrave Macmillan.
- Schroeder P. (1994) Historical Reality vs. Neo-Realist Theory. *International Security*, vol. 19, no 1, p. 108.
- Selchow S. (2016) The paths not (yet) taken: Ulrich Beck, the ‘cosmopolitized world’ and security studies. *Security Dialogue*, vol. 47, no 5, pp. 369–385.
- Sheedy M. (2021) *Owning the Secular*, London: Routledge.
- Steinmetz G. (2014) The Sociology of Empires, Colonies, and Postcolonialism. *Annual Review of Sociology*, vol. 40, no 1, pp. 77–103.
- Tammen R. L., Kugler J., Lemke D., Stamm A. C., Abdollahian M., Alsharabia C., et al. (2000) *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*, New York: Chatman House Publishers.
- Thompson W. R. (1986) Polarity, the Long Cycle, and Global Power Warfare. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 30, no 4, pp. 587–615.
- Tiryakian E. A. (1992) From Modernization to Globalization. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 31, no 3, p. 304.
- Tsygankov A. P. (2009). *Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*, New York: Palgrave Macmillan US.
- Vara A. M. (2015) A South American approach to metamorphosis as a horizon of equality: Focusing on controversies over lithium. *Current Sociology*, vol. 63, no 1, pp. 100–104.
- Volgy T. J., Corbetta R., Grant K. A., Baird R. G. (Ed.). (2011) *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Wagner R. H. (1993) What was bipolarity? *International Organization*, vol. 47, no 1, pp. 77–106.
- Wallace M. D. (1973) Alliance Polarization, Cross-Cutting, and International War, 1815–1964. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 17, no 4, pp. 575–604.
- Wallerstein I. (2004) *World-Systems Analysis: An Introduction*, Durham: Duke University Press.
- Walt S. M. (2018) *The Hell of Good Intentions: America’s Foreign Policy Elite and the Decline of U. S. Primacy*, New York: Macmillan.

- Waltz K. N. (1964) The stability of a bipolar world. *Daedalus*, vol. 93, no 3, pp. 881–909.
- Waltz K. N. (1979) *Theory of International Politics*, Boston, MA: McGraw-Hill.
- Waltz K. N. (1993) The emerging structure of international politics. *International Security*, vol. 18, no 2, pp. 44–79.
- Wastnidge E., Mabon S. (Eds.). (2022) *Saudi Arabia and Iran*, Manchester: Manchester University Press.
- Wayman F. W., Morgan T. C. (1993) Measuring polarity in the international system. *Measuring the Correlates of War*, Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 99–114.
- Wayman F. W. (1984) Bipolarity and War: The Role of Capability Concentration and Alliance Patterns among Major Powers, 1816–1965. *Journal of Peace Research*, vol. 21, no 1, pp. 61–78.
- Wimmer A. (2002) *Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict: Shadows of Modernity*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wittrock B. (2014) History, Sociology, and the Reconfiguration of Civilizations. *Social Theory and Regional Studies in the Global Age* (S. A. Arjomand Ed.), Albany: State University of New York Press, pp. 63–90.
- Wohlforth W. C. (1999) The Stability of a Unipolar World. *International Security*, vol. 24, no 1, pp. 5–41.
- Wohlforth W. C. (2009) Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. *World Politics*, vol. 61, no 1, pp. 28–57.
- Woodley D. (2017) *Globalization and Capitalist Geopolitics*, London: Routledge.
- Xiang S. (2022) Sinophobia, American Imperialism, Disorder Without Responsibility. *Sartre Studies International*, vol. 28, no 2, pp. 42–66.
- Zeng M. (2014) Subaltern Cosmopolitanism: Concept and Approaches. *The Sociological Review*, vol. 62, no 1, pp. 137–148.

Мультиполяризация или космополитизация? На пути к неопределенному миру

Аббас Джонг

Dr. Phil. в области социологии, исследователь. Департамент социальных наук Факультета гуманитарных и социальных наук, Берлинский университет им. Гумбольдта

Адрес: Universitätsstrasse 3B, 10117 Берлин, Германия

E-mail: abbas.jong@hu-berlin.de

Научный сотрудник кафедры истории философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198 Российская Федерация,

E-mail: dzhong-a@rudn.ru

В дискурсах политики и академических исследований нарастают дискуссии о возникновении многополярного мирового порядка. Она подкрепляется статистическими данными, историческими свидетельствами и конкретными фактами, подчеркивающими поляризацию мира и ослабление влияния американской гегемонии. Эти нарративы часто описывают

текущее состояние мира как переход от одного определенного порядка к другому. Цель предлагаемой статьи — критическое рассмотрение концепции мирового порядка, лежащей в основе многих теорий глобализации и международных отношений. При подобном рассмотрении доминирующих теорий мирового порядка и глобализации, становится ясно, что многие из них предполагают существование регулируемой сущности воображаемого единства мира, в позитивном либо негативном смысле. Эта предпосылка имеет заметное значение в силу всепроникающего влияния эпистемологической антиномии между фундаментализмом и анти(не)-фундаментализмом. Подвесив данную антиномию и деконструируя идею мирового порядка с опорой на теорию общества риска и космополитизации, данная статья утверждает, что современный мир движется не к новому, predetermined порядку, а скорее к состоянию неопределенности и текучести. Рост глобальных рисков в последнее время спровоцировал трансформационный процесс, затронувший различные аспекты различных обществ. В этой статье утверждается, что понимание и интерпретация текущего состояния мира требует пересмотра нашей эпистемологии и сдвига к неопределенности, то есть, к рискам.

Ключевые слова: мировой порядок, многополярность, космополитизация, мировое общество риска, социальные конфигурации, неопределенность, эпистемологический постфундаментализм.

Social Randomization: Can Lotteries be a General-Purpose Device to Deal with Societal Issues?

Alexander Shkurko

Candidate of Sociological Sciences
Independent Researcher

Address: Stolypin av., 31, Ulyanovsk, 432072 Russian Federation
E-mail: khanovey@protonmail.com

The article explores the extended version of the idea that intentional randomization (of which lotteries are a special case), can be a useful tool for dealing with various social and political problems that go beyond minor issues. It contributes to the discussion of lotteries in social and political affairs in three ways. First, it argues that randomization is applicable to various types of tasks, not limited to the choice between discrete alternatives, as it is usually perceived. This broadens the scope of its possible applications to include, for example, tasks related to evaluation or policy-making. Second, it describes the variety of possible reasons and rationales for using social randomization, thus further extending the applicability of lotteries to societal issues. While normative reasons for lotteries such as equality, fairness and epistemic rationality are often cited in philosophical discussions, there are many pragmatic reasons to use them for socially meaningful purposes. Third, based on this variety of use, the article proposes the heuristic Default Randomization Principle claiming that randomization can be a general approach to social and political affairs used as a default option. By considering randomization as a general-purpose device, it is easier to recognize and realize the potential of social randomization and to resolve some common arguments against the use of random choice in public affairs.

Keywords: social randomization, randomness, social lotteries, political lotteries, sortition, public affairs

Introduction¹

The idea of conscious and purposeful use of randomness to solve societal problems has repeatedly emerged in academic discussions but has remained rather a marginal line of thought, mostly speculative. The idea is that in some cases it may be rational and better serve socially important goals, such as fairness, justice, or political representativeness, to consciously reject the justification of one of the available options in favor of decisions based on random choices. Using various terms (randomness, lottery, coin toss, sortition), scholars describe rare historical or contemporary examples of randomness-based social mechanisms, or more often, proposals for using such devices in various contexts. They refer to decision making based not on individual arbitrariness, but on external processes that presumably provide equal probabilities for each of the alternative choices available.

Historically, examples of the institutionalized use of lottery mechanisms to make significant decisions have been known since antiquity. The most commonly cited examples are the use of the lottery to elect political representatives in ancient Greece and

1. I thank the anonymous reviewer for substantive comments and useful suggestions, especially for the name of the proposed Default Randomization Principle.

the Italian republics (Dowlen, 2008). However, serious scholarly consideration of such mechanisms has been sporadic for a long time. Aubert (1959) described several “chance devices” and their functions; other examples include the study of lotteries in social choice theory (Fishburn, 1972), ethics (Sher, 1980), and political philosophy (Amar, 1984; Goodwin, 1984), as well as some practical cases in education or conscription (Wolflé, 1970; Fienberg, 1971). Jon Elster’s seminal book (1989) provided the first systematic analysis of social and political lotteries as well as the general justification for their rationality. Since then, representatives from different research fields have regularly shown interest in the idea of randomization and the application of lottery to different socially important problems, ranging from the distribution of research grants (Roumbanis, 2019) or rare medical resources (Persad, Wertheimer, Emanuel, 2009) to the possibility of complete reorganization of the political system in a democratic societies based on the random selection of representatives (Waxman, McCulloch, 2022).

The present text contributes to the ongoing discussion by demonstrating that the potential of social randomization to address important societal problems is greater than is usually recognized and extends far beyond specific types of choice situations. First, I analyze when social randomization can be used in principle, and show that such situations are not limited to choices between equal discrete alternatives. Second, I describe the variety of situations, tasks and possible reasons for choosing randomization. Instead of focusing on the normative justification of lotteries, as is typical in the literature, I focus on their pragmatic, instrumental value for social actors. Third, I propose the Default Randomization Principle as a social heuristic that facilitates the recognition of the social randomization’s potential as a general-purpose tool, and show how this view helps to resolve some typical arguments against random selection.

Applicability of randomization: When to use lotteries?

In assessing the potential and possibilities of randomization in public affairs, two questions should be kept in mind: (1) In what types of situations and for what types of problems is this approach in principle applicable? and (2) What are the reasons for using this approach rather than another? Let us first consider the first one.

In the vast majority of cases, the rational and informed use of randomization in social affairs is seen as a way of making decisions, or, more specifically, choices. This type of tasks, including allocation tasks, involves a fixed list of discrete and distinguishable alternatives. In this case, randomization or lotteries are supposed to ensure that the alternatives have equal chances of being chosen, or, in the case of weighted lotteries, that there are certain probabilities of being chosen. The ontological nature of both the alternatives and the choice itself may be different.

First, lotteries can be used to allocate goods or resources, usually involving only indivisible goods. In this case, the alternatives may be the goods or resources themselves, their recipients, or both. In the first case, for example, it may be a consumer’s choice among several goods. In the second, it may be a lottery to determine which of two needy

people will receive emergency care if there is not enough for all of them. In the third, it is a matching problem, i.e., the distribution of a set of goods or resources to a set of recipients (Sönmez, Ünver, 2011). Interestingly, when the lottery principle is applied to divisible resources, such as finance, they are transformed into the form of discrete indivisible units. Thus, when it comes to the random allocation of research grants, the divisible resource, money, is transformed into the indivisible resource, grants, and the allocation mechanism itself is contrasted with the allocation of money as a divisible resource, for example, in the form of an equal distribution of money among all applicants (Roumbanis, 2019).

Second, lotteries can be applied when it comes to the allocation of roles, positions, or responsibilities. The best-known practical examples are random (or pseudo-random) jury selection, appointment to public office, and military conscription (Dowlen, 2008; Fienberg, 1971). While these situations may involve elements of the distribution of benefits or burdens, they differ from the first group in that they involve the active pursuit of a particular activity over a sufficiently long period of time. A variation of this type can be considered the assignment of agents to different but homogeneous tasks, as in the practice of randomly assigning cases to judges (Eisenberg, Fisher, Rozen-Zvi, 2012).

Third, the lottery can be used as a means of determining a strategy or mode of action. Such possibilities are usually analyzed according to the logic of strategic games, but can also refer to choosing policies or certain conditions of realizing sociopolitical processes. Examples include the use of random moves in games to increase unpredictability, the widely cited example of the Naskapi Indian tribe's practice of selecting hunting grounds, or proposals to randomize the timing of elections or to randomly divide electoral districts (Elster, 1989). The immediate alternatives in this case are precisely modes of action, while the actor remains the same.

Fourth, randomness can be applied to the choice of the very principles according to which the parties act. An example is J. Elster's hypothetical scenario of a random choice of laws, justified by reference to the cyclical nature of the change of political parties implementing different bills (Elster, 1989: 90).

Thus, in most cases, the problem of social mechanisms based on randomness is reduced to the problem of choice, where the alternatives are discrete. Therefore, such situations can be formally described using the tools of operations research. The second essential feature of most of the situations discussed is the scarcity of allocated resources or opportunities. This means that a lottery is usually considered applicable when the number of alternatives is greater than the number of selected outcomes, which is implied by the notion of "choice." For example, a lottery requires that the number of claimants for a good is assumed to be greater than the number of goods, as in the case of a shortage of expensive medical treatment. Similarly, in the case of political lotteries, the number of seats on a representative body or jury must be less than the number of eligible holders in order to speak meaningfully of a lottery.

Although both conditions (discreteness and scarcity) are implicitly or explicitly assumed in most versions of randomization, neither of them is strictly necessary for the gen-

eral idea of applying it to social problems, and choice is not the only type of problem to which this approach is potentially applicable. Randomness, whether it is objective, associated with the uncertainty and unpredictability of physical processes, or epistemic, associated with the impossibility to establish an objective state of affairs, does not require a discrete set of alternatives. Many true random number generators that provide a randomization strategy are based on physical processes that are inherently non-discrete (e.g., white noise) and are reduced to discrete forms through certain procedures. It follows that, if desired, the idea of randomization could also be applied to continuous processes or divisible resources, that is, to situations that do not involve choosing from a fixed list of alternatives. As hypothetical examples, one might consider using stochastic processes to allocate time, effort, money, or other resources that can be considered divisible in a practical sense, or to determine the route and speed of travel (for humans, vehicles, or objects). Regardless of what an attempt to apply a non-discrete randomizer to social affairs might look like (I show some possible applications below), it is important to point out the possibility. For the same reason, the notion of a lottery is narrower in scope than the notion of randomization, since a lottery by its nature deals only with discrete alternatives.

The second aspect of typical lotteries, scarcity, is also not strictly necessary. The use of a lottery can be considered rational when the number of benefits exceeds the number of applicants. However, there are no restrictions on the possibility of using a lottery in situations where there is no scarcity. In some cases, using a random is also recognized and considered rational mechanism in deficit-free situations. The most common example is random assignment, an essential research tool that involves randomly assigning of survey objects (e.g. individuals) to groups under different conditions (e.g., experimental and control) in order to study the effect of the manipulated condition (Gueron, 2008).

Going further, it is possible to consider the possibility of using randomization for solving tasks that are not directly related to the choosing among several alternatives, and not directly linked to decision-making in general. Decision-making and choice are just one type of tasks that individuals and societies face. If a general mechanism only applies to one class of tasks, its potential is significantly reduced. However, other types of tasks, such as judgment, evaluation, or problem-solving, may require the same normative criteria as those considered to be the main reasons for using a lottery, e.g., fairness and impartiality. For example, a random selection mechanism could be used to select jurors or political representatives. However, this selection procedure would not affect the grades, modes of judgment, or ability to deal with complex issues that the chosen individual must demonstrate. A lottery may ensure a fair and unbiased choice among alternatives, but it does not guarantee a process to generate them. In this situation, the control of a single party over the list of alternatives has the potential to undermine the fairness and impartiality of the selection procedure.

Can randomization be applied to other types of tasks, such as judgment, evaluation, invention, or problem-solving? At first glance, the answer seems obvious: all of these tasks require the work of reason, whereas randomization is a mechanism that is inherently mechanical, a-rational, and non-subject (Dowlen, 2008). It is possible, however,

that randomization could be applied to such tasks, *as an essential part* of a more complex solution. Such a possibility would be significant in terms of considering randomization as a general approach that is not limited to a specific class of situations or tasks. Randomization can play a role in solving most socially important problems.

Take for example the task of assessment and evaluation: student papers, grant applications, policy effectiveness, etc. Hypothetically, it is possible to randomly assign grades, even if it seems strange and meaningless. However, mechanical randomization, is not the same as evaluation, a thought process in which the mind analyzes information about an object and compares it to certain normative criteria or standards. Therefore, such an application of randomization seems wrong. However, we can use a random selection of evaluators to improve the overall quality and validity of evaluations, so that randomization becomes not the whole solution, but an essential element of it. By similar logic, policy development is a complex, time-consuming process that involves detailed analysis of complex information and the development of a system of rules, goals, and procedures in certain areas. Randomization does not directly apply to such tasks, but it can be an important element of a solution — for example, as part of a team-building process, used to increase cognitive diversity and presumably improve the quality of final decisions (Landemore, 2013). These examples demonstrate that randomization can be at least an element in solving problems not related to decision-making. This perspective becomes clearer when one considers the reasons that may underlie the use of randomization as a rational strategy.

The rationale for randomization: Why use lotteries?

Understanding the potential of randomization as a rationally and intentionally designed social device or strategy implies not only identifying its applicability, but also justifying its choice, and the reasons why it can be preferred to other mechanisms. What can be the rationale for choosing randomization when we speak of it as a way of solving significant social problems beyond trivial cases of low-value choices under conditions of indifference?

In the most general sense, such justification can be either normative or functional, although there is no precise boundary between the two, and they often overlap. In the first case, the use of a random choice is justified because it satisfies a certain normative criterion, a certain conception of what is right; in the second case, it is justified because it has instrumental value and contributes to the achievement of certain goals or functions, which themselves may, but do not necessarily have to, be subject to normative evaluation. Below is the list of possible reasons and motivations for choosing randomization when dealing with social problems. Some of them are regularly mentioned in the discussions, some are rare, and some have probably never been mentioned before.

Equality

The most common justifications for lotteries are based on moral grounds, namely, the ability of randomization to ensure fairness, justice, equality, impartiality, or non-discrimi-

mination. Although these concepts are not identical and can sometimes be contradictory, they share the common idea that social randomization somehow ensures equal treatment. Typically, these rationales are closely related and derive from a view of the lottery as a mechanistic, non-subjective mode of decision-making in which alternatives have an inherently equal probabilities of being selected (e.g., Broome, 1990; Dowlen, 2008; Fienberg, 1971; Goodwin, 1984; Saunders, 2008, 2012; Sher, 1980; Stone, 2007). In this way, the very possibility of the influence of personal preferences, predispositions, or errors related to the decision-maker's personality, group affiliation, or contextual conditions is eliminated. Nevertheless, the content of justifications may vary depending on the type of lottery and the substantive interpretation of the normative principle. In politics, for example, the lottery voting model is discussed, a system in which one ballot is randomly selected from the voters' completed ballots to determine the outcome of the election. (Amar, 1984; Saunders, 2012). This system is opposed to the traditional majority rule model, in which the winner is determined by a majority of votes. Both models are based on the principle of equality because they recognize the equal voting rights of each voter. However, supporters of the lottery model believe that it more fair and just, as it provides not only equality of votes, but also equality of opportunity to influence the final result. In contrast to the majority rule, minorities have a real chance of being elected, thus solving the problem of their discrimination. P. Stone (2007) calls the lottery a truly fair mechanism for distributing certain types of limited resources, inferior only to equal distribution, but applicable to indivisible resources. B. Goodwin, describing a hypothetical model of social organization based on the lottery principle for distributing of positions in the social structure, points out that it meets two criteria of fairness: impartiality and reduction of inequality (Goodwin, 1984: 195). Such a system is opposed to the liberal model, which proclaims equality of rights and opportunities but legitimizes the inherent inequalities that exist between people and that are usually beyond their control. Impartiality also forms the basis for justifications of lotteries that involve solving problems of evaluation, as is the case with the random selection of jury members or judges in courts.

Despite these differences, arguments about the fairness, equality, and justice of lotteries form a relatively coherent core of their normative justification that can be found in many existing approaches. Whether or not lotteries lead to justice, is a matter of debate, because there are many situations in which random allocation conflicts with other aspects of moral decision making, such as the difference in needs (it is unjust to allocate rare medical treatments regardless of who needs them more). However, such debates concern the conditions under which randomization is just, not whether it provides "equal treatment" or not.

In a practical sense, the reference to equality and fairness can be problematic, because of existing power inequalities and selfish motivations. For example, Waxman and McCulloch (2022), propose their radical project for democratic transformation based on mass random selection of society's representatives for political decision-making. They justify its advantages by arguing that it provides true democracy, i.e., real, not fictitious, equal opportunity for citizens to participate in decisions that affect their lives. Assuming

that such a system is indeed feasible in principle, it is safe to say that it will never be fully realized in most real-world settings *for this very reason*. A system that aims to directly deprive privileged individuals and groups of their advantages will inevitably face active resistance and has a very low chance of success.

Despite such barriers, which will be discussed in more details below, the equality-based justification for randomization is supported by the normative foundations of modern societies. Most of them explicitly declare and accept equality of rights, fairness, and justice as guiding principles for developing rules, policies, and social institutions. Since equality is an inherent, substantive attribute of a lottery, decision-makers who explicitly accept the equality and justice as normative guiding principles must consider it a legitimate approach to addressing social issues.

A separate line of equality-based moral justification for lotteries refers not to the moral quality of lottery-based decisions, but rather to the conditions, under which rational and moral actors establish the principles of social order. John Rawls (1999) describes this as the so-called Original Position — an idealized scenario, in which independent and morally equal actors develop the general rules and principles of fairness that underpin the social order. The Original Position claims that justice is achievable when actors develop the general rules and principles under the “veil of ignorance,” meaning that they are not aware of their own position in society, the distribution of goods and opportunities, knowledge, or even psychological traits, so they cannot know whether the social order benefits them. Some of the most transformative applications of social randomization, particularly the assignment of social positions, can be seen as the best possible practical approximation to the Original Position. If actors cannot predict where they will be in the social structure after the toss of a coin, they must have a vested interest to ensuring that the whole of social order is just. Note that in this case randomization as such doesn't implement any conception of justice. It does, however, set the stage for the development of general principles of social organization, that will be considered just by independent actors.

Epistemic rationality

Another normative criterion for justifying randomization is based on epistemic rather than moral grounds. Advocated by Jon Elster (1989), it states that in a situation where it is impossible to reliably establish rational grounds for choosing one of the alternatives, it is reasonable to choose a mechanical, non-subjective procedure. Acknowledging the limited capacity of human reason is more honest from an epistemic point of view than denying it and trying to invent pseudo-rational grounds for choice. Bounded rationality is not just a technical, pragmatic problem. It is a defining characteristic of the human mind and a fundamental principle of the functioning and evolution of society. There is a dramatic gap between the number and complexity of decisions required by the social system, on the one hand, and the limited cognitive capacity of the human mind, on the other. As social evolution is accompanied by an increase in complexity (Turchin et al.,

2018), this gap is only widening. When a recruiter considers two applications, or a scientist has two theories to test, it is reasonable to demand that both be considered carefully and impartially, in accordance with corporate policy or the ethos of science. When there are thousands of alternatives, such a demand has no reasonable basis.

To deal with this problem at the individual level, the mind uses a number of implicit mechanisms that allow decisions to be made without conscious judgment and careful reasoning. The dual-process theories of the human mind (Frankish, 2010), which are now slowly penetrating sociology (e.g., Lizardo et al., 2016), describe the irreducible nature of the implicit part of the human mind (Type I processes) and its contribution to social cognition and behavior (Sherman, Gawronski, Trope, 2014). As a result, many biases and prejudices that underlie the “irrationality” of human actions are very difficult or impossible to eliminate (Paluk et al., 2021). To address the problem at the societal level, societies develop procedures, rules, and institutions that can serve as non-human decision-makers (Douglas, 1986). In both cases, the limited capacity of individuals to act rationally is compensated for by mechanisms that don't require reason or judgment. From this perspective, if there are good reasons to expect that actors will not be able to act rationally, it would be reasonable to prefer an a-rational solution over an irrational one.

A different line of reasoning suggests that, in reality, chance already plays an important role in many human decisions and behaviors, as well as in the distribution of resources, opportunities, and benefits (Goodwin, 1984; Elster, 1989; Manis, Meltzer, 1994). The notion of “natural lotteries” points to the fact that we cannot control many inequalities that affect our merits and achievements, such as where we are born, our parents' education and income, or our talents. If we accept the principle of the initial equality of actors, we must agree that revealing these natural lotteries is not only fair, but also rational, because it brings the decision-making conditions into the light of reason. Thus, it is reasonable to make randomness explicit and controllable, because only an understanding of the decision-making mechanism and the recognition of the factors influencing the decision ensure its rationality. When randomness is hidden in an individual's biography, structural dispositions, or contextual conditions, this understanding is absent. Therefore, the rationality of a decision cannot be guaranteed.

If this were a purely normative paper, the reader might expect a more in-depth and detailed analysis of the moral and epistemic justifications for social randomization. However, the purpose of this section is not to justify lotteries, but rather to identify potential justification strategies that rational social actors (in this case — actors who understand and accept the social, collective nature of a certain issue, and who are able to describe and provide the rationale for their actions) can develop to address important social issues. From this sociological perspective, what matters more is the pragmatic, instrumental value of lotteries, i.e., their ability to achieve certain goals and/or to do so better than other ways. Guided by practical rationality, social actors may use randomization for various purposes, and it is these actions, that have consequences for social organization and social processes. The following examples illustrate the variety of pragmatic motivations

underlying the possible choice of social randomization to address the problems of collective life.

Preventing Abuse of Power

One of the most important functional reasons for using randomization is to prevent negative behaviors, reduce opportunities and motivation for corruption, nepotism, alliance formation, and other forms of abuse of power or position (Elster, 1989: 112; Dowlen, 2008; Alekseeva, Loshkariov, Parenkov, 2018). If the assignment of top positions responsible for the allocation of valuable resources becomes random and temporary, it reduces the effectiveness of bribery and rent-seeking behavior. If the system of random selection of decision-makers is extended to the entire political system, as in the Waxman and McCulloch model, personal interests to participate in illegal exchanges will be reduced, and a whole class of professional politicians for much of grand corruption will disappear. Jon Elster suggests that, in a developed democratic society, the purpose of using a lottery may not be very relevant, since there are other democratic procedures available to prevent corruption, and the lottery system has important negative consequences (Elster, 1989: 112). However, such a view formulated within a developed democratic society tends to underestimate the importance and destructive effects of corruption and abuse of power in much of the modern world and therefore underestimates the relevance of this argument.

This type of justification applies not only to political corruption and abuse of political power but also to other situations, including those of a market nature. An example of this type is the Shanghai authorities' plan to regulate the housing market (Ni, 2022). In order to combat speculation, improve housing affordability, and stabilize the housing market in one of the world's most expensive and densely populated metropolitan areas, the authorities have developed an entitlement system that gives priority to the most needy and conducts a lottery among them. This mechanism can be interpreted in normative terms of fairness, but it is primarily functional to regulate the housing market.

Motivation/Participation

Along with demotivating socially undesirable behavior, randomization can be used to increase motivation for socially desirable activities. In situations where people feel they have little chance of gaining a position or influencing the outcome of a collective endeavor, they often prefer not to try. Typical examples are political absenteeism or decisions not to apply for grants or jobs. However, if they knew that all eligible individuals had an equal chance, they might be motivated to participate. The motivational function of lotteries has been advocated by J. Elster (1989), and highlighted by O. Dowlen as a way to increase political participation (Dowlen, 2008). J. Fishkin (2009), who developed the idea of deliberative polls (a combination of random selection and deliberation), argued that they contribute to citizens participation and motivation. A similar argument has

been developed by C. Lopez-Guerra (2011) with respect to the enfranchisement lottery, which is a kind of randomly selected citizen jury responsible for political decision-making. Importantly, in the latter two cases, motivational effects are associated not only with equal access to a position, but also with the fact that these positions involve deliberation in small groups, where each participant's voice has greater value compared to traditional voting or public consultation procedures.

Cost efficiency

Most commentators recognize that the lottery is one of the most cost-effective decision-making methods, but, surprisingly, they are not inclined to attach much significance to this when justifying its use. However, cost savings is one of the strongest arguments for the practical implementation of the decision mechanisms by economic and political actors. Moreover, when it comes to the allocation of public resources, the issue of savings can also have a very specific moral dimension. If making decisions on the allocation of limited resources involves significant transaction costs to administer the process, then adopting a much cheaper method could significantly increase the amount of resources that go directly to solving a socially important task. A pertinent example is the distribution of research grants. Traditional mechanisms based on peer review and multi-stage evaluation, when faced with a large number of high-quality applications, are associated with high evaluation costs and significant negative consequences such as demotivation of researchers and limitation of innovative approaches (Gillies, 2014; Roumbanis, 2019). Abandoning the traditional system in favor of randomly selecting applications that meet minimum quality and eligibility criteria has the potential to free up a large number of man-hours of highly skilled reviewers' labor and increase the number of projects implemented, thereby increasing the overall social value of the entire grant system. A similar logic applies to the possibility of using random selection for top positions in organizations. In a situation where hundreds of qualified candidates may apply for a single position, the attempt to make a selection based on the principles of meritocracy and impartiality entails such a time commitment that in most cases is not justified.

Simplicity

Partly related to the issue of cheapness, the simplicity of basic randomization methods has an independent and equally important significance, especially in the political sphere. Complex decision-making systems ranging from expert panels to intelligent systems powered by big data can be highly efficient and take into account numerous rational factors. However, ordinary people and even many experts typically lack the ability to comprehend these systems or control the validity of their decisions, even when all relevant information is readily available. In contrast, the lottery is the simplest of all the possible decision-making methods. The essence of this method is intuitively clear for

most people. This is an important democratic advantage that allows citizens to understand and control the key procedures underlying the governance of public life. Simplicity guarantees the broad and universal applicability of lotteries in different social contexts. A likely consequence of this simplicity may also be an increase of trust in lottery-based institutions and the legitimacy of the outcome.

Of course, randomization mechanisms, such as those underlying software- or hardware-based random number generators, can be complex and incomprehensible to ordinary users. As “black boxes” to them, they may raise reasonable suspicions of possible manipulation. Moreover, even simpler options, such as the classic lottery, may not provide the level of opportunity required for a fair lottery, and history is replete with examples of such distortions (Fienberg, 1971). Nevertheless, for most real-world situations, there are variants of the randomization strategy that are simple enough to be understandable and unpredictable enough to be considered fair. Even if the parties lack complete confidence in the randomizer’s honesty and mutual trust, there are practically acceptable solutions. For example, the different parties could use different randomizers, and the final outcome could be a combination of their results. Even for the most complex solutions, it is possible to reduce the problem to a series of binary choices made using a coin flip. For example, if one candidate must be selected from the entire world population, only 33 flips (233~8.6 billion possibilities) will suffice.

Representation

Random sampling is the key approach used in the social sciences to draw conclusions regarding the entire population by analyzing relatively small numbers of people. The same logic applies in the political sphere when it comes to the formation of representative bodies of government or other forms of democratic representation. According to J. Fishkin, the founder of the first regular political polls in the U.S., George Gallup, considered them a proxy for direct democracy, capable of accurately representing the preferences of the entire nation (Fishkin, 2009: 15). Recently, this idea has evolved. The lottery voting model, based on the random selection of voted ballots, combines the advantages of lotteries and traditional voting, achieving a more accurate representation, which is particularly valuable in forming representative bodies (Amar, 1984; Saunders, 2010; 2012). More sophisticated models, such as deliberative polls and enfranchisement lotteries, attempt to the principles of combine lottery with those of deliberative democracy. They use the random selection of citizens to form temporary advisory dies that are involved in the deliberation of policy alternatives (Fishkin, 2009; López-Guerra, 2011, 2020; Alekseeva, Loshkariov, Parenkov, 2018). The use of a lottery is assumed to provide greater representation of opinions during the deliberation phase, which, among other things, better corresponds to the democratic ideal. Representation can also be an important argument for the work of other collegial bodies, such as juries, providing a better understanding and evaluation of cases in terms of standards set by society as a whole (Elster, 1989: 95).

Cognitive diversity/Quality of solutions

Although representation may have its value from the point of view of the democratic ideal, it can also be viewed from an instrumental perspective. The use of a random selection mechanism for collective bodies or institutions has the potential to improve the quality of collective intelligence and outcomes through greater cognitive diversity. Exactly this kind of argumentation plays a key role in justifying the lottery principle in the selection of representatives, proposed by H. Landemore (2013). The rationale is based on psychological research showing that diversity can be more important to problem-solving groups than individual competence. People with different experiences, knowledge, skills, and psychological traits can look at a problem from different angles and propose the most effective solution, which is particularly valuable when developing policy recommendations. Similar considerations apply in other fields. Due to the quantitative growth in science and the wide use of quantitative metrics, the ability of researchers and science in general to identify and focus on new ideas is declining (Chu, Evans, 2021). One of the key arguments in favor of using a lottery system to distribute research grants is its ability to expand funding opportunities for unconventional, innovative projects that are typically excluded by researcher's narcissism. This can help to diversify research strategies and increase the efficiency of cognitive labor division (Gillies, 2014; Roumbanis, 2019). In the corporate sector, the growing interest of corporations in diversity management also aligns with this argument, which opens opportunities to lotteries as a possible way to ensure diversity of the workforce.

Social heterogeneity and social learning

In ordinary life, individual experience and activity are largely structured by internal and external factors. Due to institutional and personal choices, we find ourselves trapped in certain informational, epistemic, and social domains, and modern information technology only increases the likelihood of becoming trapped in them. For example, by selecting information and arguments that are more in line with one's own ideas, a person can close himself off to alternative points of view. This is reflected in the popular concepts of informational bubbles and echo chambers (Cinelli et al., 2021). Institutional and personal choice contribute to the selection of certain positions for people with a certain set of psychological traits which are enhanced in an environment where individuals share similar beliefs, as in the case of authoritarianism in law-enforcement institutions. Choosing a place to live near people of our social status triggers mechanisms of auto-segregation and ghettoization, which can become a serious social problem. There are various ways to counteract the negative consequences of these processes, but one of the simplest and most effective is randomization. Consider these hypothetical examples:

- random assignment to schools and, probably, institutions of higher education;
- random distribution of the workforce according to place of work or area of employment, considering qualifications and profession;
- determination of place of residence through a periodically held lottery;

- mandatory inclusion of randomly selected information resources in the body of content consumed by an individual;

- regular participation in social interactions with people selected randomly, for example, in advisory bodies assumed in deliberative polls and enfranchisement lottery models.

All of these and other similar examples are characterized by the introduction of a system that explicitly rejects the primacy of individual, personal choice. However, abstracting from the question of how permissible and feasible this is in a democratic (or even non-democratic) society, as well as the question of the possible costs of such an approach, we can note that all of them can theoretically be used to increase the social heterogeneity of many significant social communities and institutions, reducing social disunity and fragmentation, increasing tolerance and inclusiveness of society as a whole. For example, introducing elements of randomized allocation into law enforcement or other hierarchical entities can prevent the negative effects of institutional and personal selection that lead to overrepresentation of individuals with high social dominance orientation and/or authoritarianism in these institutions (Pratto et al., 1994; Gatto et al., 2010).

Individual creativity and openness to new experiences

Going further, a similar logic applies to the use of randomization to stimulate individual creativity and openness, to develop emotional and social intellect. The need to engage in new social relationships, and new activities, and to be exposed to alternative points of view and information, has its costs, but can be a way to expand social and intellectual experience. For example, if we imagine a hypothetical situation in which every person, in addition to his/her main activity, devotes some time to socially non-prestigious, unskilled but necessary labor, selected through random choice, this not only partly solves the problem of a fair distribution of burdens, but also provides a person with the experience necessary for a better understanding of the working and living conditions of other social groups and other types of activities. Elements of random assignment of employees to job positions within an organization may increase their understanding of the organization, and improve organizational communication and interdepartmental cooperation. Information consumption in science, focused on highly specialized and highly relevant information, supported by bibliographic search and navigation algorithms, may limit the availability of ideas and knowledge from related fields that could become sources for new hypotheses, research strategies, and approaches. For example, some studies show that there are many knowledge claims in one scientific publication. These claims can be identified by various competent readers (Shkurko, 2019). Search engines, AI-based summarization algorithms, or individual information search strategies used by scientists, may significantly reduce the probability of identifying knowledge claims embedded within particular publications beyond the most frequently occurring ones. Incorporating elements of random navigation, probably under some additional conditions regarding the quality and comprehensibility of information from related research areas, has the potential to broaden the scientific erudition of researchers and stimulate creativity.

Protection of personal freedom and prevention of manipulations

While some randomization-based solutions restrict individual freedom, other solutions can increase it. Here, freedom is viewed as protection against external manipulation. Both democratic and non-democratic regimes allow for a wide range of tactics and tools to manipulate human beliefs and behaviors that individual, organizational, and institutional actors can intentionally use to pursue their goals. Current advances in digital technologies, from predictive analytics to algorithmic recommendation services, provide extremely powerful tools for correctly identifying personal beliefs, attitudes, and behavioral patterns, and for personalizing information inputs for control and manipulation. As the digital infrastructure and technologies become more pervasive and sophisticated, fueled by both corporate interests and government policies, resisting these manipulative techniques at the individual level becomes more challenging, almost impossible. Along with institutional solutions, such as personal data regulations, which are of vague value, introducing elements of randomization into personal life and behavioral approaches can be useful. The idea is that introducing elements of randomness will reduce the effect size of any statistical measure used by predictive technologies, thus diminishing their commercial or political value.

Specific applications of this idea may vary. For example, to minimize the effectiveness of predictive technologies and targeted information influence (e.g., commercial or political advertising), it is possible to hide your search request among several randomly generated ones; to randomly assign “likes,” “dislikes,” and digital feedback to media content; or to use randomizers to increase the variety of information or entertainment content consumed (similar vein to the approach in scientific search mentioned above). It is easy to see how such techniques can be implemented in applications designed to automatically generate random browsing or shopping requests or feedback.

Beyond the digital realm, there are many ways in which individuals can use similar randomization tactics: from at least partially randomized consumption patterns to choosing random vacation routes, or even randomly deciding which of the available job positions to apply. At a more institutionalized level, consider the possible use of randomized selection among several candidates or courses of action, proposed and promoted by various advisors or interest groups. Of course, all of these types of behaviors have lots of constraints and potentially harmful consequences. However, the idea here is that they reduce the objective possibility for any external actor to correctly predict individual behavior and develop manipulation techniques.

Security

While randomization is widely used for information security purposes, such as in cryptography or in the examples above, it can also contribute to the physical and social security of vulnerable populations in some situations. Consider the acute humanitarian crisis in a densely populated area, such as in Gaza during the Israel-Hamas war in 2023-2024. Acute

food shortages required international organizations and states to attempt to provide humanitarian aid. However, organized supplies using humanitarian convoys can easily face enormous security threats: fighting over food, looting of convoys, murder of drivers, deaths from overcrowding — which were actually the case in Gaza. An alternative option would be a randomized delivery of small quantities of humanitarian aid using drones or other means. Here, randomized delivery means that the location of delivery, and probably even the time of delivery, is determined by a stochastic process. The goal is to prevent the concentration of people at the expected delivery site, by making it unpredictable, thus reducing the basis for violence and overcrowding. This logistical solution not only reduces security risks but also contributes to distributive justice, as it increases the chances of the most vulnerable individuals to receive aid. This example also illustrates the potential use of non-discrete randomization, which is often overlooked in the discussions.

Psychological grounds

There are several psychological reasons to use randomization in individual behavior, such as novelty seeking, entertainment, or status negotiation (consider the psychological functions of Russian roulette). More interestingly, individuals may use a lottery to reduce the cognitive load of decision-making and to avoid effortful and psychologically burdensome trade-offs (Ostreloch, Frey, 2019). When an individual faces a difficult and ambiguous situation, when there is no clear and unequivocal option, there is a strong motivation to find an answer — the so-called need for closure (NFC) effect. In such situations, a lottery can be *both* rationally and psychologically functional in providing an answer.

However, this type of situation is not simply a matter of individual psychology but can be a part of institutionalized solutions. Consider the position of a top official who is in charge of the immediate response to a nuclear attack. There are only a few minutes to analyze the information and make a decision. Such a high-stake decision puts enormous psychological pressure on the decision-maker, and can be paralyzing. Although training can familiarize the decision-maker with such a situation to some extent, the cognitive difficulty of the task and the high responsibility create the basis for the NFC effect. Assuming there is a set of pre-established response scenarios, adopting a random choice approach may be a viable strategy. Note that it may not only be rational in the sense that it replaces a biased intuition with a strategy that explicitly assumes a lack of solid grounds for the decision. It is also a solution that addresses the psychological stress of the situation and makes this rational decision possible.

There are other reasons why individual or collective actors may choose this approach. Here are some examples:

Counteracting the Matthew effect

The Matthew effect is a general social stratification mechanism that reinforces subtle initial inequalities and leads to greater inequality in various areas, from income to educa-

tion (Merton, 1968; Rigney, 2010). For example, slightly better admission grades lead to different educational tracks, so that those with higher grades get into a better university, receive a better education, acquire greater social and symbolic capital, and then enter the labor market with a greater advantage, leading to higher income and career opportunities, eventually resulting in a much more advantageous position compared to the initial subtle differences. Although societies develop policies to mitigate the impact of the Matthew effect, introducing elements of randomization can also help. Consider a mechanism, when at least some of the educational opportunities are randomly allocated among all eligible individuals who have admission grades above some minimum level. In such a situation, small differences in grades don't affect the outcome and don't contribute to increased inequality. Note that this use of randomization is not intended to address the problem of inequality as such, but rather to mitigate the social mechanisms that lead to the reproduction and reinforcement of inequality. The goal may be to retain the benefits of meritocracy while expanding opportunities for others to achieve comparable levels of competence. For example, a grant system might rely on rigorous evaluation of applications, but randomize the right to apply so that previous funding does not increase one's chances of winning the next grant. The possible goals of such a mechanism are to maintain both the quality of research, the diversity of science, and the quantity of motivated researchers.

Mitigating negative effects of competition

Although competition is considered beneficial for markets (economic, political, intellectual, etc.), if it is too hostile, these effects can be reversed. At the individual level, competitive pressure can lead to depression, anxiety, and other harmful outcomes (Gilbert, Maslet, Villeval, 2009), as well as unethical behavior or lower performance in organizations (Charness et al., 2014). When individuals know that their career success is partly determined by a blind mechanistic process (e.g., selection for a higher position among several approximately equal employees), this can reduce psychologically harmful perceptions and emotions, leading to a healthier social environment.

Trust building

This rationale is closely related to the prevention of abuse of power, but focuses on the more remote and indirect effects. In a situation of low social and political trust, especially institutional trust, the use of a simple and transparent lottery principle to elect representatives, form boards, committees, juries, or other governance mechanisms can reduce people's concerns and increase their trust in institutions. For example, if electoral processes are not transparent and are controlled by a political force, citizens may distrust it and the political system as a whole. To restore trust (if such a task is on the agenda), one can choose to randomly appoint eligible citizens to election commissions. Since this is a relatively simple task, there are no significant risks to the procedural effectiveness of

elections, and due to the absence of prior social ties and obligations among the recruited members, there are fewer grounds for suspicion.

Addressing the principle-agent problem in political decision-making

A typically neglected aspect of the lottery-based mechanism in political decision-making, emphasized by M. Ostreloch and B. S. Frey (2019), is that it introduces a new type of relationship between an individual and society in politics. While traditional forms of democracy rely on elected representatives, whose role is to represent the population, the random selection of an individual decision-maker leads to a different situation, with the subsequent principal-agent problem. This decision-maker represents no one but himself and is not an agent in the strict sense. The idea behind this model is that the very mechanism of random choice guarantees the representation of decisions and underlying interests. Aggregation of multiple such personalized decisions can further guarantee representation without creating a principle-agent problem.

This list of reasons to adopt a randomization-based approach is not exhaustive, but shows the range of possible social problems, where it may be relevant and considered a rational option, even if it is rejected for some reason. In many cases, the use of elements of randomization can simultaneously pursue different goals and motivations. Although the detailed elaboration of any particular solution requires analysis of the costs, barriers, and potential side effects of randomization, this is similar to any other approach, and does not raise doubts about the feasibility and reasonableness of such an option, i.e., it has some rational basis.

The Default Randomization Principle in social affairs

The previous sections have shown the variety of ways in which actors can consider using randomization to address social and political issues. The problem, however, is that randomization is generally not even considered as an option beyond minor issues and specific situations. In fact, in most cases when some form of a lottery is available, no one even tries to analyze this possibility.

To address this problem, let me propose a heuristic principle, which can be called the Default Randomization Principle (DRP). It claims *to consider randomization as a general tool or approach to social and political affairs, and use it as a default option in any situation that allows its use in principle.*

The heuristics of this principle are both pragmatic and theoretical. Pragmatically, it can be used to find new and creative ways of solving important problems in various areas of social life. Theoretically, it is a kind of thought experiment that stimulates the analysis of possible forms of social organization, their underlying conditions and possible consequences, and ultimately a better understanding of the principles and mechanisms underlying the functioning of social systems.

When randomization is taken as a default option and common practice, it seems much easier to find ways to use it rationally and effectively. Moreover, using the DRP and

accepting the idea that randomization is a general-purpose tool, seems to make it easier to respond to some typical objections to lotteries. But first, let me clarify the meaning of the principle, what it is, and what it is not.

First, default randomization doesn't mean chaos of social affairs. It doesn't mean using lotteries anytime, anywhere, and anyhow. It is a principle for responsible actors seeking at least instrumentally rational solutions to important social problems. It is applicable when the situation is described in terms of one or more of the normative or functional criteria listed in the previous section.

Second, randomization is not the final, definitive solution, but rather an option. This option can be rejected if there are important reasons to do so. However, it is the *default* option that should be considered in a relevant situation. Viewing it as the default option significantly reduces the entry barriers to using lotteries: instead of finding arguments in favor of a lottery, actors should focus on arguments about why *not to use* a lottery in a relevant situation.

Third, the ultimate basis underlying the DRP is the range of possible reasons for choosing it. This means that instead of focusing on one ultimate justification, as is often the case in the literature, the choice of randomization should depend on the assessment of multiple criteria and take into account various potential advantages and disadvantages. This is particularly crucial when lotteries are scrutinized solely in moral terms or other normative standards. However, there are many more functional advantages of lotteries that are probably more important for their implementation and use in practice.

Fourth, the principle doesn't require the use of a lottery as the sole and primary constituent of a solution. It can be combined with other principles or procedures, as in the case of lottery voting. The principle only claims to consider using randomization in any form whenever possible, unless there are important reasons not to do so.

Fifth, randomization by default means that the use of randomization-based solutions is widespread in different domains of social and political life. If it is an accepted general-purpose social device, then many actors use it regularly and in different forms to address many different problems and tasks.

With these clarifications in mind, it is possible to address key issues related to the use of randomization in real life and typical criticisms of this approach.

The Default Randomization Principle and arguments against lotteries

The DRP facilitates the recognition of novel solutions to social problems by demonstrating the variety of its possible applications and purposes. However, it would be neither fair nor rational to focus on these possible ways while ignoring many potential reasons not to use them. There are important arguments in the literature against using lotteries in social decision-making, and it seems correct to say that choosing to use some form of lottery in a particular situation is a matter of looking for the balance between pros and cons.

According to the DRP, randomization is an option, not the universal guiding principle. Its use to address a social problem requires careful consideration, and is associated

with costs, barriers, and consequences that may lead to new social issues. Therefore, the identification of counter-arguments against any particular randomization-based solution, and the conclusion about its applicability and acceptability, is a matter of a more focused and case-specific analysis. The aim of this section is not to provide a comprehensive review of all possible arguments against randomization, which are context-specific, but rather to illustrate how the DRP can address some of the most typical and common challenges associated with this approach. Such objections can be based on theoretical judgments or practical concerns.

1. *Lotteries devalue reason and/or morals.* A common type of argument against the use of randomization beyond minor issues is that it undermines decisions and solutions based on reasoning, rational or moral judgment, and replaces them with blind forces (e.g., Wolfle, 1970). Empirically, this argument has no solid grounds. Explicit social randomization has never played an important role in social and political affairs, so it had no chance to devalue reason or ethical principles. On the contrary, social institutions provide enough opportunities for individual and collective actors to make decisions, develop policies or find solutions that are fair, reasonable, and morally justified. The fact that they too often fail to do so is an indication that there are more important sources for the devaluation of reason and morality.

Theoretically, the argument relies on a narrow, decontextualized understanding of the moral or epistemic grounds of a lottery, overlooking the diversity of situations and purposes of social randomization emphasized by the DRP, as well as the conditions, under which a solution is implemented. Elster's argument that there is nothing irrational about accepting the objective limits of human reason and using random selection when reason does not provide a clear solution to the problem is not the only response to this criticism. Random choice can be justified by reason and moral judgment even in the absence of epistemic limits. From the perspective of the DRP, explicit normative justification for a particular choice is not the only evaluation criterion. If a decision takes into account cost, speed, the quality of outcome, or other criteria, the absence of an explicit judgment in favor of an alternative doesn't matter. Rather than a narrow understanding of the moral and rational reasons for a particular decision, the DRP takes a broader, contextualized approach that looks for reasons for choosing the very procedure of decision-making. If moral and rational judgment focuses on the conditions, under which a decision is implemented, and not merely on the evaluation of available alternatives, then the choice of a randomization procedure itself may satisfy the normative criteria. If there are good reasons to expect that the actors responsible for making certain decisions (e.g., evaluating applicants) are lazy, prejudiced, and think they are underpaid, and there is no obvious way to change the situation immediately, then those who are responsible for designing the decision-making procedure, may reasonably prefer a mechanistic, a-rational solution.

Moreover, random selection may be only one component of the solution to a problem, and deliberation and moral judgment may be implicated in other components of the solution. For example, using some form of randomization to determine who will make

political decisions doesn't prevent deliberation and moral judgment from being involved in policymaking, evaluating decisions, and controlling the decision-maker through traditional mechanisms. In general, reason and morality can manifest themselves in justifying the choice of a lottery for a particular type of situation, and in developing the procedure for its implementation.

2. *Lottery has no moral advantage against arbitrary choice.* This argument has been elaborated in detail by T. Henning (2015), who criticizes three strategies of moral justification for lotteries, arguing that they are not morally better justified than arbitrary choice. Moreover, using the lotteries to avoid difficult moral decisions encourages the use of simple mechanistic tools instead of moral judgment. However, avoiding hard choices is itself morally inappropriate and devalues moral judgment as such (see the previous argument). From the perspective of the DRP, the argument tends to focus on morally difficult situations of the conflict between equal alternatives, such as choosing who to save when two people need medical treatment. However, there are many other types of situations in which social randomization is possible, with different sets of evaluative criteria. Many ways of using randomization described above do not involve morally difficult choices so the moral justification for rejecting lotteries cannot be the universal and decisive argument. Also, Henning's argumentation tends to consider a situation of hard choice in isolation, without considering the whole set of reasons for using lotteries, as well as their possible consequences. He admits that lotteries can often be rational and have pragmatic value, but he doesn't include this in the moral justification. However, the pragmatic or functional benefits of lotteries also have a moral dimension: if a lottery reduces transaction costs that can be redirected to solving important social problems, then the very choice of this procedure is morally acceptable, at least from a utilitarian point of view. Finally, as argued above, the lack of moral justification for a particular choice in a problem addressed by a lottery does not mean that the choice of the lottery mechanism itself, as well as the specification of its procedure and the evaluation of its results, is not guided by reason or moral judgment.

3. *Lotteries demotivate good behavior and reduce efficiency.* The reverse side of the claim that randomization can demotivate bad behavior, such as corruption, is that it can also demotivate good behavior, leading to important failures of performance and efficiency in social functioning. This is an important argument against lotteries, especially in competitive and meritocratic social contexts such as the professional labor market. For example, competent candidates for a job may be discouraged from applying and investing in their professional development if they know that positions are randomly allocated and that random people have an equal chance of winning the position. Using lotteries in such a situation can be both unfair and inefficient (Goldman, 1977). Moreover, it can lead to deprofessionalization of key social institutions, increase in incompetence, decrease in economic development and other negative effects.

The DRP addresses this serious problem in several ways. First, it claims that randomization can be only one part of a more complex solution. For example, the whole solution may allow a pre-selection procedure to filter out applicants who do not meet the

minimum criteria for a position, minimizing the need to compete with “random people.” Second, if lotteries are widespread and most positions (in business, academia, and politics) are randomly allocated, then losing a position in one case shouldn’t be critical for an individual because there are other similar positions to apply for. Third, equal access to a position doesn’t guarantee that the person will get that position under any circumstances. Each position is associated with duties and responsibilities, and “random people,” if they are rational, should understand that their poor performance will result in losing the position or facing other negative consequences. This can lead to a decrease in competition for scarce positions. Finally, the Principle doesn’t insist that lotteries should be used under any circumstances: if there are compelling arguments against using them for a particular type of position, then they shouldn’t be used.

It is not clear whether random assignment of functional roles in a given social system or for a given type of role (e.g., political decision-makers or top positions in organizations and institutions) will inevitably lead to diminished performance or dysfunctional consequences compared to existing mechanisms of role assignment. At present, many important positions are filled on the basis of suboptimal meritocratic criteria or are the result of a “natural lottery,” e.g., business owners who inherited assets, top managers or professionals who obtained a position through patronage or corruption, political leaders who gained power through violence or deception. What matters here is not that such allocation mechanisms exist and are widespread, but that the systems of organized action based on them (organizations, institutions) can still function and be sufficiently effective to maintain the social system. One shouldn’t underestimate the power of roles and institutions to withstand individual misbehavior or incompetence. From the perspective of the DRP, this means that even if social randomization does indeed demotivate useful behavior, it can be sufficiently functional for role allocation to maintain the social system, and at the same time it provides other benefits to individuals and societies — including the possible professional development of those who are excluded from overly competitive labor markets due to reduced barriers to entry.

4. *Lotteries motivate bad behavior.* The opposite example of the motivational effects of randomization is that it can provide opportunities for bad people to do bad things. This is one of the main arguments against lottery voting and other forms of lottery in the political realm: that randomization increases the likelihood of extreme minorities gaining power (see discussion in Delgado, Pestaña, 2020; Saunders, 2010). This argumentation is both empirically and theoretically weak. First, existing political institutions provide enormous opportunities for highly motivated radical minorities and sociopaths to gain power, with consequences, that can be fatal to the very existence of human civilization. Second, randomized access to political power doesn’t mean that all the other institutions and mechanisms of democratic control should be abandoned. If they are effective, they will minimize the possible negative effects of the radical views of the decision-maker.

Beyond theoretical arguments against randomization, there are practical reasons why such solutions are unlikely to be implemented due to institutional barriers and human resistance.

5. *Institutional barriers.* Introducing social randomization into the core and institutionalized elements of social organization, such as the election of public officials, will require large-scale social, political, and legal transformations, which might be too costly in terms of finances, organization, and competencies to be seriously considered. It is worth noting that societies with the most developed and complex institutional organization will face the greatest challenges of adopting randomization-based strategies precisely because of this complexity. Although such practical issues are important barriers to the implementation of social randomization, they are probably not as solid as they seem.

First of all, barriers to the implementation of a social innovation do not tell us anything about its success and survival if it implemented. As is often the case in biological and social evolution, it might be sufficient to overcome the barrier just once, and the successful practice will spread. Introducing numerous variations of a randomization-based solution to social problems will increase the chances of finding the one that works. In this respect, the rare cases of social randomization known from the practice and history, are not sufficient — and even these rare cases didn't show that lotteries are unequivocally dysfunctional.

To extend this evolutionary metaphor further, one can focus on environmental changes that may occur globally or locally and lead to changes in the adaptability of lotteries to new conditions. Societal transformations resulting from internal or external crises (wars, regime changes, technological progress, ecological degradation, economic decline) often create opportunities for the emergence of new forms of social organization. Institutional barriers that seem so solid in a stable society, can rapidly weaken or even disappear during such transformations. At present, the chances of such transformations on a global level are not negligible, due to military conflicts, environmental threats, or the population growth. In the case of rapid transformation leading to institutional collapse and social disintegration, simpler solutions to social problems have an advantage, and social randomization is one of them. The DRP, which familiarizes actors with the possible uses of randomization, allows for its adoption during the crisis, providing an alternative to other simple solutions such as those based on violence or direct democracy. Similarly, there are other sources of environmental change that may weaken institutional barriers to social randomization. For example, the exploration of new habitats in space or virtual worlds may provide both opportunities and demands for forms of social organization that are unfamiliar on Earth and are not bound by existing institutional and normative systems.

6. *Social resistance.* Another practical issue is that people may resist randomization because they believe it violates important normative standards for any meaningful action, e.g., eliminates reason, moral judgment, or personal responsibility (Keren, Teigen, 2010; Oberholzer-Gee, Bohnet, Frey, 1997; Wolfle, 1970). They may also resist it because it is too strange. Moreover, it is easy to predict that individuals and groups whose interests are affected by social randomization, will try to prevent its adoption, to hack or bypass the new mechanism to maintain the status quo.

However, randomization is not unique in generating potential sources of resistance. Most of today's institutions were innovations in the past, faced such resistance, and suc-

ceeded in overcoming it, sometimes drastically altering power relations. The diversity of modern societies and contexts facilitates the possibility of experimenting with social randomization if it is recognized as an option, and the variety of its possible uses supported by the DRP facilitates such recognition. The focus on the instrumental value of randomization-based solutions may reduce resistance by increasing the benefits to actors. Finally, by broadening the scope of random choice applications in social affairs, the DRP seeks to familiarize actors with this approach. Starting with social experiments and the selection of successful practices, it is possible to provide the information necessary to estimate their net balance of outcomes and make them more common, thus reducing the basis for resistance.

In fact little is currently known whether people would resist lottery-based mechanisms to the point of unconditional rejection. In a series of experiments G. Keren and K.H. Teigen (2010) used hypothetical situations to investigate how people perceive the use of lotteries in making serious and morally difficult decisions, such as choosing whom to save. They found that even if people recognize the fairness of a randomizer, they are reluctant to use it in actual decision-making. However, the study used only one type of serious decision, and cannot be generalized to the full range of situations in which randomization is possible. Also, the conclusions are statistical, which means that many people still see randomization as appropriate, not just fair. Finally, the authors identify some conditions that increase the acceptability of the use of randomizers, in particular the lack of information for reasoned decisions, and the way how the randomization procedure is described. Again, by demonstrating the variety of situations and ways in which randomizers can be used, as well as the reasons for doing so, the DRP increases the chances of identifying social problems where randomization will be perceived as appropriate.

An alternative source for understanding the roots and extent of human resistance to randomization is human-computer interaction studies. The core feature of social randomization is that it is actually not social, i.e., it is a non-agentic mechanism of decision-making. This means that it eliminates issues of social comparison, and thus may reduce the resistance, caused by the possibility of social losses, exclusion, and pain. Whether humans respond similarly to humans and computers in socially sensitive situations (e.g., winning or losing, social exclusion, and so on) remains a controversial issue (Kätsyri et al., 2013; Jauch, Rudert, Greifender, 2022), but there are reasons to believe that such similarity is supported by anthropomorphism, which is especially probable for AI. Indeed, people easily ascribe agentic properties to technical objects, social entities, or institutions. On the contrary, it is difficult to perceive randomizers as social agents, and thus negative effects of social exclusion or loss, which are particularly important in highly competitive contexts, may be less harmful, leading to less resistance. Further research is needed to compare the acceptability of randomizers in situations of social threat.

The fact that the DRP helps to address several common arguments against lotteries does not mean that it is easy to implement in real life or that it doesn't have important drawbacks or negative consequences. This, however, is true of any other approach to social problems, especially novel ones, and does not refute the conclusion that social ran-

domization is applicable to many solutions to social problems. The majority of existing social designs have been developed for a long period of time and have required painstaking fine-tuning, and there is no a priori reason to believe that this cannot be done with lotteries.

Conclusion

The idea that chance and random choice can play an important role in social life and be a part of the rational organization of society is not new and in some form has been advocated by scholars for years. Yet, it is difficult to imagine that the use of lotteries beyond some trivial cases can be a fundamental principle of social or political institutions in real life. Some forms of randomization-based strategies and approaches to social problems require significant changes in the institutions and social organization of society. For example, addressing social problems such as segregation, informational fragmentation, or increasing inequality through forced random allocation imposes critical limits on personal freedoms and requires changes in constitutions and legal systems. However, beyond the theoretical value of hypothesizing what such a lottery-based society might look like, there are numerous more modest ways to use lottery to solve many social problems. It is relatively easy to develop and implement approaches using social randomization at the group, organizational or local level.

Today, there is a vicious circle in the use of social lotteries. The practice of using them beyond trivial cases is rare and there is minimal empirical evidence to support the analysis of their costs and benefits. Without such a basis, actors do not even recognize randomization as an option to consider. The present analysis and the heuristics of the Default Randomization Principle facilitate the perception of social randomization as a general-purpose tool and the search for creative ways to use it. Regardless of the possible assessment of the net benefits and costs balance associated with randomization, considering it as a rational option increases the number of options available for dealing with social issues, and the flexibility of social actors in choosing the course of action.

References

- Alekseeva T. A., Loshkariov I. D., Parenkov D. A. (2018) Is it time for lottery-based authorities? *Polis. Political Studies*, no 6, pp. 142-154. (In Russian)
- Amar A. R. (1984) Choosing Representatives by Lottery Voting. *The Yale Law Journal*, vol. 93, no 1018, pp. 1283-1308.
- Charness G., Masclot D., Villeval M. C. (2014) The dark side of competition for status. *Management Science*, vol. 60, no 1, pp. 38-55.
- Chu J. S. G., Evans J. A. (2021) Slowed canonical progress in large fields of science. *PNAS*, vol. 118, no 41, Article e2021636118.
- Cinelli M., Morales G. de F., Galeazzi A., Quattrocioni W., Starnini M. (2021) The echo chamber effect on social media. *PNAS*, vol. 118, no 9, article e2023301118.

- Delgado J.C., Pestaña J.L.M. (2020) Democracy and Sortition. Arguments in favor of randomness. *Routledge Handbook of Contemporary European Social Movements: Protest in Turbulent Times* (ed. C. F. Fominaya, R. A. Feenstra), London; New York: Routledge, pp. 100-111.
- Douglas M. (1986) *How institutions think*, New York: Syracuse University Press.
- Dowlen O. (2008) *The Political Potential of Sortition: A Study of the Random Selection of Citizens for Public Office*, Exeter: Imprint Academic.
- Eisenberg T., Fisher T., Rozen-Zvi I. (2012) Does the judge matter? Exploiting random assignment on a Court of Last Resort to assess judge and case selection effects. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 9, no 2, pp. 246-290.
- Elster J. (1989) *Solomonic Judgements: Studies in the Limitations of Rationality*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Epstein G. S., Nitzan S. (2006) The politics of randomness. *Social Choice and Welfare*, vol. 27, pp. 423-433.
- Fienberg S. E. (1971) Randomization and social affairs: The 1970 Draft Lottery. *Science*, vol. 171, pp. 255-261.
- Fishburn P. C. (1972) Even-chance lotteries in social choice theory. *Theory and Decision*, vol. 3, pp. 18-40.
- Fishkin J. S. (2009) *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation*, Oxford: Oxford University Press.
- Frankish K. (2010) Dual-process and dual-system theories of reasoning. *Philosophy Compass*, vol. 5, no 10, pp. 914-926.
- Gatto J., Dambrun M., Kerbrat C., De Oliveira P. (2010) Prejudice in the police: On the processes underlying the effects of selection and group socialization. *European Journal of Social Psychology*, vol. 40, no 2, pp. 252-269.
- Gilbert P., McEwan K., Bellew R., Mills A., Gale C. (2009) The dark side of competition: How competitive behaviour and striving to avoid inferiority are linked to depression, anxiety, stress and self-harm. *Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice*, vol. 82, no 2, pp. 123-136.
- Gillies D. (2014) Selecting application for funding: why random choice is better than peer review. *RT. A Journal on Research Policy & Evaluation*, vol. 2.
- Goldman A. Y. (1977) Justice and hiring by competence. *American Philosophical Quarterly*, vol. 14, no 1, pp. 17-28.
- Goodwin B. (1984) Justice and the lottery. *Political Studies*, vol. XXXII, pp. 190-202.
- Gueron J. (2008) The politics of random assignment: implementing studies and impacting policy. *Journal of Children's Services*, vol. 3, no 1, pp. 14-26.
- Hall M. (2010) Randomness reconsidered: modelling random judicial assignment in the U. S. Courts of Appeals. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 7, no 3, pp. 574-589.
- Henning T. (2015) From choice to chance? — Saving people, fairness, and lotteries. *Philosophical Review*, vol. 124, no 2, pp. 169-206.
- Jauch M., Rudert S. C., Greifeneder R. (2022) Social pain by non-social agents: exclusion hurts and provokes punishment even if the excluding source is a computer. *Acta Psychologica*, vol. 230, no 103753.

- Kättsyri I., Hari R., Ravaja N., Nummenmaa L. (2013) The opponent matters: elevated fMRI reward responses to winning against a human versus a computer opponent during interactive video game playing. *Cerebral Cortex*, vol. 23, pp. 2829-2839.
- Keren G., Teigen K. H. (2010) Decisions by coin toss: inappropriate but fair. *Judgment and Decision Making*, vol. 5, no 2, pp. 83-101.
- Landmore H. (2013) Deliberation, cognitive diversity, and democratic inclusiveness: an epistemic argument for the random selection of representatives. *Synthese*, vol. 190, no 7, pp. 1209-1231.
- Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D. S., Taylor M. A., Van Ness M. A., Wood M. (2016) What are dual process models? Implications for cultural analysis in sociology. *Sociological Theory*, vol. 34, no 4, pp. 287-310.
- López-Guerra C. (2011) The enfranchisement lottery. *Politics, Philosophy & Economics*, vol. 10, no 2, pp. 211-233.
- López-Guerra C. (2020) Democrats, epistocrats, and the enfranchisement lottery. *Georgetown Journal of Law & Public Policy*, vol. 18, pp. 773-786.
- Manis J. G., Meltzer B. N. (1994) Chance in human affairs. *Sociological Theory*, vol. 12, no 1, pp. 45-56.
- Merton R. K. (1968) The Matthew effect in science: The reward and communication systems of science are considered. *Science*, vol. 159, no 3810, pp. 56-63.
- Ni D. (2022) Want to buy a house in a big Chinese city? Try winning the lottery first. Sixth Tone, Jan 27, 2022. Available at: <https://www.sixthtone.com/news/1009555/want-to-buy-a-house-in-a-big-chinese-city%3F-try-winning-the-lottery-first> (accessed 11 November 2023).
- Oberholzer-Gee F., Bohnet I., Frey B. S. (1997) Fairness and competence in democratic decisions. *Public Choice*, vol. 91, no 1, pp. 89-105.
- Osterloh M., Frey B. S. (2019) Dealing with randomness. *Management Revue*, vol. 30, no 4, pp. 331-345.
- Paluck E. L., Porat R., Clark C. S., Green D. P. (2021) Prejudice reduction: progress and challenges. *Annual Review of Psychology*, vol. 72, pp. 14.1-14.28.
- Persad G., Wertheimer A., Emanuel E. J. (2009) Principles for allocation of scarce medical interventions. *Lancet*, vol. 373, pp. 423-431.
- Pratto F., Sidanius J., Stallworth L. M., Malle B. F. (1994) Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 67, no 4, pp. 741.
- Rawls J. (1999) *A theory of justice*. Revised edition, Cambridge: Harvard University Press.
- Rigney D. (2010) *The Matthew effect: How advantage begets further advantage*, Columbia University Press.
- Roumbanis L. (2019) Peer review or lottery? A critical analysis of two different forms of decision-making mechanisms for allocation of research grants. *Science, Technology, & Human Values*, vol. 44, no 6, pp. 994-1019.
- Saunders B. (2008) The equality of lotteries. *Philosophy*, vol. 83, pp. 359-372.
- Saunders B. (2010) Democracy, political equality, and majority rule. *Ethics*, vol. 121, no 1, pp. 148-177.

- Saunders B. (2012) Combining lotteries and voting. *Politics, Philosophy & Economics*, vol. 11, no 4, pp. 347-351.
- Sharma R., Sparber C. (2020) Buying lottery tickets for foreign workers: search cost externalities induced by H-1B policy. *IZA Discussion Papers*, no 13892, Bonn: Institute of Labor Economics.
- Sherman J. W., Gawronski B., Trope Y. (eds.) (2014) *Dual Process Theories of Social Mind*, New York: The Guilford Press.
- Sher G. (1980) What makes a lottery fair? *Noûs*, vol. 14, no 2, pp. 203-216.
- Shkurko A. V. (2018) How many knowledge claims are there in a scientific text? A study of three neuroscientific articles' content as reflected in the citing publications. *Sociology of Science and Technology*, vol. 9, pp. 71-85.
- Sönmez T., Ünver M. U. (2011) Matching, allocation, and exchange of discrete resources. *The Handbook of Social Economics* (eds. J. Benhabib, A. Bisin, M. Jackson V.), vol. 1A, North-Holland, pp. 781-852.
- Sonnert G. (2020) Give chance a chance: an alternative process for selecting U. S. Supreme Court Justices. *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 45, no 1, pp. 33-49.
- Stone P. (2007) Why lotteries are just. *The Journal of Political Philosophy*, vol. 15, no 3, pp. 276-295.
- Turchin P., Currie T. E., Whitehouse H., Francois P. et al. (2018) Quantitative historical analysis uncovers a single dimension of complexity that structures global variation in human social organization. *PNAS*, vol. 115, no 2, pp. E144-E151.
- Waxman W., McCulloch A. (2022) *The Democracy Manifesto: A Dialogue on Why Elections Need to be Replaced with Sortition*, Lanham: Lexington Books.
- Wolfe D. (1970). Chance, or human judgment? *Science*, vol. 167, no 3922, pp. 1201.

Социальная рандомизация: могут ли лотереи быть общим подходом к решению общественно-значимых проблем?

Александр Шкурко

Кандидат социологических наук

Независимый исследователь

Адрес: пр. Столыпина, д. 31, Ульяновск, 432072 Российская Федерация

E-mail: khanovey@protonmail.com

В статье анализируется расширенная версия идеи, что целенаправленная рандомизация, частным случаем которой являются лотереи, может быть полезным способом решения многих общественных и политических проблем, выходящих за рамки тривиальных ситуаций. Статья вносит вклад в дискуссию о социальных и политических лотереях тремя основными способами. Во-первых, в ней обосновывается, что социальная рандомизация применима к различным типам ситуаций и задач, не сводящимся к тривиальному случаю разрешения ничьей и в целом — к выбору между дискретными альтернативами, как это обычно представлено в литературе. Это позволяет расширить потенциальную сферу применения рандомизации, в частности, за счет ее использования для решения

задач оценки или разработки политических мер и управленческих практик. Во-вторых, в статье продемонстрировано многообразие возможных причин и обоснований использования рандомизации при решении общественно-значимых проблем. Тем самым дополнительно расширяется спектр возможных приложений принципа лотереи. В то время как в философских дискуссиях основное внимание уделяется таким нормативным обоснованиям рандомизации как честность, равенство и эпистемическая рациональность, существует множество других причин, в том числе инструментальных, которые могут играть важную роль в ее практических применениях. В-третьих, отталкиваясь от описания вариативности форм социальной рандомизации, в статье предложен эвристический принцип «рандомизации по умолчанию», согласно которому использование случайности целесообразно рассматривать как общий подход в решении общественно-значимых проблем, используемый рациональными акторами в качестве общепринятой опции. Смысл принципа заключается в том, что принятие социальной рандомизации как общего подхода способствует осознанию ее потенциала в решении общественных проблем, а также дает ответ на ряд типичных аргументов против применения лотерей в жизни общества.

Ключевые слова: социальная рандомизация, случайность, социальные лотереи, политические лотереи, жеребьевка, общественные проблемы

«Социетальное сообщество» Т. Парсонса в теоретико-эмпирической трактовке Дж. Скиортино*

Ирина Троцук

Доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
ведущий научный сотрудник, Центр аграрной социологии,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Адрес: просп. Вернадского, 82, Москва, 119574 Российская Федерация
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Структурный функционализм Толкотта Парсонса — обязательный структурный элемент работ по истории и теории социологии: с одной стороны, постулируется и обосновывается его вклад в развитие макросоциологической версии теоретизирования в контексте «парадигмы социальных дефиниций», родоначальником которой считается Эмиль Дюркгейм (понятия социального факта, социального института, механической и органической социальной солидарности, объективного научного метода и т. д.). С другой стороны, в реконструкцию концепции Парсонса неизменно встроены критические аргументы, суть и объем которых варьируют от кратких упоминаний чрезмерной абстрактности (телеологичности) и даже утопичности предложенной схемы до развернутых цитат из многочисленных работ представителей тех исследовательских направлений, развитие которых в значительной степени отталкивалось от несогласия с конкретными постулатами или с общей логикой рассуждений Парсонса о структуре социальной системы и сути социального действия (как правило, здесь обязательно упоминаются представители теории конфликтов). Подобный формат презентации парсоновского наследия стал общепринятым, и потому несколько неожиданным оказалось наметившееся в последние два десятилетия возрождение интереса к идеям Парсонса, прежде всего, к понятию социетального сообщества, причем в весьма практико-эмпирическом ключе, в работах Джузеппе Скиортино (с соавторами). Признавая объективную невозможность вместить в ограниченный объем статьи все связанные с этим сюжетом тематические линии, аргументы и источники, а также высокую вероятность субъективных смещений в их реконструкции и интерпретации, автор предпринимает попытку представить общую аргументацию Скиортино, начиная с отвержения избыточно упрощенного историко-критического восприятия наследия Парсонса и попыток систематизировать те его теоретические построения, что требуют лишь некоторого уточнения для применения в изучении современных социальных реалий, и заканчивая обозначением тех областей теоретического и эмпирического социологического анализа, где парсоновская модель социетального сообщества обладает очевидным эвристическим (и даже гуманистическим) потенциалом, несмотря на свои общепризнанные ограничения.

Ключевые слова: Толкотт Парсонс, Джузеппе Скиортино, социетальное сообщество, современное общество, социальная система, типы социальной солидарности, социальная дифференциация, социетальная интеграция, социальная стабильность

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Основные аргументы критиков «высокой теории» и причины несогласия с ними

В истории современной социальной мысли Толкотт Парсонс обладает столь непререкаемым авторитетом, что критические замечания в адрес его концептуальных построений не снижают число ссылок на его работы в любых макросоциологических описаниях. Беглый просмотр списка публикаций, которые выдают российские и зарубежные поисковые системы по запросу «критика Парсонса», показывает, что со времен выхода в свет известной работы Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (Mills, 1959) многочисленные критические оценки парсоновского наследия продолжают формировать два условных блока аргументов. В первом случае Парсонс выступает как «наиболее выдающийся представитель интеллектуального стиля “высокой теории”» (прежде всего, благодаря книге: Parsons, 1951), которая имеет ограниченное применение и трудна для понимания даже профессионалами. Наиболее радикальная критика сводит его теоретические построения к «неуклюжей высокопарной бессмыслице», более сдержанная — пытается обнаружить в них «глубоко зарытое рациональное зерно», отмечая, что «555-страничную “Социальную систему” можно было бы перевести на вразумительный английский язык на 150 страницах... с использованием терминологии, способствующей наиболее ясному пониманию изложенных ключевых проблем и путей их решения», что избавило бы книгу от «исходной ориентации на столь общий уровень рассуждений, что снизить до наблюдений становится логически невозможным... реальность практически исчезает со страниц... — “высокая теория” настолько упивается синтаксисом, что остается слепа к семантике... ее представители настолько жестко ограничивают себя высокими уровнями абстракции, что их “типологии” и вся работа по их построению представляются бесплодной игрой в понятия», которая имплицитно тяготеет к легитимации существующего социального порядка и «оправданию стабильных форм господства» (Миллс, 2001: Глава 2; см. также: Lockwood, 1956).

Второй условный блок критических возражений в адрес парсоновской модели социальной системы отмечает не столько ее чрезмерную абстрактность, сколько неспособность объяснить внутренними причинами «структурные антагонизмы, массовые волнения, революции... фактически “система”, раз установившись, является не только стабильной, но внутренне гармоничной... и нарушения должны “вводиться в систему извне”... идея нормативного порядка приводит к признанию гармонии интересов как естественной характеристики любого общества (см. подробнее в: Coser, 1956)... Магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии лишают “систематическую” и “общую” теорию возможности иметь дело с социальными изменениями... и “коллективным поведением” доведенных до крайности людей, взвинченных толп и массовых движений... ей вообще недоступны какие-либо систематические представления о действительном ходе истории, ее механике и процессах» (Миллс, 2001: Глава 2; см. также: Кравченко, 1994).

Несмотря на критику предложенной Парсонсом модели за «теоретическую неверифицируемость, аналитическую направленность, статичность, невниманье к изменениям, конформизм по отношению к социальным порядкам, антимарксизм, пренебрежение активной жизненной позицией личности, апологетику капитализма», за то, «что любая девиация и конфликт квалифицируются как нарушение равновесия системы», и объясняются только «“прогрессивные” изменения, способствующие равновесию, а изменения, приводящие к общественным катастрофам, не объясняются и не прогнозируются», а также за «телеологизм и тавтологичность» (Батыгин, 2003; Sztompka, 1974), невозможно отрицать огромное влияние идей Парсонса на современную социологическую теорию (см., напр.: Burger, 1977; Gouldner, 1956; Munch, 1981; 1982; Turner, 1974), включая «аналитическую и позитивистскую школы и неомарксизм», и на «разработку аналитической методологии социального исследования, позволяющей работать с абстрактными теоретическими описаниями» (Батыгин, 2003).

Впрочем, можно обнаружить и иные причины несогласия с построениями Парсонса, например, представитель институционализма Ч. Камик (Camic, 1987; 1989; 1990; 1992) утверждал, что Парсонс предпочитал дискутировать не столько со значимыми концепциями, сколько с репутационными тяжеловесами (В. Парето, Э. Дюркгеймом и М. Вебером; см., напр.: Parsons, 1960; Lassman, 1980; Sciulli, 1984), значимыми для «локальной» Гарвардской традиции. Принципиальное несогласие с данной критикой привело к неожиданному (для ряда историков и теоретиков социологии) возвращению понятия «социетальное сообщество» в научный дискурс (пусть и не в социолого-теоретический «мейнстрим»): в 1996 году в журнале «Социологическая теория» вышла статья Дж. Александра и Дж. Скиортино (Alexander, Sciortino, 1996; см. также: Alexander, 1984), в которой они критиковали подобную «редукционистскую» оценку наследия Парсонса как обусловленную не столько ошибочной интерпретацией, сколько попыткой радикально переориентировать сложившуюся в социологической теории историографическую модель. По их мнению, Камик рассматривает работы Парсонса исключительно в их социально-институциональном контексте, т. е. как неустанный поиск академического признания и статуса, и настаивает на трактовке социологии, радикально отличающейся от парсоновской, — не как последовательной интеллектуальной дисциплины (общей теории), а как каталога (исторически обусловленных понятий и аргументов), или «галереи социологий».

Поскольку анализ аргументации Александра и Скиортино в отношении институциональной критики системной модели Парсонса не входит в задачи статьи, кратко суммируем их возражения: Парсонс признавал обоснованность институциональной критики неоклассической экономики, но полагал, что институционалисты выбрали неверный путь — критиковали утилитаризм с эмпирических позиций, а он в работе «О структуре социального действия» — с аналитических (Alexander, 1984); институционалисты считали социологию «энциклопедической наукой о целостных явлениях, но практически каждый раздел “Структуры соци-

ального действия” был призван показать ограничения этой трактовки и отграничить социологию аналитически, а не эмпирически, от остальных социальных наук» (Alexander, Sciortino, 1996: 163). Иными словами, «деконструкция классики нашей дисциплины необязательно преследует деструктивную цель. Сегодня социологическая наука уже достаточно зрелая, чтобы не соглашаться со своими отцами, не фантазируя при этом об их злых и тайных намерениях» (Alexander, Sciortino, 1996: 170).

Солидаризирующе-плюралистичная версия социетальности

Скиортино «конструктивно деконструирует» парсоновскую концепцию социетального сообщества, опираясь на лежащую в ее основе схему AGIL — адаптация (A — adaptation), достижение цели (G — goal attainment), интеграция (I — integration) и регулирование латентных функций (L — latent pattern maintenance) (Sciortino, 2015a), которую Парсонс считал результатом своих поисков модели многомерного анализа (Alexander, 1984), способной преодолеть противостояние материальных и идеальных факторов (см., напр.: Parsons, 1991; Parsons, Bales, 1955). Несмотря на критику парсоновской модели (за «эндемичную тетраманию», «надуманные аналогии», «необоснованные ограничения теоретического мышления» и т. д.), Скиортино считает ее «одной из наиболее всеобъемлющих и технически сложных концептуальных схем, когда-либо разработанных в социальных науках» (Sciortino, 2015a: 381): парсоновская «общая система социальных ожиданий может регулировать и поддерживать взаимодействие множества независимых акторов (не имеющих предопределенных — биологически или экологически — механизмов координации)», т. е. это версия «институционального индивидуализма», где агентность — не теоретический конструкт, а результат изучения процесса развития, в котором социальные взаимоотношения и культурные образцы играют решающую роль. Поскольку независимость акторов влечет определенный уровень неопределенности и риска для всех участников взаимодействия, адекватная координация и взаимное понимание (как основа социального порядка) гарантируются общей системой нормативных ожиданий (Parsons, 1968). Эта система формируется в ходе социализации (избирательное усвоение культурных паттернов) и институционализации (избирательное встраивание в распределение социальных вознаграждений): «“полная институциональная интеграция индивидуальной мотивации” — ...не эмпирическое описание или нормативный идеал, а абстрактная точка соотнесения, критерий для сравнительной оценки относительного отклонения от нее разных эмпирических контекстов» (Sciortino, 2015a: 383).

Скиортино рассматривает (противоречивые, на его взгляд) парсоновские эксперименты с моделью AGIL в анализе социальных институтов на примере модели LIGA: более информационно насыщенные подсистемы (L) обычно более автономны, что позволяет им «контролировать» свои внутренние изменения (Parsons, Platt, 1973). «С начала 1960-х годов Парсонс развивает модель AGIL в двух направ-

лениях: как схему для изучения аналитических структур социальной системы, включая современные общества, и как образец инструмента обмена, связующего индивидуальное действие и социальную структуру... Применительно к современным обществам... схема AGIL позволяет выделить четыре подсистемы... как “структурно видимые”... кластеры функционально дифференцированных, преимущественно автономных институтов и общностей с особыми задачами (социетальные подсистемы)» (Sciortino, 2015a: 387). Экономические институты — адаптивная подсистема современного общества, политические институты отвечают за достижение целей, фидуциарная подсистема обеспечивает культурные и мотивационные обязательства в сложном и плюралистичном мире, а интегративная подсистема следит за «определением членства, управлением правами и обязанностями согласно социальным статусам заданной системы и разрешением споров между конкурирующими лояльностями» («социетальная общность» оказывается своего рода аналогом соотношения механических и органических форм солидарности у Дюркгейма) (Sciortino, 2015a: 387).

Скиортино реконструирует логику рассуждений Парсонса о переходе к современному обществу следующим образом: промышленная революция затронула преимущественно сферу экономики (А), но процесс дифференциации потребовал широкомасштабных изменений в институтах коллективного принятия решений, т. е. демократической революции (G), что обусловило переопределение социетального членства, т. е. социальную революцию (западная модель гражданства и государства всеобщего благосостояния) (Sciortino, 2010). «Повседневное эгалитарное взаимодействие требует все большего принятия различий и плюрализма... что заставляет фидуциарную подсистему отрывать ценности от любой жестко заданной традиции, тем самым наращивая то, что Парсонс называл “обобщением ценностей”. Он полагал, что основные проблемы современных дифференцированных обществ коренятся в последствиях включения (в социетальное сообщество) и обобщения ценностей... Парсонс утверждал, что две следующие революции — образовательная и эмоциональная — оказались недооцененными, но решающими событиями для современных обществ» (Sciortino, 2015a: 388).

Для Парсонса социальная интеграция — нечто отличное и от политической традиции (понятия консенсуса), и от эволюционного различия механического и органического типов солидарности: для Парсонса оба типа наличествуют в любой социальной системе, независимо от уровня ее сложности (Parsons, 1960). «Это не две социетальные формы интеграции, а скорее два ее измерения — аналитически выделяемые и задающие две оси интеграции в каждой социальной системе. Механическая солидарность определяет координацию элементов системы как включенных в нее в равной степени (институты гражданства, сети солидарности и категории принадлежности), а органическая солидарность — как включенных в нее в соответствии со степенью своей дифференциации (социальный контракт, особые интересы, ценности, компетенции и вкусы). Обе оси имеют конститутивное значение для всех социальных систем, и в этом смысле “простые” общества

столь же сложны, как и “современные”... Адекватная теория социальной интеграции должна сосредотачиваться на том, как регулировать и обеспечивать совместимость разных форм социальной солидарности» (Sciortino, 2010: 242).

В условиях механической солидарности множественность коллективных идентичностей связана с членством в разных группах и соответствующими ожиданиями; в условиях органической солидарности складываются кластеры взаимодействий, которые конкурируют за ресурсы на свои цели. Социетальная интеграция становится задачей второго порядка — призвана обеспечить реципрокные взаимодействия интегративных механизмов с учетом их общего воздействия на социальную среду. Эту задачу решает интегративная подсистема, которую Парсонс назвал «социетальное сообщество» — «коллективность, придерживающаяся такой общей устойчивой трактовки членства, которая разделяет индивидов на тех, кто принадлежит и не принадлежит данной коллективности» (Sciortino, 2010: 243). Хотя социетальное сообщество поддерживает единство культурного образца (необязательно единогласно или единодушно) как основу социетальной идентичности (коллективной лояльности), оно неизбежно плюралистично и дифференцировано (Parsons, 1966: 10).

Нормативная система, регулирующая множество таких (иерархически упорядоченных) лояльностей, должна интегрировать права и обязанности разных коллективностей (систем солидарностей, сетей пересекающихся членств), легитимируя общий социальный порядок (Parsons, 1971: 27). Скиортино полагает, что Парсонс называет гражданством «эффективный обобщенный критерий членства» — в сочетании с абстрактным правопорядком он выступает основной предпосылкой социальной интеграции в сложных стратифицированных системах солидарности. Исторически гражданство прошло сложный и полный конфликтов путь структурного разделения социетального сообщества и государства: сначала государство в обмен на свои возрастающие политические полномочия было вынуждено прописать права граждан и обязалось их защищать; затем граждане добились права участвовать в государственных делах (в частности, выбирать руководство государства) (Parsons, 1971), и, наконец, произошла институционализация ответственности государства за социальное благополучие граждан — не как благотворительного жеста, а как обеспечения реальной возможности участвовать в социетальных сообществах (Parsons, 1969).

По сути, в данной линии рассуждений Скиортино отвергает критику теории Парсонса как гиперболизирующей роль стабильности, апеллируя к понятию социетальной гетерогенности (Sciortino, 2010: 245): Парсонс описывает «формирование плюралистичного социетального сообщества, аналитически независимого, но реально взаимосвязанного с экономическим контролем, политической властью и культурным давлением (Parsons, 1971; 1974)... В рамках общего гражданства и независимого правопорядка этнический и субкультурный плюрализм выступает у Парсонса как стабилизирующий фактор, прежде всего потому, что в его теории основная интегративная проблема для сложных социальных систем — не кон-

фликт, а поляризация (Parsons, 1968)... и социальный плюрализм выступает мощной противодействующей силой для поляризационных тенденций при условии общего членства (общих правил, применяемых (относительно) универсальными способами)» (Sciortino, 2010: 246). «Современное социетальное сообщество — это плюрализм плюс гражданство... оно требует отделения публичной сферы и от аскриптивно заданных критериев распределения, и от партикуляристских культурных традиций» (Sciortino, 2010: 247). Гражданство (обобщенное членство) защищает плюрализм социальных коллективностей (как социетальное «анти-монопольное законодательство») и право индивида выбирать сети солидарности, а плюрализм стабилизирует нормативный порядок, поскольку пересекающиеся сети категорий и групп предотвращают любые попытки навязать социетальному сообществу конкретную коллективную идентичность (Parsons, 1965: 1040).

Скиортино постоянно подчеркивает, что сегодня интегративные функции выполняет именно социетальное сообщество: «Современное общество — это сложная паутина условных и нормативных элементов, в которой дифференцированные институты и системы сложных солидарностей удерживаются вместе гибкими взаимозависимостями... В этом смысле теория систем Парсонса исследует способы социальной координации различий... в контексте анализа процессов социализации и институционализации» (Sciortino, 2008: 116). «Парсоновская... сложная теория социетального плюрализма способна аналитически препарировать поразительное многообразие структурных напряжений (и ресурсов), которые порождены возрастающим разнообразием (расовым, религиозным, этническим, сексуальным и моральным) видов членства... В поздних работах Парсонса главной задачей стало систематическое исследование возможностей институционализации такого социального порядка, который устранил все статусы второго порядка и создаст “единое социетальное сообщество полноправного гражданства для всех”» (Sciortino, 2021).

Основанные на парсоновском понятии социетального сообщества работы Скиортино распадаются на две условные группы: реконструкция логики рассуждений Парсонса с некоторым содержательным обновлением его категориального аппарата и детализированные обзоры конкретных (миграционных) реалий в их нормативном или «количественном» измерении. Первая группа более интересна для «социологически травмированного» читателя: здесь Скиортино искусно сочетает теоретизирование с показательными примерами, например, объясняя, что внимание Парсонса к гражданству обусловлено паттерном символической принадлежности и изучением проявлений «политики исключения». Так, популистская враждебность к мигрантам, особенно к «нелегальным», часто порождена чувством, что их присутствие «портит качество общего членства» (Sciortino, 1999). «Современное социетальное сообщество основано на абстрактном обобщенном определении эгалитарного членства, но в то же время порождает дискриминацию и исключение. Универсализм членства всегда воспринимается и преломляется через призмы более партикуляристских традиций... Парсонс никогда не считал куль-

турные и социальные границы преимущественно гомологичными. Напротив, он полагал, что современному обществу свойственно несовпадение двух осей: символические границы обычно более широки и абстрактны, чем сети социальности... Это несовпадение — один из важнейших и самых недооцененных источников социальной динамики» (Sciortino, 2021). Так, подчиненные (не только в этническом или расовом отношении) группы могут ссылаться на общее членство, требуя справедливости и признания, и гражданство предоставляет мощный лексикон для артикуляции недовольства.

Скиортино подчеркивает, что Парсонс настаивал на важности социетальной гетерогенности для всех социальных систем, но признавал ее конфликтогенную природу: этнический и культурный плюрализм необязательно угрожает социетальной интеграции (империи прошлого куда более гетерогенны в этом смысле, чем современные мегаполисы), но глубокие социетальные расколы невозможно быстро разрешить политически (Parsons, 1968). Этнические, расовые и религиозные противоречия современности усугубились не по причине нарастания внутренних различий, а потому что ими приходится управлять без институционально эксплицитной иерархии групп (Sciortino, 2005). Основанные на различиях конфликты не объясняются лишь очевидными противоречиями — в их основе лежат структурные источники свободно выражаемой агрессии и отсутствие противодействующих ей сил (что Парсонс показал на примере антисемитизма как поиска символического «аутсайдера» для выплеска накопившегося социоструктурного недовольства; см., напр.: Parsons, 1980). Поскольку социальная поляризация свидетельствует о неэффективности механизмов контроля в социетальных подсистемах (Parsons, 1968), укоренившуюся дискриминацию невозможно устранить только культурной реформой и нормативными призывами — необходимы глубокие изменения в структуре занятости и социальной мобильности (Parsons, 1965).

Парсонс дополнил анализ эгалитарного гражданства схемой, объясняющей динамику инклюзии (на примере борьбы за равные права) (см., напр.: Lidz, 2009; Sciortino, 2010) в терминах «спроса» (коллективные действия по оценке возможностей и последствий инклюзии) и «предложения» (квалификационные требования для членства исключенных групп, факторы органической солидарности) (Parsons, 1965; 1966). Успешная политика инклюзии нуждается в широких социальных коалициях, способных мотивировать к действию огромное количество граждан, лично не затронутых порицаемой дискриминацией, что объясняет важность единого языка солидарности и универсальных нарративов (частный опыт дискриминируемой группы переводится в образы «гражданской моральной пьесы») — они формируют общую идентичность поверх различий и усиливают мотивацию к действию. Скиортино добавляет, что движения за инклюзию (как и оппозиционные им) демонстрируют структурную тенденцию обобщать свои бедствия — чтобы расширить коалицию и получить дополнительные ресурсы (Sciortino, 2021): множество современных примеров популистской мобилизации основаны на оспаривании символического обобщения и на призыве к традиционному («аутентич-

ному») определению членства (Kivisto, 2004; Kivisto, Sciortino, 2021). В результате нарастающая автономия символизма (доступность пустых символов) объясняет появление все новых оснований для социальной сегментации (Sciortino, 2012) и подкрепляют утверждение Парсонса, что институционализация инклюзивного «социетального сообщества с полноправным гражданством для всех» (Parsons, 1969: 740) — не только нормативный проект, но также практическая необходимость для поддержания и развития плюралистичной и широкомасштабной системы социальных солидарностей и этап эволюции современных обществ.

В качестве последнего элемента парсоновской концепции социетального сообщества Скиортино рассматривает социальный плюрализм — как фактор, противостоящий структурной поляризации: «Парсонс характеризовал социетальный плюрализм как одно из важнейших структурных последствий (а) обособления аскриптивных категорий от нормативно предписанной иерархии статусов; (б) разрушения нормативно санкционированных связей между членством в размытых группах и социальными возможностями других ролей... Парсонс считает гетерогенность и плюрализм мощными и незаменимыми стабилизационными силами, но только при условии их сочетания в рамках адекватного нормативного порядка... Переопределение членства без структурных изменений в социетальной конфигурации породит лишь серьезное напряжение в системе ожиданий и условия для обратной реакции — социальной поляризации, порожденной страхами принижения ценности членства... Плюрализм станет ключевым элементом и для дальнейшей инклюзии, и для социетального сопротивления тенденциям социальной поляризации» (Sciortino, 2021). Таким образом, для Парсонса социетальное сообщество — это обобщенная нормативная система, в которой акторы связаны общими правилами и членством (невзирая на различие идентичностей), а также плюралистичной структурой солидарностей. Обобщенный нормативный порядок позволяет социетальному плюрализму (сочетание гетерогенности и индивидуальных прав) трансформироваться в стабилизирующую силу (интегративная функция), т. е. отсутствие социальной сегрегации — препятствие для избыточной социальной поляризации (формирует абстрактные определения членства).

Области теоретико-эмпирического применения идеи социетальности

Скиортино обозначает три направления исследований для использования парсоновской модели социетального сообщества: этнические отношения (Sciortino, 2006), социальный плюрализм и культурное разнообразие (Sciortino, 2005), социальные изменения, т. е. «парсоновская теория позволяет концептуализировать предельно сложный набор структурных форм и аналитически обосновать их количество и различия» (Sciortino, 2004b). В наибольшей степени Скиортино интересуется изучением социальных изменений как весьма дифференцированное направление. Во-первых, это анализ процессов модернизации в русле исторической социологии — как сочетание обобщенных моделей, политэкономической тради-

ции и фокуса на долгосрочных изменениях. Здесь Скиортино отмечает отголоски противостояния утилитаристов и институционалистов, а также сторонников теории рационального выбора и тех, кто пытается ее опровергнуть скорее эмпирически, чем аналитически. Он считает неудачной попытку устранить это противостояние с помощью концепций гражданского общества и социального капитала, поскольку в них отсутствуют удовлетворительные микрооснования обоих понятий (получается либо их определение через взаимное отрицание, скажем, социальный капитал — нечто нерыночное и неиерархическое, либо разные варианты инструментализма).

Взамен Скиортино и предлагает парсоновскую модель социетального сообщества — как позитивное объяснение механизмов координации и дифференциации в социальных системах: поскольку современные ему теории не смогли аналитически развести проблемы солидарности и лояльности, Парсонс ввел понятие социетальной интеграции — как проблемы «второго уровня», для решения которой необходимы экономические ресурсы, культурные ценности и политические решения (но не они ее производят), т. е. это модель управления дюркгеймовской механической солидарностью равновключенных единиц (гражданство) и их же органической солидарностью (контракты). В качестве инструмента сочетания и регулирования всей социальной системы и составляющих ее структур (аналитически они независимы, но эмпирически взаимопроникающи) Парсонс предложил «социетальное сообщество», тем самым добавив к определению общества как «устойчивого нормативного порядка, посредством которого организована коллективная жизнь», второе измерение — плюралистичное и дифференцированное социетальное сообщество, или коллективность (устойчивое определение членства + целостность культурной ориентации + социетальная идентичность) (Parsons, 1966: 10). Соотношение социетального сообщества и составляющих его субколлективностей («узлов» с собственным «определением ситуации» и значительной степенью независимости от коллективного принятия решений) определяется в терминах солидарности («плюральные системы взаимопроникающих групповых солидарностей») (Parsons, 1969: 3), а система солидарностей — посредник между нормативным порядком и индивидуальными мотивациями.

Во-вторых, это анализ (не)равенства (вертикального и горизонтального) в современном плюралистичном обществе как «сложном сочетании дифференцированных и артикулированных — иногда конфликтующих — единиц» с «размытыми солидарностями» (Parsons, 1977: 333). Механическая солидарность предполагает множество коллективных идентичностей вследствие множества групп членства и ожиданий; органическая солидарность порождает кластеры дифференцированных взаимодействий и конкурирующих целей, требующих ресурсов. Социетальное сообщество выступает как «комплекс сетей коллективной лояльности и взаимопроникающих коллективностей» и как «система, единицы которой отличаются функциональной дифференциацией и сегментацией»: она регулирует такие лояльности, интегрирует права и обязанности разных коллективностей и конструирует

фундамент для легитимации общего нормативного порядка. На примере американского («национального») социетального сообщества (Parsons, 2007; см. также: Lidz, 1989) Парсонс стремился показать, что классовые, этнические, религиозные, региональные и поселенческие характеристики могут стать основой структурно значимых солидарных объединений. Нормативный порядок внутренне дифференцируется, чтобы соответствовать системе социальных solidarностей, по осям «свобода–ограничения» (трансформации культурной традиции) и «равенство–неравенство». Соответственно, множественность структур солидарности в современных обществах объясняется не исторической случайностью, а функциональной необходимостью — нарастанием масштабов органической солидарности (что требует более сложного нормативного порядка) и вариативности социальных сегментов (различаются требованиями конформности относительно партикуляристских традиций).

Скиортино считает обоснованной критику Парсонса (см., напр.: Granovetter, 1979) как постулирующего универсальную тенденцию нарастания адаптивного потенциала самой «развитой» социальной единицы, но отвергает критику его модели системной трансформации интегративных подсистем и структурных последствий отделения аскриптивных категорий от нормативно предписанных статусных иерархий. «Парсоновские работы о социальной эволюции следует считать скорее продолжением веберовских попыток понять предпосылки становления капитализма в Западной Европе, чем стремлением реализовать спенсеровские амбиции... Парсонс определяет модернизацию как набор инструментов инклюзии и поляризации... Современные социетальные сообщества он считает одновременно обобщенными нормативными системами (общие правила легитимированы общим членством)... и плюралистичными структурами социальных solidarностей... Обобщенный нормативный порядок позволяет социетальному плюрализму развиваться, а он, в свою очередь, стабилизирует нормативный порядок... выполняя функции отбора и интеграции... и противостоя тенденциям социальной поляризации» (Sciortino, 2004b).

Переходя к более «эмпирическим» вопросам, Скиортино поддерживает определение гражданской сферы, предложенное Александром (см., напр.: Alexander, 1997; 2006): «Сообщество, которое артикулирует отличительный культурный дискурс посредством особых институциональных действий и логики солидарности... и возникает только при наличии и укорененности множества структурных предпосылок (частная собственность, юридические права, религиозные идеалы, коммуникативная инфраструктура). Однако как эти элементы не порождают автоматически гражданскую сферу, так и множество дифференцированных сфер не порождают автоматически “гражданские” последствия... Необходимо утвердительное определение тех культурных кодов и институциональной инфраструктуры, которые поддерживают — воспроизводят, расширяют или сокращают — набор общих обязательств, вытекающих из общего членства» (Sciortino, 2006a: 562; см. также: Kivisto, Sciortino, 2015a; 2021). Скиортино разделяет и идею Александра,

что любое общество состоит из множества автономных сфер, которые ограничивают масштабы и глубину гражданской солидарности его членов, систематически порождая фрагментацию и конфликты, «секторальные интересы и локализованные идентичности». «Множественность социальных сфер влечет формирование структурного предела для “количества” универсалистской солидарности, которая может быть реализована, усилена или задействована. Следовательно, между уровнем абстрактной и обобщенной солидарности, утверждаемым в дискурсе гражданского общества, и реальным уровнем солидарности всегда наблюдается пропасть. Плохая новость — эту пропасть невозможно заполнить, хорошая новость — правило работает в обе стороны: гражданская сфера может оказывать независимое давление на другие сферы, иногда добиваясь... “гражданского ремонта” (см., напр.: Alexander, 2001a; 2001b)» (Sciortino, 2006: 564–565; см. также: Kivisto, Sciortino, 2023).

Постоянные ссылки на работы Александра не случайны: Скиортино считает себя представителем «сильной программы» культурсоциологии (Sciortino, Eyerman, 2020a: 7; см. также: Sciortino, 2012), которая критикует «фактуальную трактовку зла» (Alexander, 2013; Sciortino, 2019) применительно к понятию культурной травмы (Sciortino, Eyerman, 2021; Sciortino, 2019): «даже самые экстремальные формы страдания становятся травмой, только если интерпретируются и обретают значение для аудитории в контексте широких социальных структур... Задокументировано множество коллективных травм и страданий, но лишь немногие из них превратились в социально разделяемых и эмоционально наполненных референтов, требующих наррации... Культурная травма — это разрыв в непрерывности коллективных идентичностей (и публичное требование признания и уважения)... Значение события и связанное с ним чувство солидарности с жертвами и отвержения преступников никогда не является прямым следствием реального страдания — это всегда культурный результат (конструкт), требующий создания истории, и именно она определяет характер жертв и констатирует чрезмерную вину преступников» (Sciortino, Eyerman, 2020a: 7).

Иными словами, признание культурной травмы зависит от ее способности мобилизовать финансовые и властные ресурсы, от качества нарратива (названия, контексты, атрибуция вины и презумпция невиновности, герои и злодеи, прочие проявления «культурного воображения») и перформативного мастерства его сторонников и противников, т. е. от всего того, что превращает личные страдания (реальные или воображаемые) «в часть масштабного и непреодолимого культурного паттерна социетального значения (рабство, колониализм, фашизм, война и т. д.)» (Sciortino, Eyerman, 2020a: 10). «Коллективные страдания значительного масштаба могут уничтожить сообщество, но способны и порождать солидарность, укреплять коллективную идентичность и инициировать коллективное действие... Центральный аспект конструирования культурной травмы — попытка переписать нарратив и переопределить коллективную идентичность, чтобы сохранить группу» (Sciortino, Eyerman, 2020b: 210). Здесь предельно важен контекст — матери-

альный (социально-политическая ситуация, исторический период) и символический (альтернативные интерпретации прошлого, доминирующие дискурсивные фреймы: «доминирующие нарративные фреймы могут быть достаточно восприимчивы к определенным видам страданий, но безразличны или даже враждебны к другим») (Sciortino, Eyerman, 2020b: 211).

В большей степени Скиортино интересуется другой «эмпирической» проблематикой — миграцией, рассматривая «миграционные карьеры» и миграционное регулирование как обусловленные не только государственной политикой (Sciortino, 2000; 2004a) («миграционными режимами»; см., напр.: Svajner, Echeverría, Sciortino, 2018), но и «разными формами социальных отношений (мигрантов), которые определяют различия в круговороте социального капитала» (Svajner, Sciortino, 2010b). Скиортино сосредотачивается на «теоретизировании нелегальной миграции» в контексте общей теории современного общества как функционально и структурно дифференцированного (Sciortino, 2008), чтобы «прояснить политическое измерение международной мобильности, разнообразие неурегулированных статусов мигрантов в принимающих странах, условия для их инклюзии и эксклюзии» (Svajner, Sciortino, 2010a: 389). Скиортино интересуют два основных аспекта: структурные истоки миграции (несоответствие между системой государств и фактами пространственной мобильности) и принципы анализа стратегий мигрантов (членство в неформальных сетях и обусловленный им социальный капитал).

«Системы нелегальной миграции не являются лишь следствием слабости государств в сфере контроля» (Svajner, Sciortino, 2010a: 393), поэтому «нелегальный» — характеристика не миграционных потоков, а их взаимодействия с государствами, где (нелегальные) мигранты — элемент системы социальной стратификации и мобильности (Finotelli, Sciortino, 2006), в которой размыта идея «тотального» членства (см., напр.: Zanon, Sciortino, 2014: 510). «Применительно к нелегальной миграции это означает, что правовой статус иммигранта значим и релевантен только в том случае и в той мере, в какой правовая действительность ограничивает взаимоотношения и действия актора (повседневные, потребительские, политические и пр.)» (Svajner, Sciortino, 2010a: 396).

Миграционные вопросы Скиортино рассматривает в контексте истории создания Европейского союза — «конструирования коллективных идентичностей посредством культурной гомогенизации. Считается, что основная движущая сила гомогенизации — функциональные императивы: промышленные общества модерна требовали от своих членов усвоения единых культурных и коммуникативных стандартов. Однако выбор варианта однородности (для конкретного национального проекта) из множества альтернатив нельзя объяснить лишь функциональными потребностями» (Kraus, Sciortino, 2014: 485). Основными «полями битвы национального строительства» Скиортино считает «религию, язык и этническую принадлежность» — они затрудняли создание однородного социального пространства, и государство взяло на себя ответственность за «свое» население

вместе с правом менять его «качество и состав» (Kraus, Sciortino, 2014: 486–488). Проект ЕС постулировал транс-/постнациональную политико-институциональную интеграцию европейцев во всем их культурно-лингвистическом многообразии (как предпосылку стабильности и экономического роста), т. е. отказ от модели гомогенного национального государства (нормативного социально-политического монизма — общая территория, коллективная идентичность, единый источник суверенитета; Sciortino, 2003).

Соответственно, изменения визовой политики ЕС (Cvajner, Sciortino, 2010b; Finotelli, Sciortino, 2006; Monzini, Pastore, Sciortino, 2006) трактуется не как движение к «общей закрытости» («Европа как осажденная крепость»), а как двойственная трансформация — «усиление контроля по отношению к гражданам ряда стран и нарастающая либерализация в отношении граждан европейской периферии» (Sciortino, 2000: 213; Finotelli, Sciortino, 2013: 86; Landini, Sciortino, 2023). Здесь возникает противоречие между трактовкой политических процессов в исследованиях миграции и реальным государственным планированием (Sciortino, 1991; 1998; 1999; Finotelli, Sciortino, 2009; Colombo, Sciortino, 2004; Sciortino, Colombo, 2004), которое Скиортино снимает, «рассматривая иммиграционную политику в контексте социологии политических систем» (Sciortino, 2000: 214): в плюралистических моделях иммиграционной политики государство — набор механизмов, запускаемых в первую очередь внеполитическими задачами; в реалистических моделях — организация с эндогенными интересами (внутри и вовне страны) политиков и бюрократов, т. е. «государство может навязывать свои интересы, обычно вытекающие из геополитических стратегий, даже мощным социетальным коалициям (Sciortino, 2000: 217). Неокорпоративистские модели выполняют посредническую функцию между плюралистическими (классовыми) и реалистическими моделями, фокусируясь на том, как государства справляются с транснациональными и международными ограничениями, работая со структурой интересов принимающего сообщества.

Скиортино отмечает аналитические и практические недостатки у всех моделей (следствия политэкономической традиции), но убежден, что присущая им концептуализация миграции позволяет трактовать иммиграционные кризисы как «результат конкретных политических взаимодействий (обусловленных социетальными интересами)» (Sciortino, 2000: 219). Поэтому следует сосредоточиться на структуре принятия решений в иммиграционной политике как «больше похожей на экологическую, чем на экономическую политику... Ряд особенностей иммиграционной политики (фрагментарность, непредвиденные последствия, морализаторство и т. д.) зависит в большей степени от контекста принятия решений, чем от характеристик самой миграции» (Sciortino, 2000: 225; Finotelli, Sciortino, 2015: 187; см. также: Sciortino, 2000; Molinari, Sciortino, 2023). Иммиграция оказывает давление не только на налоговую и бюджетную системы — функционирование государства всеобщего благосостояния зависит от солидарности сообщества, которое, «как правило, негативно воспринимает перераспределение доходов и расходы на социальное обеспечение иммигрантов» (Finotelli, Sciortino, 2015: 189).

Впрочем, в некоторых западных странах иностранные работники в сфере ухода (особенно за пожилыми) стали «ключевым ресурсом консервативного типа государства всеобщего благосостояния» (Finotelli, Sciortino, 2015: 198; см. также: Sciortino, 2000; 2004a; 2012; 2013).

Внимание социологии к широкомасштабной пространственной мобильности (миграции) в последние десятилетия Скиортино связывает с ее «возрастающим социальным значением» (Sciortino, 2015b). В XX столетии европейские общества маргинализировали миграцию (процесс) и разнообразие (структурный феномен): маргинализация подразумевала, что миграция носит переходный характер (из села в город) и означает усиление модернизационных тенденций, что этническая дифференциация и стратификация — пережитки модерна, обреченные на исчезновение в условиях формирования более универсалистских и прогрессивных идентичностей, и что «архаичные» нравы и «отсталые» представления иммигрантов не могут конкурировать с ценностями индустриального общества и либерального социального порядка. Мировые войны и деколонизация вероятно увеличили мобильность и разнообразие, и постепенно западное общество рассталось с иллюзией временности иммиграции — она превратилась в проблему социальной интеграции, обусловленную «непреднамеренным размещением в обществе большого числа “внешних” для него людей» (со своим культурным капиталом и стремлением к ассимиляции или сегрегации) (Sciortino, 2003; 2012). Фокус социологических исследований (Скиортино считает необходимым работать и со статистическими данными, и с массовыми обследованиями домохозяйств, и с конкретными кейс-стади) сместился на нелегальную миграцию, образовательные траектории мигрантов, структуры местного управления, поселенческую сегрегацию, городскую политику, дискриминацию на рынке труда, денежные переводы, сетевые взаимодействия детей мигрантов и т. д. А социологическое изучение гражданства, по мнению Скиортино, должно опираться на теорию Парсонса (Sciortino, 2010), где гражданство — ключевая категория для западного общества, сочетающая идеи солидарности (интеграции дифференцированных сообществ), (обобщенного) членства и инклюзии/включения (социокультурного плюрализма).

Возможности и ограничения модели социетальной интеграции

Скиортино характеризует работы Парсонса как «попытки выйти за пределы политэкономических подходов, сосредоточенных на и ограниченных двойственностью государства и рынка, и предложить такую трактовку социальной жизни, которая отказывается рассматривать культурные идентичности и социальные солидарности по остаточному принципу и систематическим образом интегрирует их в социологический анализ. Несомненно, многие идеи Парсонса можно оспорить и подвергнуть критике (см., напр.: Alexander, 2005), но способы, посредством которых он формулировал вопросы социетального членства и концептуальные основания для их изучения (см., напр.: Sciortino, 2005), остаются неисчерпаемым

источником социологического теоретизирования... Парсонс рассматривал современное общество преимущественно в терминах (неравномерной и незаконченной) дифференциации плюралистичных социальных взаимоотношений, которые взаимосвязаны и проникнуты не только господством и обменом, но также... идентификацией, солидарностью и убеждением» (Sciortino, 2010: 241).

Скиортино дополняет парсоновскую трактовку социетального сообщества (особая структурная форма, зависимая от доступа к экономическим ресурсам, политической власти и культурным дефинициям, но несводимая к ним) ключевой функциональной предпосылкой социальной стабильности — взаимодействием систем солидарностей (не «остаточная» сфера за пределами рынков и иерархий и не пережиток общинного прошлого). Сегодня общественная жизнь требует большего регулирования, чем прежде, и потому развивается в направлении все большего пересечения сетей дифференцированных коллективностей и идентичностей, которые соединены отношениями господства и обмена, солидарности и убеждения. Соответственно, Скиортино категорически возражает против того ограниченного восприятия парсоновского наследия, которое сводит его к разделу учебников по истории социологической мысли: идеи позднего Парсонса «прогрессивны с политической точки зрения, способствуют адекватному пониманию современной коллективной жизни... и помогают социальной теории избежать традиционализма консервативной мысли, рационалистического футуризма либертарианства и критических стенаний. Для Парсонса современность означала в первую очередь отрицание аскриптивно заданной матрицы ролей и ожиданий как доминирующей социальной структуры (см., напр.: Mayhew, 1984)... и формирование секулярного порядка с ролевой дифференциацией, универсализмом, аффективной нейтральностью и приоритетом деятельности/достижений (профессии, науки, массовое образование, гражданство и законность)... Это осмысленный порядок, в котором требования общего членства отделены от требований конформности партикуляристским традициям» (Sciortino, 2021; Parsons, 2004; Alexander, 2005).

В то же время Скиортино признает, что даже в самых «оптимистичных» работах позднего Парсонса нормативный проект современности структурно не стабилен и не закончен (Parsons, 1971: 142). В отличие от большинства левых критиков, Парсонс не считал, что институционализированный индивидуализм (личные свободы и автономия в сложной сети социальных институтов) — идеологическая приманка, и, в отличие от многих консервативных критиков, не видел в личной автономии и социетальном плюрализме ахиллесову пята демократии (источник сегрегации и изоляции в либеральном нормативном порядке). Напротив, он определял институционализированный индивидуализм как ключевой адаптационный ресурс для преодоления конфликтов, плюрализации социальных институтов и усложнения их нормативно-регулятивных механизмов. В этом смысле парсоновское понятие социетального сообщества обладает «гражданским освобождающим потенциалом» — «это фундаментальная подсистема современного общества,

структурно отделенная и от политической власти, и от культурных и религиозных традиций... и задающая границы принадлежности» (Sciortino, 2005; 2021; см. также: Lechner, 1998; Lidz, 2009). Теория социетальной интеграции призвана объяснить, как структурно дифференцированное общество может обеспечить высокий уровень совместимости множества форм координации, т. е. как оно может регулировать структуры, порожденные механической и органической солидарностью (Parsons, 1989).

Литература

- Батыгин Г. С. (2003). Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4–5. С. 6–34.
- Кравченко А. М. (1994). Социологическое воображение Р. Миллса // Социологические исследования. № 1. С. 114–122.
- Миллс Ч. Р. (2001). Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: Изд. дом NOTA BENE.
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; науч. ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект-Пресс.
- Парсонс Т. (2018). О структуре социального действия / Под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический проект.
- Alexander J. C. (1984) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. 4: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons*. Berkeley: University of California Press.
- Alexander J. C. (1997). The paradoxes of civil society // *International Sociology*. Vol. 12. № 2. P. 115–133.
- Alexander J. C. (2001a). The long and winding road: Civil repair of intimate justice // *Sociological Theory*. Vol. 19. № 3. P. 371–400.
- Alexander J. C. (2001b). Robust utopias and civil repairs // *International Sociology*. Vol. 16. № 4. P. 579–591.
- Alexander J. C. (2005). Contradictions in the societal community: The promise and disappointment of Parsons' concept // *After Parsons* / R. C. Fox, V. M. Lidz, H. J. Bershady (Eds.). New York: Russell Sage. P. 93–110.
- Alexander J. C. (2006). *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press.
- Alexander J. C. (2013). *Trauma: A Social Theory*. New York: Wiley.
- Alexander J. C., Sciortino G. (1996). On choosing one's intellectual predecessors: The reductionism of Camic's treatment of Parsons and the institutionalists // *Sociological Theory*. Vol. 14. № 2. P. 154–171.
- Burger T. (1977). Talcott Parsons, the problem of order in society, and the program of an analytical sociology // *American Journal of Sociology*. Vol. 83. P. 320–339.
- Camic Ch. (1987). The making of a method: A historical reinterpretation of the early Parsons // *American Sociological Review*. Vol. 52. P. 421–439.
- Camic Ch. (1989). Structure after 50 years: The anatomy of a charter // *American Journal of Sociology*. Vol. 95. P. 38–107.

- Camic Ch.* (1990). An historical prologue// *American Sociological Review*. Vol. 55. P. 313–345.
- Camic Ch.* (1992). Reputation and predecessor selection: Parsons and the institutionalists// *American Sociological Review*. Vol. 57. P. 421–445.
- Colombo A., Sciortino G.* (2004). Italian immigration: the origins, nature and evolution of Italy's migratory systems// *Journal of Modern Italian Studies*. Vol. 9. № 1. P. 49–70.
- Coser L.* (1956). *The Functions of Social Conflict*. Glencoe: The Free Press.
- Cvajner M., Echeverría G., Sciortino G.* (2018). What do we talk about when we talk about migration regimes? The diverse theoretical roots of an increasingly popular concept// *Was is ein Migrationsregime? What is a migration regime?* / A. Pott, C. Rass, F. Wolff (Eds.). Wiesbaden: Springer. P. 65–80.
- Cvajner M., Sciortino G.* (2010a). A tale of networks and policies: Prolegomena to an analysis of irregular migration careers and their developmental paths// *Population, Space and Place*. Vol. 16. P. 213–225.
- Cvajner M., Sciortino G.* (2010b). Theorizing irregular migration: The control of spatial mobility in differentiated societies// *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 3. P. 389–404.
- Finotelli C., Sciortino G.* (2006). Looking for the European soft underbelly: Visa policies and amnesties for irregular migrants in Germany and Italy// *Herausforderung Migration — Perspektiven der vergleichenden Politikwissenschaft* / S. Baringhorst, J. F. Hollifield, U. Hunger (Eds.). Munster: LIT Verlag. P. 249–279.
- Finotelli C., Sciortino G.* (2009). The importance of being Southern: The making of policies of immigration control in Italy// *European Journal of Migration and Law*. Vol. 11. P. 119–138.
- Finotelli C., Sciortino G.* (2013). Through the gates of the fortress: European visa policies and the limits of immigration control// *Perspectives on European Politics and Society*. Vol. 14. № 1. P. 80–101.
- Finotelli C., Sciortino G.* (2015). Closed memberships in a mobile world? Welfare states, welfare regimes and international migration// *Handbook of the International Political Economy of Migration* / L. S. Talani, S. McMahon (Eds.). URL: <https://www.researchgate.net/publication/280936537>. P. 185–208.
- Gouldner A. W.* (1956). Some observations on systematic theory// *Sociology in the United States of America* / H. Zetterberg (Ed.). Paris: UNESCO. P. 34–42.
- Granovetter M.* (1979). The idea of 'advancement' in theories of social evolution and development// *American Journal of Sociology*. Vol. 85. № 3. P. 489–515.
- Kivisto P.* (2004). Inclusion: Parsons and beyond// *Acta Sociologica*. Vol. 47. № 3. P. 291–297.
- Kivisto P., Sciortino G.* (2015). Introduction: Thinking through the civil sphere// *Solidarity, Justice, and Incorporation: Thinking through the Civil Sphere* / P. Kivisto, G. Sciortino (Eds.). New York: Oxford University Press. P. 1–31.
- Kivisto P., Sciortino G.* (2021). The road to a sociological theory of civil society// *Handbook of Classical Sociological Theory* / S. Abrutyn, O. Lizardo (Eds.). Cham: Springer. P. 507–526.
- Kivisto P., Sciortino G.* (2023). From author to network: The coming of age of civil sphere theory// *Cultural Sociology*. Vol. 17. № 1. P. 3–20.

- Kraus P.A., Sciortino G.* (2014). The diversities of Europe: From European modernity to the making of the European Union // *Ethnicities*. Vol. 14. № 4. P. 485–497.
- Landini I., Sciortino G.* (2023). External controls: Policing entries, enforcing exits // *Migration Control Logics and Strategies in Europe* / C. Finotelli, I. Ponzio (Eds.). URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26002-5_2 2023.
- Lassman P.* (1980). Value-relations and general theory: Parsons' critique of Weber // *Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 9. № 1. P. 100–111.
- Lechner F.* (1998). Parsons on citizenship // *Citizenship Studies*. Vol. 2. № 2. P. 179–196.
- Lidz V.M.* (1989). The American values system: A commentary on Talcott Parsons's perspective and understanding // *Theory, Culture and Society*. Vol. 6. P. 559–575.
- Lidz V.M.* (2009). Talcott Parsons on full citizenship for African Americans: Retrospective interpretation and evaluation // *Citizenship Studies*. Vol. 13. № 1. P. 75–83.
- Lockwood D.* (1956). Some remarks on "The Social System" // *British Journal of Sociology*. Vol. 7. № 2. P. 134–146.
- Mayhew L.* (1984). In defense of modernity: Talcott Parsons and the utilitarian tradition // *American Journal of Sociology*. Vol. 89. № 6. P. 1273–1305.
- Mills Ch. W.* (1959). *The Sociological Imagination*. New York: Grove Press.
- Molinari R., Sciortino G.* (2023). Does the apple fall far from the tree? The role of parental influence on sociability among the children of immigrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 49. № 15. P. 3730–3754.
- Monzini P., Pastore F., Sciortino G.* (2006). Schengen's soft underbelly? Irregular migration and human smuggling across land and sea borders to Italy // *International Migration*. Vol. 44. № 4. P. 1–25.
- Munch R.* (1981). Talcott Parsons and the theory of action I: The structure of the Kantian lore // *American Journal of Sociology*. Vol. 86. P. 709–739.
- Munch R.* (1982). Talcott Parsons and the theory of action II: The continuity of the development // *American Journal of Sociology*. Vol. 87. P. 771–826.
- Parsons T.* (1960). Durkheim's contribution to the theory of integration of social systems // *Émile Durkheim, 1858–1917* / K. H. Wolff (Ed.). Columbus: Ohio State University Press. P. 118–153.
- Parsons T.* (1965). Full citizenship for the Negro American? A sociological problem // *Daedalus*. Vol. 94. № 4. P. 1009–1054.
- Parsons T.* (1966). *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Parsons T.* (1968). Interaction — social interaction // *The International Encyclopedia of the Social Sciences* / D. Sills (Ed.). Vol. 7. Glencoe: The Free Press. P. 429–441.
- Parsons T.* (1968). The problem of polarization on the axis of color // *Color and Race* / J. H. Franklin (Ed.). Boston: Houghton Mifflin. P. 349–372.
- Parsons T.* (1969). *Politics and Social Structure*. New York: The Free Press.
- Parsons T.* (1971). *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Parsons T.* (1974). Religion in postindustrial America: The problem of secularization // *Social Research*. Vol. 41. № 2. P. 193–225.

- Parsons T.* (1977). Equality and inequality in modern society, or social stratification revisited // *Parsons T. Social System and the Evolution of Action Theory*. New York: The Free Press. P. 321–380.
- Parsons T.* (1980). Poscript to 'A Sociology of Modern Antisemitism' // *Contemporary Jewry*. Vol. 5. № 1. P. 31–38.
- Parsons T.* (1989). A tentative outline of American values // *Theory, Culture and Society*. Vol. 6. № 4. P. 577–612.
- Parsons T.* (1991). The Marshall Lectures — the integration of economic and sociological theory // *Sociological Inquiry*. Vol. 61. № 1. P. 10–58.
- Parsons T.* (2007). *American Society: Toward a Theory of the Societal Community*. London; New York: Routledge.
- Parsons T., Bales R.* (1955). *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe: The Free Press.
- Parsons T.* (1951). *The Social System*. Glencoe: The Free Press.
- Sciortino G.* (1991). Immigration into Europe and public policy: Do stops really work? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 18. № 1. P. 89–99.
- Sciortino G.* (1998). The Albanian crisis: Social panic and Italian foreign policy // *Italian Politics: Mapping the Future* / L. Bardi, M. Rhodes (Eds). Boulder: Westview. P. 209–226.
- Sciortino G.* (1999). Just before the fall: The Northern League and the cultural construction of a secessionist claim // *International Sociology*. Vol. 14. P. 321–336.
- Sciortino G.* (1999). Planning in the dark: The evolution of the Italian system of immigration controls // *Mechanisms of Immigration Control* / G. Brochmann, T. Hammar (Eds.). Oxford: Berg. P. 233–260.
- Sciortino G.* (2000). Toward a political sociology of entry policies: Conceptual problems and theoretical proposals // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 26. № 2. P. 213–228.
- Sciortino G.* (2003). From homogeneity to difference? Comparing multiculturalism as a description and as a field for claim-making // *Comparative Social Research*. Vol. 22. P. 263–285.
- Sciortino G.* (2004a). Immigration in a Mediterranean welfare state: The Italian experience in a comparative perspective // *Journal of Comparative Policy Analysis*. Vol. 6. № 2. P. 111–128.
- Sciortino G.* (2004b). The societal community: Conceptual foundations of a key action theory concept (an outline of the main argument). Paper prepared for the Parsons Conference in Kobe University in July 2004. URL: <https://www.researchgate.net/publication/29688290>.
- Sciortino G.* (2005). How different can we be? Parsons' societal community, pluralism and the multicultural debate // *After Parsons* / R. C. Fox, V.M. Lidz, H.J. Bershady (Eds.). New York: Russell Sage. P. 111–136.
- Sciortino G.* (2006a). Bringing solidarity back // *European Journal of Social Theory*. Vol. 10. № 4. P. 561–570.

- Sciortino G.* (2006b). Toward a structural theory of social pluralism: Talcott Parsons, ethnicity and ascriptive inequalities // *Action Theory: Methodological Studies* / H. Staubmann (Ed.). Berlin: LIT-Verlag. P. 153–176.
- Sciortino G.* (2008). Functionalism and social systems theory // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / B. S. Turner (Ed.). London: Blackwell. P. 106–123.
- Sciortino G.* (2010). A single societal community with full citizenship for all: Talcott Parsons, citizenship and modern society // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 10. № 3. P. 239–259.
- Sciortino G.* (2012). Ethnicity, race, nationhood, foreignness and many other things: Prolegomena to a cultural sociology of difference-based interactions // *Oxford Handbook of Cultural Sociology* / J. C. Alexander, R. Jacobs, P. Smith (Eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 365–389.
- Sciortino G.* (2013). Immigration in Italy: Subverting the logic of welfare reform? // *Europe's Immigration Challenge: Reconciling Work, Welfare and Mobility* / G. Brochmann, T. Jurado (Eds.). London: Tauris. P. 77–94.
- Sciortino G.* (2015a). History of AGIL // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.03066-X>. P. 381–393.
- Sciortino G.* (2015b). A European sociology of migration? Not yet, not quite // *Handbook of European Sociology* / S. M. Koniordos (Ed.). London: Palgrave. P. 252–266.
- Sciortino G.* (2019). Cultural traumas // *Routledge Handbook of Cultural Sociology* / L. Grindstaff, M.-C. Lo, J. R. Hall (Eds.). London: Routledge. P. 135–143.
- Sciortino G.* (2021). A blueprint for inclusion: Talcott Parsons, the societal community and the future of universalistic solidarities // *American Sociologist*. Vol. 52. P. 159–177.
- Sciortino G., Colombo A.* (2004). The flow and the flood: Immigrants in the Italian newspaper discourse // *Journal of Modern Italian Studies*. Vol. 9. № 1. P. 94–113.
- Sciortino G., Eyerman R.* (2020a). Introduction // *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination* / G. Sciortino, R. Eyerman (Eds.). Palgrave Macmillan. P. 2–27.
- Sciortino G., Eyerman R.* (2020b). Conclusion // *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination* / G. Sciortino, R. Eyerman (Eds.). Palgrave Macmillan. P. 205–229.
- Sciortino G., Eyerman R.* (2021). Reply to our critics // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 44. № 3. P. 439–447.
- Sciulli D.* (1984). Talcott Parsons' analytical critique of Marxism's concept of alienation // *American Journal of Sociology*. Vol. 90. № 3. P. 514–540.
- Sztompka P.* (1974). Teleological language in sociology // *System and Function: Toward a Theory of Society*. New York: Academic Press.
- Treviño A. J.* (2020). Pounding on Parsons: How criticism undermined the reputation of sociology's incurable theorist // *The Cambridge Handbook of Social Theory* / P. Kivisto (Ed.). Cambridge University Press. P. 179–204.

Turner J. (1974). *Structure of Sociological Theory*. Belmont: Wadsworth.

Zanon F., Sciortino G. (2014). The newest diversity is the oldest: Religious pluralism and the EU // *Ethnicities*. Vol. 14. № 4. P. 498–516.

T. Parsons' "Societal Community" in G. Sciortino's Theoretical-empirical Interpretation

Irina Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences, Sociology Department, RUDN University
Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo prosp., 82, Moscow, 119574, Russian Federation
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Talcott Parsons' structural functionalism is an obligatory structural element of works on the history and theory of sociology. On the one hand, such works postulate and explain his contribution to the development of the macro-sociological theorizing within the "paradigm of social facts" founded by *Émile Durkheim* (concepts of social fact, social institution, mechanical and organic social solidarity, objective scientific method, etc.). On the other hand, any reconstructions of Parsons' theory invariably contain critical arguments, the essence and scope of which vary from brief mentions of its excessive abstractness (teleology) and even utopianism to extensive quotes from numerous works by representatives of those research areas (as a rule, conflict theories) that are largely based on the disagreement with specific postulates or the general logic of Parsons' reasoning about the structure of social system and the essence of social action. This format for presenting Parsons' legacy has become generally accepted; therefore, the revival of interest in Parsons' ideas, primarily in his concept of societal community in a rather practical-empirical way, in the works of Giuseppe Sciortino (with co-authors) in the last two decades has been somewhat unexpected. Albeit admitting the objective impossibility of mentioning all corresponding thematic lines, arguments and references in one article together with the high probability of subjective biases in their reconstruction and interpretation, the author makes an attempt to present Sciortino's general argumentation: his rejection of the excessively simplified historical-critical perception of Parsons' legacy, his attempts to systematize Parsons' theoretical constructs that require only some clarification to be applied in the study of contemporary social realities, and his identification of those areas of the theoretical-empirical sociological analysis in which Parsons' model of societal community has obvious heuristic (and even humanistic) potential, despite its generally recognized limitations.

Keywords: Talcott Parson, Giuseppe Sciortino, societal community, contemporary society, social system, types of social solidarity, social differentiation, societal integration, social stability

References

- Alexander J. C. (1984) *Theoretical Logic in Sociology. Vol. 4: The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons*, Berkeley: University of California Press.
- Alexander J. C. (1997) The paradoxes of civil society. *International Sociology*, vol. 12, no 2, pp. 115–133.
- Alexander J. C. (2001a) The long and winding road: Civil repair of intimate justice. *Sociological Theory*, vol. 19, no 3, pp. 371–400.

- Alexander J. C. (2001b) Robust utopias and civil repairs. *International Sociology*, vol. 16, no 4, pp. 579–591.
- Alexander J. C. (2005) Contradictions in the societal community: The promise and disappointment of Parsons' concept. *After Parsons* (Eds. R. C. Fox, V. M. Lidz, H. J. Ber-shady), New York: Russell Sage, pp. 93–110.
- Alexander J. C. (2006) *The Civil Sphere*, Oxford: Oxford University Press.
- Alexander J. C. (2013) *Trauma: A Social Theory*, New York: Wiley.
- Alexander J. C., Sciortino G. (1996) On choosing one's intellectual predecessors: The reductionism of Camic's treatment of Parsons and the institutionalists. *Sociological Theory*, vol. 14, no 2, pp. 154–171.
- Batygin G. S. (2003) Strukturnyy funktsionalizm Talcotta Parsonsa [Structural functionalism of Talcott Parsons]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4–5, pp. 6–34.
- Burger T. (1977) Talcott Parsons, the problem of order in society, and the program of an analytical sociology. *American Journal of Sociology*, vol. 83, pp. 320–339.
- Camic Ch. (1987) The making of a method: A historical reinterpretation of the early Parsons. *American Sociological Review*, vol. 52, pp. 421–439.
- Camic Ch. (1989) Structure after 50 years: The anatomy of a charter. *American Journal of Sociology*, vol. 95, pp. 38–107.
- Camic Ch. (1990) An historical prologue. *American Sociological Review*, vol. 55, pp. 313–345.
- Camic Ch. (1992) Reputation and predecessor selection: Parsons and the institutionalists. *American Sociological Review*, vol. 57, pp. 421–445.
- Colombo A., Sciortino G. (2004) Italian immigration: the origins, nature and evolution of Italy's migratory systems. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 9, no 1, pp. 49–70.
- Coser L. (1956) *The Functions of Social Conflict*, Glencoe: The Free Press.
- Cvajner M., Echeverría G., Sciortino G. (2018) What do we talk about when we talk about migration regimes? The diverse theoretical roots of an increasingly popular concept. *Was is ein Migrationsregime? What is a migration regime?* (Eds. A. Pott, C. Rass, F. Wolff), Wiesbaden: Springer, pp. 65–80.
- Cvajner M., Sciortino G. (2010a) A tale of networks and policies: Prolegomena to an analysis of irregular migration careers and their developmental paths. *Population, Space and Place*, vol. 16, pp. 213–225.
- Cvajner M., Sciortino G. (2010b) Theorizing irregular migration: The control of spatial mobility in differentiated societies. *European Journal of Social Theory*, vol. 13, no 3, pp. 389–404.
- Finotelli C., Sciortino G. (2006) Looking for the European soft underbelly: Visa policies and amnesties for irregular migrants in Germany and Italy. *Herausforderung Migration — Perspektiven der vergleichenden Politikwissenschaft* (Eds. S. Baringhorst, J. F. Hollifield, U. Hunger), Munster: LIT Verlag, pp. 249–279.
- Finotelli C., Sciortino G. (2009) The importance of being Southern: The making of policies of immigration control in Italy. *European Journal of Migration and Law*, vol. 11, pp. 119–138.
- Finotelli C., Sciortino G. (2013) Through the gates of the fortress: European visa policies and the limits of immigration control. *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 14, no 1, pp. 80–101.

- Finotelli C., Sciortino G. (2015) Closed memberships in a mobile world? Welfare states, welfare regimes and international migration. In Talani L. S., McMahon S. (Eds.). *Handbook of the International Political Economy of Migration*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/280936537>, pp. 185–208.
- Gouldner A. W. (1956) Some observations on systematic theory. In Zetterberg H. (Ed.). *Sociology in the United States of America*, Paris: UNESCO, pp. 34–42.
- Granovetter M. (1979) The idea of ‘advancement’ in theories of social evolution and development. *American Journal of Sociology*, vol. 85, no 3, pp. 489–515.
- Kivisto P. (2004) Inclusion: Parsons and beyond. *Acta Sociologica*, vol. 47, no 3, pp. 291–297.
- Kivisto P., Sciortino G. (2015) Introduction: Thinking through the civil sphere. *Solidarity, Justice, and Incorporation: Thinking through the Civil Sphere* (Eds. P. Kivisto, G. Sciortino), New York: Oxford University Press, pp. 1–31.
- Kivisto P., Sciortino G. (2021) The road to a sociological theory of civil society. *Handbook of Classical Sociological Theory* (Eds. S. Abrutyn, O. Lizardo), Cham: Springer, pp. 507–526.
- Kivisto P., Sciortino G. (2023) From author to network: The coming of age of civil sphere theory. *Cultural Sociology*, vol. 17, no 1, pp. 3–20.
- Kraus P. A., Sciortino G. (2014) The diversities of Europe: From European modernity to the making of the European Union. *Ethnicities*, vol. 14, no 4, pp. 485–497.
- Kravchenko A. M. (1994) Sotsiologicheskoe voobrazheniye W. Millsa [Sociological imagination of W. Mills]. *Sociological Studies*, no 1, pp. 114–122.
- Landini I., Sciortino G. (2023) External controls: Policing entries, enforcing exits. *Migration Control Logics and Strategies in Europe* (Eds. C. Finotelli, I. Ponzio) URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-26002-5_2 2023.
- Lassman P. (1980) Value-relations and general theory: Parsons’ critique of Weber. *Zeitschrift für Soziologie*, vol. 9, no 1, pp. 100–111.
- Lechner F. (1998) Parsons on citizenship. *Citizenship Studies*, vol. 2, no 2, pp. 179–196.
- Lidz V. M. (1989) The American values system: A commentary on Talcott Parsons’s perspective and understanding. *Theory, Culture and Society*, vol. 6, pp. 559–575.
- Lidz V. M. (2009) Talcott Parsons on full citizenship for African Americans: Retrospective interpretation and evaluation. *Citizenship Studies*, vol. 13, no 1, pp. 75–83.
- Lockwood D. (1956) Some remarks on “The Social System”. *British Journal of Sociology*, vol. 7, no 2, pp. 134–146.
- Mayhew L. (1984) In defense of modernity: Talcott Parsons and the utilitarian tradition. *American Journal of Sociology*, vol. 89, no 6, pp. 1273–1305.
- Mills Ch. W. (1959) *The Sociological Imagination*, New York: Grove Press.
- Mills Ch. W. (2001) *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination] (transl. from English by O. A. Oberemko; ed. by G. S. Batygin), Moscow: Publishing House NOTA BENE.
- Molinari R., Sciortino G. (2023) Does the apple fall far from the tree? The role of parental influence on sociability among the children of immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 49, no 15, pp. 3730–3754.

- Monzini P., Pastore F., Sciortino G. (2006) Schengen's soft underbelly? Irregular migration and human smuggling across land and sea borders to Italy. *International Migration*, vol. 44, no 4, pp. 1–25.
- Munch R. (1981) Talcott Parsons and the theory of action I: The structure of the Kantian lore. *American Journal of Sociology*, vol. 86, pp. 709–739.
- Munch R. (1982) Talcott Parsons and the theory of action II: The continuity of the development. *American Journal of Sociology*, vol. 87, pp. 771–826.
- Parsons T. (1960) Durkheim's contribution to the theory of integration of social systems. (Ed. K. H. Wolff). *Émile Durkheim, 1858–1917*, Columbus: Ohio State University Press, pp. 118–153.
- Parsons T. (1965) Full citizenship for the Negro American? A sociological problem. *Daedalus*, vol. 94, no 4, pp. 1009–1054.
- Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Parsons T. (1968) Interaction — social interaction. *The International Encyclopedia of the Social Sciences* (Ed. D. Sills.), vol. 7, Glencoe: The Free Press, pp. 429–441.
- Parsons T. (1968) The problem of polarization on the axis of color. *Color and Race* (Ed. J. H. Franklin), Boston: Houghton Mifflin, pp. 349–372.
- Parsons T. (1969) *Politics and Social Structure*, New York: The Free Press.
- Parsons T. (1971) *The System of Modern Societies*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Parsons T. (1974) Religion in postindustrial America: The problem of secularization. *Social Research*, vol. 41, no 2, pp. 193–225.
- Parsons T. (1977) Equality and inequality in modern society, or social stratification revisited. Parsons T. *Social System and the Evolution of Action Theory*, New York: The Free Press, pp. 321–380.
- Parsons T. (1980) Poscript to 'A Sociology of Modern Antisemitism'. *Contemporary Jewry*, vol. 5, no 1, pp. 31–38.
- Parsons T. (1989) A tentative outline of American values. *Theory, Culture and Society*, vol. 6, no 4, pp. 577–612.
- Parsons T. (1991) The Marshall Lectures — the integration of economic and sociological theory. *Sociological Inquiry*, vol. 61, no 1, pp. 10–58.
- Parsons T. (1997) *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies] (transl. from English by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva, ed. by M. S. Kovaleva), Moscow: Aspect-Press.
- Parsons T. (2007) *American Society: Toward a Theory of the Societal Community*, London; New York: Routledge.
- Parsons T. (2018) *O strukture sotsialnogo deystviya* [On the Structure of Social Action] (Ed. by V. F. Chesnokova, S. A. Belanovsky), Moscow: Academic Project.
- Parsons T., Bales R. (1955) *Family, Socialization and Interaction Process*, Glencoe: The Free Press.
- Parsons T. (1951) *The Social System*, Glencoe: The Free Press.
- Sciortino G. (1991) Immigration into Europe and public policy: Do stops really work? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 18, no 1, pp. 89–99.

- Sciortino G. (1998) The Albanian crisis: Social panic and Italian foreign policy. *Italian Politics: Mapping the Future* (Eds. L. Bardi, M. Rhodes), Boulder: Westview, pp. 209–226.
- Sciortino G. (1999) Just before the fall: The Northern League and the cultural construction of a secessionist claim. *International Sociology*, vol. 14, pp. 321–336.
- Sciortino G. (1999) Planning in the dark: The evolution of the Italian system of immigration controls. *Mechanisms of Immigration Control* (Eds. G. Brochmann, T. Hammar), Oxford: Berg, pp. 233–260.
- Sciortino G. (2000) Toward a political sociology of entry policies: Conceptual problems and theoretical proposals. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 26, no 2, pp. 213–228.
- Sciortino G. (2003) From homogeneity to difference? Comparing multiculturalism as a description and as a field for claim-making. *Comparative Social Research*, vol. 22, pp. 263–285.
- Sciortino G. (2004a) Immigration in a Mediterranean welfare state: The Italian experience in a comparative perspective. *Journal of Comparative Policy Analysis*, vol. 6, no 2, pp. 111–128.
- Sciortino G. (2004b) The societal community: Conceptual foundations of a key action theory concept (an outline of the main argument). Paper prepared for the Parsons Conference in Kobe University in July 2004. URL: <https://www.researchgate.net/publication/29688290>.
- Sciortino G. (2005) How different can we be? Parsons' societal community, pluralism and the multicultural debate. *After Parsons* (Eds. R. C. Fox, V. M. Lidz, H. J. Bershady), New York: Russell Sage, pp. 111–136.
- Sciortino G. (2006a) Bringing solidarity back. *European Journal of Social Theory*, vol. 10, no 4, pp. 561–570.
- Sciortino G. (2006b) Toward a structural theory of social pluralism: Talcott Parsons, ethnicity and ascriptive inequalities. *Action Theory: Methodological Studies* (Ed. H. Staubmann), Berlin: LIT-Verlag, pp. 153–176.
- Sciortino G. (2008) Functionalism and social systems theory. *The New Blackwell Companion to Social Theory* (Ed. B. S. Turner), London: Blackwell, pp. 106–123.
- Sciortino G. (2010) A single societal community with full citizenship for all: Talcott Parsons, citizenship and modern society. *Journal of Classical Sociology*, vol. 10, no 3, pp. 239–259.
- Sciortino G. (2012) Ethnicity, race, nationhood, foreignness and many other things: Prolegomena to a cultural sociology of difference-based interactions. *Oxford Handbook of Cultural Sociology* (Eds. J. C. Alexander, R. Jacobs, P. Smith), Oxford: Oxford University Press, pp. 365–389.
- Sciortino G. (2013) Immigration in Italy: Subverting the logic of welfare reform? *Europe's Immigration Challenge: Reconciling Work, Welfare and Mobility* (Eds. G. Brochmann, T. Jurado), London: Tauris, pp. 77–94.
- Sciortino G. (2015a) History of AGIL. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.03066-X>, pp. 381–393.

- Sciortino G. (2015b) A European sociology of migration? Not yet, not quite. *Handbook of European Sociology* (Ed. S. M. Koniordos), London: Palgrave, pp. 252–266.
- Sciortino G. (2019) Cultural traumas. *Routledge Handbook of Cultural Sociology* (Eds. L. Grindstaff, M.-C. Lo, J. R. Hall), London: Routledge, pp. 135–143.
- Sciortino G. (2021) A blueprint for inclusion: Talcott Parsons, the societal community and the future of universalistic solidarities. *American Sociologist*, vol. 52, pp. 159–177.
- Sciortino G., Colombo A. (2004) The flow and the flood: Immigrants in the Italian newspaper discourse. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 9, no 1, pp. 94–113.
- Sciortino G., Eyerman R. (2020a) Introduction. *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination* (Eds. G. Sciortino, R. Eyerman), Palgrave Macmillan, pp. 2–27.
- Sciortino G., Eyerman R. (2020b) Conclusion. *The Cultural Trauma of Decolonization: Colonial Returnees in the National Imagination* (Eds. G. Sciortino, R. Eyerman), Palgrave Macmillan, pp. 205–229.
- Sciortino G., Eyerman R. (2021) Reply to our critics. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 44, no 3, pp. 439–447.
- Sciulli D. (1984) Talcott Parsons' analytical critique of Marxism's concept of alienation. *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 3, pp. 514–540.
- Sztompka P. (1974) Teleological language in sociology. *System and Function: Toward a Theory of Society*, New York: Academic Press.
- Treviño A. J. (2020) Pounding on Parsons: How criticism undermined the reputation of sociology's incurable theorist. *The Cambridge Handbook of Social Theory* (Ed. P. Kivisto), Cambridge University Press, pp. 179–204.
- Turner J. (1974) *Structure of Sociological Theory*, Belmont: Wadsworth.
- Zanon F., Sciortino G. (2014) The newest diversity is the oldest: Religious pluralism and the EU. *Ethnicities*, vol. 14, no 4, pp. 498–516.

Был ли Макиавелли поклонником демократии?

Тимофей Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: улица Старая Басманная, 21/4с1, Москва, 105066 Российская Федерация

E-mail: tdmitriev@hse.ru

В статье на основе анализа политических сочинений Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «Государь» и «История Флоренции» показано, что неоднократно предпринимавшиеся на протяжении нескольких последних десятилетий такими эрудитами, как Антонио Негри, Джон Маккормик, Агнес Хеллер, Клод Лефор и Стивен Смит, попытки объявить Макиавелли поклонником радикальной демократии или же пророком современной демократической политики и даже «плебейского принципа» в политике, не находят ни идейного, ни терминологического подтверждения в работах флорентийского мыслителя. Отмечается, что одно из центральных мест в политическом мышлении Макиавелли занимает идея смешанного образа правления, заимствованная им из классической политической традиции и имеющая в силу этого по преимуществу досовременное происхождение. В свою очередь, попытки сделать из Макиавелли сторонника радикальной демократии в современном духе рассматриваются в статье как преподносящие идейное наследие великого флорентийца в сильно искаженном виде и продиктованные в первую очередь стремлением ряда современных авторов вычленив его политические идеи и концепции из исторического контекста их формирования и развития и поместить их в чуждую им интеллектуальную и культурную среду ради того, чтобы придать им злободневные политико-полемиические смысловые коннотации.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, знать, народ, групповые настроения (*umori*), круговорот политических форм, демократия, смешанный образ правления, *governo largo*, *governo stretto*

Одной из характерных черт политико-полемических дебатов как былых времен, так и наших дней является стремление немалого числа их участников записать в свои союзники выдающихся мыслителей прошлого. Делается это зачастую не только для того, чтобы придать приводимым аргументам дополнительный теоретический вес, но и чтобы посредством ссылки на авторитет знаменитых мыслителей снабдить свои доводы большей риторической силой в глазах образованной публики. Одним из побочных следствий использования таких приемов аргументации и способов ведения полемики становится то, что и у читателей, да и у самих авторов соответствующих аргументов зачастую складывается довольно превратный взгляд на идейное наследие препарированных столь «оригинальным» образом классиков политической мысли, который затем нередко начинает жить своей собственной жизнью, в том числе и благодаря трансляции в современной медиасреде и сети Интернет. Более того, сами эти предвзятые трактовки со временем начина-

ют восприниматься как самоочевидные истины и даже проникать в этом качестве в научно-популярную литературу и учебные пособия. Не миновала «чаша сия» и Никколо Макиавелли, чьи работы и идеи уже более 500 лет продолжают привлекать к себе внимание всех, кто интересуется историей политической мысли европейского модерна и ее нынешним актуальным состоянием¹. В качестве примера можно сослаться на «черную легенду» о Макиавелли как «учителе зла» и «наставнике тиранов», получившую широкое распространение в Новое и Новейшее время². Несмотря на то что в наши дни она уже не пользуется особым авторитетом, сегодня также нередко можно встретить авторов и эрудитов, пытающихся инструментализировать идейное наследие великого флорентийца в своих собственных политико-полюемических целях. В своей статье я коснусь только одного эпизода, связанного с современными политико-полюемическими спорами по поводу политической мысли Макиавелли, а именно — с настойчивыми попытками некоторых уважаемых авторов создать положительный образ Макиавелли-демократа, якобы существенно опередившего свое время, и тем самым выдать его за сторонника или же предвестника демократии и даже народовластия в их современном понимании. Я также постараюсь показать, как и почему эти новомодные интерпретации преподносят нам реальное содержание политической мысли Макиавелли в сильно искаженном виде.

Конфликт как конститутивный момент политического у Макиавелли

Хорошо известно, что от флорентийского гражданского гуманизма XV века политические воззрения Макиавелли-республиканца отличаются прежде всего высокой оценкой того значения, которую конфликты между различными социальными группами в городе имеют для развития и сохранения в нем свободных республиканских порядков, а также настоятельным указанием на необходимость удержания этих социальных конфликтов и политических разногласий в приемлемых для города рамках путем институционализации их в определенных нравах, законах и политических практиках (Покок, 2020; Скиннер, 2017; Baron, 1961; Vock, 1990; Lefort, 1972; Najemu, 1996, 2010, 2014). Как подчеркивает Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», «ничто так не способствует устойчивости и прочности республики, как такое ее упорядочивание, посредством которого изменчивым настроениям, которые ее волнуют, дается надлежащий выход посредством

1. Отчасти в этом «повинен» и сам Макиавелли, поскольку ему довелось стать одним из тех великих умов европейского человечества, которые «начиная еще с их собственных времен, вызывают такой неизбывный интерес, что обширная литература, им посвященная, имеет обыкновение говорить скорее об интересах и предрасположенностях самих комментаторов, нежели о самих этих мыслителях» (Colish, 1971: 323).

2. Наиболее характерным примером такой позиции в необъятной макиавеллиане XX века может — с определенными оговорками — служить капитальный труд Лео Штрауса «Мысли о Макиавелли» (Strauss, 1978 [1958]).

законов»³. Речь в данном случае идет, справедливо замечает Дж. Наджеми, о самой революционной из всех политических идей Макиавелли, согласно которой «свобода может процветать только там, где политическая конкуренция между социальными классами допускается и даже поощряется законом, институтами и — не в последнюю очередь — интеллектуалами» (Najemy, 1996: 126).

Этот ценный политический урок Макиавелли извлечен из основательного изучения истории Древнего Рима. По его мнению, своей свободой Римская республика была обязана конфликту между знатью и плебсом, патрициями и плебеями. В этом пункте он драматическим образом расходится с точкой зрения, которую можно было встретить как в речах и трудах древних римских ораторов и историков⁴, так и в сочинениях его современников — флорентийских интеллектуалов-гуманистов. Последние, в частности, считали, что раздоры между отдельными социальными группами и их политическими фракциями в городе представляют для него смертельную опасность, и потому не находили для них места в хорошо устроенной республике⁵. Настаивать, как это делал Макиавелли, на том, что гражданские междоусобицы в Риме «заслуживают всяческого одобрения [meritano somma laude]»

3. *Discorsi*, I, 7: E pero non è cosa che faccia tanto stabile e ferma una republica, quando ordinare quella in modo che l'alterazione di quegli omori che l'agitano abbia una via da sfogarsi ordinata dalle leggi. Под «омори» (в других местах «umori») — «нравами» или «настроениями» — Макиавелли имеет в виду прежде всего базисные устремления и интересы социальных сил и группировок, представленных в городе, главными из которых являются «знать» (*grandi*) и «народ» (*popolo*). Само понятие «гуморов» восходит к медицинским школам Древней Греции, которые понимали под ними жидкости в человеческом организме и выделяли четыре их вида: кровь, слизь, черную и желтую желчь. Когда эти четыре жидкости смешаны в организме правильно, человек здоров. Напротив, преобладание одной из жидкостей в организме приводит к болезни и даже, в случае неблагоприятного развития болезни, к смерти человека: на этом строилась такая составляющая учения античной медицины, как гуморальная патология (Карпов, 1936). У Макиавелли «гуморы» в лице *grandi* и *popolo* становятся главными политическими силами, действующими в политическом организме города. Поскольку понятие-метафора *omori/umori* имело большое значение в политической мысли Макиавелли, ниже мы остановимся на нем подробнее.

4. Уже у римского историка-моралиста Саллюстия можно встретить получившую затем широкое распространение в рамках классической политической и моральной традиции Запада идею, согласно которой «*concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur*» — «согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются» (*Саллюстий*. Югуртинская война, 10, 6. Перевод В. О. Горенштейна).

5. В своих заметках на «Рассуждения» Макиавелли его младший современник, дипломат и историк Франческо Гвиччардини (1483–1540) писал, что «хвалить рознь — это все равно что хвалить в большом болезнь ради лекарства, которым его лечат» (Гвиччардини, 2023: 56). Эту мысль Гвиччардини повторяет в «Диалоге об управлении Флоренцией» (*Dialogo del Reggimento di Firenze*, 1521–1524), где он вкладывает в уста одного из персонажей этого диалога — Бернардо дель Неро — ту самую мысль, которую Макиавелли столь настойчиво опровергает в «Рассуждениях», а именно — что величие Рима основывалось на его военной мощи и дисциплине, тогда как «его политическое устройство было беспорядочным и изобиловало восстаниями [el governo di dreto fu tumultuoso e pieno di sedizione], так что, не будь его военная доблесть [la virtù militare] столь велика, эта республика уже не раз потерпела бы крах» (Guicciardini, 1932: 150. Перевод мой. — Т. Д.).

(Макиавелли, 2006а: 28)⁶, означало тем самым идти наперекор одному из главных доктринальных положений флорентийского гражданского гуманизма⁷.

Макиавелли, однако, подобная постановка вопроса совершенно не смущала: в его «Рассуждениях» мы находим настоящий панегирик раздорам как гарантии политической свободы римской гражданской общины⁸. По оценке Макиавелли, «вражда между Сенатом и плебсом сохранила римскую свободу, ибо из нее родились законы в пользу вольности» (Макиавелли, 2006а: 84). Возражая против «мнения многих» (*la opinione di molti*), что «Рим был беспокойной республикой, полной всяческих беспорядков» (*Roma essere stata una repubblica tumultuaria, piena di tanta confusione*), вызванных раздорами между знатью и плебсом, которые едва не поставили Рим на грань гибели, и что только «благосклонность судьбы и воинская доблесть» (*la buona fortuna e la virtù militare*) спасли его от этой участи, Макиавелли настойчиво отстаивает ту точку зрения, что терзавшие Рим «беспорядки нельзя считать вредными» (*giudicare questi tumulti nocivi*), поскольку они не давали безоговорочно восторжествовать в городе какой-то одной из враждующих партий⁹. Как подчеркивает Макиавелли, именно существование в городе влиятельных общественно-политических сил с несходными и даже противоположным интересами, ни одна из которых не обладает безусловным превосходством над другой, создает ничем не заменимые социальные предпосылки для сохранения республиканской свободы и для обретения городом державного величия. По его хорошо известному отзыву, даже если социальные беспорядки в Риме были злом, они тем не менее представляли собой зло особого рода, необходимое для величия Рима, а потому «к вражде, возникающей между народом и Сенатом, следует относиться терпимо как к неудобству, неизбежному при достижении римского величия [a pervenire alla romana grandezza]» (Макиавелли, 2006а: 34).

Ссылаясь на эти и другие подобные им мысли Макиавелли, многие современные политические теоретики и историки политической философии отводят ему роль глашатая демократической политики, утверждая, подобно Антонио Негри, что «Макиавелли ставит государя на службу демократическому правительству» (Negri, 1992: 76) и даже что у Макиавелли «государь — это демократия» (Negri, 1992: 97), что Макиавелли «надо считать демократом, а не “республиканцем”» (McCormick, 2012: VIII), который «в значительной степени демократизировал принципы римского конституционного устройства» (McCormick, 2012: 7), и что «предпочте-

6. Здесь и далее все цитаты из «Рассуждений» (за исключением отдельных, особо оговоренных случаев) даются в переводе М. А. Юсима по изданию: Макиавелли, 2006а. Цитаты из итальянского оригинала, равно как и иные вставки в квадратных скобках, здесь и далее по тексту везде добавлены мной. — Т. Д.

7. На этот оригинальный аспект политического мышления Макиавелли неоднократно указывали многие современные ученые и исследователи. См., к примеру: Покок, 2020: 285–286; Скиннер, 2018: 306–308; Вок, 1990: 182–183; Lefort, 1978a: 137.

8. *Discorsi*, I, 4–6; II, proemio, 1–4; III, 1.

9. Перевод мой.

ния, отдаваемые Макиавелли плебсу — простому народу — представляют собой нечто новое в политической теории» (Smith, 2012: 131)¹⁰.

В какой мере эти оценки и интерпретации оправданны, а в какой они выдают желаемое за действительное? Дает ли Макиавелли повод для того, чтобы приписывать ему подобные политические взгляды и предпочтения? Попробуем разобраться в этом вопросе более детально, привлекая с этой целью его не только политические («Государь» и «Рассуждения»), но и исторические («История Флоренции») произведения Макиавелли, равно как и памятуя о том, что в дискурсивном поле исследовательской литературы о великом флорентийце и его политических идеалах «разнообразие интерпретаций и мнений, глубина конфликтов, а также накал критических страстей достигают самой высокой степени» (Lefort, 1978b: 144).

Конфликт знати и народа как залог свободы и величия Рима

Начнем с реконструкции взглядов Макиавелли на конфликт между знатью и народом как на залог свободы и процветания хорошо устроенной республики. Не затрагивая этот вопрос в целом, мы коснемся его лишь в той мере, в какой это необходимо для последующего рассмотрения интересующей нас проблемы. Один из главных тезисов, которые Макиавелли развивает в своих «Рассуждениях», заключается в том, что социальный конфликт не только *конститутивен* для политической жизни, но при определенных обстоятельствах может быть *полезен* для нее. В качестве примера он ссылается на историю Римской республики, которая сделалась свободной и могущественной благодаря противостоянию плебса и Сената, поскольку из конфликтов между римской знатью и народом «проистекали не изгнания и насилия, наносящие урон общему благу [commune bene], а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу [leggi e ordini in beneficio della publica libertà]» (Макиавелли, 1982b: 389)¹¹.

Идея о том, что конфликт между патрициями и плебеями был причиной величия Рима и гарантией его свободы, составляет одну из главных новаций, внесенных Макиавелли в политическую мысль европейского модерна. «Те, кто осуждает беспорядки между нобилиями и плебсом, — доказывал он, — по-моему, порицают самую причину римской вольности [prima causa del tenere libera Roma], обращая больше внимания на внешнюю сторону этих беспорядков, а не на их благотворные последствия; они не видят, что в любой республике существует два противоборствующих стана, народ и знать [due umori diversi, quello del popolo e quello de' grandi], и что все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния [nascono dalla disunione loro]» (Макиавелли, 2006a: 27–28).

10. Судя по всему, первым, кто обратил внимание на эту характерную тенденцию в современной макиавеллиане и дал ей резко критическую оценку, был известный знаток Макиавелли и историк политической мысли Возрождения и Нового времени Маурицио Виरोли. См. об этом: Viroli, 2017.

11. Перевод Р. Хлодовского.

Народ (*popolo*) и знать (*grandi*) как главные социальные группировки города различаются, по Макиавелли, прежде всего своими «нравами» или «устремлениями» (*umori*): в то время как знать желает повелевать, народ, напротив, не хочет, чтобы его угнетали¹². «Рассмотрев цели знатных и незнатных слоев населения, — пишет Макиавелли в «Рассуждениях», — мы увидим у первых великое желание властвовать [*desiderio grande di dominare*], а у вторых — только стремление избежать гнета [*solo desiderio di non essere dominati*], а следовательно, и большую тягу к гражданской вольности [*maggiore volontà di vivere liberi*]» (Макиавелли, 2006а: 29). Эту точку зрения Макиавелли проводит не только в «Рассуждениях», но и в «Государе» и «Истории Флоренции»¹³. Тем самым он очерчивает тот главный общественно-политический конфликт, которым, по его мнению, определяется жизнь любого города или республики. Конкретизируя свою мысль о том, что конфликт между знатью и народом был залогом величия и свободы Рима, Макиавелли выдвигает предположение, что именно народ, а не знать является наиболее подходящим кандидатом на роль хранителя и защитника республиканской свободы (*la guardia della libertà*)¹⁴. «Всякую вещь, — говорит Макиавелли, — лучше охраняет тот, кто менее склонен на нее покушаться» (Макиавелли, 2006а: 29). Это соображение заслуживает первостепенного внимания при поиске ответа на вопрос, кому в республике следует доверить защиту свободы — народу или грандам. Сопоставление целей, которыми руководствуются знать и народ, приводит Макиавелли к выводу, что коль скоро народ стремится прежде всего избежать угнетения, то он, в отличие от знати, редко выступает в роли душителя республиканской свободы. Более того, несмотря на свое невежество, народ достаточно умен для

12. В то время как в Древнем Риме конфликт двух социальных начал принял форму борьбы между патрициями и плебеями, применительно к политической истории и актуальной политической практике его родной Флоренции Макиавелли дает более дробную классификацию борющихся социальных групп. Таких элементов в «Рассуждении о флорентийских делах» (1520/1521) он насчитывает три: это первые люди, или знать (*primi*), средний элемент (*mezzani*) и последние люди, «ничтожный народ» (*ultimi, l'infima plebe*) (Machiavelli, 2018: 164). Сходное деление мы находим и в его «Истории Флоренции», где он отмечает несколько главных социальных противоречий, характерных для жизни флорентийской городской коммуны: внутри самой знати, между *nobili* (знатью) и *popolo* (народом), а также между *popolo* и *plebe* (плебсом, городскими низами). Из этих противоречий главным, однако, также является конфликт между знатью и народом. Предлагая такую социальную категоризацию, Макиавелли отдает дань как классической политической и исторической традиции Запада (Аристотель, Полибий, Тит Ливий), так и дискурсивным практикам символической организации политического воображаемого в его родной Флоренции (Gilbert, 1973: 23-24). О характере гражданских раздоров во Флоренции и их оценке, которую Макиавелли дает в своей «Истории Флоренции», см. мою статью: Дмитриев, 2020.

13. *Il Principe*, cap. IX; *Discorsi*, I, 3-6; *Istorie fiorentine*, III, 1.

14. Здесь, правда, сразу стоит оговориться, что из текста самих «Рассуждений» Макиавелли, как проницательно подметил в свое время Франческо Гвиччардини, остается не вполне понятным, что имеется в виду под функцией народа как «защитника свободы». А именно неясно, идет ли в данном случае речь об определенном распределении власти между народом и знатью в рамках политического устройства города, или же Макиавелли подразумевает здесь нечто иное, например, что народ или уполномоченные им на то лица должны нести особую ответственность за сохранение в городе гражданской свободы. Соображения Гвиччардини на этот счет см.: Гвиччардини, 2023: 58.

того, чтобы прислушаться к предостережениям мудрых и достойных людей. «Требования свободных народов, — констатирует Макиавелли, — редко покушаются на вольность; их вызывают к жизни угнетение или угроза установления гнета» (Макиавелли, 2006а: 28).

По мнению Макиавелли, знатные и власть имущие люди наносят республике и ее свободе больший ущерб, чем те, кто жаждет перемен, поскольку желание сохранить нажитое заставляет их стремиться иметь все больше и больше. Обсуждая Спарту, Рим и Венецию в пятой главе первой книги «Рассуждений», Макиавелли задается вопросом о том, «какая из человеческих склонностей пагубнее для республики — та ли, что побуждает сохранять приобретенные почести [l'onore già acquistato], или же та, что толкает на их приобретение» (Макиавелли, 1982b: 392)¹⁵. Отвечая на этот вопрос, он перво-наперво указывает на то, что тот, кто желает сохранить, «боится утратить приобретенное», и добавляет, что страх потерять приобретенное богатство порождает у имущих «те же самые страсти, которые свойственны неимущим, ибо никто не считает, что он надежно владеет тем, что у него есть, не приобретая большего» (Макиавелли, 1982b: 393). По этой причине, как считает Макиавелли, «смуты чаще вызываются людьми имущими», как потому, что «более богатые люди имеют большие возможности и средства для учинения пагубных перемен», так и потому, что «их наглое и заносчивое поведение зажигает в сердцах людей неимущих желание обладать властью либо для того, чтобы отомстить обидчикам, разорив их, либо для того, чтобы самим получить богатство и почести, которыми они злоупотребляют» (Макиавелли, 1982b: 393)¹⁶.

По сути дела, именно этот круг идей о конфликте между народом и знатью как основе свободы и величия Рима, изложенных Макиавелли по большей части в первых главах первой части «Рассуждений», и служит современным интерпретаторам и эрудитам поводом для того, чтобы объявить его если не «отцом», то по крайней мере «предтечей» демократической политики европейского модерна. Они доказывают, что на основе своего анализа противостояния знати и народа Макиавелли приходит к заключению, что в городе существует элемент, который является *благим*. Этот элемент — «народ» (*popolo*), единственное стремление которого заключается в том, чтобы избежать произвола и притеснения со стороны грандов. Ведь Макиавелли прямо говорит, что «у народа, который не хочет быть угнетаем, цель более достойная [è più onesto], чем у грандов, которые сами хотят угнетать» (Макиавелли, 2006а: 318). На этом основании Пьер Манан уверяет нас,

15. В последующем, однако, при рассмотрении этого вопроса в пятой главе первой книги «Рассуждений» Макиавелли приходит к выводу, что его разрешение в определяющей степени зависит от того, превалирует ли в соответствующем политическом сообществе внешняя политика над внутренней или нет. «В конце концов, тщательно все разобрав, — пишет он, — приходишь к такому выводу: или речь идет о республике, желающей, как Рим, расширить свои владения, или о той, которой [подобно Спарте и Венеции] достаточно сохранить свои собственные» (Макиавелли, 2006а: 30). Подробнее об этой альтернативе см. ниже.

16. В данном случае мы цитируем «Рассуждения» в переводе Р. Хлодовского, который лучше передает интересующий нас смысловой нюанс размышлений Макиавелли.

что «радикально отрицая претензии грандов на “доблесть”, и в то же самое время говоря о том, что у народа цель более достойная, чем у грандов, Макиавелли становится первым *демократическим* мыслителем современности» (Manent, 1987: 43).

Для того чтобы дать ответ на вопрос, был ли Макиавелли поклонником демократии, необходимо, на наш взгляд, прежде всего выяснить, в какой степени зафиксированный Макиавелли сценарий базового общественно-политического конфликта, разделяющего город как минимум на две противоборствующие стороны и в своих крайних проявлениях ведущий его в направлении одной из трех вероятных развилок: либо к анархии, либо к учреждению режима единоличной власти, либо к установлению свободного правления¹⁷, дает основания причислить его к числу «демократических мыслителей современности».

Отношение Макиавелли к античной демократии и проблема смешанного строя правления

В сочинениях Макиавелли мы не встретим высокой оценки демократии как формы политического правления. Единственный раз, когда он относительно подробно рассматривает демократию как форму правления, связан с его сопоставлением политической жизни демократических Афин после реформ Солона с жизнью олигархической Спарты после реформ Ликурга, причем это сравнение оказывается явно не в пользу Афин. Макиавелли указывает, что демократическое устройство Афин, учрежденное Солоном, оказалось неудачным и просуществовало недолго; более того, оно открыло дорогу тирании Писистрата; и «хотя потомки последнего через сорок лет были изгнаны, так что в Афины снова вернулась свобода [libertà] и восстановилось народное правление по образцу Солона [lo stato popolare, secondo gli ordini di Solone], оно продержалось всего сто лет» (Макиавелли, 2006а: 25).

Неудачу реформ Солона Макиавелли противопоставляет реформам Ликурга в Спарте¹⁸, которые были обязаны своим успехом тому, что этот спартанский законодатель пошел по пути создания «смешанного образа правления» и в своих «законах, принятых для Спарты, отвел причитающуюся им долю [dando le parte sue] и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет, наслаждаясь покоем и прославляя его имя». Секрет долговечности политического строя в Спарте, которой управлял царь и небольшой сенат, Макиавелли вслед за «древними» авторами видит в том, что «жителей там было немного, а новым поселенцам доступ был закрыт» (Макиавелли, 2006а: 31)¹⁹. Кроме того, в Спарте довольно долго удавалось избегать появления серьезного

17. Как ясно дает понять Макиавелли в «Государе» (*Il principe*, cap. IX), «борьба этих двух стремлений приводит в городах к одному из трех результатов: возникновению принципата, режиму свободы или произволу [da questi due appetiti diversi nasce nelle città uno de' tre effetti, o principato, o libertà, o licenza]» (Макиавелли, 2006б: 317. Перевод исправлен мной).

18. О взглядах Макиавелли на роль Ликурга и его реформу политических порядков в Спарте более подробно см.: Del Lucchese, 2021: 39–72, 41–44 особенно.

19. Перевод исправлен мной.

неравенства между гражданами, основанного на собственности, поскольку «Ликург в Спарте своими законами предписывал в большей степени равенство собственности и в меньшей степени — равенство по должности. Поэтому все были одинаково бедными, а плебеи не слишком честолюбивы, поскольку знать города ограничивалась немногими гражданами, в ряды которых плебеи не имели доступа [i plebei erano manco ambiziosi perché i grandi della città si distendevano in pochi cittadini ed erano tenuti discosto dalla plebe]»²⁰. Однако, поскольку цари в Спарте защищали плебеев от произвола знати, а богатство последней не было настолько вызывающим, чтобы рождать зависть у плебеев, то последние мирились с неравенством в звании и должности до тех пор, пока равенство в собственности преобладало.

Таким образом, будучи сведенным воедино, баланс достоинств и недостатков политического строя Афин и Спарты в глазах Макиавелли склоняется в пользу второй по той простой причине, что в Спарте существовал смешанный образ правления, по сравнению с которым «в афинском устройстве недоставало преимуществ принципата и правления оптиматов». Этим обстоятельством было обусловлено то, что «Афины продержались гораздо меньше по сравнению со Спартой [visse Atene a rispetto di Sparta brevissimo tempo]» (Макиавелли, 2006а: 25).

Последнее суждение Макиавелли свидетельствует о том, что важным аргументом против демократического образа правления в его глазах служила недолговечность (*la brevità della vita*) этого строя. Данную мысль он высказывает не только при оценке истории афинской демократии после реформ Солона, но и в более общем ключе при изложении своих взглядов на круговорот политических форм в «Рассуждениях»²¹. Здесь он отмечает, что правление оптиматов — лучших людей города, — которое приходит на смену единоличному правлению принцепса, имеет тенденцию вырождаться «в олигархию, враждебную всякой гражданственности [sanza avere rispetto ad alcuna civiltà]». Подобная политика правящих олигархов порождала всеобщее недовольство, и всегда находился кто-то, кто становился возмутителем спокойствия и «свергал этих правителей при помощи большинства [moltitudine]». Однако, поскольку «память о единоличном государе и твори-

20. Перевод мой.

21. Эти размышления Макиавелли, как неоднократно отмечали многие исследователи, находятся под определяющим влиянием идей VI книги «Всеобщей истории» Полибия, целиком посвященной державному величию Рима и причинам его возвышения, с которой Макиавелли был хорошо знаком. Об этом свидетельствует уже то, что в главе второй первой книги «Рассуждений» Макиавелли «повторяет некоторые страницы 6-й книги Полибия в пересказе, временами приближаясь к литературному (дословному) переводу без упоминания имени Полибия» (Фриц, 2007: 23). Историографическая загадка, откуда Макиавелли был знаком с шестой книгой «Всеобщей истории» — греческого он не знал, а первые латинские переводы «Истории» увидели свет уже после его смерти, — была счастливо разрешена в конце прошлого века итальянским исследователем Карло Дионисотти, который довольно убедительно показал, что Макиавелли скорее всего познакомился с текстом Полибия о круговороте форм правления по латинскому рукописному переводу, сделанному в 1504 году одним из членов кружка, собиравшегося для бесед в садах Оричеллари (куда был вхож Макиавелли), Бернардо Ручеллаи в его «De urbe Rome» (1504) (Dionisotti, 1980: 139-140). Об отношении Макиавелли к теории *anacyclosis* Полибия см.: Sasso, 1967a: 161-222; Sasso, 1967b: 223-281.

мых их несправедливостях была еще свежа, то, отменив правление меньшинства и не желая вернуться к правлению одного, люди обратились к народовластию [*stato popolare*], в котором ни государь, ни олигархия не могли играть никакой роли». Но и этот новый режим держался «недолго, не дольше жизни установившего его поколения, поскольку совершался переход к произволу [*licenza*], не щадящему ни властей, ни частных лиц» (Макиавелли, 2006а: 24)²².

Как можно видеть, оценка, которую Макиавелли дает демократической форме правления, носит явно нелицеприятный характер; более того, его описание жизни развращенного демократического города проникнуто откровенной неприязнью и, по сути своей, повторяет полемическое описание поведения «демократического человека», которое дает Платон в своем «Государстве» (Plat. Rep. VIII, 557b–561e): при демократии «всякий делает что хочет, и повседневно творится множество безобразий, поэтому по необходимости или по подсказке какого-нибудь доброжелателя, чтобы обуздать произвол, люди снова обращаются к единоличному правлению [*principato*]» (Макиавелли, 2006а: 24–25). Закономерным итогом демократического опыта правления является, по Макиавелли, возвращение к единоличному образу правления, т. е. завершение одного политического цикла и начало следующего.

Этот аргумент, однако, нельзя отнести к решающим из числа выдвинутых Макиавелли против демократии, поскольку он в той же главе «Рассуждений» указывает на недолговечность не только демократии, но и трех хороших образов правления. Эти три типа правления — принципат (*il Principato*), правление оптиматов (*gli Ottimati*) и народное правление (*il Governo Popolare, stato popolare*) Макиавелли называет «хорошими сами по себе [*buoni in loro medesimi*]» (Макиавелли, 2006а: 23), но при этом он усматривает их коренной недостаток в том, что они «столь легко поддаются разложению, что... становятся губительными [*si facili a corrompersi che vengono ancora essi a essere perniziosi*]» (Макиавелли, 2006а: 23)²³. Таким образом, заключает Макиавелли, будучи хороши сами по себе, эти образы правле-

22. Стоит отметить, что, как справедливо подчеркивает Джорджио Инглезе, понятие «произвола» (*la licenza* или *lo stato licenzioso*), которое Макиавелли использует в целом ряде своих сочинений (*Il Principe*, cap. 9; *Discorsi*, I, 2; *Istorie fiorentine*, IV, 1), выполняет у него роль терминологического эквивалента для передачи такого синонимичного ряда политико-полемических понятий, как *demokratia* у Аристотеля, *ochlokratia* у Полибия и *la democratia* у Фомы Аквинского и Данте (Inglese, 2011: 195). Это также может служить для нас важным, в данном случае — терминологическим аргументом в пользу того, что Макиавелли вовсе не был сторонником демократии как формы политического правления, в каковые его сегодня столь настойчиво пытаются записать некоторые, и что он уже на уровне понятийной терминологии четко и недвусмысленно отличал *демократию* как плохой и «чистый» политический режим от *народного правления* (*il Governo Popolare, lo stato popolare*) как такого хорошего и «чистого» режима, в рамках которого народ играет серьезную роль в решении политических дел, но который, не будучи составной частью смешанного образа правления, подобно всем прочим хорошим «чистым» политическим формам, в любом случае является нестабильным и недолговечным.

23. Легко поддаваясь политическому разложению, эти три хорошие формы правления превращают в три плохие: «принципат может быстро стать тиранией, правление оптиматов — сосредоточить власть в руках меньшинства, народное правление без труда переходит в произвол [*licenza*]» (Макиавелли, 2006а: 23).

ния тем не менее «пагубны» «вследствие [их] недолговечности [per la brevità della vita]» (Макиавелли, 2006а: 25). С точки зрения интересующей нас проблемы здесь важно то, что недолговечность, будучи общим недостатком всех трех «хороших» образов правления — монархии, аристократии и народного правления, — служит Макиавелли важным аргументом в пользу предпочтения всем им «смешанного образа правления». «Сознавая эту трудность, — пишет он, — благоразумные законодатели, не отдавая предпочтения каждому из этих режимов в отдельности, выбрали один самый прочный и постоянный, соединяющий в себе достоинства всех трех, которые в нем дополняют друг друга, при этом в одном городе сосуществуют принципат, правление оптиматов и народовластие» (Макиавелли, 2006а: 25). Примером такого смешанного правления для Макиавелли в древности была Спарта, а в современном ему мире — Венецианская республика.

Однако еще более ярким примером удачного смешанного правления времен классической Античности служит для Макиавелли Рим республиканского периода от изгнания царей до гибели республики (509–31 до н. э.), появлением которого Вечный город был обязан борьбе между плебсом и Сенатом. Ее кульминацией стало учреждение института народных трибунов, значение которого для политической истории Рима Макиавелли в целом оценивает достаточно высоко, поскольку народные трибуны не только защищали плебеев от притеснений и произвола знати, но нередко и выступали в роли посредников между плебсом и Сенатом, помогая двум враждебным сторонам найти общий язык и прийти к компромиссу²⁴. «Если беспорядки привели к возникновению трибуната, — подчеркивает он, — то они заслуживают всяческого одобрения, потому что при этом народ не только получил свою долю власти [dare la parte sua all'amministrazione popolare], но и был заложен оплот римской свободы» (Макиавелли, 2006а: 28).

При этом история формирования смешанного строя в Риме в изложении Макиавелли сильно отличается от истории его возникновения в Спарте. Принципиальное различие между Римом и Спартой с точки зрения становления их политических институтов заключалось в том, что в то время как в Спарте учреждение смешанного строя было результатом политического действия одного выдающегося законодателя — Ликурга, смешанный политический строй Рима с его институтами консулов, Сената и народных трибунов оформился постепенно в ходе ожесточенной борьбы между римской знатью и плебсом²⁵. «Только благодаря тому, что Рим, в отличие от Спарты, основой своей имел не указ законодателя,

24. «После многих смут, волнений и опасных беспорядков, в которых участвовали плебс и знать, для успокоения народа был учрежден трибунат, располагавший достаточной властью и уважением, чтобы стать посредником между плебсом и сенатом и противостоять заносчивости нобилей» (Макиавелли, 2006а: 27).

25. Из тех городов, которые «с самого начала избежали чужого ярма и имели собственное республиканское или монархическое правление», пишет Макиавелли, некоторые при своем основании «получили сразу все законы от одного человека, как, например, спартанцы от Ликурга, другие вырабатывали свои законы постепенно, по мере развития событий, как было в Риме [alcune le hanno avute a caso e in più volte e secondo li accidenti, come ebbe Roma]» (Макиавелли, 2006а: 22).

а внутреннюю динамику классовой борьбы, он мог, по мнению Макиавелли, стать мировой державой и сохранять это положение на протяжении веков» (Münkler, 2004: 377–378).

Таким образом, благоприятный исход римских раздоров после свержения власти царей Макиавелли связывает с появлением в Риме смешанного образа правления, сочетающего в себе элементы царской (консулы), аристократической (сенат) и народной власти (комиции, трибунат). Это политическое устройство, «будучи смешанным, создало совершенную республику [rimanenda mista, fece una repubblica perfetta]»²⁶.

Кроме того, важное отличие римского политического строя от спартанского состояло в том, что он был ориентирован на внешнюю экспансию и территориальное расширение, а не на самосохранение и изоляцию от соседей. Если относительно Спарты можно говорить о примате в этом полисе внутренней политики над внешней, то применительно к Риму Макиавелли считает верным обратное (Mansfield, 1998: 89–90). Этими противоположными ориентациями на внутреннюю самодостаточность и внешнюю экспансию Макиавелли объясняет и различие внутреннего политического устройства двух полисов. В то время как в Спарте число полноправных граждан-воинов с самого начала было ограничено, всеми делами управляли цари и небольшой Сенат, а чужакам и пришельцам не предоставлялись права гражданства, чтобы сохранить «внутреннее единство» (*vivere uniti*) местной гражданской общины, политика внешней экспансии правящих кругов Рима требовала вооружения народа и его допуска к участию в решении внутренних и внешних политических дел.

Вооружение народа и предоставление гражданства жителям завоеванных территорий привело в Риме времен республики к появлению «широкого правления» (*governo largo*), тогда как республики, которые, подобно Спарте в Античности и Венеции в современной Макиавелли Италии, стремились к самосохранению, с неохотой шли на вооружение народа, осуществляли ограничительную политику предоставления гражданства и, как правило, управлялись олигархическими правительствами. Такой тип правления, не допускающий народ к участию в принятии политических решений, отказывающийся от расширения гражданской общины за счет принятия в него новых членов и — как это было в случае с Венецией — от вооружения народа, Макиавелли называет «узким правлением» (*governo stretto*).

Такая постановка вопроса у Макиавелли наводит на мысль о том, что вооружение народа и использование Римом на войне армий, состоящих из свободных граждан, а не из наемных солдат, как это было принято у Египта, Персии, Ассирии, Шумера и Карфагена, равно как и получение народом своей доли власти (*la parte sua*) в Римской республике было обусловлено не только социальными раздорами между знатью и народом, но и внешнеполитической ставкой Рима на территориальную экспансию, сперва — на Апеннинском полуострове, а затем — в Западном

26. Перевод мой.

и Восточном Средиземноморье. Поскольку римская армия была сильна своими легионерами — самоэкипированными тяжеловооруженными воинами-пехотинцами, набиравшимися из свободных граждан, а от армии в решающей степени зависела как безопасность Рима, так и успехи его внешней экспансии, служившей важнейшим источником военной добычи, римский плебс, устраивая «забастовки» и саботируя усилия правящей аристократии, неоднократно заставлял ее прислушиваться к себе и идти на выгодные для него уступки, к числу которых следует отнести и создание института народных трибунов. Для того чтобы сделать свои требования более весомыми в глазах знати, плебеи устраивали демонстрации, закрывали лавки и выплескивали свое недовольство в стычках на Форуме, но главными средствами давления римского плебса на знать был отказ идти на войну и сецессия (*secessio plebis*)²⁷.

По словам Макиавелли, «для Рима было обычным, что когда народ хотел добиться нужного ему закона, он либо прибегал к какому-нибудь из вышеназванных действий, либо отказывался идти на войну, и тогда, чтобы успокоить его, приходилось в какой-то мере удовлетворять его желание» (Макиавелли, 1982b: 390)²⁸. Отсюда проистекал важнейший принцип римской политики — *ex imperio libertas*: «поскольку плебеи были вооружены, они могли отстаивать свои требования не посредством гражданской войны, а угрозой отделения», суть которой «состояла в том, что плебс не отделялся: значение беспорядков и раздоров в раннем Риме заключалось в том, что они были инструментами политических переговоров» (Россок, 2010: 150).

Подводя итог рассмотрению истории формирования политического строя Рима и его институтов, Макиавелли приходит к выводу, что «римским законодателям, пожелай они сохранить спокойствие в городе, как в вышеназванных республиках [Венеции и Спарте], необходимо было либо не использовать на войне плебс, как в Венеции, либо закрыть доступ для чужеземцев, как в Спарте. Римляне не сделали ни того, ни другого, так что плебеи получили власть и умножились, и это дало им бесчисленные возможности для беспорядков. Но, избрав внутреннее спокойствие, римское государство одновременно ослабило бы себя, потому что тем самым отрезало бы себе пути к будущему величию; устраняя причины для раздоров, Рим лишился бы средств к расширению» (Макиавелли, 2006a: 32). Каковы бы ни были неудобства, доставляемые вооружением народа и предоставлением ему определенной доли политического участия в принятии решений относительно судебных республики, они до поры до времени с лихвой искупались, как считал Макиавелли, жизнеспособностью политической системы Рима и его внешнеполитическими успехами.

27. Под «сецессией» (лат. *secessio*, от глагола *secedo* — ухожу) Макиавелли имеет в виду демонстративный уход плебеев Рима за пределы городской черты, на Авентинский холм или на Священную гору, который неоднократно практиковался ими (в 494, 449, 445, 342 и 287 гг. до н. э.) в качестве формы борьбы за свои политические и социальные права и интересы. Принято считать, что институт народных трибунов был учрежден в Риме после первой сецессии 494 года для защиты интересов плебеев.

28. Перевод Р. Хлодовского.

В свою очередь, сравнение двух типов смешанного правления — *governo largo* (Рим) и *governo stretto* (Спарта, Венеция) — приводит Макиавелли к заключению, что саму стабильность и долговечность существования политического строя не следует считать решающим критерием при определении того, какую из числа смешанных форм правления следует предпочесть. Необходимо учесть по крайней мере еще два базовых критерия, использование которых существенно усложняет политическую картину, рисуемую великим флорентийцем в пятой и шестой главах первой книги «Рассуждений». Первый из них связан с определением приоритетов при выборе политического курса республики, т. е. с тем, ставятся ли во главу угла вопросы внутренней или внешней политики, делается ли упор на мир и стабильность внутри или же на территориальную экспансию вовне. Здесь принципиальная линия разделения проходит между Римом, с одной стороны, и Спартой и Венецией — с другой. Крайне показательно, что симпатии самого Макиавелли в этой заочной тяжбе явно на стороне Римской республики, срок политического существования которой был короче, чем у Спарты и Венеции, но которая, вступив на путь территориального расширения, смогла, в отличие от этих последних, завоевать большую славу. Наиболее достойный удел (*parte più onorevole*) для республики заключается в том, чтобы вести державную политику внешней экспансии и предусмотреть, в случае, если «нужда [la necessità] заставит ее расширить владения, возможность сохранения за собой приобретенного» (Макиавелли, 2006а: 33–34). А это, в свою очередь, дает Макиавелли основание заявить, что «необходимо следовать римскому образцу [sia necessario seguire l'ordine romano]» (Макиавелли, 2006а: 34). Поскольку у Рима была более грандиозная цель, его державное величие (*grandezza*) следует предпочесть величию Спарты и Венеции в качестве образца для подражания — таков итоговый вывод, к которому приходит Макиавелли.

Второй, не менее важный критерий оценки затрагивает «связь между внешней политикой и распределением внутренней власти» (Покок, 2020: 286). Здесь неординарная гипотеза, предлагаемая Макиавелли, заключается в том, что республика, проводящая активную внешнюю политику, направленную на территориальное расширение, должна быть, если судить по примеру Рима, более демократически устроенной в плане учета правящей аристократией интересов народа, не бояться его вооружения и быть готовой интегрировать приобретенные территории посредством предоставления живущему там населению прав гражданства. Тем самым опыт Древнего Рима в истолковании Макиавелли подсказывает, что «существует глубинная связь между внешними завоеваниями, вооружением плебеев и *vivere popolare*» (Покок, 2020: 288).

Величайшее политическое открытие Макиавелли с этой точки зрения состояло в обнаружении в римском республиканском политическом опыте такой своеобразной смешанной формы правления, которая, в отличие от всех прочих античных (Спарта) и современных ему (Венеция) образцов, будучи тесно связанной с борьбой противоположных социальных начал внутри самого города (отсюда — высокая оценка римских внутренних раздоров), была ориентирована не на дости-

жение «истинного спокойствия города» (*vera quiete d'una città*) за счет минимизации своих внешнеполитических амбиций и использования «закрытой» модели гражданства, но на державную экспансию вовне (отсюда — высокая оценка территориального расширения Рима и римской модели «инклюзивного» гражданства). Благодаря новациям Макиавелли и его последователей в политической философии модерна в конечном счете изменилось само наше представление о смешанной форме правления. «Отличительной чертой классического смешанного режима правления было стремление к покою; отличительной чертой нашего смешанного режима является открытость движению» (Manent, 2013: 207).

Таким образом, в ходе политического анализа в «Рассуждениях» Макиавелли дифференцирует республики, имеющие смешанное политическое устройство, в зависимости от двух факторов: происхождения их политического строя и от того, стремятся ли эти государства к самосохранению и внутренней стабильности или же к внешней экспансии. Государства, стремящиеся к самосохранению, оказываются, по его мнению, внутренне более стабильными, но при этом управляются олигархически и, как правило, не проводят политики предоставления гражданских прав чужакам и чужеземцам. Напротив, государства со смешанным строем, стремящиеся к внешней экспансии, — примером такой гражданской общины для Макиавелли служит Рим времен республики — вынуждены по этой причине вооружать народ, учитывать его интересы и в конце концов предоставлять ему определенную долю участия в политической власти, а также осуществлять политику раздачи гражданства на новых территориях. Таковы основные линии анализа различных типов республиканского правления у Макиавелли, на основе которого он формулирует свой идеал смешанного политического строя.

«Смешанный образ правления» как политический идеал Макиавелли

Почему в своем учении о политике Макиавелли отдает явно выраженное предпочтение именно смешанной форме правления, а точнее — ее римскому образцу? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к его анализу базисного социального конфликта, характерного для города или республики.

В своей «Истории Флоренции» Макиавелли писал, что «города, управляемые под именем республики, особенно не имеющие хорошего внутреннего устройства, часто подвержены переменам правительств и режимов власти, которые не означают перехода от свободы к рабству или наоборот, как многие полагают, а лишь — чередование режимов рабства и своеволия. Ведь от свободы, которую прославляют и сторонники произвола [*ministri della licenza*], пополаны [*i popolari*], и защитники рабства [*quelli della servitù*] — нобили [*i nobili*], остается одно название, потому что ни те, ни другие не желают подчиняться ни людям, ни законам» (*Istorie fiorentine*, IV, 1. Пер. М. А. Юсима)²⁹.

29. Цит. по: Юсим, 1990: 125.

В данном отрывке Макиавелли совершенно четко дает понять своему читателю, что в сотрясаемых конфликтами республиках свобода нередко становится не более чем громким политическим лозунгом, независимо от того, какой городской элемент к ней апеллирует³⁰. Даже народ, которому Макиавелли отдает предпочтение в качестве «защитника свободы», в этой ситуации не может пользоваться абсолютным иммунитетом ее сторонника. По большому счету, неважно, кто конкретно в пораженной ожесточенным политическим противостоянием республике выступает за свободу — городская знать или народ в лице пополанских торгово-ремесленных слоев; в любом случае реальным интересом первой, скрытым под лозунгом свободы, будет порабощение города и его народного элемента, а реальным интересом вторых — произвол, от которого не поздоровится никому. Тирания, говорит Макиавелли, порождается «неумеренными стремлениями народа к свободе, а знати — к власти» (Макиавелли, 2006а: 90)³¹, а посему в хорошо устроенной республике каждой из этих социальных групп должно быть отведено свое, подобающее место в системе власти, а их политическому действию поставлены определенные пределы, умеряющие их желания «иметь больше» положенного. Искусство же политического управления городом в этих условиях со стороны «лучших людей», составляющих его правящую верхушку, заключается в том, чтобы каждое социальное начало, в нем представленное, занимало в рамках этого политического устройства свое подобающее ему место и не пыталось подмять под себя все прочие. Таким образом, Макиавелли прекрасно отдает себе отчет в том, что *ничем не ограниченная власть*, будь то власть немногих знатных лиц или же власть многих (*la moltitudine*) простолюдинов, всегда представляет собой большое зло для свободной республики.

Поэтому он — в качестве своего политического идеала — выдвигает на первый план смешанный образ правления, основанного на обуздании чрезмерных устремлений (*ambizioni*) как знати, так и народа при помощи хороших политических институтов, религии и законов³². Уникальную возможность для выхода города из со-

30. Здесь у Макиавелли были явные предшественники в традиции римской историографии республиканской эпохи и, в частности, Саллюстий, который в сочинении «О заговоре Катилины» (38, 1-3), яркими красками рисуя борьбу популяров и оптиматов в Риме в период кризиса и заката республики, писал, что молодые люди, настроенные против власти Сената, «начали своими обвинениями против олигархии пропагандировать плебеев, а потом разжигать их еще более подачками и обещаниями. Такими приемами они приобретали себе популярность и влияние. Против них всеми средствами боролась большая часть нобилитета, стремившаяся под видом защиты прав сената расширить границы своего влияния... Одни притворялись, будто защищают права народа, другие — будто стремятся поднять на надлежащую высоту авторитет сената, все вместе — что они отстаивают общественное благо, на деле же каждый боролся за свое собственное могущество» (пер. с лат. С. П. Гвоздева). О до-современных источниках теории смешанного правления у Макиавелли см.: Pasquino, 2009; Sasso, 1967b; Skinner, 1990.

31. Подобная постановка вопроса хорошо согласуется со взглядом Макиавелли на природу чело- века, согласно которому «люди делают добро только по необходимости; но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать как хочешь, сразу же начинаются смуты и беспорядки» (Макиавелли, 2006а: 27).

32. Об этом важном для политического учения Макиавелли понятии «ambizione» см.: Price, 1982.

стояния анархии Макиавелли видел в появлении мудрого законодателя, который при помощи хороших законов мог бы создать свободное политическое устройство, умеряющее страсти как знати, так и народа, хотя такой поворот событий и представляется ему, по его собственному признанию, крайне маловероятным. «Правда, когда все же случается так (это случается редко), что на счастье такого города в нем появится мудрый, добрый и могущественный гражданин, который издаст законы, умеряющие страсти нобилей и пополанов или ограничивающие их таким образом, чтобы они не могли причинять зло, тогда этот город можно назвать свободным государством [quella città si può chiamare libera] с прочным и надежным фундаментом власти, ибо, основываясь на хороших законах и порядках [buone leggi e buoni ordini], оно не нуждается в доблести одного человека [non ha necessita della virtù d'uno uomo] для своей прочности, как это бывает в других случаях» (*Istorie fiorentine*, IV, 1. Пер. М. А. Юсима)³³.

Что должен представлять собой смешанный политический строй и какого рода критериям и требованиям он должен соответствовать с точки зрения Макиавелли? Как он указывает в «Рассуждениях», к свободным городам относятся те, что «управляются своей собственной волей [governate per loro arbitrio]»³⁴. Соответственно, свободными государствами флорентийский мыслитель называет такие, которые «привыкли жить свободно и подчиняться собственным законами [consueti a vivere con le loro leggi e in libertà]» (Макиавелли, 2006а: 305). Конкретизируя свое понимание свободных государств, Макиавелли поясняет в «Истории Флоренции», что город может называться свободным (*si può chiamar libera*), если он имеет хорошие законы и порядки (*buone leggi e buoni ordini*), которые обуздывают нравы как знати, так и народа, т. е. нежелание ни тех, ни других «подчиняться ни людям, ни законам». Свободные республики должны быть способны умерять и умиротворять как страсти и честолюбие отдельных граждан, так и устремления (*umori*) главных социальных группировок города (в Риме Макиавелли насчитывал таких две — нобилей и плебеев, во Флоренции три — знать, пополанов и плебс) так, чтобы их поведение не шло вразрез с гражданскими законами. Примером такого правильного политического устройства ему служила Римская республика: «римский народ, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам» (Макиавелли, 2006а: 115-116).

Таким образом, политическим идеалом Макиавелли является «смешанный образ правления», в рамках которого свое подобающее место получают все три начала политической жизни — принципат, оптиматы и народ. Высказываясь в пользу «смешанного образа правления», Макиавелли тем самым следует классической

33. Цит. по: Юсим, 1990: 125.

34. *Discorsi*, I, 2. Перевод мой.

политической традиции, хотя при этом он и вносит в нее важные поправки³⁵. Еще Цицерон в своем трактате «Об обязанностях» отмечал, что в хорошо устроенной республике каждое политическое начало занимает подобающее ему место (Цицерон, 1993)³⁶. Главное политическое достоинство смешанного образа правления в глазах Макиавелли заключается в том, что оно позволяет уравновесить требования представленных в составе гражданской общины сторон друг к другу. Именно такой образ правления был дан древней Спарте законодателем Ликургом, «который в законах, принятых для Спарты, отвел долю и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет» (Макиавелли, 2006а: 25). То же самое верно и применительно к Римской республике, политическое устройство которой после учреждения института трибуната Макиавелли называет «смешанным и подходящим для совершенной республики», поскольку в ней все три начала гражданской общины имели свою долю в управлении политическими делами. Единоличное правление в рамках римской республиканской модели было представлено институтом консулата, а также диктатуры, аристократическое — институтом Сената, а народное — комициями (народными собраниями) и институтом народных трибунов. «После введения должности народных трибунов, — констатирует Макиавелли, — римское государство [lo stato di quella repubblica] упрочилось, соединяя в себе все три рода правления [avendovi tutte le tre qualità di governo la parte sua]» (Макиавелли, 2006а: 26).

Важным условием установления здорового смешанного политического строя Макиавелли считает качество «материи», которую он оформляет. Речь идет о том, что свободный политический строй (*vivere libero*) может быть с успехом установлен или возрожден лишь в таком городе или стране, где народ еще не развращен окончательно, т. е. там, где он обладает добрыми нравами и религиозным благочестием. Выше мы уже отмечали, что принципиально значимой предпосылкой того, что смуты приносили Риму пользу, а не вред, Макиавелли считал то важное обстоятельство, что правление царей не успело развратить римский народ. Противопоставление народа развращенного (*popolo corrotto*) народу не вполне развращенному, у которого «доброе начало сильнее, чем дурное» (*dove sia più del buono che del guasto*) (Макиавелли, 2006а: 53), занимает одно из центральных мест в политическом мышлении Макиавелли в плане характеристики той «материи», с которой всегда приходится иметь дело как индивидуальному, так и коллективному политическому действию. Эта морально-практическая переменная важна потому, что степенью развращенности народа определяются, согласно Макиавелли, шансы на учреждение или восстановление в городе свободных политических порядков (*vivere libero*). Если в государстве с не вполне развращенным народом, у которого

35. Главной такой поправкой, как было показано выше, является у Макиавелли идея республики, приводимой в движение политикой внешней экспансии и территориального расширения, что, в свою очередь, требует вооружения народа и удовлетворения знатью его социально-политических требований.

36. Cicero. De officiis, II, 142.

«доброе начало сильнее, чем дурное», еще есть шансы восстановить или возродить свободные политические порядки, то там, где народ развращен, их практически нет.

Высокую оценку, которую Макиавелли дает неразвращенному народу и его роли в общественно-политической жизни республики, можно понять в том смысле, что пока народ не развращен, он придерживается «справедливой цели» (*il fine buono*) и в этом плане достойно выполняет свою почетную миссию защитника гражданской свободы, не претендуя при этом на всю полноту власти в городе. Однако на этом основании было бы ошибкой делать вывод о том, что Макиавелли был сторонником радикальной демократической политики и тем более — что он разделял ставшую за последние два с половиной столетия непререкаемой догмой теорию «народного суверенитета». В действительности верно как раз обратное: ориентируясь на политический опыт республиканского Рима, Макиавелли потому и приходит к высокой оценке смешанного образа правления, что сама идея этого правления входит в резкое противоречие с идеей народа-суверена. Как показал в свое время известный отечественный историк-антиковед С. Л. Утченко, разработка древнеримскими авторами, прежде всего Полибием и Цицероном, идеи смешанного образа правления была самым непосредственным образом связана с их настойчивым стремлением отмежеваться от представлений о римском народе как единственном носителе верховной власти в городе. По его оценке, «теория смешанного устройства, рассматриваемая как таковая, т. е. именно с ее идеальными соотношениями, с взаимоограничением основных элементов, составляющих, согласно этой теории, суть смешанного устройства, не только не заключала в себе какой-либо идеи народного суверенитета, но, наоборот, всей своей сущностью была направлена против допущения подобной идеи» (Утченко, 1965: 100)³⁷. Представляется, что этот вывод в целом вполне приложим к теории смешанного политического устройства, которую мы находим в таких сочинениях Макиавелли, как «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «История Флоренции» и «Рассуждение о реформе государственного строя Флоренции» (1520/1521).

Поэтому, на наш взгляд, совершенно прав был Паскале Пасквино, когда на основе сравнительного анализа теории смешанного политического строя у Аристотеля, Полибия и Макиавелли сделал характерный вывод, согласно которому «различные версии учения о смешанном строе правления от Аристотеля до Макиавелли» в действительности «не играют существенной роли в генеалогии того, что сегодня зовется представительной демократией» (Pasquino, 2009: 407). Добавим от себя только, что тем более эти теории не имеют ничего общего с теорией народного суверенитета Жан-Жака Руссо и с современными версиями радикаль-

37. Говоря в данном контексте об идеях Макиавелли, важно помнить, что здесь и в других местах «Рассуждений» он ориентируется прежде всего на римскую политическую и правовую традицию, с ее классическим идеалом *civitas libera*, свободного государства (Скиннер, 2006: 22), а эту политико-правовую традицию классической Античности отличало то, как вразрез с мнением Теодора Моммзена и его эпигонов доказывал уже упомянутый нами выше Утченко, что «представление о народном суверенитете совершенно чуждо римскому публичному правосознанию» (Утченко, 1965: 86).

ной демократии в духе Антонио Негри и Джона Маккормика. В этом плане они являются специфически «досовременными» в полном значении этого слова.

Заключение

Отдавая должное той важной роли, которую Макиавелли отводит *неразвращенному* народу в общественно-политической жизни города или республики, в то же самое время никак нельзя согласиться с преувеличенными мнениями и суждениями, которые делают из него «отца», «предтечу» или «теоретика» современной демократии. В качестве причины появления и широкого распространения подобных мнений стоит прежде всего указать на то важное обстоятельство, что в последние несколько десятилетий большую путаницу в оценку политических воззрений Макиавелли и его отношения к интересам основных общественных групп, представленных в политической общности города, внесли работы тех авторов, которые, находясь под определяющим влиянием марксистских, постмарксистских или радикально-демократических взглядов на природу социальных конфликтов, были склонны чрезмерно сближать воззрения Макиавелли с доктринальными положениями исторического материализма Маркса, или же с диалектикой господина и раба Гегеля. Речь идет прежде всего о работах таких ученых, как Клод Лефор (Lefort, 1972; Lefort, 1978), Агнес Хеллер (Heller, 1981) и Антонио Негри (Negri, 1992).

Как резонно замечает по этому поводу Энтони Парел (Parel, 1992), главный недостаток подобных подходов к истолкованию мысли Макиавелли заключается не только в далеко идущей *модернизации* его взглядов на природу, человека и общество, сближающей их со взглядами Маркса и Гегеля, но и в приписывании флорентийскому мыслителю такого понимания характера и динамики социальных конфликтов в современном обществе, которое имеет крайне мало общего с его собственными представлениями. Так происходит потому, что, по справедливому отзыву Парела, в современной литературе «понятия класса и конфликта рассматриваются скорее в диалектических категориях, нежели в медицинских терминах» элементов и стремлений, как это было принято в античной и средневековой медицине, а также в классической политической традиции³⁸. В свою очередь, подобные «диалектические представления о конфликтах всегда предполагают наличие победителей и побежденных. Считается, что победивший класс ликвидирует побежденный класс» (Parel, 1992: 110).

Однако такая постановка вопроса чужда самому складу политического мышления Макиавелли. Мы видели, что как в «Государе» и «Рассуждениях», так и в «Истории Флоренции» он исходит из признания того факта, что между народом и знатью любого города существует естественная враждебность: гранды всегда хотят властвовать, народ же не хочет угодить к ним в рабство. Великий флорентийский

38. О связи классической политической мысли с искусством медицины, берущей свое начало в Древней Греции, много и убедительно писал в свое время Вернер Йегер: Йегер, 1997: 13-47, 28-32 особенно.

мыслитель считает такое положение *естественным* для города; он не думает, что его можно было бы избежать или преодолеть при помощи каких-либо естественных, искусственных или же сверхъестественных средств. Иными словами, у Макиавелли существование противоположных *umori* в городе берется как универсальный принцип, присущий жизни любого политического сообщества, безо всяких на то исключений. «Углубляясь в изучение событий прошлого и современности, — пишет он в «Рассуждениях», — легко заметить, что во всех государствах и у всех народов всегда бытовали и бытуют одни и те же желания и одни и те же настроения» (Макиавелли, 2006а: 86).

А это, в свою очередь, означает, что, будучи *естественным*, базовый конфликт общественно-политических устремлений, или «гуморов», не поддается устранению даже путем использования самых радикальных средств. Можно даже сказать, что он относится к «естественному порядку» политики и в этом смысле представляет собой *конститутивный* момент *политического* как такового в понимании Макиавелли. Ведь в отличие от современных «прогрессистов», марксистов, неомарксистов и радикальных демократов, «Макиавелли был убежден в том, что в принципе невозможно полностью исключить, упразднить или гармонизировать политические конфликты» (Münkler, 2004: 378). Поэтому сама необычайно популярная в современную эпоху идея о том, что присущий обществу модерна базовый общественно-политический конфликт носит *искусственный* или *преходящий* характер и может быть устранен в бесклассовом обществе посредством социально-политического переворота, именуемого «революцией», была для Макиавелли совершенно абсурдной³⁹. Более того, с его точки зрения, «такое положение дел служило бы явным признаком политической патологии; ведь для него политическое здоровье [города или республики] требовало сохранения единства противоположностей» (Pare!, 1992: 110).

Таким образом, внимательное изучение написанного Макиавелли в «Истории Флоренции», как, впрочем, и в «Рассуждениях» и «Государе», совершенно недвусмысленно показывает, что его взгляд на природу политических дел принципиально отличался от интеллектуального габитуса тех современных комментаторов и эрудитов, которые, находясь под определяющим влиянием социально-исторической диалектики гегельянского или марксистского типа, не в состоянии мыс-

39. Как хорошо показал в свое время немецкий историк идей Райнхарт Козеллек, современное понятие революции возникает никак не раньше Нового времени, причем своим появлением оно было обязано в первую очередь Французской революции. До этого понятие революции имело значение кругооборота политических форм и их повторения, о чем свидетельствовала, помимо всего прочего, частица «ре-» в самом слове (Koselleck, 1995: 71). Соответственно, оно не применялось для обозначения социальных переворотов и гражданских войн, для которых в политическом словаре эпохи Возрождения и раннего Нового времени были зарезервированы совсем иные понятия, такие, например, как «Rebellion» и «Sedition» в английском языке (Armitage, 2017). «Хотя в политическом лексиконе предшествовавших эпох существовало достаточно много слов для описания восстания подданных против своего правителя, — пишет об этой коллизии Ханна Арендт, — среди них не найдется ни одного, которое описывало бы столь радикальную перемену, как превращение подданных в правителей» (Арендт, 2011: 49).

лить базовый конфликт в обществе между его ведущими социальными группами иначе, чем классовый конфликт, а его конечный результат — иначе, как полную победу одного класса над другим или же как гибель обоих борющихся классов⁴⁰.

Наряду с *ошибкой модернизации* взглядов Макиавелли в современной политической теории и истории политической мысли широкое распространение получила еще одна, которую вслед за Квентином Скиннером было бы уместно назвать *ошибкой предвосхищения*. Она является результатом такой стратегии интерпретации идей великих мыслителей прошлого, когда из них делают теоретиков, якобы предвосхитивших концептуальные новации более поздних времен, превращая их тем самым в предшественников великих умов современной эпохи. Отсюда, по сути дела, берут свое начало все досужие разговоры о Макиавелли как о политическом мыслителе, понимавшем базовый социальный конфликт между знатью и плебсом как классовый конфликт у Клода Лефора и Агнес Хеллер, о Макиавелли как теоретике и стороннике радикальной демократии у Антонио Негри и Джона Маккормика, и даже о Макиавелли как патриархе «плебейского принципа» в политике (Breugh, 2007). По поводу подобных стратегий интерпретации наследия мыслителей прошлого Скиннер справедливо замечает, что они с самого начала вырывают соответствующие идеи и концепции из исторического контекста их формирования и развития и помещают их в интеллектуальную и культурную среду, им чуждую, причем делают это ради того, чтобы придать им злободневные политико-полемиические смысловые коннотации. Используя предложенную Скиннером терминологию, можно сказать, что упомянутые нами современные авторы пытаются тем самым «заставить» Макиавелли «участвовать в споре, категории которого ему недоступны и суть которого ему была [бы] непонятна» (Скиннер, 2023: 60), совершая тем самым «грех анахронизма» (Там же: 59). По меткому замечанию Скиннера, подобные упражнения в области политической мысли «превращаются в средство высказать свои предубеждения в отношении наиболее харизматических имен под видом безобидного исторического анализа» (Там же: 66).

На примере конфликта между интерпретациями политической мысли Макиавелли, предлагаемых современными исследователями, можно лишний раз убедиться в том, что даже такая респектабельная академическая дисциплина, как история политической мысли, не свободна от актуальных ценностных предпочтений и политических пристрастий тех специалистов, которые ею занимаются. По большому счету, в этом нет ничего удивительного, поскольку история общественно-политической мысли всегда служила полем столкновения не только различных теоретических перспектив и методологических установок, но и политических позиций и мировоззрений. Внимательное и осуществляемое с учетом интеллектуального и исторического контекста чтение сочинений Макиавелли показывает, что широковещательные

40. Такое понимание они, как правило, в конечном счете заимствуют, вольно или невольно, из марксизма Маркса и Энгельса. «Противоположные классы, — пишут Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — ведут борьбу, всегда кончающуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (Маркс, Энгельс, 1955 [1848]: 424).

декларации современных эрудитов о нем как об «отце» или «пророке» современной демократии и демократической политики не имеют иного, кроме как политико-полемиического, отношения ни к интенциям, ни к смыслу суждений о *vivere politico*, высказываемых великим флорентийцем в своих сочинениях. Тем не менее в подобных предвзятых трактовках идейного наследия Макиавелли можно найти немало поучительного: помимо всего прочего, они служат наглядной иллюстрацией того, как в актуальных общественно-политических дискуссиях работает машина символической борьбы за смыслы, обращенная в историческое прошлое, но используемая ради завоевания дискурсивной гегемонии в отношении будущего⁴¹.

Литература

- Арендт Х. (2011). О революции / Пер. с англ. И. В. Косича. М.: Европа.
- Гвиччардини Ф. (2023). Замечания по поводу «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли / Пер. с итал. М. А. Юсима. М.: Изд. дом ЯСК.
- Дмитриев Т. А. (2020). Гражданские распри в «Istorie Fiorentine» Н. Макиавелли: благо или зло для республики? // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / Под ред. М. А. Юсима. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 165–200.
- Йегер В. (1997). Пайдейя. Воспитание античного грека (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Карпов В. П. (1936). Гиппократ и Гиппократов сборник // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы. С. 9–81.
- Люббе Г. (2017). Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / Пер. с нем. О. Кильдюшова // Социология власти. Т. 29. № 4. С. 240–256.
- Макиавелли Н. (1982a). Государь / Пер. с итал. Г. Муравьевой // Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература. С. 301–378.
- Макиавелли Н. (2006b). Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима // Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо; СПб.: Митгард. С. 293–360.
- Макиавелли Н. (1982b). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с итал. Р. Хлодовского // Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература. С. 379–452.
- Макиавелли Н. (2006a). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с итал. М. А. Юсима // Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо; СПб.: Митгард. С. 15–292.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955 [1848]). Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат. С. 419–459.

41. О борьбе за именование как частном случае политического языкового действия и о спорах о словах как об имманентном моменте науки политики см. в высшей степени поучительную статью Германа Люббе: Люббе, 2017.

- Покок Дж. Г. А. (2020). Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Пер. с англ. Т. Пирусской; под общ. ред. Т. Атнашева и М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение.
- Саллюстий (1934). О заговоре Катилины. *Цицерон. Речи против Катилины* / с приложением отрывков о Катилине из Аппиана, Плутарха и Диона Кассия / Пер. с лат. С. П. Гвоздева. М.-Л.: Academia.
- Саллюстий (1981). Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.: Наука.
- Скиннер К. (2006). Свобода до либерализма / Пер. с англ. А. В. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского у-та в Санкт-Петербурге.
- Скиннер К. (2017). Истоки современной политической мысли. В 2 т. Т. 1: Эпоха Возрождения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Скиннер К. (2023). Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение. С. 53–122.
- Утченко С. Л. (1965). Кризис и падение Римской республики. М.: Наука.
- Фриц К. фон (2007). Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия / Пер. с англ. А. Б. Егорова, Г. А. Лапис. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Цицерон (1993). О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука.
- Юсим М. А. (1990). Этика Макиавелли. М.: Наука.
- Armitage D. (2017). Civil Wars: A History in Ideas. N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Baron H. (1961). Machiavelli: The Republican Citizen and the Author of "Prince" // English Historical Review. Vol. 76. P. 217–253.
- Bock G. (1990). Civil discord in Machiavelli's *Istorie Fiorentine* // Machiavelli and Republicanism / G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 181–201.
- Bock G., Skinner Q., Viroli M. (eds.). (1990). Machiavelli and Republicanism. Cambridge: Cambridge University Press.
- Breaugh M. (2007). L'expérience plébéienne. Une histoire discontinue de la liberté politique. Paris: Payot.
- Colish M. L. (1971). The Idea of Liberty in Machiavelli // Journal of the History of Ideas. Vol. 32. P. 325–327.
- Del Lucchese F., Frosini F., Morfino V. (eds.). (2015). The Radical Machiavelli. Politics, Philosophy and Language. Leiden: Brill.
- Del Lucchese F. (2021). Machiavelli e Licurgo // Etica & Politica / Ethics & Politics. Vol. XXIII. № 1. P. 39–72.
- Dionisotti C. (1980). Machiavellerie. Storia e fortuna di Machiavelli. Turin: Einaudi.
- Gilbert F. (1973). Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton: Princeton University Press.
- Guicciardini F. (1932). Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze / A cura di R. Palmarocchi. Bari: Laterza & Figli.
- Heller A. (1981). Renaissance Man. New York: Schocken Books.

- Inglese G. (2011). Note al testo di libro primo // *Machiavelli N. Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*. Milano: Rizzoli. P. 189—287.
- Koselleck R. (1995). Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs // *Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Aufl. Frankfurt am M.: Suhrkamp. S. 67—86.
- Lefort C. (1978a). Machiavel: la dimension économique du politique // *Lefort C. Les formes de l'histoire: Essais d'anthropologie politique*. P.: Gallimard. P. 127—140.
- Lefort C. (1978b). L'oeuvre de pensée et l'histoire // *Lefort C. Les formes de l'histoire: Essais d'anthropologie politique*. P.: Gallimard. P. 141—152.
- Machiavelli N.* (2018 [1520/1521]). *Discursus florentinarum rerum post mortem iunioris Laurentii Medices* // *Machiavelli N. Tutte le opere / A cura di Mario Martelli*. Secondo l'edizione. Firenze: Bompiani. P. 157—173.
- Manent P. (1987). *Histoire intellectuelle du libéralisme: Dix leçons*. Paris: Calmann-Lévy.
- Manent P. (2013). *The Metamorphoses of City. On the Western Dynamics*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Mansfield H. C. (1996). *Machiavelli's Virtue*. Chicago: The University of Chicago Press.
- McCormick J. (2012). *Machiavellian Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Münkler H. (2004). *Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florence*. Frankfurt a. M.: Fischer.
- Najemy J. M. (1996). Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism // *The American Historical Review*. Vol. 101. № 1. P. 119—129.
- Najemy J. M. (ed.). (2010). *The Cambridge Companion to Machiavelli*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Najemy J. M. (2010). Society, Class, and State in Machiavelli's *Discourses on Livy* // *The Cambridge Companion to Machiavelli* / J. M. Najemy (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 96—111.
- Najemy J. M. (2014). Machiavelli and History // *Renaissance Quarterly*. Vol. 67. № 4. P. 1131—1164.
- Negri A. (1992). *Il potere costituente. Saggio sulle alternative del moderno*. Milano: Sugarco.
- Parel A. J. (1992). *The Machiavellian Cosmos*. New Haven: Yale University Press.
- Parel A. J. (1993). The Question of Machiavelli's Modernity // *The Rise of Modern Philosophy. The Tension between New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz* / T. Sorell (ed.). Oxford: Clarendon Press. P. 253—272.
- Pasquino P. (2009). Machiavelli and Aristotle: The Anatomies of the City // *History of European Ideas*. Vol. 35. P. 397—407.
- Pocock J. G. A. (2010). Machiavelli and Rome: The Republic as Ideal and as History // *The Cambridge Companion to Machiavelli* / J. M. Najemy (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 144—156.
- Price R. (1982). *Ambizione in Machiavelli's Thought* // *History of Political Thought*. Vol. 3. P. 383—445.

- Rosenblatt H., Schweigert P. (eds.). (2017). *Thinking with Rousseau. From Machiavelli to Schmitt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sasso G. (1967). *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano.
- Sasso G. (1967a). La teoria dell'anacyclosis // Sasso G. *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano. P. 161—222.
- Sasso G. (1967b). Polibio e Machiavelli: costituzione, potenza, conquista // Sasso G. *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano. P. 223—281.
- Skinner Q. (1990). Machiavelli's *Discorsi* and the Pre-Humanist Origins of Republican Ideas // Machiavelli and Republicanism / G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 121—141.
- Smith S. B. (2012). *Political Philosophy*. New Haven; L.: Yale University Press.
- Strauss L. (1978 [1958]). *Thoughts on Machiavelli*. Chicago: University of Chicago Press.
- Viroli M. (2017). Debunking “Machiavellian” Myths. URL: <https://lawliberty.org/book-review/debunking-machiavellian-myths/> (дата доступа: 01.03.2024).

Was Machiavelli a Proponent of Democracy?

Timofey A. Dmitriev

Associate Professor, Faculty of Humanities, HSE University

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4c1, Moscow, 105066 Russian Federation

E-mail: tdmitriev@hse.ru

Based on the analysis of Machiavelli's political writings such as “Discourses on the First Decade of Titus Livius”, “The Prince” and “The History of Florence”, the article shows that attempts made repeatedly over the past few decades by such scholars as Tony Negri, John McCormick, Agnes Heller, Claude Lefort and Pierre Manent to declare Machiavelli an admirer of radical democracy, or the prophet of modern democratic politics and even of the “plebeian principle” in politics find neither conceptual, nor terminological confirmation in the works of the Florentine thinker. It is noted that one of the central places in Machiavelli's political thinking is occupied by the idea of a mixed rule, borrowed from the classical political tradition and, therefore, predominantly of pre-modern origin. In their turn, attempts to make Machiavelli a supporter of radical democracy of the modern style are considered in the article as presenting the political legacy of the great Florentine in a strongly distorted form and dictated primarily by the desire of a number of modern authors to isolate his political ideas and concepts from the historical context of their formation and development, placing them in an intellectual and cultural environment alien to them in order to give them topical political and polemical connotations.

Keywords: Niccolò Machiavelli, the nobility, the people, group aspirations (*umori*), the cycle of political forms, democracy, mixed government, *governo largo*, *governo stretto*.

References

- Arendt H. (2011) *O revoljucii* [On Revolution], Moscow: Evropa.
- Armitage D. (2017) *Civil Wars: A History in Ideas*, N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Baron H. (1961) Machiavelli: The Republican Citizen and the Author of “Prince”. *English Historical Review*, vol. 76, pp. 217—253.

- Bock G., Skinner Q., Viroli M. (eds.) (1990) *Machiavelli and Republicanism*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bock G. (1990) Civil discord in Machiavelli's *Istorie Fiorentine*. *Machiavelli and Republicanism* (eds. G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 181—201.
- Breugh M. (2007) *L'expérience plébéienne. Une histoire discontinue de la liberté politique*, Paris: Payot.
- Cicero (1993) *O starosti. O družbe. Ob objazannostjah* [About Old Age. About Friendship. About Responsibilities], Moscow: Science.
- Colish M. L. (1971) The Idea of Liberty in Machiavelli. *Journal of the History of Ideas*, vol. 32, pp. 325—327.
- Del Lucchese F., Frosini F., Morfino V. (eds.). (2015) *The Radical Machiavelli. Politics, Philosophy and Language*, Leiden: Brill.
- Del Lucchese F. (2021) Machiavelli e Licurgo. *Etica & Politica / Ethics & Politics*, vol. 23, no 1, pp. 39—72.
- Dionisotti C. (1980) *Machiavellerie. Storia e fortuna di Machiavelli*, Turin: Einaudi.
- Dmitriev T. (2020) Grazhdanskije raspri v «Istorie Fiorentine» N. Makiavelli: blago ili zlo dlja respubliky? [Civil discords in Machiavelli's *Istorie Fiorentine*: good or evil for the Republic?]. *Gvichchardini i Makiavelli u istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni* [Guicciardini and Machiavelli at the Origins of Modern Historical Science] (ed. M. Jusim), Moscow: Institute of Universal History RAS, pp. 165—200.
- Fritz K. von (2007) *Teorija smeshannoj konstitucii v antichnosti: Kriticheskij analiz politicheskikh vzgljadov Polibija* [The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity: A Critical Analysis of Polybius' Political Views], Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Gilbert F. (1973) *Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth-Century Florence*, Princeton: Princeton University Press.
- Guicciardini F. (1932) *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze*, Bari: Laterza & Figli.
- Guicciardini F. (2023) *Zamechanija po povodu «Rassuzhdenij o pervoj dekade Tita Livija» Makiavelli* [Remarks on Machiavelli's "Discourses on the First Decade of Titus Livius"], Moscow: Izdatel'skij dom JaSK.
- Heller A. (1981) *Renaissance Man*, N. Y.: Schocken Books.
- Inglese G. (2011) Note al testo di libro primo. Machiavelli N. *Discorsi sopra la prima decada di Tito Livio*, Milano: Rizzoli, pp. 189—287.
- Jeger W. (1997) *Pajdejja. Vospitanie antichnogo greka (Jepoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem)* [Paideia. The Upbringing of the ancient Greek (The Era of Great Educators and Educational Systems)], Moscow: Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina.
- Jusim M. (1990) *Jetika Makiavelli* [Machiavelli's Ethics], Moscow: Science.
- Karpov V. (1936) Gippokrat i Gippokratov sbornik [Hippocrates and Hippocrates' collection]. *Gippokrat: Izbrannye knigi* [Gippokrat: Selected Books], Moscow: State Publishing House of Biological and Medical Literature, pp. 9—81.

- Koselleck R. (1995) Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs. *Ver-gangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt am M.: Suhrkamp, pp. 67—86.
- Lefort C. (1978a) Machiavel: la dimension économique du politique. *Les formes de l'his-toire: Essais d'anthropologie politique*, Paris: Gallimard, pp. 127—140.
- Lefort C. (1978b) L'oeuvre de pensée et l'histoire. *Les formes de l'histoire: Essais d'anthro-pologie politique*, Paris: Gallimard, pp. 141—152.
- Lübbe H. (2017) Byt' i imenovat'sja. Istorija znachenija kak pole političeskogo jazyko-vogo dejstvija [To be and to be named. The history of meaning as a field of political linguistic action]. *Sociology of Power*, vol. 29, no 4, pp. 240—256.
- Machiavelli N. (1982a) Gosudar' [The Prince]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Hudozhestvennaja literatura, pp. 301—378.
- Machiavelli N. (2006b) Gosudar' [The Prince]. *Gosudar'* [The Prince], Moscow: Jeksmo; Sankt-Petersburg: Mitgard, pp. 293—360.
- Machiavelli N. (1982b) Rassuzhdenija o pervoj dekadje Tita Livija [Discourses on the First Decade of Titus Livius]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Hu-do-zhestvennaja literatura, pp. 379—452.
- Machiavelli N. (2006a) Rassuzhdenija o pervoj dekadje Tita Livija [Discourses on the First Decade of Titus Livius]. *Gosudar'* [The Prince], Moscow: Jeksmo; Sankt-Petersburg: Mitgard, pp. 15—292.
- Machiavelli N. (2018 [1520/1521]) Discursus florentinarum rerum post mortem iunioris Laurentii Medices. *Tutte le opere*, Firenze: Bompiani: 157—173.
- Manent P. (1987) *Histoire intellectuelle du libéralisme: Dix leçons*, Paris: Calmann-Lévy.
- Manent P. (2013) *The Metamorphoses of City. On the Western Dynamics*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Mansfield H. C. (1996) *Machiavelli's Virtue*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Marx K., Engels F. (1955 [1848]) Manifest Kommunističeskoj partii [The Communist Man-ifesto]. *Sočinenija* [Writings], 2nd ed., vol. 4, Moscow: Gospolitizdat, pp. 419—459.
- McCormick J. (2012) *Machiavellian Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Münkler H. (2004) *Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florence*, Frankfurt a. M.: Fischer.
- Münkler H., Straßberger G. (2016) *Politische Theorie und Ideengeschichte. Eine Ein-führung*, München: Beck.
- Najemy J. M. (1996) Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism. *The American Historical Review*, vol. 101, no 1, pp. 119—129.
- Najemy J. M. (ed.). (2010) *The Cambridge Companion to Machiavelli*, Cambridge: Cam-bridge University Press.
- Najemy J. M. (2010) Society, Class, and State in Machiavelli's *Discourses on Livy*. *The Cambridge Companion to Machiavelli* (ed. J. M. Najemy), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 96—111.
- Najemy J. M. (2014) Machiavelli and History. *Renaissance Quarterly*, vol. 67, no 4, pp. 1131—1164.
- Negri A. (1992) *Il potere costituente. Saggio sulle alternative del moderno*, Milano: Sugarco.

- Parel A. J. (1992) *The Machiavellian Cosmos*, New Haven: Yale University Press.
- Parel A. J. (1993) The Question of Machiavelli's Modernity. The Rise of Modern Philosophy. *The Tension between New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz* (ed. T. Sorell), Oxford: Clarendon Press, pp. 253—272.
- Pasquino P. (2009) Machiavelli and Aristotle: The Anatomies of the City. *History of European Ideas*, vol. 35, pp. 397—407.
- Pocock J. G. A. (2010) Machiavelli and Rome: The Republic as Ideal and as History. *The Cambridge Companion to Machiavelli* (ed. J. M. Najemy), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 144—156.
- Price R. (1982) *Ambizione* in Machiavelli's Thought. *History of Political Thought*, vol. 3, pp. 383—445.
- Pocock J. G. A. (2020) *Moment Makiavelli. Politicheskaja mysl' Florencii i atlanticheskaja respublikanskaja tradicija* [Machiavellian Movement. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rosenblatt H., Schweigert P. (eds.). (2017) *Thinking with Rousseau. From Machiavelli to Schmitt*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sallust (1934) *O zagovore Katiliny* [Catiline's War]. Cicero. *Rechi protiv Katiliny* [Speeches against Catiline], Moscow; Leningrad: Academia.
- Sallust (1981) *Sochinenija* [Writings], Moscow: Science.
- Sasso G. (1967) *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano.
- Sasso G. (1967a) La teoria dell'anacyclosis. *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano, pp. 161—222.
- Sasso G. (1967b) Polibio e Machiavelli: costituzione, potenza, conquista. *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano, pp. 223—281.
- Skinner Q. (1990) Machiavelli's *Discorsi* and the Pre-Humanist Origins of Republican Ideas. *Machiavelli and Republicanism* (eds. G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121—141.
- Skinner Q. (2006) *Svoboda do liberalizma* [Liberty before Liberalism]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Skinner Q. (2017) *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli* [The Foundation of Modern Political Thought], vol. 1: *Jepoha Vozrozhdenija* [The Renaissance], Moscow: Izdatel'skij dom "Delo".
- Skinner Q. (2023) *Znachenie i ponimanie v istorii idej* [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. *Kembridzhskaja shkola: Teorija i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], Moscow: New Literary Observer, pp. 53—122.
- Smith S. B. (2012) *Political Philosophy*, New Haven; L.: Yale University Press.
- Strauss L. (1978 [1958]) *Thoughts on Machiavelli*, Chicago: University of Chicago Press.
- Utchenko S. (1965) *Krizis i padenie Rimskoj respubliki* [The Crisis and Fall of the Roman Republic], Moscow: Science.
- Viroli M. (2017) *Debunking "Machiavellian" Myths*. Available at: <https://lawliberty.org/book-review/debunking-machiavellian-myths/> (accessed 1 March 2024).

Вернер Зомбарт как критик техники

Александр Михайловский

Кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Российская Федерация
E-mail: amichailowski@hse.ru

В статье анализируется учение В. Зомбарта о генезисе и социальной сущности капитализма в аспекте культуркритики. Критика техники выделяется как специальный дискурс внутри культуркритики. *Первая гипотеза* заключается в том, что критика техники Зомбарта есть критика современного капитализма и требует рассмотрения в контексте фундаментальных философских и социологических дискуссий вокруг трансформации роли техники в культуре Германии накануне Первой мировой войны. Идеальный тип критики техники определяется инструментальной трактовкой техники и убеждением в том, что механизация и массовизация современного общества, отчуждение труда, психологическая деградация etc. суть следствия инверсии отношения «назначение/средство».

Вторая гипотеза заключается в том, что Зомбарт предлагает версию «другого модерна», которая означает попытку поставить технику на службу буржуазному порядку посредством ее подчинения этическим принципам. Принятие достижений техники сопровождается беспокойством по поводу ее негативного воздействия на общественную и частную сферу. Доклад «Техника и культура» (1910) ставит проблему «культурной ценности техники», дает определение отношений между отдельными явлениями современной культуры и предлагает баланс ценностей.

Третья гипотеза связана с объяснением этой версии «другого модерна» компенсаторным интересом (она не отвергает индустриализацию как таковую, а указывает на требующие исправления дефекты развития позднекапиталистического общества). В исследовании выделяются две *различные диахронные парадигмы* в консервативной мысли Германии до Первой мировой войны и, соответственно, в период Интербеллума: 1) культурпессимистическая парадигма компенсации (кризисных явлений модерна) и 2) проактивная парадигма в смысле инициативной и деятельной вовлеченности, задающей новые ориентиры в осмыслении самих фундаментальных условий модерна. В 1920–1930-е годы зомбартовская критика капитализма преодолевает культуркритическую установку и демонстрирует черты проактивного модернизма («немецкий социализм» с плановой экономикой и технократическим менеджментом в интересах общего).

Ключевые слова: Вернер Зомбарт, современный капитализм, критика культуры, критика техники, культурная ценность техники, механизация

«Критика техники» наряду с «философией техники» не случайно является одним из самых узнаваемых порождений германского духа — подобно перевернувшим мир изобретениям Готтлиба Даймлера или Вильгельма Конрада Рёнтгена. Собственно, консервативная критика культуры образует первый и основной контекст дискуссии о технике в Германии, которая начинается с судьбоносного вопроса «Техника: проклятие или благословение?». Культуркритическое мышление как

особый модус внутримодерной рефлексии отличает ярко выраженный дискурс о механизации и массовизации общества, оказавший стимулирующее воздействие не только на философию, но и на немецкую социологию, вплоть до философской антропологии и критической теории (Bollenbeck, 2007: 233 ff).

При этом отправной точкой для критики тотальной механизации и массовизации современного общества служила *инструментальная трактовка техники*. Поскольку технические структуры рассматривались как продукты человеческой деятельности, то ключевым вопросом в дискуссии о роли техники в европейской цивилизации являлся вопрос об отношении «Zweck/Mittel», «назначение/средство», где техника базовым образом рассматривалась как средство для достижения конкретной цели. Редукция техники к простому средству имела две важные особенности: во-первых, аргументация культуркритицизма исходила из нейтральности технических средств, а во-вторых, следовала модели однозначности техники, даже в случае переворачивания отношения «назначение/средство». Таков идеально-типический образ критики техники.

От парадигмы нейтрального и однозначного инструмента отталкиваются такие представители культуркритицизма, как Георг Зиммель, Макс Шелер, Вальтер Ратенау; не исключение здесь и Вернер Зомбарт. Критика техники выступает у них как элемент общего историко-культурного анализа общества. Например, в «Философии денег» (1900) Зиммель развивает гипотезу, согласно которой технические средства в ходе своего развития поглощают все больше душевных сил. Угроза видится в превращении технического инструментария в самостоятельную сущность. Человек продолжает поддерживать работу машины, но уже не знает, с какой целью он это делает; техника же овладевает его душой и заставляет его служить себе. Так средство из раба становится господином своего господина.

Критика культуры неотделима от диагностики современной эпохи (Zeitdiagnose). В диагнозе модерна, поставленном немецкими социологами конца XIX — начала XX века, сконцентрированы все основные топосы, смысловые модели и схемы консервативной культуркритики. Согласно источникам до Первой мировой войны, т. е. до образования отчетливой дихотомии между культурой и цивилизацией, «критика культуры» (Kulturkritik) должна быть приравнена к «критике цивилизации» (Zivilisationskritik) и может относиться только к состоянию или тенденциям культуры в смысле «совершенного и истинного образования, охватывающего все стороны внутреннего и внешнего человека»¹. Соответственно,

1. Выходившая до Первой мировой войны энциклопедия Meyers Großes Konversations-Lexikon предметно определяла оба термина: «Kultur (лат.), собственно возделывание, заботливое отношение к объекту, который может быть усовершенствован в любом направлении, например, возделывание почвы, лесные культуры, выведение пород животных, в особенности же развитие человеческой жизни и устремлений. В этом специфическом смысле слово К. используется применительно к истокам или истории культуры» (Meyers Lexikon, 1907/11: 788).

Термин «цивилизация», который позднее будет использован Томасом Манном в пейоративном ключе («Наблюдения аполитичного», 1918) и жестко противопоставлен «культуре», здесь также определяется вполне четко и к тому же помещается в ясный историко-антропологический контекст. «Ци-

«критика техники» относится к роли технологий в культуре и/или цивилизации, рассматриваемой в критическом аспекте. Таким образом, критика техники есть специальный дискурс внутри критики культуры.

В 1887 году вышла книга Фердинанда Тённиса «Общность и общество», в которой проводилось различие между двумя типами связей между людьми². Если первый тип, *Gemeinschaft*, основан на интеграции в социальную группу через нормы (=традиционное общество или община, которая вырастает из тесных семейных отношений, руководствуется нормами любви, взаимопонимания и защиты; социальные связи базируются на единстве места и языка), то второй предполагает системную интеграцию (=господство формального права, специализация профессиональных ролей и т. д.). Несмотря на известные протесты со стороны близкого к социал-демократии автора против инструментализации его теоретических выкладок младоконсерваторами в годы Веймарской республики, следует признать, что его книга все же недвусмысленно подталкивала к такой политико-идеологической трактовке. В частности, Тённис предвосхитил манновско-шпенглеровскую антитезу культуры и цивилизации, усмотрев в «общественной и городской цивилизации» смертельно-го врага культуры. Социализм или государственный социализм, по его мнению, был призван положить конец анархии и разложению общества мегаполисов. Кроме того, он предвосхитил идею «органической конструкции» Эрнста Юнгера, когда констатировал, что на место исчезающих органических форм приходит механизм.

Не меньшее распространение получили формулировки диагноза современной эпохи у Макса Вебера. Расколдовывание мира, рационализация, бюрократизация, доминирование целерациональности, исчислимость, политеизм ценностей — Вебер, рационалист, старавшийся воздерживаться от оценочных суждений, также видел всю амбивалентность модерна. С одной стороны, рационализация освобождает человека от страхов и материальной нужды, но с другой — она же неминуемо приводит его к обесмысливанию жизни и загоняет в «стальную клетку» полностью бюрократизированного мира. В конце «Протестантской этики и духа капитализма» (1905) звучат несколько лейтмотивов позднейшей критики техники. Так, лишенный всякой этико-аскетической мотивации, современный капитализм

вилазация» в отличие от «варварства» есть: «<...> воплощение всех тех формообразующих элементов, которые были изначально необходимы для упорядоченного сосуществования в городском обществе (*bürgerliches Zusammenleben*) и которые там же получили свое развитие. Эти элементы могут присутствовать и в индивидууме, и в целом народе, но только применительно к индивидууму говорится о социальном поведении, а невежа называется нецивилизованным человеком. В остальном под Ц. также понимается не совершенное и настоящее образование, охватывающее все стороны внутреннего и внешнего человека, а всего лишь внешняя основа такового, т. е. способность отказаться от необузданного эгоизма, основанного на ущемлении прав других и соответствующих обычаях и привычках <...>. Ц. — это стадия, которую должен пройти варварский народ, чтобы достичь более высокой культуры в промышленности, искусстве, науке и нравах» (*Meyers Lexikon*, 1909/20: 967).

В этих статьях «культура» выступает как *terminus technicus* и означает попросту некое улучшение существующего материала и в том числе природы человека. Таким образом, «цивилизация» вписывается во всеобъемлющий культурный процесс.

2. Детальное исследование «эвристической динамики» в семантической истории понятий общности и общества см. в недавней статье: Кильдюшов, 2023.

описывается как один большой механизм (Triebwerk), который будет определять жизнь каждого человека индустриальной эпохи до тех пор, пока не сторит «последний центнер ископаемого топлива». Впрочем, здесь следует уточнить: техника не сама собой производит «стальную клетку разума». Вебер рассматривает ее лишь как средство, подчиненное экономическим условиям. Тем не менее процессы расколдовывания и механизации, сопровождающие капитализм на поздней стадии его развития, означают *превращение средства в цель, а слуги в господина*. Вслед за Ницше Вебер отмечает ряд антропологических следствий из механизации мира. «Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы: возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость» (Вебер, 1990: 207)³. Тогда применительно к «последним людям», переживающим эту пагубную культурную эволюцию, исполнится пророчество: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы — и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной степени человеческого развития» (Там же). Правда, перед лицом этих роковых тенденций Вебер не предлагает занять ницшеанскую позицию *amor fati*. Он скорее надеется на появление харизматичных лидеров и до времени призывает к скепсису и воздержанию от суждений.

Испытав в молодости влияние работ Карла Маркса, Вернер Зомбарт (1863–1941) частично перенял его метод, а вместе с ним и элементы Марксовой критики культуры в форме *критики капиталистического общества*⁴. В дальнейшем ученый положил много времени и сил на разработку модели эволюционного капитализма, которой посвящен его *opus magnum* по экономической истории «Современный капитализм». Критика техники Зомбарта начинается как критика современного капитализма и в дальнейшем будет неразрывно связана с ней.

Идеологическую основу марксистской культурной критики составляет главное сочинение Маркса «Капитал» (1867). Центральное место в первом томе отведено анализу формирования современной системы машинного производства как важнейшей стадии становления материальной основы промышленности. Перечисляя техниче-

3. Примечательно, что прилагательное *mechanisiert* появляется только в редакции 1920 г., т. е. после выхода бестселлеров В. Ратенау «К критике современной эпохи» (1912) и «О вещах грядущих» (1917), где «механизация» рисовалась в мрачных красках как «неодухотворенная сила», начинающая «овладевать жизнью». Изначально на месте этого слова стояло *chinesisch*, т. е. «китайское окостенение духовной жизни» (см.: Merlio, 2000: 25). Ср. аналогичное высказывание в работе «Объективность социально-научного и социально-политического знания»: «Отправные точки наук о культуре будут и в будущем меняться до тех пор, пока китайское окостенение духовной жизни не станет общим уделом людей и не отучит их задавать вопросы всегда одинаково неисчерпаемой жизни» (Вебер, 1990: 383).

4. Одобрительное восприятие Зомбартом тезисов Маркса о капитализме, особенно заметное в сборнике его докладов, опубликованном в 1886 году, в какой-то момент чуть было не стало препятствием для карьеры ученого. Так, исследователь творчества Зомбарта Михаэль Аппель приводит слова его научного руководителя Густава Шмоллера, который буквально не желал «делать для Зомбарта ничего, пока тот оставался марксистом» (Appel, 1992: 32).

ские инновации, приведшие к замене мануфактуры фабрикой, Маркс констатирует, что разделение труда между людьми как членами рабочего коллектива постепенно заменяется разделением труда с участием машин. На этом фоне у Маркса возникает образ демонической техники, которая выходит из-под какого-либо подчинения: «В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное производство приобретает свой наиболее развитый вид. На место отдельной машины выступает это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле слова» (Маркс, 1952: 387–388).

Основываясь на этом описании, Маркс формулирует почти все основные аргументы идеально-типической критики техники: превращение техники («машины») в независимую силу, контрпродуктивность техники, отчуждение рабочего и потеря смысла трудовой деятельности: «В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые приатки. <...> Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. <...> Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть “хозяина” (master)» (Там же: 428–429).

Всеобъемлющее, динамичное техническое развитие и преобразование, особенно в сельскохозяйственном секторе, в конечном итоге оказывается «мартирологом производителей, средство труда — средством порабощения, средством эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. <...> Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким

путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» (Там же: 509–510).

Таким образом, техника в рамках производственного процесса обращается против природы, ведь технический процесс направлен на ее эксплуатацию и в конечном итоге ведет к ее разрушению. Эта критика также не обходит стороной разложение социальных связей и распад действующих социальных институтов, хотя последнее уже интерпретируется как часть диалектического процесса, который в концепции Маркса опять-таки тесно завязан на критику техники.

«Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. <...> Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» (Там же: 495).

С одной стороны, для Маркса «субъектом», вызывающим этот деструктивный процесс, является не «техника», а именно тот капитал, который отвечает за современную стадию развития производственного процесса в его «изначальной жестокой, капиталистической форме» и использует соответствующие технологии. С другой стороны, современная техника с ее инновационным потенциалом обнаруживает настоящий революционный характер, поскольку ее развитие, если понимать ее как исторически неизбежное, должно привести к освобождению рабочего класса и приходу его к власти. Если рабочий класс сможет осознать «причины» негативных последствий нынешней техники и связать их с капитализмом, то борьба будет направлена против тех, кто пытается узурпировать технику — с тем, чтобы овладеть ею и в дальнейшем использовать в целях освобождения труда.

Марксистская критика культуры направлена против соответствующей формационной ступени «капитализма», в рамках которого на счет современной промышленной техники записываются все негативные составляющие технико-критического стереотипа. Однако представление о диалектическом переходе к некоей позитивной технике через захват власти рабочим классом в результате развития системных противоречий явным образом отличает Маркса от других критиков техники. Если адекватное применение промышленной технологии теми, кто вышел победителем из классово-борьбы, может привести к преодолению отчуждения и, таким образом, к выстраиванию «лучшего» общества, то критике технике в таком случае грозило бы превращение в социально-политическую техноутопию. Марксизм развивался как утопическая идеология, а значит, способом ее преодоления могло стать в том числе *придание критике техники консервативного характера через анализ homo capitalisticus и исторических стилей техники.*

Первое издание «Современного капитализма» Зомбарта увидело свет в двух томах (Sombart, 1902a, 1902b), второе, полностью переработанное трехтомное издание выходило с большими перерывами между 1916 и 1927 годами (Sombart, 1916, 1917, 1927). Второе издание существенно отличается от первого, поскольку хозяйственные и социальные отношения понимаются Зомбартом в соответствии с принципами немецкой исторической школы как порождения или манифестации определенного «духа». Именно оно представляет особый интерес и в контексте консервативной критики техники resp. капитализма. Перерабатывая «Современный капитализм» для нового издания, автор подготовил несколько отдельных очерков (Studien). Решение выпустить их отдельными книгами было связано, с одной стороны, с их разросшимся объемом, который уже не вписывался в общее изложение темы, а с другой стороны, с выходом за пределы экономической истории (Sombart, 1922: V–VI). Так в 1911 году увидела свет книга «Евреи и хозяйственная жизнь», а в 1913 году — «Роскошь и капитализм» (изначально должна была называться «Любовь, роскошь и капитализм») и «Война и капитализм».

В России сочинения Зомбарта вызывали большой интерес еще до Первой мировой войны. Можно сказать, на трудах Зомбарта выросло целое поколение социологов и экономистов дореволюционной России. Русский перевод двух томов его главного труда был опубликован спустя несколько лет после выхода первого издания (Зомбарт, 1904, 1905). Третий том увидел свет уже в советское время, и это издание стало также прижизненным на русском языке (Зомбарт, 1930a, 1930b). Исследование творчества В. Зомбарта в нашей стране активно велось как раз в 20-х годах XX века, пусть даже с позиций критического марксистского анализа (работы Е. Варги, А. Тальгеймера). Однако после обвинений выдающегося немецкого ученого в «фальсификации науки» и «апологии империалистической реакции» в военные годы имя Зомбарта было подвергнуто забвению. В середине 1990-х годов Зомбарт вновь становится предметом изучения российских социологов: исследования Ю. Н. Давыдова и В. В. Сапова в основном касались труда «Буржуа» (Зомбарт, 1994), а Р. П. Шпакова в ряде своих статей затрагивала вопросы общего развития научных идей Зомбарта и его концепции генезиса капитализма. Санкт-петербургское издательство «Владимир Даль» внесло заметный вклад в «русскую зомбартиану», издав в 2005–2008 годах трехтомник работ по социологии (Зомбарт, 2005a, 2005b, 2008). Первый том включал в себя работы «Буржуа» (воспроизведение академического издания Давыдова-Сапова 1994 г.), «Будущность еврейского народа», «Художественная промышленность и культура» (перепечатка дореволюционных переводов). Второй том состоял из переводов «Торгашей и героев» и «Евреев и экономики», сделанных специально для нового издания. А в третьем томе был впервые опубликован полный перевод на русский язык уже упомянутых очерков Зомбарта на тему современного капитализма — «Роскошь и капитализм» и «Война и капитализм»⁵.

5. Сокращенный перевод выходил в военном и революционном году (Зомбарт, 1917).

Обращение к Зомбарту современных российских социологов и философов сопряжено с интересом к немецкой исторической школе политической экономики, философско-антропологическому направлению немецкой мысли, наконец, сравнительно-исторической социологии модерна в целом (см.: Митенков, 2002; Руткевич, 2005; Шпакова, Гергилов, 2007). В связи со столетием Великой войны вспоминали военную публицистику немецких интеллектуалов и, в частности, памфлет «Торгаши и герои. Раздумья патриота» в контексте «Идей 1914 года» (см.: Михайловский, 2014; Руткевич, 2017). Однако не менее важная тема «Зомбарт как представитель немецкой культуркритики», не говоря уже о его вкладе в дискуссию о технике, никогда не попадали в фокус исследований на русском языке — впрочем, редкость это и для социогуманитарной литературы на других европейских языках⁶.

Выдающийся социолог, совершивший мировоззренческий дрейф от рабочего движения в стан национализма и консерватизма, разработал модель эволюционного капитализма, которую разделил на три основных этапа. Ранняя капиталистическая фаза (*Frühkapitalismus*) рассматривалась им как кооперативная с элементами общественной собственности и получила обозначения «торгового капитализма» и «доиндустриального предпринимательства»; далее следовали высокая капиталистическая (*Hochkapitalismus*) и поздняя капиталистическая (*Spätkapitalismus*) фазы. Этой эволюции капитализма, по мысли Зомбарта, соответствует все более усиливающееся влияние на развитие западных стран и народов процесса механизации. «С тех пор как большое число выдающихся исследователей, а в их ряду, прежде всего, Фердинанд Тённис, учат нас рассматривать историю европейского общества новейшего времени с точки зрения прогрессирующей механизации, взгляд этот настолько полюбился, что сегодня можно сказать, что он является общим достоянием каждого образованного человека» (цит. по: Шпакова, Гергилов, 2007: 60). Эта цитата — не что иное, как отзыв Зомбарта о Тённисе, помещенный в начале той главы «Современного капитализма», где резюмируются основные линии европейского экономического развития на раннекапиталистической стадии.

В числе определяющих сил и стимулов экономического развития Зомбарт называет и технику (Sombart, 1969a: 5–7). Техника — в другом месте Зомбарт использует близкое по значению понятие «материальной культуры» (Ibid.: 17) — дала человеку возможность «вознестись до уровня хозяев Земли». Под техникой Зомбарт понимает в первую очередь «инструментальную технику» (материальную технику), созданную с помощью знаний (*das technische Wissen*) и умений (*das technische Können*)⁷. Она является «совокупностью приемов и методов производства благ»,

6. Нам удалось найти только две обзорные статьи недавнего времени, посвященные этой тематике, — одну статью хорватского автора (Antolović, 2020), и другую итальянского (Iorio, 2015).

7. Владение техническими know-how и трансфер знаний из поколения в поколение рассматривается Зомбартом как отличительная черта ремесленного производства и цеховой организации вплоть до XVIII века: «<...> техническое умение как бы пристегнуто к конкретному человеку, “мастеру”. С ним оно живет, с ним умирает. И поэтому требуется личное наставничество мастера в отношении “подмастерья”, дабы искусство сохранилось и распространялось дальше» (Sombart, 1902a: 142).

служашей цели обеспечения базовых человеческих потребностей. С экономической точки зрения и в согласии с Марксом проводится различие между инструментом (*Werkzeug*) как «рабочим средством (*Arbeitsmittel*), которое необходимо для поддержания человеческого труда», и машиной как рабочим средством, «замещающим человеческий труд».

В своем сочинении Зомбарт выстраивает последовательность из трех экономических эпох, для каждой из которых характерна определенная экономическая система: это *крестьянское и помещичье хозяйство, ремесло и капитализм*. Помещичье-крепостное хозяйство и ремесленничество основываются на эмпирическо-органической технике (органической потому, что вспомогательными средствами и материалами выступают люди, животные и растения). Переход от сельского хозяйства к ремесленному производству связывается ученым преимущественно с возникновением экономики обмена и развитием городов.

Переходной эпохе между ремесленничеством и капитализмом (с XV по XVIII век) Зомбарт посвящает отдельный том. Если докапиталистический хозяйственный этос (*Wirtschaftsgesinnung*) был связан с требованиями поддержания уровня жизни в соответствии с сословной принадлежностью, то капитализм следует исключительно принципу приобретательства и сводится к экономическому рационализму, для которого характерны планирование и расчет. Докапиталистическому хозяйственному этосу соответствовала общественная статика, капиталистическое же мироощущение привело, наоборот, к ускорению общественной динамики. «Это дух привязанности к земному и мирскому; дух, обладающий невообразимой силой разрушения старых природных форм, старых связей, старых границ, но в то же время стремящийся к созданию новых форм жизни, искусственных и искусных конструкций. Со времен позднего Средневековья этот дух вырывает человека из его органических отношений, лишает его эмоциональной привязанности к сообществу и вынуждает бесконечно стремиться к удовлетворению личных эгоистических интересов» (*Ibid.*: 327). Его отличает «стремление к бесконечности, стремление к власти, одержимость предпринимательством». При этом стремление к власти и наживе отныне переходят одно в другое. Власть добывается, чтобы нажиться, а нажива нужна ради власти. Лишь тот, кто обладает властью, может нажиться, а тот, кто наживается, увеличивает свою власть. «Во всех сферах человеческой жизни этот новый “предпринимательский” дух стремится к господству. И прежде всего в государстве. Его единственная цель — завоевывать, покорять. То же самое в религии, в церкви: здесь он хочет освободить, раскрепощать; в науке он хочет разрешать загадки; в технике — изобретать; на поверхности земли — открывать» (*Ibid.*: 328).

Помимо предпринимательского духа на сцену вступает и буржуазный дух (*Bürgergeist*)⁸. «Если предпринимательский дух собирается все покорять или при-

8. Очевидно, яркие зомбартовские характеристики будут положены в основание критики «бюргера» и его жизнеориентирующей установки на «безопасность» в первой части «Рабочего» Эрнста Юнгера, где автор отмечает симптомы заката «бюргерской эпохи» и обрисовывает черты нового «мира работы».

обретать для себя, то буржуазный дух хочет все упорядочивать, сохранять. Он проявляется в целом ряде добродетелей, которые все сходятся в том, что в качестве нравственно одобряемого рассматривается такое поведение, которое обеспечивает поддержание функционирования капиталистического хозяйства — усердие, умеренность, бережливость, хозяйственность, верность договоренностям. *Душевное настроение, сотканное из предпринимательского и буржуазного духа, мы называем капиталистическим духом. Он-то и создал капитализм»* (Ibid.: 329)⁹.

Ниже этого экономическо-этического уровня Зомбарт рисует сложную картину экономической жизни в эпоху раннего капитализма. К числу тех самых динамических сил относится армия, находящаяся в постоянной боевой готовности. С ее помощью возникает современное государство, которое проводит экономическую политику. У техники по-прежнему остается ее эмпирико-органическая основа, однако она меняется количественно и все больше охватывается духом капиталистически-рационалистического предпринимательства. Эксплуатация залежей благородных металлов приводит к первоначальному накоплению капиталов. Трансформируется и потребность в благах: Зомбарт особенно выделяет стремление богатых людей к роскоши и растущие потребности армии. Ориентируясь на формулу «общность и общество» Тённиса, ученый описывает раннекапиталистический поворот с помощью пар полярных понятий: «от традиционализма к рационализму; от статичной экономики к динамичной; от общинного хозяйства к общественному; от органического к механическому характеру человеческих отношений; от ограниченного хозяйственного этоса к свободному хозяйствованию. Все эти процессы можно свести к одному: <...> экономическое развитие в раннекапиталистическую эпоху означает подготовку опредмечивания всех лично окрашенных отношений» (Sombart, 1917: 20).

В результате своих исследований Зомбарт приходит к любопытному и неожиданному выводу: ранний капитализм (если сравнивать с последующими фазами) смог реализовать «на удивление мало» от первоначальных идей (Ibid.: 11–13). Социолог объясняет это обстоятельство психологическими, политическими и техническими препятствиями, например, ограниченностью эмпирически-органической техники (недостаток древесины), допуская даже возможность срыва капиталистического развития, как это и произошло в других культурах за исключением европейской.

В опубликованном спустя десятилетие третьем томе Зомбарт освещает фазу высокого капитализма. Начало этой экономической эпохи он связывает с 1760-ми годами, тогда как период между 1870 и 1914 годами рассматривается уже как переход от высокого к позднему капитализму. Заостряя еще больше свою концепцию истории, Зомбарт усматривает в капиталистическом предпринимателе единственную движущую силу экономического развития. Среди множества анализируемых факторов — государства, капитала, труда, рынка и т. д. — техника занимает далеко

9. Проблема «капиталистического духа» подробно рассматривается в книге «Буржуа».

не последнее место. Из эмпирическо-органической она становится научно-неорганической. Использование полезных ископаемых (и ключевого ресурса — угля) вызывает «эмансипацию от живой природы» (Sombart, 1927: 97). Изобретательская активность, подгоняемая стремлением к получению выгоды, приводит к появлению новых продуктов, которые в итоге создают спрос.

Во втором издании «Современного капитализма» Зомбарт выделил различные «стили техники». Фокусируясь опять-таки на промышленных технологиях, он устанавливает идеально-типические соответствия между техникой и историческими формами экономических систем. «Стили техники» можно схематически представить в такой таблице:

Экономическая система	Экономическая эпоха	Знание/умение	Осуществление	Движение
ремесло		эмпирическо-традиционное	органическое	стационарное
капитализм	ранний капитализм	эмпирическо-рациональное	органическое	стационарное
	высокий капитализм	научно-рациональное	неорганическое	революционное
	поздний капитализм	научно-рациональное	неорганическое	стационарное

Прокомментируем некоторые моменты. Зомбарт квалифицирует ремесленную технику как «стационарную» по той причине, что, по его мнению, «ремесло» определяется принципом удовлетворения потребностей, тогда как «технологический стиль» капитализма является «революционным» из-за присущего ему принципа максимизации прибыли. Под «осуществлением» имеется в виду исторически конкретное использование ресурсов в технических процессах. Пока используются человеческие, животные и естественные регенеративные источники энергии, а также органически выращенные природные ресурсы, техника остается «органической». «Неорганическим» является такой способ осуществления, когда источники энергии заменяются технически созданными, а ресурсы из «царства неживой природы» используются для производства товаров. Бесспорно, что в этой теории «технологических стилей» конструируется чисто идеальная сущность техники.

Однако нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, будто позднекапиталистический «стиль техники» с его «стационарным» характером «движения» есть всего лишь идеологический конструкт, результат «антимодернистской направленности» Зомбарта (Meuer, 1998). Ученый действительно связывал ближайшее будущее капитализма с замедлением инновационного технического роста. Однако оценка такого взгляда как однозначно ошибочного связана исключительно со стандартизованной и неотрефлексированной прогрессистской

оптикой. Мы же беремся утверждать, что Зомбарт предлагает здесь версию «другого модерна», которая вписывается в типологию цивилизационной критики и может быть *grosso modo* охарактеризована как «попытка поставить технику на службу буржуазному порядку посредством ее подчинения этическим принципам» (Rohkrämer, 1999: 32). Подразумевается безоговорочное принятие достижений техники в плане повышения производительности, сопровождаемое беспокойством по поводу ее негативного воздействия на общественную, культурную и частную сферу (распад связей между людьми, упадок искусств, растущее эмоциональное опустошение и т. д.). Способ решения проблемы предлагается следующий: осмыслить технику не как «неизбежное зло», а как нейтральное средство, которое при должном отношении (этический контроль и управление) могло бы принести еще большую пользу во всех областях человеческого существования. Иными словами, «другой модерн» здесь сводится к *компенсаторному интересу*, поскольку не отвергает индустриализацию как таковую, но указывает на требующие исправления дефекты развития позднекапиталистического общества. «Именно то, что капитализм развивается в сторону механизации, все большего разделения труда, порождающего “частичных людей”, — отмечает А. М. Руткевич, — было для Зомбарта знаком того, что “поздний капитализм” обречен и сменится иной социальной системой <...> Его можно считать и одним из тех авторов, которые подготавливали современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствиями стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем» (Руткевич, 2005: 13–14).

По вопросу культурной ориентации технического развития сквозь десятилетия прослеживается консенсус между такими разными мыслителями, как Карл Маркс, Макс Вебер и Вернер Зомбарт, а именно, что в индустриально-капиталистических обществах техническое развитие было почти исключительно или в конечном счете ориентировано на экономику. Правда, Зомбарт не соглашается с материалистическими положениями о том, что экономика — это функция техники, а вся культура — не что иное, как функция экономики. Когда он говорил об отношениях между «техникой и культурой» на Первой конференции немецких социологов в 1910 году во Франкфурте-на-Майне, то в основном касался влияния техники на развитие культуры (Sombart, 1911).

Техника — это особый взгляд на реальность, который передает нам «дух» определенной эпохи. В культурном стиле субъективная и объективная стороны неотделимы друг от друга, а потому все явления культуры пронизаны техникой как создательницей материальных благ. Техника охватывает одновременно знание (Kennen, Wissen) и умение (Können). Если первое обеспечивает процесс производства, то второе связано с нашей способностью использовать технологии ради эффективного достижения каких-то целей. Зомбарт различает технику в «широком смысле» (музыкальная техника, *ars amandi* etc.) и в «узком смысле». В последнем случае имеется в виду инструментальная техника, которая направлена на достижение конкретных целей и поэтому, как подчеркивает автор, синонимична произ-

водственной технике. Все, что не касается производства материальных благ, является вторичной техникой (*sekundäre Technik*): «Даже транспортная техника есть вторичная техника. И авиация — это тоже вторичная техника» (Sombart, 1969b: 64).

«Для меня не так важно сказать, что такое культура, как сказать, в чем культура выражается» (Ibid.: 65), — провозглашает Зомбарт. Критикуя технический и экономический детерминизм Маркса, он, во-первых, утверждает, что любой фактор или социальная переменная независимы друг от друга, хотя и взаимодействуют друг с другом и предполагают существование других переменных. Во-вторых, с исторической и эмпирической точки зрения невозможно доказать, что какая-то технология будет использоваться людьми просто потому, что она доступна. Кроме того, недоказуемо, что использование какой-то технологии всегда и везде будет иметь одинаковый экономический эффект. В этом свете ясно, почему определенная экономическая система не является функцией техники. В-третьих, Зомбарт отвергает связь между экономикой и манифестациями культуры. Таким образом, если техника не является основой экономики, то последняя не является основой общества или культуры.

Далее Зомбарт касается антропологического влияния техники и выделяет активное и пассивное воздействие на человека. В первом случае речь идет об определенном формировании личности (*Gestaltung der Persönlichkeit*) в ходе использования технических средств. Во втором случае — о «страдании», например, от звуков клаксонов автомобилей или телефонных звонков. Рассуждая в конце доклада о «культурной ценности» техники (*Kulturwert der Technik*), Зомбарт произносит следующие слова: «Проблема ценности техники для человечества, несомненно, может быть решена в том числе научными средствами, когда мы показываем, что многие из так называемых технических достижений, которыми хвастается наше время, часто являются лишь жалкой и временной заменой для предотвращения зла, изначально созданного той же самой культурой. Например, если я горжусь тем, что большой город имеет очень хорошую и развитую транспортную сеть и может быстро доставить меня из периферийной точки в центр, я должен при этом осознавать, что это достижение стало необходимым только после того, как вследствие культурного развития современные люди стали жить вдали от центров своей деятельности. И когда я хвастаюсь, что наши улицы так ярко освещены в тех местах, где они не освещались сто лет назад, мне, конечно же, следует понимать, что это освещение стало необходимым вследствие того, что теперь по ночам гуляет очень много людей» (Ibid.: 81–82). Взгляд на прогресс техники как на средство устранения недостатков, возникших в предыдущий период — в результате неправильного хозяйствования, перенаселенности и проч. — позволяет сделать предметом научного исследования в том числе негативные воздействия, которые техника оказывает на организм и психику пролетария или же человека индустриальной эпохи в целом, а значит, подвергнуть коррекции процессы модернизации и рационализации.

Пусть автор не ставит вопрос о стратегии компенсации, однако его по-настоящему волнует научное освещение проблемы ценности, определение отношений между отдельными явлениями современной культуры, четкое осознание того, какие ценности разрушаются, а какие приобретаются взамен. В конце концов, он озабочен прагматическим поиском «оптимального соотношения мучения и радости» от пользования техническими средствами. Как минимум для людей своего круга Зомбарт считает чем-то само собой разумеющимся задавать вопросы о ценности технических достижений, а не относиться к каждому новшеству с энтузиазмом современных инженеров. «Сегодня мы зашли так далеко, что не можем позволить себе считать голое техническое развитие культурной ценностью как таковой; мы критически спрашиваем: действительно ли стоит летать по воздуху или нет?» (Ibid.: 82). Такой же полный спокойствия и достоинства жест нам встречается и в докладе О. Маркварда об «Эпохе чуждости миру». Какую рекомендацию дает философ в начале 1980-х годов, когда заходит речь об увеличившемся в очередной раз количестве автомобилей и невыносимой для здорового человека плотности городского трафика? Он отвечает тактично: «Разумно поступать здесь следующим образом: благодарно пользоваться теми преимуществами, которые достигнуты, и, если это необходимо, предусмотрительно и безропотно отказаться от беспрепятственного дальнейшего совершенствования каких-то вещей, основываясь на взвешенном и трезвом обдумывании» (Марквард, 2003).

В контексте зомбартовской критики техники не меньшего внимания заслуживает и концепция «экономического человека». Тип «экономического человека» позднее возьмет за основу Эдуард Шпрангер в своей теории «Жизненных форм» (1921). «Экономический человек» по своей сути прагматичен и эгоистичен, он сосредоточен на рентабельном деле, а потому все, что не вписывается в экономическую рациональность, выводится им за пределы базовых поведенческих ориентаций. Так, для его целеполагания безразличны культура, мораль, духовные и религиозные ценности. «Экономический человек» — это опять же идеальный тип, но у него есть воплощение — «буржуа нового стиля». «Живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: *нажива* и *дело*. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — *мерой всех вещей*» (Зомбарт, 2005а: 216), — пишет он в книге «Буржуа».

Универсальным критерием эффективности, подменившей собой классическую триаду истины, блага и красоты, для «экономического человека» выступают деньги — безличный посредник, безразличный к добру и злу, красоте и уродству, верности и предательству. Соответственно, и во внешней природе «экономический человек» не видит ничего другого, кроме бездушного источника сырья и ресурсов. Но эксплуатирует Землю с усердием и знанием дела, как и подобает «виртуозному частичному человеку». «Естественный живой мир превращен в развалины, чтобы из этих развалин возник искусственный мир, созданный из человеческой изобретательности и мертвых материалов: это в равной мере действительно как отно-

сительно хозяйства, так и относительно техники. И без всякого сомнения, этот сдвиг в технических приемах оказал существенное влияние на сдвиг в нашей общей оценке мира: в той мере, как техника вытесняла человека из центра производственного процесса, человек исчезал и из центра как хозяйственных, так и вообще культурных оценок» (Там же: 403).

Не в последнюю очередь на «экономическом человеке» лежит вина за кризис гуманизма и просвещенческих идеалов. Вопреки второй формулировке категорического императива Канта, сам человек из цели превращается в средство. «Мы видели, что дух буржуа наших дней характеризует его полное безразличие по отношению к судьбе человека. Мы видели, что человек исключен из центра хозяйственных оценок и целестановлений, что интересен один только процесс (производства, транспорта, образования цен и т. д.): *fiat productio et pereat homo*» (Там же), — формулирует Зомбарт лицемерное кредо капитализма. Капитализма нет, если нет капиталистического духа.

«Расчеловечивание», очевидно, является прямым следствием инверсии отношения «цель/назначение — средство», которое было присуще технике со времен ремесленничества. Переворачивание этой ключевой пары прагматического сознания происходит на фоне параллельного развития естественнонаучного духа, как оно запечатлевается в технике, и капиталистического духа. Технический прогресс заставляет нас все больше и больше сосредотачиваться на том, как делается вещь и как она работает, независимо от того, для чего она используется. Итог: человек забывает, какой цели должны служить инструменты. «Участие в прогрессе техники и безграничная ее переоценка усилили стремление к наживе капиталистического предпринимателя в той мере, в какой она повысила его собственный интерес к техническим достижениям, выражающимся в его изделиях» (Там же: 401). «Экономический человек» бессмысленно производит все больше и больше. У этого феномена находится «психологическое объяснение» — детская радость перед техническим усовершенствованием (капиталистический инфантилизм, в отличие от кантовского «совершеннолетия»). Но с другой стороны, она возможна только в «эпоху техники»: «То, что предпринимателю может прийти в голову, что в какой бы то ни было мере является само по себе ценным изготовить как можно больше машин, или арматуры для освещения, или рекламных вывесок, или летательных аппаратов, что он в производстве этих вещей как таковом может найти какое бы то ни было удовлетворение (а наряду с другими мотивами здесь, несомненно, действует в качестве движущей силы в душе предпринимателя и это увлечение производством как таковым), — предпосылкой всего этого является охарактеризованное общее настроение нашей эпохи» (Там же: 402).

С началом Первой мировой войны Зомбарт одним из первых (вместе с Вальтером Ратенау) встает на путь преодоления культурпессимизма — и это происходит опять-таки через переосмысление роли техники. Сам Зомбарт признает этот факт, демонстрируя уверенность в том, что его читатель «поймет, почему я, и со мной многие, многие другие, притом не самые худшие умы, перед войной впали в глу-

бочайший культурный пессимизм». И продолжает: «У всех нас сложилось твердое убеждение, что человечество идет к своему концу, что остаток своего существования на Земле оно проведет в состоянии крайне прискорбной низости, превратится в “человеческий муравейник”, что торгашеский дух готов распространиться повсюду, и что появились уже “последние люди”, которые говорят: “Мы нашли счастье” — и моргают. И тут произошло чудо. Началась война. И тогда из тысяч и тысяч источников прорвался новый дух; нет — не новый! То был прежний, героический немецкий дух, пламя которого до сих пор тлело под грудами пепла и вдруг разгорелось мощным огнем» (Зомбарт, 2005б: 88–89).

В «Торгашах и героях» (1915), откуда взята вышеприведенная цитата, коммерциализму англичан противопоставляется немецкая «идея отечества» и сопряженная с ней концепция государства. «Борьба идет между торгашом (Händler) и героем (Held), между торгашеским и героическим мировоззрением, торгашеской и героической культурой» (Там же: 9). Перед войной коммерциализм был уже готов завоевать весь мир. Даже были крути, признается Зомбарт, в которых твердо верили, что по мере распространения капиталистической системы хозяйства по планете меркантильный дух, а вместе с ним и меркантильная культура будет господствовать везде, человечеству же не останется ничего другого как самораспуститься.

Теперь рафинированный экономист и социолог, эмоционально слившийся с судьбой сражающейся Германии, отстаивает тезис о том, что техника может существовать только как часть сложной системы, а национальная Machtpolitik в эпоху модерна строится на экономической мощи и технологическом превосходстве. «Война все сильнее и настойчивее дает нам осознать, что все международные экономические отношения являются необходимым злом, которое следовало бы по возможности уменьшить. После войны первоочередной задачей народнохозяйственной политики будет, несомненно, поиск путей и средств, с помощью которых мы могли бы достичь наибольшей экономической автономии Германии» (Там же: 100).

Следует подчеркнуть, что в центре критики Зомбарта находится именно капиталистическое мышление. Отрицательные черты «духа капитализма» связаны, таким образом, не с техническими новшествами самими по себе, а с «коммерциализмом» буржуазного духа. Если взять в скобки понятный патриотический пафос этого ярчайшего образчика немецкой «интеллектуальной мобилизации», мы не найдем в «Торгашах и героях» претензий к техническому прогрессу, при условии, что он связан не с буржуазным духом, а с немецким Heldengeist'ом: инструментальное освоение техники немцами может дать положительный эффект, а сам технический прогресс окажется необходимой предпосылкой для укрепления и распространения немецких идей об отечестве в политически и экономически самодостаточном государстве¹⁰. «Теперь и техника может спокойно следовать путем своих завоеваний, теперь нам уже не о чем беспокоиться. Мы знаем, зачем

10. Эту мысль Зомбарт будет развивать и в вышедшей в 1935 году брошюре «Укрощение техники» («Die Zähmung der Technik», извлечение из книги 1934 года «Немецкий социализм»), до сближения с позициями «культурной антропологии».

все это. Сорокадвухсантиметровые мортиры, защитного цвета обмундирование, самолеты-разведчики, подводные лодки вновь приоткрывали нам смысл технического прогресса» (Там же: 94).

В 1920-1930-е годы зомбартовская критика капитализма демонстрирует не ретроградный, а радикальный характер: она явным образом обращена в будущее. Здесь мы уже можем констатировать наметившееся в «Торгашах и героях» *смещение от культурпессимистической установки к проактивной позиции* в смысле инициативной и деятельной вовлеченности в актуальные процессы, задающей новые ориентиры в осмыслении самих фундаментальных условий модерна. Так, в третьем томе «Современного капитализма» Зомбарт не ограничивается описаниями современного состояния, но спекулятивно намечает и грядущие экономические тенденции. С его точки зрения, с капиталистическим человечеством будет происходить не столько революционный переворот, сколько последовательное органическое изменение. Капитализм в модифицированном виде продолжит существовать, однако параллельно с ним возникнет плановое хозяйство. А поскольку в основе как капитализма, так и социализма лежит рационалистический принцип, то обе системы постепенно сблизятся.

Ведущий автор «консервативной революции» и идейный вдохновитель журнала Die Tat публикует книгу «Немецкий социализм» (Sombart, 1934), где предлагает программу в духе проактивного модернизма. Автор пропагандирует консервативное государство с плановой экономикой и техникой, контролируемой в интересах общего блага. Детальный анализ этой книги выходит за рамки нашего исследовательского вопроса, поскольку она уже с трудом вписывается в тот идеально-типический образ критики техники, который сложился перед Первой мировой войной. Этот поворот, конечно, можно объяснять эволюцией взглядов конкретного ученого и интеллектуала под влиянием общественно-экономической и политической трансформации немецкого общества, однако мы склонны относить этот явный дрейф Зомбарта от критики техники в форме критики позднего капитализма в сторону технократии (ответственный менеджмент со стороны государства и инженеров) на счет *смены компенсаторной парадигмы другого модерна на проактивную парадигму в немецкой общественной мысли между двух мировых войн*. Для нее, в частности, характерны активистский пафос интеграции природы и культуры через осознание творческого и инновационного потенциала технологий, преодоление апории техники и свободы, скепсис в отношении буржуазного ламентов по поводу вызванного индустриализацией упадка европейской духовности, новое видение человека, а также футуристические проекты по переустройству государства, экономики и общества. Все это в изобилии встречается в сочинениях интеллектуалов фронтового поколения — Э. Юнгера, Х. Фрайера, Ф. Фрида, М. Хольцера, мыслящих представителей «людей техники» и сторонников фёлькиш-технократии, которые еще до 1933 года решительно встали на путь «героического преодоления критики техники» (Р.-П. Зиферле). Впрочем, последним отход Зомбарта от культуркритики казался недостаточно решительным. Реакции на «Немецкий социализм» в национал-социалистической печати

(см.: Rohkrämer, 1999: 280–281; Руткевич, 2005: 20–21) варьировались от сдержанных до негативных. В призывах Зомбарта к «устойчивому производству» и его недоверии к «динамической» экономике рецензенты усматривали враждебность по отношению к технике и недооценку труда изобретателей и промышленников ради усиления Германии на международной арене.

Литература

- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс.
- Зомбарт В. (1904). Современный капитализм. 2 тома. Т. 1. Генезис капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова и И. Степанова; предисл. И. Степанова. М.: Издание С. Скимунта.
- Зомбарт В. (1905). Современный капитализм. 2 тома. Том 2. Теория капиталистического развития / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова и И. Степанова. М.: Издание С. Скимунта.
- Зомбарт В. (1930а). Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова. Первый полутом: Основы; Структура. Второе, просмотренное издание / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховецкого; с предисл. проф. С. Б. Членова и с послесл. И. Альтера. М.-Л.: Государственное издательство, типография Госиздата «Красный пролетарий».
- Зомбарт В. (1930б). Современный капитализм. Т. 3. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма / Пер. с нем. под ред. В. А. Базарова. Второй полутом: Процесс; Народное хозяйство в целом / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховецкого; с предисл. И. Альтера. М.-Л.: Государственное издательство, Типография Госиздата «Красный пролетарий».
- Зомбарт В. (1917). Любовь, роскошь и капитализм / Сокр. пер. с нем. Н. И. Сувилова. Петроград: Благо.
- Зомбарт В. (1994). Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. Ю. Н. Давыдова, В. В. Сапова. М.: Наука.
- Зомбарт В. (2005а). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 1: Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. СПб.: Владимир Даль.
- Зомбарт В. (2005б). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 2: Торгаши и герои. Евреи и экономика / Пер. с нем. Д. В. Кузницына и А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль.
- Зомбарт В. (2008). Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. Роскошь и капитализм. Война и капитализм / Пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль.
- Кильдюшов О. В. (2023). Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. Т. 23. № 1. С. 9–25.

- Марквард О.* (2003). Эпоха чуждости миру? // Отечественные записки. № 6 (15). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru> (дата доступа: 05.02.2024)
- Маркс К.* (1952). Капитал. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Митенков А. В.* (2002). Философско-антропологический анализ учения В. Зомбарта о генезисе общества: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Москва: Финансовая акад. при Правительстве РФ.
- Михайловский А. В.* (2014). Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. № 3 (19). С. 129–151.
- Руткевич А. М.* (2017). Идеи 1914 года // Сад ученых наслаждений / Отв. ред. А. Н. Дмитриев, Н. В. Самутина, Е. А. Вишленкова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 41–84.
- Руткевич А. М.* (2005). Вернер Зомбарт — историк капитализма // *Зомбарт В. Собрание сочинений.* В 3-х тт. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 5–22.
- Шпакова Р. П., Гергулов Р. Е.* (2007). От механизации к рационализации. Идеиное влияние Тённиса на Зомбарта // Социологический журнал. № 1. С. 58–65.
- Antolović M.* (2020). «Mi, umorne duše» — Werner Sombart kao kritičar moderne kulture // *Filozofska Istrazivanja.* Vol. 39. № 4. P. 795–810.
- Appel M.* (1992). Werner Sombart. Theoretiker und Historiker des modernen Kapitalismus. Marburg: Metropolis-Verlag.
- Bollenbeck G.* (2007). Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders. München: Beck.
- Iorio G.* (2015). Technology in Sombart's Sociology // *DADA Rivista di Antropologia post-globale.* Vol. 1. P. 129–138.
- Merlio G.* (2000). Kultur- und Technikkritik vor und nach dem ersten Weltkrieg // *Titan Technik.* Hrsg. v. Friedrich Strack. Würzburg: Königshausen & Neumann. S. 19–41.
- Meyer T.* (1998). Werner Sombarts idealtypischer Technikbegriff. Überlegungen zur Gesellschaftlichkeit der «stationären» zünftischen Technik // *Bayerl G., Weber W. (Hg.). Sozialgeschichte der Technik. Festschrift Ulrich Troitzsch zum 60. Geburtstag.* Münster u. a. (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 7). S. 67–76.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1907). Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 11.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1909). Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 20.
- Rohrkämper T.* (1999). Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh.
- Sombart W.* (1902a). Der moderne Kapitalismus. Erster Band. Die Genesis des Kapitalismus. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1902b). Der moderne Kapitalismus. Zweiter Band. Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. Mit Registern über Band I. und II. Leipzig: Duncker & Humblot.

- Sombart W.* (1911). Technik und Kultur // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXXIII. Tübingen: Verlag von J. C.B. Mohr (Paul Siebeck). S. 305–347.
- Sombart W.* (1916). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 1: Die vorkapitalistische Wirtschaft. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1917). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 2: Das europäische Wirtschaftsleben im Zeitalter des Frühkapitalismus. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1927). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 3: Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1922). Luxus und Kapitalismus. 2. Aufl. München und Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W.* (1934). Deutscher Sozialismus. Berlin-Charlottenburg: Buchholz & Weisswange.
- Sombart W.* (1969a). Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Erster Band: Einleitung — Die vorkapitalistische Wirtschaft — Die historischen Grundlagen des modernen Kapitalismus. Berlin: Duncker & Humblot (unveränderter Nachdruck der 2. Auflage 1916).
- Sombart W.* (1969b). Technik und Kultur // Verhandlungen des 1. Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910 in Frankfurt am Main. Frankfurt am Main: Sauer u. Auvermann. S. 63–83.

Werner Sombart as a Critic of Technology

Alexander V. Mikhailovsky

Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University

Address: Myasnikskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: amikhailowski@hse.ru

The article provides an analysis of W. Sombart's conception of modern capitalism in the aspect of cultural critique. *The first hypothesis* is that Sombart's critique of technology is a critique of modern capitalism. The ideal type of critique of technology is defined by the instrumental interpretation of technology and the belief that mechanization and massification of modern society, alienation of labor, psychological degradation, etc. are consequences of the inversion of the *Zweck-Mittel*-relationship (this views technology as basically a means to an end).

The second hypothesis is that Sombart proposes a version of the "other modernity," which means an attempt to put technology in the service of the bourgeois order through its subordination to ethical principles. Acceptance of technological advances is accompanied by concerns about its

negative impact on the public and private spheres. The report "Technology and Culture" (1910) poses the problem of the "cultural value of technology".

The third hypothesis deals with the explanation of this version of the "other modernity" by a compensatory interest (it does not reject industrialization as such, but points to defects in the late capitalist development that require correction). The study identifies two different diachronic paradigms in the conservative thought in Germany before WWI and, accordingly, in the interwar period: 1) a paradigm of compensation and 2) a proactive paradigm of contributing to the national renewal, setting new guidelines in understanding the fundamental conditions of modernity. In the 1920s and 30s, Sombart goes beyond the critique of culture and demonstrates the attitude of proactive modernism ("German socialism" with planned economy and technocratic management that favor the common good over individual profit).

Keywords: Werner Sombart, modern capitalism, critique of culture, critique of technology, cultural value of technology, mechanization

References

- Antolović M. (2020) "Mi, umorne duše" — Werner Sombart kao kritičar moderne kulture. *Filozofska Istrazivanja*, vol. 39, no 4, pp. 795–810.
- Appel M. (1992) *Werner Sombart. Theoretiker und Historiker des modernen Kapitalismus*, Marburg: Metropolis-Verlag.
- Bollenbeck G. (2007) *Eine Geschichte der Kulturkritik. Von J. J. Rousseau bis G. Anders*, München: Beck.
- Iorio G. (2015) Technology in Sombart's Sociology. *DADA Rivista di Antropologia post-globale*, vol. 1, pp. 129–138.
- Kil'djushov O. V. (2023) Kategorial'naja dihotomija *Gemeinschaft/Gesellschaft* v sociologicheskoy klassike: Tjonnis — Veber — Frajer — Parsons [Categorical dichotomy *Gemeinschaft/Gesellschaft* in sociological classics: Tönnies — Weber — Freyer — Parsons]. *Vestnik RUDN. Series: SOCIOLOGY*, vol. 23, no 1, pp. 9–25.
- Marquard O. (2003) Epoha chuzhdosti miru? [An era of alienation to the world?]. *Otechestvennye zapiski*, no 6 (15). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru> (accessed 5. February 2024).
- Marx K. (1952) *Kapital*. T. 1. [Capital. Vol. 1], Moscow: State publishing house of political literature.
- Merlio G. (2000) Kultur- und Technikkritik vor und nach dem ersten Weltkrieg. *Titan Technik*, hrsg. v. F. Strack, Würzburg: Königshausen & Neumann, S. 19–41.
- Meyer T. (1998) Werner Sombarts idealtypischer Technikbegriff. Überlegungen zur Gesellschaftlichkeit der «stationären» zünftischen Technik. *Sozialgeschichte der Technik. Festschrift Ulrich Troitzsch zum 60. Geburtstag*, hrsg. von G. Bayerl, W. Weber, Münster u.a. (Cottbuser Studien zur Geschichte von Technik, Arbeit und Umwelt, Bd. 7), S. 67–76.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1907) Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 11.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon* (1909) Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leipzig, Wien (Bibliographisches Institut). Bd. 20.

- Mitenkov A. V. (2002) *Filosofsko-antropologicheskij analiz uchenija V. Zombarta o genezise obshchestva* [Philosophical and anthropological analysis of the views of W. Sombart on the genesis of society] (PhD thesis), Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation.
- Mikhailovsky A. V. (2014) *Uspehi i neudachi "intellektual'noj mobilizacii": germanskij i rossijskij opyt* [Successes and failures of "intellectual mobilization": German and Russian experience]. *Voprosy nacionalizma*, no 3 (19), pp. 129–151.
- Rohkrämer T. (1999) *Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933*, Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh.
- Rutkevich A. M. (2017) *Idei 1914 goda (Ideas of 1914). Sad uchenyh naslazhdenij* [Garden of Scientific Delights] (eds.: A. N. Dmitriev, N. V. Samutina, E. A. Vishlenkova), Moscow: Publishing house of the National Research University "Higher School of Economics", pp. 41–84.
- Rutkevich A. M. (2005) *Verner Zombart — istorik kapitalizma* [Werner Sombart — historian of capitalism]. *Zombart V. Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 1: Burzhua: k istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka. (The Collected Works in 3 vols. Vol. 1: The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man)*, Saint Petersburg: Vladimir Dal', pp. 5–22.
- Shpakova R. P., Gergilov R. E. (2007) *Ot mehanizacii k racionalizacii. Idejnoe vlijanie Tjonnisa na Zombarta* [From mechanization to rationalization. The ideological influence of Tönnies on Sombart]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 58–65.
- Sombart W. (1902a) *Der moderne Kapitalismus. Erster Band. Die Genesis des Kapitalismus*, Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1902b) *Der moderne Kapitalismus. Zweiter Band. Die Theorie der kapitalistischen Entwicklung. Mit Registern über Band I. und II.*, Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1911) *Technik und Kultur. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXXIII*, Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), S. 305–347.
- Sombart W. (1916) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 1: Die vorkapitalistische Wirtschaft*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1917) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 2: Das europäische Wirtschaftsleben im Zeitalter des Frühkapitalismus*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1927) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des Gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2., völlig neu bearb. Fassung. Bd. 3: Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus*, München/Leipzig: Duncker & Humblot.
- Sombart W. (1922) *Luxus und Kapitalismus. 2. Aufl.*, München und Leipzig: Duncker & Humblot.

- Sombart W. (1934) *Deutscher Sozialismus*, Berlin-Charlottenburg: Buchholz & Weisswange.
- Sombart W. (1969a) *Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Erster Band: Einleitung — Die vorkapitalistische Wirtschaft — Die historischen Grundlagen des modernen Kapitalismus*, Berlin: Duncker & Humblot (unveränderter Nachdruck der 2. Auflage 1916).
- Sombart W. (1969b) Technik und Kultur. *Verhandlungen des 1. Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910 in Frankfurt am Main*, Frankfurt am Main: Sauer u. Auvermann, S. 63–83.
- Zombart V. (1904) *Sovremennyj kapitalizm*. 2 tt. [Modern capitalism. In 2 vols.]. Vol. 1 (transl. from Germ., eds. V. A. Bazarov and I. Stepanov), Moscow: S. Skirmunt Publishing.
- Zombart V. (1905) *Sovremennyj kapitalizm*. 2 tt. [Modern capitalism]. Vol. 2 (transl. from Germ., eds. V. A. Bazarov and I. Stepanov), Moscow: S. Skirmunt Publishing.
- Zombart V. (1930a) *Sovremennyj kapitalizm*. [Modern capitalism]. Vol. 3, first half volume (transl. from Germ., ed. V. A. Bazarov), Moscow-Leningrad: State publishing house, printing house of the Gosizdat “Red Proletary”.
- Zombart V. (1930b) *Sovremennyj kapitalizm*. [Modern capitalism]. Vol. 3, second half volume (transl. from Germ., ed. V. A. Bazarov), Moscow-Leningrad: State publishing house, printing house of the Gosizdat “Red Proletary”.
- Zombart V. (1917) *Ljubov', roskosh' i kapitalizm* [Love, luxury and capitalism] (abbrev. transl. from Germ. By N. I. Suvirov), Petrograd: Blago.
- Zombart V. (1994) *Burzhua. Etjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka* [The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man] (transl. from. Germ. By Yu. N. Davydov and V. V. Sapov), Moscow: Nauka.
- Zombart V. (2005a) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 1: Burzhua: k istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka*. (The Collected Works in 3 vols. Vol. 1: The Bourgeois. The intellectual origins of modern economic man), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Zombart V. (2005b) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 2: Torgashi i geroi. Evrei i ekonomika* [The Collected Works in 3 vols. Vol. 2: Traders and heroes. Jews and the economy] (transl. from Germ. by D. V. Kuznitsyn and A. P. Shurbelev), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Zombart V. (2008) *Sobranie sochinenij v 3-h tt. T. 3: Issledovanija po istorii razvitija sovremennogo kapitalizma. Roskosh' i kapitalizm. Vojna i kapitalizm* [The Collected Works in 3 vols. Vol. 3: On the history of the development of modern capitalism. Luxury and capitalism. War and capitalism] (transl. from Germ. by D. V. Kuznitsyn), Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Veber M. (1990) *Protestantskaja etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedenija* [The Selected Works] (trans. and ed. by Yu. Davydov), Moscow: Progress.

Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей*

Алиса Смигельски

Магистр социологии, независимый исследователь
Адрес: ул. Балтийская, д. 35, г. Новосибирск, 630058 Российская Федерация
E-mail: alice_sergeeva@inbox.ru

Борис Соколов

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р.Ф. Инглхарта,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
доцент департамента социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, 192171
Российская Федерация
E-mail: bssokolov@hse.ru; bssokolov@gmail.com

Анна Немировская

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р.Ф. Инглхарта,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
доцент департамента социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, . Санкт-Петербург, 192171
Российская Федерация
E-mail: annanemirov@hse.ru

В фокусе статьи находится вопрос о том, как социокультурная модернизация, в частности постепенное распространение эмансипативных (или постматериалистических) ценностных ориентаций, связана с экологическими установками в сравнительной перспективе. На основе эволюционной теории модернизации, предложенной Р. Инглхартом и К. Вельцелем, мы разрабатываем социологическую модель формирования экологических установок, комбинирующую перспективы микро- и макроуровней, а также учитывающую как субъективные, так и объективные факторы. Мы проверяем гипотезы, выведенные из этой модели, используя многоуровневый регрессионный анализ и данные опросов общественного мнения, проводившихся в рамках пятой волны Европейского исследования ценностей (2017–2020 гг.; N = 56,368), а также социально-экономическую статистику по 30 европейским странам. Наши результаты показывают, что как индивидуальная приверженность эмансипативным ценностям, так и распространенность этого типа ориентаций в обществе в целом статистически значимо и положительно коррелируют с выраженностью проэкологических взглядов

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения», № 23-18-00661.

Мы также выражаем признательность за ценные комментарии и замечания Анне Плесс, Андрею Семёнову, Андрею Щербак, а также участникам международного семинара Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р.Ф. Инглхарта НИУ ВШЭ 2021 года.

на соответствующих уровнях — в большей степени на страновом, но и на индивидуальном уровне ценности являются наиболее важным предиктором экологических установок. Кроме того, имеет место межуровневое взаимодействие: чем в большей степени в конкретной стране распространены эмансипативные ориентации, тем сильнее в ней связь личных ценностей и отношения к проблемам окружающей среды. Вместе с тем выраженность проэкологических взглядов несколько снижается с возрастом и растет по мере увеличения уровней образования и дохода. Это показывает, что модернизационные процессы способствуют развитию бережного и внимательного отношения к природе не только за счет ценностного сдвига, но и посредством других механизмов, а именно через расширение доступных ресурсов действия.

Ключевые слова: эмансипативные ценности, постматериалистические ценности, экологические установки, эволюционная теория модернизации, Европейское исследование ценностей, многоуровневое регрессионное моделирование

Проблемы окружающей среды становятся все более актуальными в последние десятилетия. Одной из наиболее важных среди них — хотя далеко не единственной — является изменение климата, которое уже оказало пагубное воздействие на благополучие миллионов людей в разных странах. По оценке Всемирной организации здравоохранения, в период с 2030 по 2050 год этот процесс будет ежегодно вызывать 250 000 дополнительных смертей — от недоедания, малярии, диареи, теплового стресса и других причин (Всемирная организация здравоохранения, 2023). Существуют и другие экологические вопросы глобального и локального характера, требующие безотлагательных действий со стороны международных организаций, национальных правительств и рядовых граждан различных стран.

В российском контексте, например, общественное внимание привлекают такие темы, как загрязнение окружающей среды и сохранение региональных природных ресурсов, в том числе памятников природы, которые зачастую имеют большое историко-культурное значение для местного населения. Противоречия между различными группами интересов, возникающие в этой связи, могут приводить к значительному росту социального напряжения и периодически выливаются в открытые конфликты. Пожалуй, наиболее известными подобными случаями в Российской Федерации в последние годы стали протесты жителей станции Шиес в Архангельской области против строительства мусорного полигона в ее окрестностях (Чмель, Климова, Митрохина, 2020), а также борьба этнических и экологических активистов с планами начать добычу известняка на шихане Куштау в Башкирии (Снарский, 2024).

Вместе с тем многие — как политики и чиновники высокого уровня, так и рядовые обыватели — все еще не осознают полностью, насколько серьезной является экологическая ситуация в мире, и не предпринимают необходимых мер для ее улучшения. Поэтому первостепенное общественное значение — в том числе в качестве основы для разработки прикладных решений, призванных стимулировать природосберегающее поведение, — имеют научные исследования, направленные на выявление ключевых факторов, определяющих индивидуальное отношение к вопросам защиты окружающей среды и способствующих большей осведомлен-

ности о проблемах экологии, а также повышению готовности предпринимать конкретные действия для их решения.

Целью настоящей статьи является изучение того, как социокультурная модернизация (понимаемая в терминах устойчивого экономического и научно-технического развития, приводящего к расширению доступных обществу ресурсов и вызванному этим процессом постепенному переходу от преобладания материалистических ориентаций к преобладанию постматериалистических) воздействует на отношение к окружающей среде в сравнительной перспективе. Указанная цель включает в себя следующие задачи: 1) выявление основных результатов, полученных в рамках предыдущих исследований по теме, а также ограничений и пробелов в существующей литературе; 2) построение комплексной социологической модели формирования экологических установок, учитывающей факторы микро- (различные индивидуальные характеристики, включая как субъективные, прежде всего, нормативные ориентации, так и объективные — возраст, образование и доход) и макроуровня (доминирующие в конкретном обществе ценности); и 3) эмпирическая проверка гипотез, предложенных в рамках этой модели, с использованием опросов общественного мнения и социально-экономической статистики по 30 европейским государствам. Предметом исследования являются экологические установки, а объектом — население стран Европы (включая Российскую Федерацию). В концептуальном плане мы опираемся на эволюционную теорию модернизации, разработанную Р. Инглхартом и К. Вельцелем (Inglehart, Welzel, 2005; Welzel, 2013). В качестве основного источника данных используются материалы пятой волны Европейского исследования ценностей (*European Values Study*), а метода анализа — многоуровневое регрессионное моделирование.

Определение экологических установок и эмансипативных ценностей

Одним из ключевых понятий и предметом исследования в настоящей работе выступают экологические установки. Чтобы обозначить содержание, вкладываемое в соответствующий термин далее по тексту, обратимся сначала к родовому определению понятия «установки». Так, для М. Рокича социальные установки — это «относительно устойчивая во времени система взглядов, представлений об объекте или ситуации, приводящая к определенной реакции» (Rokeach, 1968). У Д. Майерса установки трактуются как «убеждения и чувства, возникающие в связи с каким-нибудь человеком или событием, и, как следствие, готовность вести себя определенным образом, т. е. взятые вместе благоприятные или неблагоприятные оценочные реакции на что-либо, независимо от того, в какой форме они выражены (в форме убеждений, чувств или готовности к действиям)» (Майерс, 2002: 119).

Что касается собственно экологических установок, то большинство исследователей не дают конкретных дефиниций этому понятию. В таком случае можно обратить внимание на операционализацию, используемую для его измерения. В исследовании К. Раннинга (2012) экологические установки измеряются с помо-

стью двух вопросов: о мнении респондента насчет серьезности проблемы глобального потепления и о мнении насчет того, что должно быть в приоритете — защита окружающей среды или экономический рост. В статье М. Арбакл и Д. Коницки (2015) экологические установки также имеют два измерения, схожие с предыдущим исследованием: мнение респондентов о необходимости действий для решения проблемы изменения климата, а также уже упомянутый вопрос о том, что важнее — защита окружающей среды или создание новых рабочих мест и экономический рост. В работе Р. Дуарте, Дж. Эскарриоб и М. Санаг (2017) экологические установки фиксировались с помощью индекса, отражавшего среднюю степень согласия с утверждениями относительно загрязнения атмосферы, нерационального использования энергии, необходимости платить за защиту окружающей среды, улучшении законодательства в этой области и т. д. М. Барнетт, В. Арчулента и К. Канту (2019) для измерения экологических установок применили шкалу, включавшую три компонента: озабоченность экологической ситуацией, отрицание экологических проблем и отношение к охране окружающей среды.

Исходя из процитированных общих определений, установки представляют собой специфическую систему взглядов и убеждений, формирующую готовность вести себя некоторым предсказуемым образом, реагируя на изменение внешних обстоятельств. Приведенные выше операционализации экологических установок из опубликованных ранее исследований объединяет то, что все они включают два основных элемента: (1) отношение (например, мнение о серьезности) к проблемам соответствующего толка, таким как глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, нерациональное использование энергии и др., а также (2) степень готовности совершать конкретные действия для решения подобных проблем, предписываемые этим отношением. Например, поддерживать перераспределение общественных ресурсов в пользу охраны природы — даже в ущерб экономическому благополучию или достижению каких-то других актуальных целей социального развития, — участвовать в политике, продвигая природоохранную повестку, или практиковать энергосберегающее поведение и другие проэкологические меры в повседневной жизни.

На основе вышесказанного остановимся на определении экологических установок как степени понимания важности экологических вопросов и готовности совершать какие-либо действия, направленные на улучшение экологической ситуации. Следует отметить, что некоторые исследователи относят последний компонент не к экологическим установкам, а к проявлениям экологического поведения, понимаемого как «любое активное реагирование на текущие экологические проблемы, которое считается экологическим со стороны лица, осуществляющего реагирование» (Elaim, Тгор, 2012: 2212). Однако декларируемая готовность — это не само действие, а лишь намерение его осуществить, поэтому далее рассматривается именно как вариант экологических установок.

Вторым ключевым понятием в данном исследовании являются эмансипативные ценности, определяемые Вельцелем как «образ мышления, возникающий

по мере расширения прав и возможностей человека» (Welzel, 2013: 25). Иначе говоря, это ценности, в которых основной упор делается на свободу выбора и равенство возможностей (Welzel, 2013: 67). В содержательном смысле эмансипативные ценности являются развитием концепций ценностей самовыражения и постматериализма, предложенных Рональдом Инглхартом в рамках разработанной им версии теории модернизации (Inglehart, 1971, 1977, 1990, 1997). Как утверждает Вельцель, модель эмансипативных ценностей лучше обоснована теоретически, а также имеет более высокую измерительную валидность по сравнению с ранними ценностными конструктами в соответствующей традиции (Welzel, 2013: 25).

Эмпирические исследования установок по отношению к окружающей среде

Существует ряд современных количественных исследований, посвященных экологическим установкам (Arbuckle, Konisky, 2015; Barnette, Archuleta, Cantu, 2019) и экологическому поведению (Franzen, Meyer, 2010; Franzen, Vogl, 2012; Pisano, Lubell, 2017; Hannibal et al., 2016). В некоторых из этих работ изучаются связи между различными индивидуальными признаками, такими как социально-демографические атрибуты, религиозность и т. д., и отношением к окружающей среде (Franzen, Meyer, 2010; Arbuckle, Konisky, 2015; Leary et al., 2016; Felix et al., 2018; Barnette, Archuleta, Cantu, 2019). Другие же сосредоточены на изучении роли характеристик страны проживания (например, уровень экономического развития, состояние окружающей среды, интеграция в международное экологическое сообщество) (Franzen, Vogl, 2012; Knight, Messer, 2012).

Рассмотрим наиболее популярные предикторы экологических установок. Прежде всего стоит отметить социально-демографические факторы. Так, женщины в среднем более обеспокоены состоянием окружающей среды, чем мужчины (Franzen, Meyer, 2010; Pisano, Lubell, 2017; Sáncheza et al., 2015; Hannibal et al., 2016). Возраст тоже часто используется в качестве возможного предиктора экологических установок и поведения, однако сведения о направлении эффекта этой переменной противоречивы. В некоторых опубликованных работах утверждается, что молодежь в большей степени восприимчива к проблемам экологического характера (Franzen, Meyer, 2010; Hannibal et al., 2016; Newman, Fernandes, 2016), в то время как согласно другим соответствующими вопросам, напротив, чаще озабочены пожилые (Sáncheza et al., 2015; Pisano, Lubell, 2017). В единственном известном нам количественном исследовании на российском материале возраст оказался незначимым фактором отношения к окружающей среде, хотя доля молодых людей среди экологов все же была выше (Гергер, Гергер, 2018).

Еще одной важной индивидуальной характеристикой является уровень образования. В большинстве исследований этот показатель положительно связан с обеспокоенностью экологической проблематикой (Franzen, Meyer, 2010; Sáncheza et al., 2015; Hannibal et al., 2016; Newman, Fernandes, 2016), однако следует отметить,

что не все работы показывают значимую корреляцию между данными факторами (Pisano, Lubell, 2017; Гегер, Гегер, 2018). Как и в случае с образованием, ряд исследований сообщает, что уровень дохода положительно связан с отношением к окружающей среде (Franzen, Meyer, 2010; Shao et al., 2018), тогда как в других его эффект не обнаруживается (Pisano, Lubell, 2017; Гегер, Гегер, 2018).

Помимо объективных предикторов экологических установок в некоторых работах в анализ включались и субъективные, например, ценностные ориентации — хотя последние все же довольно редко рассматриваются как фактор отношения к окружающей среде. Тем не менее в работе Раннинга (2012) была выявлена слабая положительная корреляция между приверженностью постматериалистическим ценностям (которые являются теоретическим «предшественником» эмансипативных ценностей) и восприятием глобального потепления как серьезной проблемы. В исследовании С. Гегер и А. Гегера (2018), которые на материалах Всемирного исследования ценностей (а именно шестой волны проекта) изучали детерминанты экоактивизма в России, также было установлено, что приверженность постматериалистическим ценностям является значимым положительным предиктором проэкологических взглядов.

Среди других факторов отношения к окружающей среде, упоминаемых в литературе, можно отметить политические взгляды (Running, 2012; Sánchez et al., 2015; Barnett et al., 2019), религиозность (Arbuckle, Konisky, 2015; Leary et al., 2016; Felix et al., 2018) и размер населенного пункта, в котором проживает индивид (Pisano, Lubell, 2017; Гегер, Гегер, 2018). Люди с более «левыми» политическими взглядами в большей степени озабочены экологическими проблемами; что касается религиозности и размера населенного пункта, то здесь имеются противоречивые свидетельства: одни авторы сообщают о наличии положительной связи этих показателей с проэкологической позицией (Felix et al., 2018; Pisano, Lubell, 2017), а другие — об отрицательной (Arbuckle, Konisky, 2015; Leary et al., 2016; Pisano, Lubell, 2017).

Резюмируя, подчеркнем, что лишь немногие из предыдущих эмпирических исследований детерминантов проэкологических взглядов и/или поведения изучали этот вопрос с использованием комбинированной перспективы, включающей предикторы как микро- (индивидуального), так и макроуровня (странового) (Franzen, Meyer, 2010; Franzen, Vogl, 2012; Running, 2012; Pisano, Lubell, 2017). Также большинство работ по теме, выполненных с использованием количественной методологии, характеризуются значительной атеоретичностью: как правило, набор используемых в статистическом анализе независимых переменных основывается на уже опубликованных ранее результатах других авторов, а не выводится из целостной концептуальной модели, предлагающей полноценное описание роли разнородных факторов в формировании отношения к вопросам защиты окружающей среды. Кроме того, явно недостаточное внимание уделялось субъективным предикторам экологических установок, в первую очередь — ценностным ориентациям. Наконец, в существующих исследованиях в основном не использовались большие кросс-культурные выборки, позволяющие сделать широкие обобщения

о детерминантах озабоченности экологической проблематики в сравнительной перспективе. Вместо этого рассматривались единичные страны либо небольшое количество стран из конкретных регионов (практически всегда — богатые и развитые государства Запада), что довольно сильно ограничивает возможности генерализации полученных результатов.

Теория эволюционной модернизации и гипотезы исследования

Несмотря на упомянутую выше проблему атеоретичности, в литературе о детерминантах проэкологических взглядов встречаются попытки поместить целевую установку в более широкий теоретический контекст, для чего привлекаются такие концептуальные модели, как теория запланированного поведения И. Айзена, теория «ценности — убеждения — нормы» П. Штерна или теоретико-нормативная концепция Ш. Шварца. Однако все эти теории являются в первую очередь психологическими, в силу чего уделяют мало внимания роли социетальных факторов. Кроме того, они предлагают довольно общие и абстрактные модели формирования индивидуальных нормативных представлений и не рассматривают подробно именно отношение к окружающей среде. Поэтому наиболее релевантной целям настоящего исследования теоретической традицией представляется эволюционная теория модернизации, разработанная Р. Инглхартом и К. Вельцелем (Inglehart, 1990, 1997; Inglehart, Welzel, 2005; Welzel, 2013).

Согласно этой теории, по мере роста уровня экономического благосостояния происходит фундаментальный сдвиг в плане преобладающих в обществе ценностных ориентаций. Это проявляется в первую очередь в том, что фокус мышления смещается с вопросов обеспечения базовых потребностей в минимальном уровне достатка и физической безопасности (которые в рамках *материалистической* ценностной иерархии стоят выше самовыражения и других потребностей высокого порядка) на вопросы расширения своих прав и возможностей (находящие свое выражение в *постматериалистических*, или *эмансипативных*, ценностях). В рамках этого процесса жизненные приоритеты как отдельных людей, так и целых обществ сдвигаются в сторону повышения качества жизни, одним из основных аспектов чего является создание благоприятной природной среды (Welzel, 2013: 391). Соответственно, можно предположить, что и на индивидуальном, и на страновом уровне выраженность эмансипативных ценностных ориентаций должна быть положительно связана с выраженностью проэкологических установок.

Н1. Чем в большей степени индивид разделяет эмансипативные ценности, тем более проэкологические взгляды он демонстрирует.

Н2. Средний уровень приверженности эмансипативным ценностям в стране положительно коррелирует со средним уровнем поддержки проэкологических позиций.

Одним из основных допущений эволюционной теории модернизации является тезис о стабильности ценностных ориентаций: ценности вырабатываются в ранний (так называемый *формативный*) период жизни и после достижения совершеннолетия

остаются более-менее стабильными на протяжении всей жизни. Другими словами, если человек растет в тяжелых условиях (высокий уровень насилия, недостаток базовых ресурсов), скорее всего, он будет придерживаться материалистического мировоззрения до самой смерти. Так как после Второй мировой войны мир в основном экономически развивался, а вооруженные конфликты случались относительно редко (по сравнению с более ранними эпохами) и имели ограниченный территориальный характер, в большинстве стран мира новые поколения в среднем росли в более благоприятных условиях (Инглхарт, Вельцель, 2011: 19, 156). Это позволяет предположить, что младшие когорты с большей вероятностью будут разделять постматериалистические/эмансипативные ценностные ориентации. Кроме того, благодаря существенному прогрессу науки за последние десятилетия, молодым людям в процессе получения образования становятся доступны новые сведения о состоянии окружающей среды, которые не были усвоены предыдущими поколениями и которые могут дополнительно стимулировать озабоченность экологическими вопросами.

Н3. Выраженность проэкологических взглядов отрицательно связана с возрастом.

Еще одна важная детерминанта экологических установок — это уровень образования. Как отмечают Инглхарт и Вельцель (2011: 320), «люди, сумевшие получить высшее образование, росли в условиях большей жизненной защищенности, чем основная масса населения». Образование также является одним из важнейших «ресурсов действия» — Вельцель под этим термином подразумевает инструменты, навыки и возможности, которые позволяют людям достигать желаемых целей (Welzel, 2013: 133). Если точнее, образование предоставляет интеллектуальный ресурс действия, каковой, по мнению Вельцеля, способствует развитию эмансипативных ориентаций даже в большей степени, чем материальные ресурсы (Welzel, 2013: 9). Кроме того, образованность предполагает больший уровень осведомленности о различных актуальных социальных проблемах и вызовах, к которым, несомненно, относятся и вопросы защиты окружающей среды.

Н4. Выраженность проэкологических взглядов положительно связана с уровнем образования.

Хотя эволюционная теория модернизации делает особый акцент на интеллектуальных ресурсах действия, материальные условия тоже важны. Еще в ранней версии этой теории постулировалась гипотеза экономического изобилия, предполагающая прямую связь между индивидуальным экономическим благополучием и заботой об окружающей среде. По утверждению Инглхарта и Вельцеля, «жизненная защищенность повышает способность к сопереживанию и усиливает осознание угроз долгосрочного порядка» (Инглхарт, Вельцель, 2011: 57). Другими словами, чем больше объем располагаемых материальных ресурсов (индивидуальных доходов для отдельных людей и ВВП для стран), тем сильнее должны быть выражены проэкологические установки. При этом в логике Инглхарта и Вельцеля благосостояние на макроуровне влияет на экологические установки не напрямую, а через повышение распространенности эмансипативных ценностей. Таким обра-

зом, отдельная гипотеза о связи экономического развития и распространенностью проэкологических взглядов в обществе не имеет особого смысла. Однако на индивидуальном уровне материальный достаток может влиять на отношение к вопросам защиты окружающей среды как посредством стимулирования эмансипативных ориентаций, так и через другие каналы, например, за счет предоставления дополнительных ресурсов для получения объективной информации об экологической ситуации, а также для осуществления конкретных действий проэкологической направленности (что может иметь реципрокный эффект по отношению к намерению действовать, которое, как отмечено выше, рассматривается нами как один из вариантов установок). Поэтому представляется обоснованным выделить доход как отдельный предиктор экологических установок на этом уровне анализа.

Н5. Чем выше уровень дохода индивида, тем более проэкологические взгляды он демонстрирует.

Наконец, эволюционная теория модернизации предсказывает такой комплексный феномен, как межуровневое взаимодействие индивидуальных и страновых ценностных ориентаций. Указанный эффект проявляется следующим образом: корреляция между приверженностью эмансипативным ценностям и другими типами установок на индивидуальном уровне оказывается выше в странах, где эти ценности распространены в большей степени. Такое взаимодействие можно рассматривать как частный вариант более общего эффекта социально одобряемого поведения (или социальной желательности): когда какой-то тип установок, связанный с эмансипативным мировоззрением, становится нормой, отклонение вызывает разнообразные санкции, призванные поддержать статус-кво (экстремальным вариантом чего выступают случаи так называемой «отмены» известных личностей, озвучивших мнения, противоречащие мейнстриму). Вопросы окружающей среды сегодня во многих странах являются одними из центральных в публичной сфере, о чем свидетельствуют в том числе разнообразные экологические акции прямого действия на грани (а иногда и за гранью) дозволенного законом, например, частые в последнее время нападения на произведения изобразительного искусства. В этом смысле есть основания полагать, что взаимодействие между индивидуальными ценностями и преобладающими ценностями на уровне страны должно наличествовать и в случае экологических установок.

Н6. Чем выше средний уровень приверженности эмансипативным ценностям в стране, тем сильнее связь между приверженностью эмансипативным ценностям и выраженностью проэкологических взглядов на индивидуальном уровне.

На текущий момент единственную масштабную попытку эмпирической проверки эволюционной теории модернизации в контексте экологической проблематики предпринял сам ее автор, К. Вельцель. В книге «Восхождение свободы» он показал, что эмансипативные ценности сильнее коррелируют с экологическим активизмом на страновом уровне — хотя и на индивидуальном соответствующая связь статистически значима, как и межуровневое взаимодействие (Welzel, 2013: 386-390). При этом на индивидуальном уровне ценности являются более сильным предиктором

активизма, чем не только образование, но и степень обеспокоенности экологическими проблемами. В свою очередь, на страновом уровне распространение эмансипативных ценностей положительно связано с объективным индексом качества окружающей среды (даже при учете уровня технологического развития, которое само по себе негативно воздействует на природу; Welzel, 2013: 381).

Вельцель использовал данные пятой волны Всемирного исследования ценностей, которые собирались в 2005–2009 годах (его статистическая модель основана на выборке по 40 странам общим размером 42 505 респондентов), и фокусировался в первую очередь на активизме — то есть поведении, а не установках¹. Последнее (а именно индекс озабоченности экологическими проблемами) он рассматривал лишь в качестве одного из предикторов поведения, чей эффект усиливается («амплифицируется») ценностями. Наконец, он не уделил достаточно внимания роли социально-экономических переменных (которые были включены в модель исключительно в качестве контрольных).

В настоящем исследовании мы перепроверяем результаты Вельцеля на новых данных, которые имеют меньшее географическое покрытие (учитываются только европейские государства), но внутри выбранного региона включают гораздо больше стран и респондентов. Мы также концентрируемся на связи ценностей и экологических установок (которые являются важнейшим пререквизитом реальных проэкологических поступков), что позволяет лучше понять промежуточные этапы механизма, транслирующего социальную модернизацию и вызванный ею ценностный сдвиг в изменение доминирующих в социуме паттернов отношения к вопросам защиты окружающей среды. В то же время мы рассматриваем и дополнительные варианты подобной «трансмиссии», происходящие «в обход» собственно ценностных ориентаций — через поколенческие эффекты, доход и образование. При этом наша исследовательская стратегия позволяет преодолеть обозначенные выше ограничения большинства предыдущих работ по теме — акцент на процессах либо только индивидуального, либо только странового уровня (но не в комбинации), атеоретичность и ограниченный пространственный фокус.

Данные

Эмпирической основой настоящего исследования выступают материалы пятой волны² Европейского исследования ценностей (далее — ЕИЦ) по следующим 30

1. Его индекс экологического активизма включал не только поведенческие индикаторы, но и мнение респондента о том, что должно быть в приоритете — защита природы или экономический рост. С другой стороны, первый компонент основывался исключительно на косвенных показателях, отражавших общую склонность участвовать в политике в разных формах — от подписания петиций до вовлеченности в протесты (безотносительно экологической проблематики).

2. Строго говоря, в пятой волне ЕИЦ приняли участие 36 стран, однако в большинстве стран полевой этап проходил в 2017 или 2018 году, тогда как в Боснии и Герцеговине, Латвии, Португалии, Северной Македонии, Украине и Черногории данные собирались в 2019–2021 годы и еще не были доступны на момент начала работы над этой рукописью. Также необходимо отметить, что внешние обстоя-

странам: Австрия, Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Венгрия, Германия, Дания, Великобритания, Грузия, Исландия, Испания, Италия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония. Сбор данных проводился методом личных интервью³ с респондентами старше 18 лет, постоянно проживающими в соответствующей стране и отобранными по вероятностной и репрезентативной выборке (N = 56 368; размер национальных выборок варьируется от 1076 в Словении до 5407 в Германии).

Зависимые переменные

Индивидуальные экологические установки измеряются с помощью индекса, сконструированного на основе нескольких утверждений из анкеты, согласие с которыми респонденты могли оценить по шкале от 1 до 5 (где 1 означает «абсолютно согласен», а 5 — «абсолютно не согласен»):

- 1) (код переменной — v200) «Для кого-то вроде меня слишком сложно делать много для защиты окружающей среды»;
- 2) (v201) «Есть более важные дела в жизни, чем защита окружающей среды»;
- 3) (v202) «Я не вижу смысла делать что-то для защиты окружающей среды, если другие не делают то же самое»;
- 4) (v203) «Многие экологические проблемы преувеличены»⁴.

Все эти переменные положительно коррелируют между собой (попарные коэффициенты корреляции по Пирсону варьируют от 0,32 до 0,45). Анализ их ковариационной матрицы с помощью метода главных компонент показал наличие единственной компоненты с собственным значением больше единицы (2,9), которая объясняет 55% общей дисперсии индикаторов.

Согласно результатам подтверждающего факторного анализа (КФА), предположение о том, что эти четыре переменных могут быть представлены как функ-

тельства со временем менялись (особенно после начала пандемии COVID-19), поэтому — в первую очередь в целях обеспечения контекстуальной сравнимости — было принято решение ограничить используемую выборку странами, в которых сбор данных проводился в 2017–2018 годах (единственное исключение — Италия, где полевой этап немного «зацепил» 2019 год: с 24.09.2018 до 30.01.2019). Более подробная информация доступна по следующей ссылке: <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/full-release-evs2017/participating-countries-and-country-information-survey-2017/> (дата обращения: 19.12.2023).

3. В зависимости от страны использовалась либо бумажная анкета (РАPI), либо планшет (САPI). В некоторых странах анкеты также рассылались по почте либо была возможность пройти опрос онлайн (САWI). Более подробная информация доступна по следующей ссылке: <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/full-release-evs2017/participating-countries-and-country-information-survey-2017/> (дата обращения: 19.12.2023).

4. Исходные англоязычные формулировки:

- 1) *It is just too difficult for someone like me to do much about the environment (v200);*
- 2) *There are more important things to do in life than protect the environment (v201);*
- 3) *There is no point in doing what I can for the environment unless others do the same (v202);*
- 4) *Many of the claims about environmental threats are exaggerated (v203).*

ции от одного ненаблюдаемого признака, вполне согласуется с данными. Значения большинства основных показателей глобального качества однофакторной модели (за исключением RMSEA) попадают в диапазоны, считающиеся приемлемыми в современной методологической литературе (Brown, 2015; Kline, 2016): CFI = 0,984 ($> 0,95$), TLI = 0,951 ($> 0,95$), RMSEA = 0,120 (90% ДИ: 0,115–0,125; $> 0,08$), SRMR = 0,028 ($< 0,08$). Анализ локальных мисспецификаций (Sarlis, Satorra, van de Veld, 2009) выявил несколько стандартизированных остаточных ковариаций, незначительно превышающих $|0,1|$ (самая большая — 0,152 — между v_{200} и v_{202}), однако все факторные нагрузки имеют одинаковый знак, являются статистически значимыми, превышают (после стандартизации) 0,6 и в целом хорошо сбалансированы: разброс между индикаторами не превышает 0,11 (0,642 для v_{200} ; 0,652 для v_{201} ; 0,749 для v_{202} ; 0,649 для v_{203}). Наконец, коэффициент $\omega = 0,741$, что также свидетельствует о достаточно высоком уровне надежности соответствующей шкалы.

Было принято решение не добавлять дополнительные параметры (позволяющие немного улучшить глобальное качество, но вместе с тем ухудшающие интерпретируемость и снижающие внутреннюю согласованность) и построить индекс проэкологических установок на основе базовой спецификации описанной выше КФА-модели. Для этого индивидуальные значения переменных были умножены на их стандартизованные факторные нагрузки (чтобы учесть неравномерный вклад отдельных индикаторов в измерение целевого конструкта) и затем усреднены. После приведения к нормальному распределению со средним 0 и стандартным отклонением 1 значения получившегося индекса варьируют от $-2,71$ до $2,58$ — чем выше балл, тем в большей степени респондент озабочен экологическими проблемами.

Независимые и контрольные переменные

Индивидуальная приверженность эмансипативным ценностям измеряется по методике, предложенной автором этого понятия, К. Вельцелем, а именно с помощью т.н. индекса эмансипативных ценностей (ИЭЦ). В оригинальном виде ИЭЦ (Welzel, 2013: 66–67; Вельцель, 2018: 93–94) состоит из четырех элементов: «личная автономия», «репродуктивный выбор», «гендерное равенство» и «голос народа». В этом исследовании, однако, используется сокращенная версия ИЭЦ, которая включает только второй и третий из этих компонентов: два других представляются проблематичными с точки зрения надежности измерения в сравнительной перспективе (Aleman, Woods, 2016; Sokolov, 2018).

Отношение к проблематике репродуктивного выбора отражено с помощью трех вопросов о том, насколько допустимыми респондент считает такие действия, как гомосексуальность, аборт и развод по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что соответствующее действие «никогда не может быть оправдано», а 10 — «всегда может быть оправдано». Отношение к гендерному равенству — с помощью вопросов о степени согласия/несогласия со следующими тремя утверждениями: 1) «Высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки» (по шкале от 1 до 4, где 1 озна-

чает «полностью согласен», а 4 — «категорически не согласен»; 2) «Когда рабочих мест недостаточно, мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины» (по шкале от 1 до 5); 3) «В целом, мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины» (по шкале от 1 до 4).

Все эти переменные были приведены к шкале 0–1, где 0 соответствует наиболее антиэмансипативной позиции, а 1 — наиболее проэмансипативной, и затем объединены в композитный индекс путем расчета арифметического среднего по всем шести показателям. После стандартизации значения индекса варьируют от –2,52 до 1,45. Разброс среднестрановых значений (отражающих распространенность эмансипативных ориентаций в конкретном обществе) — от –1,27 в Армении до 0,96 в Швеции.

Другие теоретически релевантные предикторы индивидуального уровня — это возраст, уровень образования (8 упорядоченных категорий: от отсутствия начального образования до научной степени; в анализе ниже используется как псевдоинтервальная переменная) и доходная группа (дециль распределения чистого дохода домохозяйства). В качестве контрольных переменных выступают пол респондента, политические установки (оценка респондентом своих политических взглядов по шкале от 1 — «крайне левые», до 10 — «крайне правые»), религиозность (два индикатора: верит респондент в бога или нет, а также частота посещения религиозных служб по шкале от 1 — «никогда», до 7 — «чаще раза в неделю»), логарифм уровня ВВП в стране на душу населения в долларах США по данным Всемирного банка за 2018 год (т. е. на момент проведения полевых работ в рамках соответствующей волны EVS)⁵ и значение индекса климатического риска за 2018 год (*Global Climate Risk Index*: Eckstein et al., 2019).

Регрессионное моделирование

Для формальной статистической проверки выдвинутых гипотез используется многоуровневая регрессионная модель (Steenbergen, Jones, 2002; Oshchepkov, Shirokanova, 2022), в которой первый уровень отражает индивидуальную вариацию в проэкологических установках, а второй уровень — межстрановую. В общем виде эта модель может быть представлена в виде системы взаимосвязанных уравнений, включающей одно уравнение первого уровня: (1) $Y_{ij} = \beta_{0j} + \beta_{1j}X_{ij} + \varepsilon_{ij}$ — и два уравнения второго уровня: (2) $\beta_{0j} = \gamma_{00} + \gamma_{01}Z_j + \eta_{0j}$, (3) $\beta_{1j} = \gamma_{10} + \gamma_{11}Z_j + \eta_{1j}$.

В этих уравнениях нижний индекс i относится к наблюдениям, а j — к странам. Y_{ij} — это значение зависимой переменной для наблюдения i в стране j , β_{0j} — группоспецифичная константа (свободный член) в стране j ; X_{ij} — предиктор индивидуального уровня (или множество таких предикторов); β_{1j} — группоспецифичный регрессионный коэффициент/наклон для X в стране j ; ε_{ij} — ошибка модели для респондента i в стране j ; γ_{00} — общевыборочная константа (англ. *grand intercept*); γ_{01} — регрессионный эффект(-ы) предиктора(-ов) странового уровня Z_j ; η_{0j} — от-

5. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.CD&country=> (дата обращения: 27.12.2023)

клонение группоспецифичной константы от общевыборочной для страны j ; γ_{10} — ожидаемое общевыборочное значение эффекта X с учетом воздействия Z (англ. *grand slope*); γ_{11} — регрессионный коэффициент, отражающий взаимодействие предикторов индивидуального и странового уровня; η_{1j} — отклонение группоспецифичного наклона для страны j (Волченко, Широканова, 2016: 14-15). Основными допущениями используемой модели являются следующие: $\eta_{0j} \sim N(0, \tau_{00})$, $\eta_{1j} \sim N(0, \tau_{11})$, $\varepsilon_{ij} \sim N(0, \sigma^2)$. Также предполагается, что η_{0j} и η_{1j} не коррелируют с ε_{ij} .

Выбор многоуровневого моделирования обоснован тем, что в фокусе данного исследования находится не только связь проэкологических установок и ценностных ориентаций на индивидуальном уровне, но и ее изменчивость в зависимости от контекста, а также то, как распространенность эмансипативных ценностей в обществе в целом влияет на экологические установки отдельных его жителей. Более того, описанная модель позволяет проверить предположение о наличии *межуровневых эффектов* за счет включения взаимодействия (а именно коэффициента γ_{11}) между индивидуальными ценностными ориентациями и среднестрановыми значениями ИЭЦ (Steenbergen, Jones, 2002: 219). Наконец, нулевая модель (спецификация, в которой единственным предиктором выступает группирующая переменная; в этом случае — страна) показывает, что внутриклассовый коэффициент корреляции (*Intra-class Correlation Coefficient* — *ICC*) для индекса проэкологических установок равен 0,128. Другими словами, почти 13% общей дисперсии этой переменной объясняется межстрановыми различиями. При этом считается, что значения *ICC*, превышающие 5%, являются достаточным основанием для применения многоуровневого подхода вместо обычной линейной регрессии (Gelman, Hill, 2006: 449).

Вместе с тем следует отметить, что размер выборки на страновом уровне является небольшим — всего 30 наблюдений. В силу этого не представляется возможным включить в модель группоспецифичные наклоны для каждого предиктора индивидуального уровня (т.к. оценки соответствующих параметров могут оказаться смещенными из-за недостаточного для получения надежных результатов числа стран, а также возможны проблемы со сходимостью модели) (Волченко, Широканова, 2016: 25). Так как основным предиктором экологических установок в теории модернизации являются ценности, группоспецифичные наклоны используются только для ИЭЦ (их добавление в модель улучшает ее качество — согласно как информационным критериям AIC/BIC, так и формальному тесту на отношение правдоподобий).

Все предикторы индивидуального уровня были стандартизированы по общевыборочному среднему и дисперсии, а затем дополнительно центрированы по страновым средним. Все предикторы странового уровня также были стандартизированы (в том числе центрированы по общевыборочным средним). Другими словами, регрессионные коэффициенты для первой категории в таблице 1 ниже показывают ожидаемое изменение в значении зависимой переменной при увеличении значения соответствующего индивидуального предиктора на одно стандартное отклонение относительно его среднего значения в стране; для второй категории — при увеличении соответствующего странового предиктора на одно

стандартное отклонение по сравнению с общевыборочным средним (*grand mean*) (Bell et al., 2021; Antonakis et al., 2021).

Для оценки модели используется метод ограниченного максимального правдоподобия (*restricted maximum likelihood* — REML) и библиотека `{lme4}` (версия 1.1-33) (Bates et al., 2015), реализованная в языке программирования R (версия 4.3.1) (R Core Team, 2023). Данные пятой волны ЕИЦ публично доступны на сайте организации⁶; код, необходимый для воспроизведения всех описываемых в тексте результатов, может быть предоставлен по запросу.

Результаты

На рисунке 1 представлена диаграмма рассеяния, показывающая совместное распределение средних значений индекса экологических установок и ИЭЦ по странам — участницам пятой волны ЕИЦ. Она отчетливо демонстрирует, что указанные переменные положительно и к тому же очень сильно связаны: соответствующий коэффициент корреляции по Пирсону равен 0,86 ($p < 0,001$). Этот результат очевидным образом свидетельствует в пользу гипотезы H₂.

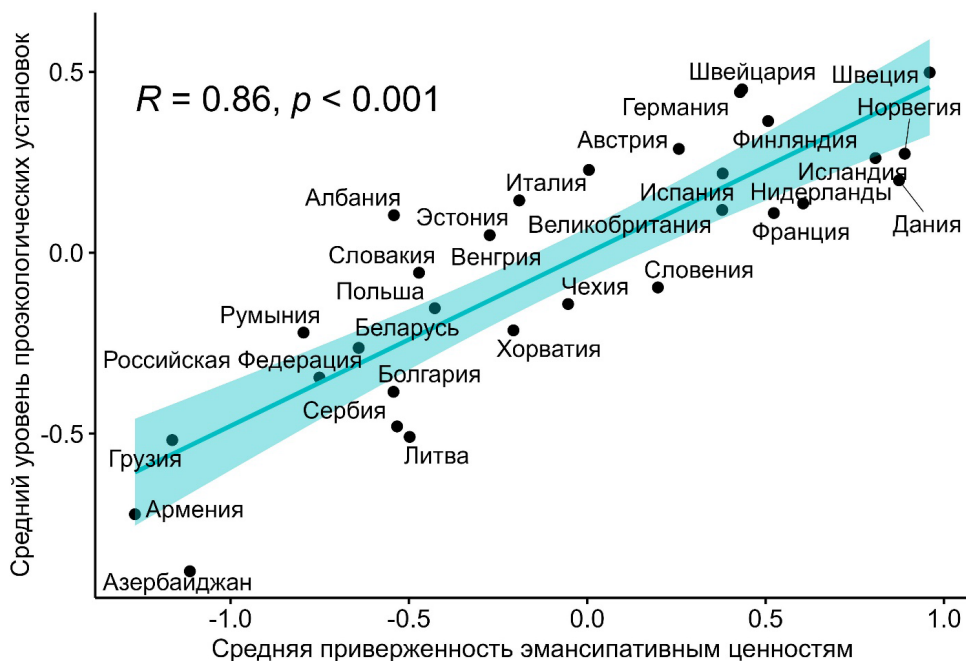

Рисунок 1. Совместное распределение средних значений стандартизованного индекса экологических установок и стандартизованной приверженности эмансипативным ценностям по 30 странам — участницам пятой волны ЕИЦ

6. <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/full-release-evs2017/> (дата доступа: 16.01.2024)

В таблице 1 представлены оценки параметров целевой многоуровневой модели (без учета контрольных переменных — как индивидуального, так и странового уровня — за исключением пола)⁷. Условный R^2 (доля дисперсии, объясняемая как фиксированными, так и группоспецифичными эффектами) для этой модели равен 0,24 — т. е. она описывает примерно четверть вариации индивидуальных экологических установок в используемой выборке. Как и предполагает гипотеза H_1 , коэффициент для ИЭЦ является статистически значимым: увеличение уровня индивидуальной поддержки эмансипативных ценностей на одно стандартное отклонение от среднего уровня в конкретной стране повышает индекс проэкологических установок почти на треть стандартного отклонения ($\beta = 0,30$; 95% ДИ: 0,27–0,32)⁸. Эффект ценностей на социетальном уровне также значимый и положительный ($\beta = 0,49$; 95% ДИ: 0,38–0,59), что дополнительно подтверждает гипотезу H_2 .

Таблица 1. Оценки параметров многоуровневой линейной регрессионной модели с индексом экологических установок в качестве зависимой переменной

Фиксированные эффекты			
<i>Предиктор</i>	<i>Оценка коэффициента</i>	<i>Доверительный интервал (95%)</i>	<i>Уровень значимости</i>
(Константа)	-0,12	-0,19–0,05	< 0,001***
Приверженность эмансипативным ценностям	0,30	0,27–0,33	< 0,001***
Средняя приверженность эмансипативным ценностям в стране	0,49	0,38–0,59	< 0,001***

7. При включении дополнительных контрольных переменных индивидуального уровня (помимо пола) размер выборки сильно сокращается (до 38 209 наблюдений — более чем на 15%). В свою очередь, на страновом уровне наблюдается значительная коллинеарность предикторов: в модели, одновременно включающей среднюю приверженность эмансипативным ценностям и логарифм уровня ВВП, фактор инфляции дисперсии для первой переменной равен 10,29, а для второй — 10,10, что существенно больше часто встречающихся в литературе рекомендованных критических значений 4 или 5. Результаты, полученные в моделях с учетом контролей, вкратце обсуждаются в конце раздела — в общем и целом они похожи на результаты для базовой спецификации.

8. Так как в модель включено межуровневое взаимодействие, коэффициент при индивидуальной приверженности эмансипативным ценностям показывает условный эффект в том случае, когда распространенность эмансипативных ценностей в стране равна выборочному среднему (т.к. проводилось центрирование). Аналогичным образом для эффектов страновой распространенности эмансипативных ценностей показывается эффект для случая, когда индивидуальные ценности равны среднему по выборке.

Приверженность эмансипативным ценностям*	0,14	0,09–0,18	< 0,001***
Средняя приверженность эмансипативным ценностям в стране			
Пол [Женский]	0,12	0,10–0,14	< 0,001***
Возраст	-0,02	-0,03–0,01	< 0,001***
Уровень образования	0,11	0,10–0,12	< 0,001***
Уровень дохода	0,06	0,05–0,07	< 0,001***
Группоспецифичные эффекты			
σ^2		0,76	
τ_{00}		0,03	
τ_{11}		0,00	
ρ_{01}		0,24	
Общие характеристики модели			
ICC		0,05	
N стран		30	
N наблюдений		45 539	
Фиксированный R ² / Условный R ²		0,202/0,240	

Примечание: σ^2 — остаточная дисперсия первого уровня; τ_{00} — дисперсия группоспецифических свободных членов (констант); τ_{11} — дисперсия группоспецифических коэффициентов (наклонов) для (индивидуальной) приверженности эмансипативным ценностям; ρ_{01} — корреляция группоспецифических констант и группоспецифических наклонов; ICC — внутриклассовый коэффициент корреляции.

Значение ICC в модели с предикторами отличается от аналогичного значения в нулевой модели, т.к. за счет добавления предикторов странового уровня уменьшается доля необъясненной дисперсии на соответствующем уровне.

Фиксированный (англ. *marginal*) R² показывает долю дисперсии, объясняемой независимыми переменными; условный (англ. *conditional*) R² дополнительно учитывает дисперсию, объясняемую межстрановыми различиями.

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

Следует отметить, что величина эффекта индивидуальных ценностей значимо варьирует между странами; впрочем, он везде остается положительным и статистически значимым. Группоспецифические наклоны для ИЭЦ показаны на рисунке 2. Сильнее всего данный показатель связан с экологическими установками в Грузии и Франции, а слабее — в Азербайджане, России и Литве. Как и прямые эффекты ценностей на обоих уровнях, межуровневое взаимодействие — в соответствии с гипотезой H6 — оказалось значимым и положительным ($\beta = 0,14$; 95% ДИ: 0,09–0,18). Другими словами, чем в большей степени в конкретной стране распространены эмансипативные ориентации, тем сильнее в ней проявляется связь индивидуальных ценностей и проэкологических позиций (рис. 3).

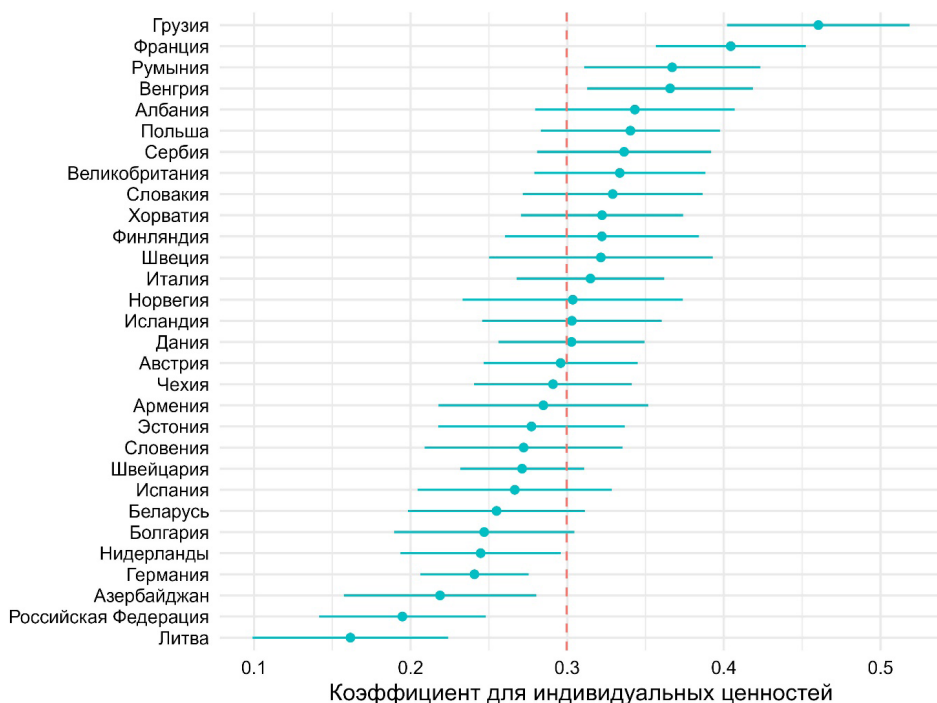

Рисунок 2. Группоспецифичные регрессионные коэффициенты индивидуальной приверженности эмансипативным ценностям для 30 стран — участниц пятой волны ЕИЦ

Примечание: голубые кружки обозначают точечные оценки группоспецифичного коэффициента для индивидуальных ценностей в каждой из 30 стран, а горизонтальные линии слева и справа от кружков — соответствующие 95-процентные доверительные интервалы. Вертикальная красная пунктирная линия показывает фиксированный (т.е. средневыборочный) эффект данного предиктора, приведенный в таблице 1 ($\beta = 0,30$).

Что касается социально-демографических предикторов, возраст связан с проэкологическими установками значимо и отрицательно ($\beta = -0,02$; 95% ДИ: $-0,03-0,01$): среди младших возрастов последние распространены в большей степени⁹. Образование ($\beta = 0,11$; 95% ДИ: $0,10-0,12$) и доход ($\beta = 0,06$; 95% ДИ: $0,05-0,07$) также влияют значимо, но положительно. Таким образом, и гипотезы Н₃, Н₄ и Н₅ подтверждаются. Наконец, среди женщин в среднем уровень распространенности проэкологических установок выше, чем среди мужчин. Обращает на себя внимание тот факт, что коэффициент для ИЭЦ в три и более раза

9. Эффект возраста может быть нелинейным: при включении в модель полином второй степени для этой переменной является статистически значимым. Дополнительный анализ показывает, что среди лиц среднего возраста (от 30 до 50) проэкологические взгляды распространены несколько в большей степени, чем среди молодежи и пожилых, однако (1) различия между указанными возрастными группами не очень велики и незначимы и (2) могут по-разному проявляться в конкретных странах. Соответствующие результаты могут быть предоставлены по запросу.

превышает коэффициенты для других предикторов индивидуального уровня (т.к. все эти переменные — кроме пола — были стандартизированы и затем центрированы по страновым средним, их коэффициенты имеют одну и ту же шкалу и потому могут сравниваться напрямую), что предполагает гораздо более сильную связь данного показателя и проэкологических установок по сравнению с другими характеристиками.

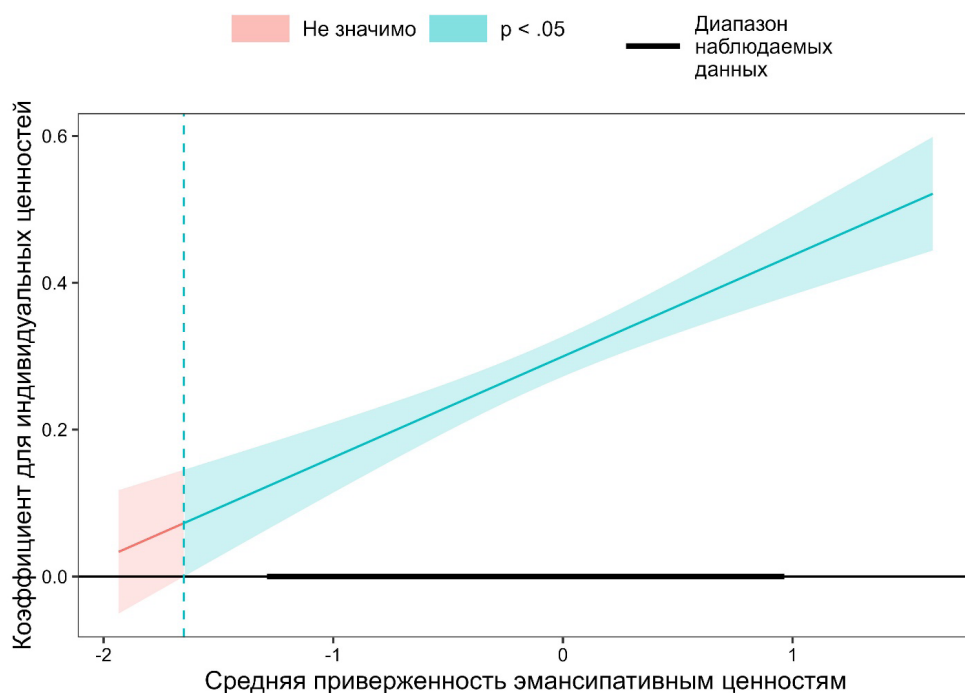

Рисунок 3. Межуровневое взаимодействие индивидуальной и среднестрановой приверженности эмансипативным ценностям

Примечание: диапазон наблюдаемых значений переменной-модератора (среднестрановое значение ИЭЦ) представлен толстой черной линией, наложенной на ось абсцисс. Диагонально ориентированная прямая линия показывает изменение величины коэффициента для индивидуальных ценностей в зависимости от значения модератора (закрашенное пространство вокруг этой прямой отображает соответствующие доверительные области). Бирюзовым цветом обозначена область, в рамках которой коэффициент для индивидуальных ценностей в многоуровневой модели является статистически значимым; розовым — область с незначимыми эффектами данной переменной.

При включении дополнительных контрольных переменных индивидуального (политические установки и два индикатора религиозности) и странового уровня (индекс климатического риска) все обнаруженные эффекты предикторов сохраняют свой знак, статистическую значимость и величину — вариация коэффициентов для основных независимых переменных между различными спецификациями

не превышает одной сотой¹⁰. При включении логарифма ВВП на душу населения средняя приверженность эмансипативным ценностям в стране становится лишь погранично значимым предиктором ($p = 0,087$). При этом величина коэффициента для ИЭЦ на страновом уровне снижается в два раза — с 0,49 до 0,25. Эффекты всех остальных теоретически релевантных факторов, влияющих на экологические установки, сохраняются.

Заключение

Наши результаты в целом подтверждают предположения, сделанные на основе эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Многоуровневый регрессионный анализ данных по 30 странам — участницам последней на данный момент (пятой) волны Европейского исследования ценностей показал, что приверженность эмансипативным ценностям действительно ассоциируется с проэкологическими взглядами — как на индивидуальном, так и на страновом уровне. Как и Вельцель, мы обнаружили, что эффект распространенности эмансипативных ценностей в обществе оказывается выше, чем эффект индивидуальных ценностей, причем существенно — более чем на 60% (0,49 против 0,30 стандартных отклонений индекса экологических установок).

Следует тем не менее отметить, что на страновом уровне коэффициент для ИЭЦ теряет значимость при учете подушевого внутреннего валового продукта. Впрочем, в соответствующей контрольной спецификации коэффициент значимости для страновых ценностей имеет пограничное значение, так что неправомерно говорить о полном исчезновении эффекта данной переменной при контроле на межстрановые различия в экономическом развитии. Скорее, сказывается недостаточная статистическая мощность модели (необходимо напомнить, что размер выборки на втором уровне — всего 30 наблюдений), усугубленная сильной мультиколлинеарностью: согласно теории эволюционной модернизации, основным фактором, способствующим распространению эмансипативных ценностей, является экономический рост — поэтому высокая корреляция среднестранового ИЭЦ и ВВП вполне предсказуема.

Межуровневое взаимодействие также оказалось значимым: чем больше средний уровень поддержки эмансипативных ориентаций в стране, тем выше в ней группоспецифичный наклон для ценностей на индивидуальном уровне. Однако даже в странах с относительно низкой распространенностью этого типа ориентаций эффект индивидуальных ценностей остается статистически значимым. Более того, в Грузии наблюдается наиболее сильный группоспецифичный эффект ИЭЦ — 0,46, что более чем в 2,5 раза выше, чем в Литве (0,16) и Российской Федерации (0,20). При этом среднее значение ИЭЦ в данной стране — второе самое низкое во всей выборке (–1,17; меньше только в Армении, где индивидуальный

10. Таблицы коэффициентов для расширенных спецификаций модели, включающих контроли индивидуального и странового уровней, могут быть предоставлены по запросу.

эффект ИЭЦ также значим). Случай Грузии отклоняется от тренда на увеличение корреляции между экологическими установками и эмансипативными ориентациями по мере роста уровня распространенности последних в стране, но это представляется тем самым исключением, которое лишь подтверждает общую закономерность. В любом случае эта закономерность является вероятностной, а не детерминистской, поэтому наличие таких «выбросов», как Грузия (и — в меньшей степени — ряд других государств), не аргумент против валидности выявленного нами (и ранее Вельцелем) феномена усиления эффекта эмансипативных ценностей по мере их распространения в обществе.

Хотя, как уже было отмечено, на индивидуальном уровне связь между ценностями и отношением к вопросам защиты окружающей среды несколько слабее, чем на страновом, ИЭЦ является самым важным предиктором выраженности проэкологических взглядов среди всех учтенных в модели характеристик респондентов. Коэффициент при указанной переменной превышает коэффициенты для пола, возраста, дохода образования (а также религиозности и положения на идеологической шкале «лево-право», которые учитывались только в качестве дополнительных контролей и не представлены в таблице 1) в три и более раза.

С другой стороны, наш анализ свидетельствует, что проэкологический настрой несколько снижается с возрастом и растет по мере увеличения уровней образования и дохода. Это вполне согласуется с постулатами эволюционной теории модернизации о наличии поколенческого компонента в индивидуальных установках, а также о роли интеллектуальных и материальных ресурсов в формировании проэкологических взглядов. Более того, соответствующий результат демонстрирует, что социально-экономическая модернизация способствует развитию бережного и внимательного отношения к природе не только за счет ценностного сдвига, но и посредством расширения доступных ресурсов действия.

Выбранная нами аналитическая стратегия, опирающаяся на влиятельную теоретическую традицию и комбинирующая перспективы макро- и микроуровня, позволяет обойти многие недостатки предыдущих работ по теме. Тем не менее она имеет ограничения, так что полученные результаты следует воспринимать (и обобщать за пределы использованной выборки, равно как и на другие индикаторы экологических установок и тем более поведения) с осторожностью.

Так, факторная модель, лежащая в основании используемого нами индекса экологических установок, не проверялась на предмет измерительной инвариантности (Руднев, 2013; Соколов, Корсунова, 2018). Кроме того, в регрессионном анализе — по соображениям поддержания вычислительной сложности и надежности модели на приемлемом уровне — учитывалась межстрановая вариация только в величине эффекта индивидуальных ценностей, но не других характеристик респондентов (возраст, образование и доход). Таким образом, остается открытым вопрос, существуют ли значительные межстрановые различия в том, как неценностные факторы, выделяемые в рамках эволюционной теории модернизации, воздействуют на отношение к проблемам окружающей среды. Достоин упоминания и тот факт,

что мы рассматривали только 30 европейских стран: в развивающихся государствах или странах, принадлежащих к другим культурным зонам на карте Инглхарта-Вельцеля (Арабский мир, Южная Азия, конфуцианские общества), ключевые предикторы экологических установок могут отличаться¹¹.

Наконец, мы не проводили полноценный каузальный анализ с помощью контрфактуальных (Седашов, 2021) или графических (Pearl, 2009) методов, поэтому не можем однозначно утверждать, что ценностные ориентации воздействуют на экологические установки причинно-следственным образом. Возможно, корреляция между этими показателями обуславливается наличием общих причин (прежде всего — доступностью ресурсов и уровнем жизни), в силу чего их стоит рассматривать скорее в терминах параллельных измерений общественного мнения, своеобразных «рельсов», по которым движение от материализма к постматериализму происходит синхронно, а не с задержкой по одному или другому (сначала меняются ценности, а следом — установки, или наоборот). Однако наличие сильной связи между ними на обоих уровнях анализа в европейском контексте является несомненным, что полностью согласуется с предсказаниями эволюционной теории модернизации и свидетельствует о ее значительном эвристическом потенциале в вопросах изучения процесса формирования проэкологических установок. Восполнение обозначенных пробелов — задача дальнейших исследований.

Литература

- Вельцель К. (2018). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
- Волченко О. В., Широконова А. А. (2016). Применение многоуровневого регрессионного моделирования к межстрановым данным (на примере генерализованного доверия) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 43. С. 7-62.
- Всемирная организация здравоохранения (2023). Информационные бюллетени. Изменение климата. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/climate-change-and-health> (дата доступа: 18.03.2024).
- Гегер С. А., Гегер А. Э. (2018). Факторы экоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. № 10. С. 65-76.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.
- Майерс Д. (2002). Социальная психология. СПб.: Прайм-Еврознак.

11. Вместе с тем расчеты Вельцеля, представленные в «Рождении свободы», учитывали и неевропейские государства, однако его результаты в основном совпадают с нашими. В свою очередь, мы делали собственный дополнительный анализ на данных седьмой волны Всемирного исследования ценностей по более чем 60 странам со всех континентов и с другими индикаторами экологических установок в качестве зависимых переменных, который тем не менее подтвердил большую часть гипотез, содержательно идентичных представленным здесь. Этот материал планируется к подаче в другой журнал в виде отдельной рукописи, однако соответствующие диаграммы и регрессионные таблицы могут быть предоставлены по запросу.

- Руднев М. Г.* (2013). Инвариантность измерения базовых ценностей по методике Шварца среди русскоязычного населения четырех стран // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 37. С. 7-38.
- Седашов Е. А.* (2021). Методы каузального анализа в современной политической науке // Политическая наука. № 1. С. 98-115.
- Снарский Я. А.* (2024). Две истории защиты шихана Куштау: этнические истоки экологической мобилизации и воспринимаемые издержки неопатримониализма в России // Полис. Политические исследования. № 3. С. 162-176.
- Соколов Б. О., Корсунова В. И.* (2018). Нестрогий байесовский подход к проверке допущения об измерительной инвариантности: иллюстрация на примере ценностей выбора // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 46. С. 7-43.
- Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М.* (2020). Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. Т. 18. № 1. С. 83-98.
- Antonakis J., Bastardo N., Rönkkö M.* (2021). On Ignoring the Random Effects Assumption in Multilevel Models: Review, Critique, and Recommendations // Organizational Research Methods. Vol. 24. № 2. P. 443-483.
- Arbuckle M. B., Konisky D. M.* (2015). The Role of Religion in Environmental Attitudes // Social Science Quarterly. Vol. 96. № 5. P. 1244-1263.
- Barnett M. D., Archuleta W. P., Cantu C.* (2019). Politics, Concern for Future Generations, and the Environment: Generativity Mediates Political Conservatism and Environmental Attitudes // Journal of Applied Social Psychology. Vol. 49. № 10. P. 647-654.
- Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S.* (2015). Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. Vol. 67. № 1. P. 1-48.
- Bell A., Jones K., Fairbrother M.* (2018). Understanding and Misunderstanding Group Mean Centering: A Commentary on Kelley et al.'s Dangerous Practice // Quality & Quantity. Vol. 52. P. 2031-2036.
- Brown T. A.* (2015). Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. New York: Guilford publications.
- Duarte R., Escariob J., Sanag M.* (2017). The Influence of the Family, the School, and the Group on the Environmental Attitudes of European Students // Environmental Education Research. Vol. 23. № 1. P. 23-42.
- Eckstein D., Künzel V., Schäfer L., Wings M.* (2019). Global Climate Risk Index 2020. Bonn: Germanwatch. P. 1-50.
- Elaim E., Trop T.* (2012). Environmental Attitudes and Environmental Behavior — Which Is the Horse and Which Is the Cart? // Sustainability. Vol. 4. № 12. P. 2210-2246.
- Felix R., Hinsch C., Rauschnabel P., Schlegelmilch B.* (2018). Religiousness and Environmental Concern: A Multilevel and Multi-Country Analysis of the Role of Life-Satisfaction and Indulgence // Journal of Business Research. Vol. 91. P. 304-312.

- Franzen A., Meyer R.* (2010). Environmental Attitudes in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of the ISSP 1993 and 2000 // *European Sociological Review*. Vol. 26. № 2. P. 219–234.
- Franzen A., Vogl D.* (2012). Acquiescence and the Willingness to Pay for Environmental Protection: A Comparison of the ISSP, WVS, and EVS // *Social Science Quarterly*. Vol. 94. №3. P. 637–659.
- Inglehart R.* (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R.* (1997). *Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C.* (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Hannibal B., Liu X., Vedlitz A.* (2016). Personal Characteristics, Local Environmental Conditions, and Individual Environmental Concern: a Multilevel Analysis // *Environmental Sociology*. Vol. 2. P. 286–297.
- Kline R. B.* (2016). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*. New York: Guilford publications.
- Knight K. W., Messer B. L.* (2012). Environmental Concern in Cross-National Perspective: The Effects of Affluence, Environmental Degradation, and World Society // *Social Science Quarterly*. Vol. 93. № 2. P. 521–537.
- Leary R. B., Minton E. A., Mittelstaedt J. D.* (2016). Thou Shall Not? The Influence of Religion on Beliefs of Stewardship and Dominion, Sustainable Behaviors, and Marketing Systems // *Journal of Macromarketing*. Vol. 36. № 4. P. 457–470.
- Newman T. P., Fernandes R.* (2016). A Re-assessment of Factors Associated with Environmental Concern and Behavior Using the 2010 General Social Survey // *Environmental Education Research*. Vol. 22. № 2. P. 153–175.
- Oshchepkov A., Shirokanova A.* (2022). Bridging the Gap Between Multilevel Modeling and Economic Methods // *Social Science Research*. Vol. 104. P. 102689.
- Pearl, J.* (2009). *Causality: Models, Reasoning and Inference*. Cambridge University Press.
- Pisano I., Lubell M.* (2017). Environmental Behavior in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of 30 Countries // *Environment and Behavior*. Vol. 49. №1. P. 31–58.
- R Core Team (2023). *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna: R Foundation for Statistical Computing. URL: <https://www.R-project.org/> (дата доступа 18.03.2024).
- Rokeyach M.* (1968). *Beliefs, Attitudes, and Values: a Theory of Organization and Change*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Running K.* (2012). Examining Environmental Concern in Developed, Transitioning and Developing Countries // *World Values Research*. Vol. 5. № 1. P. 1–25.
- Sáncheza M., López-Mosqueraa N., Lera-López F.* (2015). Improving Pro-environmental Behaviours in Spain. The Role of Attitudes and Socio-demographic and Political Factors // *Journal of Environmental Policy & Planning*. Vol. 18. № 1. P. 47–66.

- Saris W.E., Satorra A., Van der Veld W.M.* (2009). Testing Structural Equation Models or Detection of Misspecifications? // *Structural Equation Modeling*. Vol. 16. № 4. P. 561-582.
- Shao S., Zhihua T., Meiting F.* (2018). Do the Rich Have Stronger Willingness to Pay for Environmental Protection? New Evidence from a Survey in China // *World Development*. Vol. 105. P. 83-94.
- Welzel C.* (2013). *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Environmental Attitudes and Emancipative Values: Evidence from the European Values Study¹²

Alisa Smigelski

MSc in Sociology, independent researcher

Address: 35 Baltiyskaya str., Novosibirsk, 630058 Russian Federation

E-mail: alice_sergeeva@inbox.ru.

Boris Sokolov

Candidate of Sciences in Political Science, Senior Research Fellow, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University

Associate Professor, Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University in St. Petersburg

Address: 55-2 Sedova str., Saint Petersburg, 192171 Russian Federation

E-mail: bssokolov@hse.ru; bssokolov@gmail.com

Anna Nemirovskaya

Candidate of Sciences in Sociology, Senior Research Fellow, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University

Associate Professor, Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University in St. Petersburg,

Address: 55-2 Sedova str., Saint Petersburg, 192171 Russian Federation

E-Mail: annanemirov@hse.ru

The focus of this article is on how social modernization, specifically the process of a gradual spread of emancipatory, or post-materialistic, value orientations, affects environmental attitudes in a comparative perspective. Based on the evolutionary theory of modernization developed by R. Inglehart and C. Welzel, we propose a sociological model of the formation of environmental attitudes that combines both micro- and macro-level perspectives and takes into account both subjective and objective factors. We test hypotheses derived from this model using a multi-level regression approach and data from public opinion surveys conducted as part of the 5th wave of the European Values Study (2017-2020; N = 56,368), as well as socio-economic statistics from 30 European countries. Our results show that both individual commitment to emancipatory values and the overall prevalence of these orientations in society are statistically significantly and positively correlated with the strength of pro-environmental views at the respective levels of

12. Acknowledgments

We express our gratitude for the valuable comments and remarks from Anna Pless, Andrey Semyonov, and Andrey Shcherbak, as well as from the participants of the 2021 international workshop of the R. F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research at HSE University.

analysis — more prominently at the country level, but values are the most important predictor of environmental attitudes at the individual level as well. Furthermore, there is a cross-level interaction: the more prevalent emancipatory orientations are in a specific country, the stronger the link between individual values and attitudes towards environmental issues. Additionally, the support for pro-environmental views slightly decreases with age and increases with the levels of education and income. This indicates that modernization contributes to the spread of a pro-environmental worldview not only through shifting prevalent normative beliefs but also through other mechanisms, particularly by expanding available action resources.

Keywords: emancipative values, postmaterialist values, environmental attitudes, evolutionary modernization theory, European Values Survey, multilevel regression modeling

References

- Antonakis J., Bastardo N., Rönkkö M. (2021) On Ignoring the Random Effects Assumption in Multilevel Models: Review, Critique, and Recommendations. *Organizational Research Methods*, vol. 24, no 2, pp. 443-483.
- Arbuckle M. B., Konisky D. M. (2015) The Role of Religion in Environmental Attitudes. *Social Science Quarterly*, vol. 96, no 5, pp. 1244-1263.
- Barnett M. D., Archuleta W. P., Cantu C. (2019) Politics, Concern for Future Generations, and the Environment: Generativity Mediates Political Conservatism and Environmental Attitudes. *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 49, no 10, pp. 647-654.
- Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. (2015) Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*, vol. 67, no 1, pp. 1-48.
- Bell A., Jones K., Fairbrother M. (2018) Understanding and Misunderstanding Group Mean Centering: A Commentary on Kelley et al.'s Dangerous Practice. *Quality & Quantity*, vol. 52, pp. 2031-2036.
- Brown T. A. (2015) *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*, New York: Guilford publications.
- Chmel' K. Sh., Klimova A. M., Mitrohina E. M. (2020) Politizacija jekologičeskogo diskursa v Arhangel'skoj oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligona okolo stancii Shies [The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: The Landfill Site at Shies Railroad Station]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies], vol. 18, no 1, pp. 83-98. (In Russian)
- Duarte R., Escariob J., Sanag M. (2017) The Influence of the Family, the School, and the Group on the Environmental Attitudes of European Students. *Environmental Education Research*, vol. 23, no 1, pp. 23-42.
- Eckstein D., Künzel V., Schäfer L., Wings M. (2019) *Global Climate Risk Index 2020*, Bonn: Germanwatch, pp. 1-50.
- Elaim E., Trop T. (2012) Environmental Attitudes and Environmental Behavior — Which Is the Horse and Which Is the Cart? *Sustainability*, vol. 4, no 12, pp. 2210-2246.
- Felix R., Hinsch C., Rauschnabel P., Schlegelmilch B. (2018) Religiousness and Environmental Concern: A Multilevel and Multi-Country Analysis of the Role of Life-Satisfaction and Indulgence. *Journal of Business Research*, vol. 91, pp. 304-312.

- Franzen A., Meyer R. (2010) Environmental Attitudes in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of the ISSP 1993 and 2000. *European Sociological Review*, vol. 26, no 2, pp. 219–234.
- Franzen A., Vogl D. (2012) Acquiescence and the Willingness to Pay for Environmental Protection: A Comparison of the ISSP, WVS, and EVS. *Social Science Quarterly*, vol. 94, no 3, pp. 637–659.
- Geger S. A., Geger A. E. (2018) Faktory jekoaktivizma v Rossii [Factors of Eco-activism in Russia]. *Peterburgskaja Sociologija Segodnja*, vol. 10, pp. 65–76. (In Russian)
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, New York: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizacija, kulturnye izmenenija i demokratija* [Modernization, Cultural Change, and Democracy], Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Hannibal B., Liu X., Vedlitz A. (2016) Personal Characteristics, Local Environmental Conditions, and Individual Environmental Concern: a Multilevel Analysis. *Environmental Sociology*, vol. 2, pp. 286–297.
- Kline R. B. (2016) *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*, New York: Guilford publications.
- Knight K. W., Messer B. L. (2012) Environmental Concern in Cross-National Perspective: The Effects of Affluence, Environmental Degradation, and World Society. *Social Science Quarterly*, vol. 93, no 2, pp. 521–537.
- Leary R. B., Minton E. A., Mittelstaedt J. D. (2016) Thou Shall Not? The Influence of Religion on Beliefs of Stewardship and Dominion, Sustainable Behaviors, and Marketing Systems. *Journal of Macromarketing*, vol. 36, no 4, pp. 457–470.
- Majers D. (2002) *Social'naja psihologija* [Social Psychology], Sankt-Peterburg: Prajm-Evroznak. (In Russian)
- Newman T. P., Fernandes R. (2016) A Re-assessment of Factors Associated with Environmental Concern and Behavior Using the 2010 General Social Survey. *Environmental Education Research*, vol. 22, no 2, pp. 153–175.
- Oshchepkov A., Shirokanova A. (2022) Bridging the Gap Between Multilevel Modeling and Economic Methods. *Social Science Research*, vol. 104, p. 102689.
- Pearl J. (2009) *Causality: Models, Reasoning and Inference*, Cambridge University Press.
- Pisano I., Lubell M. (2017) Environmental Behavior in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of 30 Countries. *Environment and Behavior*, vol. 49, no 1, pp. 31–58.
- R Core Team (2023) *R: A Language and Environment for Statistical Computing*, Vienna: R Foundation for Statistical Computing. <https://www.R-project.org/> (accessed 18.03.2024).
- Rokeach M. (1968) *Beliefs, Attitudes, and Values: a Theory of Organization and Change*, San Francisco: Jossey-Bass.

- Rudnev M. G. (2013) Invariantnost' izmerenija bazovyh cennostej po metodike Shvarca sredi russkojazychnogo naselenija chetyreh stran [Measurement Invariance of Basic Human Values Assessed with Schwartz Instrument Among Four Russian-Speaking Populations]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], no 37, pp. 7–38. (In Russian)
- Running K. (2012) Examining Environmental Concern in Developed, Transitioning and Developing Countries. *World Values Research*, vol. 5, no 1, pp. 1-25.
- Sánchez M., López-Mosquera N., Lera-López F. (2015) Improving Pro-environmental Behaviours in Spain. The Role of Attitudes and Socio-demographic and Political Factors. *Journal of Environmental Policy & Planning*, vol. 18, no 1, pp. 47-66.
- Saris W.E., Satorra A., Van der Veld W.M. (2009) Testing Structural Equation Models or Detection of Misspecifications? *Structural Equation Modeling*, vol. 16, no 4, pp. 561-582.
- Sedashov E. A. (2021) Metody kauzal'nogo analiza v sovremennoj politicheskoj nauke [Methods of causal inference in contemporary political science]. *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no 1, pp. 98–115. (In Russian)
- Shao S., Zhihua T., Meiting F. (2018) Do the Rich Have Stronger Willingness to Pay for Environmental Protection? New Evidence from a Survey in China. *World Development*, vol. 105, pp. 83-94.
- Snarskij, Y. A. (2024) Dve istorii zashhity shihana Kushtau: jetnicheskie istoki jekologicheskoj mobilizacii i vosprinimaemye izderzhki neopatrimonializma v Rossii [Two Stories of the Defense of the Kushtau Shihan: Ethnic Roots of Environmental Mobilization and Perceived Costs of Neopatrimonialism in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no 3, pp. 162-176 (In Russian).
- Sokolov B. O., Korsunova V. I. (2018) Nestrogij bajesovskij podhod k proverke dopushhenija ob izmeritel'noj invariantnosti: illjustracija na primere cennostej vybora [Approximate Bayesian Approach to Measurement Invariance: An Illustration with Pro-Choice Values]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], no 46, pp. 7-43. (In Russian)
- Volchenko O. V., Shirokanova A. A. (2016) Primenenie mnogourovnevnogo regressionnogo modelirovanija k mezhstranovym dannym (na primere generalizovannogo doverija) [Applying Multilevel Regression Modeling to Cross-National Data (On the Example of Generalized Trust)]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling], no 43, pp. 7-62. (In Russian)
- Welzel C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Welzel C. (2018) *Rozhdenie svobody* [Freedom Rising], Moscow: VCIOM. (In Russian)
- World Health Organization (2023) *Informacionnye bjulleteni. Izmenenie klimata* [Newsletters. Climate Change]. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/climate-change-and-health> (accessed 18.03.2024). (in Russian)

На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латура как средство преодоления климатического кризиса

Иван Наумов

Аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1 А, Санкт-Петербург, 191187 Российская Федерация
E-mail: inaumov@eu.spb.ru

В статье предпринимается попытка выделить из обширного творчества Бруно Латура последовательную теоретическую программу, получившую от него название «композиционизм». Целью композиционизма стоит считать выведение процедуры составления «общего мира», который понимается как форма реальности, способная обеспечить максимально благоприятные условия жизни для максимального числа составляющих ее агентов. Статья состоит из двух частей. В первой из них обозначаются теоретические особенности становления композиционистского проекта в контексте развития политической мысли Латура в период с 1980-х по 2010-е годы. Будучи впервые сформулирована в книге «Политики природы», дабы найти альтернативу миру, составленному господствующей и по сей день Конституцией Нового времени, или Модерна, теория композиционизма постепенно развивалась на протяжении всей дальнейшей академической карьеры Латура. Первой попыткой предложить подход к реализации идеи композиции общего мира стоит считать «Парламент вещей». Позже, в 2000-х годах, Латур во многом пересмотрит свой политический проект. Обратившись к традиции прямой демократии, он попытается сделать его более эмпирическим. Так на свет появится «объектно-ориентированная политика», или же *Dingpolitik*, неотъемлемой частью которой стоит считать также и описанный в «Исследовании модусов существования» политический тип высказывания [POL], всегда строящийся вокруг вещей. Во второй части статьи содержится попытка применения выделенного теоретического аппарата к интерпретации поздних работ Латура, посвященных проблеме климатического кризиса. Среди них исследование *Où Atterrir?* («Где приземлиться?»), воплотившее в себе, как стоит считать, позитивный проект по преодолению «политического оцепенения» перед лицом климатической угрозы.

Ключевые слова: политическая теория, социальная теория, композиционизм, общий мир, изменение климата, *Dingpolitik*, Гей, Бруно Латур

Во всех шести оценочных докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) отмечается, что ускорившееся в последние десятилетия повышение средней температуры поверхности Земли вызвано деятельностью человека, и в ближайшие годы оно станет еще более значительным (IPCC, 2022: 13). При этом осознание угрозы, как показывает практика, не приводит к политической мобилизации, соответствующей масштабам проблемы. Ежегодные конференции ООН по изменению климата не влекут за собой, за редким исключением, значимых скоординированных действий на международном уровне.

Подобное нарушение казуальной связи между информированностью и политическим действием перед лицом климатической угрозы стало одной из цен-

тральных тем философа и антрополога науки Бруно Латура. Считая, что корень проблемы лежит в самом взгляде на мир, разделяемом современными людьми, Латур предложил теоретическую программу, несущую в себе модель перестройки господствующего мировоззрения. Данная программа получила от него название «композиционизм».

В своей статье я попытаюсь выделить из всего пестрого творчества Латура стержень его композиционистской теории, способной послужить ключом к пониманию его последних работ, посвященных экологической проблематике. Для этого, обозначив теоретические особенности композиционистского проекта в контексте развития политической мысли Латура в период с 1980-х по 2010-е гг., я попытаюсь применить выделенный мной концептуальный аппарат для интерпретации его поздних исследований.

Композиционизм и понятие политического

Имя Бруно Латура хорошо знакомо российскому читателю. На сегодняшний день на русский язык переведена большая часть его значимых книг и статей, написано большое количество как обзорных (Вахштайн¹, 2005; Хархордин, 2006), так и специальных работ, затрагивающих разные грани его творчества (Кузнецов, 2015; Шиповалова, 2013; Широков, 2019).

При этом практически ни одно из упоминаний Латура не обходится без ремарки о сложности его определения в границах какой-либо конкретной академической или не-академической (Кузнецов, 2022) дисциплины. Несмотря на то что в нашей стране Латур по-прежнему известен в первую очередь как лицо акторно-сетевой теории (АСТ) (Кузнецов, 2013; Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017) и ярчайший представитель социальных исследований науки и технологий (STS), он успел внести значительный вклад и во многие другие области знания. Помимо сразу же приходящих на ум антропологии, философии, социологии и семиотики, можно вспомнить менее очевидные на первый взгляд дисциплины — теологию (Howles, 2018), архитектуру (Yaneva, 2022), театральное искусство (Ait-Touati & Latour, 2022). Однако главным интересом Латура после окончания им в 2013 году работы над своим *magnus opus*, «Исследование модусов существования» (An Inquiry into Modes of Existence), стала политика. Вернее, «Гей-политика» (Latour, 2017), центром которой являются конкретные «земные» привязанности людей, находящиеся, как правило, вне поля зрения существующей современной «геополитики».

Безусловно, нельзя сказать, что эта часть наследия Латура остается в нашей стране белым пятном. Относительно недавно на русский было переведено несколько его работ, посвященных проблемам политической экологии и нового климатического режима (Латур, 2018; 2019), опубликованы заметные статьи, стремящиеся предложить новые интерпретации латуровской трактовки концепции «Гей»

1. Признан лицом, выполняющим функции иностранного агента.

(Kharkhordin, 2022). Имели место и более ранние попытки «приспособить» Латура под нужды политической теории (Хархордин, Алапуру, Бычкова, 2013). И тем не менее восприятие понятия политического в его творчестве остается далеко не беспроблемным.

Дело в том, что в работах Латура не найти единой дефиниции термина «политика», более того, сам он не считал возможным дать понятию политического четкое определение (Latour, 2008: 662). Понимание роли политики в его теории, а также совокупности значений, стоящих за этим понятием, постепенно менялось на протяжении его интеллектуального пути.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что автор наиболее полного на данный момент комментария к политической стороне творчества Латура, Грэм Харман, выделяет три подхода философа к политическому, каждый из которых соответствует определенному периоду его карьеры — раннему, среднему и позднему (Harman, 2014). В свой «ранний» период до 1991 года Латур, находясь под влиянием Макиавелли, Гоббса и Ницше, представлял реальность как сборку неиерархичных актантных сетей², то есть как совокупность сил, вовлеченных в бесконечную борьбу за власть. Тем самым уже на первом выделенном этапе Харман усматривает склонность Латура к онтологизации политики, заключающейся в сведении ее к статусу «метафоры всей реальности» (Ibid.: 49). У Латура «среднего» периода 1991–2007 годов модель борьбы за власть между сетями актантов-союзников «заменяется моделью тщательно собранных институциональных сетей, но тенденция к онтологизации политики в значительной степени сохраняется» (Ibid.: 56). Кроме того, если «ранний» Латур рассматривал не-человеков как стабилизирующий элемент политики, позволяющий ставить новые цели и добиваться их, то «средний» Латур видит в них потенциальные проблемы, объекты спора, то есть «дестабилизирующий» компонент реальности, провоцирующий полемику (Ibid.: 60). Наконец, «поздний» Латур периода после 2007 года низводит политику до статуса одного из пятнадцати модусов существования, якобы целиком отходя от своего первоначального проекта плоской онтологии актантов (Ibid.: 81).

Главным достижением работы Хармана стоит считать убедительную демонстрацию того, что политическое всегда оставалось в центре внимания французского философа. И все же, несмотря на большое количество точных замечаний, предложенная в книге модель систематизации политической мысли Латура с боль-

2. В работе «Пересборка социального» Латур проводит различие между понятиями «агент» (agent), «актор» (actor) и «актант» (actant). Агент — это нечто (или некто), обладающее «силой» (agency), то есть способностью менять установленное на данный момент состояние дел (Латур, 2014: 77). В свою очередь агента, обладающего «фигурацией», то есть имеющего определенную признанную форму, следует называть актором. В случае, если агент не имеет фигурации, он является актантом (см., например, там же: 101). Последнее различие между актором и актантом Латур заимствует у лингвиста Альгидраса Греймаса, который также подчеркивает, что акторы являются конкретными воплощениями актантов как «синтаксических единиц нарратива» (Кузнецов, 2018: 90).

Несмотря на то что в АСТ в целом, и в творчестве Латура в частности, подобное терминологическое разграничение не всегда соблюдается (Напреенко, 2015: 110), здесь и далее по тексту перечисленные термины используются в приведенных значениях.

шим трудом может служить рамкой для понимания его последних работ, посвященных климатическому кризису.

Во-первых, даже с первого взгляда подход, предложенный Харманом, не кажется безупречным. На это указывает сама структура его работы. Он признает тот факт, что основанная на американском прагматизме Джона Дьюи и Уолтера Липпмана объектно-ориентированная политика, или *Dingpolitik*, является оригинальным подходом Латура к трактовке политического, представляющим собой средний путь между тем, что автор комментария называет «Политикой Истины» (*Truth Politics*) и «Политикой Власти» (*Power Politics*) (*Ibid.*: 4). Таким образом, Харман подчеркивает исключительный статус *Dingpolitik* в теории Латура, более того, называет ее «наиболее перспективным путем к Гее» по сравнению с другими подходами политической философии (*Ibid.*: 6). Тем не менее, несмотря на то что на протяжении своей книги он неоднократно обращается к объектно-ориентированной политике и даже посвящает ей заключительную главу, Харман не пытается систематически проследить развитие *Dingpolitik* в прочерчиваемой им траектории от «раннего» Латура к «позднему». В результате ключевой подход латуровской политической теории оказывается в значительной степени изолирован по отношению к остальному массиву его мысли.

Во-вторых, доходя до рассмотрения работы *Facing the Gaia*, существовавшей на момент написания его книги лишь в форме транскрипта Гиффордских лекций, Харман вновь не совершает попытки ее интерпретации в свете более ранних теоретических трудов Латура, а концентрируется лишь на малой, хотя и крайне важной части этой работы, посвященной политической теории Шмитта (*Ibid.*: 141-144).

В-третьих, в своем анализе Харман по какой-то причине игнорирует несколько «политических» текстов Латура, среди которых *An Attempt at a «Compositionist Manifesto»* (2010) и *Pour un dialogue entre science politique et science studies* (2008), которые, как будет показано, чрезвычайно важны для понимания латуровского анализа климатического кризиса.

Таким образом, возникает потребность вновь описать в общих чертах понятие политического у Латура, которое могло бы послужить теоретической рамкой и ключом к пониманию его поздних текстов. Мы попытаемся проследовать за Латуром по лабиринтам его наследия (Кузнецов, 2022: 390), взяв в качестве направляющего ориентира его идею композиции. Как будет показано, политический проект Латура, несмотря на утверждение Хармана о его дискретности, напротив, во многом оставался достаточно цельным на протяжении своего развития, а разработки из его ранних трудов были сохранены и использованы в том числе в последних работах, посвященных проблеме нового климатического режима.

От «политической теории науки» к идее композиции

Существуют основания полагать, что систематический взгляд на политическое оформляется у Латура уже в 1980-е годы. Канадский политический теоретик Ив

Сеген утверждает, что в своих работах, посвященных фигуре Луи Пастера, Латур формулирует «выдающуюся политическую теорию науки» (Seguin, 2015: 281; Seguin, Lord, 2023: 10), которую можно резюмировать всего одной фразой из «Несводимого»: «Наука — это политика, продолжаемая другими средствами» (Латур, 2015: 299).

Наиболее четко «политическая теория науки, согласно Сеген, оказывается сформулирована в статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» (Seguin, Lord, 2023: 14). В этом тексте Латур задается целью «проследить то, как с помощью наук трансформируется общество, дать новое определение состава и целей этого общества» (Латур, 2002: 4). Выходит, производимая науками «трансформация» общества, по Латуру, подразумевает переопределение, во-первых, того, из чего оно состоит, и, во-вторых, целей, которые оно преследует.

Изменение состава общества буквально подразумевает «производство» новых не-человеков. Причем это производство нельзя воспринимать исключительно как создание. Наука благодаря лабораториям делает не-человеческие сущности частью социального мира, в том числе путем выведения их в явленность, дарования им видимости в глазах других агентов. Тем самым *производство новых агентов не является исключительной прерогативой науки*. Как замечает Латур, деятельность лабораторий по производству новых не-человеков можно сравнить с работой политиков-социалистов, сделавших в свое время видимыми массы трудящихся (Там же: 18-19). При этом пополнение общества новыми не-человеческими агентами становится лишь предпосылкой для дальнейших действий, позволяя политическим игрокам достигать своих целей, на что красочно указывает сам Латур:

«Дайте нам лаборатории, и мы сделаем возможной мировую войну без инфекции, мы сделаем тропические страны доступными для колонизации, мы обеспечим здоровье французской армии, мы увеличим численность и силу населения, мы создадим новые индустрии» (Там же: 19).

Итак, в 1980-х годах в творчестве Латура возникает теория, указывающая на политический характер практики изменения состава общества путем добавления в него новых агентов. После открытия микробов наука, в данном случае микробиология, становится тем самым «другим» средством политики, позволяющим государствам ставить новые цели и достигать их.

Однако уже в 1990-х годах в творчестве Латура происходит сдвиг в сторону онтологии. Результатом этого сдвига стала вышедшая в 1999 году книга «Политики природы», в центре внимания которой вновь оказывается пара «наука-политика». Примечательно, что среди наиболее значимых комментаторов Латура не нашлось единого мнения о роли «Политик природы» в ряду прочих его трудов. Философ Герард де Врис назвал эту работу полноценной политической философией Латура (de Vries, 2007: 803). В свою очередь, Харман выразил несогласие с де Врисом, назвав при этом тексты «среднего» Латура, к которым он отнес «Политики природы», всего-навсего «промежуточным этапом» перед окончательным оформлением проекта исследования модусов существования (Harman, 2014: 56).

Мы же, в свою очередь, не будем ни преувеличивать, ни приуменьшать значимость этой работы. «Политики природы» действительно знаменуют собой совершенно иной этап мысли Латура, который в значительной степени предопределяет дальнейшее развитие его концепции политического. В частности, центральной темой книги становится попытка разработки новой теоретической программы, преследующей цель построения того, что Латур называет «общим миром», и которую следует называть «композиционизмом».

Понятие композиционизма, согласно Латуру, оказывается этимологически связано с латинским *componere* — приводить в порядок, организовывать (Latour, 2010a: 473-474). Тем самым собранные вместе и приведенные в определенный порядок композиционистом вещи не становятся единым целым, но сохраняют свою разнородность. Это позволяет Латуру утверждать, что композиционизм привлекает внимание не к оппозиции сконструированного/не-сконструированного (*constructed/not constructed*), но к разнице между *хорошо* и *плохо* составленным (*well or badly composed*) (Ibid.: 474). Иначе говоря, подобно тому как композитор заинтересован в написании хорошо составленной, благозвучной мелодии, так и композиционист заинтересован в создании хорошо составленного, пригодного для жизни общего мира.

Несмотря на то что теория композиционизма еще не артикулируется в «Политиках природы» прямо и будет сформулирована гораздо позже (Latour, 2010a), в этой работе она обретает свои основные черты. Так, отправной точкой «композиционистского слоя» книги можно считать критику сложившегося в западной культуре взгляда на науку и политику, где первая фактически подчинила себе вторую. Латур утверждает, что подобное разделение было заложено еще в платоновском мифе о Пещере, который предопределил разделение Политики, остающейся под землей и дискутирующей о тенях на стене, и Науки, вышедшей на свет солнца (Латур, 2018: 75). Наследие этого мифа, согласно автору книги, до сих пор заставляет толпу молчать, передавая власть экспертам. Латур называет этот режим, при котором политика утрачивает свои полномочия по определению состава мира, «Конституцией Модерна» (Там же: 28).

Эта Конституция состоит из двух палат: палаты Науки, деятельность которой ассоциируется с объективными нечеловеческими законами природы, и палатой Политики, занятой сиюминутными страстями и бесполезными спорами, иначе говоря, субъективным. Ситуация подчиненности одной палаты другой позволяет назвать такой режим «абсолютистским».

В свою очередь, достичь подобной власти Науке позволила последовательная и продолжительная политическая работа эпистемологии, которая смогла убедить людей в способности Науки взять на себя роль хранительницы всех истин: «...мы определим Науку как *политизацию наук посредством эпистемологии, призванную парализовать обычную политическую жизнь перед лицом постоянной угрозы со стороны не терпящей возражений природы*» (Там же: 18-19).

Закрепив за собой право выражения истины, Наука утвердила свою монополию на способность компоновать мир, решать, из чего ему следует состоять, тем

самым узурпировав политическое. Дело в том, что Латур в «Политиках природы» подразумевает под политикой способность собирать и упорядочивать: «единство природы... может конкурировать с иной формой объединения, компоновки (*composing*), самой что ни на есть традиционной и издревле называемой той самой политикой» (Там же: 39-40). Тем не менее реальность, так долго находящаяся под властью политической эпистемологии Науки, показывает свое несовершенство. Ярким тому примером становится в том числе и климатический кризис, очевидная опасность которого тем не менее не приводит к общественной реакции, соответствующей масштабам проблемы. Напротив, когда дело касается климата, составляющие мир сущности, как ни странно, приходят в состояние противоречия. В этом смысле примечательным для Латура становится пример противоборства «американской экономики» и ученых — членов МГЭИК в рамках Киотской конференции (Латур, 2018: 128). Более того, средством борьбы лобби капиталистов, стоящих на позициях дальнейшего увеличения темпов производства, с учеными, отстаивающими факт опасности глобального потепления, порой становятся такие же научные исследования, исходящие из политической эпистемологии Науки, но при этом намеренно отрицающие факт негативного влияния изменения климата (Latour, 2017: 26).

Эти и другие противоречия, строящиеся на основании несовершенства Конституции Модерна и имеющие подчас экзистенциальное значение для всего человеческого рода, позволяют Латуру назвать окружающий нас мир «какосмосом» (какόςσος) (Латур, 2018: 119), то есть буквально «плохим порядком», «неупорядоченным миром». Тем самым уже в «Политиках природы» климатическая проблематика становится ярким свидетельством несовершенства Конституции Модерна, а следовательно, одним из двигателей композиционистского проекта.

В результате встает вопрос о необходимости реформировать монархию Науки. Латур требует передать узурпированное ей право формирования общего мира самим агентам, учредив «республику вещей» (Там же: 74, 240). Новая республика, порывающая с двухпалатной Конституцией Модерна, должна тем самым отказаться и от разделения агентов на субъекты Политики и объекты Науки. Взамен Латур предлагает новую форму объединения, которую называет «коллективом». Коллектив, таким образом, представляет собой непрекращающуюся процедуру собирания и пересобирания ассоциаций людей и не-человеков, противостоящую, во-первых, обществу в смысле совокупности исключительно человеческих агентов, и во-вторых, всякому уже установленному единству (Там же: 269). В результате республика вещей отказывается в том числе и от идеи Природы, основанной на иерархическом разделении объектов, в пользу гетерархичных ассамблей, где влияние одной сущности на другую не зависит от ее значимости или размера: «Улитка может заблокировать плотину, Гольфстрим может внезапно исчезнуть, террикон — стать биологическим резервом, а черви — превратить почвы Амазонии в бетон. Больше нет никаких оснований для ранжирования различных сущностей в порядке их значимости» (Там же: 35-36).

В свою очередь, новый тип политики, способный прийти на смену монархии Науки, результатом правления которой может быть лишь *какосмос*, должен представлять из себя набор задач, позволяющих обеспечить «постепенную композицию общего мира [перевод мой. — И. Н.]» (Там же: 26), пригодного для хорошей жизни всех населяющих его агентов. Тем самым общий мир не является предзаданным единством или тотальностью, существующей здесь и сейчас. Напротив, общий мир — это цель, которую необходимо достичь путем непрерывного поиска все новых и новых способов компоновки агентов во все новые и новые композиции. Не случайно Латур называет свой проект «экспериментальной метафизикой» (Там же: 143)³. Экспериментирование в ней происходит над привязанностями агентов, уже составляющих коллектив, для определения новых агентов-кандидатов на совместное существование.

Наконец, инструментом, способным обеспечить процесс композиции общего мира, в «Политиках природы» становится «Парламент вещей», состоящий из двух палат. Верхняя палата Парламента отвечает «за принятие в расчет» и должна отвечать на вопрос «сколько нас?» (Там же: 128). Основу ее должны составить ученые-естественники, способные при помощи лабораторий, как мы помним, обнаруживать и выводить в явленность новых не-человеков. Таким образом, нетрудно увидеть в верхней палате подход к политике, предложенный Латуром в период написания работ о Пастере. Производство новых сущностей посредством выведения их в явленность снова становится исходной точкой политического процесса.

В свою очередь, нижняя палата должна была бы отвечать за «упорядочивание» и отвечать на вопрос «можем ли мы жить вместе?» (Там же: 128). Ее целью, таким образом, было предотвращение неуправляемого включения существ в общий мир, иначе говоря, фильтрация агентов-кандидатов на совместное существование, за которой следовала бы институционализация получившейся композиции.

От Парламента вещей к Dingpolitik

Впрочем, уже в 2000-х годах в теории композиционизма происходит переход от идеи Парламента вещей к тому, что можно было бы назвать Dingpolitik, или же объектно-ориентированной политикой, то есть изменением в *способе* построения общего мира. Такой переход мог быть нацелен на придание изначально метафизической идее композиции более эмпирического, практико-ориентированного характера (Harman, 2014). Как признается сам Латур, он отказался от идеи Парламента вещей вскоре после выхода «Политик природы»: «Модель представительной демократии была точно неправильной, так что сейчас мы должны пойти назад во времени, даже еще дальше» (Латур, Хархордин, 2019).

3. Уже тут становится видно влияние на политический проект Латура прагматизма Джона Дьюи, который также подчеркивал принципиально экспериментальный характер политики: «Формирование государств должно являть собой некое экспериментирование» (Дьюи, 2002: 28).

Действительно, отправной точкой для Латура в этот раз становится древняя традиция прямой демократии. Так, слово «Ding», составляющее Dingpolitik, отсылает к хайдеггеровскому пониманию Вещи. Обращаясь вслед за немецким философом к истории этого понятия, Латур утверждает, что первоначально «Thing» или «Ding» могло означать особый тип архаического собрания (Хайдеггер, 1993: 321; Latour, 2006: 22-23). Этот факт позволяет ему утверждать, что Вещь (Ding) традиционно подразумевала вопрос или проблему, которая собирала людей вместе, потому что разделяла их (Latour, 2006: 23).

Отсюда вытекает первая отличительная черта объектно-ориентированной политики. Латур подвергает сомнению возможность существования политической репрезентации, без сопутствующего ей набора материальных атрибутов, играющих роль медиаторов политического общения. Иначе говоря, политика не может быть построена вокруг какой-либо заранее созданной традиции или процедуры, без оглядки на материальные условия, окружающие людей (Ibid.: 17-18).

Другой важной особенностью хайдеггеровской Вещи является заключенная в ней множественность. Вещь, как известно, объединяет в себе «четверицу» неба и земли, смертного и божественного, являясь тем самым противоположностью «пред-мету» (Gegenstand), понимаемому как то, что противостоит представляющему субъекту, всегда созерцающему лишь одну грань (Хайдеггер, 1993: 429). Иными словами, в отличие от «пред-мета», Вещь многогранна и неоднозначна. Это противопоставление во многом ложится в предлагаемую Латуром оппозицию «предметов факта» (matters of fact) и «предметов беспокойства» (matters of concern) (Latour, 2006: 19), и позволяет ему заявить, что композиционизм несет в себе альтернативу критике (Latour, 2010a: 474).

Дело в том, что факты, подобно хайдеггеровским «пред-метам», всегда односложны и однозначны. Эта однозначность, согласно Латуру, позволяет критическим исследованиям рассматривать объекты мира всего в двух позициях: в позиции вымысла (fairy position), тем самым подвергая сомнению основания утверждений, которые современная космология считает ошибочными, и в позиции факта (fact position), принимая на веру утверждения, соответствующие эпистемологии Модерна (Latour, 2004: 237). В итоге, если основанная на фактах нововременная идея критики занимается низвержением вымыслов и фетишей, то есть иконоборчеством (iconoclasm), то сосредоточенный на многогранных «предметах беспокойства» или вещах, композиционизм занимается тем, что Латур называет «иконостолкновением» (iconoclash) (Latour, 2010a: 475; Latour, 2010b: 68), то есть соотношением разных взглядов на мир, предоставляющим голос всем агентам, собравшимся вокруг проблемного вопроса.

Выходит, что игнорирование роли вещей как многогранных медиаторов политического процесса ведет к упадку политики, то есть к потере способности строить общий мир. Тем самым стремясь дать описание объектно-ориентированной демократии, Латур берет на себя еще и задачу найти способ преодоления кризиса политического и обеспечить процесс строительства общего мира, позволяющего выбраться из состояния *какосмоса*.

Решение этой задачи он находит в традиции американского прагматизма Джона Дьюи и Уолтера Липпмана. Согласно им, политическое возникает там и тогда, где и когда имеет место общий для множества людей предмет беспокойства.

Тем не менее объектно-ориентированная политика, пусть и указывая на решающую роль вещей или проблемных вопросов, не является простой адаптацией прагматизма Дьюи-Липпмана. Всего Латур выделяет пять значений слова «политическое», присущих Dingpolitik (рис. 1) (Латур, 2012), которые иначе можно назвать пятью «агрегатными состояниями» политики, способной разворачиваться вокруг вещей, и которые вовсе не обязательно следуют друг за другом (Latour, 2008: 669). Как мы увидим, каждый из выделяемых типов политической ситуации Латур связывает с определенной политико-теоретической рамкой, что лишний раз подтверждает слова Нортье Маррес о стремлении Латура при разработке Dingpolitik «мобилизовать интеллектуалов по всему политическому спектру» (Marres, 2023: 975).

	Определение	Ориентир
Политическое-1	Новые ассоциации	Социальная история науки и STS
Политическое-2	Постановка проблемы перед публикой	Дж. Дьюи
Политическое-3	Воспроизводство вопроса о суверенитете	К. Шмитт
Политическое-4	Вызов демократической процедуре	Ю. Хабермас
Политическое-5	Институционализация через гувернаментальность	М. Фуко

Рис. 1. Типы политических ситуаций, способных разворачиваться вокруг предмета беспокойства⁴.

Первая форма объектно-ориентированной политики, «политическое-1», подразумевает деятельность, направленную на добавление в мир новых агентов, то есть потенциальных «проблем», способных организовать вокруг себя группу людей. Тем самым «политическое-1», вновь отсылая нас к исследованию пастеровских лабораторий (Latour, 2008: 662), становится «сырьем» для всех прочих политических ситуаций.

Второе значение политики, «политическое-2» — это то, что ставит проблему перед сообществом (Ibid.: 663), заставляя его начать разработку новых правил и процедур, призванных урегулировать проблемный вопрос, дабы сделать существо-

4. Таблица приведена на основании Латур, 2012: 250; Latour, 2008: 669.

вание агентов более предсказуемым и безопасным. Тем самым «политическое-2» отсылает к прагматизму Дьюи, который также подчеркивает, что государство всегда возникает для урегулирования непредвиденных последствий человеческих действий (Дьюи, 2002: 13).

Другой формой политической ситуации, «политическим-3», является то, что Латур называет «воспроизводством вопроса о суверенитете» (Latour, 2008: 664), то есть проблемного вопроса, обретающего форму «быть или не быть», при котором на кону стоит экзистенциальная безопасность коллектива. Ориентиром для данного состояния политики становится Карл Шмитт, определивший, как известно, политическое оппозицией «друга» и «врага».

Четвертое значение политики, «политическое-4», подразумевает «ответ на вызов демократической процедуре» (Ibid.: 666). Опираясь на модель делиберативной демократии Юргена Хабермаса, «политическое-4» предполагает наличие заранее установленной легитимной процедуры, законно выбранных представителей и всей необходимой информации, в результате чего собравшимся остается только вынести проблемный вопрос на обсуждение и договориться о способах и механизмах реализации вынесенного по нему решения.

Наконец, последней формой Dingpolitik, «политическим-5», является институционализация проблемных вопросов, превращение их в вопросы административного регулирования, отсылающее к концепции гвернаментальности⁵ Мишеля Фуко (Ibid.: 667). Другими словами, «политическое-5» может быть охарактеризовано как закон или административная привычка. Она не нарушает, а иногда и вовсе воспроизводит, установившиеся в коллективе нормы и иерархии, а потому часто оказывается абсолютно незаметной для агентов и может восприниматься ими как «аполитическое» (Латур, 2012: 251).

Тем не менее все перечисленные типы политических ситуаций остаются лишь абстрактными построениями без главного компонента — политической речи. Согласно Латуру, одной из основных особенностей политического «модуса существования» [POL], то есть типа высказывания, а вместе с тем и критерием его истинности является способность создавать группу: истинность или ложность политических лозунгов зависят от того, позволяют они продлить существование коллектива или нет (Latour, 2003: 147-148).

При этом процесс строительства новых и поддержания уже существующих групп всегда имеет, согласно Латуру, циклический характер. Другими словами, тип высказывания, способный привести в движение политический процесс, приобретает форму круга. В свою очередь, тем, что заставляет политическую речь изгибаться, являются вещи: «Если политика должна быть “кривой”, то это прежде всего потому, что она сталкивается с кольями, которые обязывают ее отклоняться, изгибаться, менять позиции. Ее путь кривой, потому что каждый раз она поворачивается вокруг вопросов, проблем, ставок, вещей — в смысле *res publica*, публич-

5. Об использовании термина «гвернаментальность» в качестве перевода понятия «gouvernementalité» см.: Каплун, 2019.

ной вещи...» (Latour, 2013: 337). В результате Латур заключает: «...политика всегда объектно-ориентирована...» (Ibid.: 337), а следовательно, может возникнуть только вокруг вещей, то есть проблем, предметов беспокойств (рис. 2).

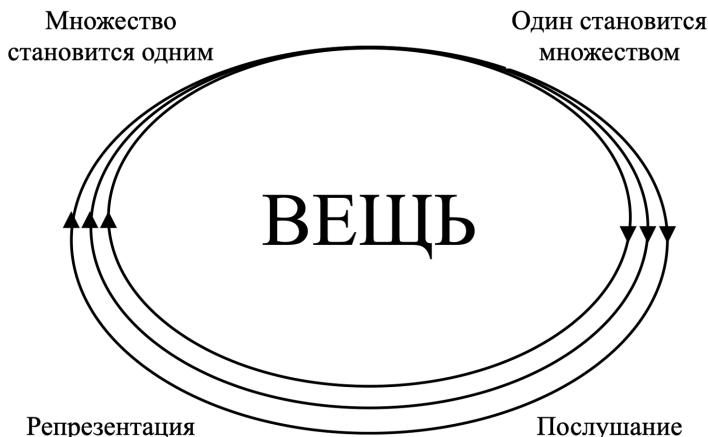

Рис. 2. Политический круг Бруно Латура⁶

В свою очередь, замкнутость круга обусловлена способностью политической речи к самовоспроизводству, то есть особым качеством, которое Латур называет *autophuos* (самозарождением) (Latour, 2003: 154). Дело в том, что круг состоит из двух сменяющих друг друга процессов: репрезентации как трансформации «нескольких в одного» и «послушания» как ре-трансформации одного в нескольких (Ibid.: 149). Воспроизводя в политическом смысле истинное высказывание о какой-либо вещи, «один», говоря от имени группы, способен пробудить к жизни множество, образовав тем самым коллектив (Latour, 2003: 147-148). В свою очередь, коллектив, реагируя на слова «одного» и предавая их между собой, в значительной степени видоизменяет изначальное суждение. Измененное суждение, если оно верно, снова высказанное «одним», вновь породит группу: «Круг, оригинальный модус существования, делает возможным появление... других существ» (Latour, 2013: 373). Выходит, что политический тип высказывания, будучи привязанным к вещам и способным образовывать коллективы агентов, оказывается комплементарен теории Dingpolitik, а следовательно, может рассматриваться как часть композиционистского проекта: «Нет ничего абсурдного в том, чтобы рассматривать композицию через политический круг... как один из способов, которые по случаю, предоставленному объектами — обычными вещами, делами, проблемами, — придают форму и образ другим существам, которые к ним привязаны» (Latour, 2013: 373).

6. На основе рисунка из Latour, 2003: 150.

Композиционизм в новом климатическом режиме

Новая попытка составить общий мир

Категориальный аппарат, разработанный Латуром в теоретических работах, посвященных проблеме политики, станет рамкой для анализа им ситуации климатического кризиса в его поздних трудах. Более того, описанная концепция объектно-ориентированной политики ляжет в основу его позитивного проекта по преодолению «политического оцепенения» перед лицом глобальных климатических проблем.

Прежде чем приступить к более пристальному рассмотрению приведенных тезисов, необходимо сделать оговорку, что сам Латур предпочитал общепринятому понятию климатического кризиса термин «новый климатический режим» (Latour, 2017: 7). Дело в том, что ситуация кризиса по определению имеет временный характер, иначе говоря, кризис предстает как препятствие, которое неизбежно будет преодолено на пути прогресса. В свою очередь, согласно Латуру, именно ослепление прогрессом (Latour, 2010a: 485) и вера западных стран в свою «историческую правоту» во многом и привели их к бездействию перед лицом климатической угрозы: «...трижды — в 1918 году (Версальский договор), в 1945 году (окончание новой Тридцатилетней войны) и в 1989 году (победа над Советским Союзом) — избыток, а точнее, цунами, “моральной ясности” каждый раз заставлял победителей неверно истолковывать достигнутое ими положение» (Latour, Chakrabarty, 2020: 425).

Тем не менее сегодняшняя ситуация, согласно Латуру, представляет собой «мутацию», то есть качественное изменение состава и формы мира: «мы привыкли к одному миру; теперь мы переходим, мутируем в другой» (Ibid.: 8). Особенностью этого нового мира становится повышенная чувствительность протекающих на Земле процессов к деятельности человека. Это позволяет Латуру утверждать, что новый климатический режим во многом является синонимом популярного сегодня в социальных науках термина «антропоцен» (Crutzen, Stoermer, 2000).

Тем самым новый климатический режим, характеризующийся реконфигурацией отношений агентов на фоне новых условий, связанных с глобальным потеплением, ставит человечество перед необходимостью адаптации к новому положению дел. При этом если Конституция Модерна, как мы помним, уже успела показать свою несостоятельность в деле решения климатической проблемы, то в результате встает вопрос, во-первых, о необходимости низвержения гегемонии модерного мировоззрения, и во-вторых, если не о форме, то о новом принципе упорядочивания агентов мира, который позволил бы человечеству приспособиться к жизни в условиях нового климатического режима. Средством решения обоих вопросов для Латура становится композиционизм: «Выбор *метода* — дело непростое... я просто предлагаю... релятивизировать (понятие “природы/культуры”), поместив (его) среди других способов объяснения (accounts), с которыми оно разделяет

или не разделяет определенные черты. Другими словами, я предлагаю сделать его вопросом *композиции* — во всех смыслах этого слова [курсив мой. — И. Н.]» (Latour, 2017: 37). Более того, если климатическая ситуация «сводит людей [Модерна] с ума», вгоняя их в апатию, наводя страх или заставляя отрицать очевидные вещи (Ibid.: 11-12), то императивом для Латура становится поиск «курса лечения» (Ibid.: 13) превалирующего сегодня состояния принадлежности к миру. Предлагаемый курс мог бы состоять в том, чтобы «жить хорошо со своими недугами» (living well with one's ailment / bien vivre avec ses maux) или просто «жить хорошо» (living well / bien vivre)» (Ibid.: 14)⁷. Иными словами, «лечение» могло бы состоять в поиске иного способа отношений с другими агентами, который позволил бы всем жить в хорошо упорядоченном мире. Тем самым Латур дает понять, что композиционизм стоит считать «методом» перекомпоновки мира, который он собирается использовать в своем исследовании ситуации нового климатического режима и в поисках соответствующего ей состава агентов.

В этот раз в поисках альтернативы современной оппозиции объективного/субъективного Латур обращается к гипотезе Геи Джеймса Лавлока и Линн Маргулис. Согласно данной гипотезе, пригодная для существования биологической жизни поверхность Земли, иначе именуемая «критической зоной» (Ibid.: 93), представляет собой продукт непрекращающегося взаимодействия множества агентов. Результатом подобного взаимодействия становится образование новых ассоциаций, что позволяет рассматривать взаимоотношения актантов Геи как принципиально политические (Latour, Lenton, 2019) и отсылающие еще к античным моделям (Kharkhordin, 2022). В свою очередь, к возникающим таким образом ассоциациям относятся не только локальные экосистемы, но и с виду гомогенные и устойчивые универсалии, такие как, например, атмосфера, чьим составом манипулируют через облачный слой в том числе и морские микроорганизмы (Latour, 2017: 93).

Тем самым несложно заметить в гипотезе Геи *наследницу теории коллектива*, сформулированной в «Политиках природы». Однако в этот раз первоначально абстрактная идея Латура обретает эмпирический вес и научную базу. Действительно, Гею, как и коллектив, нельзя назвать устойчивой сущностью, она не может быть концептуализирована по лекалам какой-либо предзаданной формы, ее хаотичное движение продолжается здесь и сейчас. Короче говоря, она являет собой непрекращающийся процесс сборки и переборки объединений агентов. Выходит, сама по себе Гея, будучи альтернативным способом мыслить Землю и вбирая в себя всю совокупность человеческих и не-человеческих, «природных» и «рукотворных» агентов, не является общим миром. Тем не менее она является пространством, в котором становится возможным его построение.

7. В первом случае, говоря о необходимости «жить хорошо со своими недугами», Латур отсылает к «Мифу о Сизифе» Альбера Камю: «Важно... не исцелиться, но научиться жить со своими болезнями» (Камю, 1990: 44). Во втором случае указание на необходимость «жить хорошо» может отсылать к утверждению Аристотеля в «Политике» (1280b) о том, что полис является результатом объединения людей ради хорошей или благой жизни: «...оно [государство/полис] появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни (eu zēn)...» (Аристотель, 1983: 462).

Действительно, «бурлящее» пространство Геи, аккумулирующее в себе множество все новых и новых процессов, становится кладезем «перспектив», то есть конкретных возможностей, ориентацию на которые композиционизм предлагает в качестве альтернативы ослепляющей идее самодвижущегося прогресса (Latour, 2010a: 486).

Логично предположить, что роль таких перспектив, способных составить образ будущего общего мира, могли бы взять на себя те агенты Геи, что играют первостепенную роль в поддержании условий жизни на Земле. Выражаясь словами Латура, основу новой композиции должны составить агенты, участвующие в процессе *порождения* (engendering/engenderment), направленного на воссоздание сущностей, участвующих в производстве пригодного для жизни пространства, то есть сущностей, от которых зависит обитаемость мира в целом (Латур, 2019: 141-142; Latour, 2021: 23; Latour, Schultz, 2022: 30).

Тем самым кажется совсем неудивительным, что первостепенным шагом к решению проблемы климатического кризиса, а точнее, к построению общего мира, согласно Латуру, должно стать описание индивидами своих территорий, или, другими словами, «мест для жизни» (dwelling places/terrains de vie) (Латур, 2019: 155, 162; Latour, 2021: 69; Latour, Schultz, 2022: 85-86), с целью «определения своих друзей и врагов», то есть агентов, способствующих и препятствующих процессу порождения. Территория при этом подразумевает под собой не изолированную часть пространства, но сеть актантов, от которых зависит конкретный индивид: «Территория агента — это ряд других агентов, с которыми он должен договориться и без которых он не может обойтись...» (Latour, 2017: 252). Иными словами, Латур вновь указывает на необходимость первостепенного обращения к «политическому-1», то есть к практике выведения в явленность агентов, сокрытых за пеленой подручного, в том числе путем приобретения способности «воспринимать» и «быть озабоченными» (Ibid.: 145) земными процессами, от которых мы зависим⁸.

Однако сегодня процедура выявления сущностей, составляющих наши территории, становится особенно непростой задачей. Политический теоретик Пьер Шарбонье отмечает, что климатический кризис, ставший результатом концентрации нововременной западной мысли на понятиях либеральной свободы и экономического изобилия, привел к так называемому «двойному исключению» Модерна, предопределившему существующую асимметрию между сферами природного и социального (Charbonnier, 2021: 211). Сосредоточение на вопросах автономии и достатка вывело природное за пределы человеческого восприятия, сделав проблемы экологии невидимыми для обывателя, буквально оторвав его от земли. Идея Шарбонье позволила Латуру предположить, что сегодня мы являемся свидетелями раскола между двумя мирами: миром, в котором мы живем (le monde où l'on vit / the world we live in) как граждане, пользуясь определенным набором эконо-

8. Еще о важности способности «восприятия» как необходимого навыка для жизни в эпоху климатических изменений см., например: Stengers, 2015.

мических благ и юридических свобод, и миром, *которым* мы живем (le monde dont on vit / the world we live off), обеспечивающим условия для нашего существования как живых существ (Latour, 2021: 41; Latour, Schultz, 2022: 32). Будучи погруженными в первый из двух миров, мы упускаем из вида второй. Мир наших реальных экзистенциальных зависимостей становится лишь тенью наших повседневных забот.

Проект «Где приземлиться?»

Задачу решить проблему описания территорий, дабы запустить процесс композиции, берет на себя исследование *Où Atterrir?* («Где приземлиться?»), впервые проведенное консорциумом исследователей под научным руководством Латура в 2020 году (SOC) и ставшее своего рода кульминацией его многолетней работы в области политической экологии. Отправной точкой исследования, его теоретической моделью и источником вдохновения стал сюжет французской истории, связанный с возникновением наказов или «тетрадей жалоб» в январе-мае 1789 года (Латур, 2019: 166; Latour, 2019: 5). По призыву короля Людовика XVI все французские граждане коллективно за несколько месяцев перечислили свои тяготы и претензии, тем самым подробно описав условия своей жизни.

В результате некогда пассивный французский народ смог обрести политическую субъектность: «Уметь описать свои места для жизни и существовать в качестве народа — одно и то же» (Латур, 2019: 167). Подобное утверждение вновь явно опирается на понимание политического Липпманом и Дьюи, согласно которому появлению публики всегда предшествует проблема, заставляющая людей собраться вместе для ее обсуждения (Marres, 2005). Отсюда задачу по созданию новой политической общности берет на себя и сам Латур, предлагая называть потенциальное объединение заинтересованных в защите агентов порождения то «земными» (Earthbounds, terrestrials) (Latour, 2017: 223; Latour, 2021: 15), то новой «нацией» (Латур, 2019; Latour, 2022: 88), то «экологическим классом» (Latour, Schultz, 2022). В этой связи одной из основных задач проекта *Où Atterrir?* становится в том числе реконструкция политической речи (Latour, 2019: 6) как обмена мнениями об общих вещах мира, непременно ведущего к образованию групп.

В целом исследование состоит из трех основных частей: анкетирования (заполнения «тетрадей жалоб»), работы с «компасом» и составления карт. Анкетирование является отправной точкой исследования и позволяет информантам выделить и перечислить сущности, от которых зависит их существование и которые, по их мнению, находятся под угрозой.

В свою очередь, основная часть исследования посвящена визуализации отношений агентов, составляющих жизненное пространство информантов. Компас представляет из себя устройство, позволяющее связать совокупность актантов, составляющих территорию каждого информанта, в единую сеть (рис. 3).

Рис 3. Пример заполненного компаса респондента, отражающего взаимодействия выделенных им сущностей. Фрагмент оригинального изображения команды Société d'Objets Cartographiques (SOC).

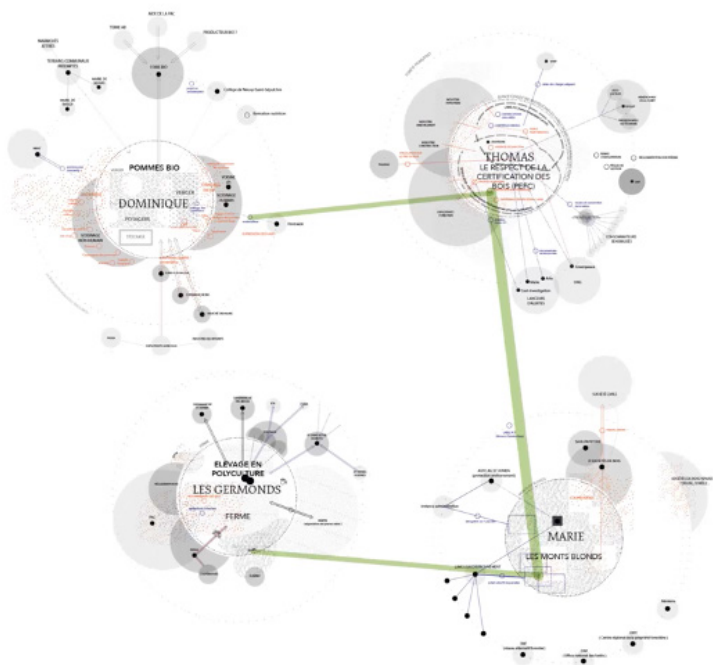
Как правило, в центре компаса размещается сущность, которая вызывает у информанта наибольшее беспокойство. Именно вокруг нее информант визуализирует отношения всех остальных агентов, составляющих его территорию (SOC). Позади от центральной сущности информант размещает тех агентов, от которых его сущность зависит, а спереди — на которых его сущность влияет. Слева от сущности располагаются агенты, испытывающие ее воздействие, или, наоборот, оказывающие на нее отрицательное влияние, то есть такое влияние, которое препятствует комфортному существованию сущности или же вовсе разрушает ее, а справа — положительное, то есть влияние, способствующее ее развитию.

Тем самым работа с компасом позволяет выделить из всего набора актантов, выявленных в результате описания, тех, кто выступает индивидуальным предметом беспокойства каждого из информантов. При этом стоит подчеркнуть, что размещенные на компасе сущности все еще не являются вещами, так как взгляд на них падает лишь с одной стороны: предмет на компасе играет однозначно положительную либо отрицательную роль.

Наконец, последний этап исследования основан на взаимном соотношении сетей зависимостей каждого участника для построения «карт общих ландшафтов» (*les cartes des paysages partagés*), отражающих основные проблемы людей, чьи индивидуальные территории приходят в соприкосновение (рис. 4). Авторы исследования называют подобные соприкосновения индивидуальных территорий «рикошетами» или «отскоками» (*rebonds*) (SOC). Дело в том, что агент, являющийся важным звеном системы порождения для одного или нескольких информантов, может оказаться подвержен отрицательному влиянию (угрозе) со стороны процесса жизнедеятельности другого человека. В результате составляющая общую территорию сущность приобретает черты предмета противоречия.

SOC - CONSORTIUM OÙ ATERRIR

Carte des paysages partagés

groupement de concernements : **ATTACHEMENT AUX BOIS**

Рис 4. Пример финальной карты проекта *Où Atterrir?* Индивидуальные территории каждого респондента объединены одной сущностью.

Фрагмент оригинального видео команды *Société d'Objets Cartographiques (SOC)*.

В качестве примера можно представить следующую ситуацию. Латур однажды упоминает своего соседа-фермера, который, борясь с сорняками, опрыскивал свою кукурузу гербицидами — химическими веществами, предназначенными для выборочного уничтожения растительности (Latour, 2021: 75). Опрыскивание положительно сказывалось на его урожае и даже, возможно, помогало ему продолжать получать субсидии ЕС на развитие сельского хозяйства. Однако эти же гербициды, оседа в том числе и на участке Латура, заставляли его беспокоиться о здоровье своих внуков, которые могли отравиться. Несложно представить, что другие соседи Латура также могли страдать от гербицидов, которые, будучи безопасными для кукурузы, могли нести вред другим сельскохозяйственным культурам, например, пшенице.

В результате мы имеем ситуацию наложения трех компасов или территорий, в каждом из которых присутствует такой агент, как гербициды (рис. 5). В компасе первого соседа Латура (Соседа-1), озабоченного своей кукурузой, гербициды играли бы роль агента, участвующего в процессе порождения, из-за своего положительного влияния на его урожай. В то же время в гипотетическом компасе Латура, в центре которого можно было бы поместить сущность под названием «семья», гербициды явно играют роль агента *негативного* влияния. Наконец, в компасе второго воображаемого соседа Латура (Соседа-2), озабоченного сохранением своих посевов пшеницы, гербициды также являются агентом, оказывающим отрицательное влияние на центральную сущность. Тем самым в результате наложения территорий трех человек общий для них актор, в данном случае гербициды, превращается в предмет противоречия.

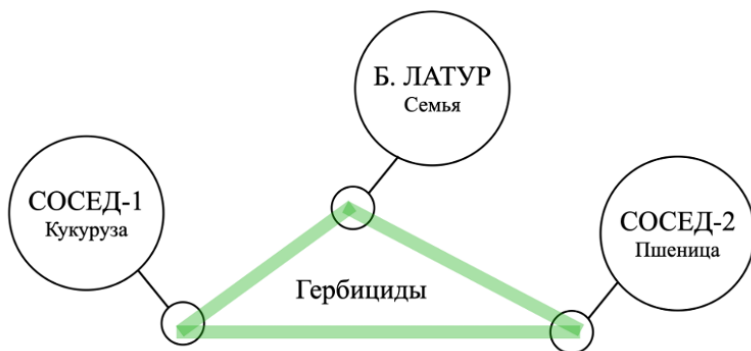

Рис 5. Пример объединения нескольких индивидуальных компасов одной сущностью.

Исходя из этого, можно предположить, что итоговые «карты общих ландшафтов» призваны превратить отдельных агентов территории в вещи, в смысле Ding, так как карта подразумевает взгляд на одни и те же сущности буквально с разных сторон. Если для Соседа-1 гербициды являются однозначно положительной сущностью, то для Латура и Соседа-2 они же являются той сущностью, которая несет

угрозу их основному предмету беспокойств. Однако стоит полагать, что если для Латура в этой ситуации было бы предпочтительнее вовсе избавиться от угрозы, заставив Соседа-1 перестать обрабатывать гербицидами свои поля, то Соседа-2 скорее всего устроила бы замена существующих гербицидов на те, которые являются безопасными для его пшеницы. Выходит, некогда одномерный предмет обретает многогранность.

В результате карты позволяют объединить людей в единую *публику*, озбоченную общим вопросом, то есть перевести ситуацию из состояния «политического-1» в состояние «политического-2», как у Дьюи. Мы помним, что цель «политического-2» заключается в разработке механизмов регулирования проблемных вопросов, иначе говоря, данная форма политической ситуации направлена на формализацию и/или институциализацию проблемы, с целью предотвращения неожиданных последствий «транзакций», произведенных с данной сущностью. Тем самым абсолютно не случаен факт активного сотрудничества консорциума Oü Atterrir? с представителями местных властей, от которых ожидалась определенная реакция на проблемы жителей, выявленные в ходе эксперимента (SOC).

Итак, подобная реакция могла бы представлять собой попытку урегулирования проблемы силами государства, то есть потенциальный перевод проблемы из ситуации «политического-2», как у Дьюи, к «политическому-4», как у Хабермаса, предполагающему выстраивание вокруг проблемного вопроса формальной процедуры. При этом подобный перевод, предполагающий факт политической *репрезентации*, понимаемой как превращение *множества* людей в *один* (Latour, 2013: 133) институт или орган, являет собой работу *политического круга* Бруно Латура.

Именно полное прохождение политического круга можно считать главной целью эксперимента Oü Atterrir? Дело в том, что оно, во-первых, демонстрирует решение проблемы активации политической речи, которая, как мы помним, является истинной только в том случае, если ведет к образованию все новых групп даже после того, как изначальный тезис был видоизменен в результате репрезентации, то есть преобразования «множественности» публики в единство исполнительного органа.

Во-вторых, будучи построенным вокруг предметов беспокойства, имеющих экзистенциальное значение для отдельных участников исследования, построение круга способно *политизировать экологический вопрос*, сделав его предметом беспокойства конкретной группы граждан.

В-третьих, построение политических кругов являет собой процесс построения новой «земной» политической общности «снизу», так как позволяет людям объединяться в новые группы на основании общих зависимостей и продвигать свои собственные интересы на всем протяжении формального политического процесса.

Наконец, множество политических кругов, построенных вокруг «экологических» предметов беспокойств, позволяют сплести единую композицию пригодного для жизни *общего мира*. Дело в том, что каждый из потенциальных предметов

беспокойства неизбежно представляет собой сущность, участвующую в процессе порождения и находящуюся под угрозой в результате негативного влияния на нее последствий действий других агентов. Будучи нацеленным на обеспечение защиты этих сущностей, политический круг *Où Atterrir?* буквально «перепрограммирует» политический процесс, превращая его в ту самую *постепенную композицию общего мира*, о необходимости которой Латур заговорил еще в 1990-х годах.

Заключение

Политический проект Бруно Латура постепенно формировался на протяжении всей его научной карьеры. Идеи, развитые им в ранних работах, продолжали играть определяющую роль и в более поздних трудах, органично встраиваясь в меняющуюся теоретическую рамку.

Так, ключевая идея ранней политической теории науки Латура, разработанной им в трудах о Пастере, отмечающая политический статус процесса производства новых агентов, населяющих мир, позже была интегрирована в его композиционистский проект, основные положения которого были обозначены им в «Политиках природы». В этой же работе Латур впервые определил политику в самом широком смысле, назвав ее «постепенной композицией общего мира». Данное определение сохранит свою актуальность вплоть до самых поздних его работ. Тем не менее со временем представление Латура о *способе* построения общего мира значительно менялось. Первая попытка предложить подход к реализации процесса композиции была совершена им уже в «Политиках природы» в форме идеи Парламента вещей. Позже, в 2000-х годах, Латур во многом пересмотрит свое понятие политического. Обратившись к традиции прямой демократии, он попытается сделать его более эмпирическим. Так на свет появится объектно-ориентированная политика, или же *Dingpolitik*, неотъемлемой частью которой стоит считать также и политический модус существования [POL], всегда строящийся вокруг вещей. Итак, категориальный аппарат, разработанный Бруно Латуром в теоретических работах, посвященных проблеме политики, не только станет рамкой для анализа им ситуации климатического кризиса, но и ляжет в основу позитивной программы по его преодолению.

Сам по себе экологический вопрос был предметом пристального внимания Латура начиная с самого зарождения композиционистского проекта. Неспособность современного миропорядка эффективно отреагировать на существующую климатическую угрозу стала для Латура одним из основных маркеров его несовершенства. В результате, исходя из того, что построенная под влиянием политической эпистемологии Науки Конституция Модерна влечет за собой образование *какосмоса*, то есть плохо упорядоченного мира, композиционизм стремится перестроить ее. Сделать это Латур предлагает путем релятивизации современного взгляда на мир, предлагая при этом свою собственную композиционистскую космологию, отвечающую требованиям нового климатического режима.

Принципы, на которых строится композиционистская картина мира, во многом наследуют теоретическим импликациям, намеченным Латуром в его ранних работах. Роль пространства, пригодного для построения общего мира, берет на себя гипотеза Геи, которую стоит считать эмпирически выверенной наследницей идеи коллектива, сформулированной в «Политиках природы» и понимаемой как процедура сборки и пересборки ассоциаций актантов. В свою очередь, множество происходящих в пространстве Геи событий может нести в себе значительное число перспектив, которые в условиях нового климатического режима могут пониматься как процессы, нацеленные на воспроизводство агентов порождения.

Наконец, позитивный проект Латура по построению пригодного для жизни общего мира также оказывается основан на теоретических импликациях, впервые заложенных им еще в ранних работах и в значительной мере модифицированных в поздних трудах, посвященных климатической проблематике. Так, первый шаг проекта *Où Atterrir?* предполагает описание информантами своих территорий, понимаемых как сети агентов, на которых они влияют и от которых зависят. Тем самым он оказывается основан на «политическом-1», то есть на процессе добавления в мир новых агентов. Визуализация территорий каждого информанта при помощи работы с компасом и процедуры картирования позволяет превратить индивидуальные предметы беспокойства в вещи, вокруг которых появляется возможность возникновения всех прочих типов политических ситуаций. Тем самым *Où Atterrir?* делает возможным запуск того, что Латур называет «политическим кругом», то есть непрерывающегося процесса движения политической речи, позволяющей образовывать новые группы. В свою очередь, построение множества политических кругов вокруг вещей, являющихся предметами противоречий, позволяет обеспечить постепенную композицию *пригодного для жизни* общего мира. Дело в том, что каждый из потенциальных предметов беспокойства неизбежно представляет собой сущность, участвующую в процессе порождения и находящуюся под угрозой в результате негативного влияния на нее последствий действий других агентов. В результате круг *Où Atterrir?* меняет траекторию всего политического процесса, переориентируя его на защиту агентов порождения, способных поддержать обитаемость мира, обеспечивая тем самым процесс непрерывного строительства того самого общего мира, пригодного для хорошей жизни всех входящих в него агентов.

Литература

- Аристотель (1983). Сочинения в 4-х т. Том. 4. М.: Мысль.
- Вахштайн В. (2005). Возвращение материального. «Пространства», «Сети», «Потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 95-115.
- Дьюи Дж. (2002). Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. М. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косилова. М.: Идея-Пресс.

- Камю А. (1990). Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат.
- Каплун В. (2019). Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies*, и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Логос*. Т. 29. № 2. С. 179-220.
- Кузнецов А. Г. (2022). Био-лог. Как унаследовать Бруно Латура? // Антропологический форум. № 55. С. 389-398.
- Кузнецов А. Г. (2015). Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // *Социология власти*. № 1. С. 55-89.
- Кузнецов А. Г. (2018). Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // *Логос*. Т. 28. №. 5. С. 85-112.
- Кузнецов А. Г. (2013). «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: МВШСЭН. С. 62-75.
- Латур Б. (2019). Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2002). Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. П. Куслий // *Логос*. Т. 35. № 5-6. С. 1-32.
- Латур Б. (2012). Коперниковский переворот в политической теории / Пер. с англ. А. Кузнецова // *Социология власти*, № 6-7. С. 235-254.
- Латур Б. (2015). Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2018). Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Латур Б., Хархордин О. (2019). «Никто теперь не верит, что мы собираемся модернизировать планету». URL: <https://www.colta.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Напреенко И. (2015). Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // *Социология власти*. № 1. С. 108-121.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017). Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // *Логос*. Т. 27. №1. С. 1-40.
- Хайдеггер М. (1993). Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика.
- Хархордин О. (2006). Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 5-56.

- Хархордин О., Алануро Р., Бычкова О. (ред.). (2013). Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Шиповалова Л. В. (2013). Бруно Латур и историчность научных текстов // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. Т. 15. С. 78-97.
- Широков А. (2019). Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 186-217.
- Ait-Touati F., Latour B. (2022). *Trilogie Terrestre*. Paris: Éditions B42.
- Charbonnier P. (2021). *Affluence and freedom: an environmental history of political ideas*. Cambridge: Polity Press.
- Crutzen P. J., Stoermer E. F. (2000). The Anthropocene // *International Geosphere-Biosphere Programme. Newsletter* 41. P. 17-18.
- de Vries G. (2007). What is Political in Sub-Politics?: How Aristotle Might Help STS // *Social Studies of Science*. Vol. 37. № 5. P. 781-809.
- Harman G. (2014). *Bruno Latour. Reassembling the Political*. London: Pluto Press.
- Howles T. (2018). *The Political Theology of Bruno Latour*. PhD Thesis. Amesbury: Michaelmas Press.
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)*. (2022). *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kharkhordin O. (2022). Gaia as *Res Publica* // *History of Political Thought*. Vol. 43. № 5. P. 8-27.
- Latour B. (2021). *After Lockdown: Metamorphosis*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010a). An Attempt at a "Compositionist Manifesto" // *New Literary History*. Vol. 41. № 3. P. 471-490.
- Latour B. (2013). *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. London: Harvard University Press.
- Latour B. (2006). From Realpolitik to Dingpolitik: or How to Make Things Public // B. Latour, P. Weibel. (eds.) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*. Cambridge: MIT Press. P. 14-41.
- Latour B. (2017). *Facing the Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.
- Latour B. (2022). Is Europe's Soil changing beneath our feet? // *Géopolitique, Réseau, Énergie, Environnement, Nature*. № 2. P. 92-97.
- Latour B. (2010b). *On the Modern Cult of the Factish Gods*. Durham: Duke University Press.
- Latour B. (2008). Pour un dialogue entre science politique et *science studies* // *Revue française de science politique*. Vol. 58. № 4. P. 657-678.
- Latour B. (2019). The Search for Political Heteronomy: New Ledgers of Complaints // *Esprit*. P. 1-8.

- Latour B. (2003). What if we *Talked* Politics a Little? // *Contemporary Political Theory*. № 2. P. 143–164.
- Latour B. (2004). Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry*. Vol. 30. № 2. P. 225–248.
- Latour B., Chakrabarty D. (2020). Conflicts of Planetary Proportion — A Conversation // *Journal of the Philosophy of History*. Vol. 14. № 3. P. 419–454.
- Latour B., Lenton T. (2019). Extending the domain of freedom, or why Gaia is so hard to understand // *Critical Inquiry*. Vol. 45. № 3. P. 659–680.
- Latour B., Schultz N. (2022). *Mémo sur la nouvelle classe écologique*. Paris: Éditions La Découverte.
- Marres N. (2023). How to Turn Politics Around: Things, the Earth, Ecology // *Science, Technology & Human Values*. Vol. 48. № 5. P. 973–998.
- Marres N. (2005). No issue, no public. Democratic Deficits after the Displacement of Politics. PhD Thesis. Amsterdam: Ipskamp Printpartners.
- Seguin E. (2015). Pourquoi les exoplanètes sont-elles politiques ? Pragmatisme et politique des sciences dans l'œuvre de Bruno Latour // *Revue française de science politique*. Vol. 65. № 2. P. 279–302.
- Seguin E., Lord L.-O. (2023). Bruno Latour's *Science Is Politics By Other Means*: Between Politics and Ontology // *Perspectives on Science*. Vol. 31. № 1. P. 9–39.
- Société d'Objets Cartographiques (SOC). Où Atterrir? Les Nouveaux Cahiers de Doléances. URL: <http://s-o-c.fr/index.php/ncd/> (accessed: 12.05.2023).
- Stengers I. (2015). In *Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*. London: Open Humanities Press.
- Yaneva A. (2022). *Latour for Architects*. New York: Routledge.

On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means of Addressing the Climate Crisis

Ivan Naumov

Graduate student, Sociology department, European University at Saint-Petersburg
Address: Gagarinskaya str., 6/1, Saint-Petersburg, 191187 Russian Federation
E-mail: inaumov@eu.spb.ru

The article attempts to extract from Bruno Latour's rich oeuvre a coherent theoretical program he called "compositionism". The aim of compositionism is to derive a procedure for composing a "common world", a form of reality capable of providing the best possible living conditions for the maximum number of agents within it. The article consists of two parts. The first outlines the theoretical features of the emergence of the compositionist project in the context of the development of Latour's political thought from the 1980s to the 2010s. Originally articulated in the 'Politics of Nature' in order to find an alternative to the world comprised by the dominant constitution of modernity, the theory of compositionism gradually developed throughout Latour's academic career. The notion of the 'Parliament of things' should be seen as the first attempt to propose an approach of realizing the process of composing the common world. Later, in the 2000s,

Latour would substantially revise his political project. Turning to the tradition of direct democracy, he would try to make it more empirical. This is how “object-oriented politics” or Dingpolitik was born, part of which should be considered a political mode of existence [POL] that is always built around things. The second part of the article attempts to apply the established theoretical apparatus to the interpretation of Latour’s later studies about the climate crisis. Among these is the ‘Où Atterrir?’ experiment, which embodies what should be seen as a positive project of “bottom-up” overcoming of “political numbness” in the face of the environmental threat.

Keywords: political theory, social theory, compositionism, common world, climate change, Dingpolitik, Gaia, Bruno Latour.

References

- Aït-Touati F., Latour B. (2022) *Trilogie Terrestre*, Paris: Éditions B42.
- Aristotle (1983) *Sochinenija v 4-h t. Tom. 4.* [Writings in 4 volumes. Vol. 4.], Moscow: Mysl’.
- Camus A. (1990) *Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo* [The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art], Moscow: Politizdat.
- Charbonnier P. (2021) *Affluence and freedom: an environmental history of political ideas*, Cambridge: Polity Press.
- Crutzen P. J., Stoermer E. F. (2000) The Anthropocene. *International Geosphere-Biosphere Programme*, newsletter 41, pp. 17-18.
- de Vries G. (2007) What is Political in Sub-Politics?: How Aristotle Might Help STS. *Social Studies of Science*, vol. 37, no 5, pp. 781-809.
- Dewey J. (2002) *Obshchestvo i ego problemy* [Public and its problems], Moscow: Ideya-Press.
- Harman G. (2014) *Bruno Latour. Reassembling the Political*, London: Pluto Press.
- Heidegger M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and speeches], Moscow: Respublika.
- Howles T. (2018) *The Political Theology of Bruno Latour*. PhD Thesis. Amesbury: Michaelmas Press.
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2022) *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaploun V. (2019) Perestat' myslit' «vlast'» cherez «gosudarstvo»: gouvernementalité, Governmentality Studies, i chto stalo s analitikoj vlasti Mishelja Fuko v russkikh perevodah. [Stop Understanding “Power” Through the “State”: Gouvernementalité, Governmentality Studies, and the Fate of Michel Foucault’s Analytics of Power in Russian Translations]. *Logos*, vol. 29, no 2, pp. 179-220.
- Kharkhordin O. (2022) Gaia as Res Publica. *History of Political Thought*, vol. 43, no 5, pp. 8-27.
- Kharkhordin O. (2006) Predislovie redaktora [Editor’s Foreword]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii*. [We Have Never Been Modern. An

- An Essay on Symmetrical Anthropology], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 5-56.
- Kharkhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (red.). (2013) *Infrastruktura svobody: obshhie veshhi i res publica*. [The Infrastructure of Freedom: Common Things and *res publica*], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kuznetsov A. (2022). Bio-log. Kak unasledovat' Bruno Latura? [Bio-log. How to Inherit Bruno Latour?]. *Forum for Anthropology and Culture*, no 55, pp. 389-398.
- Kuznetsov A. (2015) Latur i ego "tehnolog": veshhi, objekty i tekhnologii v aktorno-setevoy teorii [Latour and His "Technologist": Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 55-89.
- Kuznetsov A. (2018) Metod Latura: semiotika mezhdou literaturoj i naukoy [Latour's Method: Between Literature and Science]. *Logos*, vol. 28, no 5, pp. 85-112.
- Kuznetsov A. (2013) "Paradigma Latura": istoriya odnogo predatel'stva sotsial'nogo konstruktivizma v issledovaniyakh nauki i tekhnologii ["The Latour Paradigm": The Story of One Betrayal of Social Constructivism in Science and Technology Studies]. *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii: "granitsy" v sotsial'nykh naukakh: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Vectors of Modern Russia Development: "Boundaries" in the Social Sciences: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference], Moscow: MSSSES, pp. 62-75.
- Latour B. (2021) *After Lockdown: Metamorphosis*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010a) An Attempt at a "Compositionist Manifesto". *New Literary History*, vol. 41, no 3, pp. 471-490.
- Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*, London: Harvard University Press.
- Latour B. (2006) From Realpolitik to Dingpolitik: or How to Make Things Public. B. Latour, P. Weibel. (eds.) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*, Cambridge: MIT Press, pp. 14-41.
- Latour B. (2002) Dajte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir [Give Me a Laboratory and I will Raise the World]. *Logos*, vol. 35, no 5-6, pp. 1-32.
- Latour B. (2019) *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientacii* [Where to land? Experiences of political orientation], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Latour B. (2017) *Facing the Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*, Cambridge: Polity Press.
- Latour B. (2012) Kopernikovskij perevorot v politicheskoy teorii [The Copernican revolution in political theory]. *Sociology of Power*, no 6-7, pp. 235-254.
- Latour B. (2022) Is Europe's Soil changing beneath our feet? *Géopolitique, Réseau, Énergie, Environnement, Nature*, no 2 pp. 92-97.
- Latour B. (2010b) *On the Modern Cult of the Factish Gods*, Durham: Duke University Press.
- Latour B. (2015) *Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo»* [Pasteur: War and Peace of Microbes, with an appendix of "Irreductions"], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE Publishing House.
- Latour B. (2018) *Politiki prirody* [Politics of Nature], Moscow: Ad Marginem Press.
- Latour B. (2008) Pour un dialogue entre science politique et science studies. *Revue française de science politique*, vol. 58, no 4, pp. 657-678.
- Latour B. (2019) The Search for Political Heteronomy: New Ledgers of Complaints. *Esprit*, pp. 1-8.
- Latour B. (2003) What if we Talked Politics a Little? *Contemporary Political Theory*, no 2, pp. 143-164.
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225-248.
- Latour B., Chakrabarty D. (2020) Conflicts of Planetary Proportion — A Conversation. *Journal of the Philosophy of History*, vol. 14, no 3, pp. 419-454.
- Latour B., Kharkhordin O. (2019) «Nikto teper' ne verit, chto my sobiraemysya modernizirovat' planetu» ["No One Now Believes We're Going to Modernize the Planet"]. Available at: <https://www.colta.ru/> (accessed: 18 April 2023).
- Latour B., Lenton T. (2019) Extending the domain of freedom, or why Gaia is so hard to understand. *Critical Inquiry*, vol. 45, no 3, pp. 659-680.
- Latour B., Schultz N. (2022) *Mémo sur la nouvelle classe écologique*, Paris: Éditions La Découverte.
- Marres N. (2023) How to Turn Politics Around: Things, the Earth, Ecology. *Science, Technology & Human Values*, vol. 48, no 5, pp. 973-998.
- Marres N. (2005) *No issue, no public. Democratic Deficits after the Displacement of Politics*. PhD Thesis. Amsterdam: Ipskamp Printpartners.
- Napreenko I. (2015) Delegirovanie agentnosti v koncepcii Bruno Latura: kak sobrat' gibrinnyj kollektiv kiborgov i antropomorfov? [Delegation of Agency in the Concept of Bruno Latour: How to Build up a Heterogeneous Collective of Cyborgs and Anthropomorphs?]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 108-121.
- Pisarev A., Astahov S., Gavrilenko S. (2017) Aktorno-setevaja teorija: nezavershennaja sborka [Actor-Network Theory: An Unfinished Assemblage]. *Logos*, vol. 27, no 1, pp. 1-40.
- Seguin E. (2015) Pourquoi les exoplanètes sont-elles politiques ? Pragmatisme et politique des sciences dans l'œuvre de Bruno Latour. *Revue française de science politique*, vol. 65, no 2, pp. 279-302.
- Seguin E., Lord L.-O. (2023) Bruno Latour's Science Is Politics By Other Means: Between Politics and Ontology. *Perspectives on Science*, vol. 31, no 1, pp. 9-39.
- Shipovalova L. V. (2013) Bruno Latur i istorichnost' nauchnyh tekstov [Bruno Latour and Historicity of Scientific Objects]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshhestva*, vol. 15, pp. 78-97.
- Shirokov A. (2019) Politika objasnenija i strategija opisaniya Bruno Latura: kak pisat' in-frarefleksivnye teksty [The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bru-

- no Latour: How to Write Infra-reflexive Texts]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 1, pp. 186-217.
- Société d'Objets Cartographiques (SOC). Où Atterrir? Les Nouveaux Cahiers de Doléances. Available at: <http://s-o-c.fr/index.php/ncd/> (accessed: 12 May 2023).
- Stengers I. (2015) *In Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*, London: Open Humanities Press.
- Vahshtajn V. (2005) Vozvrashhenie material'nogo. «Prostranstva», «Seti», «Potoki» v aktorno-setevoj teorii [Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 95-115.
- Yaneva A. (2022) *Latour for Architects*, New York: Routledge.

Не только природные ресурсы: экстрактивизм как обобщающая концепция

Никита Панфилов

Студент, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, 1, Москва, 119991 Российская Федерация
E-mail: panfinik@yandex.ru

Руслан Дохов

Старший преподаватель, факультет географии и геоинформационных технологий
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
младший научный сотрудник, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран
МГУ им. М. В. Ломоносова
Адрес: Покровский бульвар, 11, Москва, 109028 Российская Федерация
E-mail: rdokhov@hse.ru

Интенсификация воздействия человека на среду, прогрессирующее глобальное неравенство и обостряющееся противостояние ресурсной логике восприятия природы привели к оформлению в начале XXI века дискурса об экстрактивизме — особой форме общественных отношений, приводящей к превращению развития в эксплуатацию ресурса с отчуждением локальных акторов (сообществ, людей, компаний и даже государств) от производящейся прибыли, вывозимой с территории, где этот ресурс находится. Концепция экстрактивизма распространилась за пределы изначальной тематики (от природных к ресурсам человеческого таланта, данных, зеленого регулирования и мн. др.) и подверглась обильной и разнообразной рефлексии использовавших ее представителей разных дисциплин. Описанные на латиноамериканском материале практики были обнаружены в других частях света, в том числе в скрытых, мимикрирующих под экологически и социально ответственное развитие формах. Расширенная концепция экстрактивизма претендует на роль еще одного большого обобщающего множество процессов понятия, сводящего постмодерное развитие к обновляющему и цементирующему существующие социальные расколы производству ресурсных периферий не только на бывших колониальных окраинах, но и в староосвоенных ядрах стран развитого капитализма. Воображаемая пустота новых ресурсных хинтерландов стала новым механизмом исключения растущих уязвимых групп из распределения прибыли, производящейся в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Ключевые слова: экстрактивизм, зависимость, полимасштабность, постколониализм, ресурсы, материальность

Обострившиеся в последние десятилетия глобальные проблемы, вызванные в том числе воздействием человека на окружающую среду, и ресурсная логика восприятия природы и общества привели к зарождению дискурса об экстрактивизме. В настоящей статье мы проследим преобразования этого понятия, вышедшего в современных социальных науках далеко за пределы изначальной природно-ресурсной тематики. Эти изменения сопровождались исследовательской рефлексией авторов, осмыслявших экстрактивизм в различных контекстах собственных дисциплинарных и региональных оптик. Расширение области применения оптики

рассмотрения процессов как экстрактивистских привело к переоценке не только содержания, но и политических коннотаций понятия.

Для понимания основания этих расхождений и логики их формирования мы обращаемся не столько к анализу типов экстрактивируемых ресурсов (или чего угодно, что экстрактивизм позволяет превращать в ресурс), сколько к разномасштабным пространственным последствиям укоренения такого типа общественных отношений.

«Старый» экстрактивизм был осмыслен в контексте переродившихся во второй половине XX в. практик эксплуатации одними регионами других (нео-, внутренне- или постколониальных) через отчуждение добываемых в них природных ресурсов. Изменившийся характер экономики повлек за собой сдвиг от материального производства к нематериальному, основанному на человеческом таланте, образах и данных. В постиндустриальной экономике многие социальные процессы и феномены, прежде выходявшие за рамки экономической детерминированности, стали в большей степени преобразовываться в механизмы извлечения прибыли. Такие новые практики производства, связанные с нарастанием пространственной поляризации по всем показателям (безопасности, доходов, уровня доступных услуг, загрязнения, продолжительности и качества жизни и мн. др.), привели к расширению понимания экстрактивизма. Это позволило рассмотреть, как рядоположенные старые практики извлечения природных ресурсов и связанные с ними конфликты, так и относительно новые практики отчуждения результатов социальных процессов. Следствием этого нового понимания стало расширение диапазона пространственных масштабов явлений, анализируемых как экстрактивистские: от макромасштаба трансконтинентальных потоков материальных ресурсов к внутристрановым межрегиональным потокам, внутриагломерационным перемещениям водных и креативных «ресурсов», и даже виртуальным потокам данных.

Исследования традиционного экстрактивизма

Термин «экстрактивизм» стал употребляться не позднее 1970-х годов для описания развития горно- и нефтедобывающей промышленности (Gudynas, 2018). В нулевые годы он набирает популярность в связи с дискуссиями о новой модели развития в латиноамериканских странах, в которой рост благосостояния достигался за счет эксплуатации природных ресурсов. Современный интерес к экстрактивизму у ученых за пределами Латинской Америки начался во многом благодаря публикациям уругвайского эколога Эдуардо Гудинаса (Gudynas, 2018).

Гудинас определял экстрактивизм как практику присвоения природных ресурсов, в которой они отчуждаются в основном в экспортном направлении, в больших объемах или с высокой интенсивностью. Он отмечал, что экстрактивизм имеет как эффекты локального характера (разрушение экосистем, вытеснение из ареалов традиционного расселения и исключение из процессов распределения прибыли местного населения), так и эффекты перелива, влияющие на всю эко-

номику страны (например, институциональные изменения, стимулирующие экстрактивное развитие в других местах), которые интенсифицируют такой тип развития (Gudynas, 2018).

Взгляд Гудинаса можно назвать «узким»: экстрактивизм строго ограничивается операциями по извлечению прибыли из отчуждаемых природных ресурсов. При этом жители мест, где ведется извлечение ресурсов, исключены из процесса распределения прибыли или сильно обделены ею (Parks, 2021; Szeman, Wenzel, 2021).

Идея экстрактивизма была воспринята и осмыслена за пределами экономики добычи природных ресурсов (Bruna, 2022; Dunlap, Jakobsen, 2020; Kröger, 2020, 2022; Nygren, Kröger, Gills, 2022). Оптику экстрактивизма применили к совершенно новым областям, от цифровой и интеллектуальной сферы до финансов и глобальной экономики (Mezzadra, Neilson, 2017). Цзинцон Е, Теодор Шанин и Садро Меццадра и соавторы (Ye et al., 2020; Mezzadra, Neilson, 2017) возражали Гудинасу и сформулировали «широкий» взгляд на экстрактивизм. По их мнению, концепция не должна быть сфокусирована на определенном типе ресурсов и может пониматься в гораздо более широком ключе, что позволит выйти на новый уровень обобщений. Экстрактивизм в таком случае не привязывается к какому-либо конкретному месту. Также они отмечали разномасштабность экстрактивистских практик: их ареной может быть и малая деревня Лиуцун в Северо-Восточном Китае (Ye et al., 2020), и «литиевый треугольник» между Боливией, Чили и Аргентиной, где ведется добыча ресурсов для производства батарей на других континентах (Voskoboynik, Andreucci, 2022).

Большинство работ последних лет воспринимает его именно в «широком» понимании как спорный и конфликтный акт или явление, свойственное неолиберализму в понимании Д. Харви (Harvey, 2005; Kröger, 2022). Однако истоки современных экстрактивистских практик ученые обнаруживают во времена начала европейского колониализма около 500 лет назад и даже раньше — в экологически деструктивном антропоцентричном присвоении природных ресурсов, направленном на создание империй (Durante, Kröger, LeFleur, 2021).

Современные экстрактивные практики связаны не только с неокOLONIALНЫМ извлечением прибыли из стран Глобального Юга. В период неолиберального дерегулирования они переключились на внутреннюю колонизацию неосвоенных ресурсов развитых стран (Gómez-Barris, 2017; Parks, 2021; Ye et al., 2020; Dunlap, Riquito 2023; Marmol, Vacarro, 2020). Взаимосвязь экстрактивных практик и левого ресурсного национализма¹ (Laing, 2020; Myadar, Jackson, 2018) получила название «неоэкстрактивизм» — нарастающее извлечение ресурсов, сопутствующее политике прогрессивизма в латиноамериканских странах (Gudynas, 2018). Относительно низкие цены на сырьевые товары в 2014 году вовлекли такие модели развития в кризис, что привело к дебатам о *постэкстрактивизме* как альтернативе, смягчающей влияние экстрактивистских практик на местное население (Brand, Boos, Brad, 2017; Svampa, 2019; Veltmeyer, Zayago Lao, 2020).

1. Политика распределения ресурсов страны и присвоения их государством, а не частными лицами, один из элементов конструирования нации (Koch, Perreault, 2018).

В Университете Хельсинки возникла инициатива по глобальному экстрактивизму и альтернативам (аббр. EXALT) — исследовательская программа, изучающая политико-экологические и политико-экономические аспекты глобальных экстрактивных отраслей, а также связанные с ними социоэкологические кризисы, и предоставляющая критический анализ и альтернативы для управления такими глобальными проблемами. Ученые из этой рабочей группы, учитывая разнообразие трактовок и применений концепции, предложили считать экстрактивизм синтезирующей совокупностью идей (Chagnon et al., 2022), которая позволяет лучше описывать современность, но не становится ее синонимом. Эта обобщающая концепция, по их мнению, должна упорядочивать совокупность знаний так же как, например, «глобализация». Изучение прежде дезагрегированных компонентов идей и их деталей с помощью организующей концепции позволит углубить исследования в данной области знаний (Barrington-Leigh, 2017).

Расширение географии и поиск новых масштабов исследований

Большая часть исследований экстрактивизма происходит из части света, где эта концепция зародилась, — из Латинской Америки. На примере Бразилии показано (Andrade, 2022), как экстрактивизм связан с неолиберальными практиками управления, особенно подчеркивается систематическое снижение доходов государства и общества в интересах владельцев приносящих ренту активов. Конфликты, возникающие вокруг экстрактивных политик, можно проиллюстрировать работой Теи Риофранкос об Эквадоре, где внутри левого правительства произошел раскол на ресурсных националистов, стремившихся национализировать природные богатства, и антиэкстракционистов, призывавших отказаться от добычи ресурсов в пользу альтернативной экономики (Riofrancos, 2020). При сопротивлении добыче нефти в Эквадоре и Перу (Laastad, 2022) пространственные стратегии борьбы с добычей ресурса могут определяться историей колонизации территорий. На примере Боливии, Чили и Аргентины описывается подъем экстрактивизма критического ресурса XXI века — лития, необходимого для производства аккумуляторов (Mejia-munoz, Babidge, 2023; Voskoboynik, Andreucci, 2022; Hernandez, Newell, 2022).

Исследователи чаще рассматривают экстрактивизм в масштабе (и в территориальных рамках) государств, которые могут ограничивать такие практики, что было показано на агроэкстрактивизме (McKay, Alonso-Fradejas, Ezquerro-Canete, 2021). Несмотря на рост крупных мегалополисов и транснациональных корпораций как самостоятельных экономических агентов, на национальные государства по-прежнему возлагается ответственность за экономическое развитие (Andreucci, Radhuber, 2017; Kay, 2022). Субъектность государств проявляется в их влиянии на других акторов посредством регулирования режимов аккумуляции капитала (Merino, 2020). При этом государство может выступать как непосредственный организатор экстрактивистской деятельности (Gudynas, 2018; Gustafsson, Scurrah,

2019) или играть ведущую роль в становлении экстрактивизма на своей территории (Brand, Görg, Wissen, 2020; Ehrnström-Fuentes, Kröger, 2018; Ollinaho, Kröger, 2021).

Модели развития, основанные на извлечении ресурсов, встречаются не только в Латинской Америке. Так, развитие стран БРИКС во многом основывается на эксплуатации богатых недр стран (Ye et al., 2020). Другой пример — Гана, правительство которой с 1980-х годов продвигает крупномасштабную добычу полезных ископаемых транснациональными корпорациями. Исследователи оценивают перспективы данной модели развития как мрачные (Ayelazuanu, 2014).

Экстрактивистские практики встречаются и в европейских странах (Marmol, Vacarro, 2020). На примере общины Баррозо в Португалии показано (Dunlap, Riquito, 2023) объединение усилий компаний и правительства в попытках умиротворить сельское население, чтобы добиться одобрения крупномасштабного добывающего проекта. Часто «устойчивая» экономика может быть лишь ширмой: так, лесная биоэкономика Финляндии на самом деле содержит в себе экстрактивистские неустойчивые паттерны (Holz, 2023).

Экстрактивизм изучается и на уровне отдельных городов (Streule, 2022), чаще на примере других типов природных ресурсов и в связи с окружающими их регионами (Dong et al., 2022). Множество работ по анализу кейсов экстрактивизма в американских городах фокусируется на извлечении воды и управлении водными ресурсами в Южной Калифорнии (Cantor, 2021), Техасе (г. Остин) (Breyer, Zipper, Qiu 2018), Неваде (г. Лас-Вегас) (Luke, 2019) — в них поднимаются проблемы возникновения «ресурсных хинтерландов»² и пространственного неравенства из-за неустойчивого городского метаболизма.

Применение новых методов и изучение нестандартных типов ресурсов

Экстрактивизм организует особый тип пространства, политические структуры и социальные отношения (Chagnon et al., 2022). Для анализа этого процесса используется концепция сырьевого (Moore, 2015; Teran Mantovani, 2016) или экстрактивистского фронта (Frederiksen, Himley, 2020). Фронтиры продолжают расширять экстрактивные ареалы в разных измерениях (Bennett, 2016), а ученые изучают различия между сырьевыми и ресурсными фронтами (Kröger, Nygren, 2020), возникновение новых фронтиров ресурсов и прибыли (Barney, 2009; Eilenberg, 2014; Kelly, Peluso, 2015; Tsing, 2003) и применение социотехнологических инноваций для продления существования фронта (Verbrugge, Geenen, 2019).

Помимо традиционных для исследований экстрактивизма отраслей — крупномасштабной добычи нефти и угля, сельскохозяйственных плантаций — есть опыты изучения и менее заметных, но крупных по объемам ресурсных фронтиров, например добычи песка (Bisht, 2021). Так, на примере Колумбии показаны отноше-

2. Территории, включенные в потоки ресурсов, характеризующиеся суммарными потерями в балансе ресурсов (Cantor, 2021).

ния между агентами экстрактивизма песка разных масштабов: частные старатели вытесняются крупными корпорациями (Hougaard, Velez-Torres, 2020), а хозяйства мелкомасштабных старателей в Перу демонстрируют бесконфликтное сосуществование с местными жителями, в отличие от деятельности крупных компаний (Malone, Smith, Zeballos Zeballos, 2021).

Экстрактивизм в широком понимании может иметь место не только при извлечении природных ресурсов. Цзинцон Е, Теодор Шанин и соавторы описывают (Ye et al., 2020) экстрактивизм в отношении ресурсов, накопленных прошлыми поколениями, в том числе человеческих (использование городами трудовых ресурсов деревень в Китае, аутсорсинг специалистов в Индии).

Скрытая экстрактивная логика добычи прослеживается во многих отраслях. В работе Адэрны Джонсон и соавторов (Johnson et al., 2020) речь идет об экстрактивной логике в таких сферах, как туризм и рыбная ловля. Сара Кнут (Knuth, 2016) показывает, как «зеленые» технологии строительства в Сан-Франциско оказываются экстрактивными фронтами, поскольку переопределяют городские пространства и здания как новые экономические ресурсы, фокусируясь на финансовой выгоде от экологического «озеленения». Кэтрин Фурлонг обращает внимание на «зеленую дымовую завесу» серверных технологий, которые кажутся ресурсосберегающими, а на деле потребляют много энергии (Furlong, 2021). Логика сбора данных (англ. *data mining*) также основана на экстрактивизме, как принципе добычи полезных ископаемых и ведения сельского хозяйства, логистические услуги также можно назвать экстрактивными (Mezzadra, Neilson, 2017; Tironi Rodo, Valderrama Barragan, 2023).

Их идеи разделяет колумнист Евгений Морозов, который ввел понятие «экстрактивизм данных» (Morozov, 2017; цит. по: Chagnon et al., 2022) как составная часть более широкого процесса колонизации данных (Couldry, Ali Me, 2019) и как самостоятельная концепция (McNeill, 2015; Moore, 2020; Ricaurte, 2019; Sadowski, 2019, 2020). Требор Шольц (Sholz, 2016) указывает на внедрение экстрактивных процессов в социальное взаимодействие в городе «строителями цифровых мостов»: это компании вроде Uber, которые встраиваются между теми, кто предлагает услуги, и теми, кто их ищет. Исследователи хельсинкской группы EXALT называют цифровым экстрактивизмом, построенный на современных телекоммуникационных и электронных технологиях (Chagnon et al., 2022).

Изменения климата и связанные с реакцией на них политические меры, направленные на уменьшение выбросов и влияния человека на окружающую среду, стали недобросовестно использоваться для аккумуляции богатства и отчуждения прав на выбросы у местного населения в пользу крупных экстрактивных акторов. Такое явление получило название «зеленый экстрактивизм» (Bruna, 2022, 2023; Tonnel, 2022). Экстрактивизм проявляется и в моделях циклической углеродной экономики: так, использование углеродных квот в Северной Каролине привело к тому, что сэкономленная домохозяйствами энергия становится ресурсом для извлечения прибыли электрическими компаниями, а не достается сократившим потреб-

ление жителям (Thoyre, 2021). Аналогичным образом экстрактивизм в энергетической отрасли рассматривается на примерах крупных data-центров в Ирландии (Bresnihan, Broodie, 2021) и майнинга биткойна на реке Колумбия в американском штате Вашингтон (Lally, Kay, Thatcher, 2022), использующих дешевую энергию для производства добавленной стоимости в интересах глобального рынка, а не местных или региональных акторов.

Дискуссии вокруг экстрактивизма

С 2017 года наблюдается бум исследований экстрактивизма, выпускаются тематические спецномера научных журналов (напр.: Culture Studies — 2017, The Journal of Peasant Studies — 2022, OpenEdition — 2023, Geoforum — 2024). Экстрактивизм понимается исследователями по-разному, но все фокусируются на использовании природных и, реже, человеческих ресурсов для получения прибыли.

«Узкое» представление об экстрактивизме как о совокупности практик крупномасштабного извлечения и отчуждения природных ресурсов в основном замечено более «широким» взглядом на проблему присвоения ресурсов в неolibеральных экономических моделях. Однако споры о конкретном всеобъемлющем определении продолжают.

Цзингон Е, Теодор Шанин и их коллеги (Ye et al., 2020) понимают экстрактивизм не как определенный *тип* ресурсов, а как контроль и «*выкачивание ресурсов*». Они указывают на общую трехуровневую архитектуру экстрактивистских систем:

- 1) уровень социоматериальной инфраструктуры, включающий сами эксплуатируемые ресурсы;
- 2) уровень потоков, существующий благодаря конкретным инфраструктурным элементам;
- 3) операционный центр, который осуществляет контроль, присваивает ценности и активно участвует в получении новых и отбрасывании исчерпанных ресурсов.

Некоторые ученые (Fash, 2022) призывают при определении экстрактивизма уйти от «экстрактоцентризма», важности экспорта продукции, и уделять большее внимание качественному анализу логики колониализма и конкретным насильственным действиям. Схожую мысль высказывают исследователи влияния экстрактивизма на сообщества в Панаме и Центральной Африке (Murrey, Mollett, 2023): они призывают не метафоризировать извлечение ресурсов, а уделять внимание конкретным проявлениям насилия и «экстрактивной логике». Эти проявления рассматриваются как не подвергающиеся сомнению рамочные условия, допускающие существование отношений изъятия, разрушения и дегуманизации.

Имре Зиман, канадский теоретик культурных исследований, и специалист по постколониальной теории Дженнифер Вензель (Szeman, Wenzel, 2021) подчеркивают важность разграничения действий по «извлечению» ресурсов и политики, логики и идеологии «экстрактивизма». Авторы ссылаются на работу Уильяма Кронона (Cronon, 1995), посвященную критике американской концепции «дикой

местности» (англ. *wilderness*), когда под дикостью подразумевается не неизменное природное состояние, а значительное различие в воспринимаемой культурной ценности территории, что приводит к формированию искусственного разделения человека и природы. Следуя мысли Кронона, исследователи определяют экстрактивизм как такие рамки операций с природным, когда в экономическую деятельность не просто включают нечеловеческое, но отношения с нечеловеческим толкуют в первую очередь или даже исключительно в экономических терминах (Szeman, Wenzel, 2021). Экстарктивизм обладает тем же свойством «ускользать от радаров» (Parks, 2021), которое описано Робом Никсоном (Nixon, 2011) как «медленное насилие»: постепенное, изнуряющее и незаметное.

Эдуардо Гудинас (Gudynas, 2018) предлагал определять экстрактивные практики, основываясь на двух измерениях: направлении перемещения ресурсов (более 50% идет на экспорт) и больших объемах или высокой интенсивности добычи. Группа EXALT сформулировала более детализированные параметры для обозначения экстрактивности практики: степень экспортной ориентации и переработки; масштабы, объем и скорость добычи; социально-экономические и экологические последствия; субъективизирующее отношение к природе (Holz, 2023). Важным направлением в будущих исследованиях представляется выработка такого способа критического анализа экстрактивистского притеснения людей и экосистем, который будет способствовать преобразованию отношений угнетения в более равноправные (Johnson et al., 2020).

(По)следствия экстрактивизма

Последствия экстрактивных отношений выходят далеко за пределы как собственно экономики, так и конкретных территорий, откуда извлекается нечто, превращенное в ресурс. Оптика экстрактивизма позволяет увидеть механизмы кросс-масштабных социально-политических трансформаций, затрагивающих как конкретные сообщества, так и общественно-политическое устройство регионов и стран, механизмы формирования и динамики глобальных экономических потоков и политических объединений.

К примеру, роль неоэкстрактивизма неоднозначна как в успехах, так и неудачах «розового прилива» — политического поворота в сторону левых правительств в Латинской Америке в начале XXI века (Andrade, 2022). Изучение экстрактивизма позволяет лучше понимать, как воспроизводятся практики расизма и притеснения темнокожих в Бразилии и США (Bledsoe, 2019; Donoghoe, 2022). Экстрактивизм приводит к формированию правовых и институциональных рамок, усугубляющих расовые постколониальные разногласия, и делает более жесткими иерархические отношения между территориями коренных народов и остальной частью страны (Nogona, 2022).

Экстрактивизм как способ организации политико-экономических отношений постоянно захватывает все новые ресурсы и передвигается с колониальных

периферий капиталистических систем в их ядро. Пример этого — «аутсорсинг», зародившийся в том числе в среде итальянской мафии, которая за счет контроля над связями между региональными элитами, банками и подрядчиками выполняла проекты по гораздо более низким ценам, чем прописывалось в контрактах, — фактически за счет аутсорсинга (Ye et al., 2020). В таком понимании концепция экстрактивизма позволяет отразить связи между моделями западного потребления, случаями эксплуатации на окраинах и изменениями в планетарном масштабе (Parks, 2021). Исследования экстрактивизма лития в андских странах показывают, как за ширмой устойчивого развития воспроизводятся экономические отношения зависимости, от которых номинально страны отказываются (Voskoboynik, Andreucci, 2022; Hernandez, Nuell, 2022; Mejia-Munoz, Babidge, 2023). Аналогичен пример экономики Чили, где сложившийся вокруг добычи медной руды принцип экстрактивизма воспроизводится в отношении зарождающегося экстрактивизма данных (Tironi Rodo, Valderrama Barragan, 2023).

Экстрактивизм может «ускользнуть от радаров», маскируясь под защиту природы от экстрактивных практик. Так, на канадской территории Нунавут такие отношения процветают при одобрении со стороны коренного населения, которое, несмотря на разрушение их территорий, получает большие деньги от нефтяных компаний (Bernauer, Roth, 2021). В Сальвадоре экстрактивная и антиэкстрактивная политики дополняют и воспроизводят друг друга: запрет добычи руды из-за загрязнения воды привел к росту активности в добыче нерудных ископаемых и «аграрном экстрактивизме» сахарного тростника (Artiga-Purcell, 2022). Рассмотрение ассамблежей (Деланда, 2018) агроэкстрактивных систем позволяет выяснять, как именно формируется зависимость экономики от экстрактивных практик. Инкорпорируя класс бедняков в экстрактивную систему (делая их доход зависимым от экстрактивных практик), правительство Боливии завоевало популярность, несмотря на усиление эксплуатации и аккумуляции богатства и власти (McKay, 2019). Аналогично экспорт сои в Аргентине приводит к увеличению доходов компаний, что, в свою очередь, стимулирует государственную поддержку экспорта, часть прибыли от которого направляется на социальные программы (Smith, 2023).

Результатом экстрактивизма становится подчиненное положение территории в системе глобального финансового капитала, усугубляющее ее зависимость (Franz, McNely, 2023). Изучение экстрактивизма и политик, обеспечивающих его существование, позволяет размышлять о переходе от ресурсоемких и экологически вредных практик к более устойчивым, справедливым и экологичным путям развития (Nygren, Kroger, Gills, 2022).

Экстрактивизм, онтология территории и воображаемая пустота: заключение

Оптика экстрактивизма дает возможность описывать разнообразные взаимодействия в обществе, а не только экономические отношения человека с нечеловече-

ским. Развившись на колониальной периферии, экстрактивизм стал проявляться и в «первом мире», на Глобальном Севере. Сейчас оптика экстрактивизма применяется в основном на страновом уровне, ведь государства по-прежнему ключевые пространственные единицы в мировой экономике. Логика экстрактивизма дает государству новые инструменты контроля над собственной территорией, где оно вырабатывает правила, регулирующие деятельность компаний-экстрактивистов, или само становится главным экстрактивистом.

Экстрактивистские отношения позволяют государству в условиях постмодерна через отделение населения от локализованного звена цепочки добавленной стоимости обновить и усилить иерархизацию пространства (Харви, 2021). В странах переселенческого капитализма (Смирнягин, 2019; Антонова, 1987) это усугубляет подчиненное положение территорий коренных народов по сравнению с остальной («освоенной», глобализированной) частью. В постколониальных странах — обновляет расовые расколы и способы исключения части населения из получения прибыли.

Ключевым механизмом такой пространственной трансформации становится формирование новых экстрактивистских фронтов на тех территориях, где фронтальное развитие (Замятина, 1998; Turner, 1920) давно прекратилось либо никогда не существовало.

Меняется территориальная логика формирования зависимости. Это следствие трансформации пространственной единицы, включаемой в такие отношения: от стран-государств применительно к старому экстрактивизму природных ресурсов к районам внутри стран, конкретным местностям и городам. Механизм, однако, остается прежним: восприятие территорий как пустых, лишенных субъектности и собственных акторов. Это воображение территории как дикой (или одичавшей) позволяет преобразовать устойчивые до того границы ресурсных хинтерландов в подвижные экстрактивистские фронты, раздвигающие ареалы wilderness — воображаемого как пустое пространство. Логика колонизации перемещается с окраин и из заморских владений в новые — внутренние — периферии. Представление о деградации староосвоенных пространств в условиях сжатия подробно изучено на материалах постсоциалистических стран (Каганский, 2015). Экстрактивизм позволяет описать аналогичным образом производство внутренних периферий в странах развитого капитализма.

Размышления о сущности территории весьма активно продолжаются в современной географии (Usher, 2020). Забытые на долгое время классические представления географов о собственной субъектности территории (Ратцель, 1898; Semple, 1911) вновь актуализировались стараниями приверженцев нового материализма (Keighren et al., 2012; Bennett, Joyce, 2010). Не вдаваясь подробно в их характеристику, отметим, что в новой экстрактивистской оптике территория рассматривается не как участок земной поверхности и даже не только как физическая реальность, но как совокупность физического, экономического, стратегического, правового и технического (Elden, 2010). В этом смысле территория — ассамбляж матери-

альной основы (не важно, природной или социально-произведенной), людей и их групп, относительно долго на ней проживающих и адаптирующих свой жизненный уклад к материальным условиям (получающих территориальный аффект), одновременно участвуя в постоянном социальном перепроизводстве этих условий. Вместе с тем субъектность территории не обретается исключительно благодаря или в процессе взаимодействия с людьми. Не-человеческие акторы, связанные материальными и экспрессивными потоками (Деланда, 2018), также обладают собственной субъектностью и могут становиться (и долгое время становились, часто вместе с «диким» населением) объектами экстрактивизации. Таковым может оказаться всякий территориальный феномен, будучи использованным для извлечения прибыли без соучастия в ее распределении. Территория не только собирается в объект посредством инженерной материализации технических приспособлений, позволяющих извлекать и помещать ресурсы. Она может быть и субъектом сопротивления такой вертикальной (как в смысле власти, так и в физическом над-, на и подземном пространствах) организации (Usher, 2020).

Таким образом, главный пространственный маневр нового экстрактивизма — перенос воображаемой пустой ресурсной периферии с колониальных периферий капиталистических систем в их ядро. На них распространяются ключевые черты экстрактивных отношений: медленное, трансформирующее в ресурс чисто экономическое восприятие территории через изъятие и экспорт прибыли. Часто это распространение происходит за ширмой «зеленых» технологий, ускоряется платформизацией, преобразующей ежедневные потребительские рутины населения в экстрактивируемый ресурс.

(Пере)производство периферийных хинтерландов порождает новую иерархизацию пространства в воображенной пустоте. Экстрактивизм уравнивает ареалы внешней и внутренней колонизации, одинаково сводя всю сложность территории к ресурсному объекту. Изменение базового пространственного носителя со стран на районы (регионы) позволяет обратиться к идее переопределения границы места экстрактивистских практик как локала (Гидденс, 2003) в зависимости от отношений с контекстом (Agnew, 1987, 2011) — глобальной капиталистической системой.

Ареальная логика расширения экстрактивных хинтерландов (Родоман, 1976) предполагает и обратное прочтение: сжатие не-экстрактивных пространств. Что же остается в их ядрах, кто становится все более привилегированным экстрактором? Можно предположить, что это глобальные города, локализирующие штаб-квартиры крупнейших корпораций-агентов экстрактивистских отношений, а также образующих жизненный мир людей, принимающих решения и получающих выгоду от переноса прибыли. Вместе с тем сами жители этих городов становятся объектами дата-экстрактивизма, их потребление также (а может, и в еще большей степени) подвергается платформенной экстрактивизации. Тогда экстрактор вообще детерриториализируется и виртуализируется, прибыль уходит в развитие не-территориальных (и нематериальных) пространств, куда переносится и большая часть конечного потребления.

Экстрактивизм, таким образом, можно понимать как обобщающую концепцию механизмов финансиализирующей объективации территории в эпоху постмодерна, преобразующих любое пространство в периферию через движение фронтиров ресурсных хинтерландов сжимающихся или детерриториализированных экстракторов.

Литература

- Антонова И. Ф.* (1987). Типологические черты экономической географии стран переселенческого капитализма // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 47–52.
- Гидденс Э.* (2003). Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Деланда М.* (2018). Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс.
- Замятина Н. Ю.* (1998). Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. № 5. С. 75–89.
- Каганский В. Л.* (2015). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 23–34.
- Ратцель Ф.* (1898). Политическая география / Изложил Л. Д. Синицкий // Землеведение. Т. 5. № 3–4. С. 21–74.
- Родоман Б. Б.* (1976). Деформация растущих моноцентрических ареалов // Теоретические проблемы географии. Рига: ЛГУ. С. 78–89.
- Смирнягин Л. В.* (2019). Типология зарубежных стран. М.: Типография «Пеликан».
- Харви Д.* (2021). Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: ИД ВШЭ.
- Agnew J. A.* (1987). *Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society.* London: Allen and Unwin
- Agnew J. A.* (2011). Space and place // *Handbook of geographical knowledge.* P. 316–331.
- Andrade D.* (2022). Neoliberal extractivism: Brazil in the twenty-first century // *The Journal of Peasant Studies.* Vol. 49. № 4. P. 793–816.
- Andreucci D., Radhuber I. M.* (2017). Limits to “counter-neoliberal” reform: Mining expansion and the marginalisation of post-extractivist forces in Evo Morales’s Bolivia // *Geoforum.* Vol. 84. P. 280–291.
- Artiga-Purcell J. A.* (2022). Hydrosocial extractive territories: Gold, sugarcane and contested water politics in El Salvador // *Geoforum.* Vol. 131. P. 93–104.
- Ayelazuno J. A.* (2014). The ‘new extractivism’ in Ghana: A critical review of its development prospects // *The Extractive Industries and Society.* Vol. 1. № 2. P. 292–302.
- Barney K.* (2009). Laos and the making of a ‘relational’ resource frontier // *Geographical Journal.* Vol. 175. № 2. P. 146–159.

- Barrington-Leigh P.* (2017). The Role of Subjective Well-Being as an Organizing Concept for Community Indicators / eds. M. Holden, R. Phillips, P. Stevens). New York, NY: Springer International Publishing. P. 19–34.
- Bennett M. M.* (2016). Discursive, material, vertical, and extensive dimensions of post-Cold War Arctic resource extraction // *Polar Geography*. Vol. 39. № 4. P. 258–273.
- Bennett T., Joyce P.* (Eds.). (2013). *Material powers: Cultural studies, history and the material turn*. Routledge.
- Bernauer W., Roth R.* (2021). Protected areas and extractive hegemony: A case study of marine protected areas in the Qikiqtani (Baffin Island) region of Nunavut, Canada // *Geoforum*. Vol. 120. P. 208–217.
- Bisht A.* (2021). Conceptualizing sand extractivism: Deconstructing an emerging resource frontier // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 8. № 2. P. 100904.
- Bledsoe A.* (2019). Afro-Brazilian Resistance to Extractivism in the Bay of Aratu // *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 109. № 2. P. 492–501.
- Brand U., Boos T., Brad A.* (2017). Degrowth and post-extractivism: two debates with suggestions for the inclusive development framework // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. Vol. 24. P. 36–41.
- Brand U., Görg C., Wissen M.* (2020). Overcoming neoliberal globalization: social-ecological transformation from a Polanyian perspective and beyond // *Globalizations*. Vol. 17. № 1. P. 161–176.
- Bresnihan P., Brodie P.* (2021). New extractive frontiers in Ireland and the moebius strip of wind/data // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1645–1664.
- Breyer B., Zipper S. C., Qiu J.* (2018). Sociohydrological Impacts of Water Conservation under Anthropogenic Drought in Austin, TX (USA) // *Water Resources Research*. Vol. 54. № 4. P. 3062–3080.
- Bruna N.* (2022). A climate-smart world and the rise of Green Extractivism // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 839–864.
- Bruna N.* (2023). *The Rise of Green Extractivism: Extractivism, Rural Livelihoods and Accumulation in a Climate-Smart World*. New York: Routledge.
- Chagnon C. W., Durante F., Gills B. K., Hagolani-Albov S. E., Hokkanen S., Kangasluoma S. M. J., Konttinen H., Kröger M., LaFleur W., Ollinaho O., Vuola M. P. S.* (2022). From extractivism to global extractivism: the evolution of an organizing concept // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 760–792.
- Cantor A.* (2021). Hydrosocial hinterlands: An urban political ecology of Southern California's hydrosocial territory // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 2. P. 451–474.
- Castells M.* (1999). Grassrooting the space of flows // *Urban Geography*. Vol. 20. № 4. P. 294–302.
- Couldry N., Ali Me U.* (2019). *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism* // *Culture and Economic Life*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Cronon W.* (1995). *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature.* New York: W. W. Norton.
- Dong Z., Shen H., Zhang W., Wu R., Wang S.* (2022). How does resource dependence relate cities' technology diversification? The role of density and complexity // *Cities.* Vol. 130. P. 103883.
- Donoghoe M.* (2023). Intimate extraction: Geological matter, extractive afterlives, and the denial of a Black sense of place in Southern Louisiana // *Area.* Vol. 55. №. 4. P. 465–472.
- Dunlap A., Jakobsen J.* (2020). *The Violent Technologies of Extraction.* Cham: Springer International Publishing.
- Dunlap A., Riquito M.* (2023). Social warfare for lithium extraction? Open-pit lithium mining, counterinsurgency tactics and enforcing green extractivism in northern Portugal // *Energy Research & Social Science.* Vol. 95. P. 102912.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W.* (2021). Extraction and extractivisms // *Our extractive age: expressions of violence and resistance* / J. Shapiro, J.-A. McNeish eds. New York, NY: Routledge. P. 19–30.
- Ehrnström-Fuentes M., Kröger M.* (2018). Birthing extractivism: The role of the state in forestry politics and development in Uruguay // *Journal of Rural Studies.* Vol. 57. P. 197–208.
- Eilenberg M.* (2014). Frontier constellations: agrarian expansion and sovereignty on the Indonesian-Malaysian border // *The Journal of Peasant Studies.* Vol. 41. № 2. P. 157–182.
- Elden S.* (2010). Land, terrain, territory // *Progress in Human Geography.* Vol. 34. № 6. P. 799–817.
- Fash B. C.* (2022). Redefining extractivism from Honduras // *Geoforum.* Vol. 135. P. 37–48.
- Franz T., McNelly A.* (2023). The 'Finance-Extraction-Transitions Nexus': Towards A Critical Research Agenda Exploring the Scramble for Transition Minerals // London: SOAS Department of Economics Working Paper Series. № 257.
- Frederiksen T., Himley M.* (2020). Tactics of dispossession: Access, power, and subjectivity at the extractive frontier // *Transactions of the Institute of British Geographers.* Vol. 45. № 1. P. 50–64.
- Furlong K.* (2021). Geographies of infrastructure II: Concrete, cloud and layered (in) visibilities // *Progress in Human Geography.* Vol. 45. № 1. P. 190–198.
- Gómez-Barris M.* (2017). *The Extractive Zone: Social Ecologies and Decolonial Perspectives.* Durham, NC: Duke University Press.
- Gudynas E.* (2018). Extractivisms. Tendencies and consequences // *Reframing Latin American Development* / R. Munck, R. Delgado Wise eds. New York, NY: Routledge. P. 61–76.
- Gustafsson M.-T., Scurrah M.* (2019). Unpacking the extractivist state: The role of weak state agencies in promoting institutional change in Peru // *The Extractive Industries and Society.* vol. 6. № 1. P. 206–214.
- Harvey D.* (2005). *The New Imperialism.* Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hernandez D. S., Newell P.* (2022). Oro blanco: assembling extractivism in the lithium triangle // *The Journal of Peasant Studies.* Vol. 49. № 5. P. 945–968.

- Holz Y. R.* (2023). Threatened sustainability: extractivist tendencies in the forest-based bioeconomy in Finland // *Sustainability Science*. Vol. 18. P. 649–659.
- Hougaard I.-M., Vélez-Torres I.* (2020). Shifting sands: Legal dispossession of small-scale miners in an extractivist era // *Geoforum*. Vol. 115. P. 81–89.
- Johnson A., Zalik A., Sharlene M., Sultana F, Havice E., Osborne T, Valdivia G., Lu F, Billo E.* (2021). Extraction, entanglements, and (im)materialities: Reflections on the methods and methodologies of natural resource industries fieldwork // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 2. P. 383–428.
- Kay P.* (2022). Contemporary dynamics of agrarian change / eds. H. Veltmeyer, P. Bowles. New York, NY: Routledge.
- Keighren I. M., Abrahamsson C., Della Dora V.* (2012). On canonical geographies // *Dialogues in Human Geography*. Vol. 2. № 3. P. 296–312.
- Keith M., Birch E., Buchould N. J. A., Cardama M., Cobbett W., Cohen M., Elmquist T., Espey J., Hajer M., Hartmann G.* (2022). A new urban narrative for sustainable development // *Nature Sustainability*. Vol. 6. № 2. P. 115–117.
- Kelly A. B., Peluso N. L.* (2015). Frontiers of Commodification: State Lands and Their Formalization // *Society & Natural Resources*. Vol. 28. № 5. P. 473–495.
- Knuth S.* (2016). Seeing Green in San Francisco: City as Resource Frontier // *Antipode*. Vol. 48. № 3. P. 626–644.
- Koch N., Perreault T.* (2019). Resource nationalism // *Progress in Human Geography*. Vol. 43. № 4. P. 611–631.
- Kröger M., Nygren A.* (2020). Shifting frontier dynamics in Latin America // *Journal of Agrarian Change*. Vol. 20. № 3. P. 364–386.
- Kröger M.* (2020). *Iron Will: Global Extractivism and Mining Resistance in Brazil and India*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Kröger M.* (2022). *Extractivisms, existences and extinctions: Monoculture plantations and Amazon deforestation*. London: Routledge.
- Laastad S. G.* (2022). Mapping terrains of struggle: State space and the spatiality of oil mobilisation in Ecuador and Peru // *Geoforum*. Vol. 137. P. 12–21.
- Laing A. F.* (2020). Re-producing territory: Between resource nationalism and indigenous self-determination in Bolivia // *Geoforum*. Vol. 108. P. 28–38.
- Lally N., Kay K., Thatcher J.* (2022). Computational parasites and hydropower: A political ecology of Bitcoin mining on the Columbia River // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 5. № 1. P. 18–38.
- Luke T. W.* (2019). *Las Vegas as the Anthropocene: The Neoliberal City as Desertification All the Way Down* // *The Challenge of Progress: Volume 36* / ed. H. F. Dahms. United Kingdom: Emerald Publishing Limited, pp. 159–178.
- Malone A., Smith N. M., Zeballos E.* (2021). Coexistence and conflict between artisanal mining, fishing, and farming in a Peruvian boomtown // *Geoforum*. Vol. 120. P. 142–154.
- Mármol C., Vaccaro I.* (2020). New extractivism in European rural areas: How twentieth first century mining returned to disturb the rural transition // *Geoforum*. Vol. 116. P. 42–49.

- McKay B. M., Alonso-Fradejas A., Ezquerro-Cañete A.* (eds.) (2021). *Agrarian Extractivism in Latin America*. New York, NY: Routledge.
- McKay B. M.* (2020). Food sovereignty and neo-extractivism: limits and possibilities of an alternative development model // *Globalizations*. Vol. 17. № 8. P. 1386–1404.
- McNeill D.* (2015). Global firms and smart technologies: IBM and the reduction of cities // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 40. № 4. P. 562–574.
- McNeill D.* (2022). Urban geography II: Materially important cities // *Progress in Human Geography*. Vol. 46. № 5. P. 1261–1268.
- Mejia-Muñoz S., Babidge S.* (2023). Lithium extractivism: perpetuating historical asymmetries in the ‘Green economy’ // *Third World Quarterly*. Vol. 44. № 6. P. 1119–1136.
- Merino R.* (2020). The cynical state: forging extractivism, neoliberalism and development in governmental spaces // *Third World Quarterly*. vol. 41. № 1. P. 58–76.
- Mezzadra S., Neilson B.* (2017). On the multiple frontiers of extraction: excavating contemporary capitalism // *Cultural Studies*. Vol. 31. № 2–3. P. 185–204.
- Moore J. W.* (2015). *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London, UK: Verso.
- Moore S. A.* (2020). Individuation through infrastructure: data extraction and the academic publishing oligopoly // *Journal of Documentation*. Vol. 77. № 1. P. 129–141.
- Murrey A., Mollett S.* (2023). Extraction is not a metaphor: Decolonial and Black Geographies against the gendered and embodied violence of extractive logics // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 48. № 4. P. 761–780.
- Myadar O., Jackson S.* (2019). Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia // *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 109. № 2. P. 361–370.
- Nixon R.* (2011). *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Noroña M. B.* (2022). Extractive governmentality, ethnic territories, and racial imaginaries in the northern Amazon of Ecuador // *Geoforum*. Vol. 128. P. 46–56.
- Nygren A., Kröger M., Gills B.* (2022). Global extractivisms and transformative alternatives // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 49. № 4. P. 734–759.
- Ollinaho O. I., Kröger M.* (2021). Agroforestry transitions: The good, the bad and the ugly // *Journal of Rural Studies*. Vol. 82. P. 210–221.
- Parks J.* (2021). The poetics of extractivism and the politics of visibility // *Textual Practice*. Vol. 35. № 3. P. 353–362.
- Ricaurte P.* (2019). Data Epistemologies, The Coloniality of Power, and Resistance // *Television & New Media*. Vol. 20. № 4. P. 350–365.
- Riofrancos T.* (2020). *Resource radicals: from Petro-Nationalism to Post-Extractivisms in Ecuador*. Durham: Duke University Press.
- Sadowski J.* (2019). When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction // *Big Data & Society*. Vol. 6. № 1. P. 205395171882054.

- Sadowski J.* (2020). The Internet of Landlords: Digital Platforms and New Mechanisms of Rentier Capitalism // *Antipode*. Vol. 52. № 2. P. 562–580.
- Sassen S.* (2001). *The Global City*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Semple E. C.* (1911). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. New York: Henry Holt.
- Sholz T.* (2016). *Platform cooperativism: challenging the corporate sharing economy*. New York: Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office.
- Smith G. M.* (2023). Blighted Futures: The Soybean Assemblage and Argentina's Agro-extractive Turn // *Geoforum*. Vol. 141. P. 103717.
- Streule M.* (2023). Urban extractivism. Contesting megaprojects in Mexico City, rethinking urban values // *Urban Geography*. Vol. 44. № 1. P. 262–271.
- Svampa M.* (2019). *Neo-Extractivism in Latin America Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Szeman I., Wenzel J.* (2021). What do we talk about when we talk about extractivism? // *Textual practice*. Vol. 35. № 3. P. 505–523.
- Teran Mantovani E.* (2016). Las nuevas fronteras de las commodities en Venezuela: extractivismo, crisis histórica y disputas territoriales // *Ciencia Política*. Vol. 11. № 21. P. 251–285.
- Thoyre A.* (2021). Negawatt resource frontiers: Extracting energy efficiency from private spaces // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 4. № 4. P. 1703–1723.
- Tironi Rodo M., Valderrama Barragán M.* (2023). From copper mining to data extractivism? Data worth making at Chile's Data Observatory Foundation // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 41. № 3. P. 411–432.
- Tornel C.* (2023). Energy justice in the context of green extractivism: Perpetuating ontological and epistemological violence in the Yucatan Peninsula // *Journal of Political Ecology*. Vol. 30. № 1. P. 1–28.
- Tsing A. L.* (2003). *Natural Resources and Capitalist Frontiers* // *Economic and Political Weekly*. Vol. 38. № 48. P. 5100–5106.
- Turner F. J.* (1920). *The Significance of the Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company.
- Usher M.* (2020). Territory incognita // *Progress in Human Geography*. Vol. 44. № 6. P. 1019–1046.
- Veltmeyer H., Záyago Lao E.* (2020). *Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America*. New York: Routledge.
- Verbrugge B., Geenen S.* (2019). The gold commodity frontier: A fresh perspective on change and diversity in the global gold mining economy // *The Extractive Industries and Society*. Vol. 6. № 2. P. 413–423.
- Voskoboynik D. M., Andreucci D.* (2022). Greening extractivism: Environmental discourses and resource governance in the 'Lithium Triangle' // *Environment and Planning E: Nature and Space*. Vol. 5. № 2. P. 787–809.

Ye J., Ploeg J. D., Shneider S., Shanin T. (2020). The incursions of extractivism: moving from dispersed places to global capitalism // *The Journal of Peasant Studies*. Vol. 47. № 1. P. 155–183.

Not Only Natural Resources: Extractivism as an Organizing Concept

Nikita D. Panfilov

Student, Lomonosov MSU, Faculty of Geography, Department of Human Geography of Foreign Countries
Address: Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991 Russian Federation
E-mail: panfinik@yandex.ru

Ruslan A. Dokhov

Senior Lecturer, HSE University; Junior Researcher, Lomonosov MSU, Faculty of Geography, Department of Human Geography of Foreign Countries
Address: Pokrovsky Blvd. 11, Moscow, 109028 Russian Federation
E-mail: rdokhov@hse.ru

The intensification of human impact on the environment, progressive global inequality and the escalating opposition to the resource logic of the perception of nature led to the formation at the beginning of the 21st century of a discourse surrounding extractivism — a special form of social relations leading to the transformation of development into resource exploitation with the alienation of local actors (communities, people, companies and even states) from the profits generated and exported from the territory where this resource is located. The concept of extractivism has spread beyond its original topic (from natural resources to human talent resources, data, green regulation, and many others) and has been subject to abundant and varied reflection by scholars of different disciplines. The practices described in Latin American material were discovered in other parts of the world, including in hidden forms that mimic environmentally and socially responsible development. The expanded concept of extractivism claims to be another large concept that organizes many processes, reducing postmodern development to the production of resource peripheries that renews and cements existing social cleavages not only on former colonial outskirts, but also in long-developed cores of countries of developed capitalism. The imagined emptiness of new resource hinterlands has become a new mechanism for excluding growing vulnerable groups from the distribution of profits produced in global value chains.

Keywords: extractivism, dependence, spatial scale, post-colonialism, resources, materiality

References

- Agnew J. A. (1987) *Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society*, London: Allen and Unwin
- Agnew J. A. (2011) Space and place. *Handbook of geographical knowledge*, pp. 316–331.
- Andrade D. (2022) Neoliberal extractivism: Brazil in the twenty-first century. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 793–816.
- Andreucci D., Radhuber I. M. (2017) Limits to “counter-neoliberal” reform: Mining expansion and the marginalisation of post-extractivist forces in Evo Morales’s Bolivia. *Geoforum*, vol. 84, pp. 280–291.

- Antonova I. F. (1987) Tipologicheskie cherty jekonomicheskoy geografii stran peresel- encheskogo kapitalizma [Typological features of the economic geography of settler colonial capitalist countries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no 3, pp. 47–52.
- Artiga-Purcell J. A. (2022) Hydrosocial extractive territories: Gold, sugarcane and con- tested water politics in El Salvador. *Geoforum*, vol. 131, pp. 93–104.
- Ayelazuno J. A. (2014) The ‘new extractivism’ in Ghana: A critical review of its develop- ment prospects. *The Extractive Industries and Society*, vol. 1, no 2, pp. 292–302.
- Barney K. (2009) Laos and the making of a ‘relational’ resource frontier. *Geographical Journal*, vol. 175, no 2, pp. 146–159.
- Barrington-Leigh P. (2017) *The Role of Subjective Well-Being as an Organizing Concept for Community Indicators* (eds. M. Holden, R. Phillips, P. Stevens), New York, NY: Springer International Publishing, pp. 19–34.
- Bennett M. M. (2016) Discursive, material, vertical, and extensive dimensions of post- Cold War Arctic resource extraction. *Polar Geography*, vol. 39, no 4, pp. 258–273.
- Bennett T., Joyce P. (Eds.). (2013) *Material powers: Cultural studies, history and the mate- rial turn*, Routledge.
- Bernauer W., Roth R. (2021) Protected areas and extractive hegemony: A case study of marine protected areas in the Qikiqtani (Baffin Island) region of Nunavut, Canada. *Geoforum*, vol. 120, pp. 208–217.
- Bisht A. (2021) Conceptualizing sand extractivism: Deconstructing an emerging resource frontier. *The Extractive Industries and Society*, vol. 8, no 2, pp. 100904.
- Bledsoe A. (2019) Afro-Brazilian Resistance to Extractivism in the Bay of Aratu. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no 2, pp. 492–501.
- Brand U., Boos T., Brad A. (2017) Degrowth and post-extractivism: two debates with sug- gestions for the inclusive development framework. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, vol. 24, pp. 36–41.
- Brand U., Görg C., Wissen M. (2020) Overcoming neoliberal globalization: social-eco- logical transformation from a Polanyian perspective and beyond. *Globalizations*, vol. 17, no 1, pp. 161–176.
- Bresnihan P., Brodie P. (2021) New extractive frontiers in Ireland and the moebius strip of wind/data. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1645–1664.
- Breyer B., Zipper S. C., Qiu J. (2018) Sociohydrological Impacts of Water Conservation Under Anthropogenic Drought in Austin, TX (USA). *Water Resources Research*, vol. 54, no 4, pp. 3062–3080.
- Bruna N. (2022) A climate-smart world and the rise of Green Extractivism. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 839–864.
- Bruna N. (2023) *The Rise of Green Extractivism: Extractivism, Rural Livelihoods and Accu- mulation in a Climate-Smart World*, New York: Routledge.
- Chagnon C. W., Durante F., Gills B. K., Hagolani-Albov S. E., Hokkanen S., Kangasluoma S. M. J., Konttinen H., Kröger M., LaFleur W., Ollinaho O., Vuola M. P. S. (2022) From

- extractivism to global extractivism: the evolution of an organizing concept. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 760–792.
- Cantor A. (2021) Hydrosocial hinterlands: An urban political ecology of Southern California's hydrosocial territory. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 2, pp. 451–474.
- Castells M. (1999) Grassrooting the space of flows. *Urban Geography*, vol. 20, no 4, pp. 294–302.
- Couldry N., Ali Me U. (2019) *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism*. Culture and Economic Life, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Cronon W. (1995) *The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature*, New York: W.W. Norton.
- DeLanda M. (2006) *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*, London & New York: Continuum.
- Dong Z., Shen H., Zhang W., Wu R., Wang S. (2022) How does resource dependence relate cities' technology diversification? The role of density and complexity. *Cities*, vol. 130, pp. 103883.
- Donoghoe M. (2023) Intimate extraction: Geological matter, extractive afterlives, and the denial of a Black sense of place in Southern Louisiana. *Area*, vol. 55, no 4, pp. 465–472.
- Dunlap A., Jakobsen J. (2020) *The Violent Technologies of Extraction*, Cham: Springer International Publishing.
- Dunlap A., Riquito M. (2023) Social warfare for lithium extraction? Open-pit lithium mining, counterinsurgency tactics and enforcing green extractivism in northern Portugal. *Energy Research & Social Science*, vol. 95, pp. 102912.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W. (2021) Extraction and extractivisms. *Our extractive age: expressions of violence and resistance*. (eds. J. Shapiro, J.-A. McNeish), New York, NY: Routledge, pp. 19–30.
- Ehrnström-Fuentes M., Kröger M. (2018) Birthing extractivism: The role of the state in forestry politics and development in Uruguay. *Journal of Rural Studies*, vol. 57, pp. 197–208.
- Eilenberg M. (2014) Frontier constellations: agrarian expansion and sovereignty on the Indonesian-Malaysian border. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no 2, pp. 157–182.
- Elden S. (2010) Land, terrain, territory. *Progress in Human Geography*, vol. 34, no 6, pp. 799–817.
- Fash B. C. (2022) Redefining extractivism from Honduras. *Geoforum*, vol. 135, pp. 37–48.
- Franz T., McNelly A. (2023) *The 'Finance-Extraction-Transitions Nexus': Towards A Critical Research Agenda Exploring the Scramble for Transition Minerals*, London: SOAS Department of Economics Working Paper Series; No. 257.
- Frederiksen T., Himley M. (2020) Tactics of dispossession: Access, power, and subjectivity at the extractive frontier. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 45, no 1 pp. 50–64.

- Furlong, K. (2021) Geographies of infrastructure II: Concrete, cloud and layered (in) visibilities. *Progress in Human Geography*, vol. 45, no 1, pp. 190–198.
- Giddens A. (1984) *The constitution of society*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Gómez-Barris M. (2017) *The Extractive Zone: Social Ecologies and Decolonial Perspectives*, Durham, NC: Duke University Press.
- Gudynas E. (2018) Extractivisms. Tendencies and consequences. *Reframing Latin American Development* (eds. R. Munck, R. Delgado Wise), New York, NY: Routledge, pp. 61–76.
- Gustafsson M.-T., Scurrah M. (2019) Unpacking the extractivist state: The role of weak state agencies in promoting institutional change in Peru. *The Extractive Industries and Society*, vol. 6, no 1, pp. 206–214.
- Harvey D. (1989) *The condition of postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge, MA & Oxford, UK: Blackwell
- Harvey D. (2005) *The New Imperialism*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Hernandez D. S., Newell P. (2022) Oro blanco: assembling extractivism in the lithium triangle. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 5, pp. 945–968.
- Holz Y. R. (2023) Threatened sustainability: extractivist tendencies in the forest-based bioeconomy in Finland. *Sustainability Science*, vol. 18, pp. 649–659.
- Hougaard I.-M., Vélez-Torres I. (2020) Shifting sands: Legal dispossession of small-scale miners in an extractivist era. *Geoforum*, vol. 115, pp. 81–89.
- Johnson A., Zalik A., Sharlene M., Sultana F, Havice E., Osborne T., Valdivia G., Lu F., Billo E. (2021) Extraction, entanglements, and (im)materialities: Reflections on the methods and methodologies of natural resource industries fieldwork. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 2, pp. 383–428.
- Kaganskii V.L. (2013) Inner periphery is a new growing zone of Russia's cultural landscape. *Regional Research of Russia*, vol. 3, no 1, 21–31.
- Kay P. (2022) *Contemporary dynamics of agrarian change* (eds. H. Veltmeyer, P. Bowles), New York, NY: Routledge.
- Keighren I. M., Abrahamsson C., Della Dora V. (2012) On canonical geographies. *Dialogues in Human Geography*, vol. 2, no 3, pp. 296–312.
- Keith M., Birch E., Buchould N. J. A., Cardama M., Cobbett W., Cohen M., Elmquist T., Espey J., Hajer M., Hartmann G. (2022) A new urban narrative for sustainable development. *Nature Sustainability*, vol. 6, no 2, pp. 115–117.
- Kelly A. B., Peluso N. L. (2015) Frontiers of Commodification: State Lands and Their Formalization. *Society & Natural Resources*, vol. 28, no 5, pp. 473–495.
- Knuth S. (2016) Seeing Green in San Francisco: City as Resource Frontier. *Antipode*, vol. 48, no 3, pp. 626–644.
- Koch N., Perreault T. (2019) Resource nationalism. *Progress in Human Geography*, vol. 43, no 4, pp. 611–631.
- Kröger M., Nygren A. (2020) Shifting frontier dynamics in Latin America. *Journal of Agrarian Change*, vol. 20, no 3, pp. 364–386.
- Kröger M. (2020) *Iron Will: Global Extractivism and Mining Resistance in Brazil and India*, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

- Kröger M. (2022) *Extractivisms, existences and extinctions: Monoculture plantations and Amazon deforestation*, London: Routledge.
- Laastad S. G. (2022) Mapping terrains of struggle: State space and the spatiality of oil mobilisation in Ecuador and Peru. *Geoforum*, vol. 137, pp. 12–21.
- Laing A. F. (2020) Re-producing territory: Between resource nationalism and indigenous self-determination in Bolivia. *Geoforum*, vol. 108, pp. 28–38.
- Lally N., Kay K., Thatcher J. (2022) Computational parasites and hydropower: A political ecology of Bitcoin mining on the Columbia River. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 5, no 1, pp. 18–38.
- Luke T. W. (2019) Las Vegas as the Anthropocene: The Neoliberal City as Desertification All the Way Down. *The Challenge of Progress: Volume 36* (ed. Dahms H. F.), United Kingdom: Emerald Publishing Limited, pp. 159–178.
- Malone A., Smith N. M., Zeballos E. (2021) Coexistence and conflict between artisanal mining, fishing, and farming in a Peruvian boomtown. *Geoforum*, vol. 120, pp. 142–154.
- Mármol C., Vaccaro I. (2020) New extractivism in European rural areas: How twentieth first century mining returned to disturb the rural transition. *Geoforum*, vol. 116, pp. 42–49.
- McKay B. M., Alonso-Fradejas A., Ezquerro-Cañete A. (eds.) (2021) *Agrarian Extractivism in Latin America*, New York, NY: Routledge.
- McKay B. M. (2020) Food sovereignty and neo-extractivism: limits and possibilities of an alternative development model. *Globalizations*, vol. 17, no 8, pp. 1386–1404.
- McNeill D. (2015) Global firms and smart technologies: IBM and the reduction of cities. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 40, no 4, pp. 562–574.
- McNeill D. (2022) Urban geography II: Materially important cities. *Progress in Human Geography*, vol. 46, no 5, pp. 1261–1268.
- Mejia-Muñoz S., Babidge S. (2023) Lithium extractivism: perpetuating historical asymmetries in the ‘Green economy’. *Third World Quarterly*, vol. 44, no 6, pp. 1119–1136.
- Merino R. (2020) The cynical state: forging extractivism, neoliberalism and development in governmental spaces. *Third World Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 58–76.
- Mezzadra S., Neilson B. (2017) On the multiple frontiers of extraction: excavating contemporary capitalism. *Cultural Studies*, vol. 31, no 2–3, pp. 185–204.
- Moore J. W. (2015) *Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*, London, UK: Verso.
- Moore S. A. (2020) Individuation through infrastructure: data extraction and the academic publishing oligopoly. *Journal of Documentation*, vol. 77, no 1, pp. 129–141.
- Murrey A., Mollett S. (2023) Extraction is not a metaphor: Decolonial and Black Geographies against the gendered and embodied violence of extractive logics. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 48, no 4, pp. 761–780.
- Myadar O., Jackson S. (2019) Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no 2, pp. 361–370.

- Nixon R. (2011) *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Noroña M. B. (2022) Extractive governmentality, ethnic territories, and racial imaginaries in the northern Amazon of Ecuador. *Geoforum*, vol. 128, pp. 46–56.
- Nygren A., Kröger M., Gills B. (2022) Global extractivisms and transformative alternatives. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 49, no 4, pp. 734–759.
- Ollinaho O. I., Kröger M. (2021) Agroforestry transitions: The good, the bad and the ugly. *Journal of Rural Studies*, vol. 82, pp. 210–221.
- Parks J. (2021) The poetics of extractivism and the politics of visibility. *Textual Practice*, vol. 35, no 3, pp. 353–362.
- Ratzel F. (1898) Studies in Political Areas. III. The Small Political Area (translated by E. C. Sempleo. *American Journal of Sociology*, vol. 4, no 3, pp. 366–379.
- Ricaurte P. (2019) Data Epistemologies, The Coloniality of Power, and Resistance. *Television & New Media*, vol. 20, no 4, pp. 350–365.
- Riofrancos T. (2020) *Resource radicals: from Petro-Nationalism to Post-Extractivisms in Ecuador*, Durham: Duke University Press.
- Rodoman B. B. (1976) Deformacija rastushhkih monocentricheskikh arealov [Deformation of growing monocentric areas]. *Teoreticheskie problemy geografii* [Theoretical problems of geography], Riga: LGU, pp. 78–89.
- Sadowski J. (2019) When data is capital: Datafication, accumulation, and extraction. *Big Data & Society*, vol. 6, no 1, pp. 205395171882054.
- Sadowski J. (2020) The Internet of Landlords: Digital Platforms and New Mechanisms of Rentier Capitalism. *Antipode*, vol. 52, no 2, pp. 562–580.
- Sassen S. (2001) *The Global City*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Semple E. C. (1911) *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*, New York: Henry Holt.
- Sholz T. (2016) *Platform cooperativism: challenging the corporate sharing economy*, New York: Rosa Luxemburg Stiftung, New York Office.
- Smirnyagin L. V. (2019). *Tipologija zarubezhnyh stran* [Typology of foreign countries], Moscow: Pelikan.
- Smith G. M. (2023) Blighted Futures: The Soybean Assemblage and Argentina's Agro-extractive Turn. *Geoforum*, vol. 141, pp. 103717.
- Streule M. (2023) Urban extractivism. Contesting megaprojects in Mexico City, rethinking urban values. *Urban Geography*, vol. 44, no 1, pp. 262–271.
- Svampa M. (2019) *Neo-Extractivism & Latin America Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Szeman I., Wenzel J. (2021) What do we talk about when we talk about extractivism? *Textual practice*, vol. 35, no 3, p. 505–523.
- Teran Mantovani E. (2016) Las nuevas fronteras de las commodities en Venezuela: extractivismo, crisis histórica y disputas territoriales. *Ciencia Política*, vol. 11, no 21, pp. 251–285.

- Thoyre A. (2021) Negawatt resource frontiers: Extracting energy efficiency from private spaces. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 4, no 4, pp. 1703–1723.
- Tironi Rodo M., Valderrama Barragán M. (2023) From copper mining to data extractivism? Data worth making at Chile's Data Observatory Foundation. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 41, no 3, pp. 411–432.
- Tornel C. (2023) Energy justice in the context of green extractivism: Perpetuating ontological and epistemological violence in the Yucatan Peninsula. *Journal of Political Ecology*, vol. 30, no 1, pp. 1–28.
- Tsing A. L. (2003) Natural Resources and Capitalist Frontiers. *Economic and Political Weekly*, vol. 38, no 48, pp. 5100–5106.
- Turner F. J. (1920) *The Significance of the Frontier in American History*, New York: Henry Holt and Company.
- Usher M. (2020) Territory incognita. *Progress in Human Geography*, vol. 44, no 6, pp. 1019–1046.
- Veltmeyer H., Záyago Lao E. (2020) *Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America*, New York: Routledge.
- Verbrugge B., Geenen S. (2019) The gold commodity frontier: A fresh perspective on change and diversity in the global gold mining economy. *The Extractive Industries and Society*, vol. 6, no 2, pp. 413–423.
- Voskoboynik D. M., Andreucci D. (2022) Greening extractivism: Environmental discourses and resource governance in the 'Lithium Triangle'. *Environment and Planning E: Nature and Space*, vol. 5, no 2, pp. 787–809.
- Ye J., Ploeg J. D., Shneider S., Shanin T. (2020) The incursions of extractivism: moving from dispersed places to global capitalism. *The Journal of Peasant Studies*, vol. 47, no 1, pp. 155–183.
- Zamyatina N. Yu. (1998) Zona osvoenija (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i ruskoj kul'turah [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 75–89.

От искусствоведения к социологии искусства и культурологии: в поисках новых методологических подходов*

Хренов Н. А. (2024). Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». — 624 С. ISBN 978-5-88373-813-4

Ольга Жукова

Доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: Старая Басманная, 21/4, Москва, 105066 Российская Федерация
E-mail: logoscultura@yandex.ru

Статья посвящена проблеме современных исследований художественной культуры и искусства. Ситуация смены методологической парадигмы в социальном и гуманитарном знании в предметной области искусства рассматривается на примере новой монографии российского культуролога, философа и социолога искусства Н. А. Хренова. В книге «Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски» осуществляется системный анализ методологических трансформаций в гуманитарных науках. На обширном материале показаны изменения художественной культуры в социальной структуре индустриального и постиндустриального общества. Автор осуществляет критический разбор исторических, социологических, эстетических концепций искусства на этапе перехода от идеи культуры к науке о культуре. Выстраивая систему аргументации, Хренов считает, что наука о культуре, суботраслью которой выступает социология культуры и искусства, становится интеграционным центром гуманитарных наук. В статье обсуждается тезис ученого, что движение от классического искусствоведения в сторону социологии искусства и культурологии отвечает запросу на интеграцию различных дисциплин в современном гуманитарном знании. Положения и идеи, выдвигаемые в монографии, позволяют рассмотреть взаимоотношение культурологической рефлексии и искусствознания в общей ситуации обновления теоретико-методологического инструментария исследований искусства.

Ключевые слова: культурология, теория, история и социология искусства, гуманитарное знание, искусствоведение, переходная эпоха, культурологический поворот, художественная культура

Исследование «Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски» — очередная книга Н. А. Хренова в ряду его других, объединенных общим замыслом, который связан со стремлением исследователя интегрировать идеи, возникающие в процессе становления новой науки — науки о культуре, — в область научного изучения искусства (Хренов, 2018: 158–160; Хренов, 2019б: 15–16). Это идея о том, что с некоторого времени возникает новая область знания — наука о культуре, начинающая активно влиять на все остальные гуманитарные дисциплины (Безуглова, 2010). Ситуация, при которой проблематика культуры становится актуальной для ученых и общественного сознания, по мнению

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

автора книги, во многом определена очевидным беспокойством, «что созданные и создаваемые людьми ценности разрушаются и уже многие из них нарушены» (с. 11). В то же время развитие науки, добывающей свой предмет, в данном случае — предмет культуры, одной из содержательных форм которой выступает искусство и художественная культура, — подчинено собственной логике. В книге российский ученый рассматривает взаимодействие гуманитарных наук и наук о культуре, фокусируясь на более специальной проблеме взаимодействия наук об искусстве и широкого комплекса гуманитарных дисциплин — философии искусства, эстетики, социологии, семиотики, лингвистики, психологии, исторической науки, чему в основном посвящен первый раздел монографии «Науки об искусстве в ситуации культурологического поворота» (с. 17). Развитие науки вообще связано, с одной стороны, с дифференциацией, а с другой — с междисциплинарным поиском. Многие в современной научной жизни свидетельствуют о том, что гуманитарное знание демонстрирует запрос на интеграцию различных субдисциплин вокруг понятия «культура» (Комаровский, 2015: 276; Попов, 2017). Наука о культуре, где культура выступает предельной теоретической рамкой и познаваемой реальностью, этой потребности соответствует (Абушенко, 2013; Александер, 2010). Такая функция способствует ее выдвиганию в центр процесса научного познания, каким он является на рубеже XX–XXI веков (Бахманн-Медик, 2017; Астафьева, Зубанова, Кириллова, 2019: 10–11).

Предыдущие книги Хренова свидетельствуют о стремлении ученого выявить проникновение идей, что возникали в ходе становления науки о культуре, в познание процессов, развертывающихся в практике самого искусства, с одной стороны (Хренов, 2015; Хренов, 2019а), и в сфере научного его изучения — с другой (Хренов, 2005; Хренов, 2021). В новой монографии есть разделы, посвященные и художественным процессам, опыту самого искусства, и разделы, касающиеся становления науки в сфере искусства, что до сих пор не получило должного исследования. Сегодня есть необходимость эту лакуну заполнить. Так, в последнем (четвертом) разделе «Художественные направления и виды искусства в ситуации культурного бифуркационного взрыва» речь идет об опыте самого искусства, его разных художественных направлений. Здесь особенно глубоко и интересно проанализированы символизм и экспрессионизм, где символизм выступает в авторской трактовке своеобразной метаисторией искусства (с. 491), а экспрессионизм — в виде начала альтернативной культуры, реабилитирующей опыт сверхчувственного (с. 542–543). Показательно, что к теме символизма автор уже обращался в исследованиях Серебряного века русской культуры в аспекте идеи циклического развертывания истории (Хренов, 2014: 45). В новой монографии «мерцание» символизма в истории искусства толкуется как ключ к исторической динамике искусства, к практике анализа эволюции художественных форм и эстетического сознания (с. 506–507), демонстрируя основную идею книги — культурологическую интерпретацию искусства как новой методологии в исследованиях феноменов художественного. Укажем, что разработке методологии культурологического анализа

искусства в последнее время уделяется специальное внимание (Яркова, 2015: 12–13), и фундаментальная работа Хренова отвечает этой цели. Однако автор небезосновательно считает, что его опыт культурологической рефлексии, обозначающий выход за границы традиционной методологии истории, теории, социологии и философии искусства, является симптомом более широкого явления — *культурологизации* социального и гуманитарного знания. Тезис исследователя кажется справедливым и подтверждается и тем фактом, что в иных случаях это движение современной гуманитарной мысли приводит к появлению специальных программ исследования, претендующих на статус субдисциплин, как в случае с культуросоциологией Дж. Александера (Александр, 2013).

Отметим, что в ранних работах Хренова чаще обсуждались лишь отдельные аспекты методологической трансформации гуманитарных наук, что, видимо, можно объяснить и тем, что сама наука о культуре продолжает быть развивающимся знанием, стремящимся к систематизации своих положений, теорий и понятийного словаря. Но очевидно одно: инициированные философами, культурными антропологами, исследователями интеллектуальной и культурной истории, социологами-теоретиками, филологами и искусствоведами на рубеже XX–XXI веков споры о том, а может ли быть вообще наука о культуре, и если может, то что должно быть ее предметом, свою остроту потеряли. Похоже, что эта новая наука, разрабатывая свои предметные области, методы фундаментальных и прикладных исследований, все больше обретает признаки системности, вбирая в себя эвристический потенциал структурализма и семиотики, и выстраивая междисциплинарные теоретические модели описания культуры (Жукова, 2023: 207, 210). Все это в практике конкретных исследователей способствует переходу от рассмотрения отдельных аспектов культуры к обсуждению центральных методологических вопросов новой науки. Один из таких вопросов — это воздействие науки о культуре на другие научные дисциплины, в том числе на искусствоведение (Жукова, 2016: 62–63; Акопян, 2005). Современная наука о культуре делает очередной шаг в этом становлении, что стимулирует появление исследований, подобных новой книге Хренова. Монография российского культуролога, философа и социолога искусства находится в логике этого направления и значительно способствует расширению и обновлению методологической базы искусствоведческих исследований в рамках проблемного поля теории, истории и социологии культуры, укрепляя в том числе и саму теоретическую основу культурологии как интегральной науки о культуре.

Поскольку главная ценность монографии Хренова заключается в разработке методологических проблем, мы в своем размышлении о книге остановимся подробнее именно на этом аспекте. В какой-то степени можно считать, что данная книга — результат длительных поисков и обобщения ряда локальных идей, которые ученый обсуждал в своих работах ранее. Но новая публикация, прежде всего, предпринята в русле актуальных вопросов науки о культуре, которые ставятся в отечественной и мировой гуманитаристике. С одной стороны, она опирается на философские теории культуры и социально-философскую мысль, анализу ко-

торых посвящен второй раздел «Экскурс в историю становления культурологической рефлексии: от идеи культуры к науке о культуре», где значительное место уделено наследию Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. А. Сорокина. С другой — выявляет роль отдельных теорий и практик в исследованиях искусства, в частности социологии, как предвосхищающей культурологический поворот (с. 127–128), и эстетики, которая сама начинает выступать своеобразным «интегралом» различных гуманитарных наук (с. 166–167). Предложенная автором концепция может быть сопоставлена как с актуальными исследовательскими программами дисциплин, сочетающими теоретический и эмпирический уровни анализа искусства, например, социологии искусства (Соколов, Хренов, 2022; Zolberg, 1990; Paul, 2005; Quemin, 2017), так и с философско-теоретическими моделями интерпретации искусства в структуре массового и цифрового общества (Bourdieu, 1996; Horkheimer, 1972; Алиханова, 2022). Наиболее интересна, с нашей точки зрения, компаративная перспектива, которая позволит посмотреть на данный труд в ряду сходных опытов зарубежных коллег, выявляющих «культурный поворот» в гуманитарных науках, свидетельствующих о необходимости подвести какой-то итог, проследить в истории основные этапы становления культурологического знания и зафиксировать разные варианты этого знания.

Здесь в первую очередь обнаруживается схожесть предпринятого Хреновым замысла с идеями, изложенными в книге Дорис Бахманн-Медик «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» (Бахманн-Медик, 2017). И новая монография российского культуролога, и книга профессора Гисенского университета говорят, на наш взгляд, об очередной фазе в развитии наук о культуре, которая связана с историческим подходом к становлению культурологической мысли. Достоинства монографии Хренова кажутся здесь более очевидными в сравнении с книгой Бахманн-Медик. Обе книги представляют собой рефлексии текущего этапа развития наук о культуре. В той и другой книге предметом исследования является поворот и повороты в науке, показывающие процесс трансформации гуманитарной (культурологической) парадигмы, что делает исследование такого предмета чрезвычайно значимым.

Следует отметить при этом, что такой взгляд на историю науки отчасти противостоит ставшему уже авторитетным так называемому парадигмальному подходу Т. Куна. В ней становление науки разворачивается в радикальном, революционном духе, когда одна научная парадигма сменяет другую и как бы стирает положительные стороны этой другой, предвосхищающей. Альтернативный подход к эволюции науки, предложенный Бахманн-Медик, характеризуется меньшим радикализмом, мягкостью, пластичностью, снимающими конфликтность парадигм. Она предпочитает говорить о смене фокуса гуманитарных исследований, выделяя семь этапов: интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и пикториальный/иконический. В силу чего концепция «поворота» не воспринимается синонимом парадигмы. С помощью этого понятия улавливаются важные и позитивно оцениваемые процессы отхода

от парадигм и даже в отдельных случаях возвращения к ним. Хренов в своей книге, излагая идеи о становлении культурологического знания, движется в параллельном мысли исследовательницы направлении.

Однако при совпадении направленности и актуальности применяемых подходов важно отметить и существенные отличия. Ведь Бахманн-Медик пытается обозреть динамику, развертывающуюся в науках о культуре, для нее они синонимичны гуманитарным наукам, исключая искусствоведческие и вообще науки и направления, изучающие искусство, в частности, историю искусства, эстетику, философию искусства и т. д. В этом смысле монография Хренова выгодно отличается от книги западной коллеги. Она заполняет тот пробел, который образовался в книге Бахманн-Медик. Кроме того, российский ученый отнюдь не сводит проблематику к истории науки и науки об искусстве, а пытается проследить те процессы, что развертываются в самой практике искусства и часто остаются неизученными в силу неготовности и неспособности традиционных искусствоведческих подходов их выявить и рассмотреть. Их обнаружение и анализ становятся возможными лишь при культурологическом подходе. В этом смысле весьма показательна, например, глава 7 второго раздела монографии «“Белые пятна” в изучении истории искусства до культурологического поворота и циклическая парадигма в истории культуры».

Эта глава, как нам представляется, в высшей степени важна для концепции Хренова, поскольку в ней ставится ключевой по значимости методологический вопрос, а именно вопрос о *несовпадении* в отношении к историческому времени искусствоведа и культуролога. Традиционный искусствоведческий подход связан с концепцией линейного времени, утвержденной в искусствознании под влиянием философских идей эпохи Просвещения, тогда как культурологический подход опирается на циклическую логику развертывания исторического времени, что, конечно, снижает или даже разрушает авторитет общепризнанных искусствоведческих парадигм. Циклическое время — это одно из самых существенных признаков культурологического анализа, с помощью которого периодизация в истории искусства предстает, как показано у Хренова, уже в новом виде и вовсе не сводится к смене универсальных художественных стилей. В этом ключе анализируя концепцию П. А. Сорокина, Хренов настаивает, что для ученого «переход от линейной парадигмы к циклической явился одновременно и переходом к рассмотрению любого явления и процесса в истории с точки зрения уже не социолога, а культуролога» (с. 312). Да и сами историки, теоретики и социологи искусства, реагирующие на практики современного искусства и получающие новые знания о художественной культуре прошлых эпох, в последние десятилетия пытаются искать другие возможности исследования художественных феноменов (Попов, 2007: 107).

При внимательном чтении несовпадение, при кажущейся близости подходов и Хренова и Бахманн-Медик, становится еще более ярким. Поскольку мы коснулись вопроса о несовпадении искусствоведческого и культурологического подходов к опыту искусства, а также и вопроса о том, что нового и позитивного вносит культурологический подход в изучение истории искусства, как и вообще

искусства, то представляется немаловажным отметить, что при культурологическом подходе трансформируется и, более того, расширяется понимание предмета исследования, что в книге также обсуждается. Если искусствовед занимается исключительно искусством, а значит, предметом его изучения и является искусство, то у культуролога этот предмет предстает уже в виде более сложного явления — как художественная культура. Это положение есть следствие особого видения науки о культуре, связанного с ее стремлением включить в свой методологический арсенал инструментарий отдельных дисциплин, изучающих различные искусства и литературу. Эта идея в монографии Хренова подробно излагается в главе 4 первого раздела «Проект теории и истории художественной культуры как следствие культурологического поворота», где автор тестирует культурологический потенциал концепции теории и истории художественной культуры М. С. Кагана (с. 211).

Расхождение между исследованием Бахманн-Медик и книгой Хренова существенно и еще в одном аспекте. Множество поворотов в истории становления наук о культуре Бахманн-Медик рассматривает в весьма ограниченном историческом времени. Для нее такие повороты являются реальными лишь в границах второй половины XX века и в первых десятилетиях XXI века. Почему такое ограничение в разворачивании развивающейся науки у нее происходит, в общем, ясно: именно на этом этапе одна из тенденций в развитии гуманитарного знания, а именно дифференциация наук и направлений, выходит на первый план. Так что само выявление этого процесса, как и его анализ, — уже большое достоинство книги Бахманн-Медик. Но при этом альтернативный процесс в истории движения науки, а именно *интегративный* — у нее оказывается на периферии внимания.

Такая избирательность является следствием присущего исследовательнице специфического определения науки о культуре. Уже во Введении к книге она говорит о двух разных определениях науки о культуре. Одно связано с представлением об этой науке, которая с самого начала возникает с целью интеграции знаний. Этот вариант втягивает в себя все представления о культуре, которые существуют в разных науках, и дает интеграцию этих представлений. Альтернативный вариант не претендует на интеграцию существующих в других науках знаний. Он допускает и даже приветствует плюрализм разных вариантов видения культуры. Такое альтернативное первому понимание науки о культуре соответствует дифференциации научного знания. Поэтому знание о культуре при подобном видении культурологии продолжает существовать в таких научных направлениях, как, например, социология культуры, философия культуры, семиотика культуры, психология культуры и т. д.

Идея поворота у Бахманн-Медик как раз и возникает потому, что она придерживается второго представления о том, какой *должна быть* наука о культуре. В этом представлении получает выражение одна из тенденций в развитии науки вообще, а именно дифференциация наук и направлений. Сравнение методологических подходов Хренова и Бахманн-Медик позволяет продемонстрировать достоинство и новационную сторону монографии российского ученого. Конструк-

тивные идеи Бахманн-Медик относятся к тому периоду в истории науки, когда, в соответствии с ее утверждением, в этой истории совершается лингвистический поворот, а его начало следует датировать серединой XX века. Все выглядит очень логично. Однако придерживаясь второго варианта в видении и определении культуры, Бахманн-Медик в своих последующих суждениях оказывается уже ближе к первому варианту, связанному с интегративным потенциалом культурологии. Так, всю последующую историю развития наук о культуре Бахманн-Медик рассматривает как цепную реакцию поворотов, а эта реакция не выходит за пределы универсального и определяющего в конечном счете лингвистического поворота.

Что здесь выглядит теоретически состоятельным и доказуемым, а что нет? Исследовательница убедительно показывает, что с середины XX века под воздействием открытий К. Леви-Стросса в этнологии возникает семиотика как новая наука, а затем и семиотика культуры как одно из направлений в культурологической мысли. Этот факт вроде бы подтверждает основной тезис Бахманн-Медик. Объективность доказательства здесь может быть и в том, что востребованность семиотики является логическим продолжением того резонанса и, следовательно, поворота, смысл которого выражает лингвистический поворот. Методы и процедуры, применяемые в лингвистике, начинают проникать в другие гуманитарные сферы, и об этом уже свидетельствует методология русской формальной школы (о чем Хренов пишет в первой главе первого раздела), а также структуралистская методология, вызванная к жизни в 1920-е годы в России фольклористом В. Проппом. Однако лингвистический поворот начинается, конечно, не с этнолога Леви-Стросса, а с более раннего этапа — с работ Ф. де Соссюра, задающего так называемый лингвистический поворот. Возникновение структурно-семиотического направления — это продолжение идей де Соссюра, который первым поставил вопрос о существовании множественности языков. В силу чего выводы о «повороте» в понимании Бахманн-Медик могут быть скорректированы.

Какие теоретические положения, усиливающие позицию Хренова в его монографии, на этом фоне можно отметить? Решающим моментом в ней является то, что автор не сводит все повороты к лингвистическому, хотя и отдает себе отчет о его значимости в становлении наук о культуре. Исследователь выводит процесс становления науки о культуре за пределы XX века, как и вообще за пределы лингвистики. Ему интересно проследить те процессы, что развертывались в европейской философии с XVIII века, оказывающие воздействие на становление искусствознания. Время формирования этой науки у Хренова расширяется, ее история делится на два больших периода: на возникновение идеи культуры и на рождение и становление уже собственно науки о ней, которая уже больше, чем просто и только идея. Идеи о культуре можно отыскать уже в философии эпохи Просвещения, или даже ранее, в философии Возрождения, как считал известный российский философ культуры В. М. Межуев.

Оценивая путь идеи культуры в истории мысли, Хренов рассуждает следующим образом: когда И. Кант пытается определить эстетический вкус, ему как

последователю Ж.-Ж. Руссо хотелось его вывести, как и самому Ж.-Ж. Руссо, из природы, но он говорит все-таки об образце, с которым вкус соотносится и им определяется, а образец связан именно с культурой. В этом отношении заслуживает внимания глава 2 первого раздела «Социологический поворот в науке об искусстве XX века: концепция И. Тэна как предвосхищение культурологического поворота». В ней чрезвычайно любопытна мысль о том, как возникновение нового, индустриального общества приводит к понижению значимости культуры. Казалось, что новое общество, опираясь на технологии, способно обойтись без культуры. Это общество прежде всего способствовало возникновению науки об обществе — социологии, которая была призвана понять закономерности развития нового этапа общественного развития (с. 84). Ее успехи привели к некоторому не то чтобы затуханию, а скорее к понижению значимости идеи о культуре, что позднее во многом не позволило своевременно осознать связанные с возникновением тоталитарных режимов негативные процессы.

Однако идеи о культуре возникают не только внутри сложившихся наук и разных направлений, но и «по краям» этих наук и направлений, как и между ними. Это так называемые маргинальные и, можно сказать, внепарадигмальные направления. Поэтому переход от периода идеи культуры к периоду уже собственно науки у Хренова становится предметом внимания в упомянутом втором разделе «Экскурс в историю становления культурологической рефлексии: от идеи культуры к науке о культуре». Обращаясь к концепции Н. Я. Данилевского как предшественника О. Шпенглера и П. Сорокина, возможно, впервые в научной литературе, Хренов аргументированно находит место русскому мыслителю как оригинальному культурфилософу. Показывая, что Данилевский предвосхитил открытия Шпенглера, он настаивает, что каждая из этих концепций — значимая веха в переходе от идеи культуры, которая начинает распространяться в других гуманитарных науках (с. 286), к собственно науке о культуре, начавшей длительный путь своего становления, незавершенный и сегодня. Здесь вслед за Хреновым невозможно не отметить особую значимость концепции Шпенглера. С одной стороны, она стала возможной в результате заимствования идей, уже имеющихся в искусствоведческой науке, например, в трудах представителей венской школы искусствознания (идеями некоторых из них Шпенглер воспользовался), а с другой, в свою очередь, уже с момента появления она стала активно применяться в искусствоведческой науке, о чем, например, свидетельствовало появление в 1920-е годы специально посвященной критическому разбору работы Шпенглера и ее резонансу в искусствоведении книги выдающегося отечественного историка искусства В. Н. Лазарева (Лазарев, 2022). Об этом Хренов говорит в первой главе первого раздела «Теория искусства как субдисциплина искусствознания в ситуации культурологического поворота».

Еще более конкретно эта мысль развивается в главе 10 третьего раздела монографии «Традиция Шпенглера в русской поэзии: игровой синхронизм эпох и культур в творчестве О. Мандельштама», в которой автор обнаруживает в поэзии

Мандельштама влияние идей Шпенглера. Кстати, значимость концепции Шпенглера в современном культурологическом знании, несмотря на ее критику на протяжении всего XX века, явно не угасает и в начале XXI века, о чем свидетельствует недавнее очередное издание в России его знаменитого сочинения в двух томах. «Коперниканский переворот», совершенный в интеллектуальной культуре Шпенглером, поместившим историю культур-цивилизаций в большое время мировой истории (и за пределы европейского дискурса, добавим), по-своему так же значим для современников, как и «коперниканский переворот» Канта. И эта проблема не менее важна для исследования Бахманн-Медик. Так, она много говорит о ликвидации европоцентризма и универсального европейского культурологического дискурса едва ли не как тормоза в развитии культурологической мысли, но ведь первым, кто это «смоделировал» на уровне философской теории культуры, был именно Шпенглер. Пожалуй, именно со Шпенглера начинается тот скачок в истории науки, который в конечном счете привел к решающему и исходному культурологическому повороту, а потом он активизировал и американский вариант науки о культуре, связанный прежде всего с этнологией, и европейский, а точнее, французский социально-антропологический и структуралистский вариант. Последний и является как раз связанным с лингвистическим поворотом и его продолжением в виде семиологического поворота, начавшегося в связи с открытиями Леви-Стросса.

Уделяя много внимания разным теориям, имеющим место в современной этнологии, сама Бахманн-Медик все-таки отдает предпочтение французскому варианту. Без этого начального и универсального поворота, значимости которого в том числе для науки об искусстве Хренов уделил немало места, невозможно представить и последующие повороты, каждый из которых так подробно анализирует Бахманн-Медик. Без этого поворота, произведенного в том числе и долгое время непонятым в России Данилевским и провоцировавшего жаркие дискуссии не только в Германии Шпенглером, не будет ясен и вклад в становление мысли о культуре американского ученого российского происхождения — Сорокина, а ведь именно он, как убедительно показывает Хренов, проясняет вопрос о новом повороте в науке в сторону открытия в истории *реальности культуры* как теоретически промысленного феномена социальной и духовной жизни.

Нельзя в связи с этим не констатировать, что изложение идей в данной монографии несет на себе печать именно идей Сорокина, которого автор книги считает «изменившим» позитивизму и социологии в пользу разработки вопросов культуры. Хренову близка идея культурно-исторической динамики и смены типов культур. Ученый констатирует происходящий грандиозный антропологический и культурологический поворот на уровне самосознания культуры, показывая, что переходная ситуация нашей эпохи затягивается. Соглашаясь с автором книги, мы бы могли добавить, что искусство, являясь чутким барометром жизни человека и общества, как «живая онтология», интеллектуальный камертон и рецептивная практика находится в непростой ситуации. Исходя из подобных представлений,

Хренов масштабирует культурологический поворот, разворачивающийся одновременно во всем мире и во всех культурах. Проследивая этот процесс, ученый имеет в виду не только отдельные культуры. Но все же некоторые главы и даже разделы монографии посвящены процессам, характерным для советской и вообще русской культуры. Так, глава 3 первого раздела, посвященная эстетике, основывается на тех процессах, что происходили в XX веке в Советской России. Здесь уместно отметить и оценить парадоксальную мысль Хренова о том, что, пытаясь обосновать новую эстетическую систему и называя ее марксистской, советские философы, подчас не отдавая в этом себе отчета, размышляли в соответствии с самой древней эстетической системой — онтологической (с. 178–179). Это чрезвычайно любопытная и глубокая мысль, которая рассматривается на отечественном материале в третьем разделе монографии «Активность архетипов в процессах смены типов культуры».

Весьма интересна и мысль Хренова о развлекательной стихии в русской культуре, удельный вес которой повышается по мере угасания того, что в соответствии с Сорокиным ученый называет культурой идеационального типа. Данная идея особенно важна при осмыслении того, что мы определяем как массовую культуру, в том числе в ее цифровом модусе существования. Эта мысль о массовизации культуры развивается в главе 8 третьего раздела «Переход от Средневековья к Новому времени в культурологическом ракурсе». Обращает на себя внимание и тезис о реабилитации сакральности в переходный период, но одновременно и о ее растворении в политике и идеологии в революционный и в постреволюционный периоды. Он обосновывается в главе 9 третьего раздела «История XX века с точки зрения переходной ситуации в истории культуры: реабилитация имперского комплекса в постреволюционный период».

Таким образом, книга Хренова, возвращая к начальным периодам становления и идеи культуры и науки о ней, в то же время чрезвычайно значима для понимания отношений между искусствознанием и культурологией. Подобного теоретически фундированного исследования на широком материале мировой и отечественной культуры в нашей научной литературе еще не было. Можно с уверенностью говорить, что книга российского культуролога этот пробел удачно восполняет. С помощью представлений, что возникли на ранних этапах становления науки о культуре, Хренов и пытается понять логику художественных процессов. Проследивая формирование культурологической методологии, исследователь постоянно обращается и к искусствоведческой методологии, и, что очень важно, к самой практике, к опыту самого искусства, что делает его книгу полезной и для искусствоведов. С этой точки зрения еще раз укажем на четвертый раздел монографии и на главы, посвященные художественным направлениям символизма и экспрессионизма, а также главу о русском театре Серебряного века.

Отмеченный нами композиционный и исследовательский ход — концептуализация развиваемых в монографии проблем из непосредственной практики самого искусства, делает книгу Хренова особенно ценной как по материалу, так и по спо-

собу теоретизации. Встраивая свой труд в дискурсивное поле науки о культуре, рефлексировавшей о своих исторических и методологических основаниях, автор достигает основной цели — рассмотрения искусствоведческой практики в культурологической перспективе. Сформулированная ученым интерпретативная модель культурологического поворота, фиксирующая новую ситуацию в искусстве и его изучении, возвращает российских и зарубежных исследователей к вопросу о культурной обусловленности эпистемологии гуманитарных наук. Предлагая большую тему для дискуссии, Хренов делает серьезный вклад в современную науку о культуре, что подчеркивает своевременность новой монографии и ее научное значение.

Литература

- Абушенко В. Л. (2013). Становление культур-социологических дискурсов в социальном знании: предельная рамка // Социологический альманах. № 4. С. 172–188.
- Акопян К. З. (2005). XX век в контексте искусства: история болезни как повод для размышлений. М.: Академический проект.
- Александр Дж. (2010). Об интеллектуальных истоках «сильной программы». Предваряя спецвыпуск журнала Центра фундаментальной социологии «Социологическое обозрение», посвященный культурсоциологии / Пер. Д. Куракина // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 5–10.
- Александр Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практис.
- Алиханова В. Л. (2022). Массовизация искусства в контексте цифрового культурного «поворота». Диссерт. канд. искусств. Ивановский гос. университет.
- Астафьева О. Н., Зубанова Л. Б., Кириллова Н. Б. (2019). Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования. Екатеринбург: УрФУ.
- Бахманн-Медик Д. (2017). Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение.
- Безуголова Н. П. (2010). «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 6 (38). С. 21–27.
- Жукова О. А. (2023). Актуальность наследия Ю. М. Лотмана: итоги юбилейного года // Вопросы философии. № 12. С. 203–211.
- Жукова О. А. (2016). Границы творчества, или Искусство быть // Вторая Навигация: Альманах. Вып. 14. Х.: Права людини. С. 62–73.
- Комаровский А. В. (2015). Исследовательские программы в социологическом изучении культуры // Социологический альманах. № 6. С. 275–282.
- Лазарев В. (1922). Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство. М.: Издание А. Миронова. Берг.
- Попов Е. А. (2017). Культуроцентричность социологии // Социодинамика. № 6. С. 66–80.

- Попов Е. А. (2007). Основные проблемы современной социологии искусства // Известия Алтайского государственного университета. № 2 (54) С. 106–110.
- Соколов К. Б., Хренов Н. А. (ред.-сост.) (2022). Социология и социальная психология искусства. Словарь / Авторы проекта и составители: К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Хренов Н. А. (2005). Социальная психология искусства: переходная эпоха. М.: Альфа-М.
- Хренов Н. А. (2014). Избранные работы по культурологии. Культура и империя. М.: Артем.
- Хренов Н. А. (2015). Искусство в исторической динамике культуры. М.: Согласие.
- Хренов Н. А. (2018). Последствия культурологического поворота для трансформации искусствоведческих парадигм // Креативная экономика и социальные инновации. Т. 8. № 2 (23). С. 158–168.
- Хренов Н. А. (2019а). Визуальная коммуникация: культурологические исследования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Хренов Н. А. (2019б). Новая визуальность как проблема культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Хренов Н. А. (2021). Теория аудитории Медиа. Публика в истории культуры. М.: Юрайт.
- Хренов Н. А. (2024). Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».
- Яркова Е. Н. (2015). Искусство как предмет культурологии (опыт методологической рефлексии) // Обсерватория культуры. № 3. С. 12–19.
- Bourdieu P. (1996). *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.
- Horkheimer M. (1972). *Art and Mass Culture: from Critical Theory: Selected Essays*. NY: The Seabury Press.
- Paul J. (2005). *Art as Weltanschauung: An Overview of Theory in the Sociology of Art* // *Electronic Journal of Sociology*. P. 1 — 18.
- Quemin A. (2017). *The Sociology of Art* // *The Cambridge Handbook of Sociology*. Vol. 2. P. 293 — 303.
- Zolberg V. L. (1990). *Constructing a Sociology of the Arts*. Cambridge University Press.

From Art History to Sociology of Art and Cultural Studies: in Search of New Methodological Approaches

Khrenov N. A. (2024) *Iskusstvo v situacii kul'turologicheskogo povorota: metodologicheskie poiski* [Art in a situation of cultural theory turn: methodological searches], Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation".

Olga A. Zhukova

DSc in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University.
Address: Staraya Basmannaya, 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation
E-mail: logoscultura@yandex.ru

The article is devoted to the problem of contemporary studies in artistic culture and art. The current change in the methodological paradigm in social and humanitarian knowledge concerning the subject of art is considered through the example of a new monograph written by Nikolay A. Khrenov, a Russian culture expert, philosopher and scholar in the sociology of art. The book *Art in a Situation of Cultural Theory Turn: Methodological Searches* provides a systematic analysis of methodological transformations in the humanities. Based on extensive material, the study shows the changes in artistic culture in the social structure of the industrial and post-industrial societies. The author carries out a critical analysis of historical, sociological, aesthetic concepts of art at the stage of transition from the idea of culture to the science of culture. Constructing a system of argumentation, Khrenov asserts that the science of culture, the sub-branch of which is the sociology of culture and art, is becoming an integration center of the humanities. The article discusses the scientist's thesis that the movement from classical art history towards sociology of art and cultural studies meets the demand for the integration of various disciplines in modern humanitarian knowledge. The positions and ideas put forward in the monograph allow us to consider the relationship between cultural reflection and art history within the general situation of updating the theoretical and methodological tools of studies in art.

Keywords: cultural studies, theory, history and sociology of art, humanities, art history, transitional era, cultural turn, artistic culture

References

- Abushenko V. L. (2013) Stanovlenie kul'tur-sociologicheskikh diskursov v social'nom znanii: predel'naja ramka [The formation of cultural and sociological discourses in social knowledge: the ultimate framework]. *The Sociological Almanac*, no 4, pp. 172–188.
- Akopyan K. Z. (2005) *XX vek v kontekste iskusstva: istorija bolezni kak povod dlja razmyshlenij* [XX century in the context of art: medical history as a reason for reflection], Moscow: Academic Project.
- Alexander J. (2010) Ob intellektual'nykh istokakh «sil'noj programmy». Predvarjaja specvy-pusk zhurnala Centra fundamental'noj sociologii «Sociologicheskoe obozrenie», posvjashchennyj kul'tursociologii [About the intellectual origins of the “strong program”. Anticipating the special issue of the journal of the Center for Fundamental Sociology “Russian Sociological Review”, dedicated to cultural sociology (Transl. Dm. Kurakin). *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 5 — 10.
- Alexander J. (2013) *Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologija* [The meanings of social life: cultural sociology], Moscow: Praxis Publishing house.
- Alikhanov V. L. (2022) *Massovizacija iskusstva v kontekste cifrovogo kul'turnogo «povorota»* [The mass characterization of art in the context of a digital cultural “turn”]. Dissert. Cand. sc. in arts. Ivanovo State University.
- Astafyeva O. N., Zubanova L. B., Kirillova N. B. (2019) *Informacionnaja jepoha: novye paradigmy kul'tury i obrazovanija* [The Information Age: new paradigms of culture and education], Ekaterinburg: UrFU.
- Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture], Moscow: NLR.
- Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Stanford University Press.

- Bezuglova N. P. (2010) «Kul'turnyj povorot» v zapadnoj kul'turologii [The “Cultural Turn” in Western Cultural studies]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no 6 (38), pp. 21-27.
- Horkheimer M. (1972) *Art and Mass Culture: from Critical Theory: Selected Essays*, NY: The Seabury Press.
- Khrenov N. A. (2005) *Social'naja psihologija iskusstva: perehodnaja jepoha* [The Social Psychology of Art: the transitional era], Moscow: Alpha-M.
- Khrenov N. A. (2014) *Izbrannye raboty po kul'turologii. Kul'tura i imperija* [Selected works on cultural studies. Culture and empire], Moscow: Artyom.
- Khrenov N. A. (2015) *Iskusstvo v istoricheskoj dinamike kul'tury* [Art in the historical dynamics of culture], Moscow: Soglasie.
- Khrenov N. A. (2018) Posledstvija kul'turologičeskogo povorota dlja transformacii iskusstvedčeskikh paradigmi [The consequences of the cultural turn for the transformation of art paradigms]. *Creative economy and social innovation*, vol. 8, no 2 (23), pp. 158 — 168.
- Khrenov N. A. (2019a) *Vizual'naja komunikacija: kul'turologičeskie issledovanija* [Visual communication: cultural studies], Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
- Khrenov N. A. (2019b) *Novaja vizual'nost' kak problema kul'tury* [New visuality as a problem of culture], Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
- Khrenov N. A. (2021) *Teorija auditorii Media. Publika v istorii kul'tury* [The theory of the media audience. The public in the history of culture], Moscow: Yurayt Publishing House.
- Komarovsky A. V. (2015) Issledovatel'skie programmy v sociologičeskom izučenii kul'tury [Research programs in the sociological study of culture]. *The Sociological Almanac*, no 6, pp. 275-282.
- Lazarev V. (1922) *Osvaľd Špengler i ego vzgljady na iskusstvo* [Oswald Spengler and his views on art], Moscow: A. Mironov Edition. Bereg.
- Paul J. (2005) Art as Weltanschauung: An Overview of Theory in the Sociology of Art. *Electronic Journal of Sociology*, pp. 1 — 18.
- Popov E. A. (2017) Kul'turocentričnost' sociologii [Cultural centrality of sociology]. *Sociodynamics*, no 6, pp. 66-80.
- Popov E. A. (2007) Osnovnye problemy sovremennoj sociologii iskusstva [The main problems of modern sociology of art]. *Proceedings of the Altai State University*, no 2 (54), pp. 106 — 110.
- Quemin A. (2017) The Sociology of Art. *The Cambridge Handbook of Sociology*, vol. 2, pp. 293 — 303.
- Sokolov K. B., Khrenov N. A. (eds.) (2022) *Sociologija i social'naja psihologija iskusstva. Slovar'* [Sociology and social psychology of art. Dictionary] (Authors of the project and compilers: K. B. Sokolov, N. A. Khrenov), Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
- Yarkova E. N. (2015) Iskusstvo kak predmet kul'turologii (opyt metodologičeskoj refleksii) [Art as a subject of cultural studies (experience of methodological reflection)]. *Observatory of Culture*, no 3, pp. 12-19.

- Zhukova O. A. (2023) Aktual'nost' nasledija Ju.M. Lotmana: itogi jubilejnogo goda [The relevance of Yu.M. Lotman's legacy: the conclusion of the jubilee year]. *Voprosy Filologii*, no 12, pp. 203–211.
- Zhukova O. A. (2016) Granicy tvorchestva, ili Iskusstvo byt' [The boundaries of creativity, or the Art of being]. *Second Navigation: An Almanac*, issue 14. Kh.: Pravo ludini, pp. 62-73.
- Zolberg V.L. (1990) *Constructing a Sociology of the Arts*, Cambridge University Press.

Социальные медиа, фейковые новости и совещательная демократия*

ХАБЕРМАС Ю. (2023). НОВАЯ СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА / ПЕР. С НЕМ. Т. АТНАШЕВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — 104 с. ISBN 978-5-444-82197-8.

Сергей Ушкин

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга; исследовательский менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения; младший научный сотрудник департамента науки и технологий Национальный исследовательский Мордовский университет
Адрес: ул. Б. Хмельницкого, д. 39а, Саранск, 430005 Российская Федерация
E-mail: ushkinsergey@gmail.com

В статье анализируются основные идеи одного из главных политических философов современности Юргена Хабермаса, изложенные им в его недавней работе «Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика». Несмотря на свой небольшой объем, она дополняет вышедшую в свет более 60 лет назад работу того же автора «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества». Главным вектором трансформации публичной сферы Хабермас называет появление и взрывной рост влияния новых медиа, которые не просто расширили функционал традиционных источников информации, а ознаменовали собой новую в историческом масштабе веху, сопоставимую с появлением книгопечатания. Как отмечает Хабермас, у этого явления две стороны, и темная пока перевешивает. Например, общеизвестно, что социальные сети обещают каждому, что его голос будет услышан, и это, несомненно, важный шаг в развитии публичной сферы. Тем не менее декларируемая открытость на самом деле скрывает в себе еще большие риски, которые человечеству потребуются «приручить»: во-первых, отсутствие контроля при распространении новостного контента, следствием чего становится рост числа фейковых новостей; во-вторых, появление надгосударственных технокорпораций, использующих алгоритмы для манипулирования своими пользователями; в-третьих, размытие самого понятия «публичная сфера», поскольку продуцируемый пользовательский контент нередко лавирует между частным, приватным и публичным, общественным. Продолжая аналогию с книгопечатанием, Хабермас пишет о том, что с момента изобретения печатного станка до всеобщей грамотности в западных обществах прошло порядка 300 лет, и задается вопросом: сколько же лет потребуются нам, чтобы, по большому счету, научиться жить в эпоху новых медиа?

Ключевые слова: Юрген Хабермас, публичная сфера, социальные сети, фейковые новости, совещательная демократия

В 1962 году Юрген Хабермас выпустил в свет свою первую монументальную и амбициозную работу. В русском переводе она получила название «Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества» (Хабермас, 2016). Основную проблему он видел в том, что понимание

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 227800082, <https://rscf.ru/project/22-78-00082/>

публичной сферы долгое время было растворено во множестве теоретических конструктов, и поэтому хотел предложить ее концентрированный всеобъемлющий анализ с опорой на ретроспективный обзор основных тенденций ее развития. Базируясь на глубоком историческом материале, Хабермас пришел к выводу, что в процессе общественной эволюции доступ к информации (здесь, по его мнению, особая роль принадлежала публичным библиотекам, газетам, кофейням и клубам) и последующие возможности ее обсуждения коренным образом повлияли на системы публичной политики и государственного управления, поскольку широкое участие сделало возможным появление делиберативной, т. е. совещательной демократии.

В своем первоначальном варианте работа представляла собой вторую, хабилитационную диссертацию, которую еще молодой на тот момент исследователь планировал защитить во Франкфурте. Как говорил сам Хабермас, он «намеревался развернуть идеальный тип буржуазной публичной сферы... исходя из исторических контекстов английского, французского и немецкого развития в XVIII и в раннем XIX веках» (Хабермас, 2016: 10-11). Но текст был достаточно прохладно принят Максом Хоркхаймером, возглавлявшим в тот момент Франкфуртский институт социальных исследований. Защита диссертации все же состоялась, и весьма успешно, но уже в Марбурге и под руководством немецкого правоведа и политолога Вольфганга Абендрота, основателя ныне практически неизвестной за пределами Германии Марбургской марксистской школы (Calhoun, 1993: 4).

Многие сходятся во мнении, что из всех работ Хабермаса она в наибольшей степени может претендовать на статус «классической», поскольку именно с нее начинается особая традиция философских и социологических исследований публичной сферы (Юдин¹, 2017: 124). После первого перевода книги на английский язык в конце 1980-х гг. исследование было признано наивысшим стилистическим и аналитическим достижением социально-теоретической мысли так называемой «Франкфуртской школы», а количество цитирований в научных публикациях перевалило за 20 тысяч (Stewart, Hartmann, 2020: 170). Неудивительно, что сам Хабермас был вынужден, даже занимаясь другой проблематикой, неоднократно возвращаться к этой работе, в том числе — волей или неволей собирая обратную связь от коллег и скрупулезно анализируя не просто различные тенденции развития нашего общества, а встраивая их, как кусочки пазла, в теорию делиберативной, т. е. совещательной демократии. Например, тема эрозии публичной сферы, в том числе в контексте угрозы ее цифровизации и финансиализации, рассматривалась в некоторых его более ранних работах еще до того, как это стало мейнстримом (Хабермас, 2012: 126).

Символично, что спустя ровно 60 лет после публикации «Структурного изменения публичной сферы», в 2022 году в Германии выходит ее — назовем это расхожим словом из области массовой культуры — «сиквел» под названием «Новая

1. Включен в реестр иностранных агентов.

структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика», а всего через год работу переводят на русский язык (Хабермас, 2023). Главный вопрос книги в том, какие именно последствия несет в себе продолжающаяся цифровизация публичной сферы для будущего демократических обществ. Взвесив все «за» и «против», Хабермас приходит к выводу, что угрозы, исходящие от сетевых платформ, пока перевешивают их возможности.

Здесь стоит упомянуть, что еще на заре зарождения новых медиа ряд социальных исследователей возлагал на них большие надежды, которым, однако, не суждено было сбыться. Так, высказывались предположения, что обсуждение политических событий, вовлеченность пользователей в дискуссии по проблемам общества сыграют важную роль в процессах демократизации, поскольку выражают принципы свободы слова и способствуют формированию критического мышления (Mutz, 2006; Zuckerman, 2005). Несмотря на существующий оптимизм в отношении новой технологии, она скорее привела к отчуждению простых людей от реальной политики (Putnam, 2000), развитию у них слактивизма (или «диванного активизма»)² (Морозов, 2014), а политические дискуссии если и ведутся, то они скорее приводят к еще большей поляризации пользователей (Ушкин, 2014).

Книга Хабермаса состоит из трех глав, и представляет собой переработанные версии ранее опубликованных текстов (Habermas, 2018; Habermas, 2022a; Habermas, 2022b). В первой автор проводит ревизию существующих подходов к изучению политической публичной сферы и обновляет собственную концепцию в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Две другие посвящены делиберативной демократии, вносят важные дополнения и уточнения в предлагаемую им теорию. Кроме того, российское издание снабжено двумя вводными статьями — одной от Тимура Атнашева, другой от Татьяны Вайзер, — которые предлагают читателю краткий экскурс в мир идей Хабермаса.

Первая глава — «Размышления и гипотезы о новой структурной трансформации политической публичной сферы» — наиболее объемная, составляет почти половину всей книги, но она же является наиболее содержательной и «аналитической». Хабермас с самого начала задает правила игры и пишет, что публичная сфера представляет собой социальный феномен, далеко не исчерпывающийся своим функциональным вкладом в формирование демократической воли в конституционных политических режимах, и имеющий своей целью сохранение и поддержание совместной демократической жизни (с. 23). Природа ее нормативности, по мнению исследователя, проистекает из революционных преобразований XVIII века, благодаря которым стал возможен основанный на конституциях социальный порядок современного типа.

2. Под слактивизмом (от англ. slacker — бездельник и activism — активизм) понимаются такие действия, которые направлены на решение тех или иных социальных проблем, но не несут дополнительных затрат и не имеют реальной практической пользы, размывая «низовую» активность. Классическими примерами слактивизма выступают лайки в социальных сетях, репосты и комментарии, а также подписание различных интернет-петиций.

Далее Хабермас анализирует роль средств массовой информации (впоследствии — и коммуникации) в демократических режимах, возлагая на них ответственность за формирование того, что он называет «общей волей». Важно отметить, что в своем понимании этой общей воли он, как кажется, куда более близок к Руссо и республиканской традиции, нежели к появившимся позднее исследованиям общественного мнения, предпринятым, например, Полом (Паулем) Лазарсфельдом и его коллегами (Lazarsfeld, Berelson, Gaudet, 1944). Ключевая задача медиа в делиберативных практиках видится немецкому философу в том, чтобы они поставляли профессиональную и объективную информацию, свободную от оценочных и тем более пропагандистских суждений.

Идея была настолько же хорошей, насколько и утопической. Постепенно мы становились свидетелями монополизации средств массовой информации и коммуникации, их поляризации по осям политического спектра и в конечном счете игнорирования альтернативных точек зрения. В исторической ретроспективе это привело к упадку рациональных дебатов, снижению качества политических дискуссий и, как следствие, политическому регрессу практически во всех, даже в старейших англосаксонских демократиях (с. 36). По большому счету произошла смена статуса профессиональной журналистики: она перестала быть независимой и вновь стала «придворной», что вызвало бурный рост недоверия к ней со стороны публики. Появился вакуум, который потребовал заполнения.

Это был более чем удачный момент для появления «новых медиа», кардинально изменивших привычные представления о производстве, распространении и потреблении информации. Подчеркивая этот аспект, Хабермас пишет, что цифровизация приобрела революционные масштабы, сопоставимые разве что с изобретением книгопечатания (с. 46-47). И далее он задается вполне логичным вопросом: *«Подобно тому, как печатный станок превратил каждого человека в потенциального читателя, так и цифровизация сегодня превращает каждого из нас в потенциального автора. Но сколько времени прошло, прежде чем все научились читать?»* (с. 50-51).

Прогнозы Хабермаса в отношении делиберативной политики и влияния на нее «новых медиа» достаточно мрачны, несмотря на то что последние дали миллионам людей по всему миру возможность быть услышанными, мгновенно обмениваться важной и необходимой им информацией и политически мобилизовываться. Проблема, по его мнению, заключается в том, что великое обещание освобождения меркнет ввиду различного рода появляющихся тут и там «демонических сущностей»: начиная от все более возрастающей значимости технологических корпораций, которые могут едва ли не противопоставлять себя государствам, и заканчивая гулким информационным шумом в самовоспроизводящихся и фрагментированных эхокамерах (с. 50).

Принципиальную новизну для публичной сферы Хабермас видит не столько в самих «новых медиа», сколько в их платформизации. Во-первых, это позволяет освободиться «от посредничества журналистов, играющих роль модераторов, а равно и от необходимости формировать повестку, чем занимались старые

СМИ», а во-вторых, дает «возможность всем потенциальным пользователям стать независимыми и равноправными авторами» (с. 48). Похоже, что это очень важный момент, но в большей степени значимый в свете воззрений другого уважаемого социального теоретика — Элвина Тоффлера, спрогнозировавшего стирание исторически сложившегося разрыва между производителем и потребителем, делая возможным экономическую систему, сочетающую оба действующих фактора, так называемую «prosumer» economics (Тоффлер, 1999: 34). По большому счету именно эти идеи лежат в основе разработанного значительно позже концепта одноранговой экономики, наблюдаемого в современных распределенных системах — шеринга, блокчейна и т. д., на которые социолог ланкастерской школы Джон Урри, в частности, возлагает особые надежды не только по технологическому, но и социальному преобразованию будущего (Урри, 2018: 165).

Загвоздка заключается в том, что существенная роль в устранении этого разрыва принадлежит платформам, которые достаточно много требуют от пользователя (например, ввода персональных данных при регистрации, собирают и анализируют поведенческие реакции и т. д.), но при этом практически полностью исключают свою ответственность за распространение того или иного контента. Как высказался по их поводу левый интеллигент Ник Срнчек, они представляют собой не столько новую рыночную площадь, сколько базовую инфраструктуру, *опосредующую* (курсив мой. — С. У.) взаимоотношения между разными группами (Срнчек, 2020: 42).

Проявления подобной платформизации можно встретить повсюду, начиная от сервисов заказа такси и заканчивая биржами удаленной работы, что в ряде случаев повышает удобство для клиентов и увеличивает прибыль компании, но при этом способствует распространению прекарности. Дело в том, что подобного рода агрегаторы больше не являются работодателями в привычном смысле слова, а потому не несут сопутствующих рисков по «содержанию» — нет, более не наемных работников — привлекаемых «независимых подрядчиков» (предпринимателей, самозанятых и людей, нелегально трудящихся на рынке). Поэтому важно помнить, что как только читатель становится автором, равно как и прежний «работник» обретает иллюзорную независимость, то он оказывается в ловушке: предоставляемое платформами расширение прав и свобод оборачивается повышением ответственности перед другими акторами, которая в действительности не осознается.

Поскольку модель привратника, принятая в основе правил игры традиционных медиа, практически не работает в сетевых структурах, здесь происходит рост числа фейковых новостей, а так как пространство не является герметичным, то рано или поздно они становятся частью публичной политической сферы. Наиболее резонансные из них формируют, как пишет Хабермас, «демократию постправды» (вопрос о том, можно ли считать ее именно демократией, оставим на усмотрение автора). Он приводит данные «Евробарометра»³ о том, что большая часть опро-

3. Репрезентативный опрос населения 28 стран Евросоюза, данные на осень 2019 года.

шенных не верит в свободу СМИ от политического и экономического давления (41%), прямо заявляют о своем недоверии государственным СМИ (39%), а подавляющее большинство утверждает, что сталкивалось с искаженными или ложными новостями (79%) (с. 54).

Результаты наших собственных исследований, репрезентативных пусть не для России в целом, а для отдельного ее региона, показывают, что хотя бы однажды в течение последнего года фейки замечали две трети респондентов (65%), половина из которых (31%) сталкивались с ними не менее нескольких раз в неделю⁴. По всей видимости, можно говорить о том, что в такой неустойчивой информационной среде как когнитивные основы истины, так и нормативные основы демократии испытывают значительное напряжение, подвергаясь негативному воздействию не только со стороны различных форм релятивизма, но и наблюдаемого поворота общественных настроений к популизму (Susen, 2023: 845).

Единственное, что, согласно Хабермасу, можно противопоставить фейковым новостям, — журналистская добросовестность (с. 66). Провозглашаемый им императив можно сформулировать таким образом: мы в ответе за тех [монстров], которых создали и не смогли приручить. Именно поэтому он пишет о необходимости поддержания такой структуры современных СМИ, которая обеспечивала бы инклюзивность публичной сферы и делиберативный характер формирования общественного мнения и политической воли. И здесь ни в коем случае нельзя допустить, чтобы управление данными и вниманием заменили настоящую журналистскую работу. Еще ранее по этому поводу он замечал, что *«делиберативная модель позволяет провести спецификацию условий, при которых сфера политической публичности могла бы внести подобающий вклад в процесс легитимации, — прежде всего, относительную независимость самоуправляющихся медиасистем (1) и правильную feedback между гражданским обществом и коммуникацией, опирающейся на медиа (2)»* (Хабермас, 2012: 145-146).

Но тут-то как раз и обнаруживается еще один важный элемент, значительно отличающий нынешнюю публичную сферу от той, что была описана Хабермасом более 60 лет назад. Речь идет о постоянно растущей роли технокорпораций, которые не просто занимаются созданием и поддержкой платформ, но и прилагают определенные усилия по влиянию не только на своих пользователей, но и на политику целых государственных образований. Говоря словами социального исследователя Шошаны Зубофф, сейчас мы живем в эпоху надзорного капитализма, пришедшего на смену капитализму промышленному, где производство товаров и услуг подчинено новым «средствам модификации поведения» (Зубофф, 2022). Пожалуй, наиболее известный случай управления данными и вниманием пользователей представляет собой деятельность британской Cambridge Analytica, которая использовала персональные данные нескольких сот тысяч пользователей и миллионов их виртуальных друзей для того, чтобы манипулировать их поли-

4. Репрезентативный опрос населения Республики Мордовия, всего опрошено 1000 респондентов, данные на весну 2023 г. Более подробно результаты представлены в: Ушкин, 2024.

тическими предпочтениями. Несмотря на то что компанию буквально «поймали за руку», представив убедительные доказательства вмешательства в ход президентских выборов в США в 2016 году и в голосование за выход Британии из Евросоюза, сотни ее аналитиков продолжили свою работу в области манипулирования общественным мнением. Как отмечает специалист по этике искусственного интеллекта Карисса Велиз, намерение Cambridge Analytica и других подобных структур состояло в том, чтобы «подорвать демократию» по-настоящему (Велиз, 2023: 122).

По большому счету мы в очередной раз наблюдаем в действии старую добрую максиму римского сената «разделяй и властвуй». В эпоху повсеместного внедрения алгоритмов она не стала архаизмом, а, напротив, продемонстрировала свою эффективность, поскольку разделение аудитории на узкие политические группы и манипулятивное влияние на каждую из них в отдельности значительно упростилось. В логике самого Хабермаса подобные сетевые структуры, пусть и конструируемые по принципу общности интересов, образуют не более чем фрагментированную, временно созданную публичную сферу, которая детерминирована сугубо экономическими интересами. Следовательно, такие образования пусть и обладают достаточной степенью субъектности (например, к ним могут относиться и группы поддержки российского белоленточного движения), однако поскольку их деятельность не направлена на поддержку общих интересов, а они вовсе не стремятся к тому, чтобы услышать мнения оппонентов, их польза для делиберативной демократии не очевидна.

Ни для кого не секрет, что все социальные сети строят свои рекламные кампании на «экономике действия», где главным является так называемый принцип вовлеченности (Nosthoff, Maschewski, 2024: 182). Его реализация предполагает, что при производстве контента (неважно, носит ли он политический или коммерческий характер) рекламодателю предоставляется не только рекламное место, как это было в случае с традиционными медиа, но и возможность управления аудиторией исходя из количества «лайков», «репостов» и других подсчитываемых и подвергающихся дальнейшей алгоритмизации действий пользователей. Вследствие этого реакции пользователей становятся не только просчитываемыми, но протекающими из ответов на внешний стимул, что существенно размывает коллективную систему координат при формировании политического мнения. По сути, речь идет о новом «технологическом режиме социального» (Ловинк, 2019: 56).

Впрочем, вполне возможно, что последствия внедрения персонализированной рекламы, во всяком случае, при продвижении товаров и услуг, сильно переоценены. По некоторым данным, ее использование повышает продажи той или иной продукции всего лишь на 4% (Велиз, 2023: 141). По большому счету она практически неконкурентоспособна даже по сравнению с доцифровыми методами манипулятивного воздействия, но при этом в нее по-прежнему вкладываются значительные денежные ресурсы. Почему это происходит? Кажется, что ответ заключается в том, что персонализированная реклама давно перестала играть роль исключительно маркетингового инструмента, а стала в полном смысле этого слова соци-

альной технологией, осуществляющей перформативную репрезентацию социальной реальности. Например, в США с их сложносоставной политической системой ожесточенные противостояния на отдельных территориях зачастую ведутся и за меньшие доли избирателей, о чем красноречиво свидетельствуют результаты последних нескольких выборов. И, по всей видимости, технокорпорации не менее других лоббистских группировок хотят откусить лакомый кусок пирога.

Наконец, Хабермас задается вопросом о том, что же в конечном счете произошло с самой публичной сферой на фоне тотальной цифровизации и притязаний на власть со стороны влиятельных технокомпаний. По его мнению, «в ходе более или менее эксклюзивного использования социальных медиа восприятие публичной сферы у части населения могло модифицироваться настолько, что строгое разделение между “публичным” и “частным”, а значит, и инклюзивный характер публичной сферы исчезает» (с. 62). Проблема ему видится в том, что, в действительности, виртуальные пространства нельзя отнести ни к публичным, ни к приватным в полном смысле этого слова, поскольку изначально они были зарезервированы для личной переписки, но затем переросли в новый и, как это ни парадоксально, «интимный вид публичной сферы». Это кажется особенно примечательным в свете фиксируемой им в 1962 году *поляризации* (курсив мой. — С. У.) сферы социального и сферы интимного (Хабермас, 2016: 220).

Осуществляя прямые сетевые взаимодействия друг с другом, люди, по мысли Хабермаса, образуют самовоспроизводящиеся эхо-камеры и многочисленные пузыри фильтров, которые по мере достижения критического количества участников становятся все более герметичными для воздействия извне. Впрочем, сразу необходимо оговориться, что результаты последних исследований указывают на то, что эхо-камеры встречаются заметно реже, чем предполагалось ранее, а реальность пузырей фильтров и вовсе ставится под сомнение (Брунс, 2023). Вполне возможно, что здесь Хабермас преисполнен излишнего технопессимизма, перекладывая всю степень ответственности за неудачи делиберативной демократии на платформы и не считаясь с тем фактом, что главные фильтры в эпоху поляризованного мира находятся не в сетях, а в наших головах. Необходимо отметить, что еще в 2008 году он спрогнозировал фрагментацию национальных публичных сфер, которые попадут под влияние различных групп, воздействующих на пользователей, не вовлеченных непосредственно в политику (т. е., по сути, описал работу эхо-камер до их фактического появления) (Хабермас, 2012: 130).

Важно другое, а именно то, каким образом публичная политика реализуется в виртуальном пространстве социальных сетей. Пока они для этого принципиально не подходят, хотя в будущем подобный сценарий уже не будет выглядеть нереалистично. Ведь тогда, если следовать логике Хабермаса, утверждающего, что современность представляет собой своего рода *Lehrnprozess*, пройдет необходимое количество лет между революционными преобразованиями, начатыми новыми медиа, и периодом, в котором пользователи обучатся базовым правилам цифровой грамотности и гигиены. Во всяком случае, известные интеллектуалы именно в этом

усматривают будущее плебисцитарных демократических режимов (Юдин, 2020: 161). Главный фактор, который сдерживает развитие публичной сферы в социальных сетях, заключен, по всей видимости, даже не столько во фрагментарности аудиторий, сколько в отсутствии гарантий для «формирования конкурирующих, то есть качественно отфильтрованных голосов общественного мнения» (с. 65).

Необходимо отметить, что теория, разработанная Хабермасом, достаточно подвижна. Так, вторая глава — «Делиберативная политика. Интервью» всецело посвящена вопросам делиберативной демократии, в ней Хабермас разъясняет свои взгляды на эту бурно развивающуюся ветвь политической теории. Пожалуй, наиболее важные его высказывания касаются прояснения того, что же считать итогом политической дискуссии — выяснение предпочтений, согласие, консенсус или что-то еще (с. 71), а также допустимости включения в нее не только рациональных аргументов, но и нарративов, эмоций и риторических приемов.

Здесь Хабермас подчеркивает, что вся его теория публичной сферы основана на предположении, что главной целью достижения политического дискурса является достижение согласия (с. 77). По его мнению, эту предпосылку часто неправильно понимают или искажают, в особенности тогда, когда она изображается как некая форма коллективного идеализма. В действительности же, как отмечает исследователь, политические споры являются важной частью нашей жизни, и, может быть, в них и не рождается истина, но они учат людей самому важному — совместному существованию.

Каковы возможные ошибки в интерпретации философии Хабермаса? На этот вопрос он отвечает в третьей, заключительной главе — «Что означает “делиберативная демократия”? Возражения и ошибочные интерпретации», где акцентируется на том, в чем, собственно, заключаются возможности делиберативной демократии. Хабермас уверен, что называть ее чрезмерно идеалистической, а потому полностью отвергать, в корне неправильно, поскольку она должна служить неким ценностным ориентиром политического сообщества. Более того, он настаивает на включение в политику всех граждан, а не только экспертов, сложным языком описывающих общественные проблемы и дальнейшие пути развития, и решительно возражает против доминирующего скепсиса по поводу неспособности отдельных, как правило, депривированных слоев населения понимать политические послания (с. 95).

В то же время Хабермас указывает и на то, что делиберативная демократия априорно подразумевает установление конституционных режимов, базирующихся на подчинении простой воли граждан только тем законам, которые они сами себе устанавливают. В значительной степени он полагается на саморегуляцию политических систем, которая может давать сбои в периоды социально-экономической напряженности, например, войн, катастроф или эпидемий. Как отмечает исследователь, «перед лицом опасности, которая непредвиденно врывается извне и угрожает обществу в целом, государство должно предельно, а при необходимости и сверх меры напрячь силы солидарности граждан» (с. 87).

В конечном счете предлагаемая Хабермасом концептуальная рамка, пусть и не является новой, но именно она легитимирует ряд исследований в предметной области, посвященной новым медиа, социальным сетям и распространяемой с их помощью фейковой информации. Безусловно, цифровые исследователи сегодня далеко не те фрики, которыми раньше их за глаза могли назвать академические исследователи, но поддержка одного из ведущих интеллектуалов современности не является для них лишней. И если даже по тиражам «новая» трансформация не переплунет «старую», то в том, что касается смыслового содержания — она здорово поможет разобраться с накопившимися за последние 60 с лишним лет проблемами публичной сферы.

Литература

- Брунс А. (2023). Реальна ли стена фильтров? / Пер. с англ. А. Архиповой. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Велиз К. (2023). Сила конфиденциальности. Почему необходимо обладать контролем над своими персональными данными / Пер. с англ. Е. Павловой. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Зубофф Ш. (2022). Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. А. Васильева. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ловинк Г. (2019). Критическая теория интернета / Пер. с англ. Д. Лебедева, П. Торкановского. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
- Морозов Е. (2014) Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Пер. с англ. И. Кригер. М.: Corpus.
- Срничек Н. (2020). Капитализм платформ / Пер. с англ. М. Добряковой. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Тоффлер Э. (1999). Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ.
- Урри Дж. (2018). «Как выглядит будущее?» / Пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ушкин С. Г. (2014). Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. № 6. С. 127-133.
- Ушкин С. Г. (2024). Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 6. № 2. С. 162-176.
- Хабермас Ю. (2012). Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Весь мир.
- Хабермас Ю. (2023). Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение.
- Хабермас Ю. (2016). Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. М. М. Беляева. М.: Весь мир.

- Юдин Г. Б. (2016). Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 1. № 1. С. 123-133.
- Юдин Г. Б. (2020). *Общественное мнение, или Власть цифр*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Calhoun C. (ed.) (1993). *Habermas and Public Sphere*. Cambridge: The MIT Press.
- Habermas J. (2018). Interview with Jürgen Habermas. *The Oxford handbook on deliberative democracy* / A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren (Eds.). Oxford, UK: Oxford University Press. P. 871–882.
- Habermas J. (2022a). Reflections and hypotheses on a further structural transformation of the political public sphere // *Theory, Culture & Society*. Vol. 39. No. 4. P. 145–171.
- Habermas J. (2022b). Foreword. *Habermas and the crisis of democracy: Interviews with Leading Thinkers* / E. Pratico (Ed.). London, UK: Routledge. P. xiii–xix.
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. (1944). *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. New York: Duell, Sloan and Pearce.
- Mutz D. C. (2006). *Hearing the Other Side: Deliberative versus participatory democracy*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Nosthoff A.-V., Maschewski F. (2024). The platform economy's infrastructural transformation of the public sphere: Facebook and Cambridge Analytica revisited // *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 50. № 1. P. 178-199.
- Putnam R. D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American democracy*. NY: Simon & Schuster.
- Stewart E., Hartmann D. (2020). The New Structural Transformation of the Public Sphere. // *Sociological Theory*. Vol. 38. № 2. P. 170-191.
- Susen S. A. (2023). New Structural Transformation of the Public Sphere? With, against, and beyond Habermas // *Society*. Vol. 60. P. 842–867.
- Zuckerman A. S. (2005). *The Social Logic of Politics: Personal networks as contexts for political behavior*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Social Media, Fake News and Deliberative Democracy

Habermas J. (2023) *New structural transformation of the public sphere and deliberative policy* (trans. T. Atnashev), Moscow: New Literary Review. — 104 p. ISBN 978-5-444-82197-8. (In Russian)

Sergei G. Ushkin

Candidat of Sciences (Sociology), Leading Scientific Researcher, Scientific Center for Social and Economic Monitoring; Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Junior Researcher at the Department Science and Technology, National Research Mordovia State University
Address: Bohdan Khmelnytsky st., 39a, Saransk, 430005 Russian Federation
E-mail: ushkinsergey@gmail.com

The article analyzes the main ideas of Jürgen Habermas, which he outlined in his work «A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics». It is a continuation of the work «The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society» published more than 60 years ago. Habermas sees the main vector of transformation of

the public sphere in the emergence and explosive growth of the influence of new media. The latter has not only expanded the functionality of traditional sources of information, but also become a symbol of a new milestone on a historical scale, comparable to the advent of printing.

Habermas notes that there are two sides to this, with the dark side still outweighing the benefits. For example, social media promises that each voice will be heard, which is, indisputably, an important step in the development of the public sphere. However, in reality, this declared openness is fraught with many risks. First, there is no control over the distribution of news content. Second, tech corporations are playing an increasingly important role, using algorithms to manipulate users. Third, the concept of the «public sphere» is becoming increasingly vague. Habermas continues the analogy with printing, describing how long it took humanity to adapt to it, and asks a logical question: how many years will it take us to learn to live in the era of new media?

Keywords: Jürgen Habermas, public sphere, social networks, fake news, deliberative democracy

References

- Bruns A. (2023) *Are Filter Bubbles Real?* Moscow: HSE Publishing House.
- Calhoun C. (ed.) (1993) *Habermas and Public Sphere*, Cambridge: The MIT Press.
- Habermas J. (2012) *Ah, Europe! Small Political Writings, XI*, Moscow: Whole world. (In Russian)
- Habermas J. (2016) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Moscow: Whole world. (In Russian)
- Habermas J. (2018) Interview with Jürgen Habermas. *The Oxford handbook on deliberative democracy* (Eds. A. Bächtiger, J.S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 871–882.
- Habermas J. (2022a) Reflections and hypotheses on a further structural transformation of the political public sphere. *Theory, Culture & Society*, vol. 39, no 4, pp. 145–171.
- Habermas J. (2022b) Foreword. *Habermas and the crisis of democracy: Interviews with Leading Thinkers* (Ed. E. Praticco), London, UK: Routledge, pp. xiii–xix.
- Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*, Moscow: New literary review. (In Russian)
- Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. (1944) *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*, New York: Duell, Sloan and Pearce.
- Lovink G. (2019) *Critical theory of Internet*, Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Modern Art. (In Russian)
- Morozov E. (2014) *The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom*, Moscow: Corpus. (In Russian)
- Mutz D.C. (2006) *Hearing the Other Side: Deliberative versus participatory democracy*, Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Nosthoff A.-V., Maschewski F. (2024) The platform economy's infrastructural transformation of the public sphere: Facebook and Cambridge Analytica revisited. *Philosophy & Social Criticism*, vol. 50, no 1, pp. 178–199.
- Putnam R.D. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American democracy*, NY: Simon & Schuster.

- Srnicek N. (2020) *Platform Capitalism*, Moscow: HSE Publishing House.
- Stewart E., Hartmann D. (2020) The New Structural Transformation of the Public Sphere. *Sociological Theory*, vol. 38, no 2, pp. 170-191.
- Susen S. A. (2023) New Structural Transformation of the Public Sphere? With, against, and beyond Habermas. *Society*, vol. 60, pp. 842-867.
- Toffler A. (1999) *The Third Wave*, Moscow: AST. (In Russian)
- Urry J. (2018) *What is the Future?* Moscow: Delo (In Russian)
- Ushkin S. G. (2014) Consumers' comments on protest actions in the Russian-language Youtube segment. *Sociological Studies*, no 6, pp. 127-133. (In Russian)
- Ushkin S. G. (2024) Not Only Social Networks: Channels of Dissemination of Fake News in the Views of the Population. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 6, no 2, pp. 162-176. (In Russian)
- Veliz C. (2023) *Privacy is Power. Reclaiming Democracy in the Digital Age*, Moscow: Fenix. (In Russian)
- Yudin G. B. (2016) Book Review: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society, trans. by V. Ivanov. Ed. by M. Belyaev. Moscow: Whole world. Philosophy. *Journal of the Higher School of Economics*, vol. 1, no 1, pp. 123-133. (In Russian)
- Yudin G. B. (2020) *Public Opinion, or the Power of Numbers*, Saint Petersburg: Publishing House of the European University at Saint Petersburg. (In Russian)
- Zuboff S. (2020) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, Moscow: Gaidar Institute Press.
- Zuckerman A. S. (2005) *The Social Logic of Politics: Personal networks as contexts for political behavior*, Philadelphia, PA: Temple University Press.

Проникнуть за дискурс

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МАЛАХОВ В. (2023). ПОЛИТИКА РАЗЛИЧИЙ. КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ. М.: НЛО. — 288 с. ISBN 978-5-4448-2182-4

Леонид Бляхер

Доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук,
Тихоокеанский государственный университет
Адрес: ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, 680053 Российская Федерация
E-mail: leonid743342@mail.ru

Константин Григоричев

Доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности,
Иркутский государственный университет
Адрес: ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003 Российская Федерация
E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Сегодня огромный массив знаний, накопленный обществоведами последних десятилетий, в значительной мере перестал представлять собой актуальную ценность, что породило острую нужду в рефлексии над нашим пониманием Другого. Новое в обществознании (прежде всего, новые инструменты понимания), как правило, возникает как новое прочтение прочитанного, рефлексия над рефлексией. Книга Владимира Малахова «Политика различий» представляет собой как раз попытку такой рефлексии, деконструирующей прежнее знание о реальности, дающей возможность ее переконструировать, ввести в ее новые смыслы.

Речь здесь идет о самом, пожалуй, очевидном *Другом* завершающейся эпохи — о миграции и ее восприятию в рамках западного политического дискурса, точнее, политического дискурса о культурных различиях. Но описание миграции здесь не самоцель. Как отмечает автор в одном из разделов, разговор о миграции в современных условиях есть разговор о современном обществе в целом (с. 88).

Книга сложная и по жанру, и по стилистике, поскольку включает в себя как разделы, ориентированные на достаточно широкие и интересные теоретические обобщения, рецензии на отдельные, хотя и значимые тексты других авторов, так и интервью по актуальным вопросам политической повестки дня, а также вполне академические тексты и газетные публикации. Первое ощущение, возникающее при ее прочтении, — ощущение рыхлости, когда части книги (их четыре) не следуют одна из другой, но «набегают» друг на друга, порой противоречат одна другой. Но при внимательном взглядывании в текст композиция и замысел книги начинают улавливаться. Первая часть — наиболее теоретичная и философичная — задает рамку обсуждаемых проблем, проблем соотношения (изменения) дискурса и того, что стоит за дискурсом (социальных и политических *отношений*). Остальные части предоставляют заинтересованному читателю картину дискурсивной реаль-

ности, охватывающую максимально возможное число точек зрения и политических позиций.

«Цель настоящего исследования, — пишет автор рецензируемой работы, — описать динамику публичного дискурса западных стран по поводу культурной гетерогенности, обусловленной миграционными процессами» (с. 9). И хотя в качестве цели вынесен дискурс западных стран, едва ли не половина текста книги посвящена России. Думается, это не случайно. Во-первых, несмотря на свойственное академической традиции стремление к нейтральности, наиболее остро воспринимаются вопросы, связанные так или иначе с экзистенцией, которую автору видно из окна. Во-вторых, несмотря на гигантские сдвиги в мировой расстановке сил, происходящие на наших глазах, именно Запад продолжает быть местом, где формируется общий взгляд на реальность, контекст осмысления. И, наконец, в-третьих, многие процессы, выделенные и описанные автором, ярче и нагляднее проявляют себя именно в России.

Владимир Малахов стремится осмыслить странный кульбит, произошедший за период от послевоенных десятилетий до наших дней в рамках политического дискурса о культурных различиях. За это время дискурс гомогенности, одухотворяющий нацистроительство в Европе, сменяется «эпохой мультикультурализма» и вновь возвращается на исходные позиции. С чем связана эта динамика? Что она дает нам для осмысления современных реалий? Какие глубинные процессы, протекающие в мире, она отражает? Насколько совпадает/различается дискурс современных элит о различии и дискурс мультикультурализма предшествующего периода? Кто выступает агентами этих дискурсов? Ответить на эти вопросы и предполагает книга «Политика различий».

Многочисленность вопросов и вызывает ощущение некоторой рыхлости композиции книги: она составлена из статей, описывающих разные исследовательские объекты. Их объединение происходит по принципу авантюрно-бытового романа — за счет главных героев, которые так или иначе всплывают в каждом из фрагментов (статей). Герои эти — мигранты и всевозможные Другие (культурные, этнические и социальные меньшинства), появившиеся в публичном пространстве, ставшие наиболее явным знаком новой реальности. «Героем» книги оказывается и дискурс о мигрантах, сложившийся в предшествующие десятилетия и стремительно меняющийся на наших глазах. Но это, так сказать, герои явные, видимые с первых страниц. Как и Большой бизнес, Большая бюрократия и интеллектуальный истеблишмент, которые создают этот дискурс, поддерживают его. Но есть герой неявный. Этого героя читателю нужно *найти* в тексте. Он упоминается, он угадывается. Это — современное общество, сложное, упорно не желающее видеть в себе то, что оно представляет, заслоняющееся дискурсивным рядом от необходимости взглянуть в себя.

Стоит отметить, что книга Владимира Малахова специфична и в отношении адресата, и в отношении авторской позиции («наблюдателя»). Он достаточно явно стремится выйти из «цеха», обозначает отличие своей точки наблюдения

и от традиционного марксизма (хотя во многом его текст отсылает к марксизму), и от институционализма, и от иных, популярных в недавнем прошлом способов описания мира, говорения о нем. Вместе с тем это и не модное в последние годы обращение «к улице», людям, не искушенным в интеллектуальных играх, не публицистика. Автор «Политики различий» апеллирует к говорящему классу, к властителям дискурса.

Автор упорно стремится *проникнуть за дискурс*, увидеть те силы, которые этот дискурс порождают, причины, которые заставляют его трансформироваться. Так, в формировании дискурса мультикультурализма (именно дискурса, а не новых оснований политической организации, которая, по мнению автора, так и не возникла) он видит тотальное недоверие к государству, возникшее после Второй мировой войны, действия Большой бюрократии и Большого бизнеса. Для последних притягательность мультикультурализма была связана с возможностью неограниченного ввоза иностранной рабочей силы, для бюрократии — с переструктурированием общества, изменением роли самих административных структур. Бенефициарами мультикультурализма оказываются и лидеры этнических групп, получающих уникальный шанс вхождения в местный политический слой. В той же, если не большей степени бенефициарами мультикультурализма выступают культурные меньшинства, присутствующие на территории изначально, но теперь получившие доступ в публичное пространство.

Как убедительно демонстрирует автор, мультикультурализм, хотя на уровне управления он почти не проявился, в отдельных регионах имел разный смысл, был связан с разными явлениями. Именно потому наиболее ярко он воплощается не в тех или иных новациях управления, но в дискурсе. Он не столько изменяет общество, сколько выступает новой формой говорения об обществе. В России же, где в силу особых обстоятельств ее истории, специфики территории и населения то, что на Западе называют мультикультурализмом (идеей, стремлением), было данностью. С этой данностью в разные периоды боролись (русификация в период поздней Российской империи) или поддерживали («национальное по форме и социалистическое по содержанию»). Но она была. Эта специфика и предопределяет особенность современного российского дискурса о миграции. Он во многом «западный», во всяком случае, именно оттуда заимствуются базовые концепты, однако их взаимосвязи, а порой и просто смысл несколько иной.

Поворот от мультикультурализма к традиционализму, по мнению автора, связан со случайным (или не вполне случайным) совпадением смены кейнсианских элит элитами неолиберальными, проповедующими удаление государства из экономики, сворачивание структур «*всеобщего благоденствия*». Последнее сказалось на возрастании неравенства, снижении уровня жизни значительной части населения. Формой критики неолиберальных элит и выступает консервативный дискурс, дискурс о традиционных ценностях, солидарности и т. д. Под ее ударом оказывается не столько Большая бюрократия, сколько бенефициары мультикультурализма («группы»), противостоящие идее традиционной нации.

Борьба с «группификацией» (превращением общества в группы с особой культурой) со стороны Большой бюрократии ведется не столько в направлении формирования больших общностей, отсылающих к марксистским классам, сколько в духе неолиберализма и в форме индивидуализации каждого агента, защите его уникальной идентичности. Борьба с видимыми и фиксируемыми внешним взглядом различиями не препятствует постоянному производству новых различий, возникновению политики, противостоящей и мультикультурализму и традиционализму.

Раздел, посвященный становлению политики различий, их производству, пожалуй, наиболее «марксистский». По мнению Малахова, невозможность в полном объеме воспроизвести практики ассимиляционизма, построить гомогенное общество-нацию, приводит к формированию дискурса различий, разрушающего значительную часть не только больших сообществ, но и сообществ вообще. Подобной атомизации и противостоит дискурс правого популизма (традиционализма). Но, как считает автор, обращаясь к реальным проблемам, носители этого дискурса направляют свой огонь не на то, что воспроизводит неравенство, а на тех, кто олицетворяет в их глазах политику различия. Это не значит, что различия не значимы. Это значит, что критика традиционализма оказывается направлена не на глубинное основание (неравенство), а на его видимые проявления, на симптомы (антирасизм, феминизм и т. д.), а не на болезнь.

На первый взгляд смещение фокуса автора со специфики формирования господствующего дискурса на Западе несколько искусственно. На самом деле, логика здесь есть. Процессы, протекающие в России, неразрывно связаны с общемировыми, последние формируют рамку, позволяющую их осмыслить. Да, и процессы нациестроительства (хотя, как показано в книге, это название в отношении России не вполне корректно), и само социальное пространство России существенно отличаются от того, что описывалось в предшествующих частях работы. Если для Запада угрозой (часто мифической) выступает размывание национального ядра, разрушение нации, то для России с ее изначальным «мультикультурализмом» сам процесс нациестроительства оказывается проблемой, решение которой совершенно не очевидно.

Есть в авторских построениях и еще один, не столь явный, но, как представляется, более значимый момент. Именно в постсоветской России обозначенные выше процессы, в силу известной двойственности, незавершенности дискурсов, протекают наиболее зримо, именно здесь обнаруживается противоречие между дискурсом и тем, что стоит за ним. Как раз на российском материале автору удается показать, что за «этническими» отношениями всегда обнаруживаются отношения между людьми, причем часто отнюдь не этнически окрашенные. Показывает он и то, как происходит натурализация представлений о «нациях», как некоторых гомогенных игроках, расположенных в закрытых «контейнерах» национальных государств. Пожалуй, самым интересным, по крайней мере, для рецензентов, является часть, связанная с особенностями миграции, точнее, трансмиграции в России.

Безусловно, крайне интересны и остальные разделы. Каждый из них посвящен какой-то вполне конкретной сфере, где за дискурсом, стремящимся обозначить некие большие группы («мусульмане», «гастарбайтеры», «таджики», «киргизы», «мигранты»), скрывается множество самых разных отношений. Причем далеко не всегда это отношения между «мигрантами» и «принимающим сообществом» (автохтонами и аллохтонами) как некими оформленными и противостоящими друг другу группами, но, как показывает автор, гораздо чаще мы имеем дело с отношениями между людьми, сталкивающимися с неравенством, эксклюзией безотносительно к тому, местные они или приезжие.

Общественное знание сегодня должно выстроить новые модели понимания, создать новые инструменты анализа. Это — фундаментальная задача эпохи. Но для того чтобы их создать, необходима не менее фундаментальная деконструкция наличного знания, наличного дискурса. Подобная деконструкция и предпринимается в книге Владимира Малахова. В этом, хотя и не только в этом, ее ценность для читателя.

Penetrate Beyond the Discourse

Book review: Malahov V. (2023) *The politics of differences. Cultural pluralism and identity*. Moscow: NLO — 288 p. ISBN 978-5-4448-2182-4

Leonid E. Bliakher

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific State University

Address: Tikhookeanskaya str., 136, Khabarovsk, 680053 Russian Federation

E-mail: leonid743342@mail.ru

Konstantin V. Grigorichev

Dr. Sc. (Sociology). Vice-Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University

Address: Karl Marx str., 1, Irkutsk, 664003 Russian Federation

E-mail: grigoritchev@yandex.ru.

Разумная достаточность, или Как избежать ошибки коллекционера

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Фёдоров В. В. (2023). УМА ПАЛАТА. М.: ВЦИОМ. — 300 с.
ISBN 978-5-906345-45-5

Степан Львов

Кандидат социологических наук, директор по стратегическому развитию,
Всероссийский центр изучения общественного мнения
Адрес: ул. Пречистенка, д. 38, Москва, 119034 Российская Федерация
E-mail: lvov@wciom.com

Наиболее известный в литературе сборник рецензий, это, пожалуй, «Абсолютная пустота» Станислава Лема, вышедший в 1971 году¹. Классик мировой научной фантастики написал псевдо рецензии на несуществующие книги, чтобы показать миру тщету современной культуры в попытках создавать разумные вещи и ее преуспевание в производстве абсурда и трюизмов. Троллинг высочайшего уровня удался Лему также и потому, что он прибег к «выборочному» (если кто-то скажет — к «выморочному», тоже будет прав) методу: «систематичность педанта или шутника», как определил главное свойство сборника сам автор, обеспечили 16 «рецензий» на «произведения» разных авторов, разного стиля, на разные темы... Это количество он посчитал достаточным для того, чтобы обеспечить «репрезентативность» пустоты.

В отличие от Лема и его «пустоты», репрезентация (признаем, условная) содержательного и актуального знания о современном мире, обществе и человеке потребовала от Валерия Фёдорова коллекции на порядок более многочисленной.

Осведомленность о существовании теорий, концепций и прикладных исследований порождает ложную уверенность в том, что мы включены в научный дискурс. Распространенное с 1970-х в ученом мире ксерокопирование материалов для научной «коллекции» — этот феномен в красках описал Умберто Эко² — стал причиной возникновения так называемой «ошибки коллекционера». Копируя статьи из журналов, сохраняя в «избранном» по ходу интернет-сёрфинга все, что показалось интересным, или покупая книги, рассчитывая прочитать их в будущем, мы создаем иллюзию нашего погружения в научные контексты. Природные мастера нейминга необычных явлений японцы даже присвоили феномену покупки книг «впрок» звонкое название «цундоку» — причудливый микс из словосочета-

1. Лем С. (2003) Абсолютная пустота / Пер. с пол. Е. Вайсброта и др. М.: Изд-во АСТ: Астрель.

2. Эко У. (2003). Как написать дипломную работу / Пер. с ит. Е. Костюкович. М.: Книжный дом «Университет». С. 146.

ний «оставь эту кучу на будущее и забудь про нее» и «чтение книг»³. Последователи Никласа Лумана (не в области социологии, а в практике применения техники Zettelkasten) придумали целую технологию борьбы с этим явлением — считать полезной для себя только ту информацию, которую вы сопоставили с собственным опытом и знаниями⁴. Проще говоря — конспектировать и комментировать все, что оказалось достойным вашего внимания, вместо того чтобы «добавлять в избранное». Очевидно, этим принципом и руководствовался автор рецензируемого сборника.

В виде сборника конспектов «Ума палата» гуманитарное научное и экспертное сообщество получило неожиданный, провокативный и качественный продукт, претендующий на то, чтобы называться вестником возрождения научного рефлексирования. Почему такой аванс может быть ему выдан? Тому есть три явные причины.

Причина первая: коллекция сложилась не стихийно. Автор, будучи экспертом в области исследований и управления в социально-политической сфере, выбирал книги для чтения и «обезвреживания» (так шутливо называл великий читатель У. Эко процесс вдумчивого конспектирования), по принципу «целевой выборки». В основе этой выборки — принцип прагматизма: максимальной полезности для понимания актуальных социальных и политических процессов. Она предназначена читателю, ориентированному не на созерцание, а на активное изучение, влияние и изменение.

Рефлексируя над «каталогом коллекции» Федорова, невозможно избавиться от мысли о том, что здесь по большому счету просматривается некоторый курс, требующий своего описания и именования. Конечно же, 99% читателей сборника будут не согласны — некоторые даже активно не согласны — с этим списком. Но это выбор самого Валерия, обусловленный, очевидно, приверженностью определенным авторам, практической актуальностью, теоретическими приоритетами, реже — спонтанностью (например, взял почитать книжку в командировку, а она оказалась достойной рецензирования).

Я бы очертил следующие границы интереса автора и расставил тематические приоритеты сборника в таком порядке:

- Экономическая и политическая история и прогнозирование, в т.ч. историческая социология: прошлое и будущее человечества.
- Глобализация и все, что ей противодействует в новом «хаотическом» мире.
- Институты и государство — их судьба в современном мире.
- Исследования культуры, в том числе — «цифровой», прежде всего ее воздействия на массы, но не вопросы ее формирования.

3. Brooks K. (2017). There's A Japanese Word For People Who Buy More Books Than They Can Actually Read // URL: https://www.huffpost.com/entry/theres-a-japanese-word-for-people-who-buy-more-books-than-they-can-actually-read_n_58f79b7ae4b029063d364226 (дата доступа: 20.11.2023)

4. См.: Niklas Luhmann-Archiv // URL: <https://niklas-luhmann-archiv.de/bestand/zettelkasten/suche> (дата доступа: 20.11.2023)

- Идеалы и ценности в современном обществе и их проблемы, включая вопросы идентичности.
- Благополучие и общественное счастье.
- Вопросы теории и методологии социологии и исследований общественного мнения.
- Другие темы, менее распространенные, но не менее важные.

Итак, представленный дискурс обширен и демонстрирует достаточно глубокий интерес к пониманию современных общественных и политических тенденций в мировом контексте. Так или иначе, не произнося этих слов, Федоров подталкивает читателя, и — что важнее — показывает, как в современной гуманитарной науке реализуется принцип междисциплинарности. Если она целиком и полностью зависит от критического подхода к синтезу концепций, то прежде всего каждый источник должен пройти критическую проработку ученым, который собирается синтезировать такое знание.

Большая часть книг из коллекции принадлежит сфере макрополитики и макросоциологии. Здесь нет упрека автору сборника — просто книг о процессах на мезо- и микроуровне пишут мало — в основном это статьи. Впрочем, соотношение зарубежных и отечественных книг также явно не в пользу последних: из почти полутора сотен «экспонатов коллекции» перу российских авторов принадлежат только 28. Говорит ли это о том, что зарубежные теории и концепции оказывают на российских исследователей-гуманитариев в пять раз более сильное влияние? Надеюсь, иронию в этом вопросе вы поняли правильно, но гипотезу эту стоит проверить.

Вторая причина состоит в том, что выбран наиболее объективный из возможных способ обработки текстов. Основной метод, примененный автором, — это классическое монографическое реферирование⁵: первоисточники не «смешиваются» с другими трудами на эту же тему или другими работами этого автора; референт не стремится к широкому обзору и дискуссии с автором — хотя, полагаю, такой соблазн периодически у него возникал; и в то же время рецензии не сводятся к примитивному пересказу идей из книг — установка автора на «перенос» знания, а не информации в текстах соблюдается неукоснительно в каждом конспекте. Это обеспечивает максимальное соответствие «снимка» оригиналу, бережное отношение к авторской позиции. На страницах сборника вы не найдете критики или приглашения к дискуссии, зато читатель может быть уверен в том, что идеи авторов не искажены — а часто и поданы в более понятном для читателя виде.

Главным источником научной информации для ученых второй половины XX века были реферативные журналы. Многие коллеги среднего и старшего поколения были подписчиками или регулярными читателями «инионовских»

5. См. ГОСТ Р 7.0.99-2018 (ИСО 214:1976) Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования / URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200160041?section=text> (дата доступа: 20.11.2023)

реферативных журналов. Это позволяло иметь хоть какой-то доступ к зарубежным публикациям, быть в курсе актуальных научных трендов в условиях дефицита переводной литературы и сильно ограниченного доступа к иноязычным материалам. Соотносясь с концепциями из реферативных журналов, исследователи формировали свою научную программу, обосновывали ее актуальность.

Несмотря на гигантские усилия по мотивированию ученых к участию в создании «глобального источника научных знаний», прежде всего через наукометрию, научно-информационное обслуживание исследователей сегодня переживает кризис. И в чем он проявляется?

1. Информационное обслуживание науки построено на принципах поисковых систем, подчиненных идеологии Web 2.0, ориентированной по большому счету на обывательский или полупрофессиональный запрос. Поисковики выдают то, что популярно у «невключенной» публики, просто потому, что ее физически больше, тогда как ученым важны уникальность, глубина и достоверность искомой информации. Интернет готов «на хороший вопрос ответить мычанием» — с удовольствием выдаст результат, например, многократно сданный преподавателям в начале нулевых, до эпохи «Антиплагиата», реферат студента-троечника.

2. Научные базы с высокой гарантией способны выдать релевантный и валидный результат, но он не всегда может быть полезен, так как состоит в основном из метаинформации о научных текстах (потому они и называются системами индексирования). А дальше все зависит от наличия у ученого доступа к полнотекстовым базам. И ограничения — от финансовых до санкционных — вам должны быть хорошо известны.

3. На замену информационному дефициту пришла информационная избыточность — культуры борьбы с информационным шумом в среде ученых еще не сформировалось — выделить научные открытия, глубокие и систематизированные результаты от «проходных» становится все труднее.

4. О проблемах комплектования библиотек, удорожании книг, непрозрачной политике издательств и санкциях со стороны западных издательств также хорошо известно.

Ожидается, что в ближайшем будущем значительную часть информационного обеспечения науки возьмет на себя искусственный интеллект, с его доказанной способностью обрабатывать большие объемы данных и выявлять закономерности. Обещают, что машинно-обученные алгоритмы могут помочь автоматизировать поиск, анализ, обработку и агрегацию научной информации, что позволит исследователям сосредоточиться на более глубоком анализе и интерпретации результатов. И мечта некоторых ученых, связанная с тем, что ИИ будет способен помочь в выявлении новых закономерностей и тенденций, формулировке новых научных гипотез, также начнет сбываться.

Но, с другой стороны, это в свою очередь вызовет проблемы с интеллектуальной собственностью, которые как-то и кому-то придется решать. И риск того, что ученым порой придется ходить по кругу, точнее — по указанным ИИ ложным маршрутам научного поиска, достаточно велик.

Причина вышеперечисленных проблем и неспособности ИИ (по крайней мере, в обозримом будущем) решить ключевые проблемы информационного обеспечения науки, на мой взгляд, проста и очевидна — это постепенный отход (нельзя сказать, что случился полный отказ, но и мода точно прошла) от практики реферирования научных изданий. В какой-то мере сохраняется интерес к публикации рецензий в научных журналах, но этот процесс складывается абсолютно стихийно: не все, что достойно внимания, рецензируется, а то, что может быть не так интересно ученым как потребителям профессиональной информации, на страницах уважаемых журналов появляется.

Ученое и экспертное сообщество преждевременно решило, что реферативные журналы, появившиеся на заре Нового времени и приобретшие свои современные формы в начале прошлого века, безнадежно устарели. В условиях широкого распространения Интернета, огромного количества научных баз данных и электронных коммуникаций, такое средство распространения информации о новых научных достижениях, как научное реферирование, требующее высокой квалификации и времени референта, казалось бы, теряет свою актуальность, по меньшей мере в своем нынешнем виде. Но вот в 2023 году появляется это необычное издание, которому, на наш взгляд, уготована судьба с каждым читателем пройти все пять стадий принятия неизбежного.

Итак, третья причина состоит в том, что сборник ломает стереотипы о чтении: что оно может быть либо «для души», либо по потребности, возникшей «в моменте». Федоров показывает, что коллекционировать следует с прицелом на использование знания в будущем. И важный момент — отношение к знанию должно быть идеологически и теоретически нейтральным.

Есть ли у Валерия Федорова авторы-любимцы? Если считать по количеству книг одного автора, то кажется, что определенные предпочтения у него все-таки имеются. Но это только на первый взгляд. Неспроста в коллекцию попали по четыре книги таких разных по взглядам авторов, как выдающийся левый мыслитель Иммануил Валлерстайн и главный идеологический противник СССР и России Збигнев Бжезинский. Глобальные миросистемы и американская гегемония; прогнозы, основанные на глубокой аналитике и решения, предполагающие агрессивное действие, — что может быть между ними общего? Но Федорову удалось создать мозаику, в которой каждый элемент имеет ценность, поскольку за каждой теорией или концепцией, или даже призывами, как у Бжезинского, стоит огромный интеллектуальный труд, который требует уважительного анализа.

Вторая лига «любимцев» — исследователи, каждый из которых представлен тремя книгами. Это безусловные «звезды» западного интеллектуального небо-

склона. Думаю, без намерения со стороны автора рецензий получилось, что каждый из них ассоциируется с определенным десятилетием: 1980-е — Сэмюэл Хантингтон, 1990-е — Зигмунт Бауман, 2000-е — Джон Урри, 2010-е — Ричард Лахман. В этом почетном списке оказался и наш соотечественник — питерский социолог Дмитрий Иванов, разрабатывающий темы общества потребления и новых форм капитализма.

На самом деле наличие такого списка говорит только о том, что есть ученые, которым для изложения своей концепции потребовалось больше одной книги, или их взгляды эволюционировали. А автору сборника рецензий потребовалось изучить несколько книг для того, чтобы разобраться в их концепциях.

Идеологическое, теоретическое и методологическое многообразие и фактическое (но о котором в книге не сказано ни полслова) противопоставление авторов только усиливает эффект невысказанного, но при этом сильного месседжа о разнообразии как необходимом качестве любой жизнеспособной системы, под которой в данном случае следует понимать гуманитарное знание в целом. И, как иногда случается, синергетический эффект превосходит сумму элементов. В итоге мы получили не только полторы сотни конспектов (точнее — 142) знаковых (по нерасшифрованным, но вполне угадываемым критериям Федорова) текстов, но и один более крупный артефакт, который можно было бы назвать «корпусом актуального социального знания».

«Ума палата» убедительно показывает, что конспектирование — первый и основной этап в преодолении «ошибки коллекционера». Некоторым читателям не будет хватать авторской позиции: в жанре рецензии, например, такого дефицита не существует. Так и мне на определенном этапе хотелось понять, как то или иное знание вплетено в ткань научного дискурса; почему автор эволюционировал именно так, а не иначе; как это знание может трансформироваться в исследовательские программы... Мультипликативный эффект от прочтения последует позже — после того, как вы прочтете хотя бы пару десятков представленных рефератов.

Сборник «Ума палата» вполне технологически солиден, тематически многообразен и литературно безупречен, чтобы не выглядеть «гласом вопиющего в пустыне» о необходимости вернуть почти забытое умение реферировать научные тексты. Прочтение книги вызовет у вас ощущение того, что автор бросает вызов, или, говоря современным сленгом, «запускает челлендж». Если жанр найдет поддержку (почему бы и не вами в том числе), вне зависимости от того, где будут размещаться конспекты/рецензии/рефераты (как видим — и формат может быть разнообразным, не только тем, который избран Федоровым), то будет накапливаться весьма полезный корпус знаний о том, как устроен научный дискурс с возможностью в нем быстро сориентироваться.

И точно не стоит беспокоиться о том, что, прочитав «Ума палату», вы подпадете под шаблонирующее влияние и станете «думать, как Федоров» — он не покушается ни на чей интеллектуальный суверенитет. Но ваши «подразумеваемые»

знания станут заметно шире: и это точно будут знания — пусть упакованные и форматированные — но более полезные, чем осведомленность о содержании папки «избранное» вашего браузера или полка непрочитанных книг в вашей домашней библиотеке.

Reasonable Sufficiency, or How to Avoid Collector's Fallacy

Book review: Fedorov V.V. (2023) *Full of Thoughts*, Moscow: VCIOM. — P. 300. ISBN: 978-5-906345-45-5.
In Russian

Stepan Lvov

Candidate of Sociological Sciences, Director of Strategic Development,
Russian Center of Public Opinion Research
Address: Prechistenka str., 38, Moscow, 119034 Russian Federation
E-mail: lvov@wciom.com